Статуя Карла Великого в церкви Св. Иоанна (Мюстайр).
Heer F. Charlemagne and his World.
L., 1985. P. 150

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А.М. ГОРЬКОГО

Памятники средневековой латинской литературы

*

VIII–IX *века*

Ответственный редактор
М.Л. ГАСПАРОВ

МОСКВА НАУКА 2006

УДК 821.124
ББК 84(4Лат)
П15

Рецензенты:
кандидат филологических наук А.С. БАЛАХОВСКАЯ
кандидат филологических наук Ю.В. ИВАНОВА

Памятники средневековой латинской литературы. VIII–IX века / Отв. ред. М.Л. Гаспаров ; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН. – М. : Наука, 2006. – 480 с. – ISBN 5-02-033919-9 (в пер.).

Антология «Памятники средневековой латинской литературы. VIII–IX века» включает в себя как ранее публиковавшиеся, так и новые переводы поэтических и прозаических текстов. В издании предпринята попытка не только проследить развитие наиболее распространенных литературных жанров средних веков – жития, проповеди, послания, философского трактата, историографического жанра – на протяжении VIII–IX вв., но и показать, как в творчестве каждого из авторов представлены разные литературные жанры, как один и тот же автор проявил себя в поэзии и прозе.

Для специалистов в области истории, литературоведения, культурологии, истории Церкви, богословия, а также для всех, кто интересуется средневековой литературой.

По сети «Академкниги»

Научное издание

Памятники средневековой латинской литературы.
VIII–IX века

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького

Зав. редакцией *Е.Ю. Жолудь*. Редактор *М.Л. Береснева*
Художник *В.Ю. Яковлев*. Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *О.В. Аредова*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая, Е.А. Желнова*

Подписано к печати 09.11.2005. Формат 70 × 90 1/16. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 35,1 + 1,2 вкл. Усл.кр.-отт. 40,3. Уч.-изд.л. 36,2. Тираж 560 экз. Тип. зак. 2375

Издательство "Наука". 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru www.naukaran.ru

ППП "Типография "Наука" 121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-033919-9

Каролингское Возрождение VIII–IX веков

*

«Каролингское Возрождение» – это понятие принадлежит к числу самых спорных в истории европейской литературы. В какой мере возможно говорить о «возрождении» применительно к литературным явлениям VIII–IX вв. и какое содержание следует вкладывать в этот термин, – об этом до сих пор нет единогласия.

Слово «Возрождение», как известно, впервые появилось и прочнее всего закрепилось в науке применительно к итальянскому (и, шире, общеевропейскому) культурному движению XV–XVI вв. Поэтому ответ на вопрос, можно ли тем же словом называть и культурное движение времен Карла Великого и его преемников, зависит от того, что мы будем считать главной чертой Возрождения XV–XVI вв. Если считать, что главное в Возрождении – это светский антицерковный дух или что главное – это обращение за образцами к «классической» эпохе античности, к демосфеновским Афинам и цицероновскому Риму, – тогда, конечно, о «Каролингском Возрождении» говорить невозможно: «дух» латинской культуры Каролингской эпохи оставался религиозным, церковным во всех своих основаниях, образцом же и идеалом для нее служили не республики цветущей античности, а христианская империя Константина. Однако легко заметить, что в самом слове, в самом термине «Возрождение» никаких указаний ни на антицерковный дух, ни на «классичность» образцов не содержится. «Возрождение» означает просто резкий культурный подъем после долгого (относительно) культурного упадка, подъем, при котором культура обращается в поисках образцов не к непосредственно предшествующей эпохе, а через ее голову к более отдаленным. Именно в таком расширительном смысле термин «Возрождение» употребляется современной наукой, когда она говорит о «китайском Возрождении», «мусульманском Возрождении» и пр. В таком расширительном смысле этот термин с полным правом применим и к средневековой латинской литературе конца VIII – X в.

Действительно, мы видели, в каком глубоком культурном упадке находилась Европа – особенно Центральная Европа – в VII–VIII вв. Ярче всего говорит об этом тот факт, что за полтора столетия Италия и Галлия, две са-

мые богатые и развитые области Европы, не произвели ни одного писателя – ни прозаика, ни поэта. Культурные очаги теплились только на окраинах Европы – в Испании, Ирландии, Англии, лишенные всякой связи друг с другом, то слабо вспыхивая, то надолго замирая. Для наступления нового культурного подъема прежде всего необходимо было воссоединить скудные остатки античной и христианской культуры в общем центре. Этим центром стала франкская держава Каролингов, прежде всего двор Карла Великого. Далее необходимо было, чтобы эта ученая, книжная культура вступила во взаимодействие с народной германской и романской культурой, обогатила их и обогатилась ими. Эта встреча и взаимопроникновение двух культур произошли в монастырях и монастырских школах, рассеявшихся по владениям преемников Карла Великого. И, наконец, после того как росток древней культуры был привит к крепкому стволу новой культуры, можно было со временем ожидать первых плодов. Это время наступило в X в., в пору правления немецких Оттонов, и с этих пор культурное развитие Европы более не прерывалось: переход от X к XI в., от XI к XII в. и т.д. плавен, постепенен и ни разу не прерывается ни такими долгими культурными застоями, как между VI и концом VIII в., ни даже такими краткими, как между концом IX и X в.

Таковы три этапа культурного возрождения Европы по миновании «темных веков»: время Карла Великого, время Каролингов, время Оттонов. Каждый из этих этапов обладает своими особенностями и требует отдельного рассмотрения.

1

Предпосылкой культурного воссоединения Европы было политическое воссоединение Европы франкскими королями. Укрепление и расширение франкской державы в VIII в. было ответом западноевропейской романо-германской цивилизации на двойной натиск – арабов с юга, из-за Пиренеев, славян и аваров с востока, из-за Эльбы и Дуная. В этой борьбе на два фронта романо-германская Европа впервые сплотилась вокруг нового для нее центра – не средиземноморского, как раньше, а континентального, лежащего на северно-европейской равнине, где было ядро государства франков. Войско деда Карла Великого, Карла Мартела (у власти в 714–741 гг.), отразило в семидневной битве 732 г. при Пуатье нашествие арабов. Отец Карла Великого, Пипин Короткий (у власти в 741–768 гг., король с 754 г.), поддерживая деятельность Бонифация, готовился к наступлению на восток и обеспечивал себе союз с папским престолом. Наконец, сам Карл Великий (768–814 гг.) предпринял наступление по всем границам, присоединил к франкскому королевству Италию и Баварию, покорил Саксонию, разбил аваров, отодвинул испанскую границу до Эбро, увеличив территорию Франкской державы почти вдвое и объединив в ней, по существу, всю хрис-

тианскую Европу, кроме лишь Англии и Астурии. Это воссоединение западного христианства было торжественно санкционировано папским престолом, когда на Рождество 800 г., накануне нового века, папа Лев III в Риме возложил на Карла Великого императорскую корону.

Карл Великий унаследовал от Карла Мартела отлично действующую систему военной организации, а от Пипина Короткого – систему духовной организации франкского общества. Ему оставалось только совершенствовать эту государственную машину и пользоваться ею, чтобы придать возможное единство своей разношерстной державе. Карл воевал всю жизнь, но мирные дела всегда были ему по сердцу и его указы-капитулярии обнаруживают в нем деятельного и рачительного хозяина своего государства. Единство державы он, по-видимому, понимал так, как только и можно было понимать в ту пору натурального хозяйства, – как совокупность сельских областей, экономически замкнутых, живущих местными законами и обычаями, а политически объединенных, во-первых, усилиями императорских графов-наместников и разъездных ревизоров, а во-вторых, сетью приходов, епископств и архиепископств. Из этих двух опор государственного единства и благосостояния для Карла Великого, бесспорно, была важнее вторая – церковь. Только духовенство было грамотно, хранило кое-какие навыки управления, хозяйствования и суда; только духовенство в пору местной раздробленности и замкнутости поддерживало постоянную, хотя и слабую, связь между епископскими кафедрами, архиепископскими митрополиями и папским Римом; только духовенство могло свободно пополнять свои ряды самыми способными людьми из самых широких народных масс – очень многие даже среди высших церковных деятелей были выходцами из низов, для которых светская карьера выше их сословия была бы немыслима. Кадры церковной администрации были в распоряжении Карла готовыми, кадры светской администрации еще необходимо было создать. Карл должен был приложить все усилия, чтобы как можно плодотворнее использовать первые и как можно скорее воспитать вторые. Этим определилось направление его культурной политики.

Для того чтобы церковь могла играть свою роль объединяющей силы в разноплеменной империи, нужно было, чтобы ее средства и действия во всех концах державы были едины. Карл организует при дворе комиссию, чтобы очистить канонический текст Библии от накопившихся при переписке ошибок и распространить его по всей стране; довершает реформу местных литургических обрядов по единому римскому образцу, начатую еще Пипином Коротким; выписывает из Рима авторитетный текст устава св. Бенедикта для реорганизации всех монастырей; заказывает Павлу Диакону образцовый гомилиарий – сборник проповедей на все дни, откуда могли бы черпать все священники. Но мало было обеспечить церковь книгами – нужно было обеспечить церковь людьми, способными пользоваться этими книгами. Отсюда забота Карла о просвещении духовенства. Наиболее известный акт

этой заботы – так называемый «капитулярий о науках» (около 787 г.), предписывавший при каждом монастыре и при каждой епископской кафедре открывать школы для всех, кто способен учиться («...как соблюдение монастырских уставов хранит чистоту нравов, так образование устрояет и украшает слова речи; поэтому те, кои стремятся угодить Богу праведной жизнью, пусть не пренебрегают угождать Ему также и правильной речью... ибо хотя лучше правильно поступать, чем правильно знать, но сначала нужно знать, а потом поступать»). Это означало, что обучение молодых монахов и клириков переставало быть одной из тысячи забот хлопотливого епископа или аббата и становилось заботой специального учителя, который мог образовать учеников больше и лучше. Сеть таких школ быстро раскинулась по всем епархиям франкской державы; были даже сделаны попытки привлечь в них мирян («чтобы каждый посылал детей своих в школу, которую дети должны прилежно посещать, пока они достойно не обучатся», – говорится в капитулярии 802 г.), но, конечно, это в значительной мере осталось благим пожеланием.

Центром этой сети школ и питомником той скороспелой культурной элиты, в которой так нуждалась франкская держава, была придворная школа в столице Карла – в Ахене. Придворная школа для детей короля и высших вельмож, будущих государственных сановников, существовала у франков и раньше, но при Меровингах она служила, главным образом, воспитанию воинских доблестей, – при Карле Великом она стала служить обучению латинскому языку, классикам, Библии и семи благородным наукам. Учителя здесь были лучшие ученые, съехавшиеся со всех концов христианской Европы к новому ее политическому и духовному средоточию, учениками были франки из лучших родов, предназначенные Карлом для политической карьеры. Здесь, на стыке двора и школы, среди ученых, учащихся, любителей и покровителей учености, и сложилось то своеобразное общество, за которым в науке закрепилось название «Академия Карла Великого». Это была как бы сразу академия наук, министерство просвещения и дружеский кружок: здесь обсуждались серьезные богословские вопросы, читались лекции, толковались авторы и устраивались пиры, где застольники сочиняли изысканные комплиментарные стихи и развлекались решением замысловатых вопросов и загадок. Членами ее были сам Карл с его многочисленным семейством, виднейшие духовные и светские сановники, учителя и лучшие ученики придворной школы. Каждый член Академии принимал античный или библейский псевдоним (это было полузабытой традицией галльских и британских ученых обществ – вспомним Вергилия Марона, грамматика из Тулузы). Карл звался Давид, его двоюродный брат Адельхард, аббат Корбийский – Августин, его дочери и придворные дамы – Луция, Евлалия, Математика, Алкуин был Флакк, Муадвин – Назон, Ангильберт – Гомер, Эйнхард – Веселиил, среди придворных имелись Неемия, Сульпиций, Тирсис и Тимофей.

Академия Карла Великого стала началом большого культурного движения; к ней сходятся нити всех традиций европейской латинской культуры почти за два столетия. Традиции передавались от учителей к ученикам, и развитие их может быть прослежено поколение за поколением.

У начала Каролингского Возрождения стоит поколение иноземных учителей – тех, кто принес во франкскую столицу остатки знаний, разметанные предшествующей эпохой по окраинам Европы: из Италии, Испании, Ирландии, Англии.

Италия была первой страной, завоеванной Карлом и поразившей его своей непривычной культурой. Уровень этой культуры не следует преувеличивать: школьное образование и здесь было в упадке, Рим (по гиперболическим выражениям поэтов) лежал в развалинах, а стихотворное послание, которое Карл получил от папы в 774 г., ужасало метрической безграмотностью. Но в итальянских монастырях пылились книги, и эти книги были необходимы для культурного дела Карла. За Альпы потянулись из Италии те рукописи, которым суждено было стать архетипами большинства латинских текстов, дошедших до нас: сперва богослужебные книги и учебники грамматики, потом сочинения отцов церкви, потом античные классики. А вслед за книгами направились на север и люди – те немногие, которые имели знания и чувствовали, что при франкском дворе эти знания нужнее, чем в Италии. Таких людей было трое: Петр, диакон Пизанский, грамматик, ставший первым возродителем научных занятий в придворной школе и посвятивший свой учебник грамматики самому Карлу Великому; Павлин, патриарх аквилейский, один из виднейших богословов своего поколения, первый советник Карла по вопросам церковной политики; и самый талантливый из них – Павел Диакон, бывший придворный учитель лангобардского короля, автор исторического учебника и искусных стихотворений, впоследствии прославившийся своей «Историей лангобардов». Их пребывание при франкском дворе продолжалось не более десяти лет: к началу 790-х годов они все уже вернулись в Италию: Павлин – в свою Аквилею, Павел Диакон – в Монтекассино, дряхлый Петр тоже в какой-то монастырь. Но результаты их деятельности были крайне важны: именно они заложили основу всего последующего культурного возрождения, и 780-е годы по праву считаются «итальянским периодом» в истории придворной Академии.

За «итальянским периодом» последовал «англосаксонский» – 790-е годы: новым главой придворной школы и придворной Академии стал англосакс Алкуин (впрочем, и с ним Карл Великий познакомился в Италии). На долю Алкуина выпало упорядочение и организация того образовательного материала, который накопился в придворной школе при итальянцах: Алкуину принадлежала выработка связной программы обучения в придворной школе (латынь – семь благородных наук – богословие), составление учебников по основным предметам (учебники эти не выходили из употребления несколько столетий), выработка методики преподавания. Алкуин был талант-

ливый педагог, среди его учебников можно даже легко различить те, которые написаны для начинающих, и те, которые предназначены для уже подготовленных учеников; а диалогическая форма его учебных трактатов представляется не только литературной условностью, но и отголоском подлинной классной практики. Образцом для его образовательной системы послужила, по-видимому, его родная Йоркская школа. Алкуин остался в памяти потомства центральной фигурой духовной жизни своего времени. «Он говорил, жил и писал в полную меру своего достоинства, а достоинством он превосходил всех, кроме разве что могущественнейших королей», – восторженно писал о нем столетие спустя Ноткер Заика.

Ирландия, третий культурный центр предшествующей эпохи, тоже внесла свой вклад в труды первого поколения Возрождения. Ирландия к концу VIII в. стала жертвой все усиливавшихся норманнских набегов; спасаясь от них, ирландские ученые вновь, как когда-то при Колумбане, потянулись на континент. Красочной легендой о том, как два ученых ирландца высадились на франкском берегу и обратились к народу с возгласом: «Кто хочет мудрости, пусть придет и возьмет ее у нас – мы ее держим на продажу!» – начинаются полусказочные санкт-галленские «Деяния Карла Великого». Ирландским эмигрантам обязано Каролингское Возрождение знакомством с элементами греческого языка, вкусом к изысканно-темному стилю и расширенными познаниями в географии и астрономии. Виднейшими фигурами этой ученой эмиграции были три человека: Дунгал, подписывавший свои стихотворные послания к Карлу «Ирландский изгнанник», дававший ему консультации по научным вопросам и в богословских спорах оперировавший цитатами не только из отцов церкви, но и из христианских поэтов; Клемент, сменивший (по-видимому) Алкуина во главе придворной школы и написавший грамматику, вытеснившую грамматику Петра Пизанского; Дикуйл, автор географического трактата, в котором к толковым сведениям о провинциях Римской империи были добавлены сведения об Ирландии, Фарерах и Исландии, где летние ночи так светлы, «что можно вшей собирать с рубашки». Жизнь ирландских эмигрантов была нелегка, всякий был готов посмеяться над их бездомностью и надменностью (например, Теодульф в «Послании королю»), а они отвечали соперникам попреками за невежество и дурной латинский стиль.

Наконец, готская Испания тоже дала Каролингскому Возрождению несколько видных представителей; но все они были не столько учеными и учителями, сколько практиками – администраторами, дипломатами, полемистами. Это лионский архиепископ Агобард, один из просвещеннейших людей своего времени, осуждавший поклонение иконам и обычай «суда Божьего», отрицавший ведовство и колдовство; это Клавдий, епископ Туринский, мечтавший возродить чистоту раннего христианства и ради этого начавший такое гонение на иконы, которое всколыхнуло на несколько лет всю франкскую церковь. Самым крупным и талантливым деятелем в этой плеяде был

орлеанский епископ Теодульф – администратор, дипломат, моралист и покровитель искусств; как кажется, он даже не был членом Академии (мы не знаем его академического прозвища), но он был поэтом, и притом одним из самых талантливых в своем поколении; его стихи больше, чем чьи-нибудь, позволяют нам заглянуть в жизнь двора и империи Карла.

Плоды деятельности этих разноплеменных культурных сил, собранных к ахенскому двору, явились скоро. Уже приблизительно к 800 г. на сцену выступает второе поколение Каролингского Возрождения – германские выученики иноземных учителей. Это те новые люди, на которых хотел опереться Карл в своей государственной политике; среди них – не только духовные, но и светские лица, не только люди неведомого происхождения, но и представители знатных родов, до того времени обычно обходившиеся без грамотности.

Таков Эйнхард, приближенный Карла, автор его жизнеописания, оставшегося лучшим для своего времени образцом владения латинским слогом. Таков Ангильберт, морганатический зять Карла, поэт, носивший в Академии прозвище Гомер. Таков Муадвин (или Модоин), ученик и друг Теодульфа, подражавший ему в пышном жанре стихотворных панегириков. Таков Амаларий Трирский, ученик Алкуина, ездивший от Карла послом в Константинополь, первый латинский богослов, занявшийся аллегорическим толкованием литургических обрядов. Таков Фридугис, другой ученик Алкуина, автор сочинения «О субстанции ничто и тьмы» – редкой для своего времени попытки упражнения мысли вне круга традиционных патристических вопросов. Таков Смарагд Сент-Михиельский, автор 15 книг комментария к грамматике Доната, единственный человек во франкском государстве, прямо побуждавший императора (Людовика Благочестивого, сына Карла) отменить в своих владениях рабство. Таковы, наконец, два «просветителя Германии» – Храбан Мавр, аббат Фульдский, и Гримальд, аббат Санкт-Галленский, трудами которых руководимые ими монастыри стали крупнейшими центрами латинской культуры за Рейном, в недавно лишь приобщенных к христианской цивилизации восточногерманских областях.

Именно Муадвину, поэту этого поколения, принадлежат программные строки, давшие ученым основание для термина «Каролингское Возрождение»:

К древним обычаям вновь возвращаются нравы людские:
Снова Рим золотой, обновясь, возродился для мира...

Это было выражением мысли, общей всем современникам: уже у Алкуина звучит она в таком виде: «Не новые ли Афины сотворились во франкской земле, только многажды блистательнейшие, ибо они, прославленные учительством Господа Христа, превосходят всю премудрость академических упражнений». Возрождение античной культуры на новой, христианской,

основе было общим идеалом современников Карла Великого: античные поэты должны были дать созидаемой литературе блеск формы, христианство должно было дать истинность содержания, сочетание того и другого было признаком, отличающим истинно культурного, «вежественного» мужа от презираемого им носителя «грубости» (rusticitas), причем под «грубостью» одинаково понималась и простодушная неграмотность германских мужиков, и изысканная «безнравственность» Вергилия и Овидия. Царство Божие на земле, объединенное Христовой верой и латинским языком, языком Церкви; во главе его – вселенский император, Карл-Давид, избранник Божий, в чьих руках и светская, и духовная власть; вокруг него – его сподвижники и певцы, утверждающие его власть и славу по всему латинскому миру франкским мечом, христианской мыслью и античным словом, – таков был идеал двора и Академии Карла.

Античные, языческие, и новые, христианские, элементы сочетались в этом идеале с удивительной простотой. Это объяснялось только тем низким культурным уровнем, с которого приходилось начинать Каролингскому Возрождению. «Возрождать» приходилось прежде всего те начатки знаний, которые были необходимыми и общими для какой бы то ни было латинской культуры, языческой или христианской, – владение языком, стилем, стихом, основы семи наук. Здесь и Библия, и Вергилий были одинаково необходимы и полезны. Но как только эта ступень была пройдена, противоречие между библейским и вергилианским духовным идеалом начало ощущаться и вселять смятение в души тех, кто дорос до этого. Уже об Алкуине его биограф сообщает: «В юности читал оный муж Господень книги древних философов и лживые россказни Вергилия, но после не хотел их ни сам читать, ни позволять ученикам своим, говоря: “Достаточно с вас Божественных поэтов, нет вам нужды пятнать себя сладострастным краснобайством Вергилиевой речи!”». А прошло лишь десять лет после смерти Алкуина, и разрыв между светской и духовной литературой стал повсеместным.

В 814 г. Карла Великого сменил на императорском престоле его сын, Людовик Благочестивый (814–840 гг.). Он не был бездарен, он не был обскурант, но он уже не опережал свою эпоху, как его отец, а шел в ногу с ней. То объединение духовной и светской власти, к которому стремился Карл Великий, было для него непосильно. Его правление было решающим шагом к децентрализации империи и сакрализации культуры. «Он так много заботился о возвышении церкви, что по праву должен быть назван не королем, а иереем», – говорит его биограф. Его духовным советником был Бенедикт Анианский, аквитанский гот, аскет, собственноручно пахавший и жавший, реформатор Бенедиктинского устава, увеличивший для монахов занятия физическим трудом и уменьшивший занятия трудом умственным. По приходе к власти Людовик первым делом положил конец светскому духу и привольной жизни ахенского двора, распорядившись выслать всех любовниц своего отца и любовников своих сестер. Придворная Академия быстро захирела:

Алкуин и Ангильберт были в могиле, Теодульф – в изгнании, Эйнхард удалился в германский монастырь. Монастырским школам было предписано не принимать учеников из мирян, а обучать только послушников, готовящихся в монахи. Вергилианский идеал был резко отстранен от идеалов Библии и отцов церкви.

Конечно, светские традиции предшествующего периода пресеклись не сразу. При сыне Людовика, Пипине Аквитанском, жил и писал о войнах и победах талантливый поэт Эрмольд Нигелл, многим предвещающий французский героический эпос; но и он, по-видимому, умер в изгнании. При самом дворе Людовика покровительницей наук и искусств выступала его вторая жена, императрица Юдифь, мать принца Карла (будущего Карла Лысого). Воспитателем принца был приглашен Валахфрид Страбон, лучший поэт своего поколения, в изысканных эклогах прославлявший своих высоких покровителей по лучшим традициям панегирической поэзии времен Карла Великого; но тот же Валахфрид Страбон писал стихи на случаи монастырской жизни, перелагал в стихи загробное видение, пользовался большим авторитетом как богослов – это был писатель на стыке двух эпох, придворной культуры и монастырской культуры. Каролингский двор переставал быть культурным центром – латинская культура опять уходила в монастыри.

Центральная фигура этого времени, знаменующая своей деятельностью это начало новой полосы в культурной истории Европы, – Храбан Мавр (784–856 гг.), ученик Алкуина, аббат Фульды и потом майнцский архиепископ. Для своего поколения он был тем же, чем Алкуин для своего, – всеобщим наставником, учителем, просветителем; особенно важна была его работа для культурного подъема зарейнской Германии, еще полуварварской. Он писал и стихи, но без дарования; он никогда не был при дворе, а работал в своем монастыре; он никогда не увлекался изящной словесностью, и подавляющее большинство его работ – это пространные комментарии библейских книг, представляющие собой целые антологии выписок из отцов церкви, очень полезные для своего бескнижного времени и очень малоинтересные сейчас. Его представление о культурном идеале изложено в трактате «О воспитании клириков» (любопытная средневековая параллель квинтилиановскому «О воспитании оратора»), тоже представляющем собой преимущественно компиляцию из отцов церкви. Но основная мысль его принадлежит самому Храбану: науки делятся на две части: «божественные» (богословие) и «человеческие» (все остальные); первые для человека необходимы, вторые отчасти вредны (мантика, астрология), отчасти полезны (семь благородных наук); знания, содержащиеся в книгах языческих писателей, усваивать можно, но лишь потому, что они представляют собой случайно попавшие в их книги осколки истинной Божественной мудрости – так, Моисей, выводя евреев из Египта, забирал с собою добро египтян, полученное ими от евреев же (это августиновское сравнение широко будет исполь-

зоваться и позднейшими писателями в спорах об античном наследстве). Насколько подчиненное место в этой картине занимает забота о художественных достоинствах античной и современной словесности, видно с первого взгляда. Разница между этой концепции и концепцией «академического» поколения ясна.

С Храбана Мавра начинается новый период Каролингского Возрождения – период монастырский.

2

Карл Великий не любил монастырей. Для его централизаторской политики они были камнями преткновения – неподведомственные епископальной сети, тесно связанные с местной сепаратистски настроенной знатью, укрывающие в своих стенах сотни сильных мужчин от военной повинности. Тем не менее уже при Карле завязалась связь двора с крупнейшими монастырями страны: в Корби стал аббатом Адальхард, двоюродный брат Карла, в Шелле – Гисла, его сестра, в Туре – Алкуин, в Сен-Рикье – Ангильберт. В следующем поколении эта сеть межмонастырских культурных связей раскинулась еще шире – в Фульде занял пост Храбан Мавр, в Санкт-Галлене – Гримальд, в германской части империи возвысились Лорш, Рейхенау, Корвей, в романской – Ферьер, Оксерр, Турнэ, Флери и епископский город Реймс. Поэтому, когда при Людовике Благочестивом была разогнана придворная Академия, культуре уже было куда отступать.

В 840 г. умер Людовик Благочестивый, и в 841 г. три его сына сошлись в братоубийственной битве при Фонтанете, в 843 г. они поделили между собой империю в Вердене; началась долгая история каролингских междоусобиц, разделов и переделов. Смуту усиливали разорительные набеги внешних народов – норманнов с северного побережья, арабов – со средиземноморского. Политическое единство империи кончилось. Церковное единство сохранилось, но и в нем произошли сдвиги: усилилась местная власть епископов, ослабела централизующая власть архиепископов, возвысился верховный авторитет римского папы (эти изменения были санкционированы так называемыми «лжеисидоровскими декретами» – составленной в середине IX в. серией поддельных документов от имени древнейших римских пап). Последним человеком, заботившимся о поддержании единства франкской империи, был Хинкмар, реймсский архиепископ 845–882 гг., первый советник Карла Лысого, автор 66 книг, отличившийся не столько глубиной мысли, сколько твердостью характера и неиссякаемой энергией. После его смерти глубокий развал западнофранкского государства стал очевиден, а еще поколение спустя, когда с востока на империю ударило новое нашествие – венгров, упадок этот распространился и на восточнофранкское государство.

В эти 60–70 бурных лет – вплоть до первых десятилетий X в. – монастыри вновь оказались самым жизнеспособным социальным организмом Западной Европы. Они были хорошо укреплены и считались обителями Божьими, поэтому погромы и грабежи коснулись их меньше, чем замков и городов. Они были богаты, ибо приток пожертвований им не прекращался, земля их не дробилась и сельское хозяйство (ведению которого монахи учились по Варрону и Колумелле) было поставлено лучше. Они были независимы от внешней власти – если не по имени, то фактически – и безукоризненно организованы внутренне: сплоченная масса монахов, по уставу, должна была безоговорочно повиноваться аббату. Наконец, они были теснее всего связаны с народной жизнью: монашеские кадры по-прежнему в основном рекрутировались из низов; и в хозяйстве, и в управлении имениями, и в церкви, и в школе монашество соприкасалось с крестьянством; оно облекало для него религиозные темы в народный язык и перенимало у него темы германского и романского фольклора для переложения на латинский язык. Монастыри унаследовали от Академии вкус к книжной культуре, но не унаследовали презрения к «мужицкой грубости» народной культуры; от скрещения этих двух начал в монастырских кельях обновилась латинская и родилась немецкая и французская литература.

Точкой наиболее тесного соприкосновения монастырской культуры с народной была школа. По большей части монастырская школа воспитывала только будущих монахов, но местами, несмотря на запрет Людовика Благочестивого, существовали и школы для детей мирян. Связь между монашескими учениками и их мирскими родственниками порывалась не сразу: сохранились любопытные записочки на латинском языке от мальчика-школьника на волю: «Батюшке и матушке своим (имярек) барашек, ими вздоенный, добросыновнее блеяньице свое посылает...» – и затем просьбы о разных мелочах. Латинский язык в стенах школы был единственно дозволенным: санкт-галленский аббат Соломон требовал, чтобы младшие ученики приветствовали его латинской прозой, средние – ритмическими стихами (более простыми, сочиняемыми на слух), старшие – метрическими стихами (более сложными, сочиняемыми по книгам).

Школьная программа оставалась Алкуинова: сперва начатки чтения, счета и церковного пения, потом грамматика с чтением доступных авторов и с элементами остальных «благородных наук», потом – для немногих способных – индивидуальные занятия по богословию. Учебниками служили сочинения Алкуина, Беды, Исидора Севильского, Боэция, Марциана Капеллы, Доната; их комментировали, на полях их выписывали германский перевод латинских слов (так называемые глоссы). Упражнениями были вопросы и ответы, «диктаменты» для совершенствования латинского стиля, выписки, толкования и пр. Использование античных авторов в монастырских школах почти не вызывало возражений; первым чтением были «Дистихи Катона» и, быть может, басни Авиана, затем сосредотачивались главным образом на

Вергилии. Перед греческим языком благоговели, но вчуже: из него знали только азбуку, отдельные слова из глоссариев, отдельные фразы из Символа веры, молитв и литургии, но не более того.

Более основательные знания были только у ирландцев и у жителей южной Италии; единственными писателями этого времени, способными переводить с греческого, были ирландский философ Иоанн Эригена (о котором речь впереди) и итальянец Анастасий (ум. 897), человек с бурной жизнью, смутьян, антипапа, отлученный одно время от церкви, а потом ставший папским библиотекарем, послом в Константинополе и присяжным переводчиком греческих житий.

Школа требовала книг. Мастерские для переписки книг имелись в каждом хорошем монастыре. Рукописи, вывезенные при Карле Великом из Италии, рассеялись по монастырям, бережно переписывались, с надежными людьми перевозились с места на место, выменивались. Подавляющее большинство рукописей, по которым издаются теперь античные авторы, относится именно к IX в. и было написано именно в этих монастырских скрипториях. Эти рукописи были еще разрознены: так, Цицерон был известен почти весь, за исключением трех-четырех трактатов, но в каждом монастыре находилось не более двух-трех его сочинений; единый общеевропейский фонд латинских классиков сложился лишь позднее, к XII в., когда кое-что уже успело вновь затеряться. Однако уже IX век дал такую фигуру, как Серват Луп, аббат Ферьерский (ок. 805 – 862 г.), ученик самых малоизвестных латинских классиков, лучший стилист своего времени, организовавший у себя в монастыре не только переписку, но и сверку текстов, опередив своими критическими приемами не только современников, но и дальних потомков. Письма Сервата Лупа напоминают письма итальянских гуманистов: он советуется о толковании трудных мест, просит одни рукописи и обещает другие, заботится хранить эти книгообмены в тайне, обсуждает орфографию и просодию; ему принадлежит фраза, немыслимая ни у какого другого человека его времени: «Мудрость, по-моему, заслуживает достижения уже ради ее самой». Те, кто не имел возможности обеспечить себя и свой монастырь такой библиотекой, как у Лупа, обзаводились сборниками эксцерптов, выписок, преимущественно философского и моралистического содержания; подчас такие выписки охватывали очень широкий круг авторов (конечно, часто из вторых рук). Сохранилось даже любопытное произведение с попыткой придать такому сборнику художественную форму – письмо Эрменриха Эльвангенского (тоже ученика Храбана Мавра) Гримальду Санкт-Галленскому (ок. 854): оно начинается похвалой учености Гримальда, затем говорится о пользе философии, о частях диалектики, о долгих и кратких гласных, о буквах и спряжениях, о жизни созерцательной и деятельной, о Вергилии, которого он видел во сне, положив под голову «Энеиду», о пользе древних поэтов для понимания Писания, опять об учености санктгалленцев, о прилагаемом при письме житии Гермольфа Лангрского, потом следуют выписки из сти-

хов Теодульфа, Муадвина и Авсония, рассуждение в прозе и стихах о Троице, выписки по географии с большими стихотворными цитатами и, наконец, шутливый рассказ о том, как некий «новый Гомер», объевшись полбенного хлеба, увидел во сне самого Орка, коловшего вшей трезубцем, но только рассмеялся, перекрестился, выбросил из головы мифологию и решил взяться за воспевание св. Галла, основателя Санкт-Галлена.

Однако главной заботой монастырских писателей была, конечно, не филология, а богословие. Комментарии к Священному Писанию составлялись повсюду, потому что без них невозможно было изучать Библию в школе. Они тоже представляли собой не что иное, как собрание эксцерптов из отцов церкви и позднейших толкователей – Беды, Алкуина, Храбана; они тоже сплошь и рядом переписывались из комментария в комментарий без обращения к первоисточникам. Исторические и реальные пояснения занимали здесь самое скромное место; главное внимание уделялось толкованиям аллегорическим, которые подразделялись на собственно аллегорические («Иерусалим есть образ Церкви Христовой»), аналогические («Иерусалим есть образ Царствия Небесного») и топологические («Иерусалим есть образ души страждущей»). Храбан Мавр оставил целый словарь библейских аллегорий: так, «вода» есть Святой Дух, Христос, высшая мудрость, многоглаголание, преходящая жажда, крещение, тайная речь пророков и т.д., всего 28 значений, каждое проиллюстрированное библейским текстом.

Точно так же, как экзегетическая литература, строилась на цитатах и полемическая литература. Феликс Урхельский, инакомыслящий богослов при Карле Великом, признал себя побежденным в споре с Алкуином потому, что Алкуин привел такие цитаты из отцов церкви, которых Феликс не знал. Богословские споры этих лет происходили, главным образом, из-за того, что из сочинений отцов церкви извлекались противоречащие друг другу суждения (таких было много) и примирялись у разных толкователей разными способами. Таковы были два самых беспокойных спора этого времени: о причащении (истинно или только символически превращается хлеб и вино в плоть и кровь Христову?) и о предопределении (Божья воля или человеческая воля предопределяет спасение души или ее погибель?). Особенно бурным был второй спор. Его начал Годескальк, дерзкий ученик Храбана, выдвинув на обсуждение несколько высказываний Августина (которые обычно замалчивались), позволявших думать, что Бог предопределяет людей не только к спасению, но и к вечной гибели. Хинкмар, блюститель ортодоксии, поручил написать опровержение ученому ирландцу Иоанну Эригене. Тот написал, что предопределение ко злу невозможно, ибо зло есть небытие (отсутствие добра), и даже загробный огонь не есть зло – в нем обитают равно и праведники, и грешники, но первым он сладок, а вторым мучителен (как солнечный свет для здоровых и для больных глаз): таким образом, не Бог, а грех сам себе служит наказанием. Такая диалектика была совершенно непривычна для ученой Европы; богословы бросились спорить уже не с

Годескальком, а с Эригеной, обвиняя его в том, что он подменяет богословие философией, а доводы святых отцов – софистикой; с трудом Хинкмару удалось положить спору конец компромиссом, похожим на игру слов: не человек предопределен к наказанию, а наказание предопределено человеку.

Иоанн Скот Эригена был единственным богословом своего времени, заслуживающим имени философа. Он один среди современников позволил себе повторить сентенцию Августина, что истинная философия и религия – одно и то же, и сказать, что разум может иметь силу без авторитета, а авторитет без разума не может. Среди современников он чувствовал себя белой вороной; Карл Лысый держал его при своем дворе не столько как учителя, сколько как диковинку учености. Греческая культура была ему ближе, чем латинская; неоплатоническое христианство сочинений Дионисия Ареопагита, которые он переводил на латинский язык, было его духовной пищей; по неоплатоническому образцу он построил свою философскую систему четвероякой природы, в которой не было место Троице, а Творец был един с творением. Если бы его сочинения были поняты современниками, он погиб бы как еретик; но они остались непонятны, и только в XIII в. были запрещены как подспорье альбигойства.

Ближе к художественной прозе стояли два других жанра монастырской литературы – жития и видения. Жития сочинялись в IX в. во множестве; можно сказать, что это было массовое чтение своего времени, привлекавшее читателей нравственной поучительностью, описанием дальних странствий, опасностей и спасений, благочестивых чудес, подчас даже юмором; все они сочинялись по одному образцу, рисовали один и тот же облик идеального христианина, целые эпизоды из разных житий совпадают дословно во всем, кроме имен, но это только содействовало их доходчивости. Язык их прост, близок к разговорному и далек от литературной правильности, хотя ученые писатели и старались время от времени пересказывать бесхитростные старые жития изысканным новомодным слогом и даже перелагать их в стихи. Интересно, что аскетические мотивы в житиях IX в. подчеркнуты слабо и учащаются только в X в.; зато приметы местного патриотизма и политики выступают в них нередко, так что жития св. Бонифация или св. Галла то и дело отражают столкновения основанных ими аббатств Фульды или Санкт-Галлена с соседними владениями. Еще более интенсивно проникает современность в жанр видений. В видениях описывались для назидания верующих картины загробных кар и загробного блаженства, явившиеся во сне или в галлюцинации тому или иному ясновидцу; первые в латинской литературе образцы этого жанра мы видели в «Диалогах» Григория Великого, с IX в. видения выделяются из богословских трактатов, житий и хроник в самостоятельные произведения («Видение Веттина» Хейтона), а потом объединяются в целые сборники. Злободневные мотивы составляют почти непременную часть видений: ясновидец или встречает в раю и в аду своих недавно скончавшихся современников, или слышит от не-

бесных сил прямые указания возвестить ближним то-то и то-то («Вот Господь соизволил услышать меня и, сойдя с неба, сиянием своим озарил меня... и сказал: "Прокляни тот день, когда Буркхард будет епископом!"»). Эта тенденция оказалась очень живучей и дошла до завершающего и самого знаменитого из «видений» средневековой литературы – до «Божественной комедии» Данте.

Переходя от прозы к поэзии, мы находим в монастырской литературе целый ряд интенсивно разрабатываемых жанров. Во-первых, это панегирическое послание, обращенное к духовным или светским властям; по сравнению с эпохой Карла Великого, когда в придворной поэзии панегирик был едва ли не господствующим жанром, теперь он отступает на второй план, но все же сохраняет значение. Во-вторых, это дружеское послание, обращенное не к высшему, а к равному; лучшие образцы этого жанра оставил тот же Валахфрид Страбон; здесь изливался тот лиризм, который для монаха не мог найти выхода в любовной поэзии. В-третьих, это поучительные послания и медитации в стихах преимущественно на богословские темы, иногда разрастающиеся до огромных поэм («Об умеренности» Милона). В-четвертых, это описательная поэзия, которая то и дело перекидывается с духовных предметов на светские: описание монастыря переходит в описание прекрасной местности, где он находится, а описание церковных праздников каждого месяца дополняется описанием картин природы и сельских работ. В-пятых, это «надписи» на различных церковных строениях, предметах утвари, книгах, подписи к картинам, эпитафии и пр. – прямое развитие жанра античной эпиграммы. В-шестых, наконец, это бесчисленные гимны и стихотворные молитвы, которые писались и пелись на протяжении всего средневековья. Все эти жанры варьировались на самые разные лады; в частности, в большой моде была форма эклоги (следствие культа Вергилия) – любая тема могла быть развернута (подчас довольно насильственно) в стихотворный диалог. Стихи объединялись в циклы, циклы обрастали предисловиями, посвящениями, молитвами, заключительными надписями и пр., по возможности в разных стихотворных размерах. Образцами стиля неизменно служили античные поэты (из языческих – преимущественно Вергилий, из христианских – Пруденций); из их стихов заимствовались слова, словесные обороты и даже целые полустишия. Поэты наперебой старались щегольнуть богатством стиля и для этого извлекали из глоссариев самые редкие и малопонятные слова, вставляли все грецизмы, какие знали, играли обилием синонимов, плеоназмами, гиперболическим нагромождением сравнений, эпитетов и пр. К началу X в. дело дошло до того, что иным поэтам приходилось писать на полях комментарии к собственным стихам.

Стихотворная техника каролингской поэзии требует особых пояснений. Здесь приходится различать целых три системы стихосложения – метрическую («метры»), силлабо-тоническую («ритмы») и силлабическую («секвенции»).

Метрическое стихосложение было унаследовано средневековьем от классической античности. Оно основывалось на упорядоченном чередовании долгих и кратких слогов, независимых от ударения. В живом языке различение долготы и краткости слога давно утратилось, поэтому писать такие стихи приходилось не «по слуху«», а «по науке». «Наука» состояла в том, что нужно было читать и заучивать во множестве стихи старых поэтов, запоминая, какие слова могут стоять на каком месте в стихе; был даже справочник, «Труд просодийный» Микона из Сен-Рикье (ок. 825), в котором были выписаны примеры употребления в стихе нескольких сотен слов (такие просодические словари для обучающихся латинскому стихосложению составлялись и издавались вплоть до XIX в. – обычно под заглавием «Gradus ad Parnassum»). Самыми употребительными размерами были, конечно, гекзаметр и элегический дистих, лирические метры представлялись роскошью, употреблялись реже и осваивались постепенно. Алкуин пользовался (очень скупо) пятью лирическими размерами, поколение Храбана Мавра знало их уже одиннадцать, поколение Валахфрида Страбона – семнадцать, поколение Хейрика Оксеррского – двадцать, причем среди них были не только завещанные античностью, но и новоизобретенные. Это была вершина развития средневековой латинской метрики: более она никогда не достигала такого богатства. В разработке метрических размеров каролингскими поэтами заметна та же погоня за диковинками, что и в разработке стиля: например, такой странный прием, рассечение слова, «тмесис» («ЭР – сладкозвучные эти стихи написаны – МОЛЬДОМ») у римских поэтов был редчайшим, а у средневековых поэтов встречается то и дело. Особенно бурное распространение получила в стихе так называемая «леонинская рифма» – созвучие конца первого полустишия с концом второго: в стихах начала IX в. такие строки еще единичны, а в начале X в. такими строками пишутся уже целые поэмы. Примером леонин в переводе может служить «Послание о пяти чувствах» Ноткера Заики. На современный слух эти рифмы почти не ощущаются, но средневековье ими упивалось. В метрическую поэзию мода на них перешла, конечно, из ритмической поэзии.

Ритмическим стихосложением в средние века называлось то, что теперь называется силлаботоникой: упорядоченное чередование ударных и безударных слогов, независимо от их долготы. Такие стихи могли писаться непосредственно на слух, без книжной выучки; поэтому ценились они меньше и считались уделом малообразованных писателей и читателей. Августин, одним из первых обратившийся к ритмам при сочинении гимнов, мотивировал это тем, что в них слова располагаются естественнее и, стало быть, понятнее простому народу. Основным образцом при разработке ритмических размеров были, конечно, старые метрические размеры: расположение ударных и безударных слогов копировало расположение долгот и краткостей в ямбическом диметре (излюбленный размер гимнов), хореистическом тетраметре (излюбленный размер лироэпических произведений) и других метрах. Были

и иные образцы; в ритмах ирландских поэтов чувствуется традиция национального кельтского силлабического семисложника, в ритмах готской графини Дуоды – влияние национального германского тонического стиха; наконец, были и интересные попытки создания оригинальных ритмических стихов и даже ритмических строф, подчас довольно сложных – например, в талантливых экспериментах Годескалька. Чем сложнее и непривычнее был ритм, тем больше он нуждался в дополнительном стихотворном признаке, отмечающем границы стихотворных строк; таким признаком стала рифма, обычно очень простая, односложная, напоминающая ассонанс. В начале IX в. рифма была лишь необязательным украшением в ритмических стихах, к началу X в. стала непременной: безрифменные ритмы полностью выходят из употребления.

Секвенции были самой своеобразной стихотворной формой каролингской поэзии. Это была проза, положенная на музыку. В западной литургии между чтением апостольского послания и чтением Евангелия пелись стихи псалмов, завершаемые возгласом «Аллилуйя!». Последнее «а» в этом возгласе протягивалось в очень долгую и сложную колоратуру. С VIII в. к этим колоратурам стали сочинять прозаические подтекстовки с прославлением Бога, святых или соответственного праздника; сочинялись они с таким расчетом, чтобы каждой ноте напева соответствовал один слог текста. Так как в пении участвовали два полухория – взрослых монахов и мальчиков, то на каждую колоратуру сочинялось два текста, со строго одинаковым количеством слогов, одинаковым расположением главнейших пауз и стремлением к одинаковому расположению ударений. По существу, это были строфа и антистрофа, составленные из силлабически (а не метрически, как в древности) тождественных стихов; художественный эффект достигался сочетанием свободы построения каждого стиха и строгости повторения его из строфы в антистрофу. Из цепочки таких строф и антистроф состояла вся секвенция; только начальная и заключительная строфы пелись обоими полухориями вместе. Эта стихотворно-музыкальная форма была разработана в IX в. в северной Франции и доведена до совершенства на исходе IX в. в южной Германии санкт-галленской школой поэтов во главе с Ноткером Заикой.

Не следует, однако, думать, что монастырской религиозной тематикой исчерпывалась вся латинская поэзия IX в. Хотя и на подчиненном положении, но в ней существовала и светская традиция – отчасти унаследованная от придворной культуры предшествующего периода, отчасти развившаяся уже в новых исторических условиях.

Во-первых, это – творчество Седулия Скота, ирландского эмигранта, бездомного «ученого поэта», зарабатывавшего на жизнь талантливыми славословиями своим покровителям – люттихским епископам, королю Карлу Лысому (любившему подражать великому деду в роли мецената), а заодно и другим вельможам и королям. Он продолжает традицию придворной панегирической поэзии, но любопытным образом вульгаризирует ее примени-

тельно к своему положению: он просит о вознаграждении, жалуется на бедность, голод и жажду, угождает покровителям не только чинной хвалой, но и веселыми шутками, – короче говоря, разрабатывает те мотивы и жанры, которые через два с лишним столетия станут центральными в поэзии вагантов. Что в этом Седулий не был одинок, показывают и некоторые другие стихотворения той же эпохи (например, анонимный «Стих об аббате Адаме»); но, понятным образом, сохранилось их лишь немного.

Во-вторых, это – жанр исторических поэм, идущий от Псевдо-Ангильберта и Эрмольда Нигелла и питаемый обильными заимствованиями из античного эпоса. К этому жанру относятся три произведения данной эпохи: «Деяния императора Карла Великого» неизвестного «саксонского пиита» (ок. 888) – пересказ летописи и Эйнхарда, с особым вниманием к покорению и крещению саксов: «Парижская война» Аббона Сен-Жерменского – описание осады Парижа норманнами в 885/886 г. и отражения их епископом Гозлином и графом Одоном, с добавлением нравственных наставлений для клира; «Славословие Беренгарию, непобедимому кесарю», – анонимная поэма в честь итальянского короля, в 915 г. принявшего императорский венец. Художественными достоинствами эти поэмы не отличаются и потому в нашем сборнике не представлены; интересно лишь, что в них достигает предела ученая темнота словаря и вычурность стиля – особенно у Аббона Сен-Жерменского, набравшего для своей поэмы из глоссариев самые фантастические слова.

В-третьих, это – злободневная дружинная и городская поэзия. Города Северной Италии в IX в. еще сохраняли память об античной древности: должностные лица здесь назывались консулами и трибунами, люди помнили мифы, Комо гордился Плинием, Мантуя Вергилием, латинский язык был понятен всем, и жители сочиняли патриотические стихи во славу собственного города и в поношение соседних (например, «Молитва о сохранении моденских стен»). Разумеется, такие стихи писались не метрами, а ритмами, и их поэтический язык питался не античными реминисценциями, а общедоступными библеизмами. На том же приблизительно уровне стояли и латинские кантилены, сочинявшиеся грамотными дружинниками (например, плач о битве при Фонтанете, автор которого принадлежал к итальянской дружине императора Лотаря). Из этой среды выйдет в следующих столетиях поэзия министериалов-шпильманов. Ниже этого социального уровня латинская поэзия уже не спускалась: дальше начиналось царство народных языков.

В-четвертых, это латинские переложения сюжетов германского фольклора – такой же естественный результат соприкосновения двух культур в монастырской школе, как и германские переложения христианских сюжетов («Муспилли», «Хелианд», евангельская поэма Отфрида Вейссенбургского), появляющиеся впервые в том же IX в. Во главе этой группы произведений стоит, бесспорно, «Вальтарий» – загадочная поэма загадочного автора, в которой содержание древнегерманских героических сказаний получает форму

вергилианского эпоса, почти центона из вергилиевских стихов и полустиший. К этой же группе принадлежат немногочисленные новеллы в стихах (вроде сказки о быке и трех братьях), здесь же следует вспомнить – переходя от поэзии к прозе – о «Деяниях Карла Великого», коллекции народных легенд, составленной на латинском языке Ноткером Заикой. Все это – памятники самого конца IX в., результат долгого развития монастырской культуры и далеко продвинувшегося сближения ее с культурой народной.

Но это сближение монастырской культуры с народной имело не только положительные, но и отрицательные стороны. Не получая новых толчков извне, обреченная перерабатывать вновь и вновь культурное наследие времен Алкуина и Храбана, скудеющее с каждым поколением, разобщенная в разобщенной Европе, лишенная воздействия более культурных кругов, вынужденная применяться к нуждам безостановочного притока полуграмотных и вовсе безграмотных неофитов, монастырская культура стояла перед угрозой постепенной варваризации, полного растворения в народной культуре. Признаки этой опасности были вполне реальны: если вторая половина IX в. была временем обильнейшей и разнообразнейшей литературной продукции, то первая половина X в. поражает совершенным бесплодием. Ни одного сколько-нибудь значительного памятника к этому времени не восходит; монастырские хроники этих лет отличаются подчас такой фантастической испорченностью латинского языка, какая не имеет себе равных во всем средневековье. Императорской власти не существовало, папский авторитет был подорван лютой борьбой аристократических партий в Риме, с севера и запада Европу опустошали норманны, с востока – венгры; политический упадок сопутствовал культурному. Казалось, что вновь настали «темные века».

Из этого кризиса Европу вывело восстановление и укрепление императорской власти в X в. и папской власти в XI в.

Европейская школьная культура VIII–IX веков

*

Говоря о Каролингском Возрождении, обычно сосредоточиваются на личности Карла Великого и его окружении. Однако это не совсем верно. Эпоха Карла явилась центром и вершиной исторического периода, получившего его имя. Достижения культуры этого периода, с одной стороны, были подготовлены деятельностью предшественников славного короля, с другой – поддерживались и развивались в царствование его сына и внука, а затем послужили образцом для короля Альфреда Великого, правившего раннесредневековой Англией, и, таким образом, были перенесены на другую почву.

Начало культурному процессу, известному под названием Каролингское Возрождение, было положено в VIII в. англосаксонскими миссионерами, которые проповедовали христианство варварским народам Северной Европы и несли им не только новую веру, но и новую культуру, соединявшую в себе наследие латинской и греческой античности и семи веков христианства. Монастыри, основанные этими миссионерами, становились центрами просвещения. В монастырских школах изучали латынь, которая была официальным языком Церкви, литературы, науки.

Создавая школы в областях, где жили недавние язычники, миссионеры-англосаксы воспроизводили ту систему образования, с которой они были хорошо знакомы у себя на родине.

Школы раннесредневековой Англии отразили процесс синтеза нескольких культур – античной, христианской и местных: кельтской и германской. Христианство было принесено на Британские острова дважды: во II–IV вв., когда была образована Бриттская церковь со своим особым укладом, просуществовавшая до V в., когда германские языческие племена англов, саксов и ютов переселились в Британию, и в 597 г., когда миссионеры, присланные в Англию св. Григорием Великим, начали проповедовать христианство германцам-язычникам. Они принесли на Британские острова свою церковную традицию, свои обычаи, отличные от обычаев ирландцев и бриттов, хотя догматически эти Церкви не различались. Две церковные практики, две культурные и литературные традиции долгое время существовали на Британских островах параллельно.

Ирландцы первыми в Западной Европе стали пользоваться латынью как языком литературы. Они уделяли большое внимание проблемам грамматики, риторики, метрики, создавая трактаты, которые продолжали античные традиции. Знания ирландцев в этой области очень пригодились англосаксам, а позже германским племенам Европы, которые приняли от ирландцев христианство и связанную с ним письменную культуру.

Начало влияния ирландцев на англосаксов в области образования можно с уверенностью отнести к середине VII в., когда ирландец Майлдуб прибыл в Англию и основал школу в современном Мальмсбери. Эту школу в юности посещал Альдхельм, первый значительный англосаксонский автор, писавший по-латыни. Не только ирландцы приезжали в Англию и основывали там школы. В обычае англосаксов была учеба в Ирландии.

В Кентербери, где с 597 г. обосновались римские миссионеры, по указанию Августина, первого архиепископа Кентерберийского, была основана школа, где преподавали так же, как и в школах Рима. Во второй половине VII в. Кентерберийская школа стала выдающимся центром классического средневекового образования благодаря деятельности уроженца Тарса Киликийского Феодора, ставшего архиепископом Кентерберийским в 669 г., и его помощника Адриана, происходившего из провинции Африка. Программа Кентерберийской школы в 670–673 гг. известна: это римское право, метрика, арифметика, астрономия, музыка, а также риторика.

Феодор первым проявил интерес к культуре раннесредневековой Англии. Он, возможно, поощрял использование древнеанглийского языка как языка литературы. Можно предположить, что изучение древненемецкого языка в каролингских школах является продолжением традиции, принятой в англосаксонской школе.

Ученики Феодора и Адриана становились, в свою очередь, учителями, и среди их учеников выделяются двое уже упоминавшихся людей: Беда Досточтимый (672/3–735) и Винфрид-Бонифаций (ок. 675–754). Оба они сыграли большую роль в распространении христианской веры и просвещения среди варварских народов Европы. Произведения Беды – «Толкования на Свщ. Писание», проповеди на евангельские тексты, жития, трактаты по орфографии, метрике, риторике – широко использовались Винфридом и его помощниками в их миссионерской деятельности, так как они были написаны с учетом особенностей германского мировоззрения.

Винфрид, его ученики и последователи основывали в Европе монастыри, известные не только как миссионерские центры, но и как школы, которые давали образование уроженцам Германии и Франкии, принявшим христианство. В правление Карла Великого и его преемников монастыри, основанные миссионерами-англосаксами, стали активными участниками королевских реформ.

При дворе Карла Великого была начата школьная реформа. От имени короля было выпущено два документа, возможно составленных Алкуином:

«Epistola de litteris colendis» (между 786 и 800 гг.) и «Admonitio generalis» (март 789 г.).

В «Epistola de litteris colendis» говорится, что практики религиозной жизни и монашеская дисциплина должны сопровождаться обучением грамоте способных к учению, ибо «как монашеское правило направляет к чистоте поведения, так постоянное упражнение направляет и учит и учителей, и учеников искусству сочетания слов, чтобы те, кто стремится угодить Богу правильной жизнью, не упускали возможности угодить Ему и правильной речью». По мнению Карла, письмо, написанное с ошибками, плохо, но священный текст, вследствие неграмотности истолкованный неправильно, еще хуже, ибо приводит к ереси. Король предписывает Баугульфу (второй настоятель Фульды, 779–802) побуждать к учению тех, кто «имеет желание и способность учиться самому и учить других».

Общее наставление «Admonitio generalis», изданное в 789 г., предписывает каждому прихожанину знать наизусть молитвы «Верую» и «Отче наш» и быть способным петь во время службы молитвы «Sanctus» и «Gloria Patri». Священникам предписывается учить свою паству грамоте и следить за тем, чтобы в богослужебных книгах не было ошибок: «И пусть будут созданы школы для того, чтобы учить мальчиков псалмам, пению по нотам, счету и грамматике при каждом монастыре и епископском доме. И надлежащим образом исправляйте кафолические книги, ибо часто, когда люди желают как подобает молиться Богу, они все же делают это ненадлежащим образом из-за неисправленных книг. И не разрешайте мальчикам портить книги во время чтения или во время переписывания, и если есть нужда переписать Евангелие, Псалтирь или миссал, пусть мужи в совершенном возрасте исполнят труд писания со всем усердием». Открытие школ «при каждом монастыре и епископском доме» означало развитие не только монастырских школ, но и соборных в крупных городах – центрах диоцез.

Школьная реформа, по мысли Карла, должна была привести к созданию единой системы образования. Школы устраивались «по обычаю Священного дворца», т.е. придворной школы, о чем Карлу сообщал, например, Лейдрад, епископ Лионский. Гот Теодульф, возведенный в 798 г. в сан епископа Орлеанского, обратился к клиру своей диоцезы с капитулярием, в котором наряду со многими важными вопросами церковной жизни указывалось, чтобы «пресвитеры устраивали школы в небольших городах и деревнях» и безвозмездно учили детей начаткам грамоты. В случае если те же пресвитеры пожелали бы дать образование детям своей родни, им предлагались на выбор школы «церкви Св. Креста» (при соборе Орлеана), монастырей Аниан, Св. Бенедикта, Св. Лифарда и некоторые другие. Организация монастырских и соборных школ при поддержке королевской власти продолжалась на протяжении всего IX в.

При дворе Карла работал скрипторий, где опытные писцы изготавливали копии рукописей, которые являлись основой реформ, задуманных им:

сборники церковных канонов, бенедиктинский устав, Библия. Для переписывания книг был выработан особый тип письма, так называемый каролингский минускул, красивый и легко читаемый. Впервые его применили в скриптории монастыря Корби, поддерживавшего постоянные связи с двором Карла. По инициативе Алкуина этот тип письма был принят в придворном скриптории и благодаря тому, что он употреблялся при изготовлении рукописей, которые, по замыслу короля, должны были рассылаться по всему государству, быстро вошел в употребление.

В этом же скриптории переписывались для частных лиц и монастырских библиотек редкие произведения античных и раннехристианских авторов. Состав дворцовой библиотеки оказывал значительное влияние на формирование собраний новооснованных монастырей, более старые собрания книг обогащались благодаря настоятелям, не порывавшим связей с придворными кругами. Так, в собрание библиотеки монастыря Корби, куда удалились близкие родственники Карла Адальхард и Вала, входили и те рукописи, что были привезены в монастырь, и те, что были изготовлены в монастырском скриптории. В состав книжного собрания входили сочинения не только западных, но и восточных отцов церкви – св. Василия Великого, св. Григория Нисского, а также произведения Феодора Мопсуэстского.

В некоторых монастырях составлялись каталоги книг, имеющихся в библиотеках. Из сохранившихся каталогов монастырей Сен-Рикье (831 г.), Мурбах и Санкт-Галлен (оба середины IX в.) видно, что постепенно складывался список книг, обязательных для библиотеки любого монастыря: Библия, произведения западных и восточных отцов церкви (св. Амвросия Медиоланского, св. Иеронима, св. Августина, св. Григория Великого, св. Илария Пиктавийского, св. Василия Великого, св. Иоанна Златоуста, св. Афанасия Александрийского), исторические сочинения античных и раннехристианских авторов (Ливий, Саллюстий, Орозий), сочинения Кассиодора, Боэция, грамматические и риторические трактаты.

В этом отношении показателен каталог монастыря Лорш, основанного Хродегангом Мецским в 764 г. Лорш пользовался покровительством королевской семьи, благодаря чему монастырская библиотека менее, чем за полвека своего существования, стала одним из богатейших книжных собраний в королевстве. Каталог, поделенный на 63 рубрики, включает в себя почти 600 книг. 18 рубрик посвящены трудам св. Августина, 6 – трудам св. Иеронима. В каталоге также есть и сочинения античных авторов: Вергилия, Лукана, Горация, Цицерона, Сенеки, Плиния Старшего, Солина.

Наиболее ранние по времени библиотечные каталоги Фульды сохранились, к сожалению, в отрывках. Наиболее полный из них содержит названия ста десяти книг. Среди них – произведения античных и позднеантичных авторов: Светония, Аммиана Марцеллина, Колумеллы, Тацита, письма Плиния Младшего.

Римский ритор, возможно, Цицерон. Культура аббатства Санкт-Галлен / Под ред. В. Фоглера. Stuttgart, 1993. С. 139. Ил. 32

Библиотека монастыря Рейхенау, основанного выходцем из Испании Пирмином (724 г.), поначалу состояла всего из 50 книг, но постоянно росла благодаря приобретениям и дарам знатных паломников. С 821 по 846 г. книги находились в ведении Регинберта, составившего подробное описание книжного собрания. Первый из пяти составленных им списков книг, самый ранний, содержит более 400 названий. В четырех остальных указываются книги, приобретенные Регинбертом за 25 лет его библиотечного послушания. Благодаря его трудам ко второй половине IX в. Рейхенау обладал большим собранием не только богословской, но и античной литературы. Так, монастырю принадлежали рукописи Персия, Овидия, Стация, Макробия, Сенеки, Гигина, Саллюстия.

Дворцовая школа существовала еще со времени Карла Мартелла или, по крайней мере, Пипина, но тогда основной целью образования было усвоение юношами благородного происхождения придворного этикета и военного искусства, начал грамотности. Эта школа должна была готовить писцов, которые могли бы составлять документы, необходимые для дворцовой канцелярии.

Поскольку уровень образования франкского духовенства был весьма невысок и оно не могло быть исполнителем идей Карла, он пригласил к своему двору образованных людей из других стран. Для этого обстоятельства сложились благоприятно. В результате военных экспедиций против лангобардов, саксов и аваров в распоряжении короля оказались казна и земельные угодья, которыми он мог бы награждать своих помощников и оплачивать изготовление рукописей и строительство новых по замыслу зданий. Двор Карла, часто менявший место жительства, с конца 770-х годов по 794 г. стал задерживаться в Ахене. Почти за 14 лет Карл сменил только шесть дворцов. Спокойная и обеспеченная жизнь способствовала приглашению ученых людей из соседних государств.

После падения королевства лангобардов ко двору Карла прибыли Петр Пизанец (до 769) и Фардульф (ок. 774). Фардульф был привезен как пленник и заложник, но через некоторое время стал верным соратником Карла, исполнял дипломатические поручения и получил награду за раскрытие заговора против короля в 792 г. – был назначен настоятелем монастыря Сен-Дени. Петр Пизанец возглавлял дворцовую школу в 775–780 гг. Он был представителем античной риторской школы. При дворе Карла он ограничивался в основном тем, что учил короля и его приближенных правильно писать по-латыни, сочинять изящные стихи и читать античных авторов. Тем не менее, Петр оказал определенное влияние на систему каролингского образования, ибо всегда находились люди, хотя и в небольшом количестве, которые с увлечением читали античную литературу, не только в практических целях, например, чтобы расширить знание языка, но и для получения эстетического удовольствия. Петр оставался при дворе долгое время, преподавая грамматику. В частности, учеником Петра был Карл.

В это же время из Северной Италии приехал во Франкию еще один весьма образованный и талантливый человек – Павлин. Он прожил при дворе Карла до 787 г., участвуя в работе дворцовой школы. Позже, в 787 г., он получил сан патриарха Аквилеи.

Павел Диакон, много лет бывший учителем при дворе герцога Беневенто, а затем поступивший в монастырь Монте-Кассино, приехал ко двору Карла в 782 г. Карл оставил Павла при дворе, где тот провел девять лет до своего отъезда в Монте-Кассино, преподавая грамматику.

Однако в 780 г. Карл нуждался не столько в учителях для удовлетворения личного интереса к античной литературе, сколько в священниках, способных осознанно совершать богослужение на латыни, в епископах, готовых проводить в жизнь реформы, в образованных мирянах-советниках. В качестве главы придворной школы, которая стала своеобразной лабораторией реформ, ему нужен был человек, опытный в обучении тех, у кого латынь не была родным языком. Поэтому, как уже говорилось выше, Карл решает поставить во главе дворцовой школы англосакса Алкуина.

Алкуин родился в Йорке в 735 г. Он происходил из благородной семьи и был родственником Виллиброрда, одного из первых проповедников христианства на севере Европы. Алкуин воспитывался в доме архиепископа Йоркского и получил образование в соборной школе Йорка. Его учителями были ученики Беды. До того как Алкуин встретился с Карлом в Парме в 781 г., его жизнь складывалась в Англии вполне успешно. Он был известен своей ученостью в Нортумбрии и слыл не последним в окружении архиепископа, так что король избрал его главой посольства, отправлявшегося в Рим за паллием для новоизбранного предстоятеля Йоркской диоцезы.

Алкуин был приглашен Карлом ко двору как человек, способный наладить подготовку миссионеров для новозавоеванных саксонских земель и, таким образом, продолжить дело Виллиброрда и Винфрида-Бонифация. Однако вскоре планы Карла изменились, и Алкуин возглавил дворцовую школу. Это произошло в 782 г.

Перед ним стояла задача создать школу, способную соперничать с той, в которой он сам получил образование, а именно: со школой в Йорке, долгое время остававшейся лучшей школой раннесредневековой Европы. Как уже говорилось выше, став главой дворцовой школы, Алкуин оставил преподавание грамматики Петру Пизанцу, сам же преподавал риторику, диалектику, астрономию и, вероятно, другие науки, входящие в «квадривиум». Среди его учеников был и сам Карл.

Программа, намеченная Алкуином, была основана на преподавании «семи благородных искусств». Предметы объединялись в «тривиум»: грамматика, риторика и диалектика, и «квадривиум»: арифметика, геометрия, начала астрономии, музыка. Алкуин сосоредоточил свое внимание на предметах, входящих в «тривиум». Грамматика включала в себя не только знание букв, звуков, слогов, слов, но и фигур речи, стихотворных размеров. Алкуин со-

Символическое изображение квадривиума. Культура аббатства Санкт-Галлен / Под ред. В. Фоглера. Stuttgart, 1993. С. 139. Ил. 36

ставил особые учебники для дворцовой школы, где материал излагался в форме диалогов. В основу этих учебников легли произведения многих известных авторов. Так, трактат Алкуина «О риторике» опирается на Цицероново «О нахождении» с добавлениями из Юлия Виктора и, возможно, Кассиодора. Работы тех же авторов использованы и в трактате «О диалектике»; кроме того, очевидно его знакомство с Боэцием, Исидором Севильским, так называемыми «Категориями» Аристотеля.

В придворной школе ученики решали задачи на логическое мышление и на счет. Например, ученику предлагалось подсчитать, сколько голубей сидит на лестнице, имеющей сто ступенек, если на первой ступеньке сидит один голубь, на второй два, на третьей три и так далее. Другая задача, известная и в наши дни, – о волке, козе и капусте – также была сочинена Алкуином.

Алкуин стал одним из советников Карла. Он был горячим сторонником военных действий против саксов, хотя и выступал против политики насильственного обращения их в христианство, так как на Британских островах помнили предписание св. Григория Великого о мирной проповеди с учетом особенностей культуры местного населения. Именно к Алкуину Карл обращался за советом, как строить отношения с папским престолом, и поручил ему возглавить реформы Франкской церкви.

Карл щедро вознаградил Алкуина, выполнив все обещания, которые дал ему, приглашая в Европу. Алкуин стал настоятелем нескольких монастырей, среди которых был и монастырь Св. Мартина в Туре, куда он удалился в 796 г. и жил до самой своей кончины в 804 г. Монастырь Св. Мартина был одной из богатейших обителей империи. Говорили, что его настоятель может проехать всю империю, от края до края, останавливаясь на ночлег только на землях своего монастыря.

Вместе с Алкуином на континент приехали многие его ученики, например Фридугиз, получивший при дворе должность воспитателя Гислы и Ротруды, сестры и дочери императора, а после смерти Алкуина ставший настоятелем монастыря Св. Мартина Турского; Хвита (Кандид, или Визо), возглавивший дворцовую школу после того, как Алкуин удалился в монастырь Св. Мартина в Туре; Иосиф Скот, известный как автор фигурных стихов.

При дворе находилось также несколько ученых франков. Наиболее выдающимися из них были Адальхард и Ангильберт. Оба они принадлежали к франкской знати и воспитывались при дворе Карла. Адальхард, близкий родственник Карла, с ранней юности жил при дворе и занимал высокое общественное положение, но в 20 лет вступил в братию монастыря Корби, откуда уехал в Монте-Кассино. Карл пригласил его вернуться и сделал его настоятелем Корби, а в 774 г. назначил его одним из советников короля Ломбардии Пипина, тогда еще ребенка. После смерти Пипина в 810 г. Адальхард остался главным представителем и советником Карла в Ломбардии.

Ангильберт был достаточно молод и смог стать учеником Алкуина. Он был назначен настоятелем монастыря Сен-Рикье, кроме того, входил в число советников короля.

Гот Теодульф, предположительно родом из Сарагосы, получивший образование в Нарбонне в Септимании, приехал ко двору Карла в 794 г., когда ему было уже 34 года, возможно, в результате политического или религиозного преследования в Испании. Его знакомство с литературными традициями поздней античности и знание Священного Писания показывали, что в Испании, даже захваченной арабами, христианская культура не была в забвении. Он стал епископом Орлеанским, настоятелем нескольких монастырей, а также исполнял дипломатические поручения в южной Аквитании.

Кроме англосаксов при дворе Карла жили и ирландцы, например некий Кадак, чье толкование Свщ. Писания рассердило Теодульфа, и Дунгал, интересовавшийся астрономией.

При дворе Карла также находились люди, не столь известные литературными дарованиями, например Беорнрад, настоятель монастыря Эхтернах, основанного его родственником, одним из первых миссионеров-англосаксов, Виллибрордом, позднее епископ Санский. Алкуин происходил из той же семьи, что и Беорнрад, и по просьбе последнего написал «Житие св. Виллиброрда». Друг Алкуина, Арнон Сент-Амандский, ставший позднее епископом Зальцбургским, несколько раз выполнявший важные дипломатические поручения, в том числе и в Риме, был большим любителем изящной словесности, в его личной библиотеке насчитывалось 150 книг.

Алкуин полагал, что при покровительстве Карла собрание ученых мужей станет новой Академией по образцу Академии Платона. В одном из посланий к королю он писал: «...многие подражают Вашему славному стремлению и намерению, чтобы во Франкии были созданы новые Афины, вернее, более замечательные, чем древние, ибо они, благодаря распространившемуся учению Господа Христа, превосходят всю премудрость и опытность Академии. Древние Афины прославились, просвещенные лишь Платоновским учением, воспитанные семью благородными искусствами; новые же Афины, вдобавок еще обогащенные седмиобразной полнотой Святого Духа, побеждают все великолепие светской премудрости». Символом союза античности и христианства служили прозвища участников собраний новой Академии; согласно средневековому пониманию имени, они одновременно указывали на род занятий присутствующих и содержали в себе в сжатом виде программу их деятельности на будущее. Так, Карла называли Давидом в честь библейского царя, отличавшегося мудростью, военным талантом и в то же время любовью к музыке и поэзии. Эйнхард, создавший планы дворца и часовни в Ахене, получил имя Веселиил в память о строителе Соломонова храма и искусном ремесленнике. Ангильберт, написавший эпическую поэму о походе Карла в Италию, был прозван Гомером; Павлин, будущий патриарх Аквилейский, – Тимофеем, подобно ученику св.ап. Павла,

Алкуин – Флакком. Еще один член Академии носил имя Назон в память о поэте Овидии.

Традиции дворцовой школы продолжались и Людовиком Благочестивым, и Карлом Лысым. В предисловии к «Житию св.Германа» Хейрик Оксеррский хвалит Карла Лысого за его образованность и покровительство ученым, называя его, как некогда называли его деда, «мудрым Соломоном», и упоминая о школе, которая находилась во дворце, где каждый день ученики предавались как ученым занятиям, так и военным упражнениям. Из стен этой школы, руководимой Иоанном Скотом Эригеной, вышли такие деятели конца IX в., как Радбод, епископ Утрехтский (899–917), автор латинских стихов, проповедей о святых и «Книжечки о чудесах св. Мартина», и Стефан, епископ Льежский (901–920), литургист, композитор, создавший песнопения к службе Св. Троице, переработавший для чтения за службой прозаическое «Житие св. Ламберта Маастрихтского» и составивший стихотворное житие этого же святого. В придворной школе в период после 864 г. преподавал и некий «философ» Маннон, предположительно принадлежавший к соборной школе Лана, которая славилась, в частности, преподаванием греческого языка.

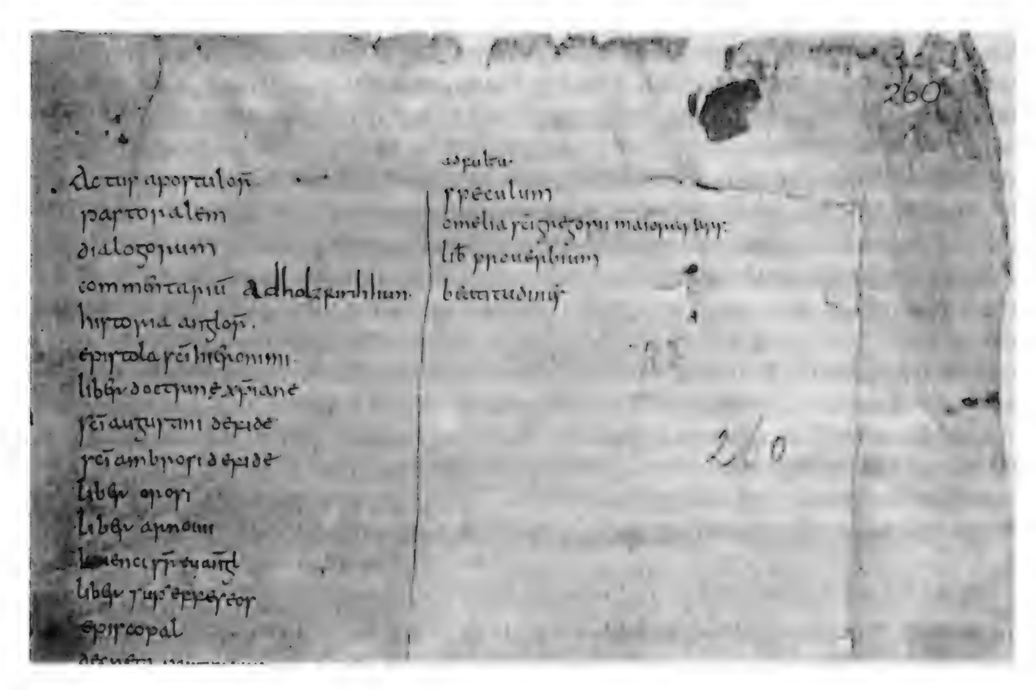
Похвалы Карлу-внуку как просвещенному государю были вполне оправданны. При его дворе жил такой ученый муж, как Луп Ферьерский. Образованные люди, занимавшие довольно высокое положение в обществе, совершали богослужение в придворной капелле или просто были приближенными короля, как Пардул, епископ Ланский, вместе с Храбаном Мавром участвовавший в 849 г. в богословском споре с Годескальком, и Людовик, настоятель монастыря Сен-Дени, двоюродный брат Карла Лысого, остававшийся до самой своей смерти (867 г.) бессменным канцлером короля. Иоанн Скот Эригена также жил при дворе, о чем сообщает епископ Пардул клирикам Лиона, и, возможно, сделал там новый перевод Дионисия Ареопагита. Возможно, также, что приезжали ко двору и те писатели и богословы, которые посвящали свои произведения королю, а именно: Фрекульф из Лизьё, переписывавшийся с Храбаном Мавром и побудивший его написать книгу толкований на Пятикнижие; Ратрамн, монах монастыря Корби, один из выдающихся церковных писателей IX в., автор трактата «О Теле и Крови Господних», вызвавшего полемический отклик в виде одноименного трактата со стороны его учителя, настоятеля того же монастыря, богослова и автора многих сочинений Пасхазия Ратберта; Хинкмар, архиепископ Реймсский, богослов и участник многочисленных религиозных споров IX в., например спора о предопределении; Иона Орлеанский, игравший большую роль в церковной жизни Франкии, перу которого принадлежит важный для IX в. трактат о почитании икон.

Королевские капитулярии и решения церковных соборов предписывали клирикам разных чинов, от пресвитеров до епископов, открывать школы. До нашего времени дошли сведения о более чем 70 школах каролингской

Европы, связанных в основном с монастырями и соборами. Школа могла помещаться в отдельном здании, как это было, например, в Лукке, или, согласно предписанию Людовика Благочестивого, в двух отстоящих далеко друг от друга помещениях, отдельно для будущих монахов и для мирян (план монастыря Санкт-Галлен). Ученики могли разделяться по своим способностям на чтецов, певцов и писцов, как Алкуин рекомендовал сделать своим соотечественникам – архиепископам Йоркскому и Кентерберийскому. Совет Алкуина был основан на личных наблюдениях. В правление династии Каролингов некоторые школы приобрели специализацию. Так, Соборная школа Меца и школа монастыря Сен-Вандриль стали известны как центры изучения музыки, причем школа Меца считалась главной школой музыки в королевстве.

В течение IX в. школы в разных областях королевства могли приходить в упадок и восстанавливались, когда епископ этой диоцезы приглашал прославленных учителей из других школ. Когда епископом Реймсским стал Фулькон (883–900), он обнаружил, что не только приходские, но и городские соборные школы нуждаются в преобразовании. Он не только сам начал преподавать в соборной школе Реймса, но пригласил двух лучших учителей своего времени – Ремигия Оксеррского (ок. 841–ок. 908) и Хукбальда Сент-Амандского (ок. 850–930), соединив таким образом лучшее из практики нескольких школ.

Как уже говорилось, для Алкуина и его учеников, считавших себя наследниками античной учености, основой программы образования стали семь свободных искусств, разделенных на «тривиум» и «квадривиум». Проще всего познакомиться с ними было, читая вторую и третью книги «Этимологий» св. Исидора Севильского или «Установления» Кассиодора. Отрывки из этих книг, рассказывающие о семи свободных искусствах, часто входили в состав сборников, предназначенных для преподавания в школах. Позже ученик Алкуина Храбан Мавр (ок. 780/4–856), исполняя послушание учителя в школе Фульды, по просьбе братий, готовившихся к принятию пресвитерского сана, составил книжечку «Об образовании клириков». Первая часть ее кратко рассказывает о церковном здании, церковной иерархии, облачениях, Св. Таинствах, в особенности о крещении и евхаристии, и о миссе. Вторая часть посвящена краткому изложению церковных служб, церковному году, праздникам, песнопениям, Библии, основным молитвам и ересям. Третья часть излагает программу, основанную на знании семи свободных искусств – грамматики, риторики, диалектики, математики, арифметики, геометрии, музыки, астрономии и философских сочинений. В основу своей книжечки Храбан положил труды св. Августина «О христианском учении», св. Григория Великого «Правило пастырское», уже упоминавшиеся сочинения св. Исидора Севильского и Кассиодора. Преподаватели монастырских школ также составляли сборники, включавшие в себя труды (или отрывки из них) по свободным искусствам. В библиотечном каталоге монастыря Рейхенау



Библиотечный каталог. Вюрцбург. Около 800 г.
Ballough D. The Age of Charlemagne. L., 1965. P. 111. Il. 4

(821–822) упоминается сборник, включавший «Боэция “Об арифметике” две книги, Псевдо-Боэция “О геометрии” три книги, Алкуина о диалектике и риторике, Арата “Об астрологии” книга первая, книга об искусстве медицины, а также и о прочем книги в едином томе». В состав другой рукописи подобного рода, по свидетельству описавшего ее библиотекаря Рейхенау Регинберта (838–842), входили тексты по истории, грамматике (включая раздел о стихосложении и элементарную хрестоматию для чтения), арифметике, музыке, астрономии, геометрии, риторике, диалектике и географии; рукопись завершается трактатом Фавентия об архитектуре и трактатом о целебных травах Псевдо-Апулея. Те же, кто хотел бы узнать о них более подробно, обращались к трактату Марциана Капеллы, введенному в круг чтения ирландскими учителями в середине IX в.

Однако для учеников монастырских школ и их учителей изучение свободных искусств не было самоцелью. Оно вело к познанию Божественной Премудрости. Эта идея выражалась не только в литературе (существовали стихотворения о Премудрости и семи свободных искусствах), но и в изобразительном искусстве. Так, монастырь Санкт-Галлен в середине IX в. украшала фреска, выполненная мастерами из Рейхенау, где Божественная Премудрость и семь свободных искусств изображались как мать в окружении дочерей.

Прежде чем приступать к изучению семи свободных искусств, нужно было овладеть основами грамотности. Обучение грамоте в каролингской школе начиналось с письма, чтения, пения и счета. Сначала ученики затверживали буквы и учились их писать на дощечках, покрытых воском. Это было удобно, так как можно было много раз использовать одну и ту же поверхность. Более опытные в искусстве письма учились писать перьями на пергаменте. На пустых листах рукописей сохранились следы их трудов: «Кто не умеет писать, тот осел», «Святая Мария, научи меня писать пером», «Учись, отрок, зарабатывать на хлеб умелыми руками», «Учись писать, отрок, чтобы не быть осмеянным».

Первым из семи искусств, ведущих к познанию Божественной Премудрости, считалась грамматика. Марий Викторин, цитируя Варрона, дает грамматике следующее определение: «Искусство грамматики, которое мы называем литературой, есть наука о том, что говорят поэты, историки и ораторы; главное назначение этого искусства – писать, читать, понимать и доказывать». В системе средневекового образования изучение «литературы», т.е. предметов, связанных с языком и текстом (латинского языка, грамматики, риторики), стояло на первом месте. Латинский язык, язык Церкви и культуры, приобрел особое значение в землях, населенных язычниками-германцами, для которых этот язык не был родным. Если уроженец Италии или Испании не изучал латынь и латинскую грамматику в школе, он все же мог говорить и писать на плохой латыни; если же германец пренебрегал знанием этого языка, он оставался неграмотным.

Столкнувшись с необходимостью преподавать латынь как неродной язык, англосаксы и ирландцы к концу VII в. создали особый тип учебника – начальную грамматику, – знакомивший учащихся с частями речи и их свойствами. Учебники такого рода были принесены во Франкию англосаксонскими и ирландскими миссионерами. Кроме того, монастырские школы имели в своем распоряжении еще два вида учебников: комментарии к трактатам Доната и так называемые regulae, знакомившие учащихся с правилами склонения и спряжения латинских существительных и глаголов.

Учителя каролингской школы продолжали использовать в преподавании латыни античные трактаты. К середине IX в. появилось большое количество рукописей, содержащих наиболее полезные для преподавания грамматические трактаты – Доната, Консентия, Фоки, Евтихия, Присциана. Так, до наших дней дошел полный текст произведений Присциана второй четверти века, переписанный в Туре, возможно имеющий отношение к школе, где преподавал еще Алкуин. На полях этой рукописи сохранились современные ей глоссы, позволяющие понять, каким образом происходило преподавание. Объясняя новый материал, учитель по имени Эрменгарий приводил примеры из блаж. Августина, св. Амвросия Медиоланского, св. Исидора Севильского, Досточтимого Беды. Он также сочинял простейшие примеры, содержавшие имена людей из его окружения, возможно, его учеников: «Alloquitur

Свободные искусства. Квадривиум. *Munz P*. Life in the Age of Charlemagne. L., 1969. P. 118. Il. 26

Ermengarius Derbodum» – «Эрменгарий беседует с Дербодом» или «Lego ego Ermengarius, legis tu Cicero» – «Читаю я, Эрменгарий, читаешь ты, Цицерон».

Каролингская школа, опираясь на опыт предшественников, создавала и собственные учебники, которые можно объединить в три группы: начальные грамматики, в основу которых были положены трактаты Доната «Ars minor» и «Ars major», содержавшие основные сведения о природе и свойствах частей речи и дополненные информацией о латинских спряжениях и склонениях; небольшие трактаты, обычно называвшиеся «Declinationes nominum» или «Coniugationes verborum», содержавшие парадигмы спряжений и склонений, а также примеры из священных текстов; комментарии, детально рассматривавшие текст Доната, подобно комментариям к Священному Писанию. Например, грамматические трактаты, написанные Павлом Диаконом и Петром Пизанским, членами Академии Карла Великого, сходны с грамматиками, привезенными во Франкию англосаксонскими миссионерами; комментарии к трактатам Доната, составленные учеными ирландцами, продолжают традицию античных грамматических комментариев и одновременно ирландскую экзегетическую традицию. С начала IX в. особое распространение получили грамматические трактаты в диалогической форме. Таков, например, трактат Алкуина «Dialogus Franconis et Saxonis de octo partibus orationis» – беседа между 14-летним франком и 15-летним саксом, в которой – в виде вопросов и ответов – излагаются сведения из трактатов Присциана и Доната.

Изучая грамматику латыни, неродного языка, ученики каролингской школы обращались к глоссариям. Различные глоссарии того времени известны нам по их первым словам, например «Abstrusa» (составлена не позже начала VII в.) или «Abolita» (составлена не позже начала VIII в.). Глоссы, входящие в состав «Abstrusa», взяты в основном из комментария к Вергилию. «Abolita» содержит глоссы к Вергилию и некоторым пьесам Теренция; составители этого глоссария также обращались к трактату Феста «О значении слов».

В последней четверти VIII в. во Франкии, скорее всего в Корби, был составлен «Liber glossarum», бывший одновременно и словарем, и энциклопедией. Главным источником для словарной части послужили упоминавшиеся выше «Abolita», «Abstrusa» и глоссы из различных рукописей Вергилия; в основу энциклопедических статей положены сочинения св. Исидора Севильского, блаж. Августина, блаж. Иеронима, Орозия и некоторых других авторов.

Не менее важными для изучения латыни оказывались двуязычные списки слов, в которых латинские слова переводились на англосаксонский или верхненемецкий языки.

Большое значение в каролингской Европе уделялось изучению греческого языка. С одной стороны, греческий язык был одним из трех «священных языков» Церкви, с другой – возрождение идеи Римской империи и объединение ее бывших областей под властью христианского императора придавало изучению греческого языка политический смысл.

Образованному франку можно было изучить греческий язык, обращаясь к трем источникам, первым из которых были греки, жившие во Франкии. И отец Карла Великого, Пипин, и сам Карл поддерживали дипломатические отношения с Византией. Предполагалось, что сестра Карла, Гисла, а затем его дочь Ротруда будут выданы замуж за византийских императоров. Обе обучались греческому языку. В правление Пипина для обучения Гислы по инициативе римского папы Павла I во Франкию были присланы первые греческие книги. О том, по каким именно книгам Гисла должна была изучать греческий язык, известно из письма папы королю: несколько богослужебных книг, в их числе антифонал, «а также “Искусство грамматики” Аристотеля (так!), Дионисия Ареопагита, ⟨трактаты⟩ по геометрии, орфографии, грамматике, все написанные греческой речью». О том, что одним из членов придворной Академии Карла был грек, свидетельствует Алкуин, называя его «греческим мудрецом» и «афинским философом». Греки жили во франкских монастырях. Так, считается, что первый перевод трудов св. Дионисия Ареопагита, осуществленный в монастыре Сен-Дени при настоятеле Хильдуине (в правление Людовика Благочестивого), был сделан при участии монахов-греков. Греки и вообще путешественники из восточных областей бывшей Римской империи, пересекая Альпы, останавливались во франкских монастырях. Своим гостеприимством был известен монастырь Рейхенау, пользовавшийся покровительством двора. В нем в 837 г. останавливалось посольство Василия, патриарха Иерусалимского, и Христофора, патриарха Александрийского; из монастырской гостевой книги известно, что путешествующие греки были в Рейхенау частыми гостями; одно время там проживал св. Мефодий, просветитель славян. Однако общение с носителями языка могло быть полезно изучающему греческий язык в том случае, когда сами греки обладали достаточными знаниями, чтобы обучать своему языку. В противном случае могли возникнуть недоразумения. Например, грек, консультировавший Лупа Ферьерского относительно произношения некоторых слов своего языка, ориентировался на современное греческое, то есть византийское, произношение, тогда как Луп был знаком с классическим произношением этих же слов по трактату Присциана, и невозможность разрешить это противоречие привела ученого франка в некоторое недоумение.

Вторым источником знаний вообще и греческого языка, в частности, для каролингской Европы были ирландцы, после 840 г. переселявшиеся во Франкию по причине частых набегов викингов на их родную страну. Наиболее известным среди них был уже упоминавшийся выше Иоанн Скот Эригена, живший при дворе Карла Лысого. Эригена поддерживал тесные отношения с группой ученых ирландцев, обосновавшихся в Лане и пользовавшихся покровительством ланских епископов, например Пардула, который занимал ланскую кафедру с 848 по 857 г. В это время соборную школу Лана возглавлял один из ученых ирландцев, Мартин Скот (ум. 875), занимавшийся препо-

Евангелие на греческом языке с латинским построчным переводом. Культура аббатства Санкт-Галлен / Под ред. В. Фоглера. Stuttgart, 1993. С. 123. Ил. 73

даванием греческого языка. Ему принадлежали дошедшие до наших дней большой греко-латинский и маленький латино-греческий словари и несколько рукописей, которые дают понять, как велось преподавание греческого языка. В число этих рукописей входят греческая грамматика, глоссарии, содержащие греческие слова из грамматики Присциана, из писем блаж. Иеронима, из сжатого переложения «Десяти категорий» Аристотеля, приписываемого св. Августину, и даже из стихов Иоанна Скота Эригены. С соборной школой Лана поддерживала тесные связи школа монастыря св. Германа в Оксерре. Хейрик Оксеррский, составитель «Жития св. Германа», изучал греческий язык под руководством ирландца Илии, позже (ок. 862) ставшего епископом Ангулема.

Кроме Византии и Ирландии, третьей областью, игравшей важную роль в распространении греческого языка, была Италия, в южных областях которой население говорило по-гречески. Так, один из двух больших греко-латинских словарей, известных в каролингской Европе, «Ps.Cyril», был, возможно, составлен в византийской Италии для нужд тех, кто желал читать на греческом языке.

Изучение греческого языка было затруднено тем, что большинство словарей, глоссариев и учебных пособий, которые переписывались в эпоху Каролингов, было рассчитано не на бывших варваров, стремящихся овладеть греческим языком, а на греков, желающих читать по-латыни. Однако уже в середине IX в. появляются первые греческие грамматики, созданные во Франкии и предназначавшиеся для людей, для которых греческий язык не был родным. Всего до наших дней дошло семь рукописей грамматик. Одна из них была написана в монастыре Сен-Дени, другой пользовался Мартин Скот, глава уже упоминавшейся соборной школы Лана.

Уровень знаний в области греческого языка и греческой культуры был весьма различен. Наиболее распространено было знакомство с греческим алфавитом, особенно с «пятью таинственными буквами», по выражению св. Исидора Севильского. Самыми частотными из них в текстах были альфа и омега. Образованные люди знали и те греческие буквы, которые входили в «nomina sacra» – имена, обозначающие Бога.

Обладая определенными знаниями из области грамматики и пользуясь глоссариями, греко-латинскими и латино-греческими текстами Свщ. Писания, святоотеческих комментариев, а также некоторых латинских авторов (например, произведениями св.Исидора Севильского), можно было изучить греческий язык в объеме, достаточном для того, чтобы читать и комментировать богословские тексты. Таким образом изучал греческий язык англосаксонский богослов Беда Досточтимый (ум. 735), который к концу жизни знал его настолько хорошо, что использовал греческий текст для своих комментариев к «Деяниям апостолов».

Наконец, IX век знал нескольких людей, которые владели греческим языком на очень высоком уровне. Существуют косвенные свидетельства то-

го, что Иоанн Скот Эригена и Седулий Скот, которого еще называли Льежским Вергилием, были знакомы с какими-то несохранившимися трактатами по греческой грамматике, позволившими им изучить язык в системе. Прекрасное знание греческого языка позволило Иоанну Скоту переводить произведения св. Дионисия Ареопагита, а другому знатоку – италийцу Анастасию Библиотекарю – познакомить латинский Запад с греческой агиографией. Однако знания такого уровня были в эпоху Каролингов скорее исключением из правил, чем правилом, так как греческий язык, оставаясь за пределами программы большинства соборных и монастырских школ, привлекал внимание лишь узкого круга образованных людей.

Частью грамматики считалось стихосложение, и тут наиболее часто обращались к трактату Досточтимого Беды «Об искусстве метрики». Кроме этого трактата, в каролингских рукописях встречаются «О метрах и загадках и правилах стоп» Альдхельма, «О метрах» Винфрида-Бонифация, сочинение «Метрическое искусство» ирландца Круиндмела, который, возможно, был лично знаком с Валахфридом Страбоном, и стихотворный трактат о метрике самого Валахфрида.

В эпоху Каролингов источниками для изучения риторики и диалектики были сочинения Клавдиана Мамерта, блаж. Августина и Боэция. Для школы их адаптировал Алкуин, использовав эти сочинения в своих трактатах. Сочинения Алкуина и его ученика Кандида были известны в IX в. как «Dicta Albini» и «Dicta Candidi». Изучавшие диалектику по этим книгам рассматривали такие сложные богословские вопросы, как бытие Божие, богосозерцание, две природы Христа. Интерес к диалектике подогревался спорами о почитании икон, о предопределении, о Св. Троице.

В школах риторика и диалектика усваивались на примерах стиля античных и раннехристианских авторов – Цицерона, свт. Киприана Карфагенского, свт. Амвросия Медиоланского, блаж. Августина, св. Илария Пиктавийского, свт. Льва Великого При помощи «предуготовительных упражнений» ученики описывали короля, составляли похвальную речь, или диалог, например спор зимы с весной, или письма, извещающие о кончине или поставлении епископа.

Среди людей, обучавшихся в школах империи, были такие, кто не ограничился школьной программой и продолжал свое образование, собирая и переписывая сочинения античных авторов из любви к изящной словесности. О том, насколько велик был интерес к античной культуре и литературе у таких людей, можно судить по отдельным примерам.

Таков, например, Седулий Скот, проживший в Льеже около десяти лет (ок. 848–858).Он составил сборник выдержек, большую часть которого составляют отрывки из античных авторов. Содержание сборника показывает, что в круг чтения Седулия входили «История Августов», комментарий Макробия к «Сну Сципиона», Валерий Максим, трактаты о тактике и военном деле Вегеция и Фронтина, не менее семи произведений Цицерона, тогда как

Иллюстрация из рукописи комедий Теренция (комедия «Евнух»). Середина IX в. *Heer F.* Charlemagne and his World. L., 1985. P. 184. Il. 5

большинство образованных людей этого времени было знакомо с одним или двумя сочинениями этого автора.

Сборник, принадлежащий перу другого автора, Хадоарда, пресвитера и библиотекаря монастыря Корби, свидетельствует о том, что ему были известны почти все философские трактаты Цицерона, а также трактат «Об ораторе», комментарий Макробия к «Сну Сципиона», трактат Марциана Капеллы, сочинения Саллюстия, комментарий Сервия к «Энеиде». Хадоард поставил перед собой цель собрать высказывания античных авторов на разные темы. Во время чтения он, вероятно, выписывал заинтересовавшие его отрывки на вощеные дощечки, а затем собирал выписки по темам, например «О природе души» или «О премудрости».

Наиболее известным среди знатоков античности Каролингской эпохи являлся Луп Ферьерский. Он с юности собирал и переписывал тексты классиков. Сохранилось несколько переписанных им самим рукописей: «О нахождении» и «Об ораторе» Цицерона, сочинения Авла Геллия, Валерия Максима, Ливия, послания Симмаха, проповеди блаж. Августина. Луп Ферьерский весьма заботился о пополнении своей библиотеки. Он посылал за нужными ему книгами к Эйнхарду, в Тур, Прюм и Фульду, к епископу Йоркскому и даже Римскому Папе. Лупа, как собирателя книг, отличала одна особенность: он стремился достать разные списки одного и того же текста, чтобы сличить их и выправить текст по наиболее полному и правильному из них.

В конце IX в. своей ученостью прославился Ремигий Оксеррский, не только собиравший произведения античных авторов, но и делавший к ним комментарии. Так, известны его комментарии к грамматическим трактатам Доната, Фоки, Евтихия, Присциана, к трактатам «Об искусстве метрики» Досточтимого Беды и трактату Марциана Капеллы о семи свободных искусствах.

«Свободные искусства», составлявшие «квадривиум», преподавались по учебникам античных и раннехристианских авторов. Трактат Боэция «Об арифметике» служил пособием для изучения этой дисциплины. Занятия по арифметике сводились к умножению, делению, умению пользоваться счетами, хронологии и в особенности к составлению пасхалий. Основным учебником для составления пасхалий был трактат Досточтимого Беды «De temporum ratione». В середине века Хельперик, преподававший в Оксерре, положил выписки из этого трактата в основу собственного сочинения, прибавив свои комментарии, так как его ученики не всегда могли запомнить его объяснения, а трактат Беды был для них сложен. Геометрию учили по Боэцию. Кроме того, в качестве учебников, пусть и дававших подчас более общие сведения, использовались уже упоминавшиеся труды св.Исидора Севильского, Кассиодора, Марциана Капеллы, а также Плиния, Витрувия и Виктория Аквитанского.

Составление пасхалий было чрезвычайно важно для империи каролингов, так как до англосаксов в Германии проповедовали ирландцы, вычислявшие дату Пасхи иначе, чем весь остальной христианский мир, ориентировавшийся на практику Рима. О необходимости правильно вычислять дату Пасхи говорилось еще в «Admonitio generalis» (789 г.). Возможно, единообразие пасхалий было темой обсуждения при дворе Карла в 809 г., так как именно в этом году был составлен большой компилятивный труд, посвященный пасхалиям и астрономии и украшенный изображениями созвездий и картой расположения небесных тел. В основу этого труда, позже принятого в качестве учебника в каролингской школе, были положены сочинения Арата, Плиния, св. Исидора Севильского и Беды.

Наиболее всеобъемлющей дисциплиной, входящей в состав «квадривиума», была музыка, или гармония. Она имела малое отношение к пению, с которым ученики каролингской школы знакомились с самого начала. Это была скорее философская дисциплина, соотносившая, например, музыкальные интервалы с расстояниями между планетами и, таким образом, составлявшая представление о музыке сфер. Аврелиан (середина IX в.), монах из бенедиктинского монастыря Реом в Бургундии, автор трактата «О музыке», учил, что эта дисциплина выше всех остальных свободных искусств, ибо это искусство ангелов.

Кроме семи свободных искусств в каролингской школе преподавались так называемые малые, или механические, искусства: астрология, медицина, основы сельского хозяйства, архитектуры. Большое внимание уделялось ис-

тории и географии. Например, сочинения Орозия считались настолько важными, что в Ирландии к ним был сделан комментарий. Существуют также списки произведений Орозия, снабженные не только латинскими, но и древненемецкими и романскими глоссами.

Целью изучения семи свободных исскуств было постижение Божественной Премудрости; затем следовали богословские занятия, изучение Библии. Библию изучали, читая комментарии отцов церкви и Досточтимого Беды к отдельным книгам Ветхого и Нового Завета. До наших дней дошли сборники, включающие в себя комментарии различных авторов. Так, в первой половине IX в., возможно, в Сен-Дени был составлен сборник, куда вошли комментарий Беды к Евангелию от Марка, комментарий св. Амвросия Медиоланского к Евангелию от Луки и трактату св. Августина о Евангелии от Иоанна. Для Теодульфа, епископа Орлеанского, был составлен том, содержащий комментарии различных авторов почти на все книги Библии.

В правление Людовика Благочестивого был предпринят труд комментирования всего Свщ. Писания по инициативе главы дворцовой канцелярии Элисахара, настоятеля монастыря Сен-Рикье. В 14 рукописях сделаны различные пометки, свидетельствующие о проведенной подготовительной работе. Для создания нового комментария должны были использоваться сочинения Евсевия, Руфина, св. Августина, свт. Амвросия Медиоланского, Оригена, св. Викентия Леринского, Фульгенция, свт. Киприана Карфагенского, свт. Василия Великого, свт. Григория Назианзина. Согласно каталогу монастыря Сен-Рикье, датируемому 831 г., библейские комментарии в трех томах были подарены монастырю Элисахаром и находились в монастырской библиотеке (до наших дней дошла лишь небольшая часть этого грандиозного труда – Комментарии на Послание св.ап.Павла к Римлянам).

Немалое значение в эпоху Каролингов придавалось изучению языка, на котором говорило население империи. Церковные соборы в Туре (813 г.) и Майнце (847 г.) предписывали священникам произносить проповеди на родном языке паствы, так как те, кто говорил на диалектах древненемецкого языка, не понимали латыни, а тем, кто говорил на романском языке, была трудна для восприятия книжная латынь. Кроме того, население романоязычных областей империи не понимало жителей ее германоязычных областей. Поэтому путешественникам приходилось пользоваться разговорниками, один из которых сохранился в библиотеке Фульды. Он был составлен на баварском диалекте и предназначен для путешественника из романских стран, знающего латинский язык. В нем даются латинские фразы с параллельными переводами на баварский диалект древненемецкого языка.

Каталог, составленный Регинбертом, библиотекарем Рейхенау, свидетельствует о том, что в монастырской библиотеке были списки древнегерманских поэм, которые использовали на уроках древненемецкого языка.

Интерес к древненемецкому языку в монастырских школах проявился рано, причем тексты записывались на разных диалектах этого языка. Первыми памятниками письменности на древненемецком языке были сборники глосс, древнейшие из которых датируются 750 г., например Санкт-Галленский глоссарий, предположительно написанный на баварском диалекте; этот глоссарий сохранился в трех рукописях IX в. на алеманнском диалекте. Первая половина IX в. отмечена появлением таких памятников древненемецкой аллитерационной поэзии, как «Муспилли» – поэма о Страшном суде, написанная на баварском диалекте (ок. 830), «Хелианд» – поэтическое изложение евангельской истории, записанное на древнесаксонском языке, древнесаксонская «Книга Бытия», поэтическое изложение некоторых эпизодов из Ветхого Завета. Ученик Храбана Мавра, Отфрид (ок. 800 – ок. 871), монах Вейсенбургского монастыря в Эльзасе, в 863–870 гг. составил стихотворное изложение евангельской истории в пяти книгах на древневерхненемецком языке. Примерно к 830 г. относится и перевод с латинского на восточнофранкский диалект «евангельской гармонии» (единого изложения четырех Евангелий), составленной Татианом (II в. н.э.), который был выполнен в Фульде.

Знание древненемецкого языка считалось весьма полезным, поэтому Луп Ферьерский специально послал трех молодых монахов в монастырь Прюм (в той части империи, где говорили на древненемецком языке), чтобы те приобрели необходимые знания.

Карл Великий быстро стал восприниматься как пример мудрого и могущественного правителя. Его царствование становилось эталоном, некой точкой отсчета для потомков. Хейрик Оксеррский, восхваляя Карла Лысого, тем не менее, ставил его в один ряд с его великим дедом: «Вы останетесь навечно в памяти потомков прежде всего за то, что в своем усердии Вы сравнялись и даже превзошли рвение Вашего знаменитого предка Карла». Пример Карла Великого был важен не только для его прямых потомков. Деятельность Карла была повторена в стране, которая немало сделала для появления такого культурного феномена, как Каролингское Возрождение, а именно в раннесредневековой Англии.

На протяжении VIII–IX вв. отношения между Англией и Франкией не прерывались. Выше уже говорилось об англосаксах – миссионерах и придворных, труды которых сыграли важную роль для развития культуры во Франкии. Существовали и дипломатические контакты. Попытки брачных союзов между англосаксонскими королевскими домами и Каролингской династией предпринимались со времен Карла Великого и Оффы Мерсийского. Подобный союз был заключен только в 50-х годах IX в., когда Этельвульф, король Вессекса, вторым браком женился на Юдифи, дочери Карла Лысого. Младший сын Этельвульфа от первого брака, Альфред, в детстве сопровождал своего отца в Рим и побывал вместе с ним при дворе Карла Лысого. Для него, будущего короля объединенной Англии, пример Карла

Великого оказался столь же живым и побуждающим к действию, как и для прямых потомков прославленного правителя.

По примеру Карла Великого Альфред издал сборник законов (ок. 890). До него в раннесредневековой Англии единственным создателем большого свода законов был король Ине (688–726). В некоторых отношениях законы Альфреда испытали прямое влияние франкского законодательства; так, например, подданные Альфреда должны были присягать на верность королю. В изготовлении знаменитой «Драгоценности Альфреда» с надписью «Альфред приказал меня сделать» принимали участие франкские мастера. Как и франкский император, Альфред отстроил свою столицу Винчестер, где появились дворец, собор, новый монастырь. Вероятно, слова биографа Альфреда, Ассера, о «золотых и серебряных зданиях», возведенных по приказу короля, относятся именно к Винчестеру.

В предисловии к переводу «Правила Пастырского» св. Григория Великого Альфред сетовал на то, что среди англосаксов почти не осталось людей, знающих латынь. В его сетованиях была большая доля правды. После почти столетия ежегодных набегов викингов культура Англии была в упадке. Чтобы исправить положение, Альфред не только пригласил к своему двору ученых мужей со всей Англии и из Франкии, но и сам участвовал в литературных трудах. Ему принадлежат переводы на древнеанглийский язык уже упоминавшегося «Правила Пастырского» и «Утешения философией» Боэция. Таким образом, Англия, которая около 200 лет назад способствовала созданию основ каролингской культуры, сама вошла в орбиту ее распространения.

В сознании последующих поколений раннесредневековая Англия осталась тем источником, который питал своей ученостью школы на континенте. В пояснении к рукописи Адемара Шабаннского (ум. 1034) монах Готберт писал о пути, пройденном европейской школой эпохи Каролингов, следующим образом: «Феодор, монах из Тарса Киликийского, и авва Адриан из греческой школы некогда поселились в Риме и, наученные равно латинской и греческой словесности, а также свободным искусствам, они были посланы Римским Папой на остров Британию и ее просветили как спасительными доказательствами веры, так еще и учением светской философии; их преданным учеником был досточтимый муж Альдхельм, и, как известно, его преемником был Беда. Из этого источника произошел, почерпая потоки учения, Храбан по прозвищу Мавр, учитель, оставивший собственную школу; он был приглашен из заморских краев галльскими епископами или франкскими королями ради преподавания и после был украшен почестью епископства; Храбан получил образование у Алкуина, по прозвищу Альбина; приняв школу, Храбан ревностно распространял ученость и оставил Смарагду учение философов и равнину церковной поэзии; признано, что Смарагд, как видно, показал путь Теодульфу, ставшему после епископом Орлеанским; тот украсил философскими искусствами Иоанна Скотигену, а равно и

Илию, происходившего из этого же народа, мужа, ученейшего во всех областях; и Илия, воспитав Хейрика, был удостоен Ангулемской кафедры; далее Хейрик обучил Ремигия, монаха Св. Германа в городе Оксерре, а также другого, Хукбальда, монаха Св. Аманда; первого поручил наукам, второго музам; далее были многие последователи Ремигия, превосходящие его». Несмотря на некоторые неточности, это обобщение верно отмечает главные достижения VIII–IX вв.: перемещение центров просвещения из Англии и Ирландии в Европу и начало создания на континенте единой средневековой культуры, в которой школа играла не последнюю роль.

Библиография

Жильсон Э. Философия в средние века. М., 2004.

Петров В.В. Accessus Iohannis Scotti // Иоанн Скот Эриугена. Гомилия на пролог Евангелия от Иоанна. М., 1995.

Хрестоматия по истории немецкого языка / Сост. Н.С. Чемоданов. М., 1978.

Шишков А.М. Средневековая интеллектуальная культура. М., 2003.

Alfred's Preface to «Cura Pastoralis» // Lehnert M. Poetry and Prose of the Anglo-Saxons. B., 1955.

Ballough D. The age of Charlemagne. L., 1965.

Berschin W. Greek Elements in Medieval Latin Manuscripts// The Sacred Nectar of the Greeks. The Study of Greek in the West in the Early Middle Ages. L., 1988.

Berschin W. Greek Letters and the Latin Middle Ages: from Jerome to Nicolas of Cusa / Transl. J.C. Frakes. Washington, 1988.

Bischoff B. Libraries and Schools in the Carolingian Revival of Learning // Manuscripts and Libraries in the Age of Charlemagne / Transl. M. Gorman. Cambridge, 1994.

Bolgar R.R. The Classical Heritage and its Beneficiaries. Cambridge, 1954.

Bright W. Chapters of Early English Church History. Oxford, 1878.

Brooks N. The Early History of the Church of Canterbury. Oxford, 1984.

Colish M.L. Medieval Foundations of the Western Intellectual Tradition. 400–1400. L., 1998.

Contreni J.J. The Pursuit of Knowledge in Carolingian Europe // The Gentle Voices of Teachers: Aspects of Learning in the Carolingian Age. Columbus, 1995.

Dionisotti A.C. Greek Grammars and Dictionaries in Carolingian Europe // The Sacred Nectar of the Greeks. The Study of Greek in the West in the Early Middle Ages. L., 1988.

Fletcher R.A. Who's who in Roman Britain and Anglo-Saxon England. L., 1989.

Ganz D. Visions of Carolingian Education: Past, Present, and Future // The Gentle Voices of Teachers: Aspects of Learning in the Carolingian Age. Columbus, 1995.

Garrison M. The emergence of Carolingian Latin literature and the court of Charlemagne (780-814) // Carolingian Culture: Emulation and Innovation / Ed. R. McKitterick. Cambridge, 1994.

Heer F. Charlemagne and his World. L., 1975.

Herren M. Evidence for «Vulgar Greek» from Early Medieval Latin Texts and Manuscripts // The Sacred Nectar of the Greeks. The Study of Greek in the West in the Early Middle Ages. L., 1988.

Jones P.P. The Gregorian Mission and English Education // Speculum. 1928. III.

Laistner M.L.W. Thought and Letters in Western Europe. AD. 500 to 900. L., 1931.

Law V. Grammar and Grammarians in the Early Middle Ages. L., 1997.

Leclercq J. The love of Learning and the Desire for God. L., 1978.

McKitterick R. The Carolingians and the Written Word. Cambridge, 1989.

McKitterick R. The Diffusion of Insular Culture in Neustria between 650 and 850: the Implications of the Manuscript Evidence // La Neustrie. Les payes au Nord de la Loire de 650 à 850 / Publ. par H. Atsma. Vol. 2. Sigmaringen, 1989.

McKitterick R. The Palace School of Charles the Bald // The Frankish Kings and Culture in the Early Middle Ages. Aldershot, 1995.
Meyendorf J. Imperial Unity and Christian Division. N.Y., 1989.
Migne J.-P. Patrologiae Latinae Cursus Completus. Vol. 101. P., 1851.
Monumenta Germaniae Historica. Epistolae. Vol. 3. B., 1892.
Munz P. Life in the Age of Charlemagne. L., 1969.
Whitelock D. The Beginnings of English Society. L., 1977.
Williams H. Some Aspects of the Christian Church in Wales during the V–VIth Centuries // Transactions of the Honourable Society of Cummorodorion. L., 1893–1894.

Винфрид-Бонифаций

*

Винфрид (ок. 675 – 5 июня 754) был уроженцем Англии. Он принадлежал к знатной семье, жившей в Кредитоне (ныне Киртон в Девоншире). Родители дали ему хорошее образование, надеясь, что он преуспеет на королевской службе, но Винфрид, часто встречаясь в родительском доме со странствующими монахами–миссионерами, пожелал принять монашество. С большим трудом он добился разрешения семьи и поступил в монастырь Адесканкастер (на месте современного города Эксетера), где находился семь лет, а затем перешел в монастырь Нутскелле, где завершил свое образование, изучая не только Свщ. Писание, но и грамматику, риторику, метрику и историю. В этом же монастыре в возрасте 30 лет Винфрид был рукоположен во пресвитера. По решению настоятеля Винберта он возглавил монастырскую школу.

Винфрид вскоре прославился не только как педагог, но и как блистательный проповедник, но такое положение дел не удовлетворяло его. Он мечтал стать миссионером и проповедовать христианство в Европе, в тех областях Германии, откуда предки англосаксов переселились в Англию. После многочисленных просьб настоятель монастыря дал на это свое согласие, и в 716 г. Винфрид отправился во Фризию, где и до него проповедовали англосаксонские миссионеры, самым известным из которых был Виллиброрд. В 718–719 гг. Винфрид посетил Рим, был весьма милостиво принят папой Григорием II и получил от него право проповедовать Евангелие германцам-язычникам. Он отправился в Баварию и Гессен, но во время путешествия узнал, что его помощь нужна Виллиброрду во Фризии. В течение трех лет Винфрид оставался во Фризии, затем переехал в Гессен и оттуда отправился в Рим (722 г.), где был рукоположен во епископа с именем Бонифаций и получил от папы письмо к Карлу Мартелу. При покровительстве короля Винфрид проповедовал христианство в Гессене и Тюрингии, где основал много монастырей, ставших центрами миссионерской работы.

В 732 г. папа Григорий III сделал Винфрида архиепископом Майнцским с правом ставить епископов для зарейнской Германии, а в 738 г., когда Карл Мартел одержал победу в Вестфалии над саксами-язычниками, для Винфрида и его соратников открылось новое поле деятельности.

Кроме миссионерства, Винфрид занимался церковной реформой во Франкии и Германии, созывал церковные соборы (например, в 742–745), на которых Бенедиктинский устав был признан основным для монастырей государства Каролингов. Труды Винфрида по распространению Бенедиктинского устава будут позже продолжены Бенедиктом Анианским.

В 751 г. Винфрид, передав управление Майнцской диоцезой своему ученику Луллу, вновь отправился во Фризию. В одной из миссионерских поездок он и его спутники были убиты язычниками. Похоронен Винфрид в монастыре Фульда.

Из «Огласительных бесед»

О восьми евангельских блаженствах

1. Когда Господь Иисус проповедовал в неком месте и исцелил многих немощных, многие толпы сошлись к Нему, и Он взошел на возвышенное место и начал учить их, говоря: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное» [Мф 5, 3–10]. Господь пообещал блаженство Царства Небесного сохраняющим Его предписания, и сначала Он говорит о смирении следующее: «Блаженны нищие духом...» [Мф 5, 3]. Он потому говорит «нищие духом», чтобы мы не думали, что блаженны те, кого делают нищими нужда и бедность; но поистине блаженны те, кто смиряются в духе и не превозносятся в гордости, хотя бы они и имели богатство, но в смирении славят Бога, Который всегда творит благое надеющимся на Него. Ведь смирение есть основание всех добродетелей: «ибо их есть Царство Небесное» [Мф 5, 3]. Чрез гордыню и непослушание человек утратил Царство Небес, и потому посредством смирения и послушания мы должны стяжать Царство Божие.

2. «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» [Мф 5, 5]. Господь кроток по отношению к нам и подает нам все необходимое. Он делает это потому, чтобы и мы были кротки и добросердечны по отношению к нашим ближним и всегда творили бы им добро, какое можем, как и Сам Господь увещает в другом месте, говоря: «Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим» [Мф 11, 29]. Кроткие будут владеть землей, но не этой вот землей, которая подвержена тлению, полна мертвых тел, часто попираема по причине гордыни, осквернена по причине кровавых войн; но та земля будет принадлежать кротким, о которой некий святой сказал: «Я верую, что увижу благость Господа на земле живых» [Пс 27, 13]. Это та земля, где обитают ангелы и души святых, где вечная радость и счастье без конца.

3. «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» [Мф 5, 4]. Блаженны те, кто в сем веке оплакивают свои грехи, чтобы не возрыдать с диаволом в вечных муках. Лучше здесь малое время каяться в прегрешениях и радоваться в вечности со светлыми, чем невоздержно предаваться мимолетным радостям века сего и после этой жизни нести наказание вечных мук. Да уподобимся мы тем, кому Господь говорит: «Вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет» [Ин 16, 20].

4. «Блаженны алчущие и жаждущие правды» [Мф 5, 6]. Не все блаженны, кто испытывает голод и жажду, но лишь те блаженны, кто всегда ал-

чет правды. Поистине так мы должны алкать правды, чтобы мы никогда не подумали, что мы в достаточной мере праведны, но будем всегда умолять Бога, чтобы Он преложил наши провинности во благо; ведь тот, кто думает, что он в достаточной мере праведен, не алчет правды, но надмевается гордостью и немедленно падает. Смиренный же всегда будет идти от добродетели к добродетели и находить радость в том, чтобы идти вперед к лучшему.

5. «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» [Мф 5, 7]. Мы очень хотим, чтобы Господь отпустил нам наши прегрешения, когда мы каемся. Так и мы должны прощать долги нашим ближним, когда они об этом просят, что и Сам Господь сказал: «Будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд» [Лк 6, 36]. Ибо милостивые будут помилованы; ведь если мы отпустим людям их грехи, отпустит и нам Отец наш Небесный прегрешения наши.

6. «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» [Мф 5, 8]. Те станут чистыми сердцем, кто изгоняют из своего сердца всю злобу, и лукавство, и зависть, и похоть, кто очищают совесть любовью, целомудрием, праведностью и другими святыми добродетелями, чтобы они смогли узреть Бога в Царстве Небесном. Ведь Бог не хочет обитать в теле, оскверненном грехами; потому очистим себя от всяческой скверны плоти и души, чтобы Бог обитал в телах наших и обращал нас ко всякому благому делу. Если мы будем исповедовать свои грехи, и исправимся, и не вернемся к ним, Бог очистит нас от наших грехов, и исполнит нас небесных добродетелей, и сделает нас достойными небесного блаженства вместе со всеми святыми. Если же мы утаим свои прегрешения, Бог сделает их явными, хотим ли мы этого или не хотим. И лучше перед одним человеком исповедать грехи, чем на Страшном суде, стоя перед Тремя Сородичами, перед землей, небом и преисподней, сделать их всеобщим достоянием и испытывать стыд за грехи не как целительное средство, а как вечную муку[1].

7. «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» [Мф 5, 9]. Мы должны стремиться к миру так, чтобы мы сперва сами примирились с Богом, желая исполнить то, что Он предписал, и избегая зла, которое ненавистно Богу. Далее мы должны творить мир между нашими ближними, если мы видим, что они не согласны друг с другом. Посредством мира мы будем названы сынами Божиими. Велика благость Божия, и невыразима кротость Создателя: мы, не достойные быть рабами Божиими, будем названы Его сынами. Итак, будем стремиться к тому, чтобы мы смогли стать достойными столь великого наследства благодаря добрым делам; не удалим сами себя от столь милостивого Отца, Который удостоил нас причислиться к Его сынам.

8. «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное» [Мф 5, 10]. Христос, Сын Божий, претерпел за нас бичевания и поношения и, наконец, принял за нас самую смерть; должны и мы терпеливо переносить любые несчастья во имя Его, ибо многими скорбями входим мы в Царство

Распятие. *Munz P.* Life in the Age of Charlemagne. L., 1969. P. 92. Il. 18

Божие, если несем их за правду. Нам уготовано блаженство; да приуготовим мы себя к нему всем желанием сердца. Нас всех ожидают святые ангелы и радуются тому, что мы хотим прийти к ним. Так восхвалим же милосердие Божие да воздадим Ему во всем благодарение и будем всегда просить, чтобы Тот, Кто удостоил нас спасения, Сам очистил нас от всех прегрешений и сделал нас общниками Своего Царства со всеми святыми. Ему честь и слава во веки веков. Аминь.

Слово о вере и делах любви

1. Прошу вас припомнить все, что вы пообещали в крещении Всемогущему Богу: во-первых, веровать во Всемогущего Бога Отца и в Сына Его Иисуса Христа и в Святого Духа, Единого в совершенной Троице Всемогущего Бога. Но так как написано: «вера без дел мертва» [Иак 2, 26], тот, кто познал Бога, должен хранить заповеди, исполнять и сохранять вот эти заповеди Божии, о которых мы вам рассказываем, а именно: люби Бога, Которого и ты исповедал, всем сердцем, и всей душой, и всеми силами; затем любите своих ближних, как самих себя. В этих двух заповедях заключается смысл всего закона и всех пророков. Начало премудрости – страх Господень, совершенство и есть любовь. Чтобы вы смогли стяжать эту Любовь, Которая есть Господь, по предписанию апостольскому, имейте со всеми мир, как Господь говорит: «…любите истину и мир» [Зах 8, 19], терпение, ибо сказал Он: «…терпением вашим спасайте души ваши» [Лк 21, 19]. Имейте милосердие, ибо Господь предписал: «…будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд» [Лк 6, 36] и в другом месте: «…блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» [Мф 5, 7]. Будьте сострадательны, по слову апостольскому: «Будьте добры друг ко другу, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил нас» [Ефес 4, 32]. Будьте святы, как говорит апостол: «…старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа» [Евр 12, 14]. Будьте непорочны сердцем и телом, ибо Господь сказал: «...блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» [Мф 5, 8]. Храните верность супругам, ибо сказано Господом: «…что Бог сочетал, того человек да не разлучает» [Мк 10, 9]. Пусть мужья целомудренно любят своих жен, как предписал апостол: «Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь» [Ефес 5, 25]. Пусть жены боятся мужей, ибо Господь сказал женщине: «…к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою» [Быт 3, 16]. Учите сыновей своих, чтобы они боялись Бога; а равно и семью вашу, чтобы никто не погиб для Бога по причине вашего небрежения; и всех соседей ваших побуждайте к тому, чтобы они творили добро, потому что написано: «…обративший грешника от ложного пути его спасает душу от смерти и покроет множество грехов» [Иак 5, 20]. Несогласных призывайте к согласию, ибо блаженны стопы приносящих мир. Кто выслушивает тяжбы, пусть судит праведно, ибо Господь говорит: «…по

правде суди ближнего твоего» [Лев 19, 15]. И в другом месте: «...каким судом судите, сами будете судимы» [Мф 7, 2]. Не принимайте мзды, ибо есть слово Божие: «...дары ослепляют глаза мудрых и превращают дело правых» [Втор 16, 19]. Господь говорит, что в круге Его, то есть в Царстве Его, не будет обитать тот, кто «принимает дары против невинного» [Пс 14, 15].

2. Соблюдайте день Господень, спешите в церковь, ибо в этот день Господь воскрес из мертвых, чтобы и нам также подать пример Воскресения. Молитесь так и усердно избегайте досужих толков и болтливости, ибо написано: «Дом мой есть дом молитвы» [Лк 19, 46]. Потому вы должны молиться в храме, а не суесловить без толку. Милостыню давайте по силам, ибо «вода угасит пламень огня, и милостыня очистит грехи» [Сир 3, 30]. Будьте гостеприимны по отношению друг к другу, ибо на Страшном суде Господь скажет: «...был странником, и вы приняли меня» [Мф 25, 36]. Потому некие люди угодили Богу, когда оказали гостеприимство ангелам. Принимайте странников и помните, что вы сами странники в веке сем. Больных посещайте, ибо и Господь скажет: «...был болен, и вы посетили меня» [Мф 25, 36]. Вдовам и девочкам-сиротам служите, ибо скажет Господь: «...так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» [Мф 25, 40]. Давайте десятину церкви, ибо Господь предписал: «отдавайте кесарево кесарю» [Мк 12, 17], то есть дань и налоги, «а Божие Богу» [Мк 12, 17], то есть десятины и первины, и все жертвы по обету, которые вы решили принести, как предписал Господь: «...во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки» [Мф 7, 12]. Если вы исполните это служение любви по отношению друг к другу, вы исполните все предписания. Везде одного лишь Бога бойтесь, правителя почитайте, ибо написано: «...нет власти не от Бога... посему противящийся власти противится Божию установлению» [Рим 13, 1, 2]. Потому подчиняйтесь благим предписаниям. Оценки имущества не избегайте, по предписанию апостольскому «кому подать – подать; кому оброк – оброк» [Рим 13, 7]. Рабы по плоти, какие здесь есть, слушайтесь своих хозяев, как приказал апостол, не только в их присутствии, словно человекоугодничая, но добровольно и в простоте сердца. И вы, хозяева, поступайте так же по отношению к рабам своим, будьте к ним справедливы и милосердны, зная, что Господь в небе – и ваш, и их.

3. Молитву Господню знайте наизусть, ибо в ней вкратце содержатся прошения о всех нуждах этой временной жизни, а также в полной мере – будущей. Христос научил нас этой молитве, поэтому она называется Господня. Он предписал нам так молиться. Знайте также на память Символ веры, ибо написано: «без веры угодить Богу невозможно» [Евр 11, 6]. И потому вы и сами веруйте, как там говорится, и передавайте эту же веру и сыновьям вашим, и тем, кого вы принимаете от купели, ибо вы стали за них поручителями, и они должны веровать так, как вы их учите. Знайте еще, что вы должны креститься один раз, не более, и один лишь раз приступать к «подтверж-

дению», ибо апостолы единожды возлагали руки на верующих, чтобы те приняли Духа Святого.

4. Предписанные вам и общепринятые посты весьма любите, ибо воздержание и милостыня угодны Богу; Он помиловал ниневитян, постившихся три дня. Любите справедливость, как написано: «Любите справедливость, судьи земли» [Прем 1, 1]. Не соглашайтесь на увещания диавольские, но по предписанию апостольскому «противостаньте диаволу, и убежит от вас» [Иак 4, 7], в положенное время принимайте Причастие Тела и Крови Господней.

5. Сии суть, братия мои возлюбленные, дела веры, которые до́лжно выполнять всем христианам в совокупности. Кто не желает быть участником их дел в веке сем, не сможет быть общником Царства Божия в будущем веке; и мы, ничтожные и смиренные, побуждаемые, однако, любовью и беспокойством о вас, перечислили все это вам потому, чтобы никто не извинял себя, говоря: «Не могу различить добра и зла, праведного и неправедного, не вижу разницы, не знаю, от чего отказаться, что делать». Итак, ныне «отвращайтесь зла» [Рим 12, 9], как написано, и «прилепляйтесь добру» [Рим 12, 9]. Если вы будете так поступать, Господь дает вам большее понимание и нравственное совершенство, чтобы вы захотели узнать и исполнять еще лучшие и большие божественные заповеди. И вам, непрестанно вплоть до кончины подвизающимся в этих делах, Бог не только отпустит грехи, но и даст, словно собственным сынам, вечное Небесное Царство. Вы будете «наследники Божии» [Рим 8, 17], по слову апостольскому: «сонаследники же Христа» [Рим 8, 17].

6. Еще веруйте, что Христос Сын Божий придет, чтобы судить живых и мертвых в Судный день, как Он заповедал апостолам, возносясь на небо, устами ангелов, которые говорили: «...увидите Сына Человеческого, восходящего туда, где был прежде» [Ин 6, 62]. Тогда увидит его всякая плоть, как сказал пророк: «...узрит всякая плоть спасение Божие» [Ис 40, 65]. Нечестивцы увидят Того, Кого они презрели, но убоятся, а не возрадуются, ибо не будут иметь с Ним радости, как написано: «Изымется грешник, да не увидит славы Божией» [Ис 26, 10]. Тогда праведные, которых в веке сем угнетали нечестивцы, будут отделены от них. Нечестивые понесут в темницах мучительное наказание вместе с диаволом; праведные прославятся в Царстве Небесном с Господом. Нечестивцы получат тела, чтобы в той плоти, которой они грешили, они мучились в вечности. Праведники получат тела, чтобы в той плоти, которой они верно служили Богу, они приняли награду от милосердного Бога. Тогда все воспрянут, как говорит апостол: «...не все мы умрем, но все изменимся» [1 Кор 15, 51], но только праведники изменятся к славе, «и пойдут грешники в муку вечную» [Мф 25, 46], как говорит Истина, «а праведники в жизнь вечную» [Мф 25, 46]. Тогда праведники просияют, словно солнце в Царстве Отца их; там будет жизнь с Богом без страха смерти, там Свет Неубывающий, там никогда нет мрака; там здравие, которое не

расстроит никакая болезнь; там неиссякающее изобилие для тех, кто ныне алчут и жаждут правды; там благоденствие, которое не нарушает никакой страх; там радость, которую не уменьшает никакая печаль; там вечная слава с ангелами и архангелами, с праотцами и пророками, с апостолами и мучениками, с исповедниками и святыми девами, следующими за Христом, куда бы Он ни пошел; там даровано святым большее и лучшее, более приятное и сладкое, более любезное и радостное, чем можно узнать или выразить словом; ибо, как говорит апостол: «...не видел того глаз, не слышало того ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» [1 Кор 2, 9], те радости, к которым приводит вас Тот, Кто создал вас. То, сыночки, то, братия возлюбленные, что я, грешный, смиренно вам устами посоветовал, чувствам и сердцу вашему более спасительно скажет Своею силою Всемогущая Троица, Отец и Сын и Дух Святой, Которая живет и царствует во веки веков. Аминь.

Письмо Винфрида к Эадбурге[2] (725 г.)

Блаженнейшей деве, более того, любезнейшей госпоже Эадбурге, достойно исполняющей правило монашеского жития, я, ничтожный Винфрид, в глубочайшей милости Иисуса Христа желаю здравствовать.

Ты просишь меня, возлюбленная сестра, чтобы я позаботился в письме открыть и переслать известия о достойных удивления видениях, явленных тому воскресшему, который недавно умер и ожил в монастыре настоятельницы Мильбурги, так, как я узнал о них по рассказам почтенной настоятельницы Хильдемеды. Более того, приношу благодарение Всемогущему Богу, что я могу исполнить это тем полнее и яснее, согласно желанию твоей любви, с помощью Божией, потому что я побеседовал с вышеназванным ожившим братом, когда он недавно приехал в эти области из заморских стран; и он изложил мне своими собственными словами достойные изумления видения, которые он, восхи́щенный из своего тела, видел в духе.

Сей брат говорил, что он был внезапно исторгнут из бремени плоти посредством приступа неодолимой болезни и что наиболее близко следующее сравнение: как если бы глаза видящих и бдящих людей были покрыты плотным покрывалом, и внезапно снимается покров, и тогда ясно различимым становится все, что прежде было невидимо, и скрыто, и неизвестно. Так, когда он был вырван из земного покрова плоти, перед его взором был собран весь мир, все части земли, так что народы и моря можно было охватить одним взглядом; и ангелы столь великого сияния и славы приняли его, вышедшего из тела, что он не мог узреть ничего, кроме их великого блеска. Они радостными и созвучными голосами пели: «Господи! не в ярости Твоей обличай меня и не во гневе Твоем наказывай меня» [Пс 6, 2]. «И подняли меня, – сказал он, – в воздух, и я видел по окружности всего мира пышущее

пламя огромной величины, ужасающим образом поднимающееся ввысь, так что все устройство мира было бы охвачено огнем, если бы святой ангел не сдержал его, запечатлев знаком Святого Креста Христова; когда же навстречу грозящему пламени он изобразил знак Креста Христова, тогда громадное пламя, частично уменьшившись, осело; я невыносимо мучился от ужасного жара этого пламени; наиболее горячо было глазам, потрясенным блеском сияющих, подобно молнии, духов, до тех пор пока ангел блистающего вида не коснулся моей головы наложением своей руки, словно защищая, и избавил меня от повреждения огнем».

Затем сей брат рассказывал, что в то время, когда он был вне тела, столь великое множество душ, уходящих из тела, сошлось туда, где он пребывал, что ему подумалось, что стольких людей прежде и на свете не было. Он рассказал, что там присутствовала также бесчисленная толпа злых духов и светлейший хор высших ангелов; и падшие духи и светлые ангелы имели рассуждение о душах, исходящих из тел. Демоны рассуждали, обвиняя и утяжеляя груз грехов, ангелы же – облегчая и оправдывая. И он услышал голоса собственных грехов и бесчестных поступков, которые он творил от юности своей и или пренебрег исповедать их, или предал забвению, или вообще не знал, что это относится ко греху. Эти грехи и поступки вопияли против него своими собственными голосами и жесточайше обвиняли его; и особо каждый порок, словно бы от своего лица, являлся среди всех, говоря нечто: «Я желание твое, которым ты часто желал недозволенного и противного предписаниям Божиим»; один из них: «Я пустая слава, которой ты себя хвастливо превозносил среди людей»; а тот: «Я обман, которым ты согрешил, произнося ложь», иной: «...я ви́дение, которым ты согрешил, взирая на недозволенное», какой-то: «…я упрямство и непослушание, из-за которых ты не покорялся старейшинам духовным», еще один: «…я оцепенение и безделье в пренебрежении святыми занятиями»; иной: «...я бессвязное рассуждение и бесполезная забота, которыми ты занимал себя без меры или в церкви, или вне ее», другой: «…я сонливость, из-за которой ты поздно восстал к исповеданию Бога», еще один: «…я путь праздности», какой-то: «…я пренебрежение и беззаботность, которые отвлекали тебя, чтобы ты был беспечен к изучению Божественного знания», и все прочее этим подобное, которое во дни жизни своей, живя во плоти, совершил и пренебрег исповедать». Многое также, о чем он вовсе не знал как о греховном, кричало все против него ужасающим образом. Равно и злые духи шумели все вместе, обвиняя его во всех пороках и сурово свидетельствуя, поминали и место, и время совершения позорных дел, крича хором, доказывали то, что называли грехами. Он увидел также некоего человека, которому он нанес рану, еще живя в миру. Он рассказывал, что тот и до сих пор пребывает в сей земной жизни. Этот человек был приведен на свидетельство злых дел сего брата, и самая кровь, крича своим голосом, упрекала его и вменяла ему в вину жестокое преступление кровопролития, и так, нагромоздив и перечислив грехи, они

утвердили власть древнего врага тем, что он, несомненно, по их законам и условиям виновен в грехах. «И напротив, – он сказал, – оправдывая меня, выкрикивали по отдельности слабые добродетели души, веления которых я, несчастный, недостойно и несовершенно исполнял. Некая добродетель сказала: "Я послушание, которое он оказал духовным старейшинам", другая: "...я пост, которым он обуздывал свое тело, борясь с желаниями плоти", иная: "...я чистая речь, которую он изливал пред очами Божиими"; еще одна: "...я служение немощным, которое он кротко оказал больным", какая-то: "...я псалом, который он спел Господу в искупление праздной речи", и так каждая добродетель выкликала против равного ей соперника, греха, оправдывая меня; и духи величайшей чистоты укрепляли их похвалой, встав на мою защиту. И эти вот добродетели, весьма усилившиеся все вместе, мне показались и много больше, и заметнее, чем в то время, когда я достойно следовал их велениям».

Между тем он рассказывал, что в том мире, словно в аду, он увидел много огненных ям, извергающих ужасное пламя, и когда разверзлась земля, вылетели страшные языки огня; и души несчастных людей, подобные черным птицам, горько плача и рыдая, сквозь пламя пронзительно кричали словами и голосом человеческим, и, оплакивая свои провинности и нынешнюю муку, они чуть-чуть отступали, повисая на краях ям, и снова с громкими стенаниями падали в них. И один из ангелов сказал: «Это малейшее отдохновение показывает, что Всемогущий Бог в день будущего Суда дарует этим душам облегчение мучений и вечный покой». «Под этими ямами, настолько глубоко в нижних областях, да, в самой глубине, словно в самом низу нижних областей, я услышал стон и рыдание стенающих душ, внушающие страх и трепет и не поддающиеся словесному описанию». И сказал ему ангел: «Вой и рыдание, которые ты слышишь в нижних областях, [издают] те души, которых никогда не достигнет благое сострадание Господа, но их будет мучить без конца вечное пламя». Он увидел также место необыкновенной красоты, в котором славное множество прекрасных людей веселились великой радостью. Они приглашали его, чтобы он пришел, если ему будет позволено, радоваться с ними. И оттуда исходило благоухание удивительной сладости, которое было дыханием радующихся там блаженных духов; о каковом месте святые ангелы утверждали, что это славный рай Господень.

Он видел также и огненно-смоляную реку, кипящую и пылающую, вид ее вызывал страх и удивление. Через нее наподобие моста было положено дерево. К нему поспешали святые и славные души, отделяясь от того собрания. Они желали перейти на другой берег, и некие переходили уверенно, не колеблясь; некие же, потрясенные, падали с дерева в тартарскую реку; и иные окунались, словно погружаясь всем телом, иные же на некую часть, словно до середины колена, некие же до подмышек; и, однако, каждый из падающих поднимался на другой берег реки более светлым и прекрасным, чем прежде падал в кипящую смоляную реку. И один из блаженных ангелов

сказал об этих падающих душах: «…эти души такие, которые после исхода смертной жизни, не совсем отстраненные от чистоты некими легкими грехами, нуждаются в каком-нибудь благом наказании сострадающего Бога, чтобы достойно предстать пред Ним».

И по эту сторону реки сей брат увидел стены, блистающие ярким блеском, изумительной длины и необычайной высоты, и святые ангелы сказали: «Это тот святой и славный город Небесный Иерусалим, в котором вечно радуются эти вот святые души». Он сказал, что и эти души и стены этого вот славного города, к которому они торопились после перехода реки, воссияли столь великим сиянием необыкновенного блеска и сверканием, что зрачки его глаз отразили этот свет, и он не мог ничего увидеть ими, кроме величайшего сияния.

Он также рассказал, что в это собрание в числе прочих пришла душа того человека, который преставился в сане настоятеля; видно было, что она красива и по внешности, и по общему виду; злые духи, захватив ее, спорили о том, каковы должны быть ее участь и условия наказания. Один из хора ангелов ответил, говоря: «Я вам быстро покажу, несчастнейшие духи, что признано, что эта душа не в вашей власти». И когда такое было сказано, внезапно появилась великая когорта светлых душ, которые говорили: «Вот этот был наш старец и учитель, и всех нас он привлек к Богу своим наставничеством; и он выкуплен этой ценой; и да будет известно, что он не в вашей власти»; и словно бы с ангелами против демонов они вступили в битву, и освободили его, вырвав эту душу из-под власти злых демонов. И тогда, упрекая, ангел сказал демонам: «Узнайте же и постигните, что вот эту душу вы схватили беззаконно, и изыдите, несчастнейшие духи, в вечный огонь». Когда ангел сказал это, тотчас злые духи подняли плач и рыдание великое, в этот же миг, словно в мгновение ока, быстро летя, они бросились в вышеупомянутые огненные ямы, и, вынырнув через малый промежуток времени, они вновь спорили о вине душ, борясь в этом собрании. Он говорил, что в это время он смог узреть провинности различных людей, еще пребывающих в сей жизни, и те, кто не был повинен в [тяжелых] преступлениях и кто был отмечен святыми добродетелями, признавались, что они имели милость у Бога, всегда защищенные ангелами и пребывающие в безопасности, были удостоены их любви и близости. Те же, кто был запятнан ужасными преступлениями и нечистотой оскверненной жизни, были постоянно объединены с противными духами и всегда побуждаемы к преступлениям; всякий раз, когда они грешили словом или делом, их злокозненные спутники являли это немедленно, словно к ликованию и радости, раскрывая это перед прочими злыми духами. И когда человек согрешил, никогда злой дух не удерживал его, делая ему помехи, ожидая, пока он снова не согрешит, но по отдельности о каждом из пороков он оповещал других духов, и внезапно те грехи, к которым он побуждал человека, тотчас же как совершённые показывал другим демонам.

Между тем этот брат рассказал, что видел некую отроковицу, в сей земной жизни мелющую на жерновах, которая видит около себя лежащую новую прялку другой девы, украшенную резьбой; прялка показалась ей красивой, и она ее украла. Тогда, словно великой радостью исполненные, пять отвратительнейших духов поведали об этой краже другим на сборище, свидетельствуя, что она грешница и повинна в воровстве. Он упомянул также: «Я видел там печальную душу некоего брата, который умер незадолго до этого; ему я прежде служил в его смертельной болезни и совершил его погребение; он, умирая, предписал мне, чтобы я велел его родному брату, засвидетельствовав его слова, отпустить на волю ради его души некую служанку, находившуюся в их совместном владении». Родной его брат, которому помешала скупость, не исполнил его прошения; в этом вышеназванная душа обвинила глубокими вздохами неверного брата и жаловалась, сильно его порицая. И подобным же образом он свидетельствовал о короле мерсийцев Кеолреде[3], но, в то время когда ему было явлено видение, король был еще, без сомнения, жив. Как я сказал, он видел короля защищенным от нападения демонов некой ангельской сенью, словно протягновением и распростиранием некой огромной книги. Демоны, тяжело дыша, просили ангелов, чтобы, когда будет убрана эта защита, им было позволено выказать на нем усердие своей жестокостью. Они вменяли в вину королю ужасное и нечестивое множество позорных дел и, угрожая, говорили, что его дóлжно запереть в крепчайшую темницу для обитателей ада, и там он должен быть терзаем вечными муками, как заслуживают этого его грехи. Тогда ангелы, сделавшись по обыкновению печальнее, сказали: «Увы, скорбь! Не разрешается более защищать себя человеку грешному, и мы не можем обратить его собственные заслуги ему в помощь». И они убрали защиту протянутого над ним покрова. Тогда демоны, радующиеся и ликующие, собравшись со всех концов мира, в большем числе, как он подсчитал, чем все дышащие в мире сем, терзали его, подвергая бессчетно различным мучениям. Тогда только блаженные ангелы повелели тому, кто видел и слышал это духовным зрением и слухом, исторгнутый из своего тела, чтобы он без промедления вернулся в свое тело и все, что ему было показано, не усомнился бы явить божественным усилием верующим и вопрошающим, но твердо отказался бы рассказывать насмехающимся; и чтобы он открыл некой женщине, проживающей в этой же отдаленной области, ее грехи по порядку их совершения и сообщил ей, что она может вновь умилостивить Бога Всемогущего признанием своей вины; и чтобы он изложил все эти вот духовные видения некоему пресвитеру Бурге, сначала известив людей, как он будет им наставлен; чтобы он исправил также свои собственные грехи, вменяемые ему в вину нечистыми духами, по суждению вышеназванного пресвитера; и в доказательство ангельского предписания ему следовало засвидетельствовать пресвитеру, что уже много лет тот, побуждаемый любовью к Богу, носит на чреслах железный пояс, о чем не знает ни один человек. Он говорил, что его собственное тело, пока он был вне его,

привело его в столь сильный ужас, что во всех видениях он не видел ничего более ненавистного, ничего более презренного, испускающего столь ужасный смрад, чем собственное тело, – не считая демонов и палящего огня; и по той причине он ужаснулся деянию своих братий, которых с изумлением увидел совершающими погребение его тела, потому что они имели попечение о его похоронах. Получив приказание от ангелов, тот, кто с первым криком петуха вышел из тела, вернулся назад, когда только начало рассветать. Воскреснув же в теле, он целую неделю совсем ничего не мог видеть плотским зрением; обожженные до пузырей глаза его часто источали кровь. И после он ясно показал, что открытое ему ангелами о благочестивом пресвитере и о женщине-грешнице было истинно, как указали ему ангелы. Последовавшая же вскоре кончина преступного короля, которая была показана ему [в видении], доказала, что это было несомненно верно. Он рассказывал и о многом другом, с этим схожим, что ему было показано; но из–за расстроенной памяти никак не мог припомнить по порядку. Он говорил, что после этих удивительных видений его память уже не была столь цепкой, как прежде.

Это, написанное мною, что ты усердно просила, он изложил трем благочестивым и весьма почтенным братиям, слушавшим его со мною вместе. Они, присутствовавшие со мной, признаются верными очевидцами. Желаю тебе быть здоровой, дева правильной жизни, чтобы ты жила по ангельскому правильному обычаю и, заслужив доброе имя, соцарствовала бы в небе Христу.

Из «Загадок епископа Бонифация, которые он послал своей сестре»

Десять плодов золотых посылаю сестре я;
Выросли эти плоды из цветов благодатных.
Ветви священные Дерева Жизни несли их
В день, когда Оное было на Дереве Смерти.
Ими играя, постигнешь ты радости духа
И преисполнишься сладости жизни грядущей,
Мед их отведав, подкрепишься райскою пищей,
Нард благовонный твое обонянье наполнит.
Если сравнишь прегрешенья с блаженствами Рая,
Сладким предаться захочешь ты радостям Неба.
Полными горькой отравы плоды мы находим,
Что зеленеют на гибельном Древе Познанья.
Съев их, Адам был похищен жестокою смертью.
Сок их отравлен дыханьем и желчью Дракона
Древнего, словно змеиным напитанный ядом.
Пусть сих плодов никогда не касается дева.

Грех – их вкушать, и попробовать даже – кощунство,
Чтоб, скрежеща, не темнели от пагубы зубы,
Чтоб не разрушить грехами святого завета,
Что не утратить награды Небесного Царства.

Истина

Мне победителя нет, но потеря возможна.
Чудо: когда предстою я Христову престолу,
Царствую, радуясь, общница ангелов неба.
Если ж, сестру чтоб найти, прохожу по земле я,
Мне говорят, что ее отовсюду изгнали.
Более в царствах земных обитать не желаю.
Милой не встретив сестры, опечалена сильно.
Так как лжецам на земле я совсем не угодна,
Ныне стремлюсь я домой, поднимаюсь я к звездам.

Надежда

Чистая спутница всем я счастливцам, зову их
Вечную жизнь обрести по заслугам на небе.
И без меня никому не войти в поднебесье,
Но разлучают со мною людей их пороки.
Очень мне радостно, если неложной бываю,
Людям в житейских делах обещая удачу.
К горним чертогам веду я всегда земнородных,
Чтоб, среди множества тягот, измучивших тело,
К Царству златому грядущему путь не теряли.

Милосердие

Нравом и властью мы рознимся, сестры родные,
Вместе идем за Христом по любой из тропинок.
Смертных ввергала б сестра моя в сумрак зловещий,
Где ожидают их вечные адские муки,
Если бы правила миром одна во вселенной.
Силу враждебности к людям ослабить пытаясь,
Часто кричу ей: «Сестра дорогая, помилуй!»
Счастливо племя людей, коль средь них обитаю:
Ибо, людьми управляя, прощаю проступки,
Жизни я благо даю, душам свет невечерний,
Что помогает им в выси златые подняться,
Шествуя нивой обширного Божьего мира.
Милости вечной прошу для несчастного люда.
Богу служу я, два мира связуя собою.

Терпение

Ложен пророк или истинен, я открываю,
Злых прогоняю далеко от Райских пределов.
Дела благого забвенье при мне не поглотит.
Тяготы жизни заслугами я обращаю,
Грозных знамения бед, к удивлению многих,
Мощным усилием я прелагаю в награды.
Мрачная злоба людская смиряется мною.
Равно и ссоры пожар, полыхающий жарко.
Нянькой талантов и стражем святым их зовусь я.
Божьи веленья искусно всегда исполняю,
Ибо стою у подножия трона Христова.
В Вечность с Предвечным Царем ухожу безмятежно.

Христианский мир

Всюду бы мирною сделалась жизнь земнородных,
Если бы вечною властью я правила в мире.
Некогда с песнью сошла я с небес к христианам,
Им возвещая рождение Божия Сына.
Пусть я ношу лишь прозванье Властителя Мира,
Властвую я, как родная, средь Божьих служанок.
В царстве, где правда царит, называюсь царицей,
В горних чертогах живу у насельников неба.
Власть моя радостна, славой правленье покрыто.
Где меня нет, там в молитвах меня призывают.
Тело и дух, если людям служить изволяю,
Не потревожит жестокость войны беспощадной.
Я избегаю наветов и злобных раздоров,
Так заповедано мне Судиею Всевышним.
Зависть и злоба меня уничтожить стремятся,
Но укрываюсь в златых я небесных палатах.
Горе несчастным, от коих вдали обитаю!
Тем, кто не хочет принять меня в собственном доме,
Царство над твердью небес не откроется вовсе.
Не отвергайте такой нареченной, народы,
Ведь без нее дверь Небесного Храма закрыта!

Гордость

В Райском саду родилась я от пестрого змея,
В сердце несущего яд и намеренье злое;
Множество преданных слуг обративши в неверных,
С горних высот я столкнула их в пропасти ада.

Мать и царица греха, я к нему провожу вас,
Души, что мира хотели, смущая войною.
Гневу, и козням, и многим учу преступлениям.
Нету второй столь безжалостной в мире подлунном.
Как Люцифера давно соблазнила обманом,
Так погубить всех я смертных повсюду пытаюсь.
Кто со мной дружен, на гибель себя обрекает.
Злобным коварством всех прочих сестер превзошла я.
Путь мой – земля, облаков головою касаюсь.
Вместе с ужасными сестрами в праздных шатаньях
Ставлю незримо святым я у цели подножку,
Праведных силясь в борьбе положить на лопатки.

Винопитие

Любящий выпить кутила меня воспевает.
Лаской маня, для глупцов я любезная дева.
Гнев и жестокие ссоры всегда возбуждаю.
Взору бессилье, устам ненасытную жажду,
Скованность сонным ногам и безвольному телу
Семя грядущих невзгод сообщаю я властно.
Вдаль от меня устремляется мудрость златая,
Радостно глупость повсюду со мною ликует.
Роскошь меня, как любимую мать, почитает.
Ей непрестанно питание я доставляю,
Грубые души сжигая язвительной злобой.
Я рождена, чтобы люди небес не достигли,
К бездне стремясь, чтоб на самое дно опустились.
Сделай свободными, Боже, людей от напасти,
Чтоб эта гидра не трогала род человеков!

Зависть

Демона злобы преступное я порожденье,
Сеятель Вышний меня Своей властью не сеял.
Хищную смерть допустила я в мир сотворенный
В час, когда змей подобрался к Праматери Еве.
Чахну, увидев благое деянье соседа.
Скорбная участь такая меня угнетает,
Дело чужое гублю, негодуя, лукавством,
Вот и зовусь нечестивой убийцей талантов.
Жгу, как огонь, но мучение это не к пользе,
Только изводится сердце от адской отравы.

Невежество

Издавна нянькой ошибочных мнений считаюсь,
Грешных поступков, детей моих вредная поросль
Густо покрыла весь мир до пределов вселенной.
Вот почему меня любят Германии земли,
Племя славян неученое, грубые скифы.
Если я сыну присуща, отец не доволен.
Глядя на небо и землю, на воду морскую,
Солнце, плывущее в небе, луну иль созвездья
В сумраке ночи, не знаю, Кто был их Создатель.
Мудрость меня никогда ничему не учила.
В мире такого убожества вы не видали.
Греки ученые кличут меня ненавистной,
Ибо я бережно холю свои заблужденья.

Тщеславие

Пестрые краски меняя, живу среди смертных.
Зренье и слух обманув, увожу их от цели.
Разными ликами тешусь, на вид не едина:
Желтого золота блеск, серебра ли сиянье,
Иль самоцветов игра, что вниманье пленяет, –
Все, что лишит их нарядов Небесного Царства.
Так непрестанно погибель несу земнородным.
Души простые унынием я поражаю,
Стрелы свои посылаю украдкой в беспечных.
Ловко усилья гублю доброчестных деяний,
Равно и пост, и больных бедняков утешенье,
Звонкость хвалы, благозвучной молитвы напевы
Силу теряют, коль делатель их беззаботен.
Вот за что «девой зловредной» зовут меня люди,
Что воздаяния жизни грядущей желают;
Если могу я похитить венец их, не медлю.
Все разрушая, соблазны несу христианам,
Чтоб не казалась их вера другим непорочной.
Воин Христов остается вне Вечных Чертогов.
Жемчуг, и злато, и ткани, что червь шелковичный
Ткет, – все моей подчиняется власти надежно.
Вещи, что вовсе не так уж нужны человеку,
Видя везде у других, обрести он желает.
Этим себе подчиняю надменные души,
Лживей сестры среди нас не отыщешь, пожалуй.

[1] Винфрид дает картину англосаксонского суда.

[2] Эадбурга – настоятельница монастыря Минстер-он-Танет, дочь короля западных саксов Кентвина.Она много помогала Винфриду присылкой нужных ему книг. Умерла ок. 751 г. Память 27 декабря.

[3] Кеолред, король Мерсии (709–716), один из «дурных королей». Винфрид также пишет о нем в письме к его преемнику, Этельбальду (716–757), где рассказывает о преступлениях Кеолреда (разрушение монастырей, преследования монахинь, притеснения) и о его страшной смерти (внезапное помрачение рассудка и смерть без покаяния).

Амвросий Аутперт

*

Амвросий Аутперт родился во Франкии в начале VIII в. и в свое время был довольно известным богословом, пользовавшимся покровительством папы Стефана и Карла Великого. Основным его сочинением является обширное «Толкование на Апокалипсис», которое было начато и окончено при папе римском Стефане (752–757). В своем «Толковании» Амвросий Аутперт опирался на труды блаж. Августина и блаж. Иеронима, стремясь раскрыть символический смысл Апокалипсиса. Книга Амвросия произвела столь глубокое впечатление на Алкуина, что он составил свое «Толкование на Апокалипсис», пользуясь выписками из нее. По крайней мере, к концу жизни Амвросий Аутперт состоял в братии монастыря Св.Винцента[1] на реке Вольтурно (основан в 703 г. на развалинах церкви V в.), недалеко от Беневента[2] (Южная Италия). Будучи уже весьма пожилым человеком, он стал настоятелем этого монастыря, но настоятельство его было недолгим и несчастливым. В то время как Амвросий был избран на пост настоятеля франкской частью монашеской общины, монахи-лангобарды, недовольные тем, что ими будет править франк, выдвинули своего кандидата, некоего Потона. Это было время Италийских походов Карла Великого, поэтому лангобард Потон был обвинен в государственной измене, судьей в этом деле должен был выступить сам король. Карл обратился к папе Адриану I, и тот вызвал Амвросия и Потона в Рим. Амвросий не выдержал тягот пути и умер, не доехав до Рима (781 г.).

Житие святых Палдона, Тасона и Татона

1. Палдон, Тасон и Татон были три беневентских мужа, принадлежавшие к знатной семье, близкие по закону кровного родства; из них старший, Палдон, был рожден от одного брата, а Тасон и Татон – от другого. Побужденные евангельским гласом и воспламененные божественной любовью, они имели одно решение, одно намерение и один обет, а именно: оставить землю отчизны, богатства и родителей, нагими последовать нагому Христу, нагими биться с нагим противником, по обету стремиться достичь Галльской провинции, и там, странствуя плотью, но оставаясь неизменными духом, постараться узнать различные монастыри и склонить выи души легкому игу Христову. Они знали, что будут делать это с усердием, ибо кто не оставит

все ради Христа, тот не сможет насладиться видением Его лица. Чего же больше? Как они и задумали духом и умом, они стали готовиться к дороге, не задерживаясь, не ища предлога для отсрочки. Но, страшась обязательств перед родителями по плоти, которые всегда препятствуют обратившимся ко Христу, братья отвлекли их внимание благочестивым притворством так, чтобы никоим образом не впасть в грех обмана. Ибо они сказали, что желают отправиться в Рим, поручить себя заступничеству главы апостолов св.Петра и облобызать его желанный порог, что впоследствии и сделали. Они отправились в путешествие, навьючив лошадей припасами, окруженные заботой слуг, как подобает знатным мужам, но что они желали сделать в действительности, известно было только им самим и Богу.

2. Когда братья пересекли границы собственной области и въехали в провинцию марсов[3], то они сошли с коней и велели отрокам, чтобы те с конями и всей поклажей отправились домой. Затем они сказали, что дали великий обет, а именно: что они втроем только пешими должны пойти в Рим. Отрокам же, плачущим и рыдающим, они по праву власти приказали, чтобы те уходили. Когда же слуги удалились, а вышеназванные рабы Христовы устремились в путь, то встретились трем братьям нищие, закутанные в убогие и рваные одеяния. Братья, уже воспламененные любовью к нищете, говорят между собой: «Да не будет у нас ни того, что мир почитает, ни того, что вор похищает: сбросим мы эти одеяния и раздадим нищим, а в их самые жалкие и грязные [лохмотья] оденемся». Так рассуждали те, кто желал монашеского имени, о том, насколько велик грех для живущих под водительством нищего Христа владеть красивыми одеждами, которые не пристало иметь монахам. Так те, которыми основан наш монастырь, облаченные в столь ничтожные одежды, положили начало своему житию.

3. И, возвращаясь к повествованию, я продолжаю: пустившись в путь, они совершили свое путешествие и прибыли в монастырь Преславной Богородицы Марии, который находится в области сабинов[4]. Этот монастырь возглавлял авва Фома. Я слышал от многих, что некогда, живя в областях Востока, как он сам рассказывал, он до тех пор предавался молитве у Гроба Искупителя, пока не получил того, о чем настойчиво просил. Одним словом, как утверждают, однажды ночью ему, утомленному молитвой и угнетенному сном, явился некто, неся в руке хлеб удивительной красоты, и сказал: «Прими сей хлеб и удались; знай же, что меньше, чем такой хлеб, ты не будешь иметь для жизни». И, как говорят те, кто его видел, после он был мужем столь великого покаяния, что почти никогда не мог говорить о Боге без слез. Авва Фома, оказав вышеназванным рабам Божиим гостеприимство, по обычаю монахов и добрых христиан и по собственному обыкновению, вышел с братиями омыть ноги странников, согласно предписанию Господню. Пришедшие же скрывали под ничтожными и грязными одеждами изнеженные и белые тела и являли лица видом красивые и благородные. Потому их тайна не могла сокрыться от очей мужа Божия.

Каролингская церковь. *Munz P*. Life in the Age of Charlemagne. L., 1969. P. 94. Il. 19

4. Итак, когда служение любви было совершено, прошла ночь, и когда заря подарила начало дню, старец ласково расспросил их наедине, кто они, откуда, почему пришли, не придерживаются ли они случайно какого-нибудь заблуждения, не бегут ли, виновные в совершении преступления, обещая, что он им окажет помощь, чем сможет, только чтобы они открыто сказали, почему им было угодно прибегнуть к такому притворству. Изумленные этим, братья, видя, что их намерение не может укрыться от старца, вняли его совету и рассказали все по порядку, кто они, откуда, почему пришли в монастырь и что сделали, чьи они сыновья, какими именами зовутся, как они захотели отправиться в Рим и оттуда устремиться в области Галлии; они связали его многими настойчивыми просьбами не препятствовать их намерению. На это досточтимый старец, вздохнув, говорит: «Никоим образом, о сыны, я не желаю вам препятствовать в столь похвальном намерении, но скорее хочу помочь; я пока вас не оставлю, но отправлюсь с вами на некое время и буду вашим спутником в путешествии вплоть до порога апостолов». Муж Божий потому сильно желал стать спутником братьев на все время пути, чтобы удержать их своими спасительными советами от путешествия в далекие края, что он впоследствии и сделал. О том, что это совершится, ведало Провидение Божие, Которое предвидело возникновение нашего монастыря.

5. Тогда они отправились вместе, ибо такова было воля старца, и со многими обильными слезами преданно поручили себя заступничеству апостолов. Когда молитва была совершена, уже названный досточтимой памяти авва начал увещать трех братьев, давая им совет, чтобы они вернулись с ним в монастырь, задержались бы у него на некоторое время, работая в нем и видя, как он устроен, узнали бы общее устройство своей будущей обители и только тогда поспешили бы туда, куда Господь пожелает их призвать. И он говорит, а я воспользуюсь его словами: «Послушайте, о сыны, моего совета. Возвратитесь со мной в монастырь, которому я преданно служу и, ради горячности вашего желания, хотя и без пользы для обители, я приму вас в общину, чтобы вы вместе с братией ели, вместе спали, вместе предавались молитве, вместе выходили трудиться своими руками, чтобы, испытав себя в этих упражнениях, вы знали, какими способами вы будете в состоянии выполнить обязанности монаха».

6. Случилось так, что отец двоих братьев, а именно: Тасона и Татона, [напрасно] проискав их там и сям с другими родственниками, быстрым ходом вернулся домой. В то время как они их усердно искали и нигде никаким образом не могли найти, услышали они в разговоре от неких сабинов, что братья находятся в монастыре Пресвятой Богородицы Марии. Тогда отец и родичи, побуждаемые терзаниями большой любви, приехали в этот монастырь, словно на крыльях перелетев пространство пути. Они просили у настоятеля вышеназванного монастыря, чтобы братья явились их взорам. Досточтимый старец в убедительной речи просил братьев выйти. Когда они

воспротивились, старец вынудил их повиноваться его приказанию. Когда же братья вышли и родители их увидели, то очень сильно начали плакать и, возвысив голос, сказали им: «Почему вы покинули нас, грешников, словно мертвецов? Почему вы оставили заботу о наших душах? Неужели в вас нет чувства милосердия, никакого сострадания к кровному родству? Умоляем, – говорят, – умоляем и заклинаем вас Богом, Творцом неба и земли, не покидайте нас, ибо, обратившись ко Христу, мы совершенно готовы оставить мир. Если же вы не согласитесь, призываем в свидетели небо и землю, кровь нашу с рук ваших дóлжно будет спросить у Бога». Они же, никак не склонявшиеся к милосердию, на их слова, и слезы, и всхлипывания, отвечали, что они, как обещали Богу, отправятся в Галлию. Затем, как ныне мы точно знаем, старец, побуждаемый неким гласом, сказал им: «Твердо веруйте, твердо веруйте и уповайте на милосердие Божие; ибо, если вы только склоните слух послушания к моим увещаниям, многие благодаря примеру вашего деяния войдут в Небесное Царство. Слушайте, сыны человеческие, слушайте совет отца вашего и не презирайте его молений. Если хотите, я покажу вам место, приготовленное для вас Богом. Ибо я надеюсь на Господа, так как там Бог исполнит ваше желание».

7. «Есть, возлюбленные, место в пределах Самнийских[5], над рекой Вольтурн, в миле от ее истока, и мне хочется, чтобы вы туда отправились. Там стоит часовня, посвященная имени мученика Христова Винцента. По одним берегам реки растет дремучий лес, который дает жилище диким зверям и убежища разбойникам. Всемогущий Господь, Которому вы желаете нести служение, и вас сохранит в том месте невредимыми, и всем путешествующим устроит путь мирный и безопасный от нападений разбойников, и произрастит там вишни, сливы, терн, плодовые деревья в изобилии. Идите, – говорит, – сыны, и оставайтесь в этом месте без какого-либо страха».

8. Смягченные в непреклонности своего упорства такими и подобного рода словами, братья внимали этой речи старца, как если бы его устами говорил Христос, и, вспомнив речение Апостола: «Никто не ищи своего, но каждый пользы другого» [I Кор 10, 24], удержали души от совершения того, что начали. Приняв от старца благословение, они пустились в путь и достигли этого места, где мы сейчас живем. Они ничего не принесли с собой для подкрепления тела, кроме того, что взяли на дорогу в корзиночке, и уже тогда не забывали предписания Сказавшего: «Не заботьтесь и не говорите: “Что нам есть?” или “Что нам пить?”» [Мф 6, 31] и «Не заботьтесь о завтрашнем дне» [Мф 6, 34]. Но Тот, Кто ради горя неимущих и плача бедняков восстал из Гроба, как милосердный Отец, пообещавший поступающим так, сказал: «Ищите прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» [Мф 6, 33]. Бог, видя эту веру троих братьев, быстро приготовил им от щедрот Своих подаяние.

9. Ибо, как уже сказано, когда трое братьев пришли в то место, где мы поселились, не имели они ничего, что нужно для пользы плоти, и постоянно

Распятие с предстоящими. Церковь Сан-Винченцо ин Вольтурно. IX в.
Нессельштраус Ц.Г. Искусство раннего средневековья. СПб., 2000. Ил. 41

возносились умом к Тому, в Ком и посредством Кого все живет. Как только они вошли в часовню, то совершили службу во хвалу Божию и, когда настала ночь, легли на покой. Но почему говорю «на покой»? Как только они распростерли свои тела на земле, то подложили, по обычаю патриарха Иакова, камни под головы. Но говорю, что покой был: в каковом покое даже если плоть истощается, дух обогащается. И вот, прошло немного времени, и приходит к ним некий неизвестный человек в тиши ночи и, стучась в дверь часовни, говорит: «Кто же тут в этом месте отдыхает?» На его голос быстро вышел к нему молчаливый досточтимый Тасон. Незнакомец говорит ему: «Я услышал от говорящих, что здесь есть чужестранцы, и после, идя от своих пастухов, я принес модий[6] муки и вина, если у тебя есть, куда положить то, что я принес». Тогда Тасон, найдя некие малые сосуды, принял принесенное, которое было предложено сим мужем, словно от Бога. Когда же тот ушел, никто после не знал, кто же был этот незнакомец, принесший с радостью такой дар. Этими знамениями ясно показывается, с какого совершенства начали те, благодаря которым Всемогущий Бог изволил это место довести до столь великой высоты духовной.

10. И вот в этой нищете Христовой они упорствовали в заботах, и слух об их жизни, которую Бог решил явить для примера многим, прошел везде, и не смог долго таиться светильник, поставленный на свещник, и когда многие пожелали следовать их жизни, к ним начало стекаться множество братий. ⟨…⟩

[1] Св. муч. Винцент Сарагосский (ум. 304), диакон и первомученик Испанский. Память 22 января.

[2] Беневент – город на юге Самния, гористой области Средней Италии, к северу от Кампании.

[3] Марсы – племя, населявшее район Фуцинского озера, самого крупного озера центральной Италии (ныне Lago di Celano).

[4] Сабины – италийское племя, жившее в центральной Италии, севернее Рима.

[5] Самний – см. прим. 1.

[6] Модий – древнеримская мера объема, равная 8,704 л.

Павел Диакон

*

Павел Варнефрид Диакон происходил из древней и знатной лангобардской семьи, родился он около 725 г. во Фриуле. Прозвище Диакон он получил, по-видимому, по своему духовному сану. Предполагают, что он был близок к королевскому дому и обучался при дворе короля Ратхиса в Павии, где получил превосходное классическое образование. В дальнейшем он был придворным писателем короля Дезидерия и учителем его дочери. По ее просьбе он написал в 774 г. «Римскую историю», сочинение компилятивного характера, продолжавшее Евтропия в христианском духе до Юстиниана. После подавления фриульского восстания лангобардов в 776 г., когда Карл Великий за участие в восстании увез в Галлию как заложника брата Павла, Арихиса, Павел удалился в монастырь Монте-Кассино. В 782 г., во время пребывания Карла в Италии, он обратился к правителю с просьбой в форме элегии об освобождении брата. Карл заинтересовался просителем, уже тогда завоевавшим репутацию ученейшего человека, писателя и поэта, и пригласил его в Галлию. Здесь в придворной Академии Павел продолжал литературные занятия (писал церковные гимны, стихотворные послания, акростихи, эпитафии) и стал одним из самых авторитетных ее членов. Через 5 лет, в 787 г., Павел получил наконец возможность вернуться в монастырь Монте-Кассино, где он прожил последние годы своей жизни, умер и похоронен (ок. 799). В монастыре он и написал свое лучшее произведение, задуманное, по-видимому, еще в Галлии, «Историю лангобардов в 6 книгах» (De gestis Longobardorum libri VI). При написании этого труда Павел использовал сочинения Беды, Аврелия Виктора, Иордана, Венеция Фортуната, Плиния Старшего, Григория Турского, Оригена, Исидора Севильского, Григория Великого. Многое он заимствовал из сочинения по истории лангобардов Секунда Тридентского (ум. 612), не сохранившегося до настоящего времени (у Павла имеются на него прямые ссылки в III, 29; в IV, 27; IV, 40). Кроме того, источниками Павла были Беневентские и Сполетские анналы и «Liber pontificalis». В «Истории лангобардов» использована и устная традиция – исторические народные сказания, родовые предания, героические песни, при этом для ранних периодов истории – более широко, а для поздних предпочтение отдавалось письменным источникам и свидетельствам очевидцев событий.

Историю своего народа Павел начинает с древнейших времен, с момента передвижения лангобардов из Скандинавии в Италию в 568 г., и доводит ее до смерти короля Лиутпранда, т.е. до 744 г., охватывая период почти в два столетия. В труде нет лишь последнего периода истории лангобардов (правлений Ратхиса, Айстульфа, Дезидерия), когда была утрачена политическая независимость этого народа, периода, о котором Павел мог бы писать уже по собственным воспоминаниям. Но этого не случилось. Помешала ли Павлу в этом смерть, как полагают некоторые ученые (В. Ват-

тенбах), или же что-то другое – судить трудно. Представляется вполне логичной все же точка зрения (О.А. Добиаш-Рождественской) о сознательном завершении «Истории лангобардов» временем высшего расцвета лангобардского государства: Павел из патриотических соображений не хотел писать о падении своего народа, свидетелем которого он был. Действительно, изобразить борьбу лангобардов с франками в профранкском духе Павел не хотел как патриот, изобразить ее с патриотической точки зрения остерегался (ведь Карл оставался всемогущим правителем Италии, к тому же Павел был обязан ему освобождением брата), а быть бесстрастным хронистом не мог – слишком тяжело отразилось на нем падение его родного народа, столь могущественного в прошлом. Обращаясь к прошлому лангобардов, Павел делит его на определенные исторические периоды, распределяя по шести книгам в тщательно продуманном порядке так, что каждая книга заканчивается каким-то узловым, переломным событием: 1-я – вступлением лангобардов в Италию, 2-я – десятилетним междуцарствием, 3-я – смертью короля Автари и т.д. до последней, кончающейся смертью Лиутпранда. Внутри каждой книги порядок размещения материала произвольный: исторические факты перемежаются с воспоминаниями о подвигах предков, родовыми преданиями, народными сказаниями. Павел не отделяет вымысел от исторической действительности и, таким образом, отходит от традиций античной историографии, утверждая метод механической компиляции литературных источников. Лишь изредка он сопровождает легкими критическими замечаниями приводимые им легенды, называя их, например, «смешной сказкой» (I, 8). Общий характер «Истории лангобардов» историко-беллетристический. Хронология в нем не отличается точностью и порой даже спутана. События, почерпнутые из разных источников, чаще всего скрепляются между собой весьма неопределенными временными обозначениями: «спустя несколько лет», «в то же время», «между тем» и т.п. Почти нигде в сочинении нет точных ссылок и на источники («один правдолюбивый старец рассказывал...», «некий воин, участвовавший в сражении, говорил...» и т.п.). Историческое повествование перебивается разнородными отступлениями: описаниями Италии, памятников искусства и архитектуры, романтическими рассказами, фантастической этимологией географических названий, иногда рассказами о чудесах и сказками и т.д. Язык сочинения ясный и чистый, близкий к классическому. Тон повествования живой, местами романтический. «История лангобардов» пользовалась большой популярностью в средние века. Об этом свидетельствуют 114 ее списков (IX–XVI вв.), несколько переработок и продолжений, более 15 извлечений из нее. И для нас она представляет несомненный историко-литературный интерес и в качестве единственного источника для ознакомления с историей лангобардов, и как образец историографии VIII в.

Из «истории лангобардов»

[Древнейшие времена]

I. 1. Чем дальше северная страна удалена от жара солнца и чем холоднее она от снега и льда, тем она здоровее для человеческого тела и благоприятнее для увеличения населения; напротив, во всех полуденных странах чем ближе они к солнечному зною, тем больше в них болезней и тем менее они способствуют развитию человека. Поэтому и получилось, что на севере об-

разовалось такое множество народов, и по всей справедливости весь тот край, от Танаиса[1] до самого запада, называется одним общим именем – Германия[2], хотя отдельные ее местности и носят свои особенные названия. Впрочем, римляне, когда они владели этими местами, называли только две зарейнские провинции Верхней и Нижней Германией. Из этой многолюдной Германии часто увозились бесчисленные толпы пленников и продавались южным народам. Нередко многие племена уходили из тех мест и сами, потому что людей рождалось столько, что они едва могли прокормиться; частично они переселялись в Азию, но преимущественно в близлежащую Европу. Об этом свидетельствуют всюду разоренные города во всей Иллирии и Галлии, а в особенности в несчастной Италии, которая испытала на себе свирепость почти всех тех народов. Готы, вандалы, руги, герулы, турцилинги, а также и другие дикие и варварские племена пришли из Германии. Равным образом народ винилов, или лангобардов, который впоследствии счастливо господствовал в Италии, происходил от германского племени и переселился с острова Скандинавии, хотя их переселение объясняют и другими причинами.

2. Плиний Старший в книге, которую он написал о природе вещей[3], упоминает об этом острове. Этот остров, как рассказывали мне люди, посещавшие его, расположен, собственно говоря, не среди моря, но только омывается морскими волнами вследствие отлогости своих берегов. И вот когда население этого острова так умножилось, что не могло уже помещаться на нем, жители, как рассказывают, разделились на три части и решили по жребию, какая из них должна оставить родину и искать себе новое местожительство.

3. Итак, те, кому выпал жребий покинуть родную землю и следовать на чужбину, назначили себе предводителями двух братьев, Ибора и Агиона, юношей еще в самом цветущем возрасте, отличавшихся перед прочими; простившись с соотечественниками и родиной, они отправились в путь, чтобы искать землю, которую бы они могли заселить и там обосноваться. Мать этих предводителей, по имени Гамбара, была женщиной, прославившейся между своими и острым умом, и предусмотрительностью; в затруднительных обстоятельствах ее благоразумию весьма доверяли ⟨...⟩

7. Выселившись таким образом из Скандинавии, винилы, под предводительством Ибора и Агиона, пришли в страну, называемую Скоринга, и жили здесь в продолжение нескольких лет.

В то время два предводителя вандальских дружин, по имени Амбри и Асси, повсюду в соседних странах затевали войну. Гордые своими многочисленными победами, они теперь отправили послов также и к винилам и приказали объявить им, что они должны или платить дань вандалам, или готовиться к войне. Тогда Ибор и Агион, с согласия своей матери Гамбары, заявили, что лучше защищать свободу с оружием в руках, чем осквернять ее платежом дани; а вандалам через послов ответили, что они охотнее станут сражаться, чем служить. Хотя все винилы были тогда в цветущем возрасте,

но число их было не велико, так как они составляли всего лишь треть населения не слишком-то большого острова.

8. Старое предание рассказывает по этому поводу забавную сказку: будто бы вандалы обратились к Годану[4] с просьбой даровать им победу над винилами, и он ответил им, что даст победу тем, кого прежде увидит при восходе солнца. После этого будто бы Гамбара обратилась к Фрее, супруге Годана, и умоляла ее о победе для винилов. И Фрея дала совет приказать винильским женщинам распустить волосы по лицу так, чтобы они казались бородой, затем, с утра пораньше, вместе со своими мужьями, выйти на поле сражения и стать там, где Годан мог бы их увидеть, когда он, по обыкновению, смотрит утром в окно. Все так и случилось. Лишь только Годан при восходе солнца увидел их, как спросил: «Кто эти длиннобородые?». Тогда Фрея и настояла на том, чтобы он даровал победу тем, кого сам наделил именем. И таким образом Годан даровал победу винилам. Все это, конечно, смешно и ничего не стоит, потому что победа не зависит от человеческой воли, а скорее даруется провидением.

9. И тем не менее верно то, что лангобарды, первоначально называвшиеся винилами, впоследствии получили свое название от длинных бород, не тронутых бритвой. Ведь на их языке слово «lang» означает «длинный», а «bart» – «борода»[5]. А Годан, которого они, прибавив одну букву, назвали Гводаном, – это тот самый, кто у римлян зовется Меркурием и кому поклонялись как богу все народы Германии, не наших, однако, времен, а гораздо более древних. И не Германии он собственно принадлежит, а Греции.

[Король Альбоин]

23. Тогда-то[6] вспыхнул наконец давно уже таившийся раздор между гепидами[7] и лангобардами, и обе стороны приготовились к войне. И вот в происшедшем сражении, в то время как оба войска дрались храбро и ни одно не уступало другому, случилось, что Альбоин, сын Аудуина[8], в самом сражении сошелся с Турисмодом, сыном Туризинда[9]. Альбоин пронзил его мечом, так что тот мертвый упал с лошади. Гепиды, увидев, что сын короля, главный их предводитель на войне, убит, пали духом и тут же обратились в бегство. Лангобарды преследовали их жестоко и, перебив из них большинство, вернулись назад снимать с убитых вооружение. По одержании победы лангобарды возвратились домой и начали упрашивать своего короля Аудуина, чтобы он позволил сидеть вместе с ним за столом Альбоину, благодаря мужеству которого они одержали победу в битве, и чтобы таким образом он разделял с отцом стол, как разделял опасность. Аудуин ответил им, что никак не может этого сделать, не нарушая народного обычая. «Вы знаете, – сказал он, – какой у нас существует обычай: сын короля может садиться за стол вместе с отцом не раньше, чем получит оружие от короля какой-нибудь нации».

24. Альбоин, услышав такие слова своего отца, взял с собой только сорок юношей и отправился к Туризинду, королю гепидов, с которым он недавно воевал; ему он объявил о причине своего прибытия. Тот, приняв его благосклонно, пригласил к своему столу и посадил справа от себя, где когда-то обычно сидел его сын. Когда уже были поданы различные яства, Туризинд, глядя на место, где прежде сидел сын, а теперь сидит убийца, вспомнил о сыне, о его смерти и начал громко вздыхать; наконец, не в силах сдержать себя, он дал волю своему горю и воскликнул: «Мило мне это место, да слишком тяжело видеть человека, который сейчас сидит на нем». Тогда второй сын короля, присутствовавший на обеде и поощренный словами отца, начал издеваться над лангобардами, говоря, что они похожи на кобылиц с белыми до колен ногами (ибо лангобарды носили на икрах белые чулки): «Кобылы, на которых вы похожи, считаются самыми плодовитыми». Тогда один из лангобардов ответил на это так: «Выйди, – говорит, – на поле Асфельд[10], и там ты несомненно сможешь убедиться, как крепко эти твои кобылы бьют копытами; там же лежат кости твоего брата, рассеянные по полю, как от какой-нибудь ничтожной скотины». Гепиды, услыхав это, не могли более скрыть своего негодования; охваченные сильным гневом, они уже намеревались на деле отомстить за обиду. Да и лангобарды, готовые на битву, положили руки на мечи. Тогда король вскочил из-за стола, бросился между ними и укротил гнев своих людей и их жажду к бою, угрожая неизбежным наказанием тому, кто первый осмелится начать битву; ибо, сказал он, такая победа не может быть приятна Богу, когда в собственном доме убивают гостя. Таким образом, наконец, раздор был устранен, и все в веселом расположении духа продолжали пир. Туризинд снял оружие своего сына Турисмода, вручил его Альбоину и отпустил его с миром, целым и невредимым, в королевство его отца. По возвращении Альбоин был наконец допущен своим отцом к его столу. Довольный, вкушал он яства за королевским столом и рассказывал по порядку все, что приключилось с ним у гепидов во дворце Туризинда. Все присутствующие удивлялись и хвалили храбрость Альбоина, но не менее прославляли и величайшую честность Туризинда. ⟨...⟩

27. Таким образом, Аудуин, король лангобардов, о котором я говорил выше, был женат на Роделинде; она и родила ему Альбоина, воинственного и во всех отношениях доблестного мужа. Аудуин умер, и тогда по всеобщему желанию власть получил Альбоин, десятый по счету король. Так как он за свое могущество пользовался у всех великим и славным именем, то Клотарь, король франков, отдал ему в жены свою дочь, Клодзуинду, которая родила ему только одну дочь по имени Альзубунда. Между тем умер Туризинд, король гепидов, и ему наследовал Кунимунд, который, желая отомстить за старые оскорбления, разорвал союз с лангобардами и предпочел войну мирным отношениям[11]. Но Альбоин вступил в вечный союз с аварами, которые первоначально назывались гуннами, а впоследствии, по

имени своего короля Авара, были названы аварами. Затем он отправился на войну, на которую вынудили его гепиды. Когда гепиды с поспешностью двинулись против него, авары, по договору, заключенному ими с Альбоином, вторглись в их землю. Печальный прибыл к Кунимунду вестник и возвестил ему о вторжении аваров в страну. Кунимунд хотя и был очень удручен и стеснен с двух сторон, все же убеждал своих воинов сразиться сначала с лангобардами и, если удастся победить их, изгнать после этого войско гуннов из своей земли. Итак, началась битва. Сражались изо всех сил. Лангобарды остались победителями и так свирепствовали против гепидов, что почти совершенно истребили их, и от многочисленного войска едва выжил вестник поражения. В этом сражении Альбоин убил Кунимунда, отсек у него голову и приказал из черепа сделать себе бокал. Этот род бокала у них[12] называется «скала», а на латинском языке patera. Он увел с собой в плен дочь Кунимунда, Розамунду, вместе с множеством людей всякого возраста и пола. Когда умерла Клодзуинда, он взял себе в жены Розамунду, но, как оказалось впоследствии, на свою погибель[13]. Тогда лангобарды увезли с собой столь богатейшую добычу, что сделались обладателями огромнейшего богатства. Племя же гепидов так пало, что с того времени они не имели уж более никогда собственного короля, и все, кто пережил войну, или подчинились лангобардам, или до сегодняшнего дня стонут под тяжким игом, потому что гунны продолжают владеть их землей. Имя же Альбоина прославилось везде и всюду так, что даже и до сих пор его благородство и слава, его счастье и храбрость в бою вспоминаются в песнях у баваров, саксов и других народов, говорящих на том же языке. От многих можно слышать и теперь, что во время его правления изготовлялось совсем особенное оружие.

[Завоевание Италии]

II. 1. Когда слух о многочисленных победах лангобардов распространился повсюду, Нарзес[14], императорский секретарь[15], который в то время управлял Италией и теперь вооружался на войну против Тотилы, короля готов, отправил посольство к Альбоину[16] и просил его, так как он уже и прежде был в союзе с лангобардами, помочь ему в войне с готами. Альбоин послал ему тогда отборное войско, чтобы поддержать римлян против готов. Лангобарды, переплыв через Адриатическое море в Италию, соединились с римлянами и начали войну с готами. Победив готов вместе с их королем Тотилой почти до полного их истребления, они вернулись домой победителями, удостоенные богатых даров. И все время, пока лангобарды владели Паннонией, они помогали римскому государству против их неприятелей 〈...〉

6. Собираясь в поход на Италию с лангобардами[17], Альбоин послал за помощью к своим старым друзьям, саксам, желая, чтобы завоевателей та-

кой обширной страны, какой была Италия, было как можно больше[18]. Свыше 20 тысяч саксов, вместе с женами и детьми, поднялись со своих мест, чтобы, по его желанию, отправиться в Италию. Клотарь и Сигиберт, франкские короли, услышав об этом, переселили швабов и другие народы на земли, оставленные саксами.

7. Затем Альбоин предоставил собственную землю Паннонию своим друзьям гуннам[19], однако с условием: если лангобарды когда-нибудь будут принуждены вернуться назад, то они оставляют за собой право требовать обратно свою прежнюю землю. Итак, лангобарды, оставив Паннонию, отправились с женами, детьми и со всем имуществом в Италию, чтобы овладеть ею. Прожили они в Паннонии 42 года и вышли оттуда в апреле, в первый индиктион[20], на другой день Святой Пасхи, которая по вычислению в том году пришлась на календы апреля[21], в 568 год воплощения Господа.

8. И вот когда Альбоин со всем своим войском и с множеством людей разного рода подошел к границам Италии, то поднялся он на одну гору, которая возвышалась над этой страной, и оттуда, насколько можно было видеть с той высоты, обозревал Италию. Поэтому-то, с того времени, как говорят, гора эта получила название Королевской[22]. На этой горе водятся дикие бизоны, что ничуть не удивительно, так как Паннония, изобилующая этими животными, простирается до тех мест. Мне рассказывал один правдолюбивый старец, что он видел на этой горе разостланную бизонью шкуру, на которой, по его словам, могли улечься рядом пятнадцать человек[23] ⟨...⟩

26. Город Тицин[24] выдержал тогда более чем трехлетнюю осаду и защищался мужественно. Войско лангобардов было расположено лагерем невдалеке от города, с южной его стороны. В течение этого времени Альбоин овладел всеми городами вплоть до Тусции, за исключением Рима, Равенны и еще некоторых приморских укреплений. Римляне не имели достаточных сил к сопротивлению, потому что свирепствовавшая еще во времена Нарзеса моровая язва унесла большую часть населения Лигурии и Венеции, а год спустя, после наводнения, о котором я уже говорил[25], сильнейший голод опустошил всю Италию. Но известно, что Альбоин привез с собой тогда в Италию людей самых различных народностей, которые были покорены им самим или его предшественниками; поэтому и до сих пор мы называем местности, в которых они живут, гепидскими, болгарскими, сарматскими, паннонскими, швабскими, норическими и т.д.

27. Все же после трехлетней, с несколькими месяцами, осады, город Тицин в конце концов сдался Альбоину и осаждавшим его лангобардам. И вот, когда Альбоин въезжал в город через восточные ворота Св. Иоанна, его конь упал в воротах и не мог подняться, сколько бы ни побуждали его к этому шпоры всадника и удары плетьми со всех сторон. Тогда один из лангобардов обратился к королю с такими словами: «Вспомни, мой господин и король, какой ты дал обет. Откажись от этого жестокого обета, и ты всту-

пишь в город; ведь жители этого города истинные христиане». Альбоин клялся истребить мечом все население города за то, что оно не хотело сдаваться. Лишь только он отказался от своей клятвы и обещал жителям пощаду, как конь его тут же встал на ноги; сам он, вступив в город, сдержал свое слово и никому ни причинил зла. Весь народ устремился к нему во дворец, некогда построенный королем Теодорихом[26], и после стольких страданий вновь стал лелеять утешительную надежду на будущее.

[Альбоин и Розамунда]

28. Альбоин, после трех лет и шести месяцев правления в Италии, погиб в результате заговора своей супруги. Причина же его убийства была следующая. Однажды в Вероне Альбоин, веселясь на пиру и оставаясь там дольше, чем следовало бы, приказал поднести королеве бокал, сделанный из черепа его тестя, короля Кунимунда, и потребовал, чтобы она весело пила вместе со своим отцом. Пусть никому не покажется это невероятным – клянусь Христом, я говорю сущую правду: я сам однажды, в какой-то праздник, видел этот бокал в руках короля Ратхиса[27], когда он показывал его своим гостям. И вот когда Розамунда осознала это, сердце ее поразила жгучая обида, которую она была не в силах подавить; в ней зажглось желание убийством мужа отомстить за смерть своего отца. И вскоре она вступила в заговор об убийстве короля с Гельмигисом, скильпором, т.е. оруженосцем короля, и его молочным братом. Гельмигис посоветовал королеве вовлечь в заговор Передея, человека необычайной силы. Но когда Передей не захотел согласиться на соучастие в таком тяжелом злодеянии, королева ночью легла в кровать своей служанки, с которой Передей находился в преступной связи; а он, ни о чем не подозревая, пришел и лег вместе с королевой. И вот, когда блудодеяние было совершено и она спросила его, за кого он ее принимает, а он назвал имя своей наложницы, за которую он ее принял, королева ответила: «Вовсе не та я, за кого меня принимаешь, я – Розамунда! Теперь, Передей, ты совершил такое преступление, что должен или убить Альбоина, или сам погибнуть от его меча». И тогда он понял, какое преступление совершил, и был вынужден согласиться на участие в убийстве короля, на что добровольно не мог решиться.

Около полудня, когда Альбоин прилег отдохнуть, Розамунда распорядилась, чтобы во дворце была полная тишина, тайком унесла всякое оружие, а меч Альбоина туго привязала к изголовью кровати, так чтобы его нельзя было поднять или вытащить из ножен, и затем, по совету Гельмигиса, эта чудовищно жестокая женщина впустила убийцу Передея. Альбоин, внезапно проснувшись, ощутил опасность, которой подвергался, и мгновенно схватился рукой за меч; но он был так крепко привязан, что Альбоин не в силах был его оторвать; тогда, схватив скамейку для ног, он некоторое время защищался ею; но увы – о горе! Этот доблестный и отважнейший человек не

мог одолеть врага и погиб как малодушный; он, который завоевал себе величайшую воинскую славу победой над бесчисленными врагами, пал жертвой коварства одной ничтожной женщины. Лангобарды с плачем и рыданием похоронили тело под одной из лестниц, ведущих во дворец. У Альбоина был гибкий стан и все его тело подходило для битвы. В наше время Гизельперт, прежний герцог веронский, приказал открыть гробницу Альбоина, вынул оттуда меч и все находившиеся там украшения и после, со свойственным ему легкомыслием, хвастался перед необразованными людьми, будто он виделся с Альбоином.

29. И вот, по умерщвлении Альбоина, Гельмигис попытался захватить власть в свои руки, что ему, однако, не удалось, потому, что лангобарды, скорбевшие о смерти своего короля, замыслили умертвить его. Тогда Розамунда немедленно послала к Лонгину[28], префекту Равенны, просить, чтобы он как можно скорее прислал ей корабль, на котором она могла бы бежать. Лонгин, обрадованный таким известием, тотчас отправил корабль, на котором ночью и спаслись бегством Гельмигис и Розамунда, тогда уже его супруга; взяв с собой дочь короля Альбизунду и все лангобардские сокровища, они скоро прибыли в Равенну. Тогда префект Лонгин начал уговаривать Розамунду умертвить Гельмигиса и вступить с ним в брак. Способная на всякое зло и горящая желанием сделаться владетельницей Равенны, она дала согласие на такое злодеяние. Когда однажды Гельмигис вернулся после принятия ванны, она поднесла ему чашу с ядом, которую она выдала за какой-то целебный напиток. Почувствовав, что он выпил смертельный яд, Гельмигис занес над Розамундой обнаженный меч и заставил ее выпить остаток. И так по правосудию всемогущего Бога в один час погибли вместе гнусные убийцы[29].

30. Пока это происходило, префект Лонгин отправил к императору в Константинополь Альбизунду вместе со всеми лангобардскими сокровищами. Некоторые уверяют, что и Передей прибыл в Равенну вместе с Гельмигисом и Розамундой и оттуда был отправлен в Константинополь, где он на играх перед народом и на глазах у императора убил поразительной величины льва. Как рассказывают, ему, по повелению императора, вырвали глаза, чтобы он, обладая могучей силой, не натворил какого-либо зла в королевском городе[30]. А спустя некоторое время он, приготовив себе два ножа и спрятав их в рукава, пошел ко дворцу и обещал сообщить императору нечто весьма важное, если его допустят к нему. Император выслал к нему двух патрициев из числа своих приближенных, чтобы они выслушали его. Когда они подошли к Передею, он приблизился к ним, как бы намереваясь сказать им что-то совершенно секретное, и, схватив в обе руки спрятанные им ножи, нанес им столь тяжелые раны, что они тут же рухнули на землю, испустив дух. Так отомстил он, напоминая собой могущественного Самсона[31], за причиненные ему страдания и, за потерю своих двух глаз, убил двух самых полезных для императора людей.

[Король Автари]

III. 16. Лангобарды, управляемые в течение 10 лет герцогами, поставили, по общему решению, своим королем Автари, сына вышеупомянутого короля Клефа[32]. За его достоинства они дали ему прозвище Флавия[33]. Это прозвище счастливо удерживалось с того времени всеми лангобардскими королями. В то же время, по случаю восстановления королевства, все тогдашние герцоги уступили половину своего имущества на покрытие королевских расходов, чтобы король мог на это содержать свою свиту и всех, кто служил ему в различных должностях. Порабощенные же народы были разделены между лангобардскими пришельцами[34]. Это было поистине удивительно в королевстве лангобардов: в нем не было никакого насилия, не замышлялся никакой тайный заговор, никого несправедливым образом не принуждали к повинности, никого не грабили; не было ни воровства, ни грабежей, и каждый мог спокойно и без страха идти, куда ему угодно ⟨...⟩

23. В это время случилось наводнение в областях Венеции, Лигурии и в других частях Италии, какого, говорят, не было со времени Ноя. Погибло много имущества, загородных домов, а также людей и животных. Улицы были разрушены, дороги размыты, и река Атезис[35] так тогда разлилась, что в базилике Св. мученика Зенона, которая находилась вне стен города Вероны, вода достигла верхних окон; впрочем, св. Григорий[36], впоследствии папа, писал, что во внутренность базилики вода не проникла совсем. Также стены того же города Вероны частично были разрушены наводнением. Случилось же это наводнение в шестнадцатый день до Ноябрьских календ[37]; при этом сверкала молния и раздавались сильные удары грома, какие не часто случается видеть и в летнее время. Спустя два месяца пожаром была выжжена большая часть этого же города.

24. Во время того наводнения воды реки Тибра, в Риме, также поднялись выше стен города и залили в нем большую часть кварталов. Тогда же появился в русле реки дракон удивительной величины, сопровождаемый множеством змей, который и уплыл в море. Вскоре за этим наводнением последовала тяжкая моровая язва, которую называют inguinaria[38]. Она произвела в народе такое опустошение, что из бесчисленного множества остались в живых лишь немногие ⟨...⟩

28. Между тем король Флавий Автари отправил послов к королю франков Гильдеперту и просил у него руки его сестры. Хотя Гильдеперт, приняв богатые подарки от послов лангобардских, обещал выдать сестру за их короля, но когда явились послы готов из Испании и он услышал, что народ готов перешел в католичество[39], то обещал уже свою сестру готскому королю.

29. В то время Гильдеперт отправил послов к императору Маврикию[40] и велел ему передать, что он теперь предпримет войну против лангобардов, чего прежде он не сделал[41], с тем, чтобы по его совету изгнать их из Италии.

И он без промедления отправил свое войско в Италию для подчинения лангобардов. Но король Автари вместе с лангобардами быстро выступает ему навстречу и мужественно сражается за свою свободу. В этом сражении лангобарды одерживают победу. А франки потерпели жестокое поражение: некоторые из них попали в плен, очень многие бежали и едва добрались до отечества. Войско франков понесло здесь такой урон, какого нигде больше не помнят. Поистине удивительно, что Секунд[42], который много писал о деяниях лангобардов, обошел молчанием такую их победу, тогда как мой рассказ о поражении франков приводится в их Истории[43] чуть ли не в тех же самых выражениях.

30. После этого король Флавий Автари отправил послов в Баварию просить себе в жены дочь короля Гарибальда. И он, приняв их благосклонно, обещал выдать дочь свою Теоделинду за Автари. Когда послы, по возвращении, известили об этом Автари, то он, желая собственными глазами увидеть свою невесту, пригласил немногих, но надежных лангобардов, и, назначив одного из них, наиболее ему преданного, будто бы главным над ними, без промедления отправился вместе с ними в Баварию. Когда они, по посольскому обычаю, были представлены королю Гарибальду и тот, кого Автари поставил главой посольства, произнес после приветственных слов речь, Автари, никем не узнанный, приблизился к королю Гарибальду и сказал: «Мой господин, король Автари направил меня к Вам, собственно, затем, чтобы я, посмотрев Вашу дочь, его невесту и нашу будущую госпожу, мог вернее рассказать ему о ее красоте». Услышав это, король приказал позвать свою дочь. Автари молча разглядывал ее и, так как она была очень красива и ему во всех отношениях очень нравилась, сказал королю: «Видя такую красоту Вашей дочери, мы желаем, чтобы она как достойная сделалась нашей королевой, а прежде мы хотели бы, если это будет угодно Вашему Величеству, выпить кубок вина из ее рук, как впоследствии она должна будет это делать для нас». Когда король дал согласие на то, чтобы она это сделала, она, взяв кубок вина, поднесла его сначала тому, кто, казалось, был старшим послом. Потом, когда она предложила кубок Автари, не подозревая, что это был ее жених, он, выпив вино и возвратив кубок, незаметно для всех коснулся ее руки пальцем и провел правой рукой по ее лицу ото лба к носу. Краснея от смущения, рассказала Теоделинда об этом своей кормилице. Кормилица ответила ей: «Не будь этот человек королем и твоим женихом, не осмелился бы он ни в коем случае коснуться тебя. Впрочем, давай помолчим, чтобы не узнал об этом твой отец; потому что в самом деле это человек, который достоин править королевством и жениться на тебе». А был в ту пору Автари юношей в цветущем возрасте, стройный, с белокурыми волосами и весьма красивой наружности. Вскоре после этого, получив от короля провожатых, они отправились обратно в отечество и быстро прошли по земле нориков. Провинция же нориков, которую населяет племя баваров, граничит с востока с Паннонией, с запада

со Швабией, с юга с Италией, а на севере омывается Дунаем. И вот когда Автари, все еще сопровождаемый баварами, приблизился к границам Италии, привстал он, насколько мог, на своем коне и изо всех сил вонзил секиру, которую держал в руке, в ближайшее дерево; оставив ее там вонзенной, он промолвил: «Вот так обыкновенно поражает Автари». Когда он это сказал, сопровождавшие его бавары поняли, что это и был сам король Автари. Спустя немного времени, когда из-за нашествия франков король Гарибальд оказался в бедственном положении, дочь его со своим братом, Гундоальдом, бежала в Италию и дала знать Автари, что она прибыла к своему жениху. Он тотчас же отправился к ней навстречу, чтобы пышно отпраздновать свадьбу, на поле Сардис, выше Вероны, и женился на ней при всеобщем веселье в Майские иды[44]. Был там, между прочими лангобардскими герцогами, Агилульф[45], герцог Туринский. Во время разразившейся в этом месте грозы было поражено ударом молнии, сопровождаемой сильным раскатом грома, дерево на королевском дворе; тогда один юноша из свиты Агилульфа, который был гадателем и дьявольским искусством постигал то, что предвещал в будущем удар молнии, сказал украдкой Агилульфу, когда тот по естественной надобности отошел в сторону: «Эта женщина, на которой женился теперь наш король, в скором времени станет твоей женой». Услышав это, Агилульф пригрозил, что снимет с него голову, если он хоть заикнется кому-нибудь об этом. Но тот возразил: «Убить меня, конечно, можно, но ведь неминуемо то, что эта женщина пришла в нашу страну, чтобы сочетаться с тобой браком». Впоследствии так и произошло. ⟨...⟩

32. Полагают, что к этому же времени[46] относится событие, рассказываемое из жизни короля Автари. По преданию, в это самое время король через Сполето дошел до Беневента, занял эту область и достиг даже Регия, крайнего города Италии, соседнего с Сицилией. Там-то, среди морских волн, высится, говорят, столб. Автари подъехал к нему на коне, коснулся его острием своего копья и сказал: «До этого места должны простираться границы лангобардов». Этот столб, говорят, стоит там и до сегодняшнего дня и называется колонной Автари ⟨...⟩

34. Между тем король Автари отправил послов с мирными предложениями к королю франков, Гунтрамну, дяде короля Гильдеперта. Послы были приняты им благосклонно, но отправлены затем к Гильдеперту, сыну его брата, с тем, чтобы и тот присоединился к договору и тем самым укрепил мир с лангобардами. А был этот Гунтрамн, о котором я говорю, самым миролюбивым королем и во всем самым благонамеренным человеком. Один весьма удивительный случай из его жизни хочется мне вкратце вставить здесь в мою историю, тем более, что, как мне известно, в истории франков[47] о нем совсем не упоминается. Случилось ему однажды быть в лесу на охоте, и, как это обыкновенно бывает, его спутники разбежались в разные стороны, а сам он остался только с самым верным ему человеком; тут стал одоле-

вать его сильный сон, и он, склонив голову на колени своего спутника, крепко заснул. И вот выползло из его рта маленькое существо, вроде ящерицы, и стало пытаться переползти узкий ручей, протекавший поблизости. Тогда тот, на коленях которого отдыхал король, вынул свой меч из ножен, протянул его над ручьем, и по нему ящерица, о которой я говорю, перебралась на другую сторону. Потом она заползла в какую-то неглубокую щель в горе и, спустя некоторое время, выползла оттуда, перешла по мечу через упомянутый ручей и опять скользнула в рот Гунтрамну, откуда вышла. Гунтрамн, проснувшись, рассказал, что он видел чудесное видение. Он говорил, что привиделось ему во сне, будто перешел он по железному мосту реку и, взобравшись на какую-то гору, нашел там огромную кучу золота. Тот же, у кого на коленях лежала голова спящего короля, в свою очередь рассказал ему по порядку, что он видел. Короче говоря, то место было прорыто и были найдены там несметные сокровища, положенные туда еще в древние времена. Впоследствии король приказал из этого золота отлить кубок[48], необыкновенной величины и тяжеловесный, и, украсив его множеством драгоценных камней, намеревался отправить его в Иерусалим к Гробу Господню. Но когда ему не удалось исполнить этого, приказал он поставить его над гробницей св. мученика Марцелла, похороненного в Кабаллоне[49] (где была резиденция короля); там она находится и до сего дня. Нигде нет ни одной вещи, сделанной из золота, которая могла бы с ней сравниться. Но коснувшись мимоходом этого достойного упоминания случая, я возвращаюсь к своему рассказу.

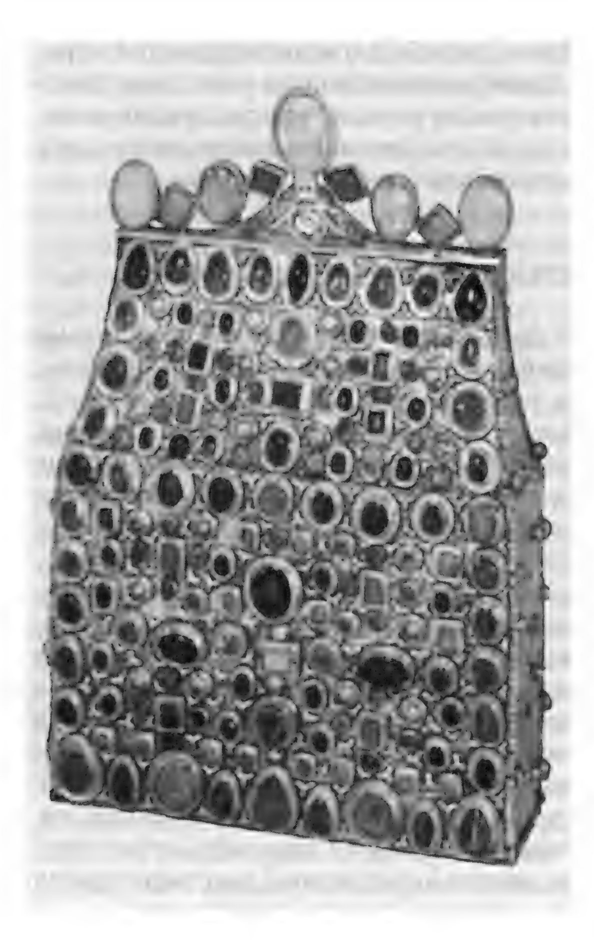
35. В то время как послы короля Автари оставались во Франкии, король Автари умер, как говорят, от яда, который принял, в Сентябрьские ноны[50] в городе Тицине, после 6 лет правления. Тотчас лангобарды отправили посольство к Гильдеперту, королю франков, с тем чтобы оно известило его о смерти короля Автари и просило у него мира[51]. Гильдеперт же, услышав об этом, принял послов и даже обещал сохранить мир на будущее. Спустя несколько дней он отпустил упомянутых послов с этим обещанием. А королеве Теоделинде, которую лангобарды очень любили, было позволено сохранить королевское достоинство; ей посоветовали выбрать себе из всех лангобардов мужа, которого она сама пожелает, лишь бы у него было достаточно сил для управления государством. И она, посоветовавшись с разумными людьми, выбрала себе в мужья, а лангобардам в короли, Агилульфа, герцога Туринского. Был этот Агилульф доблестным и воинственным человеком, способным принять бразды правления как по своей телесной, так и духовной силе. Королева немедленно пригласила его к себе и сама вышла ему навстречу до города Лаумелла[52]. Когда он явился к ней, она после нескольких слов приказала подать ей кубок с вином и, первая отпив из него, поднесла остальное Агилульфу. Он, взяв кубок, почтительно поцеловал руку королеве, а она, улыбнувшись, с краской на лице заметила: «Тому, кто может поцеловать меня в уста, не следует целовать мне руки». Затем она, предложив

ему встать и поцеловать ее, объявила о свадьбе и о возведении его в королевское достоинство. Что дальше? Свадьбу отпраздновали с большим ликованием, и Агилульф, бывший родственником короля Автари, принял на себя в начале ноября королевский титул. Но на престол его возвели только в мае месяце, на всеобщем собрании лангобардов в городе Милане.

Житие святого Арнольфа

Блаженный епископ Арнольф[53] был потомок франкского рода весьма высокого и благородного происхождения[54], очень богатый земным имением, но еще благороднее и возвышеннее верой. Свою речь о похвальных делах, совершенных им, из которых иные я знаю по рассказам его близких, а большинство сам по себе, полагая, что это ценно, я начну уже с первых мгновений его рождения. Итак, был некий странник, слуга Божий по имени Стефан, который, придя из италийских областей, жил в местечке, соседнем с имением родителей этого блаженного мужа. И когда этому страннику открылось в духе рождение мальчика и наступила на короткое время тишина, он наконец начал предсказания: «Знайте все, что вот этот рожденный мальчик достигнет высоких почестей, велик будет пред Богом и людьми», что следующим образом доказал ход дел. Ибо отрок похвальных дарований, о котором было предсказано по благодати Божией, отданный для научения грамоте, проницательным умом и восприимчивой памятью превосходил прочих своих товарищей и изо дня в день поднимался по ступеням добродетелей. Когда же, уже хорошо выучившись, он достиг совершенного возраста, то, творя многие дела добродетели, пришел на службу к Гундольфу, наместнику и советнику короля. Проверив его во многих испытаниях, Гундольф обратил на него как достойного такой службы внимание короля Теодеберта[55].

Кто может достаточно рассказать о том, как, долго оставаясь на службе у короля, Арнольф, обладавший большой властью, вел войны и шел в бой впереди войска, в особенности когда часто он мужественно обращал строй врагов в бегство своим мечом? Вот почему через недолгое время он был поставлен князем над всеми, так что шестью провинциями, которыми и тогда, и теперь управляют многочисленные чиновники, правило суждение его одного. Между тем, когда этот вот деятельный воин усердно отдавал Богу то, что полагается Богу, а именно: в молитве, в постах, в милостыне, кесарю – кесарево, то есть отвагу в бою, осмотрительность в совете, собрав друзей и родных, он взял в жены некую деву знатного рода. В этом деле особенно Господь подал некий дар Своей благодати этому мужу, ибо от этой прекрасной жены он удостоился получить радость в виде двух сыновей; они, словно блистающее украшение из двух драгоценных камней, после просияли в мире. В эти времена на службе у короля состоял муж выдающийся, по имени Ромарик, связанный с блаженным Арнольфом дружеским расположением.



Реликварий св. Стефана. IX в.
Dixon Ph. Britek, Frankok, Vikingek.
Lausanne, 1976. Il. 65

Когда, благодаря непрерывному пребыванию рядом с Арнульфом, Ромарику стало известно желание блаженного мужа, который непрестанно размышлял о монастырях или святых местах, они посоветовались друг с другом и решили, согласно предписанию Евангелия, оставить все, что имели, и странствовать ради Христовой любви; однако воля Господня воспрепятствовала намерению обоих в этом деле. Ведь Провидение Христово посчитало невозможным, чтобы случилось так, чтобы эти два мужа, которые все время блистали в мире, как два светильника, скрыты были бы под одной корзиной, но лучше, поставленные на свещник, они светили бы всем своими деяниями веры[56]. Поскольку в эти дни случилось так, что город Метена[57] лишился своего пастыря, [народ] единодушно и по общему согласию попросил, чтобы епископом назначили Арнульфа, советника и приближенного короля. Хотя Арнульф плакал и много противился этому, он был вынужден наконец, ибо так угодно было Богу, принять вышеназванный город в управление. Но ему не было позволено оставить обязанности князя, которые он нес при дворе.

Итак, когда Арнульф был возведен в епископское достоинство, он облегчил нужду бедняков столь великой и совершенной щедростью, что, услышав молву о блаженном муже, даже из отдаленных областей к нему поспешило множество мужей и жен, чтобы [получить помощь]. Далее, кто мог бы рассказать о мере его воздержания, когда подчас после трехдневного или еще более долгого поста он подкреплялся лишь ячменным хлебом и кубком чистой воды? Он также непрестанно носил под своей туникой скрытую власяницу и этим причинял двойную муку членам тела, весьма изнуренным в бдениях и постах. Среди этих непрестанных мучений плоти, которыми бла-

женный Арнольф укрощал себя по собственной воле из любви к Небесному Отечеству, Господь изволил через него явить много чудес. Я приступаю к рассказу о некоторых из них.

Когда муж Божий задержался на некоторое время в соседних областях вогезов, в вотчине св. Стефана, покровителя Метенских земель, в его присутствии тяжко страдала некая женщина, по имени Бесила, охваченная беснованием, он, побуждаемый милосердием, с глубокими вздохами сказал: «Увы, несчастный род человеческий, в котором настолько имеет силу враг, что его жилищем является место, где скорее должен был бы обитать Христос!» И, проговорив это, он предался молитве со слезами; по окончании молитвы, когда демон был изгнан, Арнольф тотчас же возвратил женщине здоровье.

Однажды, когда Вселенская Церковь имеет обычай соблюдать трехдневный пост, святой муж проходил, по городскому обычаю, вне стен города с крестами и множеством народа обоих полов для молитвы; и вот женщина в середине толпы возопила к небу. Услышав это, муж Господень узнал, что она одержима нечистым духом, и, поставив перед ней выносной крест, освободил ее от злого врага. Также и в другое время, в городе, когда Арнольф шел, чтобы помолиться в базилике Св. Креста, и увидел там девицу, которая беспутно неистовствовала, он, движимый милосердием, сказал своему архидиакону: «Этой ночью, брат, совершим бдение за эту вот бедняжку, чтобы нам завтра радостными пойти домой, если она, по благодати Божией, исцелится». И так это и случилось.

Во времена короля Дагоберта[58], когда блаженный Арнольф пребывал у него во дворце, некий прокаженный воззвал к светлому мужу, моля о еде или одежде; тот немедленно велел отвести прокаженного в свой странноприимный дом. Там, выказав, по своему обыкновению, отеческое милосердие к болящему, Арнольф стал расспрашивать его, омыт ли он святой водой крещения. Прокаженный ответил: «Вовсе нет, господин мой, ибо кто окажет такую милость мне, отвергнутому людьми?» Святой епископ сказал: «Милый брат, только веруй в Господа Иисуса Христа и непременно получишь целебное средство для тела и души». Итак, приняв от блаженного мужа Таинство Крещения, прокаженный освободился от всего телесного неудобства; и тот, кто прежде был запятнан грехами и проказой, впредь сделался здрав в обоих естествах.

После этого, когда святой епископ поехал в свите названного короля в область тюрингов, случилось так, что некий из знатных мужей, по имени Нутилон, с великим рыданием оплакивал горячо любимого сына, уже испускавшего последние вздохи. Когда он, отчаявшись в выздоровлении любимого сына, уже готовился, отделив его голову от тела, по народному обычаю предать тело его огню для сожжения, сострадая его скорби, блаженный Арнольф, приблизившись к ложу умирающего и помолившись, сказал мальчику такие слова: «Раскайся, сын, если ты сделал что-нибудь дурное, и тот-

час же тебе будет возвращено прежнее здоровье». Что больше? Исповедовав свои прегрешения скорее предсмертными хрипами, чем словами, мальчик был помазан маслом, освященным рукой служителя Христова, и в тот же час настолько окреп, как если бы уже давно не претерпевал решительно никакой немощи.

Некий нечестивец, по имени Ноттон, с помощниками своими, дерзнул нанести обиду святому епископу, утверждая, что тот не почитатель Бога, но скорее человек, преданный сластолюбию: не только король, но даже и королева поспешали иногда к его ложу в ночные часы, будто бы требуя совета.

Итак, однажды, когда этот муж, переполнив чрево вином, шел по дороге вместе с другом, также хулившим епископа, по велению Божию, вдруг все их одежды были охвачены огнем. Они тотчас же с громким криком выскочили из огня, но, поливая водой свои ягодицы и чресла, где рубахи их полыхали ярким пламенем, никак не могли потушить огонь, посланный свыше. Наконец, подобно свиньям, они одновременно ввергли себя в болотную жижу и там, долго вопя, едва не отправились в вечные муки оттого, что по заслугам претерпевали. Конечно, на них исполнилось то, что сказано в псалме: «Тайно клевещущего на ближнего своего изгоню»[59]. Да не будем иметь иного мнения: было сделано по суровому божественному суду, что хулители эти более всего были обожжены в тех частях, где, без сомнения, царила похоть, в которой они ложно обвинили праведного мужа. Немного позже виновник этой хулы, а именно вышеупомянутый Ноттон, был так опорочен перед королем в преступлениях подобного рода, что королевский меч пресек его злодеяния вместе с жизнью, и сын его не избежал такого же приговора.

В те же времена, когда блаженный Арнольф истратил уже почти все сокровища церкви на пользу бедным, оставался тогда серебряный дискос, весом в семьдесят две либры[60]. Его приобрел, заплатив его цену, первый из знатных мужей, некий Гугон, но Всемогущий Бог не потерпел, чтобы мирянин пользовался тем, что уже давно было освящено в честь блаженного первомученика Стефана. Когда уже упомянутый Гугон был повержен безвременной смертью, этот дискос принесли королю Лотарю[61]. Как рассказывают некие люди, когда король узнал, что блаженный Арнольф продал этот дискос для пропитания бедняков, он тут же, словно по внушению свыше, приказал, чтобы этот дискос, положив на него сотню золотых монет, быстро отнесли к епископу города Метены. Когда же столь многие чудеса начали часто происходить по молитвам блаженного мужа, он, желая всего себя посвятить Богу, устремился в отдаленные месте близ области Восаг и там, скрывшись в некой келейке, днем и ночью потрясал небо святыми молитвами. И все же Арнольф начал тревожиться о том, как бы народ, доверенный ему Богом, не получал уже меньше от Хлеба Вечной Жизни, потому что их пастырь удалился. Отправляя через вестников послание к королю, Арнольф усердно просил его, чтобы тот предложил народу на место епископа такого

предстоятеля, какого он бы хотел, кто словом проповеди более достойно, чем он, Арнольф, наставлял бы народ Христов. Приняв этих послов, Лотарь исполнился немалой печали и, узнав, что он останется без всякого совета, если блаженный Арнольф перестанет часто появляться при дворе, так написал святому мужу среди прочего: «Того, что Вы, Господин и Отец, пожелали попросить в Вашем послании, наше чаяние никоим образом не чает исполнить, но если Вы решили жить где-нибудь, упражняясь в добрых делах, мы со всей преданностью просим Вас жить у народа, врученного Вам, как Вы начинали, и быть ему примером обещанного спасения». Неудивительно, что король Лотарь окружил блаженного мужа столь великой любовью, что своего сына Дагоберта[62], возведенного в княжеское достоинство, вручил для наставления, словно его собственное чадо, и сам, пока был жив, с большой пользой вел все дела королевства по его совету и предусмотрительности. Когда же король Лотарь умер, блаженный епископ Арнольф, до сих пор горя тем же желанием, что и прежде, а именно жить в пустыне, снова и снова стал просить позволения на это у правителя Дагоберта.

Раздраженный диавольским внушением, король ему воспротивился. Когда же однажды Арнольф чрезмерно докучал ему этой просьбой, король, схватив меч, пожелал, чтобы епископа унесли от него убитым. Арнольф, мало страшась умереть от гнева короля, непрестанно повторял: «Что ты делаешь, несчастный? Ты желаешь отплатить мне злом за добро? Ныне, если тебе угодно, свирепствуй надо мной, сколько хочешь. Я не усомнюсь умереть за любовь к Тому, Кто дал мне жизнь и умер за меня». Когда Арнольф сказал это, а один из подле стоящих знатных мужей ласковыми словами изобличил безрассудство короля, ярость того успокоилась, и, благодаря заступничеству благодати Божией, преступное расположение духа не имело воплощения. Между тем подоспела королева, услышавшая, что против мужа Божия беспричинно возгорелось возмущение. Она бросилась вместе с королем к ногам епископа и, сострадая Арнольфу, словно родному, усердно просила со слезами, чтобы загладить нанесенное оскорбление, говоря: «Отправляйся в пустыню, господин, как желаешь; будь же к нам столь же благосклонен, сколь мы тебя несправедливо оскорбили». Когда милость, о которой просил Арнольф, была ему оказана, он вышел из дворца, и, вот множество хромых, слепых и прочих бедняков стоят перед дверями и, возвысив голоса, кричат ему: «О святой пастырь, почему ты нас, несчастных, оставляешь? Кто нас пожалеет или кто уделит нам пищу или одежду?» На такие и такого же рода слезные речи милостивый отец отвечает им, сам плача: «Не печальтесь, сыночки, потому что Бог даст вам пастыря, который будет пасти вас с милосердием и состраданием. Будьте мирны по отношению друг к другу, благодетельны, милосердны, чтобы в то время, когда вы в сей нынешней жизни утесняетесь бедностью и горем, в будущей жизни вы удостоитесь блаженно царствовать со Христом». Сказав это, он немедленно отправился на молитвенную брань. После этого прошло немного времени, и

святой Гоэрик, по прозванию Аппон, был избран преемником Арнольфа. Это был муж удивительный святостью жизни и любезный всем, кто был ему вручен как пастырю.

Ромарик, муж превосходный, услышав, что блаженный Арнольф избрал отшельническую жизнь, выйдя из областей Вогезских, пришел к нему и для удобства их обоих приготовил себе подходящее место в уединении обширной пустыни. Но прежде чем Арнольф и Ромарик вышли из города и поселились в пустыне, в этом же городе молитвами блаженного Арнольфа было совершено чудо, о котором мне не должно умалчивать. Ибо по случайности произошло, что однажды ночью огонь охватил и разрушил королевскую кухню и извергающееся пламя угрожающе лизало дом, стоящий поблизости. Внезапно проснувшиеся горожане начали вопить и рыдать, предвидя свою неминуемую гибель. Услышав это, прошли мы проворным шагом домой к мужу Божию и нашли его поющим псалмы, как это у него было в обычае. Тут же, схватив Арнольфа за руку, Ромарик сказал: «Выходи, господин, вот, у дверей стоят наши кони; выходи, говорю, а не то как бы этот огонь, чего да не случится, не погубил тебя в этом городе». А тот ему ответил: «Никоим образом, любезный, но ведите меня к огню и поставьте перед ним, чтобы мы увидели нечестивый пожар, который напал на нас; и если хочет Бог, чтобы я сгорел, вот, я в Его руке». Итак, мы, держа Арнольфа за руку, пришли к пылающему дому и по приказанию святого мужа тут же простерлись в молитве. Прочтя главу, все поднялись. Тогда Арнольф, воздев руку, начертал знак креста перед пламенем, и внезапно чудесным образом весь огонь, словно пораженный с небес, ничего не повредив в другом месте, повернул назад и вошел внутрь стен. Увидев это, мы возблагодарили Бога и, прочтя утреню, возвратились на свои ложа. В тот же час одному из братий было явлено такие видение: внимательно глядя на небо, он увидел знак креста, словно изображенный языком пламени, и голос, сходящий с неба, сказал ему: «Видишь сей знак? Этой ночью епископ Арнольф весь вот этот город спас им от пожара». Этот брат рассказал всем нам, удивляющимся тому, что огонь был погашен свыше по молитве святого епископа, о своем видении, чем привел нас в еще большее восхищение.

После этого блаженный Арнольф, оставив все вещи века сего и раздав свое имение бедным, уже твердо надеясь и уповая на сокровище, собранное на небесах, сделался в мире сем нищим ради Христа, но богат силой Божией и, словно новый Илия, поспешил в пустыню. Там среди диких зверей он воспевал в ежедневных молитвах хвалы Богу. Он призвал с собой нескольких монахов, для которых непрестанно исполнял собственными руками верное служение: снимал обувь с ног и чистил, в отдельные дни усердно убирал их ложа, не презирал и трапезного послушания; сам будучи поваром, часто, голодный, кормил своих сотоварищей. Он, презрев мягкие и драгоценные ткани, убрал ложе свое покрывалом, ничтожным в глазах людей, но прекрасным пред взорами ангелов, а именно власяницей.

Итак, он проводил ангельскую жизнь в этих и других бесчисленных делах добродетелей, и вот уже Всемогущий Бог пожелал призвать борца Своего к предназначенной ему награде. В то время как около блаженного Арнольфа стояли близкий ему благочестивый муж Ромарик с прочими монахами и ожидали славного его перехода в вечность из этого мира, избранный предстоятель Божий сказал им такие слова: «Возлюбленные господа, умоляйте Христа обо мне. Ведь уже настал день, когда я явлюсь перед моим Судией. Что мне делать? Ничего доброго не сотворил я в мире сем. Стена всяческих преступлений и грехов теснит меня, очень прошу вас, если я удостоюсь этой милости, умоляйте за них Господа». Между тем пришел час, когда эта святая душа на руках ангелов была отнесена ко Христу. Тотчас великая радость вышних сил воссияла в небе, но великий плач бедняков Христовых и монахов поднялся в сем мире.

Когда же досточтимый епископ Гоэрик услышал о кончине блаженного предстоятеля Арнольфа, он взял с собой двух других епископов и, собрав огромное множество клириков и мирян, отправился в пустыню, и, неся тело мужа Божия с великим благоговением, они вернулись в город. Когда они подходили к некой реке, мягкая почва берега которой, разрушенная идущими, стала скользкой для хождения, те, кто нес носилки сзади, поскользнувшись, упали; но, как я думаю, на их месте немедленно появились ангелы. Ибо те, кто нес носилки впереди, никак не замедлив шага, беспрепятственно шли вперед, пока те, кто поскользнулся, поднявшись на виду у всех и снова взяв носилки, не заняли, как и прежде, место своего служения.

В этом путешествии случилось и другое чудо. В Кальвомонтинском округе[63] некий муж, по имени Кента, был повинен в кровосмешении; когда блаженный Арнольф еще при жизни часто желал, но не имел возможности привести к его исправлению, он оставил его без отпущения грехов. Когда процессия подошла к пределам владений этого повинного в кровосмешении человека, внезапно члены несущих носилки с телом святого оцепенели, так что они никоим образом не могли идти дальше. Священнослужители и весь народ заметили это, когда шедшие в процессии стали немало теснить друг друга, и начали спрашивать, что делают носильщики и почему сворачивают с дороги, в особенности когда день уже склонялся к вечеру. Военачальник Ноттон, который был среди идущих, сказал: «Этим показано, что святой не желает вступить на землю человека-кровосмесителя. Если мы сможем достичь моего жилища, которое находится в некотором удалении отсюда, до того как наступит ночь, я послужу вам всем необходимым из того, что у меня есть, хотя я не надеюсь, что смогу сразу подкрепить пищей столь великое множество людей, ибо я приду неожиданно и вы найдете меня совсем не подготовленным». Услышав эти слова, весь народ поспешно двинулся к крепости этого военачальника, и столь великая быстрота была сообщена несущим носилки с телом святого мужа, что, придя к назначенному месту до ис-

хода дня, они чувствовали, что были несомы скорее, чем несли сами. Тогда Ноттон сказал: «Так как мало что у нас есть под рукой, пусть святой Арнольф припасет нам еды этой ночью», и за его словами веры последовало успешное их исполнение. Ибо еда и питье столь приумножились, что половина осталась на завтра, когда все наелись досыта. После этого процессия с великой поспешностью радостно пришла в город. Побуждаемые слухом об этом, горожане, взяв кресты и свечи, с великой радостью и восторгом поспешили навстречу своему пастырю и приняли уже царствующим на небе того, от которого потерпели [великую скорбь], когда он, по суду Божию, незадолго до этого их оставил. Его святые останки были с великим благоговением положены в базилике Св. Апостолов.

После того как святой Арнольф был погребен, он показал жителям города чудесами, чтó он обрел у Христа в пустыне. Некая женщина, по имени Юлия, давно потерявшая зрение, подошла к гробнице мужа Божия и, помолившись с упованием, без промедления получила давно желанную способность видеть, и по улицам, по которым ей обыкновенно помогала ходить чужая рука, она радостно возвратилась в гостиницу, видя собственными глазами.

Не умолчу и еще об одном чуде, о котором я недавно узнал из рассказа благочестивого мужа, аввы Арнегаудия. Некая женщина, живущая в предместье, дерзнула работать в день Господень; Божий суд поразил ее таким образом, что обе руки ее сжались в кулаки. Томимая безмерной скорбью, она пришла оттуда к вышеназванному авве и со слезами умоляла его о милосердии. Он тотчас же велел ей с верой идти к гробнице святого предстоятеля. Придя туда, она обнаружила, что ворота монастыря заперты, и со слезами предалась молитве и, обращаясь к святому Арнольфу, просила чтобы он исцелил ее. Когда долгое время она усердно молилась Господу, и по заступничеству блаженного предстоятеля, сжатые пальцы были освобождены, а затем вскорости последовали желанные лекарства.

В то же самое время некий жалкий калека, по имени Керон, исцелился у гробницы святого мужа. Ступни несчастного были настолько сильно сведены судорогой, что он ходил потихоньку, переваливаясь и опираясь с двух сторон на костыли. Помолившись святому Арнольфу, тот, кто отправился в монастырь изуродованными от рождения ногами, вернулся в свое жилище на окрепших ступнях, сообразных с законами природы.

Вот то малое, что мы, как могли, написали о многих чудесах блаженного предстоятеля; прибавим следующее: если бы все остальное, что совершил святой Арнольф, мы решили, прибавив страницы, запечатлеть на письме, то составили бы огромный и весьма нескладный том. Пока же да будет достаточно и написанного благочестивому читателю. Пусть он за благодеяния, явленные для спасения многих благодаря заслугам святого, благословит имя Господа нашего Иисуса Христа, Которому власть и сила во веки веков. Аминь.

Гомилия о святом отце Бенедикте[64]

Так как досточтимый пресвитер Беда составил последнюю из своих гомилий, то есть пятидесятую, почти целиком о жизни и деяниях некоего Бенедикта, насельника его монастыря, которая, как кажется, наименее подходит для чтения на наших службах, я, Павел Диакон, нижайший раб блаженного Бенедикта, составил сию пятидесятую гомилию к славе Божией и хвале святейшего отца нашего Бенедикта, при помощи вышней благодати, чтобы не нарушилось число «пятьдесят» у этих гомилий.

Из Евангелия от Луки: «Никто, зажегши свечу, не ставит ее в сокровенном месте, ни под сосудом на подсвечнике, чтобы входящие видели свет» [Лк 11, 33].

Этим словам святого Евангелия, которые вы только что услышали, братия возлюбленные, Господь предпосылает следующее о неверующих иудеях: «...род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дается ему, кроме знамения Ионы пророка» [Мф 12, 39]. И после чуть далее Господь называет Церковь из язычников Царицей Южной, которая придет к вере: «Царица Южная восстанет на суд с родом сим и осудит его, ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой; и вот, здесь больше Соломона» [Мф 12, 42]. И потому, поскольку Истина упоминает иудеев прямо, Церковь же символически, зная, конечно, что тайна Его Воплощения много больше будет полезна язычникам, чем иудеям, прибавляет к тому, что только что прочитано, говоря: «Никто, зажегши свечу, не покрывает ее сосудом, или не ставит под кровать, а ставит на подсвечник» [Лк 8, 16]. Конечно, свечу зажигает Господь, когда глиняный сосуд человеческой хрупкости наполняет огнем Своего божества; эту свечу, то есть веру, испускающую свет Своего Воплощения, невозможно ни верующим утаить, ни под сосуд поставить, то есть ограничить мерой закона или удержать в пределах одного народа иудейского, но скорее научить для Себя народ из избранных и соединить их с Собой теснее, прославив их. Подсвечник означает Церковь, на который Господь поставит свечу, ибо на челе нашем запечатлел веру в Свое Воплощение. И далее Господь, давая проникнуть в суть вещей, присовокупил причину, по которой свеча должна быть поставлена на подсвечник, а именно: те, кто входит, видят свет, то есть те, кто хочет неложно войти в Церковь, могут открыто видеть свет Истины и веры. Этим речением также осуждается род иудейский, который, в то время как он ищет внешних знамений, не желает, уверовав, войти в открытую дверь света. Так как Господь прежде Сам Себя изволит объявить светильником, он показывает, как слово «свеча» может относиться в виде замещения к избранным Его, говоря: «Светильник тела есть око» [Лк 11, 34]. Господь желает, чтобы под «телом» понимались наши дела, которые открыто всем явлены; «око» же понимается как само намерение души, по которому делаются дела и по качеству которого мы различаем эти дела как дела тьмы или

Фреска из часовни Сан-Бенедетто, Малль, IX в. Преподобный Бенедикт Нурсийский дает монахам свое правило. *Heer F.* Charlemagne and his World. L., 1985. P. 176. Il. 9

света, как Он впоследствии объясняет, говоря: «Если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло. Если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно» [Лк 11, 34]. «Господь говорит: “Если по чистому и праведному намерению ты стараешься делать добро, какое можешь, конечно, это дела света, даже если в глазах людей они, кажется, имеют некое несовершенство”, любящим Бога... все содействует ко благу» [Рим 8, 28], – как говорит апостол. Если же делу предшествует дурное намерение, неправедно все дело, которое за ним следует, даже если оно кажется праведным. Так как этого нам должно всячески остерегаться, Истина, увещая, открыто прибавляет: «Смотри: свет, который в тебе, не есть ли тьма?» [Лк 11, 35], не потемняется ли само намерение сердца, которое есть свет души. Усердно и тщательно обдумайте это, согласно тому, что предписывается в другом месте: «Больше всего хранимого храни сердце твое; потому что из него источники жизни» [Притч 4, 23]. За этим следует: «Если же тело твое все светло и не имеет ни одной темной части, то будет светло все так, как бы светильник освещал тебя сиянием» [Лк 11, 36]. Господь называет наше тело всеми нашими делами, так же и апостол называет члены тела нашего делами, которые не признает, и предписывает умерщвлять их, говоря:

«...умертвите земные члены ваши» [Кор 3, 5], то есть блуд, нечистоту, похоть и прочее. Итак, Господь говорит: «Если ты исполнишь благое дело по благому намерению, не имея на своей совести какой-либо частицы мрачного помышления, даже если кому-либо из ближних придется пострадать из-за твоего доброго дела, например если на деньги, которые от тебя примет нуждающийся, он сделает нечто дурное или если от слова наставления, которым ты желал исправить грешащего, он невзначай впадет в еще более гибельный грех, ради твоего простого и просветленного сердца здесь и в будущем тебе будет дана благодать света и ты примешь блеск вечной награды благодаря сиянию собственного деяния. Потому, братия возлюбленные, постараемся и сами быть, по благодати Божией, пылающими светильниками и подавать своим светом пример добрых дел ближним, приходящим в дом Божий. Постараемся и служить делам света, и остерегаться искусно и усердно, чтобы к нашим добрым делам не примешалось лукавое намерение. Да будет всегда намерение нашего сердца чисто и просто, чтобы и все дело наших усилий могло быть явлено славным перед внутренним судией и одеться светом достойного воздаяния. Мы сказали это для объяснения евангельского чтения. Так как сегодня мы празднуем священнейший день блаженного отца нашего Бенедикта, в который он отошел по сияющей тропе на небо, посмотрим, не может ли текст нынешнего чтения соответствовать его жизни и заслугам. Но прежде хочется еще немногое присоединить из Евангелия от Матфея, что достаточно верно соотносится с этим чтением и полностью соответствует прославлению столь великого мужа. Ибо блаженный евангелист Матфей сообщает, что среди прочего Господь сказал ученикам: «Вы – соль земли» [Мф 5, 13] – и еще раз: «Вы – свет мира» [Мф 5, 14]. Что лучше, братия возлюбленные, чем то, что блаженнейший отец вслед за святыми апостолами смог называться именем соли? Разлучившись с городом Ромула, словно с ненадежными и горькими течениями моря, он считал самого себя в глубине души тщеславным до тех пор, пока хоть малая доля текучести мирского непостоянства имелась в нем, обратил в твердость и полезность соли и, высушенный лучами Истинного Солнца посредством жара любви, достиг ослепительной белизны праведности. Он не только, присутствуя плотью в мире сем, приправил жизнь многих людей, словно солью, благочестивыми словами или делами, но и до настоящего дня, присутствуя среди нас духом, научает не только наше сообщество, но и своих последователей по всему Западу. Посредством спасительного и полного разумности правила своего братства он призвал ко спасению, ограничивая ее, жизнь плотских людей, истлевающую вследствие гибельного разрушения. Строгость его нрава, подобно соли, кажется тягостной из-за жестоких наказаний, однако верно то, что, перенесенная терпеливо, она доставляет небесное лекарство. Потому, братия возлюбленные, если когда-нибудь так случается, что глава наш отец или те, кто им поставлен над нами, сурово наказывают нас по уставу, нам подобает настолько смиренно

принять это принесенное нам лекарство вечного спасения, насколько нам должно верить, что оно смягчает наказание геенны. Что больше, как мы начали говорить, чем этот возвеститель тесного пути, что воссиял, как блистание чистого света, которого заслуги жизни и множество чудес не только тогда просияли, но и до сих пор их блеск повсюду возрастает. Об этом свидетельствует то недавнее чудо, которое произошло лет за десять до нынешнего дня, а именно: немой, приведенный к священному телу (то есть к праху) святого Бенедикта, заговорил; как скоро он воззвал к силе св. Бенедикта во всех молитвах, сразу за тем началось служение языка – чему должно весьма удивляться – и тот, кто не мог выговорить ни одного слова со дня рождения, начал изъясняться не только на родном, то есть варварском, наречии, но также еще и по-латыни. Многое достойное повествования, что Христос через него ежедневно совершает, должно быть открыто вашей любви своим чередом при покровительстве Божием. Итак, продолжая начатое, кто чище, чем этот вот муж, то есть с чистым намерением сердца, прошел жизнь? Кто, презирая все, непрестанно стремящееся к гибели, утвердил ум в небесном? И чьи желания по этой причине скоро были услышаны, ибо, угодив Богу простотой ума, он изгнал ветхость лукавства из своего намерения? Здесь устами Соломона говорится о Боге: «С праведными у Него общение» [Притч 3, 32]. Мы полностью признаем, что все созданное Творцом просто по природе своей. Итак, настолько любой человек скорее и действеннее услышан бывает в молитве, насколько имеет по простоте намерения сходство с Божеством, согласно Его собственному образу. Чье тело, говорю, могло быть более светлым, обнаруживая эти деяния, чем тело сего мужа, который показывал превосходством своей жизни свет столь многим людям; или кого более, чем его, сияние собственных деяний просветило ярким сиянием, подобно светильнику; кто, внешне окруженный многочисленными светильниками, [устремленными] к небу, возрастал внутренне к лучшему, непременно надеясь увидеть Создателя? Появился ли светильник ярче этого наставника, который, будучи поставлен на подсвечник высокой жизни, осветил своими лучами все области Запада? Кто, когда скрывался в тесноте пещеры, пожалуй, в особенности казался словно под сосудом, то есть его собственное суждение словно бы удерживало его под сосудом, почти не позволяя солнцу озарять сиянием его главу. Но, поставленный на подсвечник правления, по внушению Божию, он являл пресветлый свет всем, желающим просветиться, что и сегодня почти по всем преданным Христову почитанию областям мы слышим о явлениях столь великих чудес, мы узнаем свет столь великой святости, что уста всех верных, желающих к нему прийти, оглашаются божественными хвалами. Ведь поскольку я говорю мало о многом, кто не удивляется, услышав, что святой муж публично возвещал тайное, предсказывал будущее, что по его повелению появлялась влага, исходя из скальных источников, сколь часто он укрощал природные стихии, что ему оказывают послушание птицы, земля отдает погребенный

труп, ужасая и приводя всех в трепет; что по его велению прекращаются болезни и право собственности отнимается у смерти; что открываются тайны сердца; что, в то время как его удерживала темница плоти, он желал вырваться из нее духом? Наконец, кто не изумится тому, что один человек окинул взглядом весь мир, что он, живя на земле, увидел граждан неба и, в то время как он был побежден плотью, он созерцал достоинства душ? Кто, восприняв слухом это и многое подобное, не будет непрестанно изливать хвалу Богу Отцу, который дает таковое своим слугам и, сверх всего этого, щедро дарует Царство без конца на небесах? Не потому ли этот выдающийся Отец удостоился привести все это в исполнение и столь удивительно возблистал в мире чудесами наподобие святых апостолов, что проводил такую же жизнь, как они, и слухом сердца воспринял небесные установления Учителя, собираясь Ему служить? Ни соблазны плоти, ни радости мира, склоняющие к дурным убеждениям, ни лукавые советы врага не могли заставить его, желающего вечной награды, свернуть с пути истинного. Потому, братия возлюбленные, да научимся мы, поспешившие к его научению из различных частей мира, презирать то, что он презирал, научимся любить то, что он любил; и если мы желаем последовать за ним к славе, последуем за ним, подражая ему, чтобы нам не быть отторгнутыми от его сообщества после, если ныне мы не отклонимся от примера его прямодушия. В самом деле, если кого-то из нас некто неистовый повлечет из этого собрания, того, кто претерпит такое смятение, стеснило бы великое горе. Подумаем, возлюбленные, какое тогда будет смятение, какой ужас и утеснение, если кому-нибудь из нас выпадет на долю (от чего упаси Боже) разлучиться в вечности с этим великолепным святым отцом нашим и ликом прежде живших братий и, более того, быть ввергнутым в бесконечные мучения? Вот почему, возлюбленные, рассмотрим нашу жизнь; изгоним от себя всякую нечистоту и всю злобу; будем кроткими, воздержными и смиренными, будем ревностно стремиться к тому, что принадлежит духовному миру и любви, будем хранить предписания нашего Отца, пойдем вослед ему, чтобы равно с ним нам были даны вечные радости, которые дарует нам Господь Иисус Христос, Бог, Который с Богом Отцом и Святым Духом живет и царствует во веки веков. Аминь.

Письма

Блистающему даром щедрости, мудрости и силы Господину, Королю Карлу, высочайшему из королей – нижайший слуга Павел.

Желая прибавить нечто к Вашим книгохранилищам, по необходимости взял я в долг из чужого, ибо из своего могу крайне мало. Фест Помпей[65], обладающий большими научными знаниями о Риме, открывая происхождение как неясных слов, так и неких дел, растянул свой труд на двадцать длинных

свитков. Из этой протяженности я опустил лишнее и менее нужное и объяснил, оставив нечто глубоко скрытое, своим пером, так что оно стало понятным, и принес это Вашей Высокости в сжатом виде для чтения. В тексте этого труда, если Вы не презрите его прочесть, Вы найдете удобно расположенным нечто по темам и нечто по этимологиям, в особенности же Вы отыщете ясные и определенные названия ворот, дорог, гор, различных мест и триб Вашего города Рима, затем народные обряды и различные обычаи, а также речения, известные поэтам и историкам, которые те часто помещают в своих трудах. Если проницательный Ваш и тонкий ум не вполне отвергнет этот подарочек моей малости, то в течение жизни моей это побудит мою скудость к лучшему.

* * *

Возлюбленному брату и господину Адальхарду[66] – смиренный Павел.

Желал я, милый мой, прошлым летом увидеть твое лицо, когда был в тех краях! Но мне помешала усталость моего «звонконогого», и я не смог к тебе приехать. Однако я часто вижу сладость твоего Братолюбия внутренним взором, которым одним и могу видеть. Хотел бы я и в самом деле уже давно исполнить твои повеления, но, по бедности не имея переписчиков, прежде исполнить это был не в состоянии; меня сокрушало столь великое нездоровье, что с месяца сентября вплоть почти до дня Рождества Господня я был прикован к одру; и сему клирику, который это письмо кое-как написал, не дозволялось протянуть руку к чернильнице. Но прими, сколь ни поздно, послания, которых ты желал; и так как по причине занятости мне прочитать их все не было возможности, знай, что тридцать четыре из них прочтены и, насколько я мог, исправлены, за исключением малого количества мест, в которых я меньше текста нашел и, однако, не пожелал их дополнить своим пониманием, чтобы тебе не показалось, что я изменил слова столь великого учителя; в этих местах я прибавил на внешнем поле страницы «Z», то есть знак ошибки. Потому, твое Братолюбие, если тебе представится удобный случай, постарайся перечитать остальные послания по более исправленному списку и добавить места, в которых находится меньше текста. Советую, однако, твоей святости обнародовать это не без разбора, из-за некоторых менее надежных мест, которые пристало более скрывать, чем знать. Прощай, любезный брат, всегда богатеющий добрыми делами, и вспомни меня, возлетая умом в горняя.

Прежде текущий назад Рейн к истокам своим возвратится,
Светлой Мозеллы волна хлынет к своим родникам,
Чем, добрый друг Адальхард, навсегда удалится из сердца.
Милое имя твое, памяти верный залог.
Если ты счастлив и здрав пребываешь в служении Богу,
Также и ты всякий час имя мое вспоминай.

* * *

Любезнейшему и любимому всем моим сердцем господину моему отцу Теодемару[67] – Павел, ничтожный и смиренный сын.

Сколь ни обширны пространства земель, они лишь телесно отделяют меня от вашего сообщества, однако везде достигает меня верная любовь вашего собрания, которой нельзя никогда положить конец, и в иные минуты меня терзает столь великая любовь к Вам и к моим старцам и братиям, что ни добросовестность переписки, ни краткость страничек не могут этого показать. Ибо когда на ум приходят досуги, так часто заполненные божественными делами, и мое приятнейшее послушание в гостинице, ваше милостивое и благоговейное расположение, святой отряд столь великих воинов Христовых, трудящийся в богопочитании, сияющие примеры отдельных братий, нераздельных в добродетелях, сладостные беседы о совершенствах Вышнего Отечества, цепенею, замираю, слабею, более того, среди исходящих из сердца вздохов не могу сдержать слез. Я пребываю среди людей, преданных кафолическим и христианским занятиям, все принимают меня хорошо, ко мне проявляется достаточно радушия ради любви к нашему отцу Бенедикту и ради Ваших заслуг, но по сравнению с Вашей киновией мне дворец – тюрьма, рядом с тем миром, который у Вас, жизнь моя здесь – буря; я держусь одинокой, немощной частичкой, оторванной от такой отчизны; все, чего я только желаю душой, – быть с вами; и кажется мне, что ныне я присутствую при вашем стройном и весьма сладком пении, ныне сажусь вместе со всеми за трапезу, чтобы более насытиться обществом собратий, чем пищей; ныне вижу отдельных братий, усердно выполняющих различные послушания; ныне глубоко вникаю вместе с ними, кто насколько может, в дела дряхлых от старости или больных; ныне часто достигаю пределов святых, наподобие мною любимого Рая. Верь, отец и господин, верь, святое и досточтимое воинство, что лишь одно соображение милосердия, лишь глубины благочестия, лишь преуспеяние душ и – что важнее – власть нашего миролюбивого короля и господина задерживают меня здесь до времени. Впрочем, как только смогу и когда Господь Неба при посредстве благочестивого владыки рассеет для меня ночь скорби, а с моих пленников снимет иго несчастья[68], если, однако, каким-нибудь образом я смогу получить любезное обещание милосердного владыки, скоро возвращусь к вашему сообществу, не задерживаясь ни по какому иному поводу. Никакие богатства, никакое поместье, никакое изобилие сверкающего металла, ничье благорасположение не смогут отделить меня от вашего общества. Потому, сладчайший отче, и вы, о возлюбленные отцы и братия, прошу вас, чтобы вы изволили непрестанно молиться обо мне блаженнейшему нашему общему отцу и учителю Бенедикту, чтобы он защитил меня перед Христом посредством своих заслуг, чтобы Господь удостоил меня как можно более быстрого возвращения к вам. И в самом деле, я возлагаю надежду на

Господа нашего, Который никогда не позволяет человеку обмануться в благих желаниях, чтобы Он поскорее возвратил меня к вам с надлежащей пользой. Излишним считаю напоминать вам, чтобы вы изливали молитвы за наших повелителей, и описывать их хлопоты, когда знаю, что вы непрестанно усердствуете в этом. Ревностно молите Христа за господина нашего настоятеля, щедротами которого я здесь единственно питаюсь после благодеяний властителя. Здесь, возлюбленные, у меня есть столь великое множество ваших имен, что, если бы я пожелал назвать вас по одному, не достало бы всей этой страницы для ваших имен. Потому я и желаю и пишу приветствие всем вместе, умоляя, чтобы вы меня не забывали. Прошу тебя, мой досточтимый господин и авва, или наместника твоего, которого не знаю по имени, чтобы мне написали о здоровье вашем и братий или кто присоединился к вам в этом году и чтобы мне прислали имена и число тех братий, которые отошли ко Христу, освободившись от оков мира сего. Ибо я слышал, что многие скончались, но по имени знаю лишь Нонна. Если это правда, то он унес с собой немалую часть моего сердца. Прощай, святейший отец, и удостой воспоминаньем своего сыночка.

Житие святого Григория Великого

1. Святой Григорий, рожденный в городе Риме отцом Гордианом и матерью Сильвией, произошел от сенаторского рода не только известного, но и благочестивого. Ибо его предком был Феликс, предстоятель этого же апостольского престола, муж великой добродетели и слава Церкви во Христе[69]. Но св. Григорий продолжал это великое дело предков, прославив его своими благородными обычаями, украсив добрыми делами. Вообще, не без некоего необыкновенного предчувствия того, что позже он прославится открыто, ему было избрано такое имя. Ведь «Григорий» в переводе с греческого языка на наш означает «муж бодрствующий или неусыпающий». И в действительности он бодрствовал, когда похвально жил, твердо держась божественных предписаний. Он неусыпно заботился и о народе верных, когда при помощи изобильно изливавшегося знания христианских догматов он открывал путь тем, кто восходил в горняя.

2. Св. Григорий был так научен с отрочества свободным искусствам, то есть грамматике, риторике, диалектике, что хотя в его время в Риме еще процветало изучение наук, его не считали вторым после кого-нибудь в городе. Даже в юном возрасте ему было присуще стремление зрелого мужа, а именно: следовать речениям древних отцов и, если он мог воспринять на слух что-либо достойное, не предать вялому забвению, но скорее препоручить цепкой памяти; и уже тогда он черпал жаждущим сердцем потоки учения, которые, по прошествии приличествующего времени, излагал медоточивыми устами. Так, в годы юности, когда его сверстники обычно вступают

на путь мирской жизни, он начал оказывать преданность Богу и устремился всеми желаниями к Отечеству вышней жизни.

3. Давно и долго распространяя благодать обращения ко Христу, а затем вдохновляясь желанием Небесного, св. Григорий пожелал снять мирское платье и более не служить миру, казавшемуся ему тенетами, многие заботы мира сего начали восставать на него, чтобы он не только по внешности, но и мыслями (как он сам о себе говорил) задержался в мире. Наконец, когда его родители уже давно умерли, св. Григорий обрел свободу и смог распоряжаться своими делами; он открыл то, что прежде носил в уме, и явил человеческим взорам то, что уже было пред очами Божиими. Ибо вскоре он раздал все, что имел, на дела милосердия, чтобы в нищете последовать за Христом, Который Сам сделался нищим ради нас.

4. Построив на Сицилии шесть монастырей, св. Григорий собрал там братий, намеревавшихся служить Христу. Седьмой монастырь[70] он основал в стенах этого же города; в нем и сам он, присоединив к себе множество братий, позже подвизался, соблюдая Устав, под властью аввы[71]. Этим монастырям св. Григорий передал столь много пожертвований из своего недвижимого имущества, сколь он мог доставить для ежедневного пропитания их насельников. Остатки своего имущества вместе с домашней утварью он продал и роздал деньги нищим; все те видимые миру преимущества высокого происхождения, которые св. Григорий имел, он, щедротами Божественной благодати, обратил к стяжанию славы высшего достоинства. И тот, кто имел обыкновение, нарядно одевшись, ходить по городу в шелковых одеяниях и сияющих каменьях, после, надев простую одежду, нищий служил нищим.

5. Ибо вскоре, отложив мирское одеяние, он устремился в монастырь и нагим спасся из кораблекрушения мира сего. Там он начал подвизаться в благодати столь великого совершенства, что уже в самом начале мог считаться в числе совершенных. Ему было присуще столь великое воздержание в еде, бдение в молитвах, усердие в постах, что он был едва жив по причине слабого желудка. Позже он претерпевал непрестанные телесные немощи; более всего его угнетала тягота, которую врачи по-гречески называют «syncopi» – «обмороки»; из-за неудобств этой болезни он так мучился болью во внутренностях, что, лишаемый жизни частыми приступами стесненного дыхания, в отдельные минуты он почти приближался к смерти.

6. Как он пребывал в монастыре и какую жизнь он вел с похвальным усердием, мы можем заключить из его собственных слов, с которыми он, плача, обращался к своему диакону Петру: «Моя несчастная душа, угнетенная раной моего нынешнего занятия, помнит, как некогда я пребывал в монастыре, как она оставляла далеко внизу все бренное, поднималась над всем преходящим, не имела обыкновения помышлять о чем-либо, кроме Небесного, что, будучи еще удерживаема телом, она покидала узилище плоти в богосозерцании, что самую смерть, которая почти для всех является наказа-

нием, душа его любила, словно вход в Жизнь вечную и награду за труд. А ныне по причине пастырского служения моей душе приходится терпеть дела мирских людей; оставив славную красоту своего безмолвия, она оскверняется пылью земных деяний. И так я обдумываю то, что претерпеваю, обдумываю и то, от чего отказался; и когда постигаю то, что потерял, моя ноша становится тяжелее. И вот ныне меня качают течения безбрежного моря, и порывы сильной бури сотрясают ладью моего ума, и когда вновь вспоминаю прежнюю жизнь, словно обратив взор за корму, вздыхаю при виде берега; и, что еще тяжелее, когда могучие потоки несут меня, смятенного, едва уже могу я видеть гавань, которую оставил»[72]. Он имел обыкновение рассказывать такое о самом себе, не похваляясь преуспеянием в добродетелях, но скорее оплакивая их уменьшение; ибо он боялся, что это постоянно происходит с ним по причине его пастырского служения. Но хотя он говорил о себе так, стремясь к великому смирению, нам приличествует верить, что он ничего не потерял из своего монашеского совершенства по причине пастырского служения, напротив, более приобрел от трудов обращения многих ко Христу, чем имел от созерцательного образа жизни.

7. Следующий рассказ будет свидетельствовать о том, как сей святой муж нес служение диаконское, а после взошел на вершину предстоятельства. Римский предстоятель, который тогда возглавлял Церковь, увидев, как св. Григорий возрастает в добродетелях, разлучил его с монастырем, возвысил его на служение, дав ему церковное звание, и назначил его себе в помощь седьмым диаконом; немного позже папа направил его в Константинополь как апокрисиария[73] для ведения переписки между Церквями. Тот, хотя и проживал в земном дворце, не оставил намерения небесной жизни. Ибо за ним последовали из монастыря многие монахи, соединенные с ним братской любовью. Все это сделалось по Божественной воле; чтобы он их примером, словно якорным канатом, удерживался у мирного берега молитвы, и когда он колебался бы под непрерывным натиском дел мира сего, он прибегал бы к их сообществу, словно к надежно защищенной гавани, после круговращений и потрясений земных дел. И хотя это служение истощало св. Григория, насильно разлученного с монастырской созерцательной жизнью, напряженностью своих дел, дуновение ежедневного покаяния воодушевляло его среди них посредством усердного обсуждения прочитанных книг. Итак, благодаря совету братий, св. Григорий был не только защищен от земных соблазнов, но его душа все больше и больше возбуждалась упражнениями небесной жизни ⟨...⟩

10. Спустя некоторое время после того как досточтимый диакон Григорий вернулся в Рим[74], из-за великого наводнения река Тибр вышла из берегов и так разлилась, что ее вода хлынула в пределы городских стен и заняла в нем большое пространство, так что опрокинула стены большинства старых домов. От столь великой ярости вод были разрушены житницы Церкви, в которых погибло несколько тысяч модиев[75] пшеницы. Тогда множест-

Святой апостол Петр, папа Лев и Карл Великий. Мозаика.
Munz P. Life in the Age of Charlemagne. L., 1969. P. 84. Il. 13

во змей вместе с огромным драконом, подобным военному кораблю, сошло в море по руслу этой реки; но животные, задохнувшиеся среди соленых волн бурного моря, были выброшены на берег. Тотчас же последовало несчастье, которое называют «бубонной чумой»; и в середине одиннадцатого месяца на долю лучшего из всех выпало то, что читаем в книге пророка Иезекииля: «начните от святилища моего» [Иез 9, 6]. Болезнь поразила папу Пелагия, и он без промедления умер. После его смерти среди народа начался столь великий мор, что жители умирали повсюду, и многие дома в Городе остались пустыми. Но так как Церковь Божия не могла пребывать без правящего, весь народ избрал блаженного Григория, хотя он противился всеми силами. Усердно стремясь избегнуть этого высокого положения, он громко кричал, что совсем не достоин такой чести; конечно, он страшился, как бы мирская слава, от которой он прежде отказался, сможет незаметно подкрасться к нему каким-нибудь образом под видом церковного служения. Потому сделалось так, что св. Григорий отправил послание к императору Маврикию[76], чьего сына он принял от святой купели, настоятельно прося и умоляя во многих просьбах, чтобы император никогда не дал народу согласия возвысить его, Григория, славой подобной почести. Но префект города, по имени Герман, заранее ожидал его посланника; схватив его и разорвав письмо, Герман направил императору согласие, выраженное народом. Маврикий же, благодаря Бога, повелел св. Григорию по дружбе с ним, тогда еще диаконом, принять, как желает народ, место ему оказанной почести и, издав приказ, тотчас же приказал его возвести на кафедру.

11. Когда св. Григорий остался, чтобы принять благословение на служение и моровая язва все еще опустошала народ, он произнес слово к народу о том, что необходимо принести покаяние, следующим образом: «Подобает, братия возлюбленные, чтобы наказания Божия, пришествия которого мы должны были бояться, мы убоялись теперь, когда несем это наказание. Да откроет нам страдание двери обращения к Богу, и сама мука, которую терпим, да сокрушит жесткость нашего сердца. Как было еще предсказано пророком-очевидцем: “меч доходит до души” [Иер 4, 10]. И вот, в действительности, весь народ поражается силой небесного гнева и опустошается внезапными смертями. Не расслабленность предшествует смерти, но сама смерть, как видите, предшествует времени слабости. Человека, пораженного болезнью, смерть забирает прежде, чем он обратится к плачу покаяния. Итак, задумайтесь, каким предстанет перед очами Грозного Судии тот, у кого не было времени оплакать содеянное. Жители Города не спасаются частью, но погибают все вместе, дома остаются пустыми; родители видят похороны сыновей, и их наследники опережают их в смерти. Итак, пусть каждый из нас ищет защиты в покаянном плаче, пока есть время плакать перед нанесенным ударом. Призовем пред очи ума все, чего мы ни сделали ошибочного; и что мы сделали дурно, накажем плачем. Предварим лице Божие во исповеди и, как увещает пророк: “Вознесем сердце наше и руки к

Богу" [Плач 3, 41]. Возносить сердца и руки ко Господу означает сопрягать усердие нашей молитвы с заслугами добрых дел. Конечно, Тот даст твердое упование нашему страху, Кто устами пророка возгласил: "...не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был" [Иез 33, 11].

Пусть никто не отчаивается невиданности своих прегрешений. Ибо трехдневное покаяние стерло застарелые грехи ниневитян; и разбойник, обратившись ко Христу, удостоился награды Жизни еще во время самого смертного приговора. Итак, изменим наши сердца и будем ожидать, что мы уже получили то, о чем просим; ведь Судия быстро склоняется на умоление, если душа исправляется от своей греховности. Так как нам угрожает меч столь великой опасности, предадимся горьким рыданиям. Ибо та горечь, что обычно бывает неприятна людям, угодна Судии Истины, ибо благой и милостивый Господь желает, чтобы у Него просили в молитвах, кто сколького достоин, но Он не желает гневаться. Это и в самом деле сказано устами Псалмопевца: "...призови Меня в день скорби: Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня" [Пс 49, 15]. Итак, Господь Сам о Себе свидетельствует, что Тот желает сострадать призывающим Его, Кто увещает, чтобы Его призывали в молитвах. Потому, братия возлюбленные, сокрушив свое сердце и исправив свои дела, на рассвете четвертого дня, считая от сегодняшнего, посвятив литанию Седьмиобразному[77], обратимся к слезам, чтобы Грозный Судия, задумавший наказать нас с нашими прегрешениями, удержался бы от приговора грядущего осуждения». Мы посчитали необходимым включить в наш труд это увещание блаженного Григория, чтобы показать, с какого совершенства он начал свою проповедь.

12. Когда в назначенный день по предписанию блаженного Григория в присутствии великого множества священнослужителей, монахов и мирян обоего пола и различного возраста было совершено моление к Господу, моровая болезнь так свирепствовала, по суду Божию, что за один час, пока народ возносил глас прошения к Господу, восемьдесят человек, упав на землю, испустили дух. Но великий святитель не переставал проповедовать народу, чтобы тот не прекращал молитвы, пока, по Божественному милосердию, чума сама не прекратится. ⟨...⟩

16. Когда, боясь мечей лангобардов, множество людей со всей Италии стекалось в город Рим, св. Григорий неустанно заботился обо всех и вместе с хлебом Слова служил им пропитанием тела. К такому его душу обязывала любовь к милосердию, что он спешил предупредить не только нужды тех, кто при нем находился, но, сверх того, и на далеко живущих расходовал силу своей щедрости; ибо пересылал даже на гору Синай рабам Божиим, живущим там, то, что было им полезно. Ведь некие другие предстоятели трудились над постройкой церквей и украшали их серебром и золотом, св. Григорий и таким делом ревностно занимался и, словно оставив его, посвятил всего себя прибыли душ, и сколько бы он ни имел денег, он старался усерд-

но растратить их, раздав нищим, чтобы «правда его пребывала вовеки, рог его вознесся к славе» [Пс 111, 9], так что он мог бы сказать вместе с блаженным Иовом: «Ухо, слышавшее меня, ублажало меня; оно, видевшее, восхваляло меня потому что я спасал страдальца вопиющего и сироту беспомощного. Благословение погибавшего приходило на меня, и сердцу вдовы доставлял я радость. Я облекался в правду, и суд мой одевал меня, как мантия и увясло. Я был глазами слепому и ногами хромому; отцом я был для нищих, и тяжбу, которой я не знал, разбирал внимательно. Сокрушал я беззаконному челюсти и из зубов его исторгал похищенное» [Иов 29, 11–17]. И немного спустя: «Отказывал ли я нуждающимся в их просьбе и томил ли глаза вдовы? Один ли я съедал кусок мой, и не ел ли от него и сирота? Ибо с детства он рос со мною, как с отцом, и от чрева матери моей я руководил вдову» [Иов 31, 16–18].

17. К трудам благочестия и праведности папы Григория относится еще и то, что он сделал народ англов причастником вечной свободы при помощи проповедников, направив их туда, и избавил их от зубов вечного врага. И действительно, так как св. Григорий был неложно верен нашему Богу, всегда восходил к небесам, ради Его щедрых даров, в то время как этот святой с пылким усердием весьма трудился, по одной собирая души верных, благой Господь даровал ему обратить и весь народ англов. Повод к таковому обращению, которое, думается, произошло по внушению свыше, был следующий. Однажды, когда прибыли в Рим купцы, на Римском форуме было собрано немало товаров, и туда стекалось множество людей за покупками; довелось и св. Григорию, прежде, конечно, чем он получил сан предстоятеля, пройти по форуму. Среди прочего он увидел мальчиков, выставленных на продажу, белых телом, красивых лицом и имеющих необыкновенно сияющие волосы. Увидев их, св. Григорий попросил, чтобы ему сказали, из какой области или земли они привезены. Ответ был, что с острова Британия, все жители которого отличаются такой красотой. Св. Григорий снова задал вопрос, христиане ли островитяне или до сего времени пребывают в путах языческих заблуждений. Ему сказали, что они язычники. И тот, испустив тяжкий вздох из глубины души, сказал: «Увы, как печально, что людьми со столь светлым лицом обладает творец мрака и столь прекрасная внешность скрывает душу дурную и лишенную вечных радостей!» Итак, св. Григорий снова спросил, каково было имя этого народа. Ему ответили, что они называются англами. И св. Григорий сказал: «Хорошо, ибо они имеют ангельские лица, и таковым приличествует быть общниками ангелов на небесах! Как называется сама область, из которой они привезены?» Ему ответили, что жители этой области называются деирами. И св. Григорий сказал: «Хорошо, “деиры” значит “от гнева Божия избавленные и к милосердию Христову призванные”». Он спросил: «Как зовется король этой области?» Ему ответили, что он зовется Алле. И св. Григорий, намекая на имя правителя, сказал: «Подобает в тех краях петь хвалу Богу Творцу».

18. Придя к предстоятелю Римского апостольского престола, св. Григорий стал просить, чтобы папа послал в Британию для народа Англов нескольких проповедников Слова, посредством которых те обратились бы ко Христу, уверяя, что и сам готов исполнить это, с Божией помощью, если, однако, апостолическому папе будет угодно то, что будет сделано. Предстоятель сначала никак не давал ему на это согласия, затем, побежденный неотступными мольбами св. Григория, согласился. Св. Григорий скрыл от сограждан свой отъезд (ибо, если они узнали бы, ни за что бы не пошли с ним на соглашение) и, сколь мог быстро, отправился в путь[78].

19. Тем временем это дело дошло до сведения народа. По единодушному согласию все горожане, и жители пригородов, и те, кто, услышав об этом, мог попасться им навстречу, разделились на три части и ужасным голосом возопили апостолическому Пелагию, направлявшемуся в церковь Св. Петра: «Эй, апостолический, что ты наделал? Святого Петра оскорбил, Рим разорил, Григория скорее изгнал, чем отпустил». Ужасно обеспокоившись этими криками и весьма боясь народа, предстоятель с величайшей поспешностью послал за св. Григорием с твердым запрещением вновь покидать Рим.

20. Прежде чем посланные догнали св. Григория, уже прошло три дня пути. И вот около шестого часа на неком лугу, как это в обычае у путешественников, некоторые спутники св. Григория отдыхали, другие же находились подле него или занимались какими-то необходимыми делами, сам святой муж сидел и читал; появился около него кузнечик и, прыгнув на страницу, которую тот пробегал глазами, сел там. Увидев его, блаженный Григорий решил кротко остаться на месте, где стоял лагерь, и, возрадовавшись, повторял своим спутникам его имя на разные лады, словно толкуя его: «Кузнечик, можно сказать, сковывает нас оковами», и добавил: «Знайте, нам не позволено продолжить дальше наш путь. Но поднимитесь, навьючьте лошадей, чтобы мы поспешили, насколько нам это позволено, туда, куда мы направляемся». Пока они об этом друг с другом болтали и друг друга расспрашивали, появились апостолические посланцы на взмыленных и совершенно уставших лошадях. Они с великой быстротой протянули св. Григорию доставленное послание. Прочтя его, святой муж сказал: «Так и случилось, спутники, как я предсказал, немедленно возвращаемся в Рим». ⟨...⟩

22. Излишне спрашивать, просиял ли чудесами сей муж столь великих заслуг; ведь не подлежит сомнению и яснее дня, что тому, кто среди своих заслуг имел знамения высших сил, нетрудно было, по щедротам Христовым, удостоиться при случае прибавить к ним и другие чудесные деяния. И чтобы не лишить удовлетворения тех, кто с иудеями старается достичь видимых знамений, чтобы показать святость, и дабы преподать полезное наставление тем, кто стремится, чтобы примеры святых возвысили и воспламенили примеры святых, думаю, до́лжно поведать о некоторых чудесах, которые через св. Григория Господь определил явить и показать для возбуждения и укреп-

Святой апостол Павел, убегающий из Дамаска. Фреска из церкви Сан-Проколо, Натурно (Италия). *Munz P*. Life in the Age of Charlemagne. L., 1969. P. 110. Il. 25

ления нашего вялого духа и (как это говорится) скорее к обличению нечестия, чем незнания.

23. Жила в Риме некая высокородная мать семейства, которая имела обыкновение по усердию благочестия и преданности Богу делать литургические хлебы и приносить их в храм в день Господень и по церковному обычаю, и по причине тесной дружбы с предстоятелем предлагать их ему. Однажды, когда она подошла по очереди к Причастию из рук апостолического наместника и предстоятель протянул к ее устам кусочек Господней Плоти, говоря: «Тело Господа нашего Иисуса Христа да будет тебе на пользу во отпущение всех грехов и в жизнь вечную», она улыбнулась. Видя это, муж Господень удержал ее от Св. Причастия, положил частицу отдельно на алтарь и препоручил для хранения диакону до тех пор, пока все верные не причастятся. Когда же Св. Таинство совершилось, блаженный Григорий спросил эту женщину: «Прошу тебя, скажи, что появилось в твоем сердце, когда ты засмеялась, собираясь причащаться?» И она ответила: «Я узнала, что это была частичка из того литургического хлеба, который я сделала своими руками и принесла тебе; и когда я подумала, что ты назвал ее Телом Господним, я улыбнулась». Тогда святой Господень предстоятель сказал об этом народу проповедь и увещал присутствующих, чтобы они смиренно помолились Господу, чтобы для укрепления веры этой женщины Он показал плотским очам то, что неверие этой женщины должно было увидеть очами ума и [твердостью] веры. И когда было совершено моление, св. Григорий поднялся от молитвы вместе с народом и этой женщиной, все, затаив дыхание, посмотрели на алтарь, святитель отодвинул вещественную завесу, чтобы увидеть небесное зрелище и, в то время как и все присутствующие, и сама женщина внимательно смотрели, он нашел [на престоле] частицу безымянного пальца, истекающую кровью, и сказал этой женщине: «Вот, учись Истине, Которая сейчас бесспорно свидетельствует: “Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питие” [Ин 6, 55]. Наш Создатель, предвидя нашу немощь, той властью, которой Он все создал из ничего, действием Св. Духа создал и тело Себе из плоти Приснодевы, и по кафолической молитве освящением своего Духа обратил хлеб и вино, смешанное с водой, которые сохранили свой собственный вид, в Свою Плоть и Кровь для нашего искупления». И затем св. Григорий повелел всем присутствующим умолять Божественную [власть], чтобы изменившееся [Св. Причастие] приняло прежний вид, ибо [это было необходимо] для того, чтобы женщина могла принять его, что и было сделано. И вышеупомянутая женщина, весьма укрепляясь в благочестии и вере, святилась Причастием Господня Таинства. И видевшие это, возросли в горячей божественной любви и кафолическом верованиии. ⟨...⟩

25. Жил в Риме некий человек, который, несмотря на то что он имел семью и весьма большое имение, весьма нуждался в благочестии и был не менее богат пороками, чем имуществом. Когда его жена ему разонравилась, он сделал себе разводную вопреки предписанию нашего Спасителя. Это дело

не могло скрыться от блаженного Григория, ибо и значительность зла, и знатность лиц легко себя выдали. Блаженный Григорий то многими ласковыми увещаниями, то ужасами страшного Божия Суда часто старался усердно, более того, неотступно убедить этого человека, чтобы тот принял обратно свою жену, обрученную с ним в благодати, с которой он имел возможность расстаться только в случае смерти или по взаимному согласию. Однако этот человек, неисцельно побежденный диавольским упрямством, презрел увещания святого мужа. Блаженный Григорий апостолической властью отлучил его от Церкви, до того как он образумится. Весьма неохотно неся это отлучение и прилагая грехи ко грехам, он из мести дал много денег двум волхвам, чтобы они употребили наиболее сильные чары из своего искусства против святого наместника апостолов. Однажды, когда блаженный Григорий по обыкновению отправился на крестный ход, волхвы, не знавшие его в лицо, просили, встав поодаль против хода процессии, чтобы им показали его. Им ответили, что это тот, кто по своему предстоятельскому достоинству один едет верхом впереди всех, а за ним следует строй церковных мужей. Завидев святого Григория, они тотчас же начали при помощи своих чар тревожить его коня нападением демонов. Блаженный Григорий, призвав имя Господа нашего Иисуса Христа и сотворив крестное знамение, немедленно отпугнул демонов от коня; когда, понимая, что есть виновники этого дела, увидел их, эти же демоны достигли ослепленных волхвов, и те упали навзничь. Потому муж Господень понял, что совершено это их коварством. Когда он приказал, чтобы волхвов привели к нему, он расспросил их, и они рассказали о ходе дела. Блаженный предстоятель ответил им: «Вам, пытающимся вернуться к привычной испорченности, дóлжно навсегда остаться слепыми, незрячими. Но именем Господа нашего Иисуса Христа, действием блаженного Петра, будьте свободны от демонского нападения». Они, освободившись от демонов, сразу же уверовали в Бога и омылись во Источнике Спасения; осужденные на постоянную слепоту, они, по приказанию блаженного Григория, питались от церковного подаяния.

26. Некий тиран с почти непереносимой беспощадностью причинял многие утеснения миру святой Римской церкви и жестоко опустошал ее владения и принадлежащие ей имения. Блаженный предстоятель упрекал его в этом через посредников, но тиран воспламенился еще большим безумием, так что он пришел, чтобы разорить Город. Когда он приблизился, блаженный Григорий вышел к нему для переговоров и испытал, что по воле Божией его словам присуща такая сила, что тиран со смиренной преданностью повиновался благочестивому наместнику апостолов и тут же торжественно пообещал, что подчинится и будет преданным рабом святой Римской церкви. После он, будучи без сил и почти при смерти, настоятельно попросил молитв досточтимого папы, чтобы, со своей стороны, употребить то время, которое Господь щедро дал бы ему до смерти, на покаяние; и для более полного выздоровления он старался есть те кушанья, которыми его кормили; под-

чиняясь повелениям [блаженного мужа] он выздоровел и остаток жизни провел более благочестиво.

27. Когда однажды этот совершенный и любезный Богу священнослужитель проходил по форуму Траяна, который, как всем известно, удивительным образом украшен постройками, он созерцал знаки милосердия императора, среди которых он узнал о следующем достопамятном событии, а именно: когда этот властитель мира, окруженный строем воинов, выступил в поход, по дороге ему встретилась престарелая вдова, изнуренная старостью, а равно страданиями и бедностью. Она, плача, обратилась к нему со следующими словами: «Справедливый владыка Траян, вот здесь есть люди, которые только что убили моего единственного сына, опору моей старости и все мое утешение; желая и меня вместе с ним лишить жизни, они не удостоили меня каким-нибудь объяснением содеянного. Траян сказал ей второпях, ибо дело того требовало: «Когда я вернусь, скажи мне, и я восстановлю для тебя справедливость». Тогда вдова сказала: «Господин, а что я буду делать, если ты не вернешься?» При этих словах Траян остановился и велел привести к себе виновных. Когда же ему предлагали ускорить дело, он ни шагу не сделал с того места, пока совсем не освободил вдову от уплаты налогов, предписанных постановлением законов ради происшедшего; и, склонившись к милосердию лишь просьбами всеобщего моления и плачем раскаявшихся над содеянным, которые были побеждены не столько его властью, сколько просьбами и кротостью, освободил виновных от преторских цепей. Пораженный благородством этого поступка, досточтимый предстоятель начал со слезами и вздохами обдумывать сам в себе следующие слова пророков и Евангелия: «Ты, Господи, сказал: “Защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите, и рассудим” [Ис 1, 17–18]. И в другом месте: “Если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный” [Мф 6, 14]. Не забывая этого речения, я, недостойнейший грешник, во имя славы Твоей и вернейшего Твоего обетования ради поступка этого благочестивого мужа, смиренно умоляю Тебя о милости». Придя к гробнице блаженного Петра, святой Григорий долго молился там и плакал и, словно охваченный сном, пришел в восхищение духа и в откровении узнал, что его молитва была услышана, но что он заслужил порицание и что не должен дерзать в будущем просить таковое о ком-либо, умершем без Святого Крещения. Хотя некие по причине менее совершенной веры и любопытства и многие из тех, кто верит истине, неложно говорящей, «что невозможно людям или кажется таковым, легко Господу», могли бы расспросить об этом, истолкование полезно, однако нам кажется более осмотрительным почитать суждение в этом деянии Божественного Милосердия и Власти и никому не опровергать его.

28. После кончины св. Григория мы узнали от верного и благочестивого мужа, по заслугам своего благочестия и полезности ближайшего к нашему святейшему отцу, что в то время как этот сосуд избранный и обиталище

Св. Духа толковал последнее видение пророка Иезекииля, он задергивал непрозрачную завесу между собою и этим приподнимателем завесы и временами долго молчал. Этот служитель стилосом продырявил завесу и, наблюдая происходящее через дырочку, увидел голубя белее снега, сидящего над головой святителя и держащего свой клюв долгое время приложенным к устам сего мужа; когда клюв отодвигался от уст св. Григория, святой предстоятель начинал говорить и писец выводил стилосом на воске буквы. Когда же замолкало орудие Святого Духа, его служитель в другой раз приложил глаз к дырочке и увидел св. Григория, словно на молитве, с поднятыми к небу руками и очами, а клюв голубя по обыкновению затворил его уста. Святой Дух открыл это святому предстоятелю, и тот сделался весьма печален и под страхом наказания запретил своей апостолической властью служителю, узнавшему о совершенном им чуде, при жизни его никому никаким образом не рассказывать. До времени служитель сохранял это чудо в тайне, но после кончины святейшего предстоятеля, побуждаемый недоброжелательством неких людей, вредивших блаженнейшему мужу, рассказал в запальчивости возражений кое-что о скрытых им ранее небесных тайнах так, как он все это достоверно видел.

29. Когда часто упоминаемый досточтимый предстоятель отошел ко Господу, не только в городе Риме, но и во всех окрестных областях чрезмерно распространился страшнейший голод, и тот, кто сменил на престоле святого Григория, открыл клеветникам житницы Церкви, а для тех, кого блаженный Григорий приказал поддерживать вспомоществованием в монастырях, странноприимных домах, диакониях или гостиницах, затворил; и все они, побуждаемые нуждой и голодом беспокоить слух наместника апостолов, говорили: «Господин, наместник апостолов, да не позволит твоя святость погибнуть от голода тем, кого наш отец, твой предшественник святой Григорий, старался до сих пор печься». Он, перенося с досадой шум их криков, отвечал: «Если Григорий заботился поддерживать всех людей ради своей хвалы и славы, мы всех кормить не можем». После того как он многократно повторял эти слова в ответ кричащим ему людям, ему в видении трижды явился святой Григорий и три раза его ласково укорял за его скупость и за то, что он лишает [людей помощи], и за нужду несчастных, увещал и упрекал его. Преемник же святого Григория и сердце к милосердию не склонил, и уста от недоброжелательства не хранил, и руку на щедроты не протянул. Потому, явившись ему четвертый раз, блаженный Григорий ужасно обличил его и с угрозой ударил его по голове; угнетенный этой болезнью, он умер малое время спустя.

Вот краткий рассказ о жизни и деяниях блаженного Григория. Однако, пока совершается круговращение этого мира, его похвальные заслуги будут всегда возрастать, ибо, без сомнения, к его славе присовокупляется то, что город Рим, как кажется, стоит незыблемо общими молитвами святых апостолов и святого Григория, что новоустроенная Церковь англов постоянно

прирастает новыми открытиями, что, благодаря его учению, по всему свету многие люди, удалившись от грехов, обратились к милосердию Христову, что некие добрые люди, воспламененные его советами, ищут и желают небесного отечества. После того как этот блаженный предстоятель, находясь на престоле, со славою управлял Римской и апостольской церковью тридцать лет, шесть месяцев и десять дней, освободившись от сей жизни, был перенесен на вечный престол Небесного Царства. Он похоронен в церкви блаженного апостола Петра перед святилищем, в четвертый день Мартовских ид[79], в царствование Господа нашего Иисуса Христа, Бога, который живет и царствует со Отцом и Святым Духом во веки веков. Аминь.

[1] Т.е. Дона.

[2] Павел руководствуется здесь утверждением Исидора Севильского («Этимологии», XIV, 4, 4): слово «Германия» происходит от лат. germinare – «пускать ростки», «произрастать».

[3] Имеется в виду сочинение Плиния Старшего «Naturalis historia» – энциклопедический труд в 37 книгах, 3–6 тома которого посвящены географии и этнографии (IV, 13(27)).

[4] Годан, или Водан – высшее божество древнегерманских племен, соответствовало скандинавскому верховному богу Одину.

[5] По-немецки «длиннобородые» – langbarte.

[6] Около 550 г., во время правления девятого короля лангобардов Аудуина, когда лангобарды после ухода из Скандинавии и долгих странствий поселились в Паннонии.

[7] Гепиды (восточногерманское племя) преграждали лангобардам путь на Италию и к Дунаю.

[8] Аудуин правил с 543 г.

[9] Последний король гепидов.

[10] Место сражения гепидов с лангобардами.

[11] По Муратори, это было в 556 г.

[12] Т.е. на лангобардском языке.

[13] См. ниже, II, 28.

[14] Нарзес – экзарх византийского императора Юстиниана с 552 г., а затем, с 554 г., Юстина II в Италии, преемник Велисария.

[15] В тексте chartularius – надзиратель над имперскими архивами.

[16] Ошибка: это событие относится к 550 г., т.е. еще к правлению Аудуина.

[17] В предыдущей, 5-й, главе рассказывается о возникшей среди римлян ненависти к Нарзесу и об отозвании его Юстином в 567 г. Оскорбленный Нарзес призвал лангобардов вступить в Италию и овладеть ею.

[18] Ср. ниже, II, 26, и Григория Турского, История франков, IV, 34.

[19] Т.е. аварам.

[20] Индиктион – период в 15 лет, по которому в средние века исчисляли эпохи разных событий; введен взамен языческого исчисления олимпиадами по 4 года как промежуточная единица времени между годом и веком.

[21] Т.е. 1 апреля.

[22] Гора Maggiore, также Monte del Re, выше Фриуля, в Альпах.

[23] Далее, в гл. 9–25, рассказывается о вступлении Альбоина в Италию, о взятии им городов, которые, за исключением Павии, не оказывали ему сопротивления.

[24] Другое название города Павия.

[25] Об этом рассказано в II, 4.

[26] Теодорих – король остготов (ок. 493–526).

[27] Ратхис – король лангобардов, правил в 744–749 гг. Павел воспитывался при его дворе и потому говорит здесь как очевидец.

[28] Лонгин был назначен экзархом Италии в 567 г. вместо Нарзеса. Резиденцией его была Равенна.

[29] По другой версии, Розамунда была схвачена и убита лангобардами во время своего бегства (см. Григорий Турский, IV, 41).

[30] Т.е. Константинополе, столице Византии.

[31] Самсон – древнееврейский герой сверхъестественной силы, прославился своими подвигами в борьбе с филистимлянами. Попав в плен, он был ослеплен; но когда его привели для посмешища в пиршественный покой, он обхватил и сотряс колонны, обрушив кровлю на себя и на всех пирующих.

[32] Клеф был убит в 574 г. После десятилетнего междуцарствия, когда страной правили более 30 герцогов, в 585 г. лангобарды избрали королем Автари.

[33] Имя Веспасиана и Тита.

[34] «Populi tamen adgravati per Longobardos hospites partiuntur», в других рукописях: «pro Longobardis hospitibus». Различие в предлогах (pro вместо per) значительно меняет смысл этого места: «народ вносил часть доходов в пользу лангобардов».

[35] Теперь Эч.

[36] См. Григорий Великий, Dial., Ш, 19, которому следует Павел в этом месте.

[37] Т.е. 17 октября 585 г.

[38] Inguinaria – заразная кишечная болезнь, распространилась в 590 г.

[39] Лангобарды были арианами до VII в.

[40] Византийский император, преемник Тиберия с 582 г.

[41] Во II, 17 рассказано о первом походе Гильдеперта против лангобардов (когда он, хотя и получил от Маврикия 50 тыс. солидов, заключил с ним мир), а в III, 22 – о втором неудачном его походе.

[42] Епископ Тридентский, источник «Истории лангобардов» Павла Диакона. Сочинение его не сохранилось.

[43] См. у Григория Турского, История франков, IX, 25.

[44] Т.е. 15 мая.

[45] Агилульф впоследствии стал королем (590–612). В его время лангобарды отказались от арианства.

[46] Т.е. ко времени неудачного похода франков в 590 г. против лангобардов, когда они, измученные голодом и повальными болезнями, отступили из Италии (гл. 31).

[47] Имеется в виду вышеупомянутое сочинение Григория Турского.

[48] Ciborium (*лат.*) – металлический кубок в форме египетского бобового стручка.

[49] Теперь Шалон на Соне.

[50] Т. е. 5 сентября 590 г.

[51] Заимствовано у Григория Турского.

[52] Теперь Лумелло, западнее Павии.

[53] Св. Арнульф, или Арнольф (ум. 643), советник короля Дагоберта, ставший епископом Меца в 610 г. Покинул кафедру, чтобы стать отшельником в Вогезах, затем жил в монастыре Ремиремонт. Память 18 июля.

[54] Прадед Карла Мартела, основателя династии Каролингов.

[55] Теодеберт (ум. 612).

[56] Ср. Мф 5, 15.

[57] Ныне Мец.

[58] Дагоберт (ок. 608–638/9).

[59] Пс 100, 5.

[60] Одна либра равняется 327,45 г.

[61] Лотарь II, отец Дагоберта (ум. 629 г.)

[62] См. прим. 58.

[63] Кальвомонтинский округ – возможно, местность около города Шомон (Франция).

[64] Бенедикт Бископ (628–689) – основатель и первый настоятель монастырей Веармут и Ярроу, где жил и работал Досточтимый Беда, автор упоминаемой гомилии.

[65] Секст Помпей Фест, римский грамматик и антиквар II в. до н.э., сделавший извлечения из труда Веррия Флакка «De verborum significatu», словаря римских древностей с объяснением слов времен Августа. Часть извлечений сохранилась, но в большинстве случаев – в выписках Павла Диакона, о которых идет речь в письме.

[66] Адальхард (ок. 750–2 янв. 826) – двоюродный брат Карла Великого, сын его дяди Бернарда. Принял монашество в 771 г. в Корби, затем жил в Монтекассино. Друг Алкуина и Павла Диакона. В придворной Академии имел прозвище Антоний. Настоятель Корби с 780 по 826 г.

[67] Теодемар – настоятель монастыря Монте-Кассино, в братии которого состоял Павел Диакон.

[68] Брат Павла участвовал в восстании лангобардов против франков в 776 г., и король, лишив его поместий, отправил его в заключение во Франкию.

[69] Св. Григорий принадлежал к старинному патрицианскому роду Анициев и Манлиев. Этот род дал Риму двух императоров – Петрония Максима (455) и Олибрия (472), пап св. Феликса III (483–492) и св. Агапита (535–536), философа и богослова Боэция (480-524/5).Три родные тетки св. Григория стали монахинями. Отец его, Гордиан, был сенатором, но окончил свои дни в сане диакона. Благочестие матери св. Григория, Сильвии, было также хорошо известно (ее память 12/25 марта).

[70] Монастырь св. ап. Андрея на Целийском холме в Риме.

[71] Первым настоятелем был Валентион, а св. Григорий поступил под его начало простым монахом.

[72] Слегка измененная цитата из «Собеседований» св. Григория (S. Gregorii papae Dialogorum libri IV// Patrologiae Latinae cursus completus. 77, 152. Далее PL).

[73] Апокрисиарий – посланник или представитель епископа при дворе императора. В его обязанности входило представлять Церковь своей провинции в столице, передавать обращения своего священноначалия императору и пересылать ему ответы императора. В 579 г. папа Пелагий II (579–590) рукоположил св. Григория в диакона и послал его в качестве апокрисиария в Константинополь (579–586).

[74] Вернувшись в Рим, св. Григорий стал настоятелем монастыря св. ап. Андрея, основанного им на Целийском холме.

[75] Один модий равняется 8,704 литрам.

[76] Император Маврикий (582–602).

[77] Т.е. Св. Духу.

[78] Главы 17 и 18 основаны на сведениях, взятых из1 главы 2 книги «Церковной Истории Англов» Досточтимого Беды, рассказывающей о св. Григории Великом.

[79] 12/25 марта.

Алкуин

*

Настоящее англосаксонское имя писателя – Алхвине (Alchvine), но сам он предпочитал употреблять одну из латинизированных форм своего имени – Алкуин (Alcuinus) или Альбин (Albinus, что звучало почти как «Алвинус»), часто в сочетании со своим академическим прозвищем – Флакк. Алкуин – центральная фигура первого этапа Каролингского Возрождения; лично он внес мало нового в средневековую литературу и науку, но много сделал для сохранения и распространения старого – того, что было унаследовано от античной литературы. Развитием и пополнением этого наследия занялись уже его ученики.

Алкуин родился около 730 г. в Нортумбрии, в знатном англосаксонском роду. Образование он получил в Йорке, в школе, руководимой архиепископами Эгбертом и его преемником Элбертом; быстро выдвинулся, стал помощником Элберта, а с 778 г. в сане диакона сменил его во главе школы. Здесь он написал свои первые стихи и трактаты, вырастил многих способных учеников, отсюда несколько раз сопровождал Элберта на континент, где завязал отношения с франкскими клириками и вельможами. Ему было уже около 50 лет, когда в 781 г. ему пришлось поехать в Рим получать паллий для своего ученика Эанбальда, ставшего новым Йоркским архиепископом. На обратном пути в Парме он встретился с Карлом Великим, и король убедил ученого диакона перейти к нему на службу. Алкуин решился на это не сразу: еще долго он делил свое время между Йорком и Ахеном, и только с 793 г. окончательно переселился на континент вместе с группой учеников. Характер его деятельности не изменился: как в Йорке он стоял во главе архиепископской школы, так здесь он стал во главе придворной школы и неутомимо заботился о распространении культуры среди франкского духовенства. Он пользовался неизменной любовью Карла и его семьи, почитался первым среди академического кружка, был советником короля во всех делах культуры, школы и церкви, но в политические вопросы, как кажется, не вмешивался. Карл дал ему в управление аббатство Св. Мартина в Туре; здесь Алкуин провел свои последние годы, обширной перепиской поддерживая связь с двором, и здесь он умер 19 мая 804 г.

Алкуин был не столько ученый, сколько учитель, и это чувствуется по всему характеру его произведений. Они возникли в ходе преподавания и как пособия для преподавания; диалогическая форма некоторых из них, быть может, не только дань традиции, но и отголосок подлинных школьных уроков. Учебник грамматики написан Алкуином в виде диалога двух учеников: 14-летнего франка и 15-летнего сакса (этим учебником пользовались в некоторых школах вплоть до XV в.); учебник риторики (с приложением об этике) и учебник диалектики – в виде диалога Алкуина с королем Карлом. Кроме того, Алкуину принадлежат маленький трактат об орфо-

графии (извлечение из Беды), комментарий к латинской грамматике Присциана, астрономический трактат о луне и високосном годе и сборник арифметических «задач для изощрения ума юношей». Из богословских его сочинений сохранился трактат о Св. Троице и часть компилятивного толкования к Святому Писанию; кроме того, по просьбе своих учеников и друзей он составил несколько житий (в том числе одно в стихах). Об обширной переписке Алкуина (около 300 писем) уже говорилось; для историка она представляет драгоценный источник сведений о высшем франкском обществе и его интересах.

Стихи Алкуина многочисленны, но они обнаруживают в авторе не столько талант, сколько хорошее знание версификации и хорошую начитанность в античной поэзии (главным образом в Вергилии); впрочем, именно этим они и вызывали особенный восторг у современников. Почти все они имеют официальный характер: это большая поэма «О святых Йоркской церкви», писанная еще в Англии и в значительной части перефразирующая Беду; это послания к королю, придворным и духовным лицам (среди них отличаются более живым чувством те, в которых он скорбит о недостойном поведении своих учеников, – «К Коридону», «Кукушка»); это надписи на книгах, на церковных строениях, эпитафии и пр. Изяществом и живописью выделяется стоящий особняком среди его сочинений дебат «Словопрение Весны с Зимой»: впрочем, принадлежность его Алкуину сомнительна, так как в нем встречается реминисценция из Горация, которого Алкуин (несмотря на свое прозвище Флакк), по-видимому, не читал.

Особого замечания требует приводимый диалог «Словопрение Пипина с Альбоином» (Пипин – это второй сын Карла Великого, будущий вице-король Италии). В популярных книгах, осуждающих пустоту и суесловие средневековой культуры, нередко приводятся в доказательство цитаты из этого диалога – замысловатые определения самых простых понятий. Это несправедливо. Достаточно взглянуть на весь контекст диалога, чтобы понять, что это не учебник, а художественное произведение, в котором главное – не содержание определений, а как раз замысловатая их форма. Это не что иное, как сборник загадок и отгадок – сперва в виде простых перифраз (типа скандинавских кеннингов), потом в виде более сложных иносказаний (какими забавлялся, как известно, еще Леонардо да Винчи). Загадки были традиционным жанром англосаксонских латинистов, и Алкуин отдал дань этому жанру и в стихах, и в прозе.

Послание к королю

Стихи героические[1]

Пусть прочитает меня, кто мысль хочет древних постигнуть:
 Тот, кто меня поймет, грубость отбросит навек.
Я не хочу, чтобы был мой читатель лживым и чванным, –
 Преданной, скромной души я возлюбил глубину.
Пусть же любитель наук не брезгует этим богатством,
 Кое привозит ему с родины дальней пловец[2].
Пусть прочитает меня, кто древних язык изучает:
 Кто не за мною идет, хочет без правил болтать[3].

Послание к Коридону[4]

Вот твой Альбин восвояси, злых волн избежав, возвратился[5];
Высокостольный помог путнику благостный бог.
Ныне он рад тебя при-пилигримским-зывать[6] песнопеньем,
О, Коридон, Коридон, о, многосладостный друг.
Ты же порхаешь теперь по обширным дворцам королевским,
Напоминая шальной птицы полет над волной,
Ты, что с младенческих лет взалкавший премудрости млека,
К груди священной приник, знанья вбирая из книг.
Но, пока время текло и входил постепенно ты в возраст,
Начал ты сердцем вкушать много питательных яств.
Крепкий фалернского сок из погреба древности пил ты:
Все это ты без труда быстрым умом одолел.
Все, что святые отцы измыслили в давнее время,
Все благородный тебе разум умел открывать.
Часто в речах разъяснял ты тайны Святого Писанья,
В час, когда в Божьих церквах голос твой громко звучал.
Стану ль теперь вспоминать, певец, твои школьные песни,
Коими ты побеждал опытных старцев не раз?
Прежде все пело в тебе: вся внутренность, волосы даже, –
Ныне язык твой молчит! Что же язык твой молчит?
Или, быть может, отвык язык твой слагать песнопенья?
Или, быть может, заснул днесь твой язык, Коридон?
Дремлет и сам Коридон, когда-то схоласт многоумный;
Бахусом он усыплен. Проклят будь, Бахус-отец!
Проклят будь, ибо ты рад смущать освященные души,
И Коридон мой тобой ныне молчать осужден.
Пьяненьким мой Коридон в покоях дворцовых блуждает,
Он про Альбина забыл и про себя позабыл.
Песни своей не послал отцу своему ты навстречу,
Чтобы привет принести. Я же промолвлю: «Прости!»
Неучем стал Коридон, ибо так в стародавние годы
Молвил Вергилий-пророк: «Ты селянин, Коридон»[7].
Лучше же вспомни слова второго Назона-пиита[8]:
«Ты иерей, Коридон!» Будь же вовеки здоров.

Надпись на книге «Песнь песней»

В книгу свою Соломон вложил несказанную сладость:
Все в ней полно Жениха и Невесты возвышенных песен,
Сиречь же Церкви с Христом, славословящих попеременно[9],
Дружек венчальных своих и верных подруг поминая.

Ты ж, юный отрок, прошу, не забудь эти песни усвоить:
Много прекрасней они, чем оный Марон лжеязычный.
Те нам правдивый урок вещают о будущей жизни,
Этот лишь уши тебе прожужжит легкомысленной ложью.

Стих о кукушке

«Дафнис, оплачем кукушку, оплачем нашу кукушку![10]
  Мачеха злая ее, ах, отторгает от нас[11].
Голосом слезным звеня, вдвоем мы оплачем кукушку:
  Ты, о Меналк, начинай – старшему первая песнь».
С нами, кукушка, жила ты и тешила нас кукованьем –
  Ах, в злополучнейший час ты улетела от нас!
Где ты теперь, в каком далеке от меня ты сокрылась?
  Горько нам памятен день нашей разлуки с тобой.
Род людской, и лесное зверье, и крылатое племя –
  Плачут теперь о тебе, нашему плачу вослед.
Род людской, о кукушке рыдай везде и повсюду –
  Ах, погибла она, погубили ее.
Пусть не погибнет она! Пусть она возвратится весною!
  Пусть, возвращаясь, споет сладкие песни для нас!
Может, она прилетит, а может, и нет: я боюся,
  Злые волны могли птичку в пучину увлечь.
Горе мне, ежели Вакх увлек кукушку в пучину –
  Вакх, обольститель юнцов, пагубный омут для всех!
Если кукушка спаслась – пускай же воротится к гнездам,
  Воронов злых миновав – тех, что пернатых когтят.
Кто же, кукушка, тебя похитил из отчих гнездовий?
  Кто-то похитил, увы; и возвратит ли бог весть.
Если услышишь, кукушка, ты песню мою, – возвращайся!
  Да, возвращайся, прошу, возвращайся скорей!
Не замедляй же полета, молю, коли ты уж в полете –
  Дафнис, пастух молодой, жаждет приветить тебя.
Время весны настает, прерви же, кукушка, дремоту:
  Ждет тебя добрый Меналк в отчие руки свои.
Вот на полях страниц пасутся быки молодые –
  Только кукушки здесь нет – где же пасется она?
Горе! Пастырь ее – тот самый Вакх нечестивый,
  Коему любо в сердцах севы дурные растить.
Плачьте же все о кукушке, кукушку в слезах поминая, –
  Весел ее был отлет, будет плачевен возврат.
Но и плачевная пусть к друзьям возвратится кукушка –
  Слезы ее разделить каждый из нас поспешит.

Страница с пометами Алкуина. *Heer F*. Charlemagne and his World. L., 1985. P. 158. Il. 3

Так не жалей ты слез, оплачь, дорогой, свою долю
Так, как плачешь сейчас где-то в глубинах души!
Ты ведь не камнем рожден бездушным – излейся же в плаче;
Припоминая себя, трудно сдержаться от слез.
Сладкая к детям любовь источает у матери слезы,
Если внезапная смерть сына ее унесет.
Если любящий брат теряет любимого брата,
Плачет он горько о нем – плачу и я по тебе.
Трое нас было друзей, и жили мы духом единым –
Двое осталось теперь, третий от нас далеко.
Ах, покинул он нас, кукушка моя улетела,
И остается для нас только страданье и плач.
Песни ему посылаем вдогон, тоскливые песни –
Может быть, песни вернут друга-кукушку домой!
Будь же ты счастлив всегда, куда бы судьба ни умчала;
Всюду, везде и всегда помни о нас и прости.

Надпись на помещении для переписывания книг

Пусть в этой келье сидят переписчики Божьего слова
И сочинений святых достопочтенных отцов;
Пусть берегутся они предерзко вносить добавленья,
Дерзкой небрежностью пусть не погрешает рука.
Верную рукопись пусть поищут себе поприлежней,
Где по неложной тропе шло неизменно перо.
Точкою иль запятой пусть смысл пояснят без ошибки,
Знак препинанья любой ставят на месте своем,
Чтобы чтецу не пришлось сбиваться иль смолкнуть нежданно,
Братье читая честной или толпе прихожан.
Нет благородней труда, чем работать над книгой святою,
И переписчик свою будет награду иметь.
Лучше книги писать, чем растить виноградные лозы:
Трудится ради души первый, ради чрева – второй.
Мудрости древней и новой учителем сведущим станет,
Кто сочиненья прочтет достопочтенных отцов.

К своей келье

Милая келья моя, приют мой сладчайший, любимый,
Ныне во веки веков, милая келья, прощай
Шумные ветви дерев окружают тебя отовсюду,
Рощица вся убрана в роскошь зеленых кудрей.

Много целительных трав в луговой мураве расцветает,
Ищет с усердием их лекарь прилежной рукой.
Здесь и там меж цветов струятся светлые реки,
В них, веселяся душой, невод бросает рыбарь,
Пусть в этой келье сидят переписчики Божьего слова
И сочинений святых достопочтенных отцов;
Пусть берегутся они предерзко вносить добавленья,
Дерзкой небрежностью пусть не погрешает рука.
Верную рукопись пусть поищут себе поприлежней,
Где по неложной тропе шло неизменно перо.
Точкою иль запятой пусть смысл пояснят без ошибки,
Знак препинанья любой ставят на месте своем,
Чтобы чтецу не пришлось сбиваться иль смолкнуть нежданно,
Братье читая честной или толпе прихожан.
Нет благородней труда, чем работать над книгой святою,
И переписчик свою будет награду иметь.
Лучше книги писать, чем растить виноградные лозы:
Трудится ради души первый, для чрева – второй.
Мудрости древней и новой учителем сведущим станет,
Кто сочиненья прочтет достопочтенных отцов.
Благоухает твой сад, отягченный плодами обильно:
Там с белизною лилей розочки алость слита.
Песни свои на заре племена распевают пернатых,
Бога, Творца своего, славя напевом простым.
Помнишь? Тебя наполнял наставника доброго голос,
Мудрость писаний благих с уст многочтимых лилась.
В должный час оглашала тебя хвала Громовержцу:
Мир был в напеве святом, мир – в умиленных сердцах.
Милая келья моя, о тебе моя плачет камена,
Плачет о новой твоей, о неизвестной судьбе!
Вмиг довелось позабыть тебе песнопевца и лиру
И завладела тобой властно рука пришлеца.
Уж не видать тебе боле ни Флакка-певца, ни Гомера,
Боле под кровлей твоей детский напев не звучит!
Всякая радость земная проходит в стремительном беге,
Быстро сменяется все в пестрой, неверной чреде.
Что нам вечным назвать, что неложно назвать неизменным?
Вот убранство лугов снесено суровой зимою,
Вот полунощная тень скрыла сияние дня;
Яростный натиск ветров моря покой возмутил;
Только что гнал по лугам оленей юноша бодрый –
Вот уж, на посох склонясь, немощный старец бредет...
Горе нам, горе! К чему ж любить сей мир быстротечный?
Он убегает от нас в вечном движеньи своем.

Что ж, убегай! Христа одного мы возлюбим навеки,
Вечно в наших сердцах жить будет к Богу любовь.
Он, благодатный, рабов сохранит от погибели страшной,
Наши сердца вознося к горним чертогам своим.
Всею душой, всем сердцем его мы восхвалим, возлюбим:
Он, благодатный, для нас слава, спасение, жизнь.

Словопрение Весны с Зимой

Сразу все вместе в кружок, спустившись со склонов высоких,
Пастыри стад собрались при свете весеннем под тенью
Дерева, чтоб сообща веселых камен возвеличить.
Юноша Дафнис пришел, и с ним престарелый Палемон;
Стали готовиться все сложить славословье кукушке.
Гений Весны подошел, опоясан гирляндой цветочной,
Злая явилась Зима с торчащею мерзлой щетиной;
Спор превеликий меж них возник из-за гимна кукушке,
Гений Весны приступил к хваленью тройными стихами

Весна:

Пусть же кукушка моя возвратится, любезная птица,
Та, что во всяком дому является гостьей желанной,
Добрые песни свои распевая коричневым клювом.

Тут ледяная Зима ответила голосом строгим:
Пусть не вернется совсем, но дремлет в глубоких пещерах,
Ибо обычно она голодовку приносит с собою.

Весна:

Пусть же кукушка моя возвратится со всходом веселым,
Пусть прогоняет мороз благотворная спутница Феба,
Любит сам Феб ей внимать при ясной заре восходящей.

Зима:

Пусть не вернется совсем, ибо труд она тяжкий приносит,
Войнам начало дает и любимый покой нарушает,
Сеет повсюду раздор, так что страждут и море, и земли.

Весна:

Что ты, лентяйка Зима, на кукушку хулу воздвигаешь?
Грузно сама ты лежишь в беспамятстве в темных пещерах
После Венеры пиров, после чаш неразумного Вакха.

З и м а:

Много богатств у меня – так много и пиршеств веселых,
Есть и приятный покой, есть огонь согревающий в доме.
Нет у кукушки того, но должна она, лгунья, работать.

В е с н а:

С песней приносит цветы и меда́ расточает кукушка,
Сооружает дома и пускает суда в тихих водах,
Людям потомство несет и в весельи поля одевает.

З и м а:

Мне ненавистно все то, что тебе представляется светлым:
Нравится мне в сундуках пересчитывать груды сокровищ,
Яствами дух веселить и всегда наслаждаться покоем.

В е с н а:

Кто бы, лентяйка Зима, постоянно готовая к спячке,
Клады тебе собирал и сокровища эти скопил бы,
Если бы Лето с Весной сперва за тебя не трудились?

З и м а:

Правда твоя, ибо так на меня суждено им трудиться:
Оба они, как рабы, подвластные нашей державе,
Мне, как своей госпоже, усердною служат работой.

В е с н а:

Где тебе быть госпожой, хвастливая ты побирушка!
Ты и своей головы сама прокормить неспособна,
Если тебе, прилетев, кукушка не даст пропитанья.

Тут провещал с торжеством с высокого трона П а л е м о н,
Д а ф н и с же вторил ему и толпа пастухов добронравных:
Будет с тебя, о Зима! Ты, злодейка, лишь тратить умеешь.
Пусть же кукушка придет, пастухов дорогая подруга.
Пусть и на наших полях созревают веселые всходы,
Будет трава для скота и покой вожделенный на нивах,
Ветви зеленые вновь да прострут свою тень над усталым,
С выменем полным пойдут опять на удой наши козы,
Птицы на все голоса будут снова приветствовать Феба.
Вот почему поскорей вернись, дорогая кукушка,
Сладкая наша любовь, для всех ты желанная гостья:
Ждет тебя жадно весь мир, – и небо, и море, и земли.
Здравствуй, кукушка-краса, во веки ты вечные здравствуй!

Загадки

1. Очаг

Хочешь даров ты моих, дождями измоченный путник?
Дай же мне прежде всего – так ты стяжаешь мои.
Мой ненасытный живот питается пламенем жгучим,
Из головы у меня дымный идет аромат.
В хладные дни декабря ко мне прибегает прохожий,
Что для цветущих полей в августе бросил меня.

2. Баня

Гость обнаженным войдет, если хочет играть он со мною,
Тело желая свое влагой моей усладить.
Та, что некогда рыб в студеных волнах порождала,
Ныне, согревшись, должна стать человеку рабой.
Дерево ныне несет ту, что прежде носила деревья,
Та, что неслась по лугам, в доме лениво лежит.
Гость, если голым войдет в согретые эти покои,
Чтобы волною моей члены очистить свои,
Пусть он свой взор отвратит, я молю, чтоб того не увидеть,
Что греховной рукой праотец первый прикрыл.
Учит природа сему, и скромность нам то же прикажет,
Дабы, о мальчик, твой взор скромным остался навек.

Словопрение высокороднейшего юноши Пипина с Альбином Схоластиком

1. П и п и н. Что такое буква? – А л к у и н. Страж истории.
2. П и п и н. Что такое слово? – А л к у и н. Изменник души.
3. П и п и н. Кто рождает слово? – А л к у и н. Язык.
4. П и п и н. Что такое язык? – А л к у и н. Бич воздуха.
5. П и п и н. Что такое воздух? – А л к у и н. Хранитель жизни.
6. П и п и н. Что такое жизнь? – А л к у и н. Счастливым радость, несчастным горе, ожиданье смерти.
7. П и п и н. Что такое смерть? – А л к у и н. Неизбежный исход, неизвестный путь, живущих рыдание, завещаний исполнение, хищник человеков.
8. П и п и н. Что такое человек? – А л к у и н. Раб смерти, мимоидущий путник, гость в своем доме.
9. П и п и н. На что похож человек? – А л к у и н. На плод.
10. П и п и н. Как помещен человек? – А л к у и н. Как лампада на ветру.
11. П и п и н. Как он окружен? – А л к у и н. Шестью стенами.

12. П и п и н. Какими? – А л к у и н. Сверху, снизу, спереди, сзади, справа и слева.

13. П и п и н. Сколько у него спутников? – А л к у и н. Четыре.

14. П и п и н. Какие? – А л к у и н. Жар, холод, сухость, влажность.

15. П и п и н. Сколько с ним происходит перемен? – А л к у и н. Шесть.

16. П и п и н. Какие именно? – А л к у и н. Голод и насыщение, покой и труд, бодрствование и сон.

17. П и п и н. Что такое сон? – А л к у и н. Образ смерти.

18. П и п и н. Что составляет свободу человека? – А л к у и н. Невинность.

19. П и п и н. Что такое голова? – А л к у и н. Вершина тела.

20. П и п и н. Что такое тело? – А л к у и н. Жилище души.

21. П и п и н. Что такое волосы? – А л к у и н. Одежда головы.

22. П и п и н. Что такое борода? – А л к у и н. Различие полов и почет зрелого возраста.

23. П и н и н. Что такое мозг? – А л к у и н. Хранитель памяти.

24. П и п и н. Что такое глаза? – А л к у и н. Вожди тела, сосуды света, истолкователи души.

25. П и п и н. Что такое ноздри? – А л к у и н. Проводники запаха.

26. П и п и н. Что такое уши? – А л к у и н. Собиратели звуков.

27. П и п и н. Что такое лоб? – А л к у и н. Образ души.

28. П и п и н. Что такое рот? – А л к у и н. Питатель тела.

29. П и п и н. Что такое зубы? – А л к у и н. Жернова кусания ⟨...⟩

47. П и п и н. Что такое небо? – А л к у и н. Вращающаяся сфера, неизмеримый свод.

48. П и п и н. Что такое свет? – А л к у и н. Лик всех вещей.

49. П и п и н. Что такое день? – А л к у и н. Возбуждение к труду.

50. П и п и н. Что такое солнце? – А л к у и н. Светоч мира, краса небес, счастие природы, честь дня, распределитель часов.

51. П и п и н. Что такое луна? – А л к у и н. Око ночи, подательница росы, вещунья непогоды.

52. П и п и н. Что такое звезды? – А л к у и н. Роспись свода, водители мореходов, краса ночи.

53. П и п и н. Что такое дождь? – А л к у и н. Зачатие земли, зарождение плодов.

54. П и п и н. Что такое туман? – А л к у и н. Ночь среди дня, тяжесть для глаз.

55. П и п и н. Что такое ветер? – А л к у и н. Движение воздуха, волнение воды, осушение земли.

56. П и п и н. Что такое земля? – А л к у и н. Мать рождающихся, кормилица живущих, келья жизни, пожирательница всего ⟨...⟩

59. П и п и н. Что такое вода? – А л к у и н. Подпора жизни, омовение нечистот ⟨...⟩

64. П и п и н. Что такое зима? – А л к у и н. Изгнанница лета.

65. П и п и н. Что такое весна? – А л к у и н. Живописец земли.

66. П и п и н. Что такое лето? – А л к у и н. Облачение земли, спелость плодов.

67. П и п и н. Что такое осень? – А л к у и н. Житница года.

68. П и п и н. Что такое год? – А л к у и н. Колесница мира.

69. П и п и н. Кто ее везет? – А л к у и н. Ночь и день, холод и жар.

70. П и п и н. Кто ее возницы? – А л к у и н. Солнце и луна.

71. П и п и н. Сколько у них дворцов? – А л к у и н. Двенадцать.

72. П и п и н. Кто в них распоряжается? – А л к у и н. Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей, Рыбы.

73. П и п и н. Сколько дней живет год в каждом из дворцов? – А л к у и н. Солнце 30 дней и 10 с половиною часов, а луна двумя днями и восемью часами меньше.

74. П и п и н. Учитель! Я боюсь пускаться в море. – А л к у и н. Кто же тебя заставляет? – П и п и н. Любопытство. – А л к у и н. Если ты боишься, я сяду с тобой и последую, куда бы ты ни направился. – П и п и н. Если бы я знал, что такое корабль, я бы устроил такой для тебя, чтобы ты отправился со мною. – А л к у и н. Корабль есть странствующий дом, повсеместная гостиница, гость без следа, сосед берегов.

75. П и п и н. Что такое берег? – А л к у и н. Стена земли.

76. П и п и н. Что такое трава? – А л к у и н. Одежда земли.

77. П и п и н. Что такое коренья?– А л к у и н. Друзья лекарей, слава поваров.

78. П и п и н. Что делает горькое сладким? – А л к у и н. Голод.

79. П и п и н. Что не утоляет человека? – А л к у и н. Прибыль.

80. П и п и н. Что такое сон наяву? – А л к у и н. Надежда.

81. П и п и н. Что такое надежда? – А л к у и н. Освежение от труда, сомнительное достояние.

82. П и п и н. Что такое дружба? – А л к у и н. Равенство душ.

83. П и п и н. Что такое вера? – А л к у и н. Уверенность в том, чего не понимаешь и что считаешь чудесным.

84. П и п и н. Что такое чудесное? – А л к у и н. Я видел, например, человека на ногах, прогуливающегося мертвеца, который никогда не существовал. – П и п и н. Как это возможно, объясни мне! – А л к у и н. Это отражение в воде. – П и п и н. Почему же я сам не понял того, что столько раз видел? – А л к у и н. Так как ты добронравен и одарен природным умом, то я тебе предложу несколько примеров чудесного: постарайся их сам разгадать. – П и п и н. Хорошо, но если я скажу не так, как следует, поправь меня. – А л к у и н. Изволь!

85. Один незнакомец говорил со мною без языка и голоса; его никогда не было и не будет; я его никогда не слыхал и не знал. – П и п и н. Быть может, учитель, это был тяжелый сон? – А л к у и н. Именно так, сын мой.

86. Послушай еще: я видел, как мертвое родило живое, и дыхание живого истребило мертвое. – П и п и н. От трения дерева рождается огонь, пожирающий дерево. – А л к у и н. Так.

87. Я слышал мертвых, много болтающих. – П и п и н. Это бывает, когда они высоко подвешены. – А л к у и н. Так.

88. Я видел огонь, который не гаснет в воде. – П и п и н. Думаю, что ты говоришь об извести. – А л к у и н. Ты верно думаешь.

89. Я видел мертвого, который сидит на живом, и от смеха мертвого умер живой. – П и п и н. Это знают наши повара. – А л к у и н. Да; но положи палец на уста, чтобы дети не услышали, что это такое.

90. Был я на охоте с другими, и что мы поймали, того домой не принесли, а чего не поймали, то принесли. – П и п и н. Непристойная это была охота. – А л к у и н. Так.

91. Я видел, как некто был раньше рожден, чем зачат. – П и п и н. – И не только видел, но и ел? – А л к у и н. Да, и ел.

92. Кто есть и не есть, имеет имя и отвечает на голос? – П и п и н. Спроси лесные заросли.

93. А л к у и н. Видел я, как Житель бежал вместе с домом, и дом шумел, а житель безмолвствовал. – П и п и н. Дай мне невод, и я отвечу тебе.

94. А л к у и н. Кого нельзя видеть, не закрыв глаза? – П и п и н. Храпящий тебе покажет.

95. А л к у и н. Я видел, как некто держал в руках восемь, уронил семь, а осталось шесть. – П и п и н. Это знают школьники.

96. А л к у и н. У кого можно отнять голову, и он только поднимется выше? – П и п и н. Иди к постели, там найдешь его.

97. А л к у и н. Было трое: первый ни разу не рождался и единожды умер, второй единожды родился и ни разу не умер, третий единожды родился и дважды умер. – П и п и н. Первый созвучен земле, второй – Богу моему, третий – нищему...

98. А л к у и н. Видел я, как женщина летела с железным носом, деревянным телом и пернатым хвостом, неся за собою смерть. – П и п и н. Это спутница воина.

99. А л к у и н. Что такое воин? – П и п и н. Стена государства, страх для неприятеля, служба, полная славы.

100. А л к у и н. Что вместе и существует и не существует? – П и п и н. Ничто. – А л к у и н. Как это может быть? – П и п и н. По имени существует, а на деле нет.

101. А л к у и н. Какой вестник бывает нем? – П и п и н. Тот, которого я держу в руке. – А л к у и н. Что же ты держишь в руке? – П и п и н. Твое письмо. – А л к у и н. Читай же его благополучно, сын мой.

Храбану Мавру

Музы тебе принесли, добронравный слуга Бенедикта[12],
Дар этих строчек, о Мавр; спел их поэт Алкуин.
Всею желаю душой преспеяний тебе многоплодных,
Чтобы всегда и везде был с тобой Божий покров.
Богу, Владыке Громов, за меня помолись милосердно,
Пусть от врага сохранит Вышний раба Своего.

Эпитафия самому себе

Здесь на мгновенье, молю, ты прерви свое странствие, путник,
Вникни усердной душой в надпись на камне седом.
То, что тебе суждено, мой изваянный облик откроет,
Также изменишься ты, как изменился и я.
Путник, каков ныне ты, так был некогда в мире я славен,
Что я уже испытал, то и тебе предстоит.
К радостям мира сего я стремился бесплодной любовью,
Ныне я пепел и прах, пища несытым червям.
Помни, скорей о душе, не о плоти заботиться надо,
Ибо нетленна душа, тленью подвержена плоть.
Ты покупаешь поля, но взгляни-ка: ведь в малой пещере
Здесь упокоился я: столь будет мал твой приют.
Что же мечтаешь облечь в тирский пурпур ты бренное тело,
Если безжалостный червь роскошь во прах обратит?
Как поникают цветы при порывах сурового ветра,
Минет и слава твоя, сгинет и смертная плоть.
Просьбу исполнить мою не помешкай, читатель сей песни,
«Боже, – воскликни, – подай милость рабу Своему».
Пусть нечестивца рука не нарушит законы гробницы,
Непотревожен, дождусь пения Судной трубы:
«Время воскреснуть тебе, поднимайся из праха земного,
Грозный грядет Судия произнести приговор!»
Имя мое Алкуин, я любил от рождения мудрость,
Надпись прочтя, за меня, путник, молитву излей.

Житие святого Мартина Турского[13]

1. После того как Господь наш Иисус Христос, словно победитель вознесся в небесную высь и как Бог воссел в величии Отца, Он даровал, словно светильники, многих учителей мира, пока не обратит повсюду народы к познанию Истинного Света и мрак невежества не рассеется. Как звезды

сверкают в различных частях Неба, так и святые учители возблистали в различных частях мира, чтобы всем открылся путь спасения и воссиял свет Истины. По этой причине Господь привел в области Галлии и блаженнейшего Мартина, чтобы он озарил лучами Истины народы, цепенеющие в ужасном мраке, исхитил многих из пасти древнего врага и присоединил их к священнейшему Телу Христову.

2. О родине и военной службе святого мужа и о том, как он, будучи оглашенным, одел бедняка.

Блаженнейший муж происходил от родителей язычников из города Сибария в области Паннония; но, вскормленный в Тицине, в Италии, он был призван на военную службу проконсулом Юлианом, согласно знатности его родителей. Однако святой муж скорее желал служить небесному Богу, чем сражаться за земного императора. Св. Мартин был особо избран, чтобы нести знамя Св. Креста в западные части мира и сменить воинскую присягу на евангельские предписания, не бороться с помощью мирского оружия за Римское государство, но с помощью необыкновенного учения расширять империю Христову, не подчинять свирепые народы суровому закону римлян, но надеть на выи многочисленных народов легкое иго Христа. После Таинства Св. Крещения св. Мартин просиял в мире многими чудесами и блистал учением везде по всему миру. Первые знамения этого были следующие. Когда св. Мартин еще был оглашаемым, он одел бедняка половиной своего плаща во время зимних холодов. Следующей ночью блаженный муж, просвещенный свыше по воле Божией, узрел Господа Иисуса, одетого половиной его плаща, среди ангельского войска, чтобы св. Мартин воспринял то, о чем Сам Господь Иисус возвещает громовым голосом с евангельских страниц: «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» [Мф 25, 40].

3. О том, как, юношей живя в Медиолане, св. Мартин противостоял арианам, а затем ушел в Галлию и присоединился к св. Иларию[14].

Св. Мартин провел расцвет своей юности в городе Медиолане, который в те времена весьма сильно оскверняло арианское нечестие при покровительстве Авксентия. Св. Мартин, как отважный борец, мужественно противостоял этому нечестию и неустрашимо проповедовал истинную веру в Св. Троицу. Но, изгнанный из города вследствие свирепости главы ариан, он ушел в области Галлии и присоединился к досточтимому Иларию, предстоятелю города Пиктавы, который, словно непоколебимый столп веры, был в то время достоин похвалы всех. Как утренняя звезда блистает в небе ярче прочих звезд, так и сей святой муж возблистал превосходнее всех величием славы, святостью жизни, истинностью священного учения в Церкви Христовой. Оставив воинскую службу, св. Мартин поступил к нему в обучение, чтобы, научившись примером столь великого мужа, он мог более отважно выступить на христианский бой, вооруженный шлемом веры, облеченный в броню праведности, вооруженный мечом Слова Божия, и защититься от всех копий злодея [ср. Еф 6, 17].

4. О том, как св. Мартин, посещая родителей, обратил мать к вере.

Сей святой муж, увещеваемый предсказанием свыше, обратил также своих родителей к исповеданию святой веры и сам возродил ко Христу мать, которая произвела его миру. Также по пути он претерпел козни разбойников; когда св. Мартина препоручили одному из разбойников, чтобы тот сторожил блаженного мужа, он евангельской проповедью обратил разбойника ко Христу; и тот, кто был предан ему на муки, послужил ему ко спасению.

5. О том, как св. Мартин возвратился в Галлию[15]*, построил келью, воскресил трех усопших и излечил немую отроковицу.*

Уходя оттуда, св. Мартин повстречал нечистого духа, который поклялся, что будет спутником св. мужу, куда бы тот ни пошел. Св. Мартин бесстрашно ответил ему: «Господь мне помощник, не убоюсь твоих угроз». Испытав многие мучения от ариан, муж Божий возвратился обратно в Галлию и присоединился к св. Иларию Пиктавийскому, построил себе келью близ города Пиктавы, где он мог беспрепятственно наслаждаться плодами созерцания. Некий юноша, который последовал за святым, готовясь к крещению, был в отсутствие св. мужа внезапно похищен смертью. Муж Божий воскресил его непрестанными молитвами и крестил его, возвращенного к жизни.Сей юноша прожил после этого много лет. Также и второго человека, висевшего в петле в угодьях некоего Лупицина, св. Мартин вернул к жизни святыми молениями. И третьего, сына некой плачущей женщины, он воскресил одной молитвой на глазах у народа в городе Карнотен. Увидев это чудо, многие из присутствующих уверовали во Христа. По прошествии некоторого времени в этом же городе св. Мартин исцелил также немую от рождения отроковицу, помазав ее освященным маслом.

6. О том, как св. Мартин был избран епископом Туронским и как он просиял всеми добродетелями.

Но Господень светильник не остался спрятанным под сосудом [ср. Мф 5, 15]. Святой муж был оторван от приятного ему места жительства и, связанный молитвами многих, был избран епископом города Турона, где, явив многие знамения святых добродетелей и распространив многие догматы небесного жития, он среди толп народа не оставил, однако, воздержания в частной жизни. Он был смиренен в одежде, приятен в речи, благочестив в проповеди, правдив в суждении, почтенен в обычаях, неусыпен в молитвах, прилежен в чтении, всегда ровен во внешнем облике, искренен в чувствах, достоин уважения в священнослужении, неустанен в сеянии Слова Божия, неленостен в увеличении врученного ему Божия стада. С радующимися он радовался, с плачущими плакал, делал для всех все, чтобы всех привести ко Христу [ср. Рим 12, 15]; выдающийся добродетелями, достойный похвалы по причине своей справедливости, достолюбезный по причине милосердия, он блистал многими добродетелями в епископстве.

7. О чудесах св. Мартина.

Сей муж связал словом молитвы толпу язычников, неистовствавших во время религиозных церемоний над осквернением чьего-то тела, удержав их в одном месте, и, освобождая их, снова дал им свободу передвижения. Он направил в другую сторону падавшую на него сосну, сотворив крестное знамение в ее сторону, и тем заставил удивляющиеся толпы уверовать во Христа. Святой, сжегший капище идолопоклонства, противостоял огню на крыше некоего дома, чтобы ее не повредило пламя. Он, укрепленный ангельской помощью, также разрушил другое святилище, посвященное демонам вследствие древнего заблуждения, когда человеческая помощь не смогла сделать этого. Равно и в другом месте, когда муж Божий ниспровергал святыни язычников, некий язычник угрожал ему мечом. Св. Мартин подставил под удар разящего незащищенную шею; нечестивец, упав навзничь, осознал свое нечестие, испросил у святого мужа прощение и выбил меч из рук другого человека, целившего святому в голову. Он также в присутствии народа возвратил к прежнему здоровью дочь некоего тревира, страдавшую от паралича и расслабленную во всех членах, возлиянием благословленного им святого елея. Он освободил возложением рук раба проконсула Тетрадия от одержимости. По этой причине Тетрадий обратился со всем своим домом к исповеданию христианской веры. У некоего отца семейства был сын, одержимый жесточайшим демоном; святой, вложив отроку в рот пальцы, принудил злого духа выйти через стыдные места больного. Св. Мартин единым поцелуем исцелил прокаженного от уродства его тела во вратах города Паризии. Как достоверно известно, нити одежды святого и волокна его власяницы исцеляли многие болезни. Дочь префекта Арбория была освобождена от тяжелейшей лихорадки возложением на нее послания св. Мартина. Святой исцелил глаз Павлина от боли и слепоты прикосновением кисточки.

8. О том, как св. Мартина посещали ангелы, Блаженная Приснодева и другие святые и как он просиял пророческим духом.

Когда св. Мартин, упав с лестницы, получил серьезные повреждения почти всех членов, ночью он был возвращен к прежнему состоянию здоровья ангелом. Он часто наслаждался посещениями и дружеской беседой с ангелами. Однажды святой муж был почтен и утешен посещением Блаженной Богородицы и Господа нашего Иисуса Христа и святых апостолов Петра и Павла, а также святых дев Феклы и Агнии. Святой не мог быть обманут никакими кознями нечистых духов, никогда не пугаясь демонских видений и их явлений в разных ужасных образах. Он столь просиял пророческим духом, что многим немало предсказывал о будущем, как, например, он открыл императору Максиму[16] о грядущей его победе в Италии и о гибели в Аквилее. Когда же сей блаженный муж совершал у алтаря Святое Таинство, внезапно огненный шар окружил сиянием его голову. Некий больной, по имени Евантий, к которому спешил блаженный муж, получил здоровье прежде,

чем св. Мартин вошел в дом. В этом же доме муж Божий прикосновением святых пальцев спас от смертельной опасности отрока, укушенного змеей.

9. О терпении святого мужа и о том, как он изгонял демонов.

Муж Божий стяжал столь великое терпение, что не страдал от злословия, не замечал поношений; более того, он перенес со спокойным и мирным духом бичевания от неких простецов и освободил их животных, не двигавшихся с места, единым словом. Он не тешил себя ничьей лестью, не скрыл слов истины ни от одного властителя, прибегая всегда к известной ему защите молитв. Потому, если ему в чем-то отказывала земная власть, это тотчас же доставлялось Божественным Милосердием. Некая отроковица, одержимая духом безумия, была освобождена от власти врага при помощи подстилки, на которой сидел св. Мартин. Святой муж избавлял от демонской власти не только людей, но и животных; последним, укрощенным, приказывал возвращаться в их стадо. Он был столь милосерден, что приказал остановиться собакам, преследовавшим зайчика, и тем избавил несчастную зверюшку от неминуемой смерти. Некое поместье в области сенонов (в верхнем течении Секваны), часто опустошавшееся бурей с градом, было на много лет избавлено от этого бедствия молитвами св. Мартина. Женщина, коснувшись одежд святого, исцелилась от кровотечения.

10. О кончине св. Мартина.

Подобными чудесами избранный служитель Божий просиял в мире; и, совершенный своей жизнью и поведением, преславный всяческим милосердием и благочестием, приятный всяческой праведностью и кротостью, в лето, когда ему исполнился восемьдесят первый год, а епископского служения двадцать шестой, св. Мартин, зрелый и возрастом, и заслугами, призван был в Небесное Царство, где он принял от Господа Христа венец вечности вместе с наградой за многочисленные труды. Он задолго предузнал о дне своей кончины и предсказал о нем некоторым из своих братий. Когда час кончины приблизился, св. Мартин заболел лихорадкой и, радостно восхваляя Бога, среди слов божественной проповеди, среди ангельских голосов небесных гимнов, в присутствии своих учеников муж Божий предал святую душу Христу Богу.

Слово о кончине святого Мартина

11. О святости, чудесах и пророческом даре св. Мартина.

Нам всем надлежит единодушно радоваться, возлюбленные братия, и преданно почитать преславный день кончины св. Мартина. В особенности это относится к тем верным Христовым в западных областях мира, которые были просвещены как его учением, так и примером. Ведь что бы ни проповедовал св. Мартин на словах, он являл это на деле. Всей своей жизнью и обычаями он был совершенен, всяческим милосердием и благочестием пре-

славен, всяческой кротостью и милостью приятен, всеми похваляем, всеми любим; девственник среди хоров девственников, блистательный среди священнослужителей, последователь апостолов, проповедник Христа. Господь удостоил избрать его для благодати апостольской, как о нем написано: «Сей есть Мартин, избранный служитель Божий, которому после апостолов Господь соизволил сообщить столь великую благодать, что в силе Святой Божественной Троицы он удостоился сделаться славным воскресителем трех усопших». Он воскресил трех усопших по примеру Господа и пророческим духом предузнал многое, еще до того как оно случилось. Ведь святой муж был исполнен пророческого духа и потому по Божественному вдохновению предузнал о своей кончине и открыл некоторым из братий, что приближается его смерть по плоти.

12. О том, как св. Мартин восстановил мир среди несогласных клириков и как приказал птицам удалиться.

Тогда же случилось у св. Мартина дело, по которому ему было необходимо отправиться в городок Кондате своей диоцезы, чтобы восстановить мир среди клириков этого городка, несогласных друг с другом. И хотя муж Божий не был в неведении относительно того, что приближается конец его дней, он не отказался от поездки по причине такого рода, помня следующее евангельское изречение: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» [Мф 5, 9]; он желал оставить всем мир по примеру Господа, сказавшего апостолам в день Своего оставления мира: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам [Ин 14, 27]. В мире вас отпустил, в мире да найду». И когда по этой причине св. Мартин совершал путь в сопровождении близких учеников, он увидел уток-нырков, ловивших в реке рыб, и сказал: «Это образ демонов». Святой муж приказал тогда птицам силой слова, сказанного со властью, чтобы они, оставив этот поток, удалились в безводные и пустынные места. И тут же, чудным образом собравшись в великую стаю, все птицы оставили реку и удалились в леса и горы. И ехавшие вместе со св. Мартином дивились тому, что в муже Божием столь великая сила, что по благодати Божией он приказывал даже птицам или демонам.

13. О том, как св. Мартин заболел и отказался от того, чтобы ему стелили более мягкую постель.

В этом городе, в который приехали св. Мартин и его спутники, они задержались на несколько дней. Когда мир между клириками был восстановлен, святой муж уже помышлял о возвращении в монастырь, но начал быстро лишаться телесных сил. Созвав учеников, св. Мартин объявил им, что его душе уже пришло время отрешиться от тела. Тогда все заплакали и восскорбели, рыдая и говоря в один голос: «Почему ты покидаешь нас, отче, или на кого нас, покинутых, оставляешь? Ибо хищные волки нападают на твое стадо. И кто защитит нас от их алчности, когда ты отойдешь от нас? Мы знаем, что ты стремишься ко Христу, но твоя награда цела и не умалится, если бу-

дет отложена. Сострадай лучше нашей участи». Тогда св. Мартин, тронутый их рыданиями, сам заплакал и, обратившись ко Господу умоляющим голосом, сказал: «Господи, если я до сих пор необходим Твоему народу, я не отказываюсь от труда. Да будет воля Твоя». Ведь святой муж не знал, что предпочесть, так как он не желал и учеников своих оставить, и дольше жить в разлуке со Христом, но, никаким образом не полагаясь на свою волю, все это он отдал на Божий суд, говоря: «Господи, если Ты желаешь, чтобы я пребывал во плоти до сего дня, не отказываюсь от труда; и если сие продлится небольшое время, то мне будет благо, да будет воля Твоя. Тех же, о которых я беспокоюсь, Ты Сам сохрани». О муж несказанный, ни трудом не побежденный, ни смертью не одолеваемый; он и умереть не страшился, и жить не отказывался. Но когда ученики попросили его, чтобы он, в течение нескольких дней страдая от сильной лихорадки, позволил положить себя на подстилку, блаженный муж ответил: «Не подобает, сыны, не подобает христианину умирать иначе, чем в пепле и вретище; ибо я согрешил, если оставил вам иной пример». И когда пресвитеры, пришедшие к его одру болезни, еще раз попросили его, чтобы он, поменяв положение тела, доставил облегчение плоти, святой сказал: «Позвольте, позвольте мне, братия, созерцать скорее небо, чем землю, чтобы мой дух, уже собирающийся идти в свой путь, направился ко Господу».

14. О том, как св. Мартин испустил дух среди ангельских гимнов.

Итак, в год жизни своей восемьдесят первый и епископства своего двадцать шестой св. Мартин, престарелый годами и правильный обычаями, как мы сказали, блаженно отошел от века сего близ городка Кондате своей диоцезы. Среди божественных слов святой проповеди, среди ангельских голосов, поющих небесные гимны, он, окруженный учениками, исполнившись благодати и святости, предал святую душу Иисусу Христу. Ибо многие в минуту его кончины слышали голоса ангелов, восхваляющих св. Мартина. Невозможно рассказать, сколь великое множество людей сошлось, чтобы оказать святому последние почести! Ибо множество людей из соседних городов, монастырей и селений приходили со слезами, в один голос оплакивая св. Мартина. О, каков был общий плач! Каковы, в особенности, рыдания монахов и дев, говоривших, что благочестиво радоваться за св. Мартина, но благочестиво и оплакивать св. Мартина. Он благочестиво жил, он так же благочестиво умер, ибо он был угоден Богу своей жизнью.

15. О том, как св. Мартин был погребен в Туроне.

Святые останки блаженного мужа были с пением хвалы и гимнов отнесены клириками города в сопровождении толп народа в город Турон и там погребены на общественном кладбище. Позже на месте его погребения блаженный предстоятель Перпетуй по причине похвальности дела и досточестного почитания святого построил церковь, достойную заслуг столь великого отца. Еще и сегодня в ней имеют обыкновение случаться многие знаме-

ния чудес, многие исцеления, даруется утешение скорбящим, милость радующимся по предстательству Господа нашего Иисуса Христа, Который живет и царствует с Богом Отцом и Святым Духом в единении Божественного величия во все веки.

Гомилия на праздник святого Виллиброрда[17]

1. Пусть согласятся в церквях всего мира всенародно отмечать праздники святых, восхвалять их победы, подражать их жизни; и так как по всей земле прошла речь их и до пределов вселенной – слова их, во всякой земле их должно хвалить согласным хором всех живущих. Но в отдельных местностях по причине чьего-то близкого знакомства с их жизнью и по причине присутствия святых мощей, которые дарованы в утешение людям, знавшим святых, или обитателям этих местностей, жители более сердечно почитают некоторых святых особенным почитанием. Город Рим, глава мира, особо радуется славным победам блаженных апостолов Петра и Павла. По этой причине и племена и народы ежедневно сходятся в этот город со смирением преданного сердца, чтобы с большей искренностью покаяния оплакать свои преступления у блаженных апостолов или с более обильной надеждой на небесную жизнь усердно попросить, чтобы им был открыт в нее доступ. Исстари императорский город Медиолан радуется св. Амвросию[18] как своему заступнику. Юрские Альпы гордятся с бóльшим блаженством кровью святых жителей Фиваиды[19], чем снежными вершинами. Плодородная Пиктава охотнее похваляется мощами блаженного предстоятеля Илария, чем чередой продаж и покупок, на которые уповает неблагочестие. Что скажу тебе, город Турон, незначительный и презренный укреплениями, но великий и достохвальный покровительством св. Мартина? Кто посетит тебя ради тебя самого? Разве не ради надежной помощи этого святого к тебе стекаются толпы христиан? Все предместья города Паризии радуются великой помощи св. Дионисия[20] и св. Германа, и многолюдные собрания торжественно празднуют дни их памяти. Вся Кампания со своими народами поспешает в город Ременс по причине досточтимого проповедника Ремигия[21], принося близ города обеты святому, словно милостивому покровителю. Так Божественное Милосердие позаботилось обо всем мире, даруя отдельным областям или народам покровителей, которым они особенно радуются.

2. Об апостольских трудах св. Виллиброрда.

Нам же Бог дал не малую поддержку святейшего Виллиброрда, а принес замечательную и славную его помощь. Возрадуемся, возлюбленные братия, о Господе и возликуем духовным ликованием от того, что Он даровал нам столь великого учителя жизни, наставника праведности, творца нашего единодушия, который собрал нас в эту святую овчарню и просветил учением благочестия. Пусть возрадуется с нами и весь народ, сошедшийся сегодня на

Imago Hominis. Символ евангелиста Матфея. Евангелистарий св. Виллиброрда.
Munz P. Life in the Age of Charlemagne. L., 1969. P. 95. Il. 20

день рождения святейшего отца в жизнь вечную, по благочестивой преданности постарался присутствовать на бдении в честь апостольского мужа и потрудился стоять в присутствии Господа нашего Иисуса Христа, святых ангелов и блаженнейшего предстоятеля Виллиброрда. Его молитвами Господь милостиво соизволит нас выслушать, ибо чем с большим упованием мы просим, тем скорее бываем услышаны. Ведь мы все получаем по вере, в чем имеем перед глазами несумнительный пример сего святейшего мужа, праздник которого мы сегодня торжественно отмечаем. С самого своего детства он посредством веры всеми силами стремился угодить Богу. Ибо по причине пылкой веры и ради любви к Богу св. Виллиброрд оставил отчизну, родных и друзей, презрел земное, чтобы снискать небесное. Потому он стяжал великий плод своего труда, обратил многие толпы людей ко Христу, отвратил очень многих язычников от греха заблуждения и с помощью Божественной благодати сынов гнева сделал сынами милосердия. Он затворил ад, открыл небо, прошел земли многих народов, чтобы всех привести на путь истины, и не жалел себя, придя к свирепым народам в надежде стяжать пурпурный венец мученичества. Бог сохранил его для спасения многих, поскольку слава великого проповедания почитается более широко, чем если один человек увенчается венцом мученичества. Св. Виллиброрд почил в мире, ибо трудился в надежде. Он стяжал жизнь вечную, ибо оставил временную, с нами разлучен, к ангелам причтен.

3. О покровительстве и славе св. Виллиброрда.

О блаженный служитель Божий, не оставь нас, трудящихся на земле, но не переставай помогать нам с небес своими молитвами. Жизнь твоя всегда одобрялась людьми ради Бога, пусть молитвы твои будут всегда обращены к Богу ради людей. Помышление твое было о законе Господнем день и ночь [см. Пс 1, 2], потому ты процвел, как пальма, в дому Господнем. Как кедр ливанский, ты приумножил сынов своих [см. Пс. 91, 13], которые взывают к тебе всем устремлением души; удостой их помощи своим милостивым заступничеством. Да почувствуем мы, что твоя помощь приходит к нам, с преданной любовью присутствующим на твоей службе. О счастливая душа, оставившая труды мира сего и с плодом великих потов вошедшая в небесный покой! Ты приумножила врученные тебе таланты, ты стяжала обещанную награду. Ты в малом была верна на земле, над многими поставленная, славишься на небе. Радости Господа Бога твоего, избранные тобою навсегда, ты обрела навечно [см. Мф 25, 21]. Мы превозносим тебя, отче, в непрестанных хвалах, ты же помоги нам неусыпными молитвами. Мы веруем, что ты можешь все получить у Господа Бога твоего, когда ты мог творить столь великие чудеса у нас по Его благодати. Ныне ты согражданин ангелов, общник святых, ты радостно воспоешь с ними песнь новую: «Как слышали мы, так и увидели» [Пс 47, 9], «Блаженны живущие в доме Твоем; они непрестанно будут восхвалять Тебя» [Пс 83, 5], «являются перед Богом на Сионе»

[Пс 83, 8]. Блаженное созерцание Бога есть полное счастье, как Сама Истина свидетельствует в Евангелии, говоря: «Кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим, и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам» [Ин 14, 21]. Этот вот святой жил на земле в Его сладчайшей любви, потому он радуется на небесах пред очами Божиими.

4. О том, что нам дóлжно подражать примеру св. Виллиброрда.

Видите, братия возлюбленные, сколь велика слава тех, кто следует Богу. Сей муж ради любви Христовой презрел отчизну, избрал странствие на чужбине, отдал меньшему себя мирские богатства, возлюбил добровольную бедность. И мы узнали, какую честь он после имел среди людей, но еще лучше слава, которую он вечно имеет среди ангелов. Пусть пример этого святейшего учителя пробудит нас от оцепенения лености, чтобы то, что мы в нем восхваляем, мы исполнили сами. Восхвалим труд и борения св. Виллиброрда, исправим пути наши по стопам его; ибо последовавший примеру его святости удостоится блаженства и награды от Того, Кто увенчал св. Виллиброрда и Кто нам поможет, Иисус Христос Господь наш, живущий и царствующий со Отцом и Святым Духом в непреходящей славе. Аминь.

Послания Алкуина

Алкуин – Ангильберту[22]

Помня об условленной между нами дружбе, я взял на себя смелость направить Вам это послание. Молю Вас, чтобы Вы соизволили принять благосклонно подателя этого послания и упросили господина нашего короля Пипина[23], помочь путям его странствия. Известно, что милость королей в помощи несчастным, особенно странникам, стремящимся к священным пределам главы апостолов св. Петра, велика пред очами Божественного Милосердия. Сверх того, возлюбленный брат, с большой любовью прошу тебя, чтобы ты позаботился прислать мне приятнейшие и мне весьма необходимые дары, то есть хотя бы какие-нибудь мощи святых. Ведь «доброхотно дающего любит Бог» [2 Кор 9, 7], Который сделает так, чтобы у тебя было изобилие всякого блага, и поставит тебя в славе тех святых, чьи мощи ко мне направит твое благоволение. Да воссияешь в вечности, сын, венцами добродетелей, славой премудрости, святой любовью к Богу и чистой совестью к людям.

Алкуин приветствует мать и сестру во Христе[24].

Радостным духом я принял ваше приветствие, смиренно молясь, чтобы Христос Бог милосердно принял во внимание ваше благоговение. Да даст Он вам более и более возрастать в Его воле и приведет вашу жизнь к венцу славы. Да будет дочь во всем благóм послушна матери, да будет мать преда-

на спасению дочери; вы обе, всегда усердные в служении Богу, делайте то, что Богу угодно, в целомудрии. Воспитывайте подчиненную Вам дочь во всяком страхе Божием, ибо Вы дадите отчет за каждую душу. Потому со всем усердием наставляйте сыновей и дочерей, чтобы Вы удостоились иметь не только утешение по плоти, но еще и радость духовную. Пусть не будет презираем Христос в оборванном нищем, но да будет введен в дом, согрет и подкреплен пищей, ибо подкрепление нуждающегося есть забота богача. Совершайте со всем старанием канонические часы в божественной хвале, ибо ваше стройное пение слушают ангелы и [его] приемлет Христос. Скромность ваша, согласно апостолу, да будет известна всем людям, и как жизнь в веке сем да будет примером во спасение многим, так и будущая да будет обретена ради обычаев похвального благочестия у Бога, Воздаятеля всех благ.

В конце этого письмеца прошу вашу благодатность удостоить мое имя воспоминанием среди ваших молитв и этой любовью вымолить мне вечное спасение, о чем по отношению к вам я попытался наставить вас в этом письме; и, читая эти письмена, всегда пребывайте здравы во Христе, возлюбленные сестры.

Алкуин приветствует сестру во Христе Адаулу.

Я имею обыкновение, сестра во Христе, вспоминать тебя снова и снова с искренней любовью, желая, чтобы ты хорошо жила в Господе и возрастала день ото дня в очах Его. Потому усердно молю, чтобы ты все свои усилия направляла на то, чтобы угодить Ему во всяческом смирении, терпении, благочестии и любви, и не теряла свою душу, идя за тщетой века сего. Ведь образ мира сего прейдет, и бóльшие его удовольствия позже рождают бóльшие скорби. Да будет жизнь твоя трезвенна и чиста, и слова твои немноги и полны истины. Ибо о всякой вещи, какую бы ты ни сказала или ни сделала, ты дашь в будущем отчет перед Грозным Судией Христом. Во всякий миг имей пред очами своими муки нечестивых и награду праведных. Да не покинет тебя твоя надежда и любовь в благости Божией, тогда не покинет тебя Его милосердие. Молись Ему непрестанно, и Он всегда сохранит тебя. Ибо Он есть единственный верный и вечный Друг, как Он Сам сказал: «...кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим, и Я возлюблю его... и Мы придем к Нему и обитель у Него сотворим» [Ин 14, 21, 23]. Также у Иоанна: «и пребывающий в любви, пребывает в Боге, и Бог в нем» [1Ин 4, 16].

Будь здорова, дорогая сестра.

Возлюбленную во Христе мать[25] приветствует верный в любви сын, диакон Алкуин.

Многие суть в счастии друзья, в несчастии – редки; и тем дороже они, чем реже; и с веком меняются души. Некто радуется счастию другого, но бури несчастия избегает. Ибо, как свет и мрак сменяют свои череды, так и сча-

стье и несчастье сей жизни переменчивы. Но сильному духом должно терпеть скорбь, которая выпадает на его долю, и тем, кто радуется, нужно испытывать умеренную радость. Потому скромная и благочестивая мать не должна много плакать о смерти сына; ей более должно саму себя приготовить достойными заслугами к переходу в ту жизнь, где никого не страшат враги, никого не покидают друзья. Добрая мать имеет за сына Утешителя в лице Христа, Который никогда не покидает надеющихся на Него. Лучше радоваться живому, чем горевать об усопшем. Зачем мы плачем о том, чего не можем изменить? Усопший не может быть призван к жизни века сего, живой же присоединиться к усопшему может. Плоть, которую мы холим с такой заботой, потом становится пищей червей. Потому душа, смотря по качеству заслуг ее, либо возрадуется, либо опечалится; и какое она приготовит себе обиталище в краткие дни сей жизни, такое и получит в вечные времена. Вот почему каждое мгновение следует трудиться ради вечного покоя души, чтобы, когда она должна перейти в жизнь вечную, она вечно жила бы во блаженстве и счастии.

Прошу, матерь возлюбленная, прими меня, хоть и недостойного, вместо сына по плоти сыном по духу, не менее преданно тебя любящим, пусть и меньшее достоинство имеющим. Не печалься ни по причине дальнего расстояния, ни по причине моего низкого происхождения, когда моя любовь верно пребывает с тобой в утешении Святого Духа; и то лучшее, что во мне есть, сиречь вера неложная и любовь неубывающая, пребудут с тобою всегда.

Я не знал о несчастии сей бури, недавно сотрясшей наш народ, которую принесла тебе твоя судьба или воля; потому я не знал, каким укрепить тебя советом, если только таковым: чтобы всем сердцем ты служила Господу Иисусу и всю надежду на утешение возложила на милосердие Того, Кто говорит: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим» [Мф 11, 28–29].

Алкуин приветствует избранного предстоятеля, брата, друга Лейдрада[26].

Я благодарю Бога, Который соизволил даровать мне таковою друга, в верности которого искренность, в благосклонности – благожелательность, в совете – спасение. И сколь более редко можно найти таковых друзей в наше время, столь более дорогими их должно считать. Как блеск драгоценных камней сияет среди песка и гальки, так и испытанного друга с благодарностью находишь среди многочисленной, шумящей вокруг толпы, ценишь его и удерживаешь около себя. Друга, согласно изречению древних, долго ищешь, насилу обретаешь, с трудом удерживаешь. Толкование этой притчи легко понять, глядя на тебя самого. И, удивительным образом, едва ли кто желает быть таковым, какового все желают найти. И это потому, что люди, даже и слушая предписание Господне открытым слухом, считают маловажными по

причине глухого сердца слова: «Во всем как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» [Мф 7, 12]. Среди прочих признаков добродетелей, которые близки этой заповеди, также надо прибавить, что тот, кто желает найти верного друга, пусть и сам станет кому-нибудь верным другом или в спасении души, или в мирском суждении, насколько это важно по обстоятельствам и личности каждого.

Касательно того, что ты хотел узнать от меня об определенности желания или места, я ничего не могу сообщить тебе с уверенностью, если только, по милости Божией и обстоятельствам жизни, ты не увидишь лица моего, хотя не знаю, где и когда, по причине моих и твоих занятий. В удобное время похлопочи о том, чтобы направлять ко мне множество несущих письма, чтобы я заботился посылать тебе ответы или же передавать то, что мне приходит. Усердно молю Господа Иисуса, чтобы Он по Своему великому милосердию направил жизнь раба Своего на исполнение Своей святейшей воли и на преуспеяние в христианской вере по силам нашим.

Мир вековечный Христов пусть хранит тебя, пастырь любимый,
Пастырь любимый, всегда в вечности будешь храним.

Алкуин приветствует Мавра[27]*, благословенного отрока св. Бенедикта.*

В отношении книжечки, о которой ты обещал, что она по моей просьбе будет переписана, прошу, чтобы исполнились и твое твердое обещание, и моя радость. Не иссякает источник живой воды, хотя многие из него черпают. Так и ваша мудрость не уменьшится, хотя из нее черпает наша нужда. Не презирай моей просьбы и не отрицай своего обещания, но истина твоя да будет моим изобилием. Люби любящего тебя и дай просящему, чтобы ты мог угодить Имеющему все, Который это заповедал [см. Мф 5, 42].

Живи счастливо с отроками твоими, соединенный с ними чашей любви. Приветствуй молящихся за меня братий.

Возлюбленной во Христе сестре (Гисле)[28].

Признаюсь, что я весьма желал приехать к Вам по причине некоторой необходимости, о которой мне хотелось с Вами побеседовать. Но мне воспрепятствовала мучительная лихорадка, приступы которой меня утомляют до сих пор. Вот почему я позабочусь поскорее поспешить навстречу королю до зимних холодов.

Мне весьма приятен Ваш труд по возведению церкви Пресвятой Богородицы и размышление о книгах. Потому мы, насколько сможем, попытаемся помочь в этих трудах вашему искусному старанию. И пусть отрок Фридугис[29] окажет вам помощь в благоприятное время. Ваше преуспеяние в Боге есть великая радость для моей души. Потому то, что ты начала, постарайся с помощью Милосердия Божия усердно довести до конца. Каждый получит награду по своему труду, и кто более трудится, пусть получит большее вознаграждение. Ныне – время потрудиться, но придет время и увенчаться.

Какими там нам быть, выбираем, – такими сами себя здесь приуготовляем. Мудрому достаточно немного слов. Знаю, что проницательность Вашей души все поняла лучше, чем я написал, и исполняет делами то, что я едва могу выразить словами. О, скорее бы пришло время, когда я мог бы поведать тебе о бедственном положении моего сердца, чтобы мой дух утешился совершенством Вашего благочестия.

Мне очень понравился крест, который прислало мне Ваше добросердечие. Я верю, что Вы получите от Бога вечную награду за этот труд и непрестанное заступничество св. Луппа, а также хвалебные изъявления благодарности от тех, кто обыкновенно прибегает к его покровительству.

Ныне прощай, о сестра, во Христе дорогая подруга,
Образ добра и любви, ныне проститься пора.

[1] Недоразумение: стихотворение написано как раз не гекзаметрическим («героическим»), а элегическим размером.

[2] «С родины дальней» – т.е. из Англии.

[3] Заключительное двустишие представляет собой, по-видимому, вариант начального.

[4] Коридон – заимствованное из эклог Вергилия имя какого-то члена Академии.

[5] Речь идет о возвращении из Англии после поездки 793 г.

[6] Тмесис – редкая стилистическая фигура, когда между двумя частями одного слова (*призывать*) вставляется другое слово (*пилигримским*). В древнеримской поэзии встречаются лишь единичные примеры (в виде подражания Гомеру); каролингские поэты усмотрели в этом признак особой изысканности и стали тмесисом даже злоупотреблять.

[7] «Ты селянин, Коридон» – слова из Вергилия, эклога 2, 56; ко времени Алкуина слово *селянин* (rusticus) потеряло идиллический оттенок и стало только синонимом неуча и грубияна.

[8] Назон – прозвище поэта Муадвина, епископа Отенского; стихотворение, откуда взят этот стих, не сохранилось.

[9] Истолкование «Песни песней» как песен взаимной любви Христа и Церкви идет от отцов церкви, заимствовавших его, в свою очередь, от еврейских толкователей, соответственно говоривших о Боге и синагоге.

[10] Под именем «кукушки» Алкуин выводит своего ученика Додона, не раз упоминаемого в его переписке; Додон страдал пристрастием к вину. Под именем Меналка скрывается сам Алкуин, под именем Дафниса – какой-то другой его ученик; оба прозвища из эклог Вергилия.

[11] Ср. в письме Алкуина к Додону: «... плоть твоя, жесточе всякой мачехи, увлекла тебя, столь юного, от отчего лона в пучину страстей...».

[12] Имеется в виду св. Бенедикт Нурсийский (ок. 480 – ок. 550), у которого, среди прочих учеников, был верный и любимый ученик Мавр. В честь него Храбан Мавр (ок. 780–856) получил свое монашеское имя.

[13] Св. Мартин Турский (ок. 316–397), память 12 ноября.

[14] Св. Иларий Пиктавийский (ок. 291 – ок. 371), епископ Пиктавы (Пуатье). Родился в Пиктаве в богатой языческой семье, получил хорошее образование. В 350 г. он принял христианство и в 353 г. был избран епископом родного города. Борец с арианской ересью. В 364 г. ездил в Милан, где победил в богословском диспуте епископа Авксентия Миланского, покровительствовавшего арианам. Его главными трудами являются трактаты «О Троице» (против ариан), «О соборах», комментарии на псалмы и Евангелие от Матфея. Память 13 января.

[15] В 360 г.

[16] Максим Великий, император с 383 по 388 г.

[17] Св. Виллиброрд (658–739), апостол Фризии, архиепископ Утрехта. Родился в Нортумбрии, где его отец Вилгилс стал отшельником, и ученик Вилфрида, епископа Рипонского. В 678 г. он уехал учиться в Ирландию, где провел 12 лет и был рукоположен во пресвитера. Вернулся в Англию в 690 г. и вскоре отправился во Фризию. При поддержке короля Пипина II проповедовал христианство фризам. В 698 г. основал знаменитый монастырь Эхтернах, который сыграл важную роль в подготовке Каролингского Возрождения. Умер в возрасте 81 года и сразу стал почитаться как святой.

[18] Св. Амвросий Медиоланский (339–397).

[19] Мощи св. мучеников – воинов-христиан Фивейского легиона, пострадавших во время гонений на христиан начала IV в., хранились в монастыре Агавнум (ныне деревня Сент-Морис на р. Роне (Швейцария)).

[20] Св. Дионисий (ум. 250), епископ Парижский, покровитель Франкии; св. Герман (ок. 496–576), епископ Парижский.

[21] Св. Ремигий Реймсский (437–553), апостол франков, архиепископ Реймсский.

[22] Об Ангильберте см. в наст. изд.

[23] Сын Карла Великого, Пипин, король Италии.

[24] Предполагается, что адресатами этого письма были Гисла (ок. 757–810), сестра Карла Великого, настоятельница монастыря Шелль, имевшая в придворной Академии прозвище Люция, и дочь Карла, Ротруда.

[25] Письмо адресовано королеве Эдильтруде.

[26] Лейдрад Лионский (ум. 817), около 790 г. состоял в клире Зальцбургского собора, вскоре после этого появился при дворе Карла Великого, исполнял обязанности придворного библиотекаря, дружил с Алкуином, епископ Лионский с 798 г., выступал против адопционистов, полемизировал с Феликсом Урхельским. Учитель Агобарда Лионского (см. в наст. изд.). В начале правления Людовика Благочестивого удалился в монастырь Св. Медарда в Суассоне, где жил до своей кончины.

[27] О Храбане Мавре см. в наст. изд.

[28] См. прим. 24.

[29] О Фридугисе см. в наст. изд.

Теодульф

*

Теодульф, епископ Орлеанский, один из самых талантливых и ученых поэтов при дворе Карла Великого, по происхождению испанский гот; об испанце Пруденции он говорит как о земляке. По неизвестной нам причине он вынужден был бежать из родных мест, был ласково принят Карлом, получил в управление орлеанское епископство и несколько окрестных аббатств; в 800 г. сопровождал Карла в Рим и заседал в суде, созванном для оправдания папы Льва III, после чего получил от папы архиепископский сан. В своей епархии он жил как меценат, любитель искусства и роскоши, – построил в Жерминьи церковь, которая считалась самой великолепной во всей Нейстрии; завел книжную мастерскую, где изготовлялись роскошные подносные экземпляры библейских книг, к которым он сам сочинял посвятительные надписи в стихах (два таких экземпляра сохранились); окружил себя изысканными предметами античного и позднеантичного искусства, которые описывал в отдельных стихотворениях. При дворе Карла он был своим человеком – свидетельство тому «Послание королю», где он успевает не только сказать комплимент каждому члену королевской семьи, но и свести счеты с соперником, неназванным ирландским ученым, – однако, как кажется, не участвовал в работе дворцовой школы и не был членом Академии: академическое прозвище его неизвестно. После смерти Карла Теодульф еще три года пользовался расположением Людовика Благочестивого; но в 817 г. он был заподозрен в сговоре с мятежным Бернгардом, вице-королем Италии, лишен епископства и сослан в монастырь в Анжере. Здесь он прожил еще четыре года, сочиняя скорбные стихи о своем изгнании; его друг Муадвин (Назон) в стихотворном послании убеждал его признать свою вину и облегчить участь, но Теодульф настаивал на том, что он невинен. Он умер в Анжере осенью 821 г.

От Теодульфа сохранилось около 80 стихотворений и стихотворных циклов. Почти все они написаны элегическим дистихом и несут следы преобладающего влияния Овидия, а также Пруденция. Мастерство его версификации вызывало такой восторг, что грамматики IX в. в спорных случаях просодии ссылались на его стихи наряду со стихами античных классиков.

Среди поэтов своего поколения Теодульф выделяется двумя особенностями: во-первых, чувством комического, способностью к юмору и сатире, и во-вторых, нотами пессимистической мрачности, столь непохожими на бодрый пафос христианства и классицизма, характерный для академических поэтов. Примером первого может служить упомянутое отступление об ирландце в «Послании к королю» или стихотворения-анекдоты «О потерянной лошади» (приводимое здесь) и «О лисице, воровавшей кур». Примерами второго могут служить такие стихотворения, как

Церковь Жерминьи-де-Пре. *Нессельштраус Ц.Г.*
Искусство раннего средневековья. СПб., 2000. С. 242. Il. 28

«О признаках, предвещающих конец света», «О лицемерах и о том, что во времена апостольские и ближайшие к ним добродетели церкви были крепче, чем в наши дни» и пр.

Может быть, этот критический взгляд на современность объясняется тем, что Теодульф был ближе знаком с практикой каролингского хозяйствования и администрирования, чем другие современные поэты. Известно, что самое большое его произведение – «Стих против судей» – написано под впечатлением его поездки с лионским епископом Лейдрадом по нарбоннской провинции (населенной готами) в качестве королевского ревизора (missus dominicus). Это ценный памятник истории правового быта: здесь рисуется картина полуварварского судопроизводства, творимого на этой окраине франкской державы нерадивыми и корыстолюбивыми судьями; поэт обращает к ним свои увещания, и его патетические призывы следовать примерам Давида и Соломона сочетаются с дельными практическими советами – как разбираться в свидетельских показаниях, в какой мере полагаться на присягу, как соразмерять кару с поступком и пр. Стихотворение включает пространные описания нарбоннской земли, изысканных даров, подносимых населением ревизорам, и пр.; лю-

бопытно изображение борьбы чувств в душе судьи по образцу «Психомахии» Пруденция. Тот же интерес к суду и праву виден в другом стихотворении Теодульфа, где жестоким германским законам он противопоставляет более мягкие библейские.

Остальные стихи Теодульфа – это или послания к лицам, связанным с ним придворными или церковными отношениями, или риторические вариации на богословские и этические темы («О лицемерах и глупцах, коих невозможно увещанием отвратить от порока», «О воздаянии Господнем, которое часто таинственно, но всегда справедливо», «О том, как на душу человека влияют место, время, причина и действие» и пр.), или обычные у каролингских поэтов надписи на церковных постройках, книгах и утвари, среди которых выделяются такие стихи-аллегории, как «О семи благородных искусствах, изображенных на картине» или «О картине с изображением земли в виде круга» (ср. приводимое ниже стихотворение об аллегорическом толковании древних поэтов). Круг интересов Теодульфа был обширен, и даже к скорбному своему посланию к Муадвину из изгнания он делает два неожиданных стихотворных приложения – «О пересыхающей реке» близ места его изгнания и «О битве птиц», про которую рассказывал ему случайный очевидец.

Послание к королю

Славу твою и тебя, о король, вся земля воспевает,
 Но и во многих словах не перескажешь всего.
Если и Рейн и Маас, По и Тибр, и Сону и Рону
 Можно измерить, то вот мера твоей похвале.
Неизмерима хвала, и неизмеримою быть ей,
 Дондеже мир населен будет людьми и зверьми.
Правда, ее описать я в верных словах не сумею,
 Все ж, хоть и мал, не могу о многомощном молчать.
Пусть же шутливая песнь бежит среди шуток веселых,
 Часто в пути, на бегу их подбирая рукой.
Шуткой с хвалой пополам испещренный листок да отыщет
 Тех, кого скоро узрю с Божией помощью сам.
О, лицо, лицо! Ярче трижды промытого злата!
 Счастлив, кому суждено вечно с тобой пребывать,
И любоваться челом, достойным своей диадемы,
 Что нигде на земле равных себе не нашло,
Голову гордую зреть, подбородок и дивную шею,
 Золотоносную длань, что посрамляет нужду.
Голени, грудь и ступни – все в теле его достохвально,
 Все поражает красой, все лепотою блестит.
О, сколь приятно внимать речам твоим мудропрекрасным,
 В них превосходишь ты всех, выше же нет никого.
Выше же нет никого, чья многоискусная мудрость
 Столь бы была велика, так же не знала б границ.

Нила шире она и обширней студеного Истра,
Даже Евфрата длинней и не короче, чем Ганг.
Надо ль дивиться тому, что Пастырь предвечный такого
Пастыря в мире избрал стадо свое охранять?
Деда ты возродил прозваньем[1], умом – Соломона,
Мощью – Давида-царя, Иосифа – дивной красой.
Ты – охранитель добра, кара злых, расточитель почета:
Вот почему и даны все эти блага тебе.
Так принимай, веселясь, многоцветные груды сокровищ,
Что из Паннонской земли ныне Господь тебе шлет[2].
И благодарность за то с благочестьем воздай Громовержцу,
Пусть, как всегда, для него длань твоя будет щедра.
Вот притекли племена, Христу поклониться готовы,
Коих десницей своей ты призываешь к Христу.
Вот явился к нему и гунн с заплетенной косою,
Вере покорен святой тот, что упорствовал встарь.
С ним пусть придет и араб: волосатые оба народа,
Только один заплел кудри, другой – распустил[3].
Ты, Кордова, давно накопила богатства без счета,
Так поскорей королю должному должное шли.
Как авары сдались, так сдавайтесь, арабы, номады,
Бросьтесь к ногам короля, выи, колени склонив.
Были не менее вас они и горды, и свирепы,
Но, кто их покорил, тот же и вас покорит.
Он, восседая горе, до Тартара власть простирает,
Он над морями, землей, звездами, твердью царит.
Вот наступает весна, и с нею – всякое счастье
Снидет к тебе и твоим с помощью Божьей, король.
Год обновился опять с весельем по вечным законам,
Матерь-земля, как всегда, снова пускает ростки.
Лес зеленеет листвой, украшаются нивы цветами,
Так стихии свой чин все неослабно блюдут.
Пусть же стекутся послы отовсюду с благими вестями,
Мира залог принесут. Злоба да сгинет навек.
Пусть, воздевая горе и очи, и руки, и душу,
Всяк благодарственный гимн богу поет и поет.
Пусть соберется совет, и молебен отслужат в палатах,
В коих прекраснейший свод сделан искусной рукой.
Пусть в престольный покой возвратятся все совокупно,
Толпы пусть взад и вперед в длинных палатах снуют.
Двери раскройте, но пусть из желающих те лишь вступают,
Коих какой-либо чин пред остальными вознес.

Пусть красавца-царя окружит дорогое потомство[4],
Сам же он выше всех, солнцу подобный меж звезд.
Юноши пусть по бокам, а вокруг него встанут девицы,
Свежей подобны лозе, радуя сердце отца.
Карл с Людовиком здесь, из коих второй еще отрок,
Первый уже на губах юности носит убор.
Мощные их тела исполнены юною силой,
Сердце к наукам лежит, крепко в совете оно.
Мыслью сильны, богатством славны, в добродетелях тверды,
Каждый – народа краса, каждый – услада отца.
Да обратит же на них король лучезарные взоры,
Переведет их затем к сонму стоящих девиц,
К хору прелестных девиц, которых никто не превысил
Нравом, одеждой, лицом, верою, телом, душой.
Берта с Хротрудою здесь, а с ними и юная Гисла,
Между прекрасных она – лилия в троице сей.
Рядом же с нею стоит Лиутгарда в красе своей мощной,
Та, что сверкает умом и благочестьем своим.
Образованьем блестит, но больше – благими делами,
Равно приятная всем, людям простым и вождям.
Сердцем мягка, и дарами щедра, и приветлива речью,
Силится всем угодить, не повредить никому.
Также к наукам она прилежит и прилежно стремится
Хитрости мудрых искусств в замок ума заключить.
Пусть же семья короля быстра в угождении будет.
Наперебой торопясь знаки любви оказать.
Мантии обе его и мягкие снять рукавицы
Карл пускай поспешит, меч же Людовик возьмет.
Чуть он воссядет, дары вперемежку со сладким лобзаньем
Дочери все поднесут – это подарки любви.
Хротруд фиалки дарит, Берта – розы и лилии – Гисла:
Нектар с амврозией даст в дар ему каждая дочь.
Хилтруд – Цереры дары, фрукты – Ротхайд, вино – Теодрада,
Все различны лицом, но красотою равны.
Эта камнями горит, а та – багряницей и златом,
Здесь – из алых камней, там – из зеленых убор.
Этой застежка идет, а ту украшают запястья,
Та щеголяет каймой, той ожерелье к лицу.
Эта в лиловый наряд, а та разоделась в шафранный,
Мягкий нагрудник – одной, красный – другой по душе.
Речью приятной одна, забавой прельщает другая,
Эта – походкой отцу нравится, та же – смешком.
Если б святейшая тут сестра короля оказалась,

Сладкий дала б поцелуй брату, а братец – сестре.
Но столь сильный восторг утаила б на лике спокойном,
Радости помня, что даст ей Вековечный жених.
И как точнее постичь ей тайны Святого Писанья,
Царь вразумил бы ее – он, кого Бог вразумил.
Пусть соберутся вожди и с весельем вкруг мощного станут,
Каждый из них поспешит дело исполнить свое.
Тирсис[5] да будет, как встарь, готов к государевой службе,
Будет усерден и скор сердцем, рукой и ногой.
Выслушать должен король различного рода прошенья –
Примет с охотой одни и промолчит о других,
Этим прикажет войти, а тем дожидаться покамест,
Этим внутри постоять, тем – за дверьми повелит.
Пусть он у трона стоит, муж лысый, но неутомимый,
Все со смирением он, все с береженьем вершит.
Тут же – с веселым лицом и ласковым взором епископ[6],
Благостно сердце его и благосклонны уста.
Твердая вера в Христа, благодать освященного сана,
Дух незлобивый смогли к Богу приблизить его.
Пусть же он благословит еду и питье государя,
Все, что вкушает король, пусть принимает и он.
Пусть тут будет и Флакк[7] – он слава наших поэтов,
Ибо лирической он ловко слагает стопой;
Он же – могучий софист, и он же – певец благозвучный,
Он же силен умом, он же делами силен.
Пусть же нам изъяснит он догмы Святого Писанья
Или шутя разрешит чисел тугие узлы.
Будет то очень легка, то запутана Флакка загадка,
Или коснется мирских, или небесных наук.
Будет король среди тех, кто задачу решить пожелает:
Он бы, конечно, сумел хитрости Флакка постичь.
Голосом звучен, прилежен умом и речами изящен,
Рикульф[8] пусть подойдет, верой и знаньем богат;
Правда, не маленький срок он пробыл в стране отдаленной,
Все ж не с пустою рукой он возвращается к нам.
Сладкую песню, Гомер, я воспел бы тебе, если б был ты
Здесь же; но раз тебя нет, муза моя промолчит.
Но Эркамбальда зато присутствием будем богаты:
Пару таблиц он с собой носит в надежной руке.
Сбоку таблицы висят, но не медлят в руках очутиться,
Запоминают слова, немы, но все ж говорят.
Лентул[9] меж тем подойдет, принесет усладительных фруктов:

Фрукты в корзине несет, верность же – в замке души.
Скор он одним лишь умом, в остальном же весьма непроворен:
Будь, добрый Лентул, быстрей ты и в шагах, и в речах.
Нардул[10] туда и сюда торопливым бегает шагом,
Как муравей, без конца мечется взад и вперед.
В маленьком доме его немалый жилец обитает,
В недрах груди небольшой нечто большое живет.
Пусть он то книги свои, то предметы искусства приносит
Или пусть стрелы острит, скотта стараясь сразить[11].
Скотт! Коль с тобой я сойдусь, то получишь ты те поцелуи,
Кои, ушастый осел, волк залепил бы тебе;
Раньше пес зайца взрастит или волк вероломный – овечку,
Раньше трусливая мышь в бегство кота обратит,
Нежели вздумает гет[12] со скоттом вступить в перемирье, –
Если б он даже хотел, было б, как ветер, оно.
Тот или бед натворит, или скроется, Австра быстрее:
Может ли быть он иным? Он ведь всего только скотт.
Надо б ту букву отнять, что в азбуке значится третьей,
В кличке же злого врага будет на месте втором,
Первою в «крыше» стоит и второю в слове «скитаться»,
Третьей во «вскрытье» она, в «сроке» четвертой звучит.
Он опускает в речах ту букву[13]; итак, без сомненья,
Как себя сам он зовет, точно таков он и есть.
Будет и Фредегис тут, левит наш почтенный, с Осульфом[14],
Оба искусством сильны, оба познаний полны.
Эркамбальд, Осульф и Нард сойдутся пускай воедино –
Право, годятся все три в ножки тому же столу.
Толще, конечно, один, другой же будет потоньше,
Но, если мерить на рост, все меж собою равны.
Из плодоносных хором Меналк[15] пусть появится снова,
Неутомимый, с чела пот отирая рукой.
Часто он входит опять, окруженный густыми рядами
Хлебников и поваров, чин придворный блюдя,
Бережно делая все. Пусть разные яства и блюда
Ставит он перед честным троном царя своего.
Пусть виночерпий войдет: это будет наш Эппин[16] умелый,
Пусть он сосуды несет дивные с вкусным питьем.
Пусть приглашенные вкруг за завтрак монарший садятся,
Пусть же веселия дар будет им послан с небес.
Сядет отец Альбин, и речь приготовит честную,
Пищу изволит приять в руку, а после в уста.
Твой ли он кубок вкусит, о Вакх, иль напиток Цереры[17],
Или (ведь все может быть!) даже и тот и другой?

Станет он лучше учить, и свирель его лучше взыграет,
Если учительной он недра груди оросит.
Да удалится кисель и ты, о творожная груда:
С пряною пищею стол пусть к нам поближе стоит.
Здесь да участвуют все, сидящий вместе с стоящим,
Пьют без различья вино, вкусные яства едят.
Счастливо пир завершив, уберут и столы, и подмостки,
Выйдет народ из палат, радость сопутствует всем.
Но, оставшись внутри, воспоет Теодульфова муза, –
Пусть же она королям будет мила и вождям.
Может, услышит ее крепко скроенный Вибод-воитель[18],
Жирной главою качнет трижды-четырежды он.
Мрачно он будет глядеть, с угрожающим взором и речью,
И за спиной на меня много обрушит угроз.
Если ж его к себе подзовет государева милость,
Шагом нетвердым к нему, шаткой походкой бредет,
И впереди груди пойдет раздутое чрево.
Сам он по голову – Зевс, а по походке – Вулкан.
Но, среди всех этих дел, когда будут читать наши строки,
Пусть и скоттик притом, вор беззаконный, стоит,
Мрачная тварь, супостат, бледный ужас, чума моровая,
Язва сутяжная, тварь злобная, мерзость сама,
Дикая, гнусная тварь, ленивая тварь, нечестивец,
Тварь, что всем праведным враг, тварь, что всем добрым вредит!
Шею закинув назад, предстанет он, криворукий,
Руки кривые свои к глупому сердцу прижмет,
Ошеломлен, удивлен, дрожащий, сопящий, свирепый,
Уши, глаза напряжет, ноги, и руки, и ум.
Знаками резкими он то то порицает, то это,
То испускает лишь вздох, то озлобленную брань;
То повернется к чтецу, а то ко всем предстоящим
Знатным вельможным мужам, шага не ступит умно.
Жаром хуленья объят, пусть враг мой лихой кипятится:
Много хотения в нем, только умения нет.
Кое-чему научен, но знает нетвердо, неверно;
В том, в чем не смыслит азов, мнит он себя знатоком.
Все это выучил он не затем, чтобы мудрым считаться,
Но чтобы в споре всегда во всеоружии быть.
Много знал, мало постиг, о многом проведал невежда,
Что же сказать мне еще? Знает, а все ж не знаток.
После король на покой удалится, а всяк – восвояси.
Выйдет веселым король, выйдет веселым народ.

Ты же, свирель, помолись, чтобы добрый король возвратился
И о спасении тех, кто этой шуткой задет.
Чтоб не обиделся кто, да поможет мне милость Христова,
Кротко сносящая все, все, что не злобно, любя.
Кто ж ее вовсе лишен, кто великим сим даром не взыскан,
Пусть обижается тот, дела мне нет до него.

Тот, кто тебя, о король, всевластьем мирским возвеличил,
Пусть в небесах тебе даст лучшую, вечную жизнь.

О книгах, которые я любил читать, и о том, как выдумки поэтов мистически толкуются философами

Смолоду книги привык я читать и читал неустанно:
Денно и нощно я был этому предан труду.
Часто, Григорий, тебя, и тебя, Августин, я листаю,
Или, Гиларий, тебя, или тебя, папа Лев,
Иероним, Исидор, Иоанн русокудрый, Амвросий,
Или тебя, Киприан, скорбный приявший венец,
Или других, кого недосуг исчислять поименно,
Тоже вознесенных до звезд славой ученых заслуг.
В наших бывали руках и язычников мудрых писанья,
Ежели кто-то из них был в своем деле велик.
Благочестивых отцов не в последнюю очередь чтил я,
Коих я здесь имена сам назову – посмотри.
Это – Аратор, Павлин, блестящий Седулий и Авит,
Это и наш Фортунат, и громовержец Ювенк.
Это Пруденций-певец, наш праведный предок, который
Разные метры умел в мудрые строки слагать.
То я Помпея читал, а то раскрывал я Доната[19],
То был Вергилий у нас, то говорливый Назон.
Знаю, в писаньях у них легковесного вздора немало,
Но под завесою лжи кроется истины блеск.
Ложь у поэтов живет под пером, у философов – правда;
Часто ученый мудрец правду из лжи извлечет.
Образом истины станет Протей, справедливости – Дева,
Доблести – мощный Алкид, а злодеяния – Как.
Правду пытаясь сокрыть, отовсюду зияют обманы,
Но неизменно она в прежней сияет красе.
В облике девы для нас – справедливости свет негасимый:
Не затемнить его ввек скверне неправедных дел.

Интерьер церкви Жерминьи-де-Пре. *Munz P*. Life in the Age of Charlemagne. L., 1969. P. 105. Il. 23

Вот, заметая следы, безумное бродит злодейство,
    Смрадным дымом дыша, тщится от кары уйти;
Но настигает его проницательный ум человечий,
    Разоблачает, теснит, тайну выводит на свет.
Вот Купидон – это с факелом отрок, нагой и крылатый,
    Лук у него и колчан, полный отравленных стрел.
Крылья его – легкомыслия знак, нагота же – бесстыдства,
    Отрок же он потому, что неразумна любовь.
Виден в колчане – порок, а в изогнутом луке – коварство;
    Факел, стрелы и яд – это мученья любви.
Есть ли что на земле ненадежнее доли влюбленных –
    Тех, чьи бессильны тела и празднобродны умы?
Можно ли все прегрешенья открыть, что любовь возжигает?
    Нет: все дурные дела выйдут на свет в свой черед.
Можно ли разум напрячь настолько, чтоб справиться с страстью?
    Отрок и разуму чужд, и послушанию чужд.
Можно ли в темный колчан безопасно взглянуть и проникнуть?
    Можно ли счесть, сколько в нем скрыто язвительных стрел?
Гибельны их острия, несут и пожар, и отраву,
    И поражая сердца, ранят, и мучат, и жгут.
Это – преступный и злой прелюбодеяния демон,
    Нас он, несчастных, влечет в бездну нечистых услад.
Вечно готов обмануть, готов погубить наши души –
    Демонские у него сила, и дело, и цель.
Сны прилетают из двух ворот, – говорят стихотворцы[20], –
    Верные сны из одних, лживые сны из других.
Верным – из рога врата, а лживым – из кости слоновой;
    Верные – зримы очам, лживые – льются из уст.
Ибо обточенный рог для глаза прозрачен и светел,
    А на слоновую кость впору лишь зубы точить.
Рог бережет нам от блеска глаза, не страшится мороза;
    Схожи на вид и на цвет зуб и слоновая кость.
Двое в басне ворот, и недаром они непохожи –
    Ложь гнездится во рту, истину видят глаза.
Так-то, звено к звену, я сказал понемногу о многом –
    Чтобы пример привести, долгих не нужно речей.

О потерянной лошади

Ум помогает нам в том, в чем сила помочь не сумеет,
    Хитростью часто берет тот, кто бессилен в борьбе.
Слушай, как воин один, у коего в лагерной давке
    Лошадь украли, ее хитростью ловко вернул.

Он повелел бирючу оглашать перекрестки воззваньем:
«Тот, кто украл у меня, пусть возвратит мне коня.
Если же он не вернет, то вынужден буду я сделать
То же, что в прежние дни в Риме отец мой свершил».
Всех этот клич напугал, и вор скакуна отпускает,
Чтоб на себя и людей грозной беды не навлечь.
Прежний хозяин коня нашел того с радостью снова.
Благодарят небеса все, кто боялся беды, и вопрошают:
«Что б ты совершил, если б конь не сыскался?
Как твой отец поступил в Риме в такой же беде?»
Он отвечал: «Стремена и седло взваливши на плечи,
С прочею кладью побрел, обремененный, пешком;
Шпоры нося на ногах, не имел он, кого бы пришпорить,
Всадником в Рим он пришел, а пехотинцем ушел.
Думаю я, что со мной, несчастным, случилось бы то же,
Если бы лошадь сия не была найдена мной».

О всех сословиях века сего

Поелику любой из грехов соблазняет душу открыто или захватывает ее хитростью, да будет нам в напоминание, что уже изглажены наши прегрешения, да не потеряем награду Крови Христовой, не запятнаем одеяние души несправедливостью, или грабежом, или похотью. Мы были повержены – уже подняты; мы были ранены – уже мы исцелены: не будет оправдания [см. Евр 6, 4–6]. Кого угодно диавол может соблазнять на зло, не может склонять, он привносит услаждение, но не власть, он навязывает совет, но не столкновение. Ныне, благодаря Порождению Блаженной Марии, да будет мне речь к девам, или к мужам, или к женам, или ко вдовам, или ко власть предержащим, или к беднякам, или к рабам, нет у Бога другого разделения, чем заслуги. Потому слушайте меня вы все, кто по дару Христову девственен телом, я говорю ко всем вообще. Потому слушайте меня все, кто признает, что они суть то, что я говорю. И да постараются, чтобы и сердцем они были девственны; пусть так возрадуются о прибыли плоти, чтобы не иметь ущерба душе; однако, радуясь о столь драгоценном даре Христовом, да возрадуются со смирением, восплачут с благоговением, вознесут благодарение, что столь великое счастье носят в целости, возликуют, что будут следовать за Агнцем, куда бы Он ни пошел [см. Ап 14, 4]; если, однако, в устах их, как читаем в Апокалипсисе, не находится лукавство [см. Ап 14, 5], да молятся они о стойкости, чтобы для них никакая услада века сего или зависть диавола не удалила столь великий дар, не затмила столь великую ясность, не помрачила столь великий блеск, да держатся они твердо, чтобы не утерять невозвратного, чтобы не отказать телу в благодати

ради одного мгновения удовольствия, не причинить позора душе по причине поврежденного образа красоты, если не победит их вожделение. Если они послушают меня, сохранят себя; если не послушают, откажутся от того, что никогда не восстановят.

Вы, имеющие жен, увещаю, чтобы вы жили с ними чисто [см. 1Пет 3, 2]. Ибо Елисавета [см. Лк 1, 7], которая долгое время жила с мужем целомудренно, и они оба были праведны пред Богом [Лк 1, 6], была удостоена даже от мертвого семени зачать сына[21], который и праведность родителей украсил, и проповедью многих неверных обратил к вере.

Снова обращаюсь к вам, которые суть вдовы, храните вдовство, не будьте болтливы [см. 1Тим 5, 13], но в молчании ожидайте Господа, Который принимает сироту и вдову [см. Пс 145, 9]. Но добрая вдова та, которая пребывает в молитве и в смирении и скора на милостыню [см. 1Тим 5, 5, 10]. Если, во всяком случае, не имеет награды от того, кому делает, да имеет добрую волю и честное помышление [см. 1Тим 5, 13; Рим 12, 12; Кол 4, 2; Мф 6, 2].

Жены, не злословьте, не судите, не будьте скоры на разговор [ср. 1Тим 3, 11; Мф 7, 1–2; Лк 12, 57]. Возможно, вы говорите, что это вот, что я говорю, тягостно, не подобает мне этого делать, более боюсь того, кто приказывает, чем того, кто принуждает. Я говорю, кто признает, тот да исправится, кто не узнает этого в себе, да возрадуется и стремится к тому, чтобы он смог и другим сказать это для спасения.

Ныне уже к вам обращаюсь, кающиеся, которые приняли покаяние в церкви. Исполняйте его, будьте упорны в плаче, в раскаянии плачьте с умом. Что значит: «Плачьте с умом?» Ищите в молитве не временного, но вечного блаженства, отпущения грехов; кто так молится – плачет с умом. Не падут ваши слезы на землю напрасно, поелику истину возвещает Тот, Кто говорит устами Пророка: «Я положил слезы мои перед Взором Твоим» [Пс 55, 9]. Вы только должны достаточно любить Бога и перейти уже от страха к любви. Ибо мы читаем в Евангелии о той грешнице, которой многое оставляется, ибо она возлюбила много [Лк 7, 47], и потому вы должны много возлюбить Бога, Который, ожидая вас и не наказывая, ведет вас к покаянию.

Ныне к вам моя речь, нищие, вам говорю, нищие, кто просит подаяния, кто живет от милостыни христиан, утешьтесь. Да обратится терзание ваше в ликование, а скорбь ваша – в радость. Да не будет вам в тягость то, что вы просите подаяния, и не говорите по этой причине в сердце вашем что-либо против Бога. Ибо Он справедлив и милосерд во всех делах Своих и потому сделал тебя бедным, чтобы, страдая от нужды, ты получил жизнь вечную. И богатого потому сделал богатым, чтобы, когда он давал тебе излишки, он получал лекарство от грехов. И потому будьте терпеливы, ожидая Господа.

Еще и к вам моя речь, рабы, кто бы из вас ни имел плотских хозяев, каковы бы ни были условия вашей неволи, повинуйтесь господам своим

[см. 1Пет 2, 18], любите их от всего сердца, служа не только перед их очами, но совершая служение из любви. Потому что и их Господь поставил, чтобы они властвовали над вами, и вас, чтобы вы служили; хорошо служите, поскольку от честной службы получите вознаграждение; если будете честными, станете примером для дурных господ. Ибо у Бога всякая душа различается не по знатности, но по труду; не по происхождению, но по деянию. По этой причине ныне ко всем обращается моя речь, ибо Христос умер за всех нас, и потому соблюдайте то, что я сказал, чтобы мне получить от вас плод, и в горняя, где должна собираться пшеница, вас всех ввел бы милосердный Господь, Который живет и царствует во веки веков. Аминь.

[1] Дед Карла – Карл Мартел, победитель арабов.

[2] Стихотворение написано в 796 г., когда сын Карла, Пипин, разгромил аваров (отождествляемых автором с гуннами, строка 39), взял в плен их кагана Тудуна (строка 40) и с добычею ожидался в Ахене.

[3] Реминисценция из Марциала, III, 9.

[4] Потомство Карла: сыновья его Карл и Людовик – будущий император (первому в 796 г. было 24 года, второму – 18), дочери Хротруда (Ротруд; академическое прозвище – Колумба), Берта (любовница Ангильберта), младшая – Гисла (по Академии – Делия?) и другие. Лиутгарда, четвертая жена Карла Великого (с 796 г., ум. в 800) тоже участвовала в работе Академии, а Гисла (по Академии – Люция) – сестра Карла, аббатисса Шелльского монастыря – руководила перепиской рукописей и обменивалась корреспонденцией с Алкуином.

[5] Тирсис – королевский камерарий Маганфред или остиарий (привратник) Готерамн.

[6] Иессей Амьенский, дипломат, ездивший в Константинополь сватать за Карла царевну Ирину, автор трактата «О таинстве крещения», один из душеприказчиков Карла Великого.

[7] От Алкуина Флакка сохранились только одно адоническое и одно сапфическое стихотворение, но для латинской поэзии времен Карла и это было редкостью.

[8] Диакон Рикульф ездил в Баварию послом к Тассилону в 782 г.

[9] Ангильберт-Гомер в 796 г. находился в посольстве к папе римскому. Эркамбальд был нотарием (канцлером) Карла с 797 г. Лентул (от слова lentus – «медлительный») – лицо неизвестное.

[10] Нардул (Nardulus – «маленький нард») – одно из прозвищ историка Эйнхарда. Над его маленьким ростом шутят и другие современники, например Алкуин, XXVI, 25:

Маленький ростом Закхей на древо высокое лезет,
Чтобы с него наблюдать за снующими всюду писцами...
(*Перевод Б.И. Ярхо*)

[11] Ирландец, высмеиваемый Теодульфом, – лицо неизвестное: все попытки отождествить его с Дунгалом, или с Климентом, или с иным из живших при дворе ученых – произвольны.

[12] Готов (германское племя) и гетов (древнефракийское племя) смешивали не только в средние века, но и в новое время.

[13] Игра слов «scottus» (ирландец) – «sottus» (глупец). Пропуск звука «к» – скорее индивидуальный, чем общеирландский недостаток произношения.

[14] Ученики Алкуина; из них Фридугис, довольно крупный богослов, был наследником Алкуина в Турском аббатстве, а с 819 г. – канцлером при Людовике Благочестивом; его заслуга – очищение латинского языка императорской канцелярии.

[15] Меналк – стольник-сенешал Аудульф.

[16] Эппин – лицо неизвестное.

[17] Напиток Цереры – пиво или брага. Сам Алкуин признается в любви к хорошему столу в Послании к королю:

Пусть же муштрует Меналк поваров в прокопченных палатах,
Чтобы горячий кисель подали Флакку к столу...
(*Перевод Б.И. Ярхо*)

[18] Вибод – может быть, граф Перигорский, правивший этой областью приблизительно с 780 г.

[19] Донат (IV в.) – автор латинской грамматики, которая была основой изучения латинского языка на всем протяжении средних веков и даже позже; Помпей (V в.) – автор сокращенного учебника латинского языка, составленного по Донату и его комментаторам.

[20] Вергилий, Энеида, VI, 893–896.

[21] Ср. Лк 1, 15–16. Речь идет о св. Иоанне Предтече.

Ангильберт

*

Франк знатного рода, друг молодого Пипина, сына Карла Великого, и морганатический муж его сестры Берты, которая родила ему двоих сыновей, Хартнида и Нитхарда (будущего историка). При Пипине, вице-короле Италии, в 780-х годах он занимал высокий пост дворцового примицерия, в 792, 794 и 796 гг. ездил в Италию послом к папе, в 800 г. сопровождал Карла в походе, закончившемся его коронацией. Хотя он всю жизнь был мирянином и отличался склонностью к мирским развлечениям («Боюсь, что наш Гомер [академическое прозвище Ангильберта] рассердится на новый указ, запрещающий зрелища и прочие диавольские выдумки», – писал старый Алкуин Адальхарду Корбийскому в 799 г., письмо 175), Карл в 790 г. назначил его аббатом монастыря Св. Рихария в Центуле близ Амьена, и Ангильберт усиленно заботился о пышности монастырских построек и о пополнении монастырской библиотеки; об этих своих заслугах он написал даже маленькую книжку. В этом монастыре он и умер 18 февраля 814 г., три недели спустя после смерти Карла Великого.

Несмотря на громкое прозвище и на многочисленные комплименты, расточаемые ему в переписке его учителем Алкуином и другими современниками, Ангильберт не был большим поэтом. Его сохранившиеся стихотворения немногочисленны и по уровню поэтической техники не поднимаются выше среднего уровня эпохи. Наиболее своеобразна из них панегирическая «Эклога к королю Карлу» с ее рефренами и словесной перекличкой смежных стихов; но и тут самый эффектный и часто повторяемый рефрен – «Любит поэтов Давид – Давид есть слава поэтов» – содержит грамматическую ошибку (David amat vates, vatorum est gloria David). Другое большое стихотворение Ангильберт посвятил Пипину, возвращающемуся из победоносного похода против аваров; несколько мелких надписей, посвятительных стихов и довольно неискусных, хотя и вычурных акростихов и месостихов (на слова «Ангильберт», «Господи помилуй», «Царю небесный, буди благ к рабу твоему Ангильберту» и пр.) относятся ко времени его управления Центульским аббатством.

Прозвище Гомер позволяет предполагать, что у Ангильберта были и какие-то эпические произведения. Собственно, только на этом основании некоторые ученые приписывали Ангильберту авторство большого эпического отрывка (536 гекзаметров), сохранившегося без заглавия и без имени автора в рукописи IX–X вв., действие его относится к 799 г. В нем описывается охота Карла Великого близ Ахена (причем с особым восторгом изображаются великолепные наряды Карла и его спутников – наряды, уместные при дворцовых церемониях, но совершенно немыслимые на охоте); после охоты Карл видит во сне мученическую участь римского папы

Льва III, схваченного его врагами, истерзанного и чудом спасшегося; наконец, изгнанный папа сам прибывает за помощью к Карлу на Падерборнское поле, Карл встречает его глубоким поклоном, устраивает в честь него пир и готовится к походу на Рим. На этом отрывок обрывается. Сравнительно высокая поэтическая культура (в частности, много реминисценций не только из Вергилия, но и из Лукана), а также явная тенденция к прославлению папы позволяют думать, что поэма написана каким-то духовным лицом. Однако по традиции она обычно печатается среди сочинений Ангильберта.

Из поэмы «Карл Великий и папа Лев»

⟨...⟩Лес расположен вблизи на горе, и приятную зелень
Роща скрывает в себе, и свежие есть в ней лужайки.
Все зеленеет вдоль стен, кольцом окружающих город[1],
Взад и вперед над рекой все виды пернатых летают,
Часто на берег садясь и клювами пищу копая.
То, к середине реки подлетев, погружаются в воду,
То обращаются вспять и вплавь достигают прибрежья.
Около тех берегов пасется стадо оленей
В длинной ложбине меж гор, на пастбище, полном услады.
Серна туда и сюда несмелым бегает шагом,
Чтоб отдохнуть под листвой, и разные виды животных
Всюду таятся в лесах. Так вот почему среди темных
Рощ этих Карл, наш отец и герой досточтимый, усердно
На мураве предаваться любил прелюбезной забаве,
Псами зверя травить и дрожащей стрелою своею
Племя рогатое бить под мрачною тенью деревьев.
Только что Феб воссиял лучом, преклоненья достойным,
И огнебровым зрачком его свет пробежал по высотам,
Все крутые холмы и верхушки лесов озаряя
Самых высоких, спешат отборные юноши к спальне
Царской, и знатных толпа, собравшись туда отовсюду,
Стала на месте своем, дожидаясь на первом пороге.
Шум поднялся, беготня по всему обширному граду;
Эхом своим с высоты ответствуют медные кровы;
Неописуемый гул голосов возносится к небу.
Ржаньем приветствует конь коня, и кричат пехотинцы;
Перекликаются все, и всякий своих созывает;
Пышно украшенный конь, в тяжелых металлах и злате,
Щедрого рад принять короля на могучую спину,
Буйной трясет головой и готовится к скачке по кручам
Вот наконец из палат, окруженный свитой придворных,
Вышел на воздух король, досточтимейший светоч Европы.

Монастырь Св. Рихария (Сен-Рикье). Копия средневековой миниатюры. XVII в.
Munz P. Life in the Age of Charlemagne. L., 1969. P. 100. Il. 24

Светит он дивным лицом и ярко сияет обличьем.
Лоб благородный увил драгоценной златой диадемой
Карл, наш король; над толпой возвышаются плечи крутые;
Отроки держат в руках широкие острые копья
И четверною каймой обвиты льняные тенета,
Псов кровожадных ведут, привязанных крепко за шеи,
Алчных к добыче всегда молоссов с бешеной пастью[2].
Вот уже Карл, наш отец, покидает святые пороги
Храма, и герцоги с ним, и окольные шествуют графы.
Вот растворились врата высокого града пред ними,
Вот затрубили в рога, и клики двор наполняют.
Юноши вперегонки поспешно к берегу мчатся.
Вот королева к толпе долгожданная вышла из пышной
Опочивальни своей, окруженная свитой огромной.
То Лиутгарда сама, прекрасная Карла супруга.
Дивно сверкает у ней подобная розану шея,
Пышный багрец красотой уступает косам, увитым
Алыми лентами вкруг висков, белизною блестящих.
Мантию шнур золотой скрепляет, берилл самоцветный –
На голове у нее, в лучах золотой диадемы.
Ярок пурпур одежд из промытого дважды виссона;
Много различных камней украшают пресветлую шею.
В свите прелестных девиц в охотничью рать она входит.
Вот, веселясь, госпожа на коня горделивого села
Между высоких вождей в окружении юношей пылких.
В юной красе молодежь стоит у дверей в ожиданье:
Ждут королевских детей. Окруженный пышною свитой,
Нравом своим и лицом с высоким родителем схожий,
Карл выступает вперед, носящий отцовское имя;
На спину злому коню вскочил он привычным движеньем.
Вслед ему Пипин идет, нареченный по имени деда,
Славу отца своего возродивший в делах государства
Сильный в бою, и отважный герой, и храбрый в сраженьях[3].
Средь приближенных своих полководец щедрый выходит;
Вот высоко на коне, окруженный блестящею свитой,
Светит он дивно лицом и ярко сияет обличьем,
Лоб же красивый его окружен лучезарным металлом.
Сгрудившись вместе, толпа смешалась в широком проходе
Настежь раскрытых ворот. Придворный синклит протесниться
Хочет вперед, отчего поднимается ропот немалый.
Резко трубят рога, и собаки с несытою пастью
Лаем наполнили воздух, и шум достигает созвездий.
Движется вслед за толпой ослепительных дев вереница.

Ротруд у них впереди перед прочими девами едет
На быстроногом коне, спокойным двигаясь шагом.
Кудри, что снега светлей, аметистовой лентой увиты,
Перемежаются в них каменья, сверкая лучами,
А на главе у нее дорогими камнями усеян
Венчик златой; скреплена изящная мантия пряжкой.
Средь многочисленных дев, стремящихся следом за нею,
Тут же и Берта горит, окруженная девственным сонмом,
Голосом, духом мужским, обычаем, ликом пресветлым,
Нравом, очами и ртом и сердцем с родителем схожа.
Вкруг ее нежной главы – позолоченная диадема,
В кудри, что снега светлей, вплетены золотистые нити,
И дорогие меха украшают млечную шею.
Взоры ласкает наряд, усыпанный всюду камнями,
В пестром порядке они сияют лучами без счета
И на монисте, а плащ хрисолитами сплошь изукрашен.
Гисла следом за ней, сверкая своей белизною,
В девичьем сонме идет, короля золотистая отрасль.
В мальвовом платье своем блистает прекрасная дева.
Мягкая ткань покрывал отделана вышивкой алой;
Волосы, голос[4], лицо лучистый свет источают,
Шея в блестящей красе горит розоватым румянцем,
Будто бы из серебра – рука, а чело – золотое,
Очи сияньем своим посрамляют пресветлого Феба.
Радостно на скакуна быстроногого дева садится,
Конь горделивый грызет удила, обдавая их пеной.
В сопровожденьи мужей, с окружившим ее отовсюду
Сонмом бесчисленных дев, при ржаньи коней громогласном,
В пышном уборе своем, покинув высокие крыльца,
Дева стыдливая вслед за властителем праведным едет.
Ротхайд выходит затем в украшеньи из разных металлов:
Быстрым шагом она своей предшествует свите.
Волосы, шея и грудь – в огне разноцветных каменьев;
Шелковый плащ дорогой с роскошных плечей ниспадает,
И на прелестной главе сверкает камнями корона;
Держат хламиду шары золотой в каменьях застежки.
На горделивом коне туда направляется Ротхайд,
Где притаились стада оленей с шершавою кожей.
Вышла меж тем из палат со светлым лицом Теодрада:
Ясное блещет чело, и волосы с золотом спорят:
Шеи прелестный убор – из одних изумрудов заморских,
Руки, ланиты, уста и ножки лучисто-прекрасны;
Светлые ярко горят просветленным пламенем очи.

На гиацинтовый плащ нашиты кротовые шкурки.
Славную деву сию Софоклов котурн украшает[5].
Шумной, густою толпой ее окружили девицы,
И благолепный собор вельмож потянулся за нею.
Дева воссела тотчас на свою белоснежную лошадь,
Скачет на буйном коне короля благоверная дочка
К роще держит свой путь, покинув дворец освещенный.
Поезда крайнюю часть занимает прекрасная Хильтруд.
Ей указала судьба подвигаться в последнем отряде.
Вот посредине толпы сияет прелестная дева,
Крепкой уздою она умеряет поспешную скачку
По прибережной земле. За нею народ достославный
В жажде ловитвы спешит, и все королевское войско
Соединяется с ним. Вот сразу железные цепи
С хищных упали собак. Глубокие норы животных
Ищут прилежным чутьем и, как должно, бегут за поживой.
Жадно молосские псы по кустарнику частому рыщут,
Поодиночке сперва по тенистой дубраве блуждают:
Все поживиться хотят кровавой добычей лесною.
Всадники, лес окружив, противопоставили своры
Стаям бегущих зверей... Бурый вепрь обнаружен в долине!
Тотчас же всадники в лес поскакали, преследуя криком,
Наперебой понеслись за бегущей добычей молоссы,
И врассыпную спешат по безмолвному[6] сумраку чащи.
Мчится беззвучно один, как должно, за вепрем проворным,
Лаем немолчным другой оглашает воздух спокойный
Третий плутает в кустах, обманутый запахом ложным;
Кружат туда и сюда, один за прыжками другого:
Видит один, а другой унюхал бегущего зверя.
Шум поднялся, разлился по рощам, лежащим в долине.
Рог подбодряет собак отважных к свирепому бою,
Гонит туда, где кабан бежит, угрожая клыками.
Всюду с задетых стволов дождем осыпаются листья.
То по открытым местам, то по чаще бежит непроглядной,
Скор на бегу, скрежеща, устремляется к горным вершинам;
Но, наконец, утомлен, он стал и с усилием дышит.
Вот наседающим псам он орудие смерти готовит;
Мордой ужасной своей раскидал он свирепых молоссов.
Карл же отец с быстротой сквозь сонмы охотников скачет,
Птицы пернатой быстрей, мечом своим дикого зверя
В грудь поражает, вонзив железо холодное в сердце.
Рухнул кабан, изрыгнув свою жизнь вместе с бурною кровью,
Бьется и корчится он, издыхая, в песке рудожелтом.

Подвиг с высокой горы семья короля созерцает.
Карл же немедля велит загонять другую добычу,
К спутникам славным своим обращается с дружеской речью:
«Знаменьем благостным сим нам, как видно, судьба разрешает
День с весельем провесть, и потворствует нашим затеям.
Ну, так старайтесь же все завершить начатую работу
И к полеванью сему приложите усердные силы».
Еле промолвил герой, как ответили кликами толпы
С верха горы, и опять устремились к дубраве вельможи,
Быстрых сгоняя зверей. А сам наш отец достославный,
Карл, пред друзьями летит с метательным дротом в деснице,
Коим стада кабанов несметные он поражает.
Валятся грудой тела поверженных долу животных.
Между вельможами Карл по частям разделяет добычу,
Спутников верных своих нагружает тяжелою ношей.
Кончив забаву, назад он едет по прежнему полю
К роще зеленой, к ручьям освежающим и осененным
Лиственной крышей, к местам, покрытым прохладною тенью.
Тут, укрепив по земле свои златотканые ставки,
Стан раскинул король, и палатки вождей забелели.
Весело Карл для своих веселую сладил пирушку:
В первую очередь он созывает отцов многолетних,
После же зрелых мужей, рожденных в лучшие годы[7],
Далее юный народ и девушек чистых сажает
Вместе за стол и велит подавать фалернские вина.
Солнце садится меж тем, и спускаются тени ночные,
Просит спокойного сна у всех утомленное тело.

Эклога к королю Карлу

Флейта, проснись и прославь моего господина стихами!
Любит Давид стихи – прославь его, флейта, стихами.
Любит поэтов Давид – Давид есть слава поэтов.
Вот потому-то скорей поспешите, сбегитесь, поэты,
И для него, для Давида, воспойте сладчайшие песни.
Любит поэтов Давид – Давид есть слава поэтов.
Сладкой любовью Давид возбуждает сердца песнопевцев –
Пусть же любовь породит в сердцах наших песнь о Давиде.
Любит Давида Гомер – прославь его, флейта, стихами.
Любит поэтов Давид – Давид есть слава поэтов.
Не умолкай же, свирель, сладкозвучным тревожима плектром[8]
Пусть зазвучат в твоем горле стихи во славу Давида,

Пусть наполнится грудь у тебя любовью к Давиду.
Любит поэтов Давид – Давид есть слава поэтов.
Любит Давид познавать священные чувствия древних,
Клады старинных умов искушенным разыскивать духом,
И проникать к истокам святым небесной Софии[9].
Любит поэтов Давид – Давид есть слава поэтов.
Хочет Давид окружить себя сонмом премудрых ученых,
Чтобы дворец его стал всех искусств и красою, и славой,
Чтобы в усердных умах обновилася древняя мудрость.
Любит поэтов Давид – Давид есть слава поэтов.
Зиждет строенье свое Давид на камне высоком[10],
Чтобы блаженный чертог Христу был обителью прочной.
Счастлив Давид своею рукой воздвигать его стены,
Дабы возвысился храм высокопрестольному Богу.
Любит поэтов Давид – Давид есть слава поэтов.
Пусть процветет творенье его по милости Божьей,
Пусть пособляют ему крылатые вестники неба,
Пусть весь сонм святых придет на подмогу Давиду!
Любит поэтов Давид – Давид есть слава поэтов.
Флейта, проснись и прославь моих любимых стихами!
Как я могу, юный Карл, промолчать о тебе в песнопеньях?
Ты – достойная ветвь твоего великого рода,
Ты – отрада дворца, надежда вернейшая царства,
Вот потому-то тебя прославляют и флейты поэтов.
Флейта, проснись и прославь моих любимых стихами!
Будь же здрава и ты, посвященная Господу дева,
Гисла, Давида сестра; будь прославлена этою песней.
Любит тебя нареченный жених твой во славе небесной,
Ибо ему одному предалась ты душою и телом.
Флейта, проснись и прославь моих любимых стихами!
Ротруде песня мила – у Ротруды ум просветленный,
И добродетельный нрав, и краса, что меж дев знаменита.
Дева, несись по белым полям[11], по древним посевам
И собирай их цветы и свивай в венок себе пестрый.
Флейта, проснись и прославь моих любимых стихами!
Ныне вы Берту должны восхвалить, достославную деву,
О Пиериды, со мной, коли вам мои песни приятны.
Истинно, дева сия достойна любых песнопений.
Флейта, проснись и прославь моих любимых стихами!
Ныне же наша свирель воспоет и вас, о девицы[12],
Вас, что летами нежны, но зрелы благостью нравов,
Вас, чьих лиц красота одной добродетели ниже.
Флейта, проснись и прославь моих любимых стихами!

Как не назвать и тебя, примицерий высокого трона[13]?
Тот Аарон, Моисеевых дней иерей величайший,
Ныне, на диво двору, в тебе обрел воплощенье.
Носишь пред Богом священный эфод и алтарное пламя[14],
Ключ от небес – в речах, а в руках твоих ключ от часовни,
Слово молитвы твоей охраняет от недруга паству.
Флейта, проснись и прославь моих любимых стихами!
Тирсис любит стихи – прославим же Тирсиса песней[15].
Череп у Тирсиса гол, но сверкает он верностью истой,
Сердце же чуждо греха и сияет чистейшей любовью.
Верностью Тирсис хорош и великому дорог Давиду.
Флейта, проснись и прославь моих любимых стихами!
Вот, увлажненный дождем, Меналк спускается с кручи[16],
Чтобы в палатах дворца с любовью прочесть эти строки –
Люб поэтам Меналк, зане он достоин любови.
Флейта, проснись и прославь моих любимых стихами!
Ныне же, грамотка, в путь: беги в Давидовы сени,
Всех, кто дорог и мил, смиренным приветствуя словом
И расточая друзьям в благозвучных строках поцелуи.
А у Давидовых ног раскинь свои тонкие песни,
Десять тысяч раз передай ему наши приветы
И припади к священным стопам с лобызанием сладким.
Вслед за сим повернись к моим любезным с приветом,
Славных покои девиц посети с ласкательной песней
И отправляйся туда, где Юлий[17] раскинулся станом,
И возвести молодому воителю многую славу.
А от него поспеши к часовне святой государя,
Всюду из уст рассевая слова привета и мира;
Кто бы тебе на пути ни предстал из крещеного люда,
Будь то муж, отец или брат, юнец или старец, –
Всем из ласковых уст помавай миротворной оливой[18],
И говори им: Гомер желает вам вечного счастья,
И да хранит вас Господь Вседержитель всегда и повсюду.
Паче же всех да хранит Христос вовеки Давида:
Наша в Давиде любовь, Давид нам всего драгоценней,
Любит поэтов Давид – Давид есть слава поэтов.
Любит Давид Христа – Христос есть слава Давида.
После сего направь ты стопы к садам благовонным,
Где обычайно Гомер обитал с сыновьями своими.
Там подивися цветам прекрасным и травам целебным
И посмотри, хорошо ли растут, надежно ли крепнут
И не польстился ли враг на них своей хищной рукою,
И отовсюду ли их ограждают плетни и заборы,

Все ли в порядке в дому и здоровы ли милые дети.
Ежели все хорошо, возрадуйся милости Божьей
И к сыновьям обратись: «Сохраняйте свой стан добронравно
И дожидайтесь, пока вернется Гомер-песнопевец.
Пусть ваши дом и двор избегут и коварного вора,
И душегуба-огня; пусть хранит вас Господь-громовержец.
Будьте здоровы, сыны, моя любовь и забота,
Будьте здоровы, а песни мои отнесите Давиду».
    Любит поэтов Давид – Давид есть слава поэтов,
    Любит Давид Христа – Христос есть слава Давида.

[1] Речь идет об Ахене.

[2] Молоссы – знаменитая в древности порода гончих собак из молосской области в Эпире; для средневековых поэтов – просто синоним хорошей собаки.

[3] Пипину уделено больше внимания, чем Карлу: Ангильберт был дружен с ним. Пипин был членом Академии, где носил имя Юлий; именно он выступает собеседником Алкуина в диалоге-загадке.

[4] «Голос, источающий свет», – гиперболизм в световых эпитетах доведен до абсурда (*примечание Б.И. Ярхо*).

[5] «Песни сравнимы твои с Софокловым только котурном» (Вергилий, эклога 8, 10). Редкое для академика недоразумение: «Софоклов котурн» он принял за выражение вроде «фракийская лира», «фалернское вино» и пр.

[6] Неудачный античный штамп.

[7] Реминисценция из «Энеиды», VI, 649, где речь шла о Трое; здесь этот античный штамп вступает в диссонанс с общей оптимистической идеологией Академии.

[8] Плектр – палочка, которой античные музыканты бряцали по струнам. Судя по упоминанию флейты, средневековые поэты уже не понимали этого слова.

[9] София – мудрость; нарочитый ученый грецизм.

[10] «...И положил основание на камне» (Лк 6, 48).

[11] Белые поля – книжные страницы: метафора заимствована из загадки Альдхельма о гусином пере.

[12] Девицы – Гисла, Теодрада, Хильтруд, Ротхайд.

[13] Хильдебальд, архиепископ Кельнский и капеллан Карла Великого с 794 г.

[14] «И не избрал ли его... себе во священника... чтобы он восходил к жертвеннику моему, чтобы воскурял фимиам, чтобы носил эфод предо мною?» (1Цар 2, 28). Эфод – часть облачения первосвященника, наперсник, в котором хранились урим и туммим (Исх 28, 30), с помощью которых испрашивали волю Господа.

[15] Тирсис (ср. о нем в стихах Теодульфа) – быть может, королевский камерарий Маганфред.

[16] «Вот пришел и Меналк, от зимнего желудя мокрый» (Вергилий, эклога 10, 20). Имеется в виду начальник королевского стола.

[17] Юлий – Пипин, см. прим. 3; в каком походе он находился в это время, неизвестно.

[18] Быт 8, 11 повествует о голубе Ноя, который нес «ветвь оливы во рту своем».

Бенедикт Анианский

*

Бенедикт Анианский (750 – 11 февр. 821) происходил из знатной готской семьи. Он был сыном Айгульфа, графа Магелоны (в южной Франкии). При рождении он получил имя Витиза. Был воспитан при дворе Пипина, отца Карла Великого, и, будучи еще молодым человеком, принимал участие в военных действиях. Участвуя в первом походе Карла Великого в Ломбардию (773 г.), он спас своего брата с риском для собственной жизни, и этот случай заставил его задуматься о принятии монашества. Оставив двор, удалился в монастырь Св. Секвана, где был принят устав прп. Бенедикта Нурсийского. Вероятно, там же Витиза принял имя Бенедикт в память об этом святом. Вернувшись в Магелону в 779 г., Бенедикт, считавший устав прп. Бенедикта Нурсийского основой монашеской жизни, основывает на принадлежащей ему земле у маленькой речки Аниан монастырь, которому суждено было в царствование Людовика Благочестивого стать центром монашеской реформы во Франкии и образцом для других монастырей, также принимавших Бенедиктинский устав. По своему местоположению монастырь получил имя Аниан. Бенедикт как один из главных советников Людовика Благочестивого принимал активное участие в церковных соборах (Ахен, 816 и 817 гг.), на которых шла речь о монастырской реформе и повсеместном принятии Бенедиктинского устава. Чтобы Бенедикт все время находился неподалеку, Людовик пожаловал землю на речке Инд, или Инден, в окрестностях Ахена, для постройки монастыря Корнелимюнстер, который под управлением Бенедикта должен был стать примером для всех прочих обителей королевства. Хотя Бенедикт умер вскоре после начала реформ (821 г.) и не увидел результата своих трудов, Бенедиктинский устав был постепенно принят по всей Франкии. Идеи Бенедикта Анианского подготовили и Бенедиктинское Возрождение в Англии X в.

Послание к анианским монахам, написанное вдали от них

Высшего блаженства и счастья Георгию, настоятелю Анианского монастыря, и всем сынам и братиям нашим, славно и неустанно живущим по уставу отца Бенедикта[1], Бенедикт, наихудший из всех настоятелей, желает, приветствуя их, хотя и находясь вдали.

Я весьма беспокоюсь обо всем, что воспламеняет мою душу и ищет попечения прежде прочих вещей, то есть о том, как ваша жизнь течет по ус-

таву. Ибо я никак не могу узнать, трудитесь ли вы усердно и превосходно и помните ли верно о том, что предназначено нам в будущей жизни, и не лишены ли вы слова наставления. Так вот, находясь вдали от вас и не зная, смогу ли я увидеть вас, в то время как любовь гонит меня к вам, я позаботился послать через верных друзей иные слова, чем в письмах. Ныне, сыны мои, прошу и своею просьбою свидетельствую перед Богом, чтобы вы были единодушны в соединении любви, а равно и мудры и не смотрели бы на иных, которых я либо с собой привел, либо послал куда-нибудь ради некоего примера или по причине какого-нибудь дела, будто на чужих; но всех, кто пожелал бы вновь возвратиться в вашу обитель и жить вместе с вами по уставу, принимайте как братьев, благоговейно и приветливо, как подобает. Ибо, благодарение Богу, у вас нет недостатка в средствах телесного подкрепления. Всем вообще, а в наибольшей степени тем, кто, как вам известно, связан с нами дружбой, оказывайте внимание и любовь и, чем сможете, служите всем необходимым другим монастырям, превосходящим вас в бедности. Окажите помощь авве Модарию из монастыря Св. Тиберия в том, чего ему будет недоставать, и то же делайте для всех названных мною в нашей преходящей жизни, а более после моей смерти. Так как многие монастыри, прежде зараженные пороком, как кажется, щедротами Божиими уже приняли от нас некоторое исправление, всеми средствами ныне остерегайтесь, чтобы (да не будет так, взываю к Тебе, Милостивый Господи!) они на какое-то время не смогли уклониться на дурные пути. Будьте связаны воедино, словно с братьями, с монастырем Инден[2], также и с Элисахаром[3], который всегда был прежде всех на земле вернейшим другом тех, кто соблюдает устав; храните братские отношения с его монастырем, и да найдете у него убежище всегда. Ныне я предлагаю вам это увещание, ибо не знаю, увижу ли вас еще в сем веке. В седьмой день Февральских ид[4] со мной, по дарованию Христова милосердия, приключился жесточайший удар, и я не ожидаю ничего другого, кроме того, что я буду призван вскоре на Суд Божий.

Послание к архиепископу Нибридию[5]

Досточтимому во Христе отцу, архиепископу Нибридию, Бенедикт, последний из всех авв авва, приветствуя его, желает вечного блаженства.

Увы, муж Божий, оскудевает уважение и любовь, или милость; всегда, насколько можешь, или сам по себе, или через своих друзей и близких по всем монастырям, по которым ты мог разослать, проси, чтобы не прекращали за меня изливать молитвы ко Господу как на псалмах, так и во время миссы, ибо сейчас в этом мне весьма большая нужда. Знайте, любимый отче, что уже борюсь последние дни жизни, к концу бегу[6], уже душа отделяется от тела, и на этом свете я уже менее всего надеюсь видеть Вас очами телесны-

Инициал «С» из сакраментария архиепископа Мецкого Дрогона. 850–855 гг.
Нессельштраус Ц.Г. Искусство раннего средневековья. СПб., 2000. Ил. 57

ми. Тот, Кто может сделать из нечистого чистого, из грешника праведника, из нечестивца честного человека, да даст нам равно наслаждаться Вечным Царством, и там со всеми святыми воспеть песнь новую[7]. Умоляю, любезнейший отче, чтобы, как Вы имели всегда милость к братиям, которые пребывают в Анианском монастыре, так и всегда, пока душа не изойдет из тела, обходились бы с ними лучше и лучше в своей святой любви. Я вверяю Вам всех друзей, близких и родных в этих краях. Также и в монастыре нашем всеми силами, как верю, Вы будете действовать, порицая, умоляя, поощряя[8], чтобы Вы могли когда-нибудь сказать нестесненным голосом со

Псалмопевцем: «Правды Твоей не скрывал в сердце моем, возвещал верность Твою и спасение Твое»[9]. Итак, делайте все в любви и рассуждении, и да сохранит Вас Святая Троица и дарует Вам великую награду. Аминь.

[1] Прп. Бенедикт Нурсийский (ок. 480 – ок. 550), один из основоположников западноевропейского монашества, автор устава, носящего его имя.
[2] Монастырь Корнелимюнстер на реке Инд, или Инден, в окрестностях Ахена.
[3] Библиотекарь и заведующий канцелярией Людовика Благочестивого, настоятель монастыря Сен-Рикье (ум. 840).
[4] 7 февраля.
[5] Нибридий занимал в это время нарбоннскую кафедру.
[6] Ср. Флп 3, 14; 1 Кор 9, 24; 2 Тим 4, 7.
[7] Ср. Пс 32, 3; 97, 1; Ис 42, 10; Откр 5, 9; 14, 3.
[8] «Обличай, запрещай, увещевай...» (2 Тим 4, 2).
[9] Пс 39, 11.

Эйнхард

*

Эйнхард – один из выдающихся авторов раннего средневековья, современник франкских императоров – Карла Великого (ум. 914) и Людовика Благочестивого (778–840). Его литературное наследие составляют две работы, целиком дошедшие до нашего времени: «Жизнь Карла Великого» (Vita Karoli Magni) и «Перенесение мощей и чудеса святых Марцеллина и Петра» (Translatio et miracula sanctorum Marcellini et Petri). К этому следует добавить 71 письмо, которые были написаны Эйнхардом в период между 816 и 840 гг. Среди его корреспондентов – император Людовик, императрица Юдифь; их сыновья, короли Лотарь и Людовик; знаменитые клирики Храбан Мавр и Серват Луп, а также многие другие. В одно из писем (836 г.), адресованное Сервату Лупу, входит посвященное вопросам веры небольшое изложение, озаглавленное «Книжица о почитании Креста» (Libellus de adoranda Cruce).

Эйнхард родился ок. 770 г. в Майнце. Образование он получил в Фульдском монастыре, где изучал латинский язык, Библию и тексты античных авторов. Помимо обучения, у юного Эйнхарда были и другие занятия, заключавшиеся в составлении дарственных на передачу Фульде земельной собственности от частных лиц. Когда Эйнхарду было около 20 лет (после 779 г.), настоятель монастыря Баугольф направил его во дворцовую школу в Ахен, действуя «по высочайшему предписанию» Карла Великого.

При дворе Эйнхарда называли Нардом, Нардулом и Маленьким Нардом – из-за небольшого роста и сходства в звучании слов «nardus» и «Einhardus». У Эйнхарда было и другое прозвище – Веселеил, отсылающее к одноименному библейскому персонажу, поскольку он считался «первым умельцем и распорядителем, владеющим всеми искусствами». Именно Эйнхард руководил общественными работами в Ахене в 807 г., где находилась резиденция императора. В то же время он не принимал активного участия в политике: лишь в 806 г. император Карл посылает его к папе Льву III с документом о разделе империи между своими сыновьями, а в 813 г. Эйнхард вошел в число тех, кто советовал Карлу короновать сына Людовика и сделать его соимператором и наследником. Сам Эйнхард нигде не пишет об этом, впрочем, как и о том, что занимался хозяйственной деятельностью в Ахене.

После смерти Карла Эйнхард остается в большом почете у Людовика Благочестивого, имея доступ к королевским архивам. Вскоре он женится на Имме – сестре Бернарда, епископа Вормского и аббата Вейзенбургского. Благодаря расположению Людовика и его дарам Эйнхард становится обладателем земель в Михленштадте и в Муленхайме, а также аббатств Сен-Блэндин (815 г.) и Сен-Бовэ (819 г.) в Генте, Сен-Вандрий в Нормандии (816 г.) и Сен-Серве в Маастрихте. Некоторые из аб-

Церковь, построенная Эйнхардом в Штайнбахе (Германия).
Munz P. Life in the Age of Charlemagne. L., 1969. P. 86. Il. 16

батств Эйнхард, возможно, получил от Людовика как дар за готовившуюся работу над «Жизнью Карла».

До 830 г., «знатный и разумнейший из людей своего времени», Эйнхард почти всегда находился при королевском дворе, лишь ненадолго покидая его, в связи с неотложными делами. Одно из них, связанное с перенесением останков св. Марцеллина и Петра из Италии во Франкию, происходило в октябре 827 г. Эта история послужила сюжетом другого произведения Эйнхарда, озаглавленного «Перенесение мощей» и написанного по частям, спустя несколько лет после событий, в 830–831 гг.

Факт перенесения мощей отмечает новый период в жизни Эйнхарда. Используя свой авторитет приближенного к императору придворного, Эйнхард является «движущей силой» процесса перенесения останков. Он – инициатор поиска святых мощей. Он – их получатель. Желание Эйнхарда обладать реликвиями было мотивировано тем, что с их помощью он хотел украсить и возвысить построенную на собственные средства церковь в Муленхайме. Отправив преданных себе людей в Рим за святыми реликвиями, Эйнхард в итоге с большими почестями встречает желанные сокровища и «дает им покой в своих владениях».

Доставка останков Марцеллина и Петра в г. Муленхайм, который из-за хранившихся в нем святых реликвий позднее был назван Зелигенштадтом (городом Святых), является кульминацией деятельности Эйнхарда при дворе короля. Под предлогом занятости переносом святых он освобождается от королевской службы. С этого времени Эйнхард уже больше священнослужитель и аббат, чем королевский придворный. С течением лет его здоровье ухудшается. В письмах, относящихся к 830 г., он пишет о телесной слабости, болях в почках и селезенке. Чуть позже, в этом же году, Эйнхард навсегда покидает Ахен и переселяется в Зелигенштадт. В последние годы жизни, тяжело переживая смерть жены, умершей в 836 г., он ведет активную переписку с Серватом Лупом, обсуждая с ним конфессиональные проблемы. Эйнхард скончался в своем поместье 14 марта 840 г.

Жизнь Карла Великого

Я принял решение описать жизнь, повседневные поступки и отчасти некоторые замечательные деяния господина и воспитателя моего, превосходнейшего и заслуженно славнейшего короля Карла для того чтобы, насколько возможно кратко, поведать о тех [событиях], которые мне известны. Составляя [это] произведение, я [стремился] не возбудить неудовольствие досадующих людей пространным изложением современных событий, если только можно избежать неудовольствия современным сочинением тех, кто досадует на старинные, составленные ученейшими и искуснейшими мужами исторические записки.

И все же я не сомневаюсь в том, что есть много преданных досугу и наукам людей, которые не считают, что современное положение вещей является столь презренным и что все сейчас происходящее будто бы недостойно никакой памяти и о нем надлежит умолчать и забыть. Напротив, они, охваченные любовью к долговечности, скорее желают в различных сочинениях про-

славить выдающиеся деяния других людей, чем ничего не написать и дать исчезнуть известиям о своем имени из памяти потомков. Однако я не посчитал нужным воздерживаться от написания такого рода сочинения, поскольку знал, что никто не сможет более достоверно описать события, при которых я сам присутствовал и которые я знаю доподлинно, [потому что] видел их своими глазами. А будут ли они описаны кем-либо еще или нет, я знать не могу. Я решил записать [те события], чтобы донести их до потомков, [даже если] они смешаются с другими [подобными] сочинениями такого же рода, дабы не позволить угаснуть во тьме забвения блестящим делам и славнейшей жизни превосходнейшего и величайшего правителя своей эпохи, а также [его] деяниям, которые едва ли смогут повторить люди нынешнего времени. Была и другая причина, не лишенная, по моему мнению, основания, которой одной хватило бы, чтобы заставить меня написать, а именно затраты на мое воспитание, а после того как я стал вращаться при его дворе, постоянная дружба императора и его детей. Этой дружбой он так привязал меня к себе и сделал должником и в жизни своей, и в смерти, что я заслуженно мог бы показаться и [быть] назван неблагодарным, если бы, забывшись, не упомянул оказанные мне милости, а также славные и прекрасные деяния человека, который был моим благодетелем, умолчав и не сказав о его жизни, словно он никогда не жил, оставив все это без описания и должного восхваления. Чтобы описать и изложить их, требуется не мое дарованьице, убогое и скромное, да почти и никакое, но красноречие, равное Туллиевому.

Итак, вот книга, содержащая воспоминания о славнейшем и величайшем муже, в которой, за исключением его деяний, нет ничего, чему можно удивляться, не считая разве того, [что] я, будучи варваром, неискусный в римском наречии, вообразил, [что] могу написать что-то достойное или подобающее на латинском, а также что я мог впасть в такое бесстыдство, что решил пренебречь словами Цицерона из первой книги «Тускуланских бесед», где говорится о латинских писателях [I, 3, 6]. Там мы читаем такие слова: «Когда тот, кто не способен ни снискать благосклонность читателя, ни связать, ни изложить свои мысли, берется за письмо, он, не зная меры, злоупотребляет и досугом [своим], и сочинительством». Конечно, это изречение выдающегося оратора могло бы удержать меня от писательства, если бы я, заранее все обдумав, не счел нужным скорее испытать [осуждение] людей и, написав все это, подвергнуть опасности осуждения свои скромные способности, чем, пощадив себя, не оставить воспоминаний о столь выдающемся муже.

Жизнь императора Карла

1. Полагают, что род Меровингов[1], от которого обыкновенно производили себя франкские короли, существовал вплоть до царствования Хильдерика, который по приказу римского папы Стефана был низложен[2], пострижен и препровожден в монастырь. Может показаться, что род [Меровингов]

Реликварий Эйнхарда. Фрагмент. IX в. *Dixon Ph.* Britek, Frankok, Vikingek. Lausanne, 1976. Il. 67

пришел к своему концу во время правления Хильдерика, однако уже давно в роду том не было никакой жизненной силы и ничего замечательного, кроме пустого царского звания[3]. Дело в том, что и богатство, и могущество короля держались в руках дворцовых управляющих, которых называли майордомами[4], им и принадлежала вся высшая власть.

Ничего иного не оставалось королю, как, довольствуясь царским именем, сидеть на троне с длинными волосами[5], ниспадающей бородой[6] и, приняв вид правящего, выслушивать приходящих отовсюду послов; когда же послы собирались уходить – давать им ответы, которые ему советовали или даже приказывали дать, словно по собственной воле. Ведь кроме бесполезного царского имени и содержания, выдаваемого ему из милости на проживание, очевидно, дворцовым управляющим, король не имел из собственности ничего, за исключением единственного поместья и крошечного дохода от него; там у него был дом и оттуда он получал для себя немногочисленных слуг, обеспечивающих необходимое и выказывающих покорность[7]. Куда бы король ни отправлялся, он ехал в двуколке[8], которую влекли запряженные быки, управляемые, по сельскому обычаю, пастухом. Так он имел обыкновение приезжать ко дворцу, на публичные собрания своего народа, куда ежегодно для пользы государства стекалось множество людей, и так же он возвращался домой. А руководство царством и всем, что надо было провести или устроить дома или вне его, осуществлял майордом[9].

2. Пипин [Короткий], отец короля Карла [Великого], уже исполнял эти дела словно наследственные в то время, когда Хильдерик сложил с себя полномочия. Ибо отец [Пипина] Карл [Мартел], изгнавший тиранов, присвоивших себе господство над всей Франкией[10], [и] подавивший после двух больших битв атаковавших Галлию сарацинов (одна была в Аквитании, около города Пиктавия [732][11], другая – возле Нарбонны, у реки Бирры [737]), одержал такую бесспорную победу, что принудил тех отойти назад, в Испанию. Карл [Мартел] блестяще исполнял ту же обязанность майордома, оставленную ему отцом Пипином [Геристальским]. Честь [назначения майордомом] народ имел обыкновение оказывать не каждому, а лишь тем, кто отличался от других и славой рода, и силой величия. Вот и Пипин, отец короля Карла, уже много лет держал в своей власти [наследственное правление], оставленное ему дедом [Пипином Геристальским] и отцом [Карлом Мартелом] и, при полном согласии, разделенное с братом Карломаном. Брат его Карломан – неизвестно по какой причине, но, как кажется, воспламененный любовью к монашеской жизни – оставил обременительное управление преходящим царством; сам же удалился на покой в Рим [747], где, изменив внешность, стал монахом и со своими братьями, с ним туда пришедшими, построил монастырь на горе Соракт, возле церкви блаженного Сильвестра, в которой в течение ряда лет наслаждался желанным покоем.

Но когда из Франкии многие из знатнейших [людей] приходили для исполнения торжественных обетов в Рим, [то] они не хотели обойти его, некогда своего господина. Мешая ему частыми посещениями, они прогнали столь желанный покой [и заставили] его изменить место жительства. Поскольку он видел, что такого рода многолюдство является помехой его планам, он, покинув гору, удалился в провинцию Самний, к монастырю святого

Бенедикта, расположенному в замке Кассино, и там завершил в религиозном служении оставшуюся [часть] временной жизни [755].

3. Пипин же [Короткий], по воле римского папы, из управляющего дворца был назначен королем [751], поскольку уже в течение пятнадцати или более лет один правил Франкией. Он умер в племени парисиев[12] от водянки, после того как окончилась девятилетняя аквитанская война [760–768], что велась против начавшего ее герцога Вайфария, оставив детей Карла и Карломана, к которым, по божественной воле, перешло наследование царством. Франки же, по своему обычаю, созвав генеральный конвент, поставили себе королями и того, и другого[13], предпослав такое условие, чтобы царство было разделено ими поровну; чтобы Карл принял для правления ту часть, которой обладал его отец Пипин, а Карломан – ту, которую возглавлял его дядя Карломан[14]. Той и другой стороной те требования были приняты, и каждый получил часть разделенного королевства в соответствии с предложенным. Это согласие сохранялось, хотя и с большим трудом, поскольку многие из сторонников Карломана замышляли разорвать союз. Дошло до того, что некоторые даже было намеревались свести братьев в войне.

Но исход событий показал, что в этом отношении подозрений было больше, чем реальной опасности, ибо после смерти Карломана его жена с сыновьями и с первейшими из числа его знати бежала в Италию; непонятно по каким причинам, отвергнув [гостеприимство] мужнего брата, она отправилась со своими детьми под покровительство короля лангобардов Десидерия.

Итак, Карломан умер от болезни после совместного двухлетнего[15] правления королевством, а Карл, похоронив брата, при общем согласии, был избран королем Франкии.

4. Полагая, что о рождении, а также детстве и отрочестве [Карла] писать смысла нет (поскольку в анналах ничего нигде не сказано и в живых не осталось никого, кто бы мог сказать, что имеет знания о [тех событиях][16]), я решил, опустив неизвестное, перейти к изложению и показу деяний, нравов и других сторон его жизни, однако так, чтобы вначале рассказать о его свершениях и дома, и вне его; затем – о его нраве и занятиях, а после – об управлении королевством и его смерти, не пропустив ничего достойного и необходимого для знания.

5. Из всех войн, которые он вел, первой он предпринял Аквитанскую, начатую его отцом, но не оконченную. Казалось, что [Карл] может завершить эту войну быстро, еще при жизни своего брата [Карломана], поскольку попросил его о помощи[17]. И хотя брат, пообещав помочь, обманул его, [Карл] очень решительно провел предпринятый поход [в Аквитанию]. И не раньше желал он прекратить начатое и оставить однажды взятое на себя бремя, чем завершит благодаря выдержке и постоянству превосходным концом то, что замыслил сделать[18]. Ведь и Гунольда, который после смерти Вайфария попытался занять Аквитанию и возобновить уже почти закончившуюся войну, он принудил покинуть Аквитанию и уйти в Васконию[19].

Однако не стерпев того, что тот занял там позиции, [Карл], переправившись через реку Гаронну, передал с послами Лупу, герцогу Васконии, чтобы тот выдал отступника; если же Луп не исполнит [приказ] быстро, сам [Карл] возьмет требуемое войною. Но Луп, последовав здравому смыслу, не только возвратил Гунольда, но даже себя самого с провинциями, которыми управлял, вверил власти Карла[20].

6. Приведя в порядок дела в Аквитании и закончив ту войну (когда уже его соправитель Карломан успел оставить дела человеческие), Карл, вняв просьбам и мольбам епископа города Рима Адриана[21], предпринял войну против лангобардов [773–774]. Эта война еще раньше с большими трудностями была начата (по смиренной просьбе папы Стефана) отцом Карла [Пипином], ибо некие из знати Франкии, с которыми [Пипин] имел обыкновение советоваться, до такой степени воспротивились его воле, что провозгласили во всеуслышание, что покидают короля и возвращаются домой. Однако в тот раз война против короля [лангобардов] Айстульфа была начата и очень быстро завершена. Может показаться, что и у Карла, и у отца [его, Пипина] была похожая или, лучше сказать, та же самая причина для начала войны, однако известно, что [вторая] война потребовала иных усилий и завершилась [не похожим] концом. Ведь Пипин, после нескольких дней осады Тицина[22], принудил короля Айстульфа выдать заложников и возвратить отнятые у римлян города и крепости, а чтобы не повторялось изложенное, скрепить веру клятвой[23]. Карл же, начав войну, завершил ее не раньше, чем принял капитуляцию короля Десидерия[24], утомленного долгой осадой, сына [же] его – Адальгиза, на которого, казалось, были обращены надежды всех, принудил оставить не только царство, но даже Италию[25]. Он возвратил все отнятое у римлян, подавил Руодгаза, правителя герцогства Фриуль[26], замыслившего переворот[27], подчинил всю Италию своей власти и поставил королем во главе покоренной Италии своего сына Пипина[28].

До какой степени был труден для вступившего в Италию Карла переход через Альпы[29] и какими великими усилиями франков были преодолены непроходимые места, горные хребты и вздымающиеся к небу скалы, а также труднодоступные утесы, я описал бы здесь[30], если бы не было задумано мною в настоящем труде увековечить в памяти скорее образ жизни Карла, чем события тех войн.

Итак, концом той войны было покорение Италии: король Десидерий был изгнан в вечную ссылку, сын же его Адальгиз был удален из Италии, а имущество, отнятое лангобардскими королями, было возвращено правителю римской церкви Адриану.

7. После окончания той войны вновь началась саксонская война[31], казавшаяся уже завершенной. Ни одна из начатых народом франков войн не была столь длинной, ужасной и требующей столь больших усилий, ибо саксы – которые, как почти все живущие в Германии народы, воинственны по природе, преданы почитанию демонов[32] и являются противниками нашей рели-

гии – не считали нечестивым ни нарушать, ни переступать как божественные, так и человеческие законы. Были и иные причины, из-за которых ни дня не проходило без нарушения мира, поскольку наши границы и [границы] саксов почти везде соседствовали на равнине, за исключением немногих мест, где большие леса и вклинившиеся утесы гор разделяли надежным рубежом поля и тех, и других. Иначе и там не замедлили бы возникнуть вновь убийства, грабежи и пожары. Франки были настолько разгневаны, что для того, чтобы не терпеть больше неудобств, они решили, что стоит начать против них открытую войну. Война та была начата и велась в течение тридцати трех лет с большим мужеством и с той, и с другой стороны, однако с бо́льшим ущербом для саксов, чем для франков.

Она могла закончиться быстрее, если бы не вероломство саксов. Трудно сказать, сколько раз побежденные и молящие короля [саксы] сдавались, обещали, что будут выполнять приказы, давали заложников, посылаемых ими без промедления, принимали направляемых к ним послов. А несколько раз они были так покорены и ослаблены, что даже пообещали обратиться к христианской религии и оставить обычай поклонения демонам. Но сколько раз они обещали сделать это, столько же раз они нарушали [свои обещания]. Невозможно уяснить вполне, к чему из двух они были более склонны. После того как началась война, едва ли проходил год, чтобы с ними не приключилась подобная перемена. Но сильный дух короля и всегдашнее его постоянство как при неблагоприятных, так и при благоприятных обстоятельствах не могли быть побеждены переменчивостью саксов и не [были] изнурены предпринятыми начинаниями. Карл не позволял, чтобы совершающие нечто подобное уходили от наказания. Сам [Карл] мстил за вероломство и назначал им заслуженное наказание, либо сам вставая во главе войска, либо посылая своих графов, пока все, кто имел обыкновение сопротивляться, не были сокрушены и подчинены его власти. Он переселил десять тысяч человек с женами и детьми из тех, что жили по обе стороны реки Эльбы, и, разделив их разными способами, разместил там и сям в различных областях Галлии и Германии. Считали, что война, которая велась столько лет[33], закончилась при выдвинутом королем и принятом [саксами] условии: саксы, отвергнув почитание демонов и оставив отеческие обряды, принимают таинства христианской веры и религии и, объединившись с франками, составляют с ними единый народ[34].

8. В ходе той войны, хотя она и тянулась по времени очень долго, сам Карл сталкивался в бою с врагом не более двух раз: один раз у горы, которая называется Оснегги, в месте под названием Теотмелли, и второй раз – возле реки Хаза; и это произошло в один и тот же месяц, с разницей в несколько дней [783]. В тех двух сражениях враги были до такой степени сокрушены и окончательно разбиты, что более не смели ни бросать вызов королю, ни противодействовать ему своим наступлением, если только не находились в каком-нибудь защищенном укреплением месте[35]. В той войне

Статуэтка Карла Великого. IX в. *Нессельштраус Ц.Г.* Искусство раннего средневековья. СПб., 2000. Ил. 61

были убиты многие занимавшие высшие посты как из франкской [знати], так и из знати саксов. И хотя на тридцать третий год война завершилась, в ходе ее в различных частях страны против франков возникало столь много других серьезнейших войн, которые король мастерски вел, что, рассматривая их, трудно решить, чему в Карле следует больше удивляться – стойкости в трудностях или его удаче. Ведь Саксонскую войну он начал на два года раньше Итальянской и не переставал вести ее, и ни одна из войн, которые велись еще где-либо, не была прекращена или приостановлена на какой-либо стадии из-за трудностей. Ибо Карл, величайший из всех тогда правивших народами королей, который превосходил всех благоразумием и величием души, никогда не отступал перед трудностями и не страшился опасностей тех [войн], которые предпринимал или вел. Напротив, он умел принимать и вести каждое начинание в соответствии с его природой, не отступаясь в трудной ситуации и не поддаваясь ложной лести удачи в ситуации благоприятной.

9. Так, во время длительной и почти беспрерывной войны с саксами, он, разместив в надлежащих местах гарнизоны вдоль границы, отправился в Испанию, [778] [лишь] после того как наилучшим образом приготовился к войне[36]. Преодолев ущелье Пиренеев, он добился капитуляции всех городов и замков, к которым приближался, и вернулся с целым и невредимым войском. Однако на обратном пути, на самом Пиренейском хребте, ему все же пришлось на короткое время испытать вероломство басков. В то время как растянувшееся войско [Карла] двигалось длинной цепью, как то обусловили характер места и теснин, баски, устроив засаду на самой вершине горы, ибо место, подходящее для устройства засады, находится в густых лесах, которых там великое множество, напав сверху, сбросили в лежащую ниже долину арьергард обоза и тех, кто шел в самом конце отряда и оберегал впереди идущих с тыла. Затеяв сражение, баски перебили всех до последнего и разграбили обоз, а затем, под защитой уже наступившей ночи, скрыв самое [существенное] из украденного, поспешно рассеялись в разные стороны. В этом деле баскам помогла и легкость вооружения, и характер местности, в которой происходило дело; напротив, тяжелое вооружение и пересеченность места сделали [франков] во всем неравными баскам. В этом сражении[37] со многими другими погибли стольник Эггихард, дворцовый управляющий Ансельм и Руодланд[38], префект Бретонской марки. И до настоящего времени невозможно было отомстить за содеянное, поскольку, совершив сие, враги так рассеялись, что даже не осталось и слуха, где и среди каких племен их можно найти.

10. Карл покорил и бриттов, которые жили на Западе, на одной из окраин Галлии, на берегу океана, и не повиновались его приказам. Послав к ним войско, он заставил их выдать заложников и пообещать, что они выполнят то, что он им прикажет[39]. После этого Карл с войском вновь вторгся в Италию и, пройдя через Рим, напал на Капую, город Кампании. Расположив там

лагерь, он стал грозить войной беневентцам, если те не сдадутся[40]. Арагис, их герцог, упредил войну, послав навстречу королю своих сыновей Румольда и Гримольда с большими дарами. Он предложил Карлу принять сыновей в качестве заложников, а сам обещал, что вместе со своим народом выполнит [любой] приказ, исключая то, что его обяжут предстать перед взором короля. Король же после того обратил больше внимания на выгоду для народа, чем на несгибаемость [воли герцога], принял предложенных ему заложников и согласился, в виде большого одолжения, не заставлять Арагиса предстать перед ним. Младшего сына герцога Карл оставил в качестве заложника, старшего же вернул отцу и, разослав послов во все стороны для того, чтобы те взяли с Арагиса и народа его клятвы в верности, отправился в Рим. Потратив там несколько дней на почитание святых мест, он вернулся в Галлию.

11. Внезапно начавшаяся затем Баварская война закончилась быстро. Она была вызвана одновременно и высокомерием, и беспечностью герцога Тассилона, который, поддавшись уговорам жены (дочери царя Десидерия, желавшей с помощью мужа отомстить за изгнание отца), заключил союз с гуннами[41], бывшими соседями баваров с востока, и попробовал не только не выполнить приказы короля, но и спровоцировать Карла на войну. Король, гордость которого была уязвлена, не мог стерпеть строптивость Тассилона, поэтому, созвав отовсюду воинов, Карл отправился с большим войском к реке Лех с намерением напасть на Баварию. Та река отделяла баваров от аламанов. Прежде чем вторгнуться в провинцию Карл, разбив лагерь на берегу реки, решил через послов узнать о намерениях герцога. Но тот, посчитав, что упорство не принесет пользы ни ему, ни его народу, с мольбою лично предстал перед королем, предоставив требуемых заложников, включая и сына своего Теодона. Более того, он клятвенно пообещал впредь не поддаваться ничьим подстрекательствам к мятежу против королевской власти. Так, той войне, которая, казалась, будет долгой, был положен самый быстрый конец. Впрочем, впоследствии Тассилон был призван к королю без дозволения вернуться обратно; управление же провинцией, которой он владел, было поручено не следующему герцогу, но [нескольким] графам[42].

12. После того как те волнения были улажены, была начата [другая] война – со славянами [789], которых у нас принято называть вильцами, а на самом деле (то есть на своем наречии) они зовутся велатабами[43]. В той войне среди прочих союзников королю служили саксы, которые последовали за знаменами короля согласно приказу, однако покорность их была притворной и далекой от преданности. Причина войны была в том, что ободритов, которые некогда были союзниками[44] франков, вильцы беспокоили частыми набегами и их невозможно было сдержать приказами [короля][45].

От западного океана на восток протянулся некий залив, длина которого неизвестна, а ширина же не превышает ста тысяч шагов, хотя во многих местах он и более узок[46]. Вокруг него живет множество народов: даны, так

же как и свеоны, которых мы называем норманнами, владеют северным побережьем и всеми его островами. На восточном берегу живут славяне, эсты и различные другие народы, между которыми главные – велатабы, с которыми тогда Карл вел войну. Всего лишь одним походом, которым он сам руководил, Карл так разбил и укротил [велатабов], что в дальнейшем те считали, что им не следует более отказываться от исполнения приказов [короля][47].

13. За войной со славянами последовала самая большая, за исключением Саксонской, война из всех, что вел Карл, а именно [та], что была начата против аваров или гуннов[48]. Эту войну Карл вел и более жестоко, чем прочие, и с самыми долгими приготовлениями. Сам Карл, однако, провел только один поход в Паннонию (ибо этот народ жил тогда в той провинции), а остальные походы поручил провести своему сыну Пипину, префектам провинций, а также графам и даже послам.

Лишь на восьмом году та война наконец была завершена, несмотря на то что вели ее очень решительно[49]. Сколько сражений было проведено, как много было пролито крови – тому свидетельство то, что Паннония стала совершенно необитаемой, а место, где была резиденция кагана, теперь столь пустынно, что и следа, что здесь жили люди, не осталось. Все знатные гунны в той войне погибли, вся слава их пресеклась. Все деньги и накопленные за долгое время сокровища были захвачены [франками]. В памяти человеческой не осталось ни одной начатой против франков войны, в которой франки столь обогатились и приумножили свои богатства. Ибо до того времени франки считались почти бедными, теперь же они отыскали во дворце гуннов столько золота и серебра, взяли в битвах так много ценной военной добычи, что по праву можно считать, что франки справедливо исторгли у гуннов то, что гунны прежде несправедливо исторгли у других народов. Только двое из знатных франков погибли тогда: Хейрик, герцог фриульский, был убит[50] из засады в Либургии горожанами приморского города Тарсатики, а Герольд, префект Баварии, – в Паннонии, в то время как он строил перед битвой с гуннами войско. Неизвестно, кто убил его и двух его сопровождающих, когда он выехал вперед, ободряя каждого воина. В остальном та война была для франков бескровной и имела самый благоприятный конец, хотя и тянулась довольно долго. После этой войны и саксонская пришла к завершению, соответствующему ее длительности. Начавшиеся после этого Богемская [805] и Лионская[51] войны не были долгими. Каждая из них закончилась быстро под руководством Карла Юного.

14. Последняя война была начата против норманнов, называемых данами [804–810]. Вначале они занимались пиратством, затем при помощи большого флота разорили берега Галлии и Германии. Король норманнов Годфрид до такой степени был исполнен пустой спеси, что надеялся владеть всей Германией. Фризию, как и Саксонию, он считал не иначе, как своими провинциями. Он уже подчинил себе своих соседей ободритов, сделав их сво-

ими данниками. Он похвалялся, что скоро войдет с большим войском в Ахен, где был двор короля. Истинность его слов, хотя и пустых, не оспаривалась [никем]. Скорее полагали, что он предпримет нечто подобное. Его остановила только внезапная смерть. Убитый собственным телохранителем, он положил конец и своей жизни, и войне, им развязанной.

15. Таковы были войны, которые с великой мудростью и удачей вел самый могущественный король в различных частях земли в течение 47 лет (ведь столько лет он царствовал). В тех войнах он столь основательно расширил уже достаточно большое и могущественное королевство франков, полученное от отца Пипина, что прибавил к нему почти двойное количество [земель]. Ведь раньше власти короля франков подчинялись только та часть Галлии, что лежит между Рейном, Легером и [Атлантическим] океаном к Балеарскому морю; часть Германии, населенная франками, называемыми восточными, что располагается между Саксонией и [реками] Данубием, Рейном и Салой, которая разделяет туринов и сорабов; кроме того, власть королевства франков распространялась на аламанов и баваров. Карл же подчинил в упомянутых войнах сначала Аквитанию[52], Васконию и весь хребет Пиренейских гор вплоть до реки Ибер[53], которая начинается у наваров и рассекает плодороднейшие поля Испании, вливаясь в Балеарское море под стенами города Дертосы[54]. Затем он присоединил всю Италию, протянувшуюся на тысячу и даже более миль от Августы Претории до южной Калабрии[55], где, как известно, сходятся границы греков и беневентцев. Потом он присоединил Саксонию, которая является немалой частью Германии и, как полагают, вдвое шире той ее части, что населена франками, хотя, возможно, и равна ей по длине; после того – и ту, и другую Паннонию[56], Дакию, расположенную по ту сторону Данубия, а также Истрию, Либурнию и Далмакию, за исключением приморских городов, которыми вследствие дружбы и заключенного союза Карл разрешил владеть константинопольскому императору. Наконец, он так усмирил все варварские и дикие народы, что населяют Германию между реками Рейном, Висулой, а также океаном и Данубием (народы те почти схожи по языку, но сильно отличаются обычаями и внешностью), что сделал их данниками. Среди последних самые замечательные [народы]: велатабы, сорабы, ободриты, богемцы; с ними Карл сражался в войне, а остальных, число которых гораздо больше, он принял в подчинение [без боя][57].

16. Славу своего правления он приумножил также благодаря завязанной дружбе с некоторыми королями и народами. Альфонса, короля Галисии и Астурии, он связал столь близким союзом, что тот, когда посылал к Карлу письма[58] или послов, приказывал называть себя не иначе, как «принадлежащим королю». Он приобрел такое расположение королей скоттов[59], плененных его щедростью, что те называли его не иначе, как господином, а себя – его подданными и рабами. Сохранились письма[60], посланные от них к Карлу, в которых высказываются такие их к нему чувства. С королем Аaро-

ном Персидским[61], который, за исключением Индии, владел почти всем Востоком, Карл имел в дружбе такое согласие, что тот предпочитал его благосклонность дружбе всех королей и правителей, какие только есть в целом круге земном. Только одному Карлу он считал необходимым уделять почести и [приносить] щедрые дары. И поэтому, когда послы Карла, которых тот послал с дарами к святому гробу и месту воскресения Господа, нашего Спасителя, пришли к Аарону и сообщили ему о желании своего господина, Аарон не только позволил им сделать то, о чем они просили, но даже разрешил записать это место нашего спасения под власть Карла[62]. Присоединив к возвращающимся послам своих, он направил Карлу замечательные дары, вместе с одеждой, пряностями и другими богатствами из восточных земель [807]. А ведь несколькими годами ранее Аарон послал ему единственного имевшегося у него слона, ибо Карл попросил об этом[63]. И императоры Константинополя Никифор, Михаил и Лев [813–820], добровольно искавшие с ним дружбы и союза, слали к нему многочисленных послов. Однако, когда Карл принял титул императора, у них появилось опасение, будто бы он хочет исторгнуть у них императорскую власть. Тогда Карл заключил с ними очень крепкий союз, чтобы у сторон не осталось никакого повода для возмущения[64]. Ибо могущество франков всегда внушало опасение римлянам и грекам. Отсюда и существующая греческая поговорка: *имей франка другом, но не соседом*.

17. Хотя Карл отдавал столько сил расширению королевства и покорению чужих народов и постоянно был занят такого рода деяниями, в различных местах он начал множество работ, относящихся к украшению и благоустройству королевства, а некоторые даже завершил[65]. Среди них по всей справедливости выдающимися можно назвать базилику Святой Богоматери в Ахене, строение удивительной работы, и мост у Могонтиака[66] через Рейн, длиной в пятьсот шагов, ибо такова ширина реки в том [месте]. Однако мост сгорел при пожаре за год до того, как умер Карл. Его не успели восстановить из-за скорой смерти Карла, который задумал выстроить вместо деревянного моста каменный. Он начал возводить и замечательной работы дворцы: один недалеко от города Могонтиака, возле поместья Ингиленгейм[67], другой – в Новиомаге[68], на реке Ваал, что течет вдоль южной части полуострова. Но особенно важно то, что, если он узнавал о рухнувших от старости храмах, в каком бы месте его королевства они ни находились, он приказывал епископам и пастырям, в чьем ведении они были, их восстанавливать, а сам следил через посланников, чтобы повеления его выполнялись. Во время войны против норманнов он снарядил флот, построив для этого корабли на реках Галлии и Германии, которые впадают в Северное море. И поскольку норманны постоянными набегами опустошали побережье Галлии и Германии, Карл у всех портов и у устьев рек, которые казались доступными для кораблей [неприятеля], разместил дозоры, сторожевые посты и возвел такие укрепления, чтобы враг нигде не смог высадиться на берег.

Ахенская капелла. Интерьер. *Нессельштраус Ц.Г.* Искусство раннего средневековья. СПб., 2000. С. 238. Ил. 27

То же он сделал на юге вдоль побережья Нарбоннской провинции и Септимании, а также по всему побережью Италии вплоть до Рима против мавров, незадолго до этого занявшихся пиратством. Благодаря этому при жизни Карла не было тяжелого урона ни у Италии и Галлии от мавров, ни у Германии от норманнов, и лишь Центумелла[69], город в Этрурии, был разграблен маврами вследствие предательства, а во Фризии несколько соседствующих с германским побережьем островов были опустошены норманнами.

18. Как известно, подобным образом Карл охранял, расширял и, вместе с тем, украшал королевство.

Теперь я приступаю к изложению его талантов и неизменного совершенства его духа в любых, как благоприятных, так и неблагоприятных, обстоятельствах и прочего касающегося его частной и домашней жизни. После смерти отца Карл, разделив царство с братом, столь терпеливо сносил его вражду и зависть, что всем казалось чудом, что он смог не поддаться гневу. Затем, побуждаемый матерью, он взял в жены дочь Десидерия, короля лангобардов, которую оставил через год по неизвестной причине, и вступил в брак с Хильдегардой, очень знатной женщиной из племени швабов, от которой имел трех сыновей, а именно Карла, Пипина и Людовика, и столько же дочерей – Ротруду, Берту и Гизеллу[70]. Было у него и еще три дочери – Теодората, Хильтруда и Руотхильда: две от его [третьей] жены Фастрады, происходившей от восточных франков, то есть из племени германцев, третья же от наложницы, имя которой я не упомню. После смерти Фастрады он женился на аламанке Лиутгарде, от которой детей не было, а после ее смерти имел трех наложниц: Херсвинду из Саксонии, от которой была рождена дочь по имени Адальтруда, Регину, родившую Дрогона и Гуго, и Адалинду, которая произвела на свет Теодориха. Мать же Карла, Бертрада, жила до старости возле него в большом почете. Ибо Карл относился к ней с величайшим уважением, так что ни одной ссоры не возникало между ними, за исключением той, что произошла из-за расторжения брака с дочерью короля Десидерия, на которой он женился по ее совету. Бертрада умерла после смерти Хильдегарды, после того как увидела в доме сына трех своих внуков и столько же внучек. Карл похоронил ее с большими почестями в той самой базилике Святого Дионисия, в которой был похоронен [его] отец.

У Карла была единственная сестра, по имени Гизелла, еще с юных лет отправленная [в монастырь] для религиозного служения, о которой, так же как и о матери, он очень нежно заботился. Она умерла незадолго до кончины [Карла] в том же монастыре, в котором жила.

19. Он также придавал значение образованию своих детей, [желая], чтобы как сыновья, так и дочери в первую очередь обучались свободным искусствам, которыми он занимался и сам. Затем, как только позволил их возраст, он начал обучать сыновей верховой езде по обычаю франков, владению оружием и охоте; дочерям же приказал учиться прясть, привыкать к ве-

ретену и прялке, чтобы не сидели в праздности, но занимались трудом, обучаясь всяческим добродетелям.

Из всех детей ему выпало пережить двоих сыновей и одну дочь: он лишился Карла, старшего сына; Пипина, которого он поставил королем в Италии; и Ротруды, старшей из дочерей, сосватанной за греческого императора Константина. Его сын Пипин оставил после себя одного сына, Бернарда, а также пять дочерей – Аделаиду, Атулу, Хиндраду, Бертраду и Теодорату. Карл выказал ясное свидетельство своего к ним милосердия, поскольку после смерти своего сына Пипина [разрешил] своему внуку занять место отца, а внучек воспитывал вместе со своими дочерьми.

Смерть своих сыновей и дочерей он, вследствие любви к ним, переносил не так стойко, как то соответствовало неординарной стойкости его духа, и разражался слезами. И узнав о кончине римского папы Адриана, который был его близким другом, он плакал так, словно утратил брата или любимого сына.

В дружеских отношениях Карл был уравновешен, легко их допускал и сохранял крепкими, свято заботясь о тех, с кем завязал подобную близость.

О воспитании сыновей и дочерей он заботился настолько, что, оставшись дома, никогда не обедал без них и никогда без них не отправлялся в путь. Сыновья ехали верхом [рядом] с ним, а дочери следовали позади, охраняемые арьергардом предназначенных для этого стражников. Дочерей своих, поскольку они были очень красивыми, он сильно любил и, представьте себе, ни одну из них не пожелал отдать в жены ни своим людям, ни чужеземцам; всех он удерживал дома вплоть до своей смерти, говоря, что не может обойтись без их близости. Из-за этого он, хоть и счастливый во всем остальном, испытал удары злосчастной судьбы. Однако он не подавал виду, как будто бы относительно их и никаких подозрений не возникало, и не рассеивались слухи[71].

20. У него был сын по имени Пипин, рожденный от наложницы, которого я не упомянул среди других его детей, красивый лицом, но обезображенный горбом. В то время как отец, предпринявший войну против гуннов, зимовал в Баварии, он, притворившись больным, составил заговор против отца с некоторыми знатными франками, которые соблазнили его лживым обещанием царской власти. После того как заговор был раскрыт и заговорщики осуждены, Пипин был пострижен и Карл разрешил ему посвятить себя в Прюмском монастыре религиозной жизни, которой он пожелал. Помимо этого возникали и другие серьезные заговоры против Карла в Германии. Заговорщики, одних из которых ослепили, а других оставили невредимыми, были отправлены в изгнание. Из них были убиты лишь трое. Они, чтобы не быть схваченными, оборонялись, обнажив мечи, и даже убили кого-то. Их лишили жизни, поскольку иначе их невозможно было усмирить. Полагают, однако, что причиной тех заговоров была жестокость королевы Фастрады, ибо заговоры были составлены против короля в обоих случаях из-за того,

что он, поддавшись жестокости жены, кажется, слишком отклонился от своей природной доброты и присущей ему мягкости. В остальном на протяжении всей своей жизни Карл обращался со всеми, как дома, так и вне его, с такой большой любовью и благожелательностью, что никогда никто не мог упрекнуть его и заметить хотя бы в малейшей несправедливости или жестокости[72].

21. Он любил чужеземцев и весьма заботился о том, как их принять, так что их многочисленность, по справедливости, казалась обременительной не только для дворца, но и для королевства[73]. Однако сам он, благодаря величию души, меньше всего тяготился такого рода бременем, поскольку даже значительные неудобства окупались приобретением славы о его щедрости и снисканием доброго имени.

22. Он обладал могучим и крепким телом[74], высоким ростом, который, однако, не превосходил положенного, ибо известно, что был он семи его собственных ступней в высоту. Он имел круглый затылок, глаза – большие и живые и огромные, нос чуть крупнее среднего, красивые волосы, веселое привлекательное лицо. Все это весьма способствовало внушительности и представительности его облика, и когда он сидел, и когда он стоял. И хотя его шея казалась толстой и короткой, а живот выступающим, однако это скрывалось соразмерностью остальных членов. Поступь его была твердой, внешний вид мужественным, однако голос, хотя и звучный, не вполне соответствовал его облику.

Здоровье его было отменным, за исключением того, что в течение [последних] четырех лет жизни он страдал от часто повторяющейся лихорадки, а под конец еще прихрамывал на одну ногу. Но и тогда он скорее поступал по-своему, чем по совету врачей, которых почти ненавидел, поскольку те убеждали его отказаться от жареной пищи, к которой он пристрастился, и привыкнуть к вареной. Он постоянно упражнялся в верховой езде и охоте, что было для него, франка, естественным, поскольку едва ли найдется на земле какой-нибудь народ, который в этом искусстве мог бы сравниться с франками. Ему нравилось париться в природных горячих источниках, и он упражнял тело частым плаванием. В нем он был столь искусен, что его воистину никто не мог обогнать. Вот почему он даже дворец в Ахене возвел и там постоянно жил в последние годы жизни до самой смерти. Он приглашал купаться не только сыновей, но и знать и друзей, а иногда даже свиту, телохранителей и охранников, так что иногда сто и более человек купались одновременно.

23. Карл носил традиционную франкскую одежду. Тело он облачал в полотняные рубаху и штаны, а сверху [надевал] отороченную шелком тунику, обернув голени тканью. На ногах его были онучи и обувь, а зимой он защищал плечи и грудь, закрыв их шкурами выдр или куниц. Поверх он набрасывал сине-зеленый плащ и всегда препоясывался мечом, рукоять и перевязь которого были из золота или из серебра. Иногда он брал меч, украшенный драгоценными камнями, однако это случалось только во время особых тор-

жеств или же если прибывали чужеземные послы. Иноземную же одежду, даже самую красивую, он презирал и никогда не соглашался надевать ее. Только однажды, в Риме, по просьбе папы Адриана и потом еще по просьбе его преемника Льва, он облачился в длинную до колен тунику и греческую хламиду, а также обул сделанные по римскому обычаю башмаки.

[Лишь] на торжествах он выступал в вытканной золотом одежде, украшенной драгоценными камнями обуви, застегнутом на золотую пряжку плаще и в короне из золота и самоцветов. В остальные дни его одежда мало чем отличалась от той, что носят простые люди.

24. Он был умерен в еде и питье, особенно в питье, ибо больше всего ненавидел пьянство в ком бы то ни было, не говоря уже о себе и о своих близких. Однако от пищи он не мог долго воздерживаться и часто жаловался на то, что пост вреден для его тела. Пировал он очень редко, и то лишь по большим праздникам, но при этом с большим количеством людей. Повседневный обед обычно готовился лишь из четырех блюд, не считая жаркого, которое охотники обыкновенно подавали на вертелах и которое Карл любил есть больше какого-либо другого кушанья. Во время трапезы он слушал или чтеца, или какое-нибудь выступление. Читали [же] ему об истории и подвигах древних. Он любил и книги святого Августина, особенно те, что озаглавлены «О граде Божием». В питье вина и прочих напитков он был так воздержан, что за обедом редко пил более трех раз.

Летним днем, после обеда, он съедал какой-нибудь плод и пил [еще] один раз, [затем], сняв с себя всю одежду и обувь, оставался без всего, словно ночью, и в течение двух или трех часов отдыхал. Ночью же сон его прерывался четыре или пять раз так, что он не только просыпался, но и вставал с постели.

Во время одевания и обувания он принимал не только друзей, но даже [и спорящихся]; если дворцовый управляющий говорил, что возникла некая тяжба, которую не могли окончить без его постановления, он тотчас же приказывал привести их и, будто сидя в судейском кресле, разобравшись, выносил приговор. Помимо этого, если в тот день нужно было заниматься каким-нибудь государственным делом или поручить что-то одному из министров, он делал это в такое же время.

25. Он был многословен и красноречив и мог яснейшим образом выразить все, что хотел. Не довольствуясь лишь родной речью, он старался изучить иностранные языки. Латинский он изучил так, что обыкновенно молился на нем, словно на родном, но по-гречески он больше понимал, нежели говорил. При этом он был столь многословен, что даже казался болтливым. Он усердно занимался свободными искусствами и весьма почитал тех, кто их преподавал, оказывая им большие почести. Грамматике он обучался у дьякона Петра Пизанского[75], который был тогда уже стар, в других науках его наставником был Альбин, прозванный Алкуином[76], также дьякон, сакс из Британии, муж во всем мире ученейший. Под его началом Карл много

времени уделил изучению риторики, диалектики, особенно астрономии. Он изучал искусство вычислений и с усердием мудреца пытливо выведывал пути звезд. Пытался он и писать и для этого имел обыкновение держать на ложе, у изголовья, дощечки или таблички для письма, чтобы, как только выпадало свободное время, приучить руку выводить буквы, но труд его, начатый слишком поздно и несвоевременно, имел малый успех[77].

26. Он свято и преданно почитал христианскую религию, в которой был наставлен с детства. Вот почему он воздвиг в Ахене исключительной красоты базилику, украсив ее золотом, серебром, светильниками, а также вратами и решетками из цельной бронзы. Поскольку колонны и мрамор для этой постройки нельзя было достать где-либо еще, он позаботился о том, чтобы его привезли из Рима и Равенны[78].

Он ревностно и часто посещал церковь – и утром, и вечером, и даже в ночные часы, и на заутреню, насколько позволяло здоровье, и весьма заботился, чтобы все, что в ней совершалось, проходило наиболее достойно. Он не уставал напоминать служителям, чтобы они не дозволяли приносить внутрь ничего неподобающего или непристойного. Он обеспечил ее таким изобилием священных сосудов из золота и серебра и одежды для священнослужителей, что во время отправления обрядов даже привратникам низшего церковного звания не было необходимости служить в собственном платье. Он старательно улучшал порядок пения псалмов и церковного чтения. Ведь он был совершенен и в том, и в другом, хотя сам не читал на людях, а пел лишь вместе с другими и тихим голосом.

27. Карл деятельно занимался поддержкой бедных и бескорыстным милосердием, которое греки называют eleimosinam [милостыней]. Он не забывал подавать милостыню не только на родине и в своем королевстве, но даже за морями – в Сирии и Египте, а также в Африке, Иерусалиме, Александрии и Карфагене. Когда он узнавал, что где-то христиане живут в бедности, то обычно, сочувствуя их нужде, посылал им деньги. Именно поэтому он искал дружбы заморских королей, чтобы для живущих под их властью христиан наступило некое утешение и облегчение. В Риме более других священных и почитаемых мест Карл заботился о церкви блаженного апостола Петра, в сокровищницу которой он пожертвовал большие суммы денег как золотом, так и серебром и драгоценностями. Множество бесчисленных даров он послал епископам. За все время правления для Карла не было ничего желаннее, чем вернуть Риму собственными трудом и усилиями былое величие и положение. Он хотел, чтобы благодаря ему церковь Святого Петра была не только цела и невредима, но при его поддержке превосходила бы все прочие церкви красотой и богатством. И хотя он ценил Рим столь высоко, за сорок семь лет своего правления он ездил туда лишь четыре раза – исполнить обеты и помолиться[79].

28. Для последнего приезда Карла были и другие причины. Дело в том, что римляне, которые подвергли папу Льва многому насилию, выколов ему

глаза и вырвав язык, принудили его молить короля о защите. Поэтому, отправившись в Рим, чтобы восстановить [прежнее] положение дел в церкви, пришедших в полный беспорядок, он задержался там на всю зиму. Именно тогда он принял имя императора и Августа, чего вначале совершенно не желал и утверждал, что если бы знал заранее о замысле папы, то в тот день не пошел бы в церковь, несмотря на то что это был один из главных праздников. И с великим терпением он переносил зависть римских императоров, негодовавших на то, что он принял это звание. Их упорство Карл победил своим великодушием, которым он, несомненно, их превосходил, посылая к ним частые посольства и в письмах называя их братьями.

29. Приняв императорский титул, Карл обратил внимание на то, что многое в законах его народа было несовершенно – ведь франки имели два закона[80], которые во многих местах очень различались. Он задумал добавить то, что недоставало, устранить расхождения и исправить плохо или с ошибками изложенное. Ничего из этого он не исполнил, если не считать того, что добавил к законам несколько глав, но и они не были завершены. Однако он приказал описать и письменно изложить устные законы всех подвластных ему народов.

Также он [приказал] записать и увековечить и старинные варварские песни, которые воспевали деяния и войны прежних королей. Он положил начало и грамматике родного языка.

[Карл] также дал названия месяцам на собственном языке. До этого времени франки именовали их отчасти по-латыни, отчасти на варварском наречии. Он установил собственные имена для двенадцати ветров, хотя раньше для них имелось не более четырех названий.

Если говорить о месяцах, то январь он назвал винтарманот, февраль – орнунг, март – лентзинманот, апрель – остарманот, май – виннеманот, июнь – бракманот, июль – эвманот, август – аранманот, сентябрь – витуманот, октябрь – виндумеманот, ноябрь – эрбистманот, декабрь – эйлагманот[81].

Ветрам же Карл положил такие имена: восточный ветер стал называться остронивинт, юго-восточный – остсундрони, юго-юго-восточный – сундострони, южный – сундрони, юго-юго-западный – сундвестрони, юго-западный – вестсундрони, западный – вестрони, северо-западный – вестнордрони, северо-северо-западный – нордвестрони, северный – нордрони, северо-северо-восточный – нордострони, северо-восточный – остнордрони.

30. В конце жизни, когда его тяготили болезнь и старость, Карл призвал к себе Людовика, короля Аквитании, единственного из сыновей Хильдегарды, оставшегося в живых. Собрав надлежащим образом со всего королевства знатнейших франков, Карл, при всеобщем согласии, поставил сына соправителем всего королевства и наследником императорского титула. Возложив на его голову корону, Карл приказал именовать Людовика императором и Августом. Это решение с одобрением было поддержано всеми присутствую-

щими, ибо казалось, что оно было вдохновлено свыше на благо всего государства. И это деяние приумножило авторитет Карла [дома] и внушило огромный страх чужеземным народам.

Затем, отослав сына обратно в Аквитанию, он, хотя и немощный от старости, по своему обыкновению, отправился поохотиться неподалеку от ахенского дворца и, проведя за этим занятием остаток осени, на Ноябрьские календы вернулся в Ахен. Зимуя там, в январе он слег, охваченный сильной лихорадкой. Тотчас же, как обычно при лихорадках, он начал поститься, полагая, что такое воздержание от еды сможет прогнать болезнь или, по крайней мере, облегчить [ее]. Но к жару присоединилась боль в боку, которую греки называют «плевритом», однако он все еще продолжал воздерживаться от еды, подкрепляя тело лишь редким питьем. На седьмой день, после того как он слег в постель, приняв святое причастие, он умер. Это случилось на семьдесят втором году его жизни, из которой сорок семь лет он правил, в пятый день перед Февральскими календами, в три часа дня[82].

31. Тело его было омыто и убрано по установленному обряду. При великом плаче всего народа оно было внесено в церковь и погребено[83]. Сперва сомневались, где его надлежит похоронить, ибо сам он при жизни не оставил об этом никаких распоряжений. Затем все согласились, что нигде для него не найти гробницы достойнее той самой базилики, которую сам он, из любви к Богу и Господу нашему Иисусу Христу и в честь святой приснодевы Марии, Богородицы, построил в том поселении на собственные средства. Там он и был погребен в тот же день, в который умер. Поверх его гробницы была воздвигнута позолоченная арка с его изображением и надписью. Эпитафия была такова: *Под этим камнем лежит тело великого и правоверного Императора Карла, который знатно расширил королевство франков и правил счастливо сорок семь лет. Умер семидесяти лет, в год Господень DCCCXIIII, индикта VII, V кал., февр.*

32. Приближение его кончины было отмечено многими знамениями, так что не только другие, но и он сам увидели в них угрозу[84]. На протяжении трех последних лет его жизни случались частые затмения и солнца, и луны, а на солнце в течение семи дней видели черное пятно. Величественная громада портика, что был сооружен между базиликой и дворцом, в день Вознесения Господа неожиданно обрушилась до основания. А мост через Рейн возле Могонтиака, который Карл в течение десяти лет сооружал с такими искусством и огромным трудом, что, казалось, тот сможет стоять вечно, случайно воспламенившись, сгорел в пожаре за три часа так, что ни щепки от него не осталось (за исключением подводной части). И сам Карл во время последнего похода в Саксонию против короля данов Годфрида, однажды выйдя перед восходом солнца из лагеря и уже выступив в путь, внезапно увидел, что справа налево в чистом воздухе в ярком свечении пронеслось упавшее с неба пламя. Пока все удивлялись этому знамению и тому, что оно предвещает, лошадь, на которой ехал Карл, неожиданно уронила голову и

Реконструкция дворца Кара Великого в Ахене.
Ballough D. The Age of Charlemagne. L., 1965. P. 161. Il. 6

упала, с такой силой бросив его на землю, что на его плаще лопнула пряжка, а перевязь меча разорвалась. Он был поднят поспешившими к нему слугами, что были рядом, те сняли с него вооружение и верхнее платье. Даже копье, которое он в тот момент крепко держал в руке, выпало и пролетело двадцать или более футов.

Кроме того, Ахенский дворец часто сотрясался, а в покоях, где пребывал Карл, постоянно трещали потолки. А базилику, в которой Карл был позднее погребен, поразило с неба, и золотое яблоко, украшавшее самый верх кровли, от удара молнии раскололось и было отброшено на примыкавший к базилике дом епископа. В той же базилике по краю карниза, расположенного между арками верхнего и нижнего ярусов, который огибал внутреннюю часть храма, красной охрой была нанесена надпись, говорящая, кто был создателем этого храма; в первой ее строке были слова: *Карл Принцепс*. Было замечено, что в самый год смерти императора, за несколько месяцев до его кончины, буквы в слове *Принцепс* так поблекли, что почти не

были видны. Однако на все упомянутые знамения Карл или не обращал внимания, или игнорировал их, как если бы ничто из них его самого никаким образом не касалось.

33. Он начал составлять завещание, по которому часть наследства доставалась дочерям и детям, родившимся от наложниц. Однако, начав слишком поздно, он не сумел довести дело до конца. За три года до кончины Карл разделил в присутствии своих друзей и слуг сокровища, деньги, одежду и утварь. Призвав их в свидетели, он пожелал, чтобы после его кончины сделанное им разделение при их одобрении осталось неизменным. Он составил краткий документ, в котором излагалась его воля в отношении того, что он разделил. Содержание и текст этого документа таковы: *во имя Всемогущего Господа Бога, Отца и Сына и Святого Духа.*

Описание и раздел собственных сокровищ и денег, сделанный славнейшим и боголюбивейшим государем Карлом, императором и Августом, в 811 год от воплощения Господа нашего Иисуса Христа, в сорок третий год его правления во Франкии, в тридцать шестой год его правления в Италии, на одиннадцатый год его императорства, в четвертый год индикта. Раздел имущества, находившегося в означенный день в его хранилище, Карл постановил сделать при благочестивом и мудром размышлении и осуществил его с Божьей помощью.

Делая это, он особенно желал предусмотреть то, чтобы не только дарование милостыни, должным образом производимое христианами из их собственности, осуществлялось от его имени и из его денег упорядоченно и обоснованно, но чтобы его наследники при отсутствии всякой неясности твердо знали, что им должно причитаться и могли без споров и взаимопритязаний разделить назначенные им доли. Исходя из этих замысла и намерения, он, как было сказано, сперва разделил все средства и имущества, что в означенный день находились в его хранилище в золоте, серебре, драгоценностях и королевских одеяниях на три части. Затем, оставив одну часть нетронутой, он разделил две другие на XX и одну долю. Эти две части были разделены на XX и одну долю потому, что, как известно, в его королевстве находится двадцать один город – церковная метрополия. Каждая из тех частей должна была быть передана его наследниками и друзьями в виде милостыни одной из метрополий. Архиепископ, стоящий в то время во главе данной церкви и принимающий выделенную его церкви часть, должен разделить ее со своими епископами следующим образом: третья часть должна остаться его церкви, а две другие делятся между епископами. Каждая из известного числа XX и одной существующей метрополии долей, что получены из первых двух разделенных частей, была тщательно отделена от других и уложена в свой ящик, с надписью города, которому ее надлежит передать.

Имена метрополий, которым должна быть передана указанная милость или подаяние, таковы: Рим, Равенна, Медиолан, Форум Юлия, Градус, Колония, Могонтиак, Ювавум (или Зальцбург), Треверы, Сеноны, Везонтион, Луг-

дунум, Ратумагус, Ремы, Арелас, Виена, Дарантазия, Эбродунум, Бурдигала, Туронес, Битуриги[85].

Часть, которую он пожелал сохранить нетронутой, делится так. После того как две упомянутым образом разделенные части будут распределены и опечатаны, эта треть должна находиться в повседневном обращении как вещь, о которой известно, что она не отчуждена от собственности ее обладателя в силу какого-либо обещания. Это сохраняется до тех пор, пока он находится в здравии или заявляет о необходимости пользоваться ею. А после его смерти или добровольного отказа от мирских дел эта часть должна быть разделена еще на четыре части. Первую четверть следует добавить к вышеназванным XX и одной. Вторая четверть назначается его сыновьям и дочерям, а также сыновьям и дочерям его сыновей и должна быть между ними справедливо и разумно разделена. Третья четверть по христианскому обыкновению расходуется на нужды бедных. Четвертая четверть сходным образом в виде милостыни идет на поддержание дворцовой челяди, распределяясь в пользование слуг и служанок. К этой третьей части всего его состояния, которая, как и другие части, состоит из золота и серебра, он пожелал присоединить все вазы и утварь из бронзы, железа и других металлов вместе с оружием, одеждой и иным изготовленным для различных нужд ценным и малоценным имуществом, как, например, занавеси, покрывала, гобелены, шерстяные ткани, кожи, упряжь и все, что на этот момент находилось в его хранилище и сундуках, чтобы за счет этого возросли доли этой третьей части и до большего числа людей дошла раздача милостыни.

Относительно капеллы, то есть утвари [Ахенской] церкви, как той, что он сам дал и собрал, так и той, что досталась ему по наследству от отца, он приказал, чтобы все оставалось в целости и никоим образом не делилось. А если найдутся сосуды, книги или иное имущество, о котором доподлинно известно, что они были помещены в эту капеллу не им, и если кто-либо захочет иметь их, то тот может сделать это, приобретя по справедливо назначенной цене. Относительно книг, которые он собрал в своей библиотеке великое множество, Карл сходным образом постановил, что те, кто пожелает владеть ими, должны их выкупить по справедливой цене, а выплаченные деньги должны быть розданы бедным.

Среди других сокровищ и имения [у Карла] были три серебряных стола и один, особенно большой и тяжелый, из золота. Относительно них он распорядился и постановил следующим образом. Один из них, квадратный, имеющий изображение города Константинополя, вместе с прочими предназначенными для того дарами надлежит передать в Рим, базилике блаженного апостола Петра. Другой, круглый, стол, украшенный изображением города Рима, надлежит отправить епархии церкви Равенны. Третий стол, превосходящий остальные красотой исполнения и внушительным весом, имеющий тонко прорисованную в виде трех кругов подробную карту всего мира, он

постановил отдать на увеличение той трети, что должна быть разделена между его наследниками и направлена на милостыню. Туда же надлежит отдать золотой стол, упомянутый четвертым.

Карл сделал и утвердил сие описание и распределение имения перед епископами, аббатами и графами, которые тогда смогли присутствовать. Их имена перечислены. Епископы: Хильдибальд, Рикульф, Арн, Вольфарий, Бернойн, Лейдрад, Иоанн, Теодульф, Иессе, Хейто, Вальтгауд. Аббаты: Фридугис, Адалунг, Ангильберт, Херменон. Графы: Вала, Мегинхер, Отульф, Стефан, Унруок, Бурхард, Мегинхард, Гаттон, Ригвин, Эдон, Эркангарий, Герольд, Берон, Хильдегерн, Рокульф[86].

Людовик, сын Карла и Божьей волей наследник, изучил этот документ и после смерти отца сколь мог быстро и со всем тщанием постарался исполнить.

Перенесение мощей и чудеса святых Марцеллина и Петра

Книга I

1. Находясь при дворе и занимаясь мирскими делами, я часто помышлял об отдыхе, желая когда-нибудь им насладиться. Благодаря щедрости короля Людовика, я стал невольным обладателем некоего уединенного поместья, весьма удаленного не только от людской суеты, но и от самого короля, которому тогда служил. Это поместье находится в Германии, в лесах, что простираются между реками Некрумом и Майном. В наше время от обитающих вокруг него жителей оно получило название Оденвальд.

Там, соразмерно своему состоянию и [возможным для меня] расходам, я построил не только дома и обиталища для ночлега, но и часовню, предназначенную для совершения божественной службы, воздвигнув ее в изящном стиле. Я долго сомневался, чьим именем – святого или мученика – ее назвать и кому из величайших святых посвятить. После того как я, пребывая в душевных терзаниях, обдумывал это в течение длительного времени, случилось так, что некий диакон римской церкви, по имени Деусдона[87], приехал ко двору[88], дабы молить короля о помощи [в разрешении] собственных нужд. Он замешкался там на какое-то время и, завершив дела, ради которых прибыл, намеревался возвратиться в Рим.

Однажды ради учтивости я пригласил чужеземца к себе, дабы разделить с ним нашу скромную пищу. Переговорив о многих [вещах] за трапезой, мы в [нашем] разговоре подошли к теме, в которой упоминалось о перенесении тела блаженного Себастьяна[89]. Было сказано и о забытой могиле мучеников, находящейся в Риме среди многих других, [оставленных без внимания]. Затем, повернув разговор [к вопросу], касающемуся освящения моей новой

часовни, я стал расспрашивать [Деусдону], как бы мне получить для [нее] нечто из подлинных останков святых, которые покоятся в Риме.

Сначала он колебался и отвечал, что не знает, как можно это сделать. Но затем, когда заметил, что я одновременно и взволнован, и заинтересован этим делом, пообещал ответить на мою просьбу на следующий день. После того как я вновь пригласил его к себе, он достал из кармана свиток и протянул мне, попросив, чтобы я, оставшись наедине с собой, прочитал его и соблаговолил сказать, что я думаю относительно написанного там. Я принял свиток и, как было сказано, оставшись один, тайно прочитал его. В нем говорилось о том, что у него самого, в его доме, есть множество святых останков и что он желает подарить их мне, если благодаря оказанной мною помощи сможет вернуться в Рим. Он знал, что у меня есть два мула. Если я дам ему одного из них и пошлю с ним верного человека, могущего получить от него эти останки и переправить мне, то сам он, [как только вернется домой], тотчас вышлет их мне.

Предложенный план мне понравился, и я решил как можно скорее проверить истинность этого сомнительного предложения. А потому, после того как я дал ему вьючное животное, о котором он просил, и еще добавил денег на путевые расходы, я приказал отправиться с ним своему секретарю Ратлегу, который, согласно принятому обету, намеревался следовать в Рим на молебен.

Итак, они выехали из Ахенского дворца – ибо там в то время находился со своим двором император [Людовик] – и направились в святой Суассон[90]. Там у них состоялся разговор с Гильдуином, аббатом монастыря Сен-Медар[91], во время которой упомянутый диакон [Деусдона] пообещал, что сможет устроить передачу в собственность Гильдуина тела блаженного мученика Тибуртия. Соблазненный этими обещаниями Гильдуин послал с ними некоего пресвитера, хитреца по имени Гун, приказав ему привезти тело упомянутого мученика, как только он получит его от [Деусдоны].

Итак, выступив в путь, они направились к Риму и шли так быстро, как только могли.

2. Когда они вошли в Италию, случилось так, что мальчик-слуга моего секретаря, по имени Регинбальд, заболел лихорадкой, приступы которой случались на каждый третий день. Его болезнь стала немало мешать их продвижению, поскольку в то время, когда его одолевали приступы лихорадки, они не могли продолжать свой путь. Ведь численность их [отряда] была и так невелика, и потому они не хотели отделяться друг от друга. И хотя из-за недуга [мальчика] путь их был значительно замедлен, они невзирая на это пытались двигаться вперед так быстро, как только могли.

За три дня до того, как они достигли Города, охваченному лихорадкой [мальчику] было явлено видение, в котором некто в одеянии диакона спросил его, по какому делу господин его [Ратлег] торопится попасть в Рим. Когда [мальчик] поведал ему, насколько сам был осведомлен, и об обеща-

нии диакона [Деусдоны] послать мне останки святых, и о том, что Деусдона обещал аббату Гильдуину, [некто] сказал: «Все случится не так, как вы полагаете, а иначе; однако, цель, ради которой вы прибыли, будет достигнута. Тот самый диакон, который просил вас прибыть в Рим, либо вообще не исполнит обещанного, либо [исполнит лишь] малую часть. А потому я желаю, чтобы ты последовал за мной и обратил самое пристальное внимание на то, что я тебе покажу и расскажу». Затем, как показалось мальчику, сей некто обнял его рукой и заставил подняться вместе с собой на вершину высочайшей горы. Когда они встали там вместе, [некто] сказал: «Обернись на восток и внимательно посмотри на раскинувшуюся перед твоим взором равнину». Когда [Регинбальд] обернулся и посмотрел вниз на равнину, о которой было сказано, он увидел возведенные там здания огромных размеров, устремляющиеся ввысь, словно какой-то большой город. Некто спросил мальчика, знает ли тот, что это, и [мальчик] отвечал, что не знает.

«То, что ты видишь, – Рим», – сказал некто, и тотчас же добавил: «Пред твоим взором предстали отдаленные части Города. Вглядись, не увидишь ли ты в тех местах какую-нибудь церковь». После его слов [мальчик на самом деле] заметил некую церковь. Затем [некто] сказал: «Иди и передай Ратлегу, что в той церкви, которую ты только что увидел, сокрыты [те] останки, которые ему следует перенести своему господину. И пусть он приложит [все] усилия, чтобы получить их так быстро, как только сможет, и вернется к своему господину». Когда [мальчик] ответил, что никто из следовавших [вместе] с ним не поверит его словам, [некто] отвечал: «Ты знаешь, что те, кто держит с тобою путь, видят, что уже много дней ты страдаешь от трехдневной лихорадки и что ты все еще не поправился от нее». [Мальчик] согласился, сказав: «Всё так, как ты говоришь». [Некто] продолжал: «Поэтому я хочу, чтобы и у тебя, и у тех, кому ты должен передать сие, был бы знак, а именно: с этого часа ты милостью Божией излечишься от лихорадки, что одолевала тебя вплоть до нынешнего времени, дабы она более уже не беспокоила тебя в этом пути».

При этих словах [Регинбальд] проснулся и постарался тщательно передать Ратлегу все, что видел и слышал. Когда Ратлег поведал все это шедшему с ними пресвитеру [Гуну], они решили, что правдивость сна будет доказана подлинностью исцеления, ибо вследствие особенностей лихорадки в тот самый день у видевшего сон [мальчика] должен был случиться очередной приступ. Но как оказалось, сон был не пустым наваждением, а лучше сказать, был истинным откровением, поскольку ни в этот день, ни в последующие [мальчик] не ощущал в своем теле никакого признака привычной болезни. Так случилось, что они поверили видению [Регинбальда] и [уже] не полагались на обещанное диаконом [Деусдоной].

3. Итак, по прибытии в Рим они получили приют возле часовни блаженного апостола Петра, которая называлась [Св. Петром] в Оковах, в доме того самого диакона, с которым пришли. Там они находились в течение не-

скольких дней, ожидая исполнения его обещаний. Но он, как те, кто не в силах выполнить обещанного, скрывал свою неспособность за проволочками. В конце концов они обратились к нему и спросили, почему он пожелал обмануть их подобным образом. Одновременно они просили его не задерживать их более обманом и не отдалять их возвращение [домой], сея пустые надежды. Выслушав их, он понял, что больше не сможет водить их за нос разного рода увертками.

Сначала он признался моему секретарю, что не может передать обещанные мне реликвии, поскольку его брат, которому он оставил на время своего отсутствия дом и все имущество, отправился по делам в Беневент. Сам же он-де совершенно не знает, когда брат вернется. Те самые реликвии вместе с прочим имуществом он [тоже] отдал брату на хранение и не имеет представления о том, что с ними сделал его брат, поскольку так и не нашел их в доме. Посему он [не] знает, что и предпринять, ибо от его части [реликвий и имущества] не осталось ничего, на что можно надеяться.

После того как он высказал все это моему секретарю, [Ратлег] выразил недовольство тем, что Деусдона ввел его в заблуждение и плохо к нему отнесся. Я не знаю, с какими пустыми и бессмысленными словами Деусдона обратился к пресвитеру Гильдуина, но последний ушел от него, воодушевленный надеждой, подобной [той, что раньше была у нас]. На следующий день [Деусдона], увидев, как они опечалены, убедил их всех пойти с ним к местам захоронения святых. Ему казалось, что там можно найти что-то такое, что удовлетворит их желания, и им не придется возвращаться на родину с пустыми руками. Поскольку этот план им понравился, они захотели как можно скорее приступить к тому, к чему их побуждал Деусдона. Однако в своей обычной манере тот пренебрег этим делом и бросил их, на короткое время воспрянувших духом, в состоянии такого отчаяния от нового промедления, что, оставив его, они решили вернуться на родину, несмотря на то что их дело не было выполнено.

4. Однако мой секретарь, припомнив сон, виденный его слугой, принялся побуждать своего спутника [Гуна] идти осмотреть кладбища и без приютившего их Деусдоны, который [прежде] обещал сам отвести их туда. Итак, найдя провожатого, который бы показал им те места, они сначала пришли к часовне блаженного мученика Тибуртия на Лабикийской дороге[92], которая была расположена в трех милях[93] за Городом. Они обследовали гробницу мученика столь тщательно, как только могли, и внимательно изучили ее, чтобы понять, смогут ли они вскрыть ее так, чтобы никто не заметил. Затем они спустились в примыкавшую к той часовне крипту, в которой были погребены тела блаженных мучеников Христовых, Марцеллина и Петра. Осмотрев состояние и этой гробницы, они удалились, полагая, что смогут утаить свои действия от Деусдоны, но [все] произошло не так, как они предполагали. Тот быстро прознал об их деяниях, хотя, каким образом, они и сами не знали. А Деусдона, опасаясь, что они смогут достичь своей цели без

него, поспешил упредить замысленное ими. Любезно с ними поговорив, он побудил их идти туда вместе с ним, сказав, что обладает полным и всесторонним знанием тех мест. И если-де Господь соблаговолит услышать их молитвы, они вместе выполнят намеченный план, что бы им для этого не показалось необходимым сделать. Они откликнулись на его пожелание и при общем согласии установили время, в которое им надлежит отправиться.

Затем, выдержав трехдневный пост, они ночью, чтобы никто из жителей Рима их не заметил, отправились к тому месту. Войдя в часовню святого Тибуртия, они попытались сначала открыть тот алтарь, под которым, как они полагали, располагалось священное тело. Однако их сил в начатом деле оказалось недостаточно, ибо гробница была сделана из наипрочнейшего мрамора и легко противостояла попыткам вскрыть её безоружными руками. Поэтому, оставив могилу этого мученика, они спустились к могиле блаженных Марцеллина и Петра, и там, воззвав к Господу нашему Иисусу Христу и поклонившись святым мученикам, они с усилием сдвинули с места камень, закрывавший верх гробницы. После того как тот был снят, они увидели священнейшее тело святого Марцеллина, помещенное в верхней части гробницы, и мраморную доску, расположенную возле его головы. Надпись на ней ясно указывала, члены какого мученика покоились в этом месте.

Они подняли тело, как и подобало, с величайшим почтением и, поддерживая, обернули в чистое полотно. Затем они передали его диакону Деусдоне, чтобы тот перенес его и сохранил. А чтобы не осталось никаких признаков изъятия тела, они вернули каменную крышку на место и вернулись в Город, туда, где остановились. А диакон, уверяя, что может и желает сам хранить полученное тело блаженнейшего мученика возле часовни блаженного апостола Петра, называемой [Св. Петр] в Оковах, где у него был дом, передал его на хранение своему брату по имени Лунизон. Полагая, что сего моему секретарю достаточно, [Деусдона] начал побуждать его вернуться на родину, забрав тело блаженного Марцеллина.

5. Но [Ратлег] обдумывал и вынашивал в уме нечто совсем иное. Ибо, как после он сообщил мне, ему казалось, что не подобает возвращаться на родину только с телом блаженного Марцеллина. Было бы почти грехом переместить эти останки, но оставить тело блаженного мученика Петра, который разделил с Марцеллином смерть и пятьсот с лишним лет покоился рядом с ним в одной гробнице. Как только в его душе поселилась эта мысль, его ум одолели такие мучения и терзания, что он, как казалось, был не в состоянии ни принимать пищу, ни забыться в сладком сне, пока тела мучеников, вместе принявших смерть и вместе лежавших в гробнице, не соединятся [вновь], чтобы отправиться в чужие края. Однако Ратлег долго не мог решить, как это можно сделать. Ведь он понимал, что нельзя найти никого из римлян, кто оказал бы ему в этом деле помощь, да и не было такого человека, кому он решился бы открыть свои тайные замыслы.

Пребывая в таких сердечных терзаниях, он разыскал некоего странствующего монаха по имени Василий, двумя годами ранее прибывшего в Рим из Константинополя. Тот вместе с четырьмя своими учениками нашел приют на Палатинском холме, как и другие греки, тоже монахи. [Ратлег] пошел к нему и открыл тому свои терзания. Воодушевленный его советом и полагаясь на его молитвы, он обрел в сердце своем такую уверенность, что решил как можно скорее взяться за дело, которое могло стоить ему головы[94].

Призвав своего спутника, Гильдуинова пресвитера Гуна, он стал говорить с ним о том, чтобы еще раз тайно пойти к часовне блаженного Тибуртия, как это было сделано раньше, и попытаться вновь открыть гробницу, в которой, как полагали, было погребено тело мученика. План был принят и в сопровождении слуг-мальчиков, которые прибыли с ними в Рим, они тайком ночью отправились в путь. Хозяин дома совершенно не знал, куда они идут. Придя на место и помолившись за успех своего предприятия перед дверью храма, они вошли внутрь. Там сообщники разделились. Пресвитер Гун остался с несколькими людьми, чтобы разыскать тело блаженного Тибуртия в самой часовне, а Ратлег с остальными [спустился] в прилегающую к той же церкви крипту и приблизился к телу блаженного Петра. Открыв погребение без всякого труда, он беспрепятственно извлек священные члены святого мученика и осторожно положил их на шелковую подушку, которую заранее приготовил для этого. Тем временем пресвитер, который разыскивал тело блаженного Тибуртия, после того как все его усилия оказались напрасными, понял, что ничего не может добиться. Оставив это дело, он спустился в крипту к Ратлегу и стал спрашивать его, что ему следует делать.

Ратлег ответил, что, по его мнению, останки святого Тибуртия уже найдены, и показал пресвитеру то, о чем говорил: незадолго до того как этот пресвитер пришел к нему в крипту, Ратлег обнаружил в том самом погребении, в котором лежали священные тела святых Марцеллина и Петра, какое-то вырытое внутри углубление, имевшее округлую форму и размер почти три фута в длину и один фут в глубину, в котором хранилось немалое количество мелкого праха. Им обоим показалось возможным, что то был прах, оставшийся от тела блаженного Тибуртия после того, как отсюда были извлечены его кости, и что для того, чтобы его было труднее найти, [тело Тибуртия] некогда положили между блаженными Марцеллином и Петром в той же могиле. Они сошлись на том, что пресвитеру надлежит собрать этот прах и забрать с собой в качестве останков блаженного Тибуртия. Покончив с этим и распределив [останки], они вернулись с тем, что добыли, в свой дом.

6. После этого Ратлег обратился к хозяину дома и попросил его вернуть священный прах блаженного Марцеллина, ранее отданный ему на сохранение. Он также просил не задерживать его, желающего возвратиться на родину, посредством всяких пустяковых проволочек. Деусдона не только без промедления вернул Ратлегу то, о чем тот просил, но даже предложил немалую часть других святых останков, собранных в единый сверток, для того

чтобы они были переданы мне. Когда Ратлег спросил его об именах этих святых, Деусдона ответил, что сам сообщит их, когда приедет ко мне. Впрочем, он предупредил, что с этими реликвиями следует обращаться с таким же почтением, что и с останками других святых мучеников, ибо заслуги их перед Богом были не меньше, чем у блаженных Марцеллина и Петра, и что я сам поверю в это, как только мне станут известны их имена.

Ратлег принял предложенный дары и, послушавшись Деусдоны, присоединил его к телам святых мучеников. Посовещавшись с хозяином дома, он распорядился, чтобы спрятанные и опечатанные в ларцах святые и желанные сокровища до Павии везли упомянутый выше Лунизон, брат Деусдоны, и прибывший с ним в Рим пресвитер Гильдуин. Сам же Ратлег вместе с хозяином дома оставался в Риме в течение семи последующих дней, выжидая и прислушиваясь, не узнают ли чего о переносе тел мучеников граждане Рима. Убедившись, что никто из посторонних не упоминает о свершившемся, и посчитав, что все осталось в тайне, Ратлег, взяв с собой хозяина дома, последовал за теми, кого выслал вперед. А те ожидали их прибытия в Тицине[95], в часовне блаженного Иоанна Крестителя, которая в народе называется «Господской» и которая тогда относилась к моим владениям, как бенефиций от королей Людовика и Лотаря[96]. [Встретившись], они решили, что задержатся там на несколько дней, чтобы и лошади, на которых они ехали, отдохнули, и сами они подготовились к долгому пути домой.

7. И тут, в период их пребывания [в Тицине], прошел слух, что туда вот-вот должны прибыть послы святой Римской церкви, отправленные Папой к императору. И тогда, опасаясь, что от прибытия послов, если те застигнут их в Тицине, может им выйти какое-нибудь неудобство или даже препятствие [к возвращению], они решили, что некоторые из их [компании] упредят прибытие послов, поторопившись уехать, тогда как остальные останутся на месте, чтобы, тщательно разведав то, что их тревожило, после отъезда этих самых послов поспешить последовать за своими высланными вперед спутниками. Когда они договорились между собой об этом, Деусдона с Гильдуиновым пресвитером упредили ехавших из Рима послов; так спешно, как только было возможно, они устремились в Суассон, где, как полагали, находился Гильдуин. А Ратлег с сокровищем, которое держал при себе, остался в Павии, дожидаясь, пока послы Апостольского престола[97] не проедут мимо, чтобы, после того как те перейдут через Альпы, можно было с большей безопасностью продолжить путь. Однако Ратлег решил идти другой дорогой, поскольку опасался, как бы шедший впереди вместе с Деусдоной пресвитер Гильдуина, который полностью и в совершенстве знал обо всем, что ими делалось и о чем они уславливались, и который казался плутом и ненадежным человеком, не смог устроить для него какое-нибудь препятствие в пути, которым он намеревался следовать. Он послал ко мне мальчика-слугу нашего управляющего Аскольфа с письмом, в котором извещал меня и о своем возвращении, и о доставке сокровища, найденного с Божией помощью. Сам же

Ратлег, когда он на основании подсчета ночлегов, приготовленных для римлян, прикинул, что те уже перешли через Альпы[98], оставил Павию и через шесть дней прибыл к монастырю Святого Маврикия. Приобретя там все, что представлялось для того необходимым, он возложил запертые в ларец святые тела на погребальные носилки и, двинувшись оттуда дальше, стал нести их при помощи стекающегося люда открыто и не таясь.

8. Однако, придя к поселению, которое называется Глава Озера[99], он оказался на развилке, где ведущие во Франкию пути расходились. Выбрав дорогу направо, он пошел через земли алеманнов до бургундского города Золотурна[100]. Там его встретили люди, которых я, после того как получил донесение о его прибытии, выслал к нему из Траекта[101]. Ибо я в то время находился в монастыре Святого Бовона[102], что на реке Скалдий[103], куда мне доставили письмо от моего секретаря, отправленное с мальчиком-слугой нашего управляющего [Аскольфа], о котором мы упомянули выше. Прочитав донесение и узнав о прибытии святых, я тотчас же приказал одному из наших приближенных ехать в Траект и, собрав там пресвитеров, прочих клириков, а также мирян, поспешить встретить приближающихся святых сколь можно раньше. А тот безо всякого промедления, вместе с людьми, которых вел с собой, через несколько дней встретил в упомянутом месте [в Золотурне], тех, кто нес тела святых. Тотчас же соединившись, сопровождаемые с этого времени стекающимися отовсюду толпами людей, распевавших псалмы, они, к вящей радости всех, вскоре прибыли в город Аргенторат, который теперь называется Страсбург. Оттуда они плыли вниз по Рейну, пока не прибыли к месту, которое называется Порт[104]. Там они высадились на восточном берегу реки и через пять ночлегов с неисчислимым множеством ликующих людей, восхвалявших Господа, прибыли к месту, именуемому Михельштадт. Оно расположено в лесистой местности Германии, которая в наше время называется Оденвальд и находится на расстоянии около шести лиг[105] от реки Майн[106]. Там они нашли часовню, построенную мною недавно, но еще не освященную, в которую внесли сей священный прах и положили его так, словно ему надлежало оставаться там навсегда[107].

9. Когда вести об этом достигли меня, я немедленно поспешил отправиться туда столь быстро, сколь только мог. Спустя три дня после нашего прибытия туда Ратлег приказал одному из мальчиков-слуг остаться в церкви после завершения вечерней службы, когда все остальные уйдут. Когда двери были закрыты и мальчик остался один, он уселся на небольшом стульчике подле этих священных тел для ночного бдения. Внезапно им овладел сон, и он увидел, как показались два голубя, которые влетели справа в окно на хорах[108] и сели на крышку катафалка, прямо над телами святых. Один из голубей казался совершенно белым, а цвет другого был смесью серого и белого. Они довольно долго прохаживались по верху катафалка и, словно разговаривая друг с другом, испускали воркование, как свойственно голубям,

а затем вылетели через то же окошко и больше уже не появлялись. Вслед за тем над головой мальчика раздался голос: «Иди, – произнес он, – и скажи Ратлегу, чтобы тот сообщил своему господину, что сии святые мученики не хотят, чтобы их тела покоились в этом месте, ибо они избрали другое, в которое намерены перейти как можно скорее». Обладателя голоса мальчик не мог видеть, но когда тот смолк, мальчик пробудился и, отряхнув сон, рассказал все, что увидел, вернувшемуся в часовню Ратлегу. А тот назавтра позаботился сообщить рассказ своего слуги мне, едва смог увидеться со мной. Что до меня, то хотя я не смел пренебречь таинством сего видения, но все же решил подождать указания какого-нибудь более явного знака.

Тем временем я распорядился извлечь этот священный прах из льняного савана, в который он был обернут, когда переносился, и зашить его в новые шелковые подушки. Когда, осматривая их, я заметил, что останков блаженного Марцеллина по количеству меньше, чем останков святого Петра, я подумал, что Марцеллин обладал меньших размеров телесной статью, чем святой Петр. Но то, что это было не так, доказала раскрытая позже кража. Где, когда, кем и каким образом кража была совершена и затем обнаружена, я расскажу в свое время, а сейчас нужно плести и тянуть нить начатого повествования.

10. Итак, после того как я осмотрел это великое и изумительное сокровище, которое было дороже любого золота, мне совершенно разонравился ларец, в котором оно находилось, поскольку тот был изготовлен из дешевого материала. Стремясь улучшить его, однажды после завершения вечерни я послал одного из ризничих, чтобы тот узнал для меня размеры ларца, измерив его линейкой. Когда, намереваясь сделать это, он зажег восковую свечу и приподнял завесы, со всех сторон закрывавшие ларец, то заметил, что из ларца отовсюду чудесным образом сочится кровавая жидкость. Придя в ужас от необычайности происходящего, он позаботился тотчас уведомить меня о том, что увидел. Тогда я вместе с присутствовавшими священниками пришел туда и узрел это поразительное и достойное всяческого поклонения чудо. Ибо, как колонны, плиты или мраморные статуи, когда идет дождь, обыкновенно покрываются каплями и источают влагу, так оказалось, что этот ларец, заключавший в себе священнейшие тела, весь напитался настоящей кровью, сочащейся из него. Необыкновенность зрелища, о котором прежде никогда не слышали, устрашила нас, никогда раньше не слышавших и не видевших [подобное]. Поэтому, посовещавшись, мы решили держать трехдневный пост и молиться, чтобы удостоиться узнать посредством божественного откровения, что сие великое и несказанное чудо означает и к какому деянию побуждает нас.

И вот по прошествии трех дней поста, когда уже вечерело, та ужасавшая нас кровавая жидкость внезапно начала подсыхать, и удивительным образом жидкость, которая сочилась без перерыва семь дней подряд, словно неиссякаемый источник, высохла за несколько часов так что в тот ночной час,

когда колокол позвал нас служить утреню (ведь было воскресенье)[109] и мы вошли в церковь, на ларце от нее уже нельзя было обнаружить ни следа. А льняные покрывала, которые со всех сторон занавешивали ларец и которые жидкость окропила так, что в них впитались кровавые пятна, я приказал сохранить. И по сей день на них видны свидетельства этого неслыханного знамения. Ведь известно, что на вкус та жидкость была солона, как слезы, и не густа, как вода, однако у нее был цвет настоящей крови.

11. В ту же ночь один из наших мальчиков-слуг, по имени Хроланд, увидел во сне, что подле него стоят двое юношей, которые, как он клятвенно заверил, поручили ему сказать мне многое о необходимости перенести тела святых. Они также открыли, в какое место и каким образом надлежит их перенести. И чтобы все было передано мне незамедлительно, они пригрозили ему ужасными карами, а мальчик так быстро, сколь только мог, прибежал ко мне и позаботился поведать мне все, что ему было велено. После того как я выслушал его, то потерял покой от великих забот и стал размышлять о том, что надлежит делать: нужно ли снова поститься и служить молебны, вновь прося Бога разрешить наши сомнения, или же следует разыскать того, кто служит Богу самозабвенно и всецело, чтобы открыть ему наши сердечные тревоги и посетовать на наши заботы, просить, чтобы своими молитвами он просил у Бога прояснить происходящее? Но где и когда, особенно в тех краях, можно было отыскать подобного слугу Господа нашего Христа? Ведь хотя и было известно, что неподалеку от места, в котором мы находились, располагались некие киновии, однако, вследствие неважно устроенной монастырской жизни в тех местах, люди, о святости которых молва донесла бы нечто подобное, хотя бы самую малость, были редки или вовсе отсутствовали.

Между тем пока меня тревожили эти заботы и я слезно молил святых мучеников о заступничестве, усердно побуждая тех, кто был вместе с нами, делать то же самое, вышло так, что двенадцать суток кряду не проходило ни одной ночи, когда одному, двум или даже трем из наших спутников не открывалось бы во сне, что тела святых нужно перенести из этого места в другое. А в конце одному из пресвитеров, по имени Хилтфрид, который был там с нами, явился в видении, как он сам признался, некий муж в обличье священника, отмеченный благородной сединой, облаченный в белоснежное одеяние. Он обратился к Хилтфриду с такими словами: «Почему, – сказал он, – Эйнхард так бессердечен и так упрям, что не верит столь многим откровениям, полагая возможным пренебрегать посланными ему свыше предупреждениями? Иди и скажи ему, что то, что по желанию блаженных мучеников должно быть сделано с их телами, не может оставаться неисполненным, хотя он до сих пор медлил исполнить их волю в этом деле. А потому теперь, если он не хочет, чтобы заслуга в этом деянии перешла к другим, пусть поспешит исполнить их повеление и позаботится увезти их тела к месту, которое они сами избрали».

12. После этих и разного рода других дошедших до меня предупреждений, мне показалось, что не следует долее откладывать перенесение священного праха. А потому, посовещавшись, мы решили, что должны постараться совершить перенос так скоро, как только возможно. Когда все, что представлялось необходимым для этой перевозки, было быстро и с величайшим тщанием подготовлено, мы, совершив утреню, при великой скорби и печали тех, кто должен был остаться [в Михельштадте], подняли на рассвете это священное и бесценное сокровище [на носилки] и, выступив в путь, понесли его, сопровождаемые толпой нищих, которые собрались в те дни туда отовсюду, чтобы получить милостыню. А окрестные жители совершенно не ведали, что у нас происходит.

Небо набрякло от хмурых туч, которые были готовы разразиться сильнейшим дождем, не препятствуй тому божественная сила, ведь всю ночь напролет лило так, что нам представлялось едва ли возможным выступить в путь на следующий день. Но эти наши сомнения, происходившие от нетвердости веры, милостью свыше по заслугам наших святых были обращены в нечто противоположное тому, что мы ожидали, когда мы увидели, что обстановка на дороге, по которой мы шли, стала уже не той, которой мы опасались. Мы увидели, что и грязи совсем немного и почти совсем не разлились потоки, которые обыкновенно вздуваются от такого сильного и продолжительного ливня, как тот, что был прошлой ночью.

Когда мы вышли из лесов и достигли ближайших деревень, к нам стали присоединяться толпы людей, выходивших нам навстречу и возносящих хвалы Господу. Они сопровождали нас почти восемь лиг, преданно помогая нам и нашим спутникам нести святую ношу и усердно воспевая вместе с нами хвалы Господу.

13. Увидев, что в тот день мы не сможем достичь назначенного места, мы завернули в деревню, именуемую Остхайм, которую приметили рядом с нашей дорогой. Когда уже вечерело, мы внесли святые тела в находившуюся в той деревне часовню Блаженного Мартина. Оставив там наших спутников нести караул, я вместе с несколькими людьми поспешно отправился вперед, к месту нашего назначения, и за ночь приготовил то, что обычай требовал для принятия святых тел.

А в часовню, в которой мы оставили то священное и святое сокровище, привезли на повозке некую парализованную монахиню, по имени Хруодланг. Друзья и родственники доставили ее из монастыря Мосбах, отстоявшего от той церкви на расстояние одной лиги. После того как вместе с другими бодрствующими и молящимися она провела ночь подле носилок святых, здоровье вернулось во все ее члены, и назавтра она возвратилась к месту, из которого прибыла, собственными ногами, без всякой поддержки или какой-либо помощи.

14. Мы же, едва засветлелось небо, поднялись и пошли навстречу нашим прибывающим спутникам. С нами шло немало окрестных жителей, взволно-

ванных молвой о прибытии святых. На рассвете они собрались перед дверями нашей [церкви], чтобы вместе с нами выйти навстречу святым. Мы встретили их в том месте, где речка Гершпринц впадает в Майн[110]. Оттуда, вместе шествуя и восхваляя милосердие Господа нашего Иисуса Христа, мы перенесли священные останки[111] блаженнейших мучеников в Верхний Муленхайм[112] – ибо так это место называется в наше время – к великой радости и ликованию всех, кто смог при этом присутствовать. Но поскольку великое множество народа, идущего впереди нас, заполнило все пути, мы не смогли ни подойти к церкви, ни внести туда носилки. Поэтому на близлежащем поле, на возвышенном месте, мы воздвигли алтарь под открытым небом и, поставив носилки позади алтаря, отслужили торжественную миссу в честь святых. После того как она завершилась и толпа разошлась по домам, мы внесли священнейшие тела в церковь, указанную самими блаженными мучениками, и, разместив носилки рядом с алтарем, позаботились отпраздновать миссу еще раз.

И тут, во время службы, к носилкам приблизился некий отрок пятнадцати лет, по имени Даниил, из пага Порто[113]. Вместе с прочими бедняками он пришел туда просить подаяния, и был он столь скрючен, что увидеть небо мог только ложась на спину. Внезапно он рухнул наземь, словно кто-то толкнул его. Пролежав довольно долго, подобно спящему, он поднялся у нас на глазах здоровым: все члены его тела выпрямились, а мускулы[114] вновь обрели силу. Произошло это в шестнадцатый день перед Февральскими календами[115], и день тот был таким ясным, что по светлости мог сравниться с сиянием летнего солнца, а воздух был столь мягок и приятен в своей безмятежности, что ласковостью разливающегося тепла превосходил весенний.

15. На следующий день мы разместили священные тела блаженных мучеников, уложенные в новый ларец, в апсиде часовни, и, как принято у франков, соорудив поверх них деревянный шатер, мы украсили его, завесив льняными и шелковыми покровами. Водрузив рядом с алтарем, по обе его стороны, две хоругви с изображением Страстей Господних, которые мы обыкновенно несли перед носилками в дороге, мы постарались в меру наших скудных средств сделать это место достойным и пригодным для отправления божественных служб. Были назначены клирики, которые бы там постоянно несли стражу и посвящали себя всесторонней заботе по вознесению хвалы Богу. Их призвала не только наша воля, но и королевский указ, полученный нами в дороге. Господь покровительствовал нам в пути, и мы с великой радостью возвратились во дворец[116].

[1] Меровинги – первая династия франкских королей (V – середина VIII в.).

[2] Хильдерик был смещен по решению папы Захария (741–752).

[3] Речь идет об эпохе, начавшейся после правления короля Дагоберта (629–639). Вероятно, Эйнхард, пользуясь более ранними, относящимися к VIII в., источниками, излагает то, что хотелось видеть находящимся у власти Каролингам.

[4] Должность майордома (maiordomus – старший по дому, управляющий королевским хозяйством) была установлена королем Дагобертом с целью укрепления единовластия над всей страной и ослабления могущества знатных франкских родов.

[5] Длинные волосы короля – символ власти. Только наследникам королевского дома разрешалось отпускать волосы, подобно верховному богу германцев Одину (или Вотану).

[6] Вряд ли Хильдерик III (743–755) имел «ниспадающую бороду», поскольку находился в юном возрасте.

[7] Скудость жизни королей преувеличена Эйнхардом. И Хильдерик III, и его предшественник Теодерик IV (ум. 737) обладали не единственным поместьем.

[8] Двуколка или повозка была обычным средством передвижения во время правления меровингских королей. Ее не следует рассматривать как символ скудости жизни.

[9] Имеется в виду майордом Пипин Короткий (741–768), сын Карла Мартелла, открывший период династии Каролингов.

[10] Карл Мартел (Молот) не был законным наследником майордома Пипина.

[11] После победы в битве у Пуатье Карл Мартел был признан правителем всей Галлии.

[12] 24 сентября 768 г.

[13] Карл и Карломан были помазаны в короли папой Стефаном II (752–757), римлянином по происхождению, первым папой, совершившим поездку в страну франков в 754 г.

[14] Пипин Короткий разделил перед смертью свои земли между сыновьями так: Карл стал обладателем окраинных (северных и западных) областей, омываемых морем; Карломан получил разнородные центральные и юго-восточные земли (до границы с Италией и Баварией), занимающие территорию от Суассона до Марселя и от Тулузы до Базеля. Оба сына владели частью Нейстрии, Австразии и Аквитании, что, по всей видимости, свидетельствовало о желании отца сохранить единство королевства.

[15] Карломан правил три года (768–771). Он умер в декабре 771 г.

[16] Считается, что Карл родился 2 апреля 742 г.

[17] Это было восстание (769), возглавленное Гунольдом, которое подавил Карл без помощи брата.

[18] Карл предпринял такие действия из-за опасности заговора между Карломаном и лангобардским королем Десидерием.

[19] Гасконь.

[20] Гасконь в течение последующих десятилетий продолжала оставаться независимой от франкского государства.

[21] Адриан I (772–795), римский папа, проводил последовательную политику союза с королем франков. Целью Адриана было увеличение собственных владений.

[22] Павия.

[23] Пипин вторгался в Италию дважды: в 754 и 756 гг.

[24] Лангобардский король и его жена были доставлены во Франкию в 774 г. Там их заставили принять постриг и заточили в пикардийский монастырь в Корби. Лангобардское королевство не было ликвидировано и включено в состав франкского государства. Лишь после подавления восстания герцога Фриуля (776) началось расселение королевских вассалов на лангобардской территории.

[25] Адальгиз дважды бежал от Карла. Первый раз – в Константинополь (774), после захвата Вероны, второй раз – после неудавшегося заговора (776).

[26] Война с Руодгазом произошла после захвата Павии, в 776 г.

[27] Герцоги Фриуля и Сполетто при поддержке Адальгиза устроили заговор, надеясь при помощи византийского флота овладеть Римом и восстановить власть лангобардов. Карл, узнав о намерении герцогов, вновь перешел через Альпы и напал на них (776). В результате герцог Фриуля был убит, восставшие города подчинились, Адальгиз бежал вновь.

[28] 17 апреля 781 г., в пасхальное воскресенье, папа Адриан по просьбе Карла крестил его четырехлетнего сына, назвав его Пипином, и возложил корону на его голову. После этого Карл объявил о решении поставить сына королем над лангобардами.

[29] Переход был сложным, поскольку лангобарды перекрыли и укрепили перевалы.

[30] Эта фраза – результат личных воспоминаний Эйнхарда, так как он был в Италии, куда Карл отправил его (806) с копией договора о разделе территории государства между тремя сыновьями.

[31] Эта война (772–804) представляла собой ежегодные стычки.

[32] Саксы были язычниками, почитавшими лесные деревья, рощи и источники.

[33] 772–804 гг.

[34] В 797 г. Карл издал указ, отменяющий прежний порядок, и ввел равенство между саксами и франкским народом.

[35] Карл лично руководил большинством походов против саксов.

[36] Поводом для войны с Испанией послужила для Карла просьба правителя Сарагосы (777) о помощи в борьбе против омейядского эмира Кордовы.

[37] Это сражение, называемое Ронсевальским, произошло 15 августа 778 г.

[38] Т.е. Роланд (префект Бретонской марки) – герой французского эпоса «Песнь о Роланде».

[39] Это происходило в 786 г. Британия не покорилась до конца, сохранив собственные религиозные обычаи и нравы.

[40] Эта война была весьма продолжительной, поскольку беневентцы непрерывно восставали и франкам приходилось вновь совершать карательные походы в их страну.

[41] Гуннами Эйнхард называет аваров.

[42] Войны не было. Карл подчинил Баварию с помощью дипломатических переговоров (подкрепленных незначительными военными действиями). Эти события происходили в 787–788 гг.

[43] Это племя, враждующее со своими соседями, в числе которых были ободриты, отличалось свирепостью и воинственным нравом.

[44] Имеется в виду война с саксами.

[45] Истинная причина войны заключалась в необходимости укрепления и обеспечения безопасности северо-восточных границ франкского государства.

[46] Балтийское море, ок. 850–900 миль длиной и 100–200 миль шириной.

[47] Велатабы не подчинились Карлу. Этот поход, завершившийся «без какого-либо серьезного сражения», скорее следует рассматривать как важную военную меру для укрепления собственных позиций франкского короля в левобережной Саксонии и временного ограждения от набегов неприятеля.

[48] Отождествление аваров и гуннов характерно не только для Эйнхарда, но и для всей средневековой литературы.

[49] Война против аваров длилась с 791 по 803 г.

[50] Хейрик – правитель фриульской марки, созданной в 776 г., после окончательного подчинения Фриульского герцогства лангобардов франкскому королю. Смерть Хейрика (799) не связана с войной против аваров.

[51] Эта война (808) не была успешной, поскольку в 811 г. лионы восстали вновь.

[52] Эйнхард, по-видимому, добавляет Аквитанию для того, чтобы достижения Карла произвели большее впечатление.

[53] Эбро.

[54] Карл не получил Дертосу, и его земли не простирались до реки Эбро.

[55] Калабрия не входила в состав государства Карла.

[56] По-видимому, Эйнхард говорит о двух Паннониях – Верхней и Нижней.

[57] В результате военных действий Карла его государство лишь немногим уступало в размере бывшей Западной Римской империи. Карл завоевал Италию, Саксонию, Баварию, Бретань, Аквитанию, Северную Испанию и пограничные области Юго-Востока.

58 Таких писем не существует.
59 Скорее, Эйнхард имеет в виду Ардульфа – короля Нортумбрии, а не ирландцев, которых называет «королями скоттов».
60 Таких писем не существует.
61 Харун-аль-Рашид – багдадский халиф (786–809).
62 К святому гробу и месту воскресения Господа Карл отправил посла в 799 г. В ноябре 800 г. посол вернулся и привез ключи от этой святыни, но не от Харун-аль-Рашида (Аарона), как говорит Эйнхард, а от Иерусалимского патриарха, и не в качестве подчинения власти Карла, а в знак уважения.
63 В 797 г. Карл отправил послов к халифу Багдада с целью привезти слона. Через пять лет (20 июля 802 г.) слон был доставлен Карлу. Слон прожил при франкском дворе около девяти лет. Сохранилось его имя – Абу-ль-Аббас.
64 В действительности события развивались иначе. В те дни в Византии у власти находилась императрица Ирина, в борьбе за престол в 797 г. ослепившая родного сына (Константина IV). С ней Карл вел переговоры о браке, который позволил бы ему объединить Запад и Восток под своим правлением. 31 октября 802 г. в Константинополе произошел дворцовый переворот: Ирина была низложена, престол занял Никифор I (802–811), отказавшийся признать Карла императором. Лишь через 12 лет византийский император Михаил I (811–813), преемник погибшего в Болгарии Никифора, формально признал новый титул императора.
65 За время правления Карла было построено 232 монастыря, 27 соборов, 65 дворцов.
66 Майнц.
67 Ингельгейм.
68 Нимвеген.
69 Чивитавеккья.
70 Согласно сообщению Павла Диакона, Карл имел от Хильдегарды четырех сыновей и пять дочерей: Лотарь (он и Людовик были близнецами) умер ребенком и не упомянут Эйнхардом. Две дочери Карла, Хильдегарда и Аделаида, также умерли в младенчестве.
71 Дочери Карла Ротруда и Берта имели любовников, о чем ходило немало слухов и анекдотов.
72 На самом деле Карл жестоко расправился с заговорщиками, повесив 4500 человек за один день в Вердене.
73 Скорее всего, речь идет об ирландцах (скоттах), которые прибывали во дворец Карла во время начатой им культурной реформы в огромных количествах. Большей частью они являлись переписчиками и учителями грамматики.
74 Многие детали этой главы и следующих взяты из «Жизни двенадцати Цезарей» Светония, где говорится об Августе (II, 68–93), Тиберии (III, 68–71), Клавдии (V,30–42), Нероне (VI, 51–52).
75 Петр Пизанский – итальянский грамматик и поэт (VIII – начало IX в.), находился при дворе Карла с 783 г.
76 Алкуин Флакк Альбин – англосакс по происхождению, ученый и педагог, позже аббат в Туре.
77 Культура каролингского двора не отличалась от культуры варварских королей. Сам Карл умел лишь читать, что было немалым достижением, но не писать, однако он охотно забавлялся сделанными для него большими буквами, которые угадывал на ощупь.
78 Сохранилось письмо [Codex Carolinus 67 // Epistolae Merovingici et Karolini Aevi I, 614 (Monumenta Germaniae Historica (далее MGH))] от папы Адриана I, в котором он разрешает Карлу перевезти мрамор и мозаику из дворца в Равенне для строительства в Ахене.
79 Карл посетил Рим всего четыре раза: в 774 г., – во время осады Павии, по приглашению папы Адриана I; в 781 г. – во время коронации сыновей Пипина и Людовика; в 787 г. – во время Пасхи; в 800 г. – в Рождество, когда папа Лев III провозгласил его императором.
80 Законы салических и рипуарских франков.

[81] Соответственно, январь – «зимний месяц»; февраль – «поворотный месяц»; март – «месяц возрождения»; апрель – «пасхальный месяц»; май – «месяц радости»; июнь – «месяц пашни и вспахивания земли»; июль – «сенной месяц»; август – «месяц созревания хлебов»; сентябрь – «месяц леса»; октябрь – «месяц жать вина»; ноябрь – «месяц сбора урожая»; декабрь – «священный месяц».

[82] Т.е. 28 января 814 г., в 9 часов утра.

[83] Гробница Карла была вскрыта в 1000 г. германским королем и императором Священной Римской империи Оттоном III. Тело Карла он обнаружил сидящим на возвышении и хорошо сохранившимся. В 1165 г. гробница была осмотрена вновь. К тому времени останки Карла были положены в мраморный саркофаг. Посещение императором Оттоном III гробницы Карла описано в Chronicon Novaliciense III, 32, MGH: Scriptores VII, p. 106, lines 36–49: «После того как прошли многие годы [после смерти Карла], император Оттон Третий находился в том самом месте, где в гробнице, как подобало, покоилось тело Карла [Великого]. [Оттон] свернул со своего пути [и направился] к месту погребения с двумя священниками и Оттоном, графом Лаумелленским. Сам же император замыкал четверку. Тот граф так описывает [случившиеся события]: "Мы вошли к Карлу. Он не лежал, как обычно лежат мертвые тела, а восседал на троне, как если бы был жив, увенчанный золотой короной. В руках он держал скипетр, руки были в перчатках, через которые проросли ногти. Поверх него был шатер, выстроенный из известняка и мрамора. Когда мы подошли к месту захоронения, мы немедленно пробили отверстие и вошли, опасаясь сильного запаха. Мы тотчас пали на колени и склонились перед ним в почтении. Император Оттон покрыл его белым одеянием, обрезал ногти и восстановил все недостающее в его [внешности]. Тление еще не коснулось частей его тела. Лишь совсем немногого недоставало на кончике его носа, что [Оттон] восстановил тотчас же из золота. [Затем] он вынул единственный зуб из его рта и, восстановив шатер, удалился"» (перевод М.С. Петровой).

[84] Ср. Светоний, «Жизнь двенадцати Цезарей». Подобные явления отмечены в жизнеописании Августа (II, 94–97), Калигулы (IV, 57), Клавдия (V, 46).

[85] Соответственно, Милан, Чивитавеккья, Градо, Колонь, Майнц, Зальцбург, Трир, Санс, Безансон, Лион, Руан, Реймс, Арль, Вена, Тарантез, Эмбрен, Бордо, Тур, Бурж.

[86] Все персонажи реальны. Некоторые из них могут быть идентифицированы: Хильдибальд – архиепископ Кёльна (785–815), причастивший Карла перед смертью; Рикульф – архиепископ Майнца (787–813); Арн – архиепископ Зальцбурга; Вольфарий – архиепископ Реймса; Бернойн – архиепископ Клермонта (ок. 811 – ок. 823); Лейдрад – архиепископ Лиона; Иоанн – архиепископ Ареласа; Теодульф – архиепископ Орлеанский (788–821); Иессе – епископ Амьенский (799–836); Хейто – епископ Базеля (802–822), умер в 836 г.; Вальтгауд – епископ Льежский; Фридугис – аббат Сен-Мартен в Туре; Адалунг – аббат Лорша; Ангильберт – аббат Сен-Рикье (любовник дочери Карла, Берты); Херменон – аббат Сен-Жермен-де-Пре (812–817); Вала – позднее (во время правления Людовика Благочестивого) аббат Корби (ок. 822), умер в 835 г.; Мегинхер – граф Мегинхерский, упомянут в «Анналах королевства франков» (запись 817 г.). Имя Ригвин в начале IX в. носил граф Парижа. Имя Эдон упомянуто в «Анналах королевства франков» (записи 807–811 гг.). Мегинхард упомянут как один из графов, посланных Карлом к датскому королю в 810 г. Ригвин, возможно Рикон, – граф Падуи, упомянут в «Анналах королевства франков» (запись 814 г.).

[87] Диакон римской церкви Деусдона был самым известным в IX в. продавцом святых реликвий и главой хорошо организованной группы торговцев. Он и его спутники в качестве действующих лиц фигурируют не только у Эйнхарда, но и в «Чудесах святых в храмах Фульды» (MGH XV, 329–341). Причастность Деусдоны к продаже останков не была однократным или эпизодическим событием. В 835 г. он «поставил» франкским заказчикам останки 13 мучеников, в 836 г. – останки 8 мучеников, в 838 г. – 13.

[88] Это произошло в 827 г.

[89] Перенесение останков св. Себастьяна из Рима в монастырь Св. Медарда в Суассоне происходило в 826 г. Мощи были внесены в церковь и размещены в ней в воскресенье, 9 декабря упомянутого года.

[90] Послы Эйнхарда отправились в Суассон спустя некоторое время после размещения в этом городе мощей св. Себастьяна. Возможно, это было в конце весны 827 г.

[91] Гильдуин (Hilduinus), или Гильдоин (Hildoinus) (первая половина IX в.) – архикапеллан Священного дворца при Людовике Благочестивом, аббат монастырей Сен-Дени, Сен-Жермен-де-Пре и Сен-Медар-де-Суассон. Гильдуин получил разрешение от папы Евгения II (824–827) перенести мощи св. Себастьяна из Рима во Франкию.

[92] Эта дорога (Via Lavicana) вела из Эсквелина в Лабики (Labici), старолатинский город в Лации, между Тускулом и Пренестой. Справа, между дорогой и акведуком Клавдиана, к юго-востоку от Рима была расположена круглая в основании церковь Св. Марцеллина и Св. Петра. Возможно, это та самая церковь, что была основана Св. Еленой и возведена Константином, чтобы служить мавзолеем для его матери Елены. Руины этой церкви были открыты в 1594 г. и были известны в той местности под именем Torre pignattara. Церковь Св. Тибуртия, построенная еще раньше, до наших дней не сохранилась. Под двумя этими церквями находилась крипта, о которой говорит Эйнхард и которую он называет кладбищем святых мучеников Марцеллина, Петра, Тибуртия и св. Елены (см.: Bosio, Roma subterranea, II, lib. IV, cap. IX, p. 31; cap. XIV, p. 47).

[93] Римская миля равна 1478,7 м.

[94] По действовавшему в Риме закону, пойманные грабители гробниц приговаривались к смертной казни. Это наказание, существовавшее еще в древнеримском законодательстве, было восстановлено во времена Эйнхарда.

[95] Т.е. в Павии.

[96] В Западной Европе в раннее средневековье бенефиций – условное пожизненное пожалование (преимущественно земельное) за выполнение военной или административной службы. В случае смерти владельца бенефиций возвращался своему первоначальному собственнику, или же бенефиций мог быть отобран, если не выполнялись условия его жалования. Постепенно бенефиций превращался из пожизненного в наследственный. В католической церкви бенефиций – вознаграждение клирика доходной должностью.

[97] Апостольский престол – нечто более значительное, чем Ватикан. Это учреждение управляло огромным международным организмом, каковым является Католическая церковь. Епископ Рима – это первый титул Папы. Он, как таковой, является наместником Христа и преемником св. Петра, а кроме того, верховным понтификом Католической церкви. Однако Папа не является неким «суперепископом» или непосредственным руководителем конфедерации 4500 епископов всего мира. Он остается епископом Церкви в Риме и – на основе примата – предводительствует другими для сохранения единства Вселенской церкви.

[98] Это расстояние равно приблизительно 150 миль или 240 км.

[99] Совр. Вильнёв (Швейцария), на западном берегу Женевского озера.

[100] Город в Швейцарии.

[101] Mosa Traiectum – современный Маастрихт.

[102] Монастырь Св. Бовона (современный Сен-Бовэ, Бельгия) расположен около г. Гента.

[103] Шельда.

[104] Предположительно, Зандхофен (рядом с Мангеймом).

[105] Leuca (leuga) – галльская миля, составляет 2,25 км, сравнима с французским лье.

[106] Это то самое место, о котором говорит Эйнхард в самом начале своей работы (I, 1, 40).

[107] Для этой часовни Эйнхард первоначально хотел получить мощи, см. I, 1.

[108] *Absidae*.

[109] Эйнхард дает понять, что утреня служилась только в воскресный день. «Antelucanum», переведенное нами как «утреня», соответствует четвертой римской страже, т.е. периоду вре-

мени с трех до шести утра. Ср.: «Vigiliae noctis distinguebantur secundum custodias illorum qui civitatem custodiebant... Et erant quatuor. Prima vocatur conticinium, quando tegitur ignis. Secunda vocatur intempestum circa mediam noctem, quia tempus illud non est opportunum ad aliquid faciendum: dicitur enim tempestum apud antiquos, opportunum. Tertia galli cantus. Quarta dicitur antelucanum» (Фома Аквинский, In Threnos Jeremiae expositio, II, 19).

[110] Около современного Ашаффенбурга.

[111] Здесь «exuvias».

[112] Впоследствии Зелигенштадт.

[113] В Кампании, Италия.

[114] Здесь «nervorum».

[115] 17 января 828 г.

[116] В Ахен. См. Annales Regni Francorum. Vol. I. P. 392 (запись 828 г.).

Фридугис

*

Фридугис (ум. 834), канцлер Людовика Благочестивого, аббат Сен-Бертен и Сен-Омер, принадлежал к первому поколению каролингских ученых. Англосакс, еще в Йорке ставший учеником Алкуина, он прибыл вместе с ним ко двору Карла Великого в Ахен, где впоследствии получил должность воспитателя Гислы и Ротруды, сестры и дочери императора. Во дворцовой Академии его прозвали Нафанаилом. В стихотворном послании к Карлу Теодульф Орлеанский (ум. 821) писал:

Будет и Фридугис тут, левит наш почтенный, с Осульфом,
Оба искусством сильны, оба познаний полны.

Сохранилась небольшая работа Алкуина «Quaestiones XXVIII super Trinitatem», направленная Фридугису, в которой магистр отвечает на предложенные учеником вопросы о Св. Троице.

В 796 г. Алкуин оставил дворец и удалился в Тур, где сделался аббатом монастыря Св. Мартина. После его смерти в 804 г. аббатом Сен-Мартен стал Фридугис: в этом качестве он подписал завещание Карла Великого. Людовик Благочестивый поставил его заведовать императорской канцелярией. В период с 819 по 832 г. Фридугис наладил работу вверенного ему ведомства, способствуя улучшению латинского языка выходивших из канцелярии документов. В 820–834 гг. он был аббатом Сен-Бертен и Сен-Омер. Умер Фридугис каноником в Туре в 834 г.

О сочинениях Фридугиса мало что известно. Возможно, ему принадлежит краткая стихотворная речь, адресованная Людовику Благочестивому и его жене Эрменгарде во время их визита в Тур в 818 г. В конце 820-х он отправил (утраченное ныне) послание к Агобарду, епископу Лиона, укорявшее того за якобы имеющиеся доктринальные заблуждения. Сохранившийся ответ Агобарда «Liber contra obiectiones Fredegisi abbatis», составленный в начале 830 г., содержит отрывки из этого послания. Фридугис использовал выражение: «когда душа достигает тела». Агобарда потрясло подразумеваемое предсуществование души. Более того, Фридугис считал, что души сотворены из непознаваемой материи в пустоте. Агобард упрекает Фридугиса в том, что тот защищает ложные мнения «при помощи силлогизмов», и следует языческим философам в своих представлениях о происхождении души.

Небольшая работа «О ничто и о тьме» написана в начале карьеры Фридугиса – весной 800 г., т.е. уже после отъезда Алкуина от двора Карла Великого в Тур. Трактат Фридугиса дает представление о проблемах, занимавших умы каролингских ученых, а также о методах, которые выбирались для их решения. «О ничто и о тьме» относится к тому периоду, когда школьные тексты по логике начинают изучаться с точки зрения их применимости к решению теологических, доктринальных

вопросов. Характерной чертой работ того времени является сознательное (и открыто провозглашаемое) стремление решать вопросы путем обращения не только к *авторитету,* но и к *рассуждению.*

Фридугис старается разрешить «давно обсуждаемый многими вопрос» о природе доктринальных ничто и тьмы, используя правила диалектики. Мы видим, как строит свое рассуждение человек, представляющий себе философию как сплав школьной логики и грамматики, рассматривающий их как универсальный ключ к решению отвлеченных проблем. Вместо терминов Фридугис использует многозначные слова естественного языка (*nihil, aliquid*), и некоторые места его рассуждения допускают различное толкование. Самые сильные из его аргументов принадлежат области грамматики (в ее специфическом средневековом понимании). Он анализирует имя как таковое, что далеко не случайно. Здесь в утрированном виде проявилось имманентно присущее античному и средневековому типу мысли убеждение в изоморфизме предметной и языковой структур реальности. Подход, при котором значение слова (т.е. сама вещь) определяется характеристиками самого слова, типичен для этой эпохи. Он сочетается с «вещной ориентацией», когда любая реалия рассматривается как «вещь».

Нет сведений о том, какой отклик получило сочинение Фридугиса. Достоверно известно, что в письме к Дунгалу (ок. 804–814) Карл Великий просил сообщить ему о природе *ничто* и *тьмы,* о которых шла речь в трактате диакона. При решении своей задачи Фридугис так и не вышел за пределы школьной программы. Впрочем, словесный анализ и логика, продемонстрированные Фридугисом, не являются самодовлеющими. Последнее слово в доктринальных вопросах оставлено за божественным авторитетом, явленным в Писании и традиции Церкви, соединенной с Христом в таинстве евхаристии. *Рассуждения,* которое с помощью диалектики может разъяснить многие трудности, не достаточно для разрешения фундаментальных проблем: природы элементов, света, ангелов и т.д. Последний довод остается за неколебимым *авторитетом.*

[О субстанции ничто и тьмы]

О субстанции [ничто]

Всем верным Богу и нашему господину, сиятельнейшему государю Карлу, состоящим при священном дворе его[1], *Фридугис-диакон [написал].*

И я усердно обдумывал и изучал уже очень давно обсуждаемый многими вопрос о *ничто*[2], который оставили без исследования и рассмотрения, как непосильный для изъяснения. Наконец показалось мне, что я близок к [ответу]. Разорвав тугие узлы, которыми он казался затянут, я разрешил и распутал его и, рассеяв мрак, вернул на свет, предвидя также, что ответ должен быть запечатлен для потомков на все будущие века.

Вопрос же такого рода: «*ничто* – это *нечто* или нет?»

Если кто-либо ответит: «“Videtur mihi nihil esse”, полагаю, *оно отнюдь не [нечто]*», то само это, как он думает, отрицание, заставляет его признавать, что *ничто* – это *нечто,* когда он говорит: «“Videtur mihi nihil esse”, по-

лагаю, *ничто есть [нечто]*». Ведь он как бы говорит: «Я полагаю, *ничто есть что-то* (nihil quiddam esse)». А если полагать, что оно есть *нечто,* то нельзя полагать, что оно в каком-либо отношении не существует. Поэтому остается полагать, что оно есть *нечто.*

Если же будет ответ такого рода: «Я полагаю, *ничто не есть нечто* (nihil nec aliquid esse)», то подобный ответ нужно отвергнуть, во-первых, на основании рассуждения, насколько позволяет человеческое рассуждение, а во-вторых, от авторитета, и не какого угодно, но божественного. Ибо это единственный авторитет, и лишь он обладает незыблемой прочностью[3].

Итак, приступим к рассуждению. Всякое определенное имя [nomen finitum] обозначает *нечто*: например, «человек», «камень», «дерево», и когда есть эти слова, мы сразу постигаем вещи, которые они обозначают. Ясно, что имя «человек», употребленное вне какого-либо различия, означает совокупность [univer salitatem] людей. «Камень» и «дерево» подобным же образом охватывают свои роды [generalitatem][4]. Итак, «ничто», если только оно, как утверждают грамматики, есть имя, является определенным именем[5]. А всякое определенное имя обозначает *нечто*. Но невозможно, чтобы само определенное нечто не было *чем-то.* Следовательно, невозможно, чтобы *ничто,* как нечто определенное, не было *чем-то*, а поэтому оно с достоверностью существует.

Ничто также является обозначающим речением [vox significativa]. А всякое обозначение относится к тому, что обозначает. Отсюда опять доказано, что [ничто] не может не быть *чем-то.*

Равно и другое: всякое обозначение есть обозначение *того, что есть.* А *ничто* что-то обозначает. Значит, ничто есть обозначение *того, что есть*, то есть существующей вещи [rei existentis].

Но поскольку [доказательства] *от рассуждения*, демонстрирующие, что *ничто* – это не просто нечто, но даже нечто великое [magnum quiddam][6], вкратце изложены (хотя можно огласить бесчисленные примеры такого рода), позволительно обратиться к божественному *авторитету* – защите и прочной опоре рассуждения. Ибо вселенская Церковь, которая волею Божией наставлена, возникла от тела Христова, пищей Его священной плоти и питием драгоценной крови воспитана, утверждена у самых истоков глубочайших тайн. [Церковь] неколебимой верой исповедует, что божественная сила [potentiam] произвела из *ничто* землю, воду, воздух и огонь, а также свет, ангелов и человеческую душу.

Итак, нужно возводить душевный взор к авторитету такой высоты, который не может быть отменен никаким рассуждением, опровергнут никакими доводами, сражен никакими силами. А он-то и гласит, что главнейшее и самое первое из творений создано из *ничего.* Следовательно, *ничто* есть нечто великое и замечательное, а сколь велико то, откуда произошло столько и таких замечательных вещей, доискиваться не следует. Ведь невозможно допытаться и определить, каково [хотя бы] одно из его порождений. Ибо

кто полностью определил природу элементов? А кто постиг субстанцию и природу света, ангелов или души? Поэтому если мы были не в состоянии охватить человеческим разумением упомянутое, то как добиться «сколько» и «какое» в отношении того, откуда они ведут происхождение и род?

Я мог прибавить [в качестве примера] еще многое другое. Но полагаем, что для ума понятливых и прочих достаточно того, что изложено.

О субстанции тьмы

Поскольку краткая речь *о ничто* была надлежащим образом завершена, то затем я обратил внимание на то, требующее изложения, что не напрасно казалось пытливым читателям достойным исследования. Существует мнение некоторых, что *тьмы* нет и невозможно ей быть. Рассудительный читатель узнает, как легко оно может быть опровергнуто оглашением авторитета Священного Писания.

Итак, посмотрим, что говорится об этом в повествовании книги Бытия. Ведь сказано так: ***И была тьма над поверхностью бездны*** [Быт 1, 2]. Если ее не было, то в силу какого заключения говорится, что она «была»? Тот, кто говорит, что тьма *есть*, полагает этим утверждением вещь. А тот, кто говорит, что *не есть*, снимает вещь отрицанием. Так, когда мы говорим: «человек есть», мы утверждаем вещь, то есть *человека*. А когда говорим: «человек не есть», то вещь, то есть *человека*, отрицанием снимаем. Ибо субстанциальный глагол [esse] по природе таков, что, к какому бы подлежащему не был он присоединен без отрицания, он показывает наличие субстанции у этого подлежащего. Следовательно, в словах: ***была тьма над поверхностью бездны*** – утверждена вещь, которую не обособляет или не отделяет от бытия никакое отрицание. И «тьма» есть подлежащее, а «была» – показывание. Ведь оно разъясняет сказыванием [«была»], что тьма некоторым образом ***есть***.

Вот так неколебимый авторитет, сопровождаемый разумом, и разум, в свою очередь, признавший авторитет, сказывают одно и то же, а именно: ***тьма есть***.

Но хотя вполне достаточно того, что уже было изложено ради примера и о чем мы упоминали выше, все же чтобы не предоставлять ни одному из наших противников повода для возражения, огласим еще некоторые из множества божественных свидетельств, дабы, пораженные священным ужасом, не осмелились они более выставлять против сказанного свои бессмысленные речения.

Ибо когда Господь, в возмездие за скорбь народа Израиля, подверг Египет суровым казням, Он окутал его столь плотной тьмой, что она могла осязаться [Исх 10, 21], и не только лишала глаза людей возможности видеть, но, по причине густоты, ее даже можно было пощупать руками. А то, что можно трогать и осязать, необходимо существует. Необходимо существующему

невозможно не быть, а через это невозможно не быть тьме, поскольку из того, что она осязаема, доказано, что она необходимо ***есть***.

Нельзя также умолчать о том, что когда Господь всяческих разделил свет и тьму, Он назвал свет «днем», а тьму «ночью» [Быт 1, 5]. Ибо если имя «день» означает нечто, не может не означать чего-либо имя «ночь». А «день» означает свет. Свет же есть нечто великое. Ведь день и существует и есть нечто великое. Тогда неужели «тьма» не является обозначающим речением, когда тем же Создателем, который положил свету название «день», ей запечатлено название «ночь», и должно ли отменить божественный авторитет? Никоим образом. Ведь скорее прейдут небо и земля, чем божественный авторитет переменится [Мк 13, 31]. Ибо вещам, которые Он сотворил, Создатель положил имена, чтобы вещь, названная соответствующим ей именем, была узнана. И никакой вещи не образовал Он без имени, и никакого имени не установил без того, чтобы не существовало то, чему Он [это имя] установил. Ибо если не так, [имя тьмы] во всех отношениях покажется лишним, и грех говорить, что такое сотворил Бог. Если же грешно говорить, что Бог установил некоторый излишек, то имя, которое Бог положил тьме, никоим образом не может оказаться излишним. А если оно не излишне, то [положено] сообразно мере [modum]. Если же сообразно мере, оно и необходимо, поскольку требовалось для распознавания вещи, которая через него обозначается. Итак, ясно, что Бог сообразно мере установил вещи и имена, которые необходимы друг для друга.

Так и святой пророк Давид, исполненный Святого Духа, зная, что «тьма» это не какой-то пустой и бессмысленный звук, ясно заявил, что она есть *нечто*. Ведь он сказал: ***послал тьму*** [Пс 104, 28]. Если ее нет, как ее послать? А что есть, то можно послать, и послать туда, где его нет. Ну, а чего нет, никуда не может быть послано, ибо его нет нигде. Следовательно, о «посланной тьме» говорится оттого, что она *была*.

И вот еще: ***и тьму положил покровом своим*** [Пс 17, 12]. Само собой, Он «положил» то, что *было*, и неким образом положил тьму, которая *была*, чтобы соделать ее своим покровом.

Также и другое: ***как тьма Его*** [Пс 138, 12], где указано, что она находится во владении, а через это показывается, что она *есть*. Ведь все, чем владеют, *есть*. Тьма же – во владении, следовательно – *есть*.

Но хотя достаточно доводов и числом, и сутью и удерживают они против любой атаки неприступнейшую крепость, откуда легко отраженные дротики могут обратиться на своих метателей, однако должно испросить нечто и от незыблемости Евангелия. Возьмем поэтому слова самого Спасителя: ***сыны царства***, говорит Он, ***будут извержены во внешнюю тьму*** [Мф 8, 12]. Нужно, однако, обратить внимание, что Он именует тьму внешней. Ведь «вне», производное от коего – «внешний», означает *место*. Вот почему, говоря «внешняя», Он показывает, что тьма имеет место. Ведь не было бы внешней тьмы, не будь тьмы внутренней. А все, что является «внешним»,

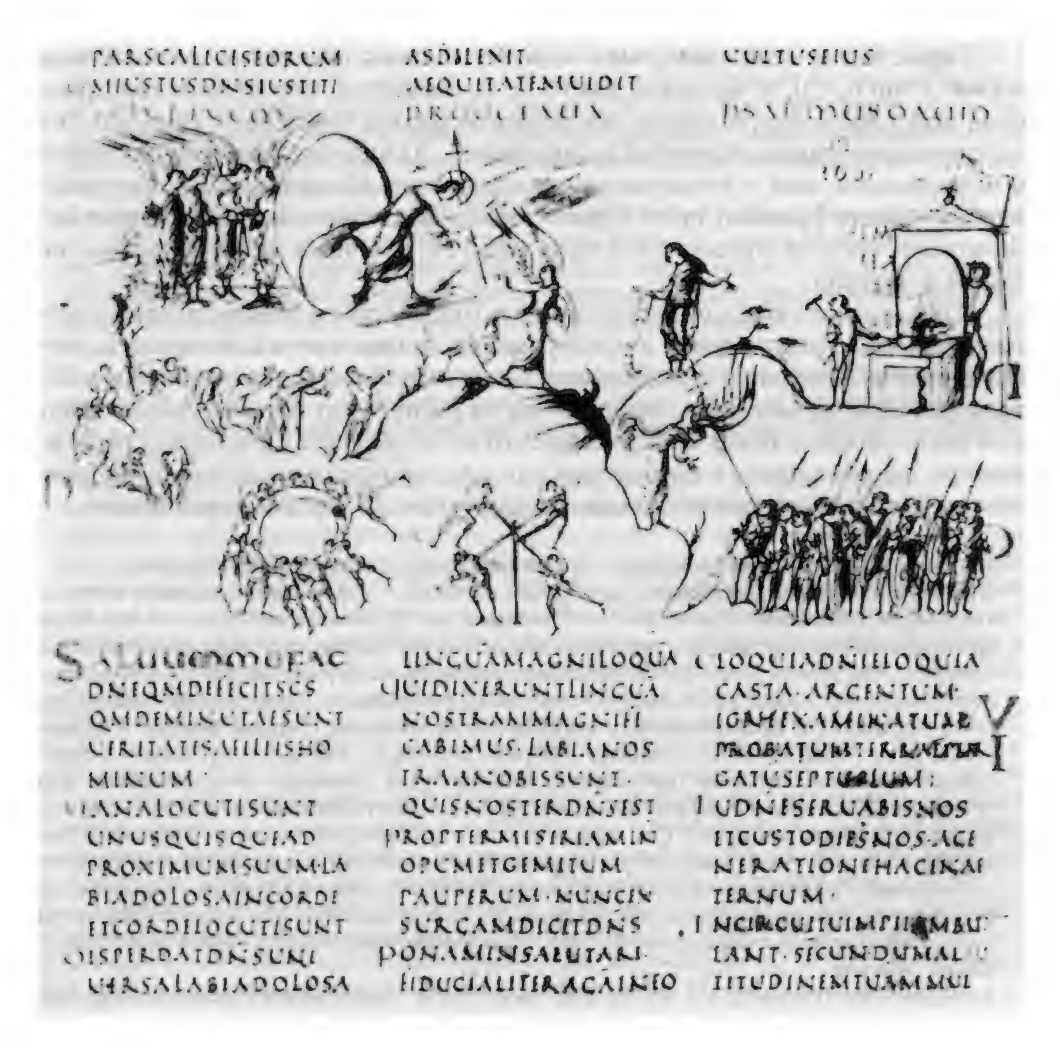


Иллюстрация к псалму 11. Миниатюра Утрехтской псалтыри.
Нессельштраус Ц.Г. Искусство раннего средневековья. СПб., 2000. Ил. 49

необходимо находится в месте. А что не существует, того нет нигде. Поэтому «внешняя тьма» не только *есть*, но и имеет место[7].

Также и евангелист упоминает, что во время страстей Господних становилась [esse factas] тьма от часа шестого до часа девятого [Мф 27, 45]. О каковой, поскольку она *становилась*, каким образом можно говорить, что она не есть? Невозможно, чтобы то, что становилось, [уже прежде] не было ставшим [factum]. А что всегда не *есть* и никогда не становится, то не есть никогда[8]. Но тьма *становилась*, поэтому невозможно, чтобы ее не было.

Также иное: ***если свет, что в тебе, – тьма, то сколь густа будет тьма?*** [Мф 6, 23]. Я полагаю, никто не сомневается, что количество [quantitas] придано *телам*, которые все распределяются через него. Ведь для тел «количество» является второй акциденцией. Акциденции же или находятся в подлежащем, или о подлежащем сказываются. Следовательно, высказыванием «сколь [quantae] густа будет тьма» в подлежащем показывается *количество*. Из этого весомого довода следует, что тьма не только *есть*, но также и телесна.

Итак, я позаботился написать Вашему Высочеству и Мудрости это немногое с помощью рассуждений и одновременно привлеченного авторитета, чтобы твердо и неизменно придерживаясь сего, не совращенные никаким ложным мнением, не могли Вы отклониться на распутье от истины. А если вдруг кем бы то ни было будет высказано нечто не согласное с этим нашим рассуждением, то, обращаясь к последнему как к установленному правилу, вы сможете достоверными положениями опровергнуть его глупые измышления.

[1] Имеются в виду «дворцовые мужи» – это, скорее всего, члены кружка Алкуина.

[2] «Agitatam diutissime a quampluribus quaestionem de nihilo» – эти слова напоминают вступление Боэция к одному из трактатов его «Opuscula sacra». Ср. Боэций, «О Троице»: «...я очень долго исследовал этот вопрос, употребив все силы». Возможно, это намеренная отсылка. Фридугис, как ученик Алкуина, который ввел «Opuscula sacra» в научный обиход каролингских ученых, указывает на отправную точку своих рассуждений, одновременно демонстрируя и эрудицию, и приверженность академической традиции. Именно Боэций в другом трактате из «Opuscula sacra», а именно «Против Евтихия, 1», как бы ставит вопрос о существовании *ничто*, который каролингские ученые будут обсуждать на протяжении трех четвертей IX в.: «[Слово] *ничто* обозначает нечто, ...оно обозначает не то, что нечто существует, а скорее небытие». Сам Фридугис, как и другие представители первого поколения каролингских ученых, использует Боэция лишь как объект ссылки, не вникая в ход его рассуждений. Через полвека реальность *ничто* будут отстаивать ирландец Макарий и его безымянный ученик. Возражая им, Ратрамн из Корби покажет, что они отталкиваются от упомянутого выше отрывка из Боэция. Чуть позже о реальности *ничто* будет писать Иоанн Эригена.

[3] Августин в De Trinitate I, 2, 4 (PL 42, 828) писал, что о Троице можно рассуждать, во-первых, обращаясь к авторитету Св. Писания, а затем, если будет на то изволение Божие, пользуясь построениями разума.

[4] Фридугис постулирует однозначное соответствие имен языка и вещей мира. При этом под значением слова понимаются как конкретные объекты, так и универсалии, которые обозначаются «именем, употребляемым вне какого-либо [видового] различия». Кажущийся ненужным переход от единичных вещей к универсалиям, возможно, диктуется источником Фридугиса. Ср.: «...универсальные [субстанции] – это те, что сказываются о единичных [вещах], как, например, “человек”, “животное”, “камень”, “дерево” и тому подобное, то есть роды и виды» (Боэций, Против Евтихия, 3). Устанавливая жесткую связь *имя–вещь*, Фридугис, намеревавшийся идти путем Аристотеля (используя школьную логику), здесь полностью расходится с последним. Ср.: «...*человек* что-то, правда, обозначает, но не обозначает, есть ли он или нет» (Аристотель, Об истолковании, 16в, 28–31; пер. Э.Л. Радлова); и «...речь о человеке не есть высказывающая речь [т.е. истинная или ложная. – *В.П.*] до тех пор, пока не присоединено *есть*, или *был*, или *будет*, или нечто подобное» (Ibid. 17а, 11–13). Итак, для Фридугиса нет триады *слово–значение–предмет*. Последние два члена

тождественны. Спустя несколько десятилетий эта тема (впервые после Боэция) будет предметом разбирательства между неким Макарием и Ратрамном из Корби (см. *Ratramne de Corbie*. Liber de anima / Ed. D.C. Lambot. Namur; Lille, 1951). Макарий утверждал приоритет универсального; Ратрамн отвечал, что реально существует только единичное. В своих доказательствах Ратрамн использовал работы Боэция: первый комментарий на «Эйсагог» Порфирия и «Против Евтихия».

[5] Ссылка на грамматиков весьма характерна для этой эпохи «грамматического платонизма». В аристотелевском смысле *ничто* (nihil = ne + hilum) это скорее неопределенное имя. Ср.: «...не-человек не есть имя, нет такого имени, которым можно было бы его назвать, ибо он не есть ни речь, ни отрицание. Пусть он называется неопределенным именем, потому что он одинаково подходит к чему угодно – к существующему и к несуществующему» (Аристотель, Об истолковании, 16а, 30–35).

[6] Через несколько десятилетий эти слова почти дословно повторит Иоанн Эригена (*Перифюсеон* III, PL 122, 664C): «...следовательно, оно не *ничто*, но было чем-то великим».

[7] Ср.: «...всякое чувственно воспринимаемое тело находится в месте» (Аристотель, Физика, IV, 1, 208в 29; пер. В.П. Карпова).

[8] В первой части трактата Фридугис защищал *ничто*, которое есть «нечто великое». То, что он теперь отвергает, – это лишенность бытия, полное отсутствие чего-либо. О таковом философы либо остерегались говорить, – ср.: «...о том, что противоположно бытию, мы уже давно оставили мысль решить, существует ли оно или нет, обладает ли смыслом или совсем бессмысленно» (Платон, Софист, 258е; пер. С.А. Ананьина); «...и не рассматривай тех, что не суть, как лишенность тех, что суть. Ведь ничто из [полностью] лишенных существования не может ни постигаться, ни существовать» (Макарий Викторин, Послание к Кандиду Арианину, V, 4–6), – либо такую полную лишенность отвергали: (Лукреций, О природе вещей, I,150: «из ничего не творится ничто по божественной воле» (Лукреций, О природе вещей, I, 150; пер. Ф.П. Петровского); «...что ничто не возникает из *не сущего*, а все из *сущего* – это общее мнение почти всех, рассуждающих о природе» (Аристотель, Метафизика, IX, 6, 25; пер. А.В. Кубицкого); «...если что-то возникает, то ясно, что в возможности, но не в действительности, должна быть некая сущность, из которой произойдет возникновение» (О возникновении, I, 3, 317b 23; пер. Т.А. Миллер); «...мы и сами говорим, что ничто прямо не возникает из *не сущего*» (Физика I, 8, 191b 13; пер. В.П. Карпова); «...сущности и все остальное... возникают из какого-нибудь субстрата» (Ibid. I, 7, 192b 1); «...я называю материей первичный субстрат каждой [вещи]» (Ibid. I, 7, 192a 31); «[Материи] необходимо быть неисчезающей и невозникающей» (Ibid. I, 9, 192a 28); «...из ничего не может получиться нечто, ведь все, что возникает, должно иметь нечто, из чего оно создается и чем формируется» (Боэций, Комментарий к Порфирию IV; пер. Т.Ю. Бородай).

Храбан Мавр

*

Храбан Мавр родился в 780 г. в Могонтиаке (ныне Майнц) и, как полагают, получил имя Магненций как указание на место своего рождения. Полное имя его – Магненций Храбан Мавр. Ребенком он был отдан в монастырь Фульда, где получил первоначальное образование. При настоятеле Баугульфе Храбан был рукоположен во диакона (801 г.). Для дальнейшего образования он был послан к Алкуину в Тур, где изучал не только богословие, ни и семь свободных искусств. Храбан стал не только учеником Алкуина, но и другом, о чем говорит имя, которое он получил, живя в Туре: Мавр в память св. Мавра, любимого ученика прп.Бенедикта Нурсийского. Вернувшись в Фульду, Храбан пережил довольно тяжелое время. Баугульф, более склонный поощрять физический труд и занятый монастырским строительством, препятствовал организации монастырской школы и даже отнял у Храбана его книги. Когда же настоятелем Фульды стал Эйгиль, положение Храбана переменилось. В 822 г., после смерти Эйгиля, братия выбрала настоятелем Храбана. С этого времени начался расцвет Фульды как центра ученых занятий и просвещения. Храбан всячески содействовал работе скриптория и увеличению монастырской библиотеки. В его настоятельство школа Фульды считалась лучшей во всей восточной Франкии. После двадцатилетних настоятельских трудов, в 842 г. Храбан сложил с себя обязанности главы монастыря и, удалившись в небольшой монастырь Петерсберг, подчинявшийся Фульде, посвятил все свое время ученым занятиям. Однако через пять лет ему пришлось покинуть Петерсберг, чтобы, по просьбе короля Людовика Немецкого, возглавить Майнцскую диоцезу. Как архиепископ Храбан собирал церковные соборы (847, 848 и 852 гг.), участвовал в полемике, касающейся некоторых литургических вопросов, с Пасхазием Ратбертом во время голода 850 г. ежедневно кормил более 300 человек. При этом он не оставлял ученых занятий до самой кончины, последовавшей 4 февраля 856 г.

Храбан был выдающимся педагогом, богословом и ученым-энциклопедистом. Его наследие включает произведения по разным отраслям знаний. Первое сочинение Храбана, «О похвале Св. Кресту» в двух книгах, представляет собой сочетание фигурных стихов и комментирующей их прозы. В настоятельство Эйгиля, в 819 г., был написан трактат «Об образовании клириков» в трех книгах, где дается обзор знаний, как богословских, так и светских, которыми должен овладеть будущий клирик. В третьей книге этого трактата излагается система «семи свободных искусств». Энциклопедическое сочинение «О вселенной» в 22 книгах, посвященное Храбаном другу, епископу Хаймо Гальберштадтскому, было составлено уже после того, как Храбан сложил с себя обязанности настоятеля. Это была первая энциклопедия со времени Св. Исидора Севильского. Храбан был также весьма известен как коммен-

татор Св. Писания. Еще будучи простым монахом, он по просьбе братий начал составлять «Толкования на Евангелие от Матфея», а во времена своего архиепископства прокомментировал Апостольские послания. Как и большинство духовных писателей своего времени, Храбан обращался к агиографическому и гомилетическому жанрам, а также писал стихи.

Гомилии

В День святых мучеников

Поскольку сегодня воссиял день, когда блаженный мученик родился в жизнь вечную, день, который наш Господь благоизволил праздновать с вами, братия возлюбленные, мы порассуждаем, с Его помощью, о славе и терпении мучеников. Ведь они презрели мирскую славу, и потому их терпение испытывается в мире; ибо их скрытая слава таится на небесах, а терпение их совершенствуется на земле; кто не страшится, достигнет славы. Ведь, как полагают, тяжело и мучительно претерпевать невзгоды во плоти, ибо они тягостны: если бы они не были всем тягостны, мученики не увенчивались бы славой. Так, многим распущенным и корыстолюбивым людям кажется, что мученики, побуждаемые к отречению, безумствуют, претерпевая столь великие тяготы во имя Христово; они исповедуют Его всегда, открыто возвещая истину. Иных ежедневно секут розгами и плетьми, иных бьют палками и бичами, иных разрывают на части, иных умерщвляют мечом, с иных сдирают кожу, поливают их смолой и расплавленным свинцом, иных топят в море, иных предназначают на съедение зверям, иных морят ужасом и голодом в темницах. Ибо сколько видов мучений и смертей смог выдумать враг, стольким он без всякого сожаления подверг мучеников; но хотя они открыто претерпели сии ужасы, скрыто от глаз они увенчались невыразимой славой. Земной славы искали многие; многие сильные и отважные мужи полагали, что должно пролить кровь за родину, и, не колеблясь, проливали ее; они и после смерти имели славу у потомков; но какова их слава по сравнению со славой мучеников! Какой царь смог сделать возможным то, что сделал Рыбарь[1]? В Риме находятся гробницы императоров, консулов и отважных мужей, которые оружием укротили и подчинили мир; однако император удостаивается чести войти к гробнице Рыбаря, и когда, сняв корону, он молится у его гробницы, Рыбарь принимает его; если мученикам и должно было бы искать земной славы, вот ею не обмануты те, которые взыскали почестей среди ангелов. Мы видим их славу на земле и стоим в оцепенении; что бы мы пережили, если бы узрели ее на небесах; какое оцепенение восторга охватило бы нас, если бы мы созерцали во славе среди ангелов тех мучеников, чье рождение в жизнь вечную, как мы видим, празднуют народы.

Но мы желаем радоваться со святыми и не хотим нести с ними мучения мира сего; а кто не хочет, насколько может, следовать святым мученикам,

не сможет войти в их блаженство. Так и Апостол предсказывает, говоря: «...вы участвуете как в страданиях [наших], так и в утешении»[2 Кор 1, 7]. И Господь говорит в Евангелии: «Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел» [Ин 15, 18]. Тот отказывается быть членом тела, кто не желает выносить ненависть вместе с головой. Но скажет некто: есть ли тот, кто может идти вослед блаженным мученикам? Этому я отвечаю: и не только мученикам, но и Самому Господу мы можем, если захотим, последовать, с Его же помощью. Слушай не меня, но Самого Господа, провозглашающего и говорящего роду человеческому: «...научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем» [Мф 11, 29]. Слушай и блаженного Петра, увещающего: «Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его» [1 Пет 2, 21]. Вот Христос говорит: «...научитесь от Меня», блаженный Петр восклицает: «...дабы мы шли по следам Его». Сходным образом и апостол Павел провозглашает: «Подражайте Богу, как чада возлюбленные» [Ефес 5, 1]. Что на это ответим, братия, или как сможем оправдаться? Если тебе скажет кто-нибудь, что ты должен подражать подвигам, которые совершил Господь, твое оправдание может быть справедливо, ибо не всем дано творить подвиги и чудеса; жить же праведно и целомудренно и с Божией помощью сохранять со всеми любовь предписано всем. Ибо и Сам Господь не сказал: «Научитесь от Меня» воскрешать мертвых, ходить по водам сухими стопами, – этого Он не сказал. Но что Он сказал? «Ибо Я кроток и смирен сердцем», и в другом месте: «...любите врагов наших, благотворите ненавидящим вас» [Лк 6, 27], «ибо Он [Отец ваш небесный] повелевает солнцу Своему восходить над добрыми и злыми» [Мф 5, 45]. И хотя есть многое другое, в чем мы должны подражать Богу и блаженным мученикам, особенно важны эти два предписания, а именно: чтобы мы были кротки и смиренны сердцем и любили бы своих врагов всеми силами своего сердца. Относительно врагов, которых должно любить, никто, братия возлюбленные, никогда не смог бы найти себе оправдания в предписаниях Божиих, если бы не выполнял это. Некто может сказать мне: «Я не могу поститься, не могу раздать все мое имение бедным и служить Богу в монастыре», но разве может он сказать: «Я не могу любить?» Но некто говорит: «Мой враг причинил мне столь великое зло, что я никоим образом не могу его любить». Ты размышляешь о том, чтó тебе сделал человек, и не размышляешь о том, чтó ты сделал Богу: если ты внемлешь себе и усердно исследуешь свою совесть, увидишь, что по отношению к Богу ты совершаешь без какого-либо искупления бóльшие грехи, чем по отношению к тебе совершил человек; и с какой стати ты хочешь, чтобы Бог дал тебе в награду прощение многого, когда ты не радуешься случаю простить немного? Вы же, братия, ежедневно говоря Богу в молитве: «И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим» [Мф 6, 12], прощайте, и простится вам; ведь Сама Истина провозглашает, внушая ужас: «Если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» [Мф 6, 15].

Итак, будем же подражать святым мученикам Христовым в вере, смирении, кротости, стойкости, долготерпении, любви; и так сможем у Бога иметь заступниками самих мучеников, чтобы были изглажены наши грехи и даны нам вечные награды по предстательству Господа нашего Иисуса Христа, который живет и царствует с Богом Отцом в единении Святого Духа, Бог во все веки веков. Аминь.

В День святых апостолов

Если нам, братия возлюбленные, должно быть приятно празднество всех святых мучеников, сколь приятнее празднество тех, кто следовал за Истинным Главой мучеников; если нам приятно почитание агнцев, сколь более приятно почитание овнов. Ведь все, кто позже исповедал Христа вплоть до смерти, становятся сынами апостолов, не рождаясь от них по плоти, но подражая их подвигам. Их принесли, словно жертву, народы языков, о которых прежде спел Псалмопевец, говоря: «Принесите Господу сыновей овнов» [Пс 28, 1]. Таковым вначале Господь, когда побуждал их к исповеданию Своего имени, не только пообещал, что Он будет увенчивать победителей, но и что Он будет помощником в борьбе. Он наставлял еще и их потомков, оставляя записанным все, что говорил. Итак, Господь говорит апостолам, увещая их: «Когда же приведут вас к владыкам и властям, не размышляйте, ни что будете отвечать, ни что скажете. Ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас» [Мф 10, 20]. Господь запретил размышлять и предписал исповедать Его; ибо Он возжелал отнять человеческую надежду и дать божественную благодать, чтобы те, кто сами по себе робки, были бы дерзновенны в Боге. Потому и в другом псалме голос мучеников обращается к Богу, словно отчасти боясь человеческой бренности: «Избавь меня от врагов моих, Боже мой! защити меня от восстающих на меня» [Пс 58, 2], и немного позже говорит, уверенный в божественной помощи: «Сила у них – но я к Тебе прибегаю» [Пс 58, 10]. Ведь Господь, желая показать, что Его апостолы стоят выше прочих верных, а также древних судей и пророков, говорит им: «...блаженны очи, видящие то, что вы видите! и уши, слышащие то, что вы слышите. ... Многие пророки и цари желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали» [Лк 10, 23–24]. И также в другом месте говорит: «Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего» [Ин 15, 15]. Господь говорит им также и в ином месте: «...что вы свяжете на земле, то будет связано на небе» [Мф 18, 18]. Еще в одном месте Господь ответил Петру, желавшему разузнать, что он обретет для себя и своих сотоварищей, оставив все и последовав за Искупителем: «...истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, – в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать ко-

Церковь Святого апостола Петра. Фульда (Германия).
Munz P. Life in the Age of Charlemagne. L., 1969. P. 104. Il. 22

лен Израилевых» [Мф 19, 28]. Апостолы суть свет мира [Мф 5, 14], ибо через них впервые Господь передал этому миру свет веры и истинного знания и избавил языки и народы от мрака заблуждений и грехов. Они суть соль земли [Мф 5, 13], ибо через них земнородные получили услаждающий вкус вечной жизни, чтобы обуздывать распущенность плоти и сохраниться невредимыми от тления грехов и червей пороков. Они суть двенадцать драгоценных камней, положенные в основу небесного строения, которые описывает Иоанн в своем Апокалипсисе [Откр 21, 19–20], ибо проповедь их положила основание Церкви. Потому и Павел говорит: «...вы ...сограждане святым и свои Богу были утверждены на основании Апостолов и пророков» [Еф 2, 19–20]. Они есть двенадцать ворот Нового Иерусалима, который сошел с неба, ибо через них мы сначала вошли в дверь веры и затем будем причислены к согражданам святых.

Итак, размышляя об этом, возлюбленные братия, вновь вспомним, чему научили нас столь великие вожди народа Божия. Будем стремиться делами исполнять то, что они предписали; научимся по их примеру презирать богатства мира сего, не любить наслаждений века сего, желать Небесного Царствия, ничего не предпочитать Христу, но во всем слушаться Его предписаний; любить бедность в вещах века сего, иметь богатство добродетелей, жаждать сокровищ мудрости, искать духовных радостей, никому не завидовать, но любить всех людей, друзей в Боге и врагов по причине веры в Бога. Ибо сия есть единственная истинная любовь; ведь любовь плотская и поврежденная затягивает в пропасть и уподобляется ненависти; потому написано: «Кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу» [Иак 4, 4]. Итак, вот эти наши вожди, совершеннейшие в любви к Богу и исполненные любви к ближним, потому смогли победить нападение мира и укротить сей век, обагренный кровью, что во всем они ничего не любили, кроме воли Божией. Так и мы, братия, будем с любовью творить во всем волю Божию и возлюбим нашего Создателя в самих себе, а творение в своем Творце; и так да стяжаем самую истинную любовь, ибо Бог есть любовь, и кто любит эту любовь, любит Бога [Ин 17, 3]; и если мы будем так любить, полюбит нас Сам Бог, полюбят нас и святые апостолы, судьи наши, и будут просить за нас, чтобы на Всеобщем суде мы венчались с ними в вечности, что удостоит нам даровать Сам Судия и Господь наш, Который со Отцом и Св. Духом живет и царствует Бог во веки веков. Аминь.

О стремлении к мудрости и размышлении над Божественным законом

Надлежит, братия возлюбленные, чтобы вы с чистым сердцем и целомудренной плотью любили учиться божественной мудрости и достигли понимания, ибо само познание Бога дается ищущим и непрестанно размышляющим. Нет ничего лучше познания Бога, ибо ничего нет блаженнее, и само

оно есть истинное Блаженство. Потому и Спаситель говорит Отцу: «Сие же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» [Ин 17, 3]. Итак, послушайте, братия, как обретается познание Его мудрости. Во-первых, человеку следует искать всего, что есть истинное знание и истинная мудрость, ибо «мудрость мира сего есть безумие перед Богом» [1Кор 3, 9]. Истинное знание есть удаление от служения диаволу, которое есть грехи; и совершенная мудрость есть почитание Бога соответственно истине Его предписаний, так как при помощи этих двух снискивается блаженная жизнь, как говорит Псалмопевец: «Уклоняйся от зла, и делай добро» [Пс 36, 27]. Еще недостаточно всякому человеку не делать зла, если он не делает добра; недостаточно делать добро, если он еще не избегает зла. Итак, всякий, кто настолько мудр, без сомнения, будет блажен в вечности, поскольку блаженная жизнь есть познание Божества; познание Божества есть совершенство доброго дела; совершенство доброго дела есть плод вечного блаженства. Итак, сверх этого будем иметь доброе утешение – чтение Божественных Писаний, ибо чтение Святых Писаний есть немалое предзнание Божественного блаженства. В Божественных Писаниях, словно в некоем зеркале, человек может рассмотреть себя, каков он есть и куда стремится [см. Иак 1, 23]. Частое их чтение очищает все, внушает страх геенны, побуждает к высшим радостям сердце читающего. Тот, кто хочет всегда быть с Богом, должен часто молиться и читать: ведь когда мы молимся, мы сами беседуем с Богом; когда же мы читаем, с нами беседует Бог. Чтение Священных Писаний соединяет в себе двойное благо: потому что оно совершенствует познавательную силу ума и потому что приводит человека, отрешенного от суеты мира, к любви Божией. Труд чтения досточестен и приносит много пользы, очищая душу; как плотской пищей питается тело, так божественными речениями вскармливается и поддерживается внутренний человек, по словам Псалмопевца: «Как сладки гортани моей слова Твои! лучше меда устам моим» [Пс 118, 103]. Но тот наиболее блажен, кто, читая Божественные Писания, обращает слова в дела. Истинно, все Святые Писания созданы для нашего спасения, чтобы мы, читая их, преуспевали в познании истины. Слепой чаще ушибается, чем зрячий: так и не знающий Закона Божия чаще грешит по незнанию, чем тот, кто знает его. Как слепой без поводыря, так и человек без наставника едва ли ходит по правильному пути. И по этой причине, братия возлюбленные, каждый из вас может читать и понимать Священные Писания и да приложит к этому усердие, чтобы получить пользу от частого их обдумывания; кто же не может уяснить смысл Святого Писания из чтения, пусть с большим вниманием слушает толкующего, чтобы, по крайней мере, отсюда получить основание знаний. Когда же вы, любезнейшие, наученные небесным наставлением, узнаете, что должно делать, а чего избегать, да не будет промедления в делании того, о чем вы в душе рассуждаете, понимая это; ибо, как говорит блаженный апостол Иаков: «Не слушающие закон праведны у Бога, но исполнители зако-

на» [Иак 1, 22, 27], и Сама Истина говорит: «Раб же тот, который знал волю господина своего... и не делал по воле его, бит будет много» [Лк 12, 47]. Также и в другом месте написано: «...кто разумеет делать добро и не делает, тому грех» [Иак 4, 7]. Потому со всем усердием стремитесь к тому, чтобы познать волю Божию; а после того как вы узнаете волю Его, стремитесь, напрягая все силы, творить ее, исполняя заповеди Господни; и непрестанно просите, чтобы вы оставались в этом постоянными, достигли обещанного Им; в этом вас удостоит помощи Тот, Кто по благости Своей призвал нас и по благодати Своей освободил и Кто обещал прекрасно подвизающемуся Небесное Царство, Иисус Христос Господь наш, Который живет и царствует с Богом Отцом в единении Св.Духа Бога во все веки веков. Аминь.

На день памяти святого мученика Бонифация[2]

Веселие сего дня, о котором вы услышали, братия возлюбленные, я полагаю полезным обсудить с вашим братолюбием в несуетной речи и призвать на ум воспоминания о блаженном епископе и мученике Христовом Бонифации, а именно: как он достиг вечного блаженства, идя путем сей преходящей жизни. И достойно, чтобы мы в своем воспоминании размышляли о том, кто сохраняется в памяти навечно, ибо написано в псалме: «...в вечной памяти будет праведник. Не убоится худой молвы...» [Пс 111, 6–7]. Итак, этот стих, братия, хорошо подходит столь святому мужу, который не только любил благочестие умом, но еще и соблюдал его в проповеди и исполнял делами; и потому душа этого праведника впредь живет в покое со святыми, удаленная и сокрытая от всяческих мук и мрака нечестивых. В конце времен он приравняется к ангелам Божиим, получив тело не смертное, но бессмертное, не плотяное, но духовное (ибо что сеется в уничижении, воскреснет в славе) [1Кор 13, 43], и в самой памяти вечной будет праведник. Но послушайте, какой худой молвы он не убоится, и так же поступайте, чтобы не убояться худой молвы. Ведь это говорит Сам Господь наш Иисус Христос (ибо не может ошибиться Тот, Кто ни в чем не ошибается): «Когда же приидет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов – по левую» [Мф 25, 31–33]. Не будем долго говорить о том, как Он напоминает добрые дела тех, порицает злодеяния вот этих; Он говорит тем, кто стоит по правую руку: «приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» [Мф 25, 34]; в этой же памяти вечной будет праведник. Он скажет и стоящим слева: «...идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» [Мф 25, 41]. По этой причине праведник не убоится худой молвы; почему же, если не потому, что он, поставленный по правую руку, прежде убоявшись Создателя своего, по-

виновался Ему. Я верю, что вам, братия, небезызвестна и превосходнейшая борьба и славнейшая победа этого святого мужа, который, следуя восьми предписаниям голоса Истины, достиг истинного блаженства. Ибо Господь говорит в Евангелии: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» [Мф 5, 3]. Вот, братия, неужели не был нищ духом этот святой, который, избрав добровольную нищету, оставив свое имущество и отеческое наследство, друзей, родных и родителей, совершенно отрекся от этого мира, смиренно жительствовал, и стойко переносил жизнь вдали от родины, и в странствии стремился обрести одного лишь Христа, чтобы сподобиться вечно иметь с Ним Царство Небес. «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» [Мф 5, 5]. Он был кроток при всех обстоятельствах, ибо никому не причинял вреда, никого не оклеветал, более того, терпеливо переносил то, что ему причиняли другие и молился за преследователей; и поэтому также он получил во владение землю живущих в вечности вместе со святыми ангелами. «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» [Мф 5, 4]. И он почел за лучшее избрать перенесение мучений и тягот с бедняками Христовыми, чем неправедное веселье до времени с богатыми века сего, а после вечное рыдание. Ибо когда он был поставлен во епископа апостольским престолом и волей апостолического папы назначен к народу франков как наместник Германской церкви, то исполнил на себе свидетельство Псалмописца, сказанное о проповедниках Св. Писания: «С плачем несущий семена возвратится с радостью, неся снопы свои» [Пс 125, 6]. «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» [Мф 5, 6]. Он испытывал всегда то желание, тот голод ума, ту жажду души, чтобы охранять в себе проявления заповедей Господних и равно убеждать других исполнять их, чтобы иметь возможность сказать Господу вместе с Пророком: «...я в правде буду взирать на лице Твое; пробудившись, буду насыщаться образом Твоим» [Пс 16, 15]. «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» [Мф 5, 7]. И почему этот выдающийся проповедник принял на себя столь великий труд добровольного изгнания, если не потому, что уязвляемый милосердием в самое сердце, он с болью переносил ущерб других как свой, и по этой причине обрел непрестанную милость пред очами Божиими, радея об исправлении многих. «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» [Мф 5, 8]. Чист сердцем был тот, кто хранил в уме столь великий светильник знаний; потому в другом месте написано: «...душа праведного – седалище премудрости»; тот, кто обладал истинным знанием, в очах Божиих не может никого ввести в заблуждение. «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» [Мф 5, 9]. Этот мученик сперва достиг мира в себе самом, когда подчинил всякое движение своей плоти власти духа, и так проповедал прочим слово примирения; и посему, разрушив царство греха, привел к Богу многих сынов посредством крещения и проповеди Евангелия. «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное» [Мф 5, 10]. Итак, он пострадал от гонений за правду не только от язычников, но более того: от ерети-

ков и раскольников, равно как и от ложных христиан, которые преследовали его тягостной враждой и, строя козни, весьма часто замышляли убить его; но Господь защищал его, чтобы школа Евангелия процвела изобильно. В последний же раз, когда он проповедовал слово Божие народу фризов, он отошел ко Господу с пальмой мученичества.

Вот, вы услышали, братия возлюбленные, как этот святой предстоятель Божий и мученик возрастал от добродетели к добродетели и какого он достиг совершенства. Будем же и мы, его питомцы, подражать его преуспеянию, последуем, словно мерилу, его указаниям, и так, с Божией помощью, достигнем и награды его. Восхвалим в Господе душу его, потому что она радуется, находясь со святыми ангелами пред очами Божиими. Воздадим почести телу его, ибо «дорога в очах Господних смерть святых его!» [Пс 115, 6]. Вспомним страдание его и так в месте, где покоятся его мощи, будем торжественно праздновать его славную победу. Ведь мы не устанавливаем Бонифацию алтарь, подобно Богу, но соделываем Бонифация алтарем Истинного Бога; ибо непременно душа его есть седалище Бога, радости Каковего да позволит нам достигнуть по молитве его Тот, Кто сделал его победителем, – Иисус Христос Господь наш, Который живет и царствует со Отцем Богом и Св.Духом Бог во веки веков. Аминь.

«О Вселенной». Книга XV, глава 2

О поэтах[3]

Откуда произошло название «поэты», Транквилл[4] рассказывает следующее: когда впервые люди до начала христианства, избавившись от дикости, начали жить по закону, познавать и себя, и своих богов, они, выдумав для себя культ эдилов и речь, необходимую для тех и других, ради благоговения измыслили величие богов. Итак, как они строили свои храмы красивее домов и изображения богов делали больше человеческих тел, так они полагали, что богов должно почитать речью, как бы более возвышенной, и приносили им хвалы более блистательными словами и более приятными стихотворными размерами. То, что составляется в некой форме, которая называется поэзией, именуется поэмой, а ее создатели – поэтами. Боговдохновенные певцы получают свое название от силы духа, как впервые сказал Варрон[5], или от вьющихся песен, то есть произносимых нараспев, то есть сохранявших определенный ритм; потому поэты по-латыни некогда назывались боговдохновенными певцами, а их писания – пророческими песнями. Лирические поэты получили свое прозвание «apo tou lyrein» – от разнообразия песен; отсюда и название лира. Трагические поэты названы так, потому что сначала наградой поющим был козел, которого греки называют «tragon». Потому и Гораций говорит:

Прежде трагический скромный поэт за козла состязался![6]

Беседа философов. Миниатюра из рукописи Храбана Мавра «De Institutrione clericorum». *Dixon Ph.* Britek, Frankok, Vikingek. Lausanne, 1976. Il. 66

Так вот, позже последующие трагические поэты стяжали многие почести, отличившись содержанием своих писаний, вымышленных наподобие истины. Комические поэты называются или по месту, так как они пели по деревням, которые у греков называются «comae», или от веселых пирушек. Ведь люди обыкновенно приходили послушать их после трапезы. Но комические поэты говорили о поступках простых людей, трагические же – о делах государства и об историях царей. Некие же поэты именуются богословами, потому что создавали песни о богах. Обязанность поэта состоит в том, чтобы, изменив, показать в другом виде то, что произошло на самом деле, словами, имеющими переносный смысл, с неким приукрашением. Потому и Лукан[7] не помещается в число поэтов, ибо, как кажется, он слагал исторические повествования, а не поэмы. Есть три рода поэзии. Есть род деятельный, или подражательный, который греки называют «dramaticon» или «mimicticon». Есть род повествовательный, который греки называют «exegematicon» или «panegyricon». Есть общий, или смешанный, род поэзии, называемый по-гречески «coenon» или «micton». «Dramaticon» есть деятельный род, в котором вводятся говорящие герои без пояснений поэта, как обстоит дело в комедиях и трагедиях. Ведь драма по-латыни называется «fabula»; в таком роде написано:

Мерис, куда тебя ноги несут? Направляешься в город?[8]

У нас в таком роде написана Песнь Песней, где ясно обнаруживается перемежающийся голос Христа и Церкви (хотя в ней нет поясняющего писателя). «Exegematicon» есть повествовательный род, в котором сам поэт говорит, не вводя никакого героя, как обстоит дело с тремя книгами «Георгик» целиком и с первой частью четвертой книги, а равно и с песнями Лукреция[9] и им подобными; в таком же роде у нас написаны книга Притч и Экклезиаст. Как известно, они на своем языке, как и Псалтирь, записаны стихотворным размером. В роде поэзии, называемом «coenon» или «micton», вводятся говорящие герои, как написаны «Илиада» и «Одиссея» Гомера и «Энеида» Вергилия, а у нас история блаженного Иова: хотя на своем языке она не вся написана в стихах, но частично метрической или ритмической речью.

* * *

«Господу слава
В горних высях в этот день», –
Пело впервые
Воинство небесных сил.
Ангелов гласы
Весть несут по всей земле,
Мира схожденье.

Небо сегодня
Сделалось медоточиво,
Моря пучина
Сладость ласковой волны
С кротким сравняло
Шепотом слабеющим,
С легким дыханьем.

* * *

Господи, хвала трех триад небесных,
Кормчий и Творец рода человеков,
В Свой Надмирный Град нас веди дорогой,
Ввысь уходящей.

Миротворца мы Михаила молим,
Дать на помощь нам воевод небесных,
Ведь когда они средь скорбей приходят,
Благо несут нам.

Пусть сойдет с небес Гавриил отважный,
Древнего врага обращая в бегство,
Нашу Церковь он, как Святых Святая,
Светом наполнит.

Исцеленье нам Рафаил приносит,
К нам пошли его из чертогов горних,
Чтобы он больным возвратил здоровье,
    Путь наш направил.

Вышнего Царя Пресвятая Матерь,
Ангелов полки и блаженных лики,
Помогайте нам, в сей земной юдоли
    Будьте покровом.

Да хранит нас здесь Троица Святая:
Бог Отец, Бог Сын, от Него рожденный,
Дух Святой, Чью славу по всей вселенной
    Эхо разносит. Аминь.

* * *

Сыне Божий, стойкость сердца, жизнь, Сиянье Отчее,
Пред очами сил небесных мы поем молитвенно,
Чередуясь, в ритме строгом песнь устам мы даруем,
Восхваляем, поклоняясь, всех небесных воинов,
Но особенно бесплотной рати предводителя,
Попирающего змия Михаила чествуем,
Защити нас, Царь Кротчайший, ты его десницею
Ото всех наветов вражьих; и Своею милостью
В Рай Пресветлый возврати нас, верных целомудрию.

Эпитафия Эйнхарду

Ты, приходя в этот храм, постигаешь изменчивость жизни,
Кто вознесен был судьбой, ныне стал прахом земным.
Се погребенный лежит муж преславный вот в этой гробнице,
Эйнхарда имя сему мужу родитель избрал.
Острым известен умом, честен делом и речью изящен,
Много он пользы принес дивным искусством своим,
С юности жил при дворе властелина могучего, Карла,
Верный соратник тому в многих трудах и делах.
Мощи из Рима привез, поклонением должным почтив их,
Петр с Маркеллином теперь храм освящают собой.
Людям болящим дают по молитве они исцеленье.
Молим, откройте душе Эйнхарда Царства Врата.
Царь всей вселенной, Христос, человеков Творец и Спаситель,
Боже, над твердью небес, дай ему вечный покой.

Эпитафия Валахфриду Страбу[10]

Всякий, кто хочет узнать, чьи останки скрывает гробница,
В камне начертанных строк скорбную повесть прочтет.
Здесь Валахфрид опочил, погребенный под тяжкой плитою,
Разумом всех превзошел кроткий пресвитер, монах,
Верный обители страж, настоятель ее богомудрый,
Паству догматам святым добрый наставник учил,
Звучные песни слагал, умудренный в искусстве поэтов,
Славя деянья святых, речь его плавно лилась.
Неутомимо сзывал он на Царские пастбища стадо,
Братиям в помощь была мудрая речь его уст.
Честен обычаем, он добрых дел нам примеры оставил,
Пастырь, снискавший любовь книжников и простецов.
Юношу хищная смерть унесла, опечаливши многих.
Принял раба Своего в райские кущи Христос.
Кто бы ты ни был, прошу, за него, эту надпись читая,
Искренне здесь помолись: Господу тем угодишь.

* * *

Приди, Создатель, Дух Святой,
Вселися в души верные,
Наполни благодатию
Сердца, Тобою зданные.

Зовешься Ты Утешитель,
Даянье Бога Вышнего,
Любви Источник огненный,
Помазанье духовное.

Дарами седьмочисленный,
Ты – Перст десницы Божией;
Богатство Слова Отчего
Устам пророков даруешь.

Дай чувствам просвещение,
Вспои сердца любовию,
Восполни наши немощи
Своей незримой силою.

Рази врагов невидимых
И мир подай незыблемый –
И так, Тобой водимые,
Мы бедствий избавляемся.

Да узрим мы Отца в Тебе,
И Сына-Искупителя,
Да неизменно чтим Тебя,
Обоим равночестного.

Храни нас, милость Отчая,
И Сына власть превечная,
И Царство Духа Божия,
И ныне и во веки все.

[1] Апостол Петр.

[2] Св. Бонифаций, апостол Германии (ок. 675–754).

[3] Глава «О поэтах» представляет собой компиляцию отрывков двух произведений: «Этимологии» св. Исидора Севильского (кн. VIII, гл. 7) и «Об искусстве метрики» Беды Досточтимого (гл.25).

[4] Транквилл Гай Светоний (ок. 75 – ок. 140), римский писатель, автор «О жизни цезарей». Вторым крупным произведением Светония является трактат «О знаменитых мужах», состоявший из нескольких книг. Храбан пересказывает отрывок из книги «О поэтах» (фрагм. 2, строки 1–10).

[5] Варрон Марк Теренций (116 г. до н.э. – 27 г. н.э.), крупнейший и наиболее плодовитый римский ученый-энциклопедист: филолог, антиквар и историограф. По поручению Гая Юлия Цезаря занимался устройством в Риме библиотеки, а затем руководил ею. Уже при жизни его научный авторитет был неоспоримым. Написал более 600 научных трудов по юриспруденции, искусству, грамматике, истории литературы. Сохранились полностью лишь трактаты «О сельском хозяйстве» и «О латинском языке». Место, пересказываемое Храбаном, взято из книги «О латинском языке» (кн. 7, гл. 36, строка 4).

[6] Гораций Флакк Квинт (65 г. до н.э. – 8 г. н.э.), римский поэт. «Carmine qui tragico vilem certavit ob hircum» (Ars Poetica // Наука поэзии, или Послание к Пизонам Квинта Горация Флакка / Пер. М. Дмитриева. М., 1853. С. 5).

[7] Лукан Марк Анней (39–65 гг.) – автор многочисленных поэтических и драматических произведений, не дошедших до наших дней. Среди несохранившихся произведений была поэма о Троянской войне; дошедшее до нашего времени произведение – «Фарсалия» – также посвящено историческому событию, войне между Цезарем и Помпеем.

[8] «Quo te, Moeri, pedes, an qua via ducit in urbem?» (Буколики. Эклога 9 // Вергилий. Собрание сочинений / Пер. С. Шервинского. СПб., 1994. С. 55).

[9] Тит Лукреций Кар (98–55 гг. до н.э.), поэт и философ.

[10] «Эпитафия Валахфриду Страбу» и следующее стихотворение, «Приди, Создатель...» в переводах М.Е. Грабарь-Пассек и С.С. Аверинцева приведены в разделе, посвященном В. Страбону, и «Каролингских ритмах», соответственно.

Агнелл Равеннский

*

Агнелл Равеннский родился около 805 г. в богатой и знатной равеннской семье. В честь деда он получил имя Андреас, и потому иногда его имя пишется как «Агнелл, который и Андреас». Семья с детства готовила его к духовной карьере. Агнелл был настоятелем двух равеннских монастырей – Пресв. Богородицы Влахернской и Св. Варфоломея; рукоположен во пресвитера архиепископом Петронацием (817–835). Умер около 854 г.

В Равенне Агнелл был известен своей образованностью и одаренностью, что побудило его собратьев-клириков просить его написать историю Равеннской церкви. Сочинение Агнелла «История архиепископов равеннских» было создано между 830 и 846 гг. «История» рассказывает об архиепископах, каждому из которых посвящено отдельное жизнеописание, составленное в соответствии с требованиями агиографического канона. Трудясь над «Историей», Агнелл кроме доступных ему письменных источников использовал надписи на зданиях и памятниках, эпитафии, высеченные на надгробных плитах архиепископов. Изобилие сведений, которые сохранились только благодаря Агнеллу, делает его труд уникальным источником по истории Равенны, а несомненный писательский талант позволяет ему живо и непосредственно излагать события.

Из «Книги об архиепископах Равенны»

О святом Аполлинарии

Святой Аполлинарий[1], по рождению антиохиец, искусный в греческой и латинской учености, ученик апостола Петра, пришел с ним в город Рим. Апостол Петр через долгое время поставил его предстоятелем Равеннской церкви и наложением рук сообщил ему благодать Святого Духа и дал ему целование; и от города Рима прошел с ним вместе почти до третьего милиария; в этом месте есть монастырь Св. Петра, который зовется «У Яникула»[2]. Там апостол Христов помолился, и там, где он преклонил колени, камень стал мягким, как воск от огня, и во образ его колен на камне осталось углубление.

И в другом монастыре в честь этого же апостола, который называется «У вяза»[3], в эту же ночь они оба уснули, и на том камне, где пребывали головы, спины, седалища и голени, появились ямки и остались даже до сего дня. И после этого св. Петр направил Аполлинария в Равенну.

И сам блаженнейший Аполлинарий, до того как войти в город Равенну, даровал зрение слепому сыну Иринея – «Ириней» же понимается как «мирный» – и в стенах этого города совершил очень многие подвиги: ниспроверг храмы языческих богов, разбил кумиров, поставлял пресвитеров и диаконов, исцелял больных, изгонял демонов, очищал прокаженных и многих крестил в реке Бедент и в море.

В базилике блаженной Евфимии, которая называлась «У овна»[4], поначалу он совершал крещение, и там, где стояли его стопы, размягчился камень, и следы его ног отпечатались, подобно знаку.

Также он воскресил умершую дочь патриция Руфа. И до сего дня мы видим в доме этого патриция резиденцию епископа Бононской церкви. Я знаю, что этот дом пребывает так же цел и невредим, как и встарь. И ныне почти пять лет тому, как Феодор, предстоятель Бононской церкви, удалил каменный саркофаг, в котором был положен патриций Руф со своей дочерью, и увез в свою Бононскую церковь, чтобы он был положен там же, после того как умрет. Но какую пользу ему принесло то, что он изгнал оттуда других? И он не был положен в этот саркофаг, ибо медленно его устанавливал.

Итак, блаженнейший Аполлинарий великим бременем меча ненадолго был послан в темницу в Равеннском капитолии. Там пищу ему подавали небесные ангелы, в то время как стражи были бдительны.

И еще раз его призвали и изгнали из города недалеко от того шестого милиария, где построена древняя церковь блаженного Димитрия. После этого он был в узах отведен в Иллирию и оттуда через Солунь, а также Паннонию по берегу Данубия во Фракию, и там и на коринфском берегу Господь явил через его посредство многие чудеса.

Спустя три года св. Аполлинарий вновь вернулся в Равенну и был принят с великой радостью своими верными чадами и священнослужителями. Свирепствующие язычники заставили его после долгих побоев стоять босыми ступнями на горящих угольях и истязали его многими другими пытками.

Он разрушил своими молитвами храм Аполлона, который находился перед воротами, называющимися Золотыми[5], напротив амфитеатра. Его святость, блаженство и кротость были таковы, что никогда, в то время как он претерпевал пытки, он не нанес никому обиды или упрекнул кого-нибудь; он только сказал наместнику, когда его сильно мучили: «Нечестивейший, почему ты не уверуешь в Сына Божия, чтобы избежать вечных мук?» По причине безмерной ветхости дней он сделался сгорбленным. Он увенчан венцом мученичества во времена Кесаря Веспасиана[6]. Он пребывал на епископской кафедре 28 лет 1 месяц и 4 дня.

О преосвященном Петре Старшем

Петр Старший, двадцать восьмой епископ, был преклонного возраста, старший умом и телом, украшенный сединой головы; он вел святую и тихую жизнь. Он истинно был Петр, ибо на твердом камне воздвиг храм своего тела.

Во времена папы Симмаха[7] он заседал в совете в Риме и основал церковь блаженного исповедника Христова Севера, но так как к нему пришла смерть, перед тем оставил ее незавершенной, в городе Классис, в местности, которая называется Вико Салютарис.

Он был поставлен во епископа второго индикта в Риме после поста в 17 календы октября и вернулся с миром. Граждане Равенны приняли его с безмерным ликованием; жители города Классис выбежали ему навстречу к месту, называемому «У Ноны». Тогда все, радуясь, произносили хвалы: «Бог тебя дал нам, да сохранит тебя Бог!» Тогда отроки шли перед ним с восхвалениями, так как не только взрослые были любезны, но и малыши.

В тот год лангобарды вторглись в Венетию и захватили ее, они были изгнаны после войны. В пятый год правления императора Юстина II[8] был мор и падеж скота.

После того как лангобарды разграбили Тускию, они осадили Тицин, который называется город Павия, где Теодорих[9] построил дворец, и я видел изображение его, сидящего на коне, хорошо выполненное мозаикой, в залах суда.

Это изображение было в том дворце, который он сам построил, в зале суда, который называется «У моря», над дверью и на фасаде королевского жилища этого города, которое называется «У Калха», где первая главная дверь дворца была в месте, которое называется «Сикрестум», где мы видим церковь Спасителя. На фронтоне этого дворца было изображение Теодориха, удивительно украшенное мозаикой; в правой руке он держит легкое копье, в левой круглый щит, одет в доспехи. Со стороны щита рядом с ним стоит женская фигура, изображающая Рим, выполненная мозаикой, с дротиком и шлемом; с другой стороны – женская фигура, изображающая Равенну, исполненная мозаикой, стоящая правой ногой на море, левой на земле, в руке метательное копье, спешит к королю. ⟨...⟩

В виду этой мозаики пирамида из четырехугольных плоских камней в высоту словно бы шесть локтей; наверху же конь, полый внутри, облитый красным золотом, и всадник его, Теодорих, несет на плече большой щит и держит легкое копье в поднятой правой руке. Из ноздрей и открытой пасти коня вылетали птицы и вили гнезда в его животе. Кто мог увидеть еще такого же, как этот? Кто не верит, пусть отправится по дороге на Франкию и посмотрит на него.

Иные говорят, что вышеназванный конь был сделан в знак любви к императору Зенону[10]. Этот Зенон был по происхождению исавр; по причине чрезвычайной быстроты ног император Лев[11] взял его в зятья, и тот принял

от императора величайшие почести. Он не имел коленных чашечек и так быстро бегал, что, начав бег, быстротой ног сравнивался с квадригами. После смерти своего сына, который наследовал царство после деда Льва, этот Зенон был сделан императором; он правил народами шестнадцать лет. В его честь был сделан этот превосходный конь, полый внутри, и украшен золотом; но Теодорих украсил его своим именем.

И ныне уже почти тридцать восемь лет[12], как Карл, король франков, подчинил себе все королевства и принял от папы Льва III[13] власть над римлянами; возвращаясь во Франкию после совершения Таинства у мощей блаженного Петра, король въехал в Равенну; увидев прекраснейшее изображение, подобного которому, как он сам свидетельствовал, он никогда прежде не видел, Карл велел отвезти его во Франкию и поставить в своем дворце, который называется Аквисгранис[14].

Вернемся к древней истории, к тому, что, как говорят, делалось во времена предстоятеля Петра. Ибо в то время, после того как были заложены основания Церкви, вся Италия была в величайшей степени потрясаема скорбями. В те времена в Цезарее[15], около Равенны, префект Лонгин[16] соорудил частокол наподобие стены из-за страха перед язычниками. Затем Римский сенат понемногу потерял силу, и позже свобода римлян была торжественно уничтожена. Ибо со времен Василия, исполнявшего обязанности консула, до патриция Нарсеса[17] римляне, жившие в провинциях, повсюду были обращены в ничто.

После этого лангобарды усилились, прошли Тускию до Рима и, разложив огонь, сожгли Петру Пертусу. И вышеназванные лангобарды построили Форум Корнелия, и от них начался город. В те дни поднялся народ аваров и пришел в Паннонию. И патриций Нарсес умер в Риме, совершив много побед в Италии, с разграблением всех ее жителей-римлян, и упокоился во дворце; он умер на девяносто пятом году своей жизни.

Итак, в правление Юстина II, в год шестой[18], потомок Юстиниана, король лангобардов Альбоин, был убит своими приближенными в своем дворце по приказу своей супруги Розмунды в четвертый день Июльских календ. Я не опущу причин его убийства, которые мы знаем, но охотно предам их гласности, чтобы вы были бдительны.

Однажды, когда Альбоин, веселясь, проводил час утренней трапезы и королю были принесены яства, за ними последовало сильное опьянение вином. Среди прочих чаш он приказал принести череп своего тестя, отца Розмунды. Когда череп был принесен, король велел наполнить его вином до краев и так весь его выпил; выпили также и другие, разгоряченные вином. Затем король приказал виночерпию снова наполнить череп до краев и подать его Розмунде, своей жене. Этот череп был окован лучшим золотом и усажен жемчугом и различными драгоценнейшими камнями.

Протянув его жене, король сказал: «Пей до конца». Как скоро она приняла череп, восскорбела, но внешне спокойная, сказала: «Я с радостью ис-

полню повеление моего господина». Потом выпила, отдала кубок виночерпию и удвоила скорбь в сердце, сдерживая жестокость в душе.

Не будем отвлекаться на многое, продолжим об убийстве. В те дни во дворце короля был некий муж, человек сильный, по имени Хельмегис, который состоял в сожительстве со служанкой королевы. Призвав его, королева начала уговаривать его убить короля.

Он, не соглашаясь с ее волей, сказал: «Да не будет так, чтобы я поднял руку на короля, моего господина. Ты знаешь, что он муж сильнейший, и я не смогу его одолеть». И она: «Хотя ты и не сделаешь этого, пусть никто не узнает о нашем разговоре». И он: «Несомненно, никогда не выйдет эта речь из моих уст. Обратись к другому убийце, а я не сделаю этого. Пожелав сделать это, ты не должна была с ним соединяться, но, после того как с королем будет покончено, сохрани верность».

Королева в неистовстве вернулась в свои покои и задумалась, как бы ей убить мужа. Придумав хитрость, она призвала свою служанку и сказала ей: «Поклянись, что не выдашь меня и не откроешь никому моих замыслов, и сделаешь все, что я тебе скажу». После того как служанка пообещала ей это, как вы уже слышали, королева говорит: «Я ежедневно борюсь с собою в душе из-за любви к этому вот юноше, который с тобой сожительствует. Повели ему прийти в тайное место, когда ему должно будет с тобой спать, и скажи: “Скорее предадимся страсти, ибо я тороплюсь и не могу медлить”. А я надену твои одежды, спрятанные там, и он меня не узнает».

Однажды, когда Хельмегис, как имел обыкновение, пожелал спать со служанкой, она, поддавшись уговорам королевы, сказала ему: «Если не придешь в такой и такой час в таковое тайное место, мы не сможем предаться любовным ласкам, ибо, получая от королевы частые приказания, я не могу отлучаться с ее глаз надолго». Он, согласившись, ответил: «Да будет так». И служанка сделала так, как ее уговорила королева, и передала все эти слова своей госпоже. Когда же наступило темное время, Розмунда надела платье своей рабыни и встала в том месте, где должно было совершиться греху; как только появился Хельмегис, она начала целовать его и измененным голосом безмятежно проговорила: «Уже наступает время, когда мне нужно вернуться к моей госпоже, чтобы не приключилось мне беды, если она случайно обо мне спросит». Тогда он остался с ней в этом месте, и она бросилась в его объятия.

После того как свершилось преступление, она спросила юношу: «Кто я?» Он ответил: «Служанка королевы». Она добавила ему: «А не королева ли я Розмунда? Разве не сказала я тебе, что я заставлю тебя совершить против твоего желания то, что ты не захотел сделать по своей воле?» Когда Хельмегис признал, что перед ним королева, то заплакал и сказал: «Горе мне, как я впал в такой грех? За что ты убила меня без меча? Кто осквернил семя короля или лег с королевой, как я, несчастный?»

Тогда она стала произносить слова утешения и сказала: «Молчи! Это все совершилось на благо; однако между тобой и королем Альбоином возник

такой раздор, что либо ты отомстишь ему, либо он зарубит тебя своим мечом. Прежде чем все это станет всем известно, напади на него первым; когда придет подходящий день, я пошлю за тобой, ты же приходи в приготовленное место и убей его!»

Однажды, когда была приготовлена королевская трапеза, король, отсрочив пир, предавался веселью и выпил столько вина, сколько никогда не пил в прежние времена, и призвал свою супругу. После того как он взошел на свое ложе, Розмунда, войдя, начала перебирать волосы на его голове и дотрагиваться до кожи ногтями, делая это словно бы для его удовольствия. Когда он через малое время заснул, понуждаемый вином, она дотронулась до него два или три раза, чтобы проверить, действительно ли он погрузился в глубокий сон, и послала призвать соучастника своего преступления, чтобы он скорее пришел. Она унесла обоюдоострый меч, лежавший у головы короля, который тот обычно носил на боку (этот меч мы зовем «спата»), и крепко привязала его к изголовью ложа тем самым кожаным поясом, которым король препоясывал чресла, так что меч остался в привязанных ножнах.

Когда же убийца пришел, намереваясь уклониться от такого преступления, чтобы не поднять руку на короля, королева, напротив, бранила его: «Если ты обнаружил, что ты немощен силами и не можешь его убить, я подниму на него руку. Скажи только, что ты бессилен духом; сейчас увидишь, что сделает слабый пол». И эти взаимные обвинения усиливались.

Когда она, применяя силу, принуждала его к убийству короля, то прибавила: «Меч его, которого ты испугался, в надежных путах и крепко привязан». А он: «Ты знаешь, что он муж воинственный, могучий силами и крепкий руками. Он победил во многих войнах и весьма многих подчинил себе, сравнял с землей крепости недругов и, уничтожив врагов, присоединил к своим пределам города противника. И как я могу один зарезать того, кто, не боясь противника, потрясал все?» Она же со скорбью сказала ему: «Ты никак не можешь поставить мне что-либо в упрек. Вспомни преступление, которое ты совершил, ибо, если оно будет раскрыто, ты умрешь, ведь меня любят все, кроме короля. Если кто-нибудь узнает о твоем злодеянии, я прикажу тебя тайно убить».

При этих словах Хельмегис, мучимый сомнениями, вошел в покои, где отчасти из-за выпитого вина отдыхал король, приблизился к королевскому ложу и вынул меч, чтобы убить лежащего. Король же, почувствовав это, пробудился и восстал ото сна. Он попытался вытащить меч из ножен и не смог, ибо меч был крепко привязан руками его супруги. Тогда, схватив скамейку, на которую он имел обыкновение ставить ноги, король использовал ее вместо щита, но не слишком себя защитил; он громко закричал, но никого не было, кто бы услышал его, потому что по приказу его супруги будто бы ради отдыха короля все двери во дворце были закрыты. Короля одолели, и он был убит.

Лангобарды пожелали лишить жизни этого человекоубийцу и с ним королеву, но, узнав об их замысле, она удалилась в Верону до того времени, как утихнет ярость народа. Но так как лангобарды бранили ее, она, опустошив дворец, с множеством гепидов и лангобардов в месяце августе приехала в Равенну и со всей королевской свитой была принята с почестями префектом Лонгином.

Через несколько дней префект послал к ней, говоря: «Если королева будет связана моей любовью, пожелает войти в число моих близких и сочетается со мной браком, она будет более могущественной королевой, чем сейчас. Разве не лучше, чтобы она и свое царство удержала, и власть над всей Италией получила, чем и господство над Италией потерять и царство погубить?» Она же передала ему: «Если префекту угодно, это может совершиться через несколько дней».

Однажды Розмунда приказала приготовить баню, и Хельмегис, человек, убивший ее супруга, вошел в купальню; после того как он, разгоряченный жаром, который охватил его тело, вышел из бани, Розмунда принесла чашу, полную питья, словно так полагается королю; напиток же был смешан с ядом.

Он, взяв из ее рук сосуд, начал пить. И когда он понял, что это был напиток смерти, он отодвинул от уст своих кубок и дал королеве, говоря: «Выпей и ты со мной». Она не хотела; тогда, вынув из ножен меч, он встал над ней и сказал: «Если не выпьешь из этой чаши, я убью тебя». Розмунда выпила против своего желания, и в тот же час они умерли.

Префект Лонгин унес все сокровища лангобардов и все королевское богатство, которое Розмунда привезла из королевства лангобардов, и вместе с дочерью Альбоина и Розмунды переслал к Юстину, императору Константинополя; и возрадовался император, и наделил префекта весьма многими дарами.

По этой причине вы, всякие мужи, состоящие в браке, будьте ласковы со своими женами, чтобы не потерпеть вам худшего, чем это. Смягчайте их ярость и молчите во время ссор. Есть среди вас такие, которые говорят: «Что я прикажу, будет неизменным, а что ты сказала, не будет». Если разожжешь пожар, пеняй на себя, мне потом заботы не будет. Не смогу поверить, что ты не отведывал из таковой чаши, но ты промолчал по причине позора и стыда, как бы тебя кто-нибудь не пристыдил. Ты возглашаешь стойко: «Эта жена моя, из-за которой ты надо мной издеваешься и насмехаешься, не желает ущерба дому моему, хорошо хранит мое имущество, и ее нрав мне приятен». Ты не можешь выразиться иначе, чем миролюбивыми словами. Если же супруга не услышит таких слов, воспламенится и долго будет браниться, а муж будет в затруднении, бродя туда-сюда из страха перед супругой.

Сей вот муж, который обладал царством, который сокрушил недругов, который победил в битвах, который опустошал города, который пролил

кровь, который разорял государства, который уничтожил врагов; смотрите, как он был убит при помощи хитрости и его тело было изранено ударами! Какой муж может замыслить столь гибельные злодеяния, как этот злобный женский разум? А ведь есть некоторые, кто даже друга или ближнего не принимает в своем доме без супруги, ибо жена держит первенство над мужем; хочешь не хочешь, они подчиняются желанию женщины.

Узрите в прелюбодеянии египтянку[19], в лживости Иезавель[20], в раздорах Далилу[21], в убийствах Иаиль[22], в презрении к мужам Вастиду[23], в веселии Иродиаду[24], в неистовстве Сонамитянку[25], в гневе служанку предводителя врагов человеческих. Я говорю вам это, ибо многих мужей мы находим таковыми и весьма над ними смеемся и скорбим!

Братия, мы, люди, как трава, прейдем, но, если можем, пусть не будет у нас дурной славы, прежде чем придет смерть, ибо так учили и наши святые проповедники, и с ними тот великий предстоятель Петр, во времена которого случилось рассказанное нами.

Святой Петр умер в доброй старости в шестнадцатый день Сентябрьских календ[26] и погребен, как признают, при входе в нартексе[27] храма блаженного исповедника Петра в городе Классис. Там он был положен в большой каменный саркофаг рядом с церковью блаженной Евфимии, которая называется «У моря». Эту церковь, ныне разрушенную, чудесным образом украсил мозаиками предстоятель Максимиан[28]. Сам саркофаг был удален оттуда и перенесен в другое место. Святой Петр был на епископской кафедре шесть лет, два месяца и девятнадцать дней.

О преосвященном Феодоре

Феодор, тридцать шестой предстоятель Равеннской церкви[29], был молод годами, ужасен обликом, страшен видом и исполнен всяческих козней. Он был рукоположен своими епископами в церкви Апостолов[30], в Равенне. Наши старцы передали, что он совершил весьма многие злодейства. Удивляюсь, каким образом он смог среди своих злодеяний занять архиепископскую кафедру. Установления Церкви, принятые во времена папы Феликса между священнослужителями, клиром и архиепископом, пребывали неизменными вплоть до его вступления на кафедру. Предадим гласности его жестокость.

Феодор украл у клириков четвертую часть их доходов. Записанные постановления Церкви содержали это правило, и он предписал сжечь их на костре. Он назначил количество хлебов, уменьшил меры вина, а затем прибавил и многие другие бремена, которые не могу вверить здесь скорбному перу, когда пробую перейти к прочему.

Итак, в те дни сделался сильный голод по всей этой земле, и архиепископ поглотил хлеб всей области. Когда же священнослужители не нашли,

Церковная иерархия. Сакраментарий из Мармутье.
Munz P. Life in the Age of Charlemagne. L., 1969. P. 87. Il. 15

где купить хлеба, пришли к Феодору с просьбой, чтобы он оказал им помощь. Он же, призвав архидиакона по имени Феодор и архипресвитера также по имени Феодор, сказал им: «Скажите священнослужителям, Церкви и всему клиру: "Почему вас снедает нужда голода? Если откажетесь от всей четверти церковных доходов и столько получите в течение года за четверть даров по заботливости архиепископа, тотчас облегчу вашу нужду"». Они долго сдерживались, но когда голод усилился, согласились, и с того времени четвертая часть доходов отнимается у клириков этой вот Церкви до сего дня.

Обычаи Церкви относительно каждого обряда, записанные в отдельных свитках, Феодор похитил и сжег огнем. Однажды он сидел на престоле, приличествующем его званию, и когда священнослужители и клирики роптали против него об обычае Церкви и о том, каким образом один может иметь такую власть вследствие своего положения, он, видя, что они его пересиливают, сказал при всех: «Верьте мне, сыны, ибо я не присваиваю себе ваш обычай, но более приумножаю». И, дав обязательство на собрании Церкви, он велел принести к нему все до одного обычаи, записанные где бы то ни было. Ему в дурном ухищрении его сердца было угодно, когда ему были принесены многие записи. Он принял их, словно бы с радостью, перед всеми являя спокойное лицо, но в сердце его была мучительнейшая рана, и сказал им снова: «Ищите еще, что найдете, и будет столь великое подтверждение договора между мной и вами, что никогда между вами и моими преемниками не возникнут раздоры». Они снова удалились и усердно обыскали все и найденное, что смогли отыскать, принесли к нему. Он коварно принял все записи и сказал им: «Сейчас идите, чтобы я наедине с собой поразмыслил, каким образом это подтвердить, и жалоба никогда не повторится». И, приняв все, сложил записи в отдельные книги и сжег в огне печи в своей бане.

Таковые клятвопреступления этот архиепископ совершил по отношению к своим овцам и обманул их злым обманом. О если бы он имел не престол пастырский, а место наемника! На своей кафедре он был как волк в стаде, лев среди четвероногих, коршун среди пернатых, буря среди зрелых плодов. Что помогло этому архиепископу? Еще и до сего дня, когда клирики показывают место захоронения, где покоится похороненное и разложившееся его тело, они, пожалуй, и лет через сто восемьдесят будут произносить в его адрес поношения и проклятия. А прочие, которые не знают этого, говорят: «Сведите нас туда, где покоится этот самый несправедливый архиепископ!»

Ибо в то время недалеко от места, которое зовется Халхи, подле церкви блаженного исповедника Мартина, построенной королем Теодорихом, которая зовется «Золотое небо»[31], патрицием Феодором был построен монастырь блаженного диакона Феодора, но был передан под власть этого архиепископа.

Вышеназванный патриций и экзарх сделал для этой святой Равеннской церкви три золотых потира, которые существуют и сегодня.

И каждый день Феодор приходил в монастырь Пресвятой Девы Марии, который называется «Во Влахерне», в котором, по воле Божией, я пребываю настоятелем, и здесь упокоился с супругой своей Агетой.

И он сделал над престолом Пресвятой Девы драгоценнейшую дарохранительницу из пурпурной раковины, на которой изображается история о том, как Бог создал небо и землю, и творения мира, и Адама и потомство его. Кто видел подобное? По Божию благоволению эта дарохранительница существует и по сей день.

Во времена этого патриция в его дворце начал произрастать мудростью некий муж по имени Иоанникий. Не оставим в тайне причину, по которой мы предаем это гласности. По Божественному изволению случилось в это время умереть нотарию вышеназванного экзарха. Патриций оплакивал усопшего не только по причине его кончины, но более потому, что не имел подобного ему рассудительного мужа, который бы мог составлять императору послания или прочие записки, которые необходимо было готовить во дворце.

Когда Феодор обнаружил свою печаль, приближенные сказали ему: «Да уклонится господин наш от какого-либо сомнения по такой причине: есть здесь один юноша, по имени Иоанникий, опытнейший писец, сведущий в Писаниях, богатый мудростью, осторожный в совете, правдивый в речи, осмотрительный в слове и исполненный всяческих знаний; он происходит от знатных родителей. Если сейчас прикажешь ему прийти и предстать пред твоим взором, тогда он будет угоден тебе, ибо знает греческий и латынь».

Услышав эти слова и возрадовавшись, патриций приказал юноше прийти. Когда же Иоанникий встал перед ним, то презрел его патриций в сердце своем, ибо юноша был худ телом и некрасив лицом. Но, ужаснувшись видимому, Феодор после полюбил невидимое. «Немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное»[32].

Обернувшись к знатным людям этого города, патриций сказал: «Вы думаете, что он сможет заботиться об этом дворце благодаря своим знаниям? Я так не думаю». И приближенные сказали ему: «Да прикажет господин наш расспросить его, и, если он не способен, пусть удалится». Тогда патриций приказал принести послание, пришедшее ему от императора, которое было написано по-гречески; и сказал патриций юноше: «Читай». А тот, упав к ногам Феодора, поднялся, и не понравился патрицию, и сказал: «Приказываешь ли, господин мой, чтобы я читал по-гречески, как написано, или латинскими словами?» Ибо греческим языком Иоанникий пользовался, как латынью, и латынью владел, как греческим.

Тогда, восхитившись вместе со старейшинами и собранием народа, патриций велел принести указ, написанный латинскими буквами, и сказал, приказывая Иоанникию: «Возьми в руку этот указ и читай его греческими сло-

вами».Тот, приняв указ, полностью прочел его по-гречески. Тогда патрицию понравился образ мыслей этого Иоанникия, и он восславил Бога, Который, унеся душу, возвратил тело, имеющее такую же душу. Феодор приказал, чтобы юноша никоим образом не ступал и шагу из дворца, если не по своей обязанности, но ежедневно находился бы у него перед глазами.

Иоанникий так и делал; через три года император константинопольский приказал начертать послание к этому патрицию, в котором содержалось следующее: «Пришли ко мне того мужа, который пишет такие сочинения и поэмы, которые ты мне послал». Нагрузив дубовый корабль различными необходимыми вещами, патриций отослал Иоанникия в Константинополь. Когда император увидел его, то не поверил, что он обладает такими знаниями. Но через малое число дней ученость Иоанникия воссияла, и он стал среди первых у императора.

Феодор, архиепископ этого города, не отступал от начатых им бесконечных злодейств. Когда он относился с любовью к пресвитерам, удалял всех диаконов; наказав их, он вновь приближал диаконов к себе и ненавидел пресвитеров. Негоднейший сеятель сеял среди клира такие разногласия и брал дань с обеих сторон.

После того как архиепископ вверг всех в нищету и привел недостачей в большой убыток, все вознегодовали величайшим негодованием вследствие сильной нищеты. Ибо в канун Рождества Господня, когда было ночное бдение, священнослужители пришли единодушно к архипресвитеру Феодору и архидиакону Феодору и сказали им: «Скажите нашему господину архиепископу, что он дурно поступает с нами, достаточно нас притесняет или тревожит, многие тяготы на нас возлагает, которые мы не можем терпеть. При случае он отнимает у нас четверть доходов, нарушает апостольские установления, сжигает записи церковных обычаев, отменяет списки клириков, изгоняет нас из лона Церкви, пренебрегает евангельскими заповедями, сокрушает плоть, расхищает средства пропитания, присваивает имущество, всеми силами стремится заставить нас платить ему дань. Мы не можем сносить его злобу».

Пойдя к архиепископу, они довели слова клириков до его слуха. Он, выслушав все сказанное, немедленно пришел в озлобление, схватил копие, как дротик, и сказал им: «Это вы раздражаете клириков, вы эти слова вкладываете в их уста. Конечно, тот, кто сказал такое, никогда не достигнет лучшего». И, повернувшись к архипресвитеру, сказал: «Ты – вдохновитель этих преступных слов, ты – глава разногласий среди клириков, ты целиком и полностью мой жесточайший враг, ты подстрекатель народа и во всех отношениях опасный противник. Я так обойдусь с тобой после этого праздника, что ты никогда никому другому не будешь докучать речами».

И в таком гневе все пошли к церкви Блаженной Приснодевы Марии[33] служить ночное бдение. И после того как служба была совершена, архипресвитер и архидиакон передали слова архиепископа всему клиру; все возмутились и, посовещавшись друг с другом, поодиночке разошлись по домам.

Тогда архипресвитер Феодор отправился к архидиакону Феодору, своему собрату, в монастырь Св. апостола Андрея[34], основанный недалеко от церкви Готов[35], близ дома, называемого «Маринин». Когда он колотил в дверь, подошли монастырские слуги спросить стучащего, кто он. И он ответил: «Я». Они же, быстро отойдя, рассказали архидиакону: «Архипресвитер Феодор колотит в дверь, желая войти к тебе». Другой слуга быстро подошел и сказал, что архипресвитер в монастыре. И архидиакон говорит: «Что пользы от того, что мы беседуем, ибо мы не дошли до действий?» И монастырские сказали архидиакону: «Что это, что вы гневаетесь? Он тебе как близкий родственник, если он одних с тобой мыслей; поговори с ним, не разделяйтесь. Что, если архиепископ против тебя свирепствует, а он за тебя словечко замолвит?»

И архипресвитер Феодор вошел в ранее упомянутый монастырь, и собратия побеседовали друг с другом; перед тем как расстаться, они разговаривали между собой: «Как бы сделать нам неизменными те замыслы, о которых мы беседовали?» Архипресвитер сказал: «Да будет Всемогущий Бог Посредником между мной и тобой в Судный день, а равно и этот апостол Его; кто нарушит слово, с того Бог спросит причину обмана». Архидиакон ответил: «Да будет, да будет так! Между нами закреплено такое окончательное решение, которого никто не сможет нарушить». Архипресвитер продолжил: «Пусть все пресвитеры этого вот дома соберутся ко мне, ты же созови всех диаконов и прочих клириков. Пойдемте к церкви блаженного Аполлинария[36] и, войдя в дом мужа-антиохийца, встанем там и там же отслужим миссу. Пусть никто сегодня не служит с архиепископом. Отвергнем его, ибо он нам не пастырь».

Сказав это, архипресвитер удалился. Той же ночью все клирики пошли к церкви Блаженной Приснодевы Марии служить торжество миссы; и архипресвитер и архидиакон тайно поговорили со служащими, пришли к согласию, и те воскликнули: «О если бы так сделалось прежде, чтобы не впадать нам в столь великую нищету!»

Когда была отслужена месса в церкви Апостолов, занялась заря, и когда Фебов свет осиял землю, все клирики единодушно пошли к церкви блаженного Аполлинария, расположенной в городе, прежде называвшемся Классис, и, восклицая, зарыдали в тягостном расположении духа.

После того как солнечные лучи воссияли на небе, случилось так, что вышеупомянутый архиепископ послал, по обычаю, нотария призвать священнослужителей, чтобы ему, архиепископу, идти в церковь и служить миссу. Тот, отправившись, не нашел никого из клира и по возвращении объявил об этом архиепископу.

Архиепископ сказал: «Возможно, они спят, потому что этой ночью утомились, и по этой причине их угнетает сон». Отложили служение почти до первого часа дня, и архиепископ снова послал нотария, а тот, не найдя никого из клириков, объявил архиепископу, что никого нет.

Литургический гребень с изображением Распятия (Гребень св. Хериберта. Вторая половина XIX в. *Нессельштраус Ц.Г.* Искусство раннего средневековья. С. 253. СПб., 2000. Ил. 60

И архиепископ говорит: «Что это? Какой уже час? Если не все придут, то хотя бы будет кто-нибудь, кто придет?» И некто из его окружения сказал: «Да взвесит наш господин мои слова: среди своих священнослужителей ты не найдешь сегодня никого, кто бы приблизился с тобой к престолу в этот праздник». И архиепископ спросил: «Почему?» Тот ответил снова: «Потому что все отправились по Цезарейским тропам[37] и ушли к святому Аполлинарию и там служат миссу; туда перешли пресвитеры, диаконы, субдиаконы,

аколиты[38], гостиарии[39], чтецы и певцы с разнообразным клиром; из них ни одного не осталось, церковь пуста, нет ни одного стража. Они объявляли, что понесли весьма сильный ущерб и перешли туда».

Тогда архиепископ поднялся с трона, где он сидел, и, ударив себя по лбу, сказал: «Увы, я побежден!» Издавая вздохи, идущие из глубины сердца, и оплакивая самого себя, он вошел в свои покои. Народ же в церкви дивился, не зная причины такого поступка.

Итак, совершив это, архиепископ немедленно послал благородных мужей на самых резвых конях, чтобы весь клир, убежденный ими, вернулся в церковь. Когда клирики увидели этих мужей, подъезжающих к ним, они все тотчас поднялись, опустили лица к земле и, прежде чем заговорили посланцы архиепископа, великим гласом сказали: «Удалитесь, ибо мы имеем не пастыря, но убийцу. Когда он входил в эту овчарню, он давал обещание делать не то, что он сделал».

«Восстань, святой Аполлинарий, служи нам миссу в день Рождества Господня. Тебя нам дал святой Петр как пастыря. Потому мы – твои овцы. К тебе прибегаем, спаси нас. Не здесь ты принял рукоположение, но сам Апостол благословил тебя своими руками и сообщил благодать Святого Духа; к нам он направил тебя, и мы приняли твою проповедь. Ты послан, чтобы управлять, а не уничтожать. Ты стоишь перед Справедливым Судией, поборись за нас, сокруши кровавую пасть волка, чтобы ты мог отвести нас на приятные пастбища Христовы».

«Если ты не восстанешь и сегодня, в день Рождества, не станешь служить миссу, мы все единодушно уйдем из твоего дома и отправимся в Рим к блаженному Петру, твоему учителю, и с рыданиями упадем перед ним ниц, и с громкими стенаниями, безмерным плачем и великими воздыханиями скажем: “Мы были у твоего ученика, нашего предстоятеля и проповедника, которого нам дал ты, и он не пожелал служить миссу в столь знаменательный день Рождества Господня. Или освободи нас от него, или дай нового пастыря, который убережет нас от дракона, который будет жить в городе и сострадать нашим скорбям. Вот ты сам, пастырь добрый, знаешь, что многие из твоих овец из-за немалых тягот и голодной нужды ушли и отступили от Святой Заповеди и Твоего учения, потому что душил их негоднейший предстоятель”. Если же он нас не услышит, направимся оттуда в Константинополь к императору и попросим у него отца и пастыря».

При этих словах с обеих сторон начались столь великий плач и необыкновенное рыдание, что те, кто вернулся к архиепископу, по причине неумеренных слез и неясной речи всех этих клириков едва были в состоянии передать их слова и не смогли выполнить возложенного на них поручения.

Тогда опечалившийся архиепископ Феодор, страшась происходящего, с великой поспешностью прошел во дворец и поведал все, что с ним приключилось, патрицию, говоря: «Бросили меня мои овцы, я лишен пастырской почести, отвергнут и удален. Стадо Господне, врученное мне, просит себе

другого пастыря; они поспешили в Классис и, войдя в церковь блаженного Аполлинария, обвиняют меня перед Богом и насмехаются надо мной».

Патриций тотчас же послал благородных мужей, чтобы те призвали всех клириков назад, а он, патриций, восстановит все их прежние обычаи. Клирики же, возмутившись, заплакали и сказали: «Если мы достигнем Константинополя, мы еще и на этого экзарха пожалуемся, ибо прежде он не желал исправить архиепископа. Не пойдем, но до девятого часа будем ждать блаженного Аполлинария, нашего архиепископа; если же он промедлит, пойдем в Рим».

И благородные мужи воротились, проливая обильные слезы, объявили услышанное архиепископу и патрицию и зарыдали. Они еще добавили, что в самой церкви отдавались эхом столь великие плач и рыдание, каких никогда не слыхали и не видали во всей Классис: «Мы с ними горько заплакали, еще услышав и их скорбные голоса».

Тогда архиепископ, весьма пораженный скорбью, пожелал упасть к ногам патриция; с сильным плачем он сказал: «Умоляю твое милосердие, да не будет тебе неприятно пойти туда, испытывая ради меня усталость; поручись за меня, что я сделаю все, что обещаю, согласно тому, как им угодно, и буду иметь долю от церковного имущества не большую, чем любой из них».

Тогда патриций приказал возложить на своего коня фалеры (знаки своего достоинства), сел на него и поехал к гробнице вышеупомянутого мученика; созвав к себе всех клириков, он произнес кроткие и умиротворяющие слова и привел их назад с собой, обещая все исправить, как вы и прежде слышали. И они пришли, и когда день уже клонился к вечеру, отслужили миссу и вечерню вместе с усмиренным архиепископом.

На другой день экзарх пришел в церковный дом и сел с архиепископом и всеми пресвитерами, позади них стояли диаконы; вместе со всем клиром церкви они принимали участие в этом противостоянии.

Когда они сказали друг другу много взаимно враждебных слов, архиепископ был изобличен, и тотчас же честь и достоинство всех клириков были восстановлены, богатства Церкви были разделены, и среди них не осталось никого, кто бы не имел какой-нибудь части церковного имущества; и когда еще были отпущены жалобщики и должники из слуг клириков, все, радуясь, пошли в свои монастыри и благословляли Бога.

То, чем прежде пользовался один архиепископ, позже было разделено между всеми клириками, и с того дня, прежде чем новый архиепископ примет рукоположение, между ним и священнослужителями заключался такой договор, что слуги клириков могут рассчитывать на покровительство и заботу.

Итак, через некоторое время этот предстоятель, храня в сердце гневную мысль о том, как бы навредить подчиненным ему священнослужителям, вспомнил причиненное ему зло; и так как Феодор не мог, как желал, обогащать свою родню за счет имущества Церкви, он тайно послал доклад папе

Агафону[40], чтобы тот вызвал его в Рим, словно для обсуждения дела святых Божиих церквей в кафолической вере[41].

Папа тотчас же написал послание, чтобы предстоятель Равеннской церкви поспешил в Рим ради святой и безукоризненной кафолической веры. Феодор, показав послание и прочтя его перед всеми своими священнослужителями, повернул его текстом к себе и спросил их: «Как вам кажется? Вот вы видите апостольское послание и знаете, что оно содержит; как вам кажется? Без вашей воли я ничего не сделаю. Пусть объединит нас общий замысел, братия, одна воля, разделим один дух и отличимся этим». Они же, отвечая в простоте, ибо не знали тайного замысла, сказали: «Подобает нам ради веры Святой и Православной церкви Божией даже подвергнуться смертельной опасности».

Когда же Феодор приехал в Рим, он отдал себя и свою церковь в подчинение римскому архиепископу. Римский архиепископ, довольный тем, что приобрел утраченное его предшественниками, с изъявлениями радости принял Феодора и согласился на все, что тот потребовал, и щедро даровал по его желанию все, что тот просил.

Когда папа Агафон умер, Феодор привел все условленное в исполнение с его преемником Львом[42]; они заключили друг с другом соглашение, что папа будет рукополагать того из равеннских священнослужителей, кого изберет и привезет в Рим Феодор; и избранный оставался бы в Риме не более чем на время рукоположения, то есть на восемь дней, и далее туда уже не ездил бы, а посылал бы представителя от клира только на День св. апостолов. Равеннский архиепископ успокоился, так как и многие другие главы договора, которые мы не можем здесь привести, были утверждены рукой папы Льва с пресвитерами.

Итак, этот необузданнейший человек умер в восемнадцатый день месяца января, с великой радостью священнослужителей и всего народа был предан земле и покоится при входе в нартексе храма блаженного Аполлинария. А эпитафию его я не смог разобрать. Он был на престоле тринадцать лет, три месяца и двадцать дней.

[1] Память 23 июля.

[2] Монастырь Сан-Пьетро ин Монторио на месте, где, по преданию, апостол был распят.

[3] Монастырь Сан-Пьетро ад Ульмум в местечке Бадагио.

[4] В Равенне мощи блаж. Евфимии находились в двух храмах: в церкви епископского дворца и в Сан-Аполлинаре Нуово.

[5] Вне города, у Золотых ворот, находились, кроме амфитеатра и храма Аполлона, цирк, бани, оружейные мастерские. Золотые ворота были срыты в XVI в.

[6] 70–79 гг.

[7] 498–514 гг.

[8] 565–578 гг.

[9] Теодорих Великий (ок. 454–526), король остготов с 493 г. Вторгся в Италию в 488 г., сверг правившего там Одоакра и образовал Остготское королевство со столицей в Равенне в Северной и Средней Италии. Покровительствовал развитию наук и искусств, привлекал к

своему двору римских писателей и философов (Боэция, Кассиодора, Симмаха). Подъем культуры в остготской Италии во времена Теодориха получил название «Остготское Возрождение».

[10] 474–491 гг.

[11] 457–474 гг.

[12] 837 или 838 г.

[13] 795–816 гг. Событие, о котором пишет Агнелл, – коронация Карла в Риме в 800 г.

[14] Дворец в Ахене.

[15] Пригород Равенны, выросший вдоль Цезарейской дороги, соединявшей город и Классис.

[16] Назначен экзархом Италии в 567 г.

[17] Экзарх византийского императора Юстиниана с 552 г., а затем, с 554 г., Юстина II в Италии.

[18] Альбоин правил с 560–565 по 572–573 гг.

[19] Быт 39, 7–10.

[20] 3 Цар 18, 4; 21; 7, 15, 2; 16, 25.

[21] Суд 16, 4–19.

[22] Суд 4, 17–22.

[23] Вастида, в Вульгате – Васти (Vasthi); в церковнославянском и Синодальном переводах Библии Астинь; Есф 1, 11–19.

[24] Мк 6, 19.

[25] 4 Цар 4, 27–28.

[26] 17 августа.

[27] Крытая паперть храма.

[28] 546–556 гг.

[29] 677–688 гг.

[30] Позже Сан-Пьетро Маджоре, построена в середине V в.

[31] Названа так по украшавшим ее мозаикам.

[32] I Кор 1, 27.

[33] Санта-Мария ин Космедин (середина V в.).

[34] Разрушена венецианцами в 1447 г.

[35] То есть арианской.

[36] Сан-Аполлинаре ин Классе, построенная по приказу архиепископа Урсина (535–539). Архитектор Юлиан Аргентарий, построивший также церковь Сан-Витале.

[37] Имеется в виду Цезарейская дорога. См. прим. 15.

[38] Служки, в обязанности которых входило ношение подсвечников, зажигание свечей, ношение зажженных свечей во время торжественных крестных ходов, приготовление и раздача теплоты (воды с вином) причастникам во время литургии.

[39] Служители, занимающиеся изготовлением жертвенных хлебов (hostia – «жертва», *лат.*).

[40] Ум. 681 г.

[41] 680 г.

[42] 682–683 гг.

Нитхард

*

Нитхард, видный представитель историографии первой половины IX в., родился около 790 г. Он был сыном дочери Карла Великого и поэта Ангильберта (Гомера). Высокое происхождение и прекрасное образование обеспечили ему близость ко двору Людовика Благочестивого, а потом Карла Лысого, и соответствующее общественное положение и должности. В 840 г. Нитхард выполнял дипломатическую миссию при дворе Лотаря, старшего брата Карла Лысого, в 841 г. участвовал в битве при Фонтенуа, в 842 г. входил в состав комиссии по подготовке договора о разделе империи. Обо всем этом он сам упоминает в своем сочинении «Четыре книги истории» (Libri quattuor historiarum). Оно было начато по поручению Карла Лысого в 842 г., в самый разгар междоусобной борьбы трех братьев – Лотаря, Людовика Немецкого и Карла Лысого, и закончено год спустя в монастыре Сен-Рикье, где недолгое время Нитхард был аббатом. Есть известие (эпитафия монастырского поэта XI в. Микона), что умер он от ранения, полученного в бою. Но случилось ли это в 844 г. в сражении между Карлом и Пипином или, по другой версии, в 858 г. в схватке с норманнами, – неизвестно. Более вероятным представляется ранний срок смерти, иначе непонятно, почему в его истории не нашло своего отражения такое важное событие, как Верденский договор 843 г. о разделе империи.

«История» охватывает период с 814 до начала 843 г. Нитхард начинает повествование с краткого панегирика Карлу Великому, затем в качестве вступления дает очерк правления Людовика Благочестивого, и, наконец, излагает основную тему – междоусобные раздоры сыновей этого императора с 840 по 842 г. В первой книге приводятся причины и описано начало раздоров, во второй – ход войны и решающая битва братьев при Фонтенуа, в которой Нитхард сражался на стороне Карла и Людовика против Лотаря. По первоначальному замыслу этим событием и должна была закончиться «История»; однако, опасаясь, по его словам, как бы кто-то другой, малоосведомленный, не истолковал превратно современную историю, а также желая использовать свое непосредственное участие в событиях 842 г., Нитхард добавил потом третью, а затем и четвертую книги; в книге III рассказано о подчинении Лотаря, о его новом выступлении против братьев и о договоре их в Страсбурге, а в книге IV речь идет о совместных действиях Карла и Людовика в Ахене по подготовке договора о разделе империи. Каждой книге предпосланы краткие предисловия, в которых Нитхард делится с читателем своими намерениями, просит о снисхождении к недостаткам его книги и т.д.

«История» Нитхарда не простая хроника современных событий, это в какой-то мере опыт истории политической. Автор ее, очевидец и участник событий, не только излагает события, но пытается их оценивать, вскрывать причины. Естественно,

его анализ событий, при недостатке исторической перспективы, носит самый поверхностный характер. Общественное положение Нитхарда как приближенного и полководца Карла Лысого понятным образом ограничило объективность рассказа о междоусобной войне, тенденциозного и иной раз противоречивого: он явно пристрастен к одной из сторон и предубежден против другой. Наделив Карла и Людовика всеми добродетелями, – они благородны и красивы, щедры и рассудительны, добры и храбры – автор, в своем стремлении обвинить Лотаря перед потомством, рисует его чрезмерно честолюбивым, вероломным, корыстолюбивым, лицемерным. В «Истории» нетрудно уловить политическую тенденцию осуждения современности и восхваления прошлого. Вся она проникнута пессимистическим настроением, особенно остро ощущаемым в заключительной главе, где Нитхард размышляет о связи природных явлений с моральным состоянием общества; в стихийных бедствиях он видит справедливую кару Бога за человеческое безумие, развращенность, эгоизм, подтверждая это тем, что в счастливое время Карла Великого царили мир и согласие, изобилие и радость и стихии были благосклонны к человеку, – теперь же, в смутное и суровое время вражды, раздоров и бедствий, стихии к нему враждебны. Такое противопоставление славного прошлого безнадежному настоящему логически завершает мысли автора, крупицами разбросанные по всему сочинению.

«История» написана языком простым и безыскусственным, изложение ее ясно и лаконично. Ход повествования изредка нарушается небольшими отступлениями, содержащими ассоциативные воспоминания, пояснения, а то и просто сообщения о каких-то природных явлениях.

Для нас сочинение Нитхарда представляет ценность как источник для знакомства с франкской историей 830–843 гг., с деталями быта и социальными отношениями этого времени. Кроме того, в нем сохранены подлинные тексты страсбургской присяги на романском и тевтонском языках – древнейшие образцы выделяющихся в середине IX в. национальных языков, французского и немецкого.

Четыре книги истории

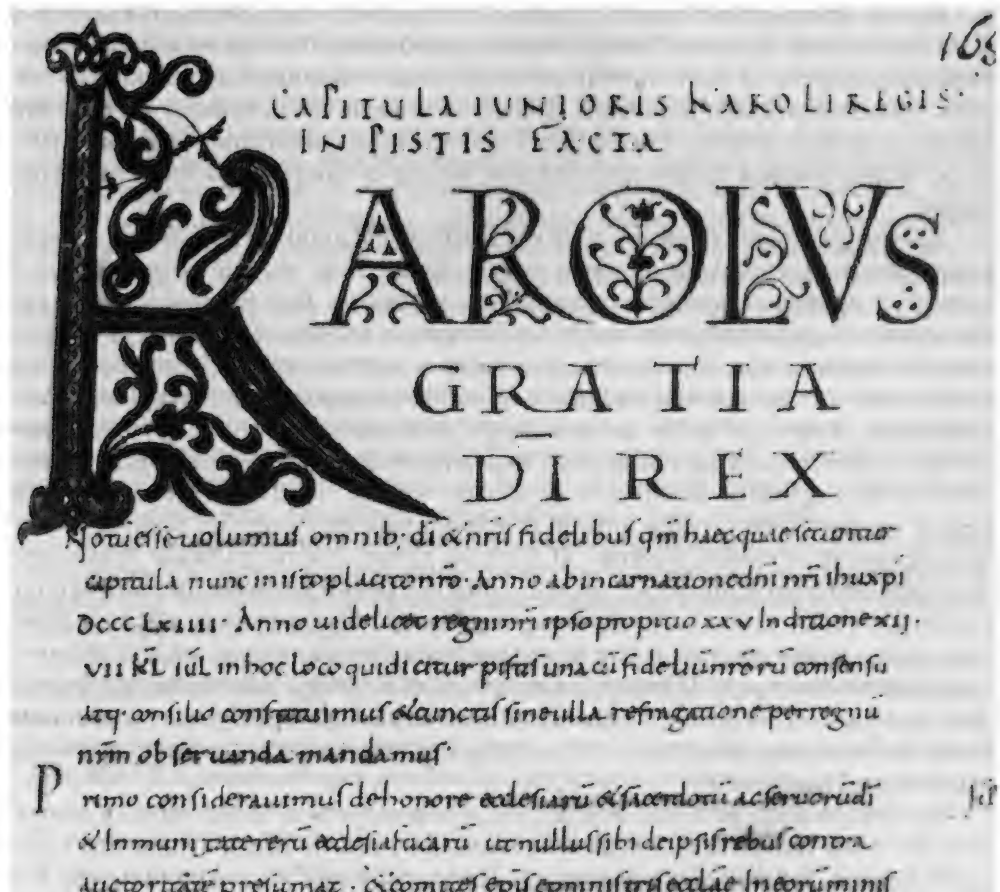
[Битва при Фонтенуа]

⟨...⟩ II, 10. Лотарь[1] отверг эти предложения[2], словно бы ничего не стоящие, сообщив через послов, что не желает ничего, кроме битвы, и тотчас двинулся в путь навстречу Пипину[3], который шел к нему из Аквитании. Когда Людовик и его приверженцы узнали об этом, то сильно обеспокоились, – ведь были они крайне утомлены как длительностью пути[4], так и борьбой и различными трудностями, особенно же нехваткой лошадей, – но все же, несмотря на это и опасаясь, как бы не оставить своим потомкам недостойного воспоминания, покинув брата[5] без помощи, предпочли они, во избежание этого, лучше претерпеть всяческие бедствия, даже, если понадобится, умереть, чем лишиться славы непобедимых. Вот почему, по духовному своему благородству, преодолели они усталость и, ободрив друг друга, повеселевшие, форсированным маршем пошли вперед, чтобы быстро нагнать Лотаря.

И вот неожиданно возле города Алциодора[6] оба войска оказались в поле друг перед другом. Лотарь, боясь, как бы его братья не вздумали ненароком напасть на него тотчас же, несколько выдвинулся войском из лагеря. Заметив эти его действия, братья оставили часть войска устраивать лагерь, а другую взяли с собой и без промедления выступили ему навстречу. С обеих сторон были отправлены послы и заключено на ночь перемирие.

Лагери отстояли один от другого приблизительно на три мили и были разделены небольшим болотом и лесом, вследствие чего подступ к тому и другому с противолежащей стороны был нелегким. Вот почему на рассвете Людовик и Карл отправили послов к Лотарю и велели сказать ему, что они очень огорчены тем, что он отвергает мир и настаивает на битве; но раз он этого хочет, пусть это и произойдет, если уж суждено тому быть, без всякого обмана. И притом пусть сначала будут соблюдены посты и прочтены молитвы, а затем, если кто пожелает перейти на другую сторону, следует назначить ему время и место для перехода, чтобы, таким образом устранив всякое препятствие с той и другой стороны, можно было без всякого обмана и хитрости вступить в битву. И если он хочет, послы должны будут подтвердить это клятвенно, если же нет – они все равно должны просить его согласиться и дать клятву. Но Лотарь, по своему обыкновению, обещал ответить через своих послов, и как только послы братьев ушли, он тотчас увел свое войско навстречу [Пипину] и направился к месту, называемому Фонтанет[7], чтобы там разбить лагерь. В тот же самый день и братья поспешили вслед за Лотарем, нагнали его и расположились лагерем возле селения, называемого Гавриаком[8].

На следующий день оба войска, подготовившись к битве, начали выступать из своих лагерей; но предварительно Людовик и Карл отправили к Лотарю послов, заклиная его вспомнить о братской любви, сохранить мир Божьей церкви и всему христианскому народу и не лишать их владений, которыми наделил их отец с его же согласия; пусть он сохранит за собой то, что получил от отца не по заслугам, а только по добросердечию. И в дар предлагали они ему все, что бы ему ни захотелось взять в целом войске, кроме лошадей и оружия. Если же и от этого он откажется, то каждый из них уступит ему часть своих владений: один – до Карбонарийских гор[9], другой – до самого Рейна; ну а если уж и это отвергнет, то пусть вся Франция будет разделена на равные части, и какую бы из них он ни пожелал – она станет его владением. На это Лотарь ответил, по своему обыкновению, что сообщит через своих послов, что ему будет угодно; и, послав к ним на сей раз Дрогона, Гугона и Гегиберта, поручил им сказать, что ему прежде не предлагалось ничего такого и ему нужно время, чтобы все обдумать. А дело то было в том, что еще не подошел Пипин, и он, с помощью этой отсрочки, рассчитывал его дождаться. Между тем он приказал Рикуину, Герминальду и Фридриху клятвенно заверить братьев, что предложением перемирия он



165

CAPITULA IUNIORIS KAROLI REGIS
IN PISTIS FACTA

KAROLUS
GRATIA
DI REX

Notum esse uolumus omnib; di & nris fidelibus qm haec quae secuntur
capitula nunc in isto placito nro · Anno ab incarnatione dni nri ihuxpi
DCCC LXIIII · Anno uidelicet regni nri ipso propitio XXV Indictione XII ·
VII KL IUL in hoc loco qui dicitur pistas una cu fidelium nroru consensu
atq· consilio constituimus & cunctis sine ulla refragatione per regnu
nrm obseruanda mandamus·

Primo considerauimus de honore ecclesiaru & sacerdotii ac seruoru di
& Inmunitate reru ecclesiasticaru ut nullus sibi de ipsis rebus contra
auctoritate presumat · & comites epis comministri ecclae In eoru minis
terii adiutores in omnib· fiant · sicut in capitulari predecessoru ac pro
genitoru nroru continetur In secundo libro cap XXIII Et quia aliq co
mites uel ministroru rei publicae haec quae mandamus obseruare negle
xerit · si prima & secunda uice de his admoniti non se correxerit · uo
lumus ut neglegentia comitis ad nram notitia per epos et per missos
nros deferatur · & aliorum neglegentia per comites ad nram notitiam

Рукопись капитуляриев Карла Великого, Людовика Благочестивого и Карла Лысого. Около 873 г. *Colish Marcia L.* Medieval Foundations of the Western Intellectual Tradition. New Haven; L., 1998. Il. 70

не стремится достичь ничего другого, кроме как всеобщего блага, и для братьев, и для всего народа, как того требует долг по отношению к братьям и христианскому народу.

И вот, обманутые этой клятвой, Людовик и Карл, после клятвенного утверждения перемирия на этот день и на следующий и даже до второго часа третьего дня (что приходилось на седьмой день до Июльских календ[10]), возвратились в лагерь. На следующий день они намеревались праздновать День св. Иоанна, но в этот же самый день Лотарь, получив наконец подкрепление со стороны Пипина, велел сказать своим братьям: так как они знают, что на него возложен титул императора, сопряженный с большой властью, то пусть подумают, как он мог бы исполнить столь высокие обязанности этого звания; к тому же он вовсе не печется о своей только выгоде, но о выгоде обоюдной. А когда послов спросили, склонен ли Лотарь согласиться с каким-либо из сделанных ему предложений и какой он велел передать им определенный ответ, они ответили, что относительно этого никаких полномочий не получали. Так как этим всякая надежда на справедливость и миролюбие с его стороны, казалось, была отнята, они поручили уведомить его, что, если он не придумает лучшего, пусть принимает одно из сделанных ими предложений, в противном случае – пусть знает, что на следующий день (который, как сказано, приходился на седьмой день до Июльских календ), а именно в 2 часа дня, они прибегнут к суду Всемогущего Бога, к которому он их принудил вопреки их воле. По своему обыкновению, Лотарь высокомерно отверг это заявление и ответил, что они увидят, как ему следует поступить.

(В то время как я это писал в монастыре Св. Флудуальда на Луаре[11], и наступило солнечное затмение во вторник[12], в 15-й день до календ ноября[13], в первом часу дня в знаке Скорпиона.)

Так вот, после такого его отказа от переговоров Людовик и Карл поднялись на рассвете, и, обосновавшись, примерно с третью своих войск на вершине холма, соседнего с лагерем Лотаря, ожидали его прихода до второго часа, согласно данной послам клятве. А когда настал срок и появился Лотарь, начали они сражение при Бургундском ручье ожесточенной борьбой. Людовик встретился с Лотарем в решительной схватке в месте, называемом Бриттас; при этом Лотарь был побежден и обращен в бегство. Часть войска, которую атаковал Карл при местечке, называемом в просторечии Фагит, бежала тотчас же; однако часть, которая при Соленнате напала на Аделарда и других (им и я с Божьей помощью оказал немалую помощь), сражалась стойко; так что победу одерживали и те и другие, но в конце концов все приверженцы Лотаря бежали.

Исходом первой битвы, начатой Лотарем, пусть окончится вторая книга.

[Страсбургская клятва]

III, 5. И вот в 16-й день до Мартовских календ Людовик и Карл сошлись в городе, который некогда назывался Аргентарией, а теперь в просторечии зовется Страсбургом, и принесли клятву, приведенную ниже, Людовик на романском, а Карл на тевтонском языке[14]. Но прежде чем дать клятву, они обратились к собравшемуся народу, один на тевтонском, другой на романском языке.

Людовик, как старший, начал говорить первым: «Вы знаете, сколько раз после смерти нашего отца Лотарь пытался преследовать меня и моего брата и чуть не погубил его. И так как ни братская любовь, ни христианское чувство и никакой другой разумный довод не могли способствовать сохранению мира между нами, мы вынуждены были в конце концов предать дело на суд Всемогущего Бога, чтобы его решением о том, чего каждый заслуживает, быть довольными. Из этого суда мы, как вы знаете, вышли, по милости Божьей, победителями, а он был побежден и вместе со своими приверженцами бежал, куда мог. Мы же, движимые чувством братской любви и сострадания христианскому народу, не хотели его преследовать и уничтожить, но и тогда, как и еще прежде, настаивали, чтобы каждому, по крайней мере отныне, было бы предоставлено его право. Тем не менее он и после этого, не удовлетворенный Божьим судом, не прекращал преследовать враждой и меня, и моего брата; мало того, он разорял поджогами, грабежами и убийствами наш народ. Поэтому мы, в силу необходимости, собрались теперь вместе, и так как мы верим, что вы не сомневаетесь в нашей неизменной верности и прочности братского союза, то и решили принести эту клятву в вашем присутствии. И мы делаем это не из несправедливого пристрастия, но чтобы обеспечить, если Бог даст нам с вашей помощью мир, всеобщее благополучие. Если же я – да не случится так – осмелюсь нарушить клятву, которую дал моему брату, то каждого из вас я освобождаю от подчинения мне и от присяги, которую вы мне дали».

Когда и Карл произнес те же самые слова на тевтонском языке, Людовик, как старший, первым произнес эту клятву: «Pro Deo amur et pro Christian poblo et nostro commun saluament, d'ist di in auant, in quant Deus savir et podir me dunat, si salvaraeio eo cist meon fradre Karlo et in adiudha et in cadhuna cosa, si cum om per dreit son fradra salvar d'ist, in o quid il mi altresi fazet; et ab Ludher nul plaid numquam prindrai, qui meon vol cist meon fradre Karle in damno sit». («Ради любви к Богу, ради христианского народа и нашего общего спасения, отныне и впредь, насколько Бог даст мне разума и силы, буду я поддерживать моего брата Карла и помощью, и всяким другим способом так, как надлежит по праву защищать своего брата, с тем чтобы и он поступил со мною так же. А с Лотарем я не вступлю никогда ни в какие соглашения, которые по моей воле могут повредить моему брату Карлу».)

А когда кончил Людовик, Карл произнес в тех же самых словах клятву на тевтонском языке: «In Godes minna ind in thes Christianes folches ind unser

Печати королей Лотаря и Карла Лысого. *Heer F.* Charlemagne and his World. L., 1985. P. 241. Il. 7

bedhero gealtnissi, fon thesemo dage fram-mordes, so fram so mir Got geuuizci indi madh furgibit, so haldih tesan minan bruodher, soso man mit rehtu sinan bruodher scal, in thiu thaz er mig sosoma duo; indi mit Ludheren in nohheiniu thing ne gegango, zhe minan uuillon imo ce scadhen uuerhen»[15].

Клятва же, которую произнесли оба народа, каждый на своем языке, на романском языке звучала так: «Si Lodhuuigs sagrament, quae son fradre Karlo iurat, conservat, et Karlus meos sendra de suo part non lostanit, si io returnar non l'int pois, ne io ne neuls, cui eo returnar int pois, in nulla aiudha contra Lodhuuig nun li iuer». («Если Людовик клятву свою, данную его брату Карлу, сохранит, а Карл, мой государь, со своей стороны, ее не сдержит, если я не смогу его от этого удержать, ни я, ни кто-либо из тех, кого я смогу удержать от этого, то я не окажу ему против Лотаря никакой помощи».) А на тевтонском так: «Oba Karl then eid, then er sinemo bruodher Ludhuuuige qesuor, geleistit, indi Ludhuuuig min herro then er imo gesuor, forbrihchit, ob ih inan es iruuenden ne mag, noh ih noh thero nohhein, then ih es iruuenden mag, uuidhar Karle imo ce follusti ne uuirdhit»[16].

По свершении этого Людовик направился к Вормации[17] вниз по Рейну через Спир[18], а Карл вдоль Вогез мимо Виццунбурга[19].

Лето же, в которое произошла вышеописанная битва, было очень холодное, и все фрукты были собраны совсем поздно; но зима и осень прошли как обычно. В тот самый день, когда братья и знатнейшие из людей заключили вышеприведенное соглашение, выпал большой снег и сильно похоло-

дало. А в декабре, январе, да и в феврале до упомянутого съезда была видна комета, которая поднялась через центр знака Рыб и исчезла после этого съезда между знаками темного Арктура и тем, который одними называется Лирой, а другими Андромедой. После этих кратких размышлений о временах года и о звездах я возвращаюсь к нити рассказа.

Когда они[20] прибыли в Вормацию, то избрали послов, тотчас же отправили их к Лотарю и в Саксонию и решили ждать их возвращения, а также и прибытия Карломана[21] между Вормацией и Могонциаком[22].

1 Лотарь – франкский император (840–855), сын Людовика Благочестивого (814–840).

2 Речь идет о мирных предложениях его младших братьев – Людовика Немецкого и Карла II Лысого – в конце 841 г.

3 Пипин II – сын Пипина I Аквитанского, правил в 838–852 гг.

4 Из Баварии, принадлежавшей Людовику, на соединение с Карлом Лысым, владения которого находились в Аквитании и Провансе.

5 Т.е. Людовик Карла.

6 Теперь Оксерр, у нижнего притока Сены.

7 Теперь Фонтенуа, юго-западнее Оксерра.

8 Теперь Тури.

9 Т.е. до Арденнских гор.

10 Т.е. 25 июня 841 г.

11 В верховьях Луары, близ Сен-Клу.

12 Feria tertia – вторник.

13 Т.е. 18 октября.

14 К середине IX в. в Европе начинают складываться и развиваться национальные языки: романский и немецкий. Текст страсбургской клятвы является редчайшим образцом старофранцузского (романского) и старонемецкого (тевтонского) языка. Клятва в Страсбурге обусловила заключение Верденнского договора, узаконившего распад империи на государства итальянское, немецкое, французское.

15 См. перевод клятвы с романского языка; в этой клятве переставлены лишь собственные имена: где Людовик, там Карл, и наоборот.

16 См. перевод с романского.

17 Теперь Вормс.

18 Теперь Шпейер.

19 Теперь Вейсенбург.

20 Т.е. Людовик и Карл.

21 Старший сын Людовика Немецкого.

22 Теперь Майнц.

Эрмольд Нигелл

*

Эрмольд Нигелл (Эрмольд Черный, Nigellus – от *лат.* niger) был, по-видимому, уроженцем Аквитании, т.е. человеком не франкской, а готской крови; в одном месте он упоминает «луарские края» как свою родину. Во всяком случае судьба его тесно связана с двором правителей Аквитании – сначала Людовика, будущего Людовика Благочестивого, а потом Пипина, его старшего сына. В 824 г. он даже сопровождал Пипина в походе против бретонцев и участвовал в сражении; об этом он упоминает в своей позднейшей поэме, но довольно иронически:

Тут я и сам, щитом заслонясь и мечом опоясан,
Выступил в бой; но, увы, мною никто не задет.
Глядя на это, Пипин подивился и молвил со смехом:
«Брось-ка оружие, брат: книги сподручней тебе».
(Прославление Людовика, IV, 135–138)

Собственно, это единственное место, из которого можно заключить, что «брат» Эрмольд принадлежал к духовному званию; но вряд ли он был монахом, скорее – клириком, не чуждым, как многие тогдашние священники, воинственных упражнений, и еще более не чуждым придворных интриг. За это он скоро поплатился. Когда Людовик Благочестивый женился вторым браком на Юдифи Баварской, которая родила ему в 823 г. Карла Лысого, отношения между императором и его сыновьями от первого брака начали портиться. Враги Пипина Аквитанского донесли Людовику, что Эрмольд настраивает Пипина против отца; по распоряжению Людовика, Эрмольд был удален от аквитанского двора и сослан в Страсбург под надзор епископа Бернольда. Здесь-то, чтобы заслужить помилование, Эрмольд и берется за перо, сочиняя покаянные панегирики обоим своим прежним покровителям, Людовику и Пипину.

Первая поэма Эрмольда, «Прославление Людовика» («В честь Людовика, христианнейшего Цезаря Августа, элегическая песнь изгнанника Эрмольда Нигелла»), была написана в 826 г. Она состоит из пролога с акростихом и телестихом (на слова: «Се воспевает Эрмольд Людовика Цезаря битвы») и четырех книг элегическим дистихом. Первая книга начинается обращением к Людовику, чьи деяния могли бы достойно воспеть разве что Марон, Назон, Катон, Флакк, Лукан, Гомер, Макр (Эмилий Макр, о котором Эрмольд, конечно, знает только понаслышке), Туллий, Цицерон (их Эрмольд считает двумя разными лицами), Платон, Седулий, Проспер, Ювенк, Пруденций и Фортунат; затем следуют описание венчания Людовика аквитанской короной в 781 г. и, почти без перехода, рассказ о его войне с испанскими сарацинами и осаде Барселоны в 801 г. Вторая книга описывает принятие Людовиком императорского сана: ахенский сейм 813 г., когда на него возложил императорскую

корону Карл Великий, и визит папы Стефана IV в Реймс в 816 г., когда Людовик был помазан на царство папой; здесь же рассказывается о Бенедикте Анианском и основании монастыря в Инде близ Ахена (это первый из приведенных здесь отрывков). Третья книга посвящена походу Людовика на бретонцев в 818 г. и поединку между бретонским вождем Мурманом и франкским рыцарем Хослом; едва ли не по ассоциации вслед за этим рассказывается о судебном поединке между двумя готскими рыцарями при ахенском дворе (второй из отрывков). Четвертая книга описывает обращение Людовиком в христианство датского короля Гарольда и празднество с охотой, устроенное по этому случаю; заканчивается поэма патетической мольбой о помиловании (третий отрывок).

Поэма обнаруживает немалую начитанность Эрмольда. Образцом панегирического жанра для него служило, как и для всей его эпохи, творчество Венанция Фортуната. Боевые сцены по большей части копируют Вергилия. Пространное описание Майнцского дворца и его капеллы с симметрично расположенными росписями на сюжеты Ветхого и Нового Заветов подсказано Пруденцием. Охота Людовика и Гарольда напоминает охоту Карла Великого, описанную Псевдо-Ангильбертом. Вся поэма полна словосочетаниями и целыми полустишиями, заимствованными из Вергилия, Овидия и христианских поэтов. Однако это не лишает поэму Эрмольда самостоятельной художественной и исторической ценности. Его рассказы о походах Людовика передают впечатления очевидца и содержат сведения, делающие поэму важным историческим источником. Его пафос «христианской войны» против язычников – арабов и бретонцев – невыводим из литературных образцов и навеян современностью; может быть, Эрмольд использовал народные песни времен Карла Великого, о существовании которых он прямо упоминает в одном месте поэмы. Эти мотивы роднят произведение Эрмольда с позднейшим воинским эпосом средневековья, в том числе с «Песнью о Роланде».

Панегирик Эрмольда не произвел впечатления при дворе. Тогда он обратился с просьбой о заступничестве не прямо к Людовику, а к своему непосредственному покровителю Пипину Аквитанскому, посвятив ему два стихотворения: «Славословие Пипину» и «Послание к нему же». В первом из них муза Талия (муза поэзии, по представлению каролингских авторов) посещает Пипина в его дворце, описывает ему Эльзас, место изгнания Эрмольда, и живописует Рейн и Вогезы, спорящих между собою о том, кто из них благодетельней для Эльзаса; заканчивается поэма речью Пипина к Эрмольду – король не обещает поэту помилования, но утешает его и побуждает стойко переносить изгнание, как Овидий, как Иоанн Богослов и другие писатели-изгнанники. Во втором стихотворении Эрмольд сам обращается к Пипину и предлагает ему длинный ряд нравственных наставлений, нечто вроде «зерцала правителя»; заканчивается стихотворение эффектным «тмесисом» (слово, разорванное пополам) – приемом, который Эрмольд не раз использует и в других местах:

Эти вверяю стихи я твоей, повелитель, заботе:
Пусть пред твоим лицом их благочестно прочтут.
Если кто зубы точить начнет на мое сочиненье –
Пусть он услышит от вас: «Смолкни! Нигелл далеко».
Добрый мой царь, заступись за Нигелла – он честно вам служит!
Я ж защищаться готов – только посмейте напасть.
ЭР – благозвучные эти стихи написаны – МОЛЬДОМ:
Не забывай же, Благой, верного имя слуги.

Добился ли Эрмольд освобождения из Страсбурга, неизвестно. Не исключена возможность, что его освободило восстание сыновей против Людовика Благочестивого в 830 или 833 г. и что он и аббат Хермольд, ездивший в 834 г. гонцом от Людовика к Пипину, или канцлер Хермольд, скрепивший в 838 г. три грамоты Пипина, – одно лицо. Однако достоверные сведения о дальнейшей судьбе Эрмольда Нигелла отсутствуют.

Из поэмы «Прославление Людовика, христианнейшего Цезаря»

Книга I

О предприятии войны против Барселоны

⟨...⟩ Герцог Тулузский Вильгельм, смиренно склоняя колени.
Ноги лобзал, королю и говорил ему так:
«О государь и отец, светоч Франции, сила и слава,
Ты, превзошедший отцов знаньем и делом своим,
Соединивший в себе потоков родительских струи –
Доблести царственный взлет и величавую мысль,
Ныне, молю, преклонись по достоинству к нашему слову
И к увещаньям моим будь благосклонен душой!
Есть на свете народ, зовущийся именем Сары,
В наши пределы давно сеющий пламень и смерть,
Сильный, привычный к седлу, искусный в оружном сраженье, –
Я, как себя самого, смолоду знаю его.
Я изучал его край, города, селения, замки,
Знаю, где можно пройти по безопасной тропе.
Есть в том черном краю особо злодейственный город
Он – причина всех бед всюду в окрестных местах:
Ежели будет труду твоему вспоможение Божье –
Город будет в плену. Людям наступит покой.
Так устреми же туда свой шаг и Марсову силу,
И провожатым твоим будет твой верный Вильгельм».
И улыбнулся король, и молвил любезное слово,
Доброго обнял слугу, облобызал и гласит:
«Благодаренье тебе от меня и родителя Карла!
Вечно, доблестный вождь, будь тебе должная честь.
Сам я в сердце моем лелеял подобные думы,
Ты произносишь их вслух, я их звучанию рад.
Я к увещаньям твоим, к обещаньям твоим благосклонен;
Не сомневайся же, франк: скоро приду воевать!

И в упрежденье скажу лишь одно нерушимое слово,
Ты же к нему обрати доброжелательный слух:
Ежели Бог продлит мою жизнь на дальнейшие годы,
Ежели волей Его легок удастся поход,
Ежели взвижу твои, Барселона, упорные стены,
Столько трубившие раз пагубу людям моим,
То поклянусь, о Вильгельм, головою твоей и моею
(И прикоснулся к плечу герцога, так говоря):
Или пусть на меня басурманские полчища мавров
Ради спасенья своих выйдут на Марсову брань,
Или же ты, Барселона, неволей иль волею сдашься
И, растворивши врата, примешь веленья мои».
Эту услышавши речь, всколыхнулись вельможные сонмы
И припадают с хвалой к благословенным стопам.
Тут подзывает король любезного друга Бигона
И подошедшему в слух сладкие молвит слова:
«К нашим полкам, Бигон, поспеши с моим повеленьем,
В памяти верно храня каждое слово мое:
В день, когда небесный Титан ниспустится к Деве
И устремится Луна в свой ежемесячный круг,
Пусть, сплотивши строй, мое оружное войско
С криком победы взойдет на барселонский оплот!»
И повинуется умный Бигон государеву слову
И с повеленьем в устах к войску спешит и назад ⟨...⟩

Об осаде Барселоны

266 ⟨...⟩ между тем вожди короля и фаланги народа,
Радостно слыша приказ, делают то, что велят:
К сбору отвсюду спешат дружины франкского войска
И облегают кольцом вражьего города вал.
Карлов отпрыск идет впереди отборнейшей рати,
Скликнувши лучших вождей для сокрушенья врага.
Вот со своей стороны Вильгельм раскинулся станом,
С ним Херипрет, Лиутхард, с ними Бигон и Берон,
Санций, Либульф, Хильтиберт, Хизимбард, и много, и много
Прочих, которых невмочь всех поименно назвать.
Дальше в широких полях простирается младшее войско,
Там и франк, и баск, и аквитанец, и гот.
Шум встает до небес, эфир отзывается громом,
В вражеском городе – страх, трепет, и крики, и плач.

Между тем в вечерней тени является Геспер;
О Барселона, уже вся ты открыта врагам!
Ибо едва в небесах засияла для смертных Аврора,
Все вельможи сошлись пред королевским шатром,
Все, по званьям своим разместясь на зеленой поляне,
Чуткий слух напрягли, царские ловят слова.
Тут-то Карлов сын разверзает премудрые речи:
«В душу примите, князья, это вещанье мое!
Если бы этот народ чтил Бога, внимал бы Иисусу,
Не отвергал бы святой хрисмы, крещенской воды, –
Был бы меж ними и нами незыблемый и нерушимый
Мир и были бы мы общею верой крепки.
Ныне же сами они отвергнули нами открытый
Путь к спасенью, служа пропасти дьявольских сил,
И посему милосердно велит Господь Громовержец
Взять под нашу власть этот отверженный люд.
Так поспешим, ударим на бой, подступим под стены,
Явим древнюю мощь доблестной франкской души!»
Как по Эолову слову летят свистящие ветры
Через леса и поля, через проливы морей,
Хижины сносят селян, в дрожь бросают и рощи, и нивы,
Сам кривокогтый орел еле на солнце глядит,
А злополучный пловец покидает и весла, и парус
И по взъяренной волне в утлом несется челне, –
Истинно так вся франкская рать по державному слову
Ринулась мощной толпой, гибелью граду грозя:
Те бросаются в лес, топоры оглашают окрестность,
Рушится с шумом сосна, тополь лежит на земле,
Кто-то колья вострит, кто-то лестницу ладит из брусьев,
Кто-то с телегой спешит, кто-то каменья несет,
Не устают пращи, бьют градом стрелы и дроты
И под ударом бревна глухо ворота гудят ⟨...⟩

. . . .

Тою порой молодые бойцы, сплотивши отряды,
Бьют в ворота бревном, бранный разносится гром,
Стены из мраморных плит дрожат под тяжким ударом,
Сыплются стрелы дождем, раня несчастный народ.
Тут-то мавр Дурзас, насмехаясь с возвышенной башни,
Так на хвастливый распев дерзкие молвит слова:
«О, неуемное племя, которому мало вселенной,
Вам ли в ворота стучать, добрых тревожа людей?
Или надеетесь вы опрокинуть мгновенным ударом

Иллюстрации к псалму 12. Миниатюра Утрехтской псалтыри.
Нессельштраус Ц.Г. Искусство раннего средневековья. СПб., 2000. Ил. 50

То, что тысячу лет римский выстраивал труд?
Прочь, неистовый франк, сокройся от нашего взора,
Вид твой нам надоел, слушать тебя не хотим!»
Этим надменным словам не пустою ответствовал бранью
Доблестный вождь Хильтиберт: быстро хватает он лук,
И выступает вперед, крикливому недругу грозный,
Вынул смычок роговой, выгнул оружье дугой,
Ввысь полетела стрела и в черный вгрызается череп,
Пагубоносный тростник зычный пронзает язык.
Рухнул наглый стремглав, покидает высокую стену
И, умирая, струит к франкам поганую кровь.
Крик до самых небес, ликуя, возвысили франки, –
Мавры, напротив того, жалостный подняли плач.
Тут-то разные разных бойцов повергают в могилу:
Габирудара – Вильгельм, а Уризона – Льютхард,
Забиризун упал под копьем, Узак – под стрелою,
Пал от пращи Колизан, дротом повержен Гозан,
Камни бьют из пращей, бьют дроты и лучные стрелы –
Только такая война доблестным франкам с руки,
Ибо разумный Задун повелел своим подданным маврам
Не выступать из ворот, не доверяться судьбе.
Дважды десять раз вставало новое солнце,
И меж обеих сторон вровень клонился успех.
Не выходили враги из ворот, опасаясь засады;
И не могла одолеть стен стенобойная снасть,
Но как война началась, так она неотступно и длилась,
И неустанно разил в крепкие створы таран.
Тут-то со скиптром в руке наследник державного Карла,
Светел, выходит к войскам в сонме сопутных друзей,
Он привечает вождей, привечает по чину дружины
И на отеческий лад к Марсову бою бодрит:
«Слушайте ныне, князья, и слушайте, младшие рати,
И у себя мой в душе запечатлейте глагол:
Истинным Богом клянусь, что я не желаю дотоле
В царство вернуться мое, к отчему трону припасть,
Нежели этот поверженный град измором и бранью
Не приспешит принять волю мою и закон!»
Эти заслыша слова, на стене безопасно стоявший
Некий насмешливый мавр голос вознес к небесам:
«Праздно безумствуешь, франк! не тревожь наши крепкие стены:
Ни от каких причин нашему граду не пасть!

Вдоволь запасено и мяса, и сладкого меда
    В наших сохранных местах: вам голодать, а не нам!»
Тотчас встает Вильгельм и гласит поперечное слово,
    Негодованье свое вынесши в гневную речь:
«Выслушай, дерзостный мавр, мою суровую правду –
    Хоть не по нраву тебе, но за нее поручусь!
Видишь коня моего в расшитой пестрой попоне?
    Я разъезжаю на нем перед твоею стеной.
Истинно молвлю тебе – он прежде падет под ножами
    И измельчится на корм для недостойных зубов,
Нежели наши полки отойдут от запретной твердыни, –
    В это сраженье вступив, мы из него не уйдем!»
Мавр свои черные щеки терзает кривыми ногтями,
    Черным своим кулаком бьет в свою черную грудь,
Наземь падает ниц, пораженный ужасом в сердце
    И до зенита небес шлет перепуганный вопль;
Стража сбегает со стен, цепенея бессильной душою –
    Страшно на франков смотреть, слыша крутые слова.
В ярости мчится Задун навстречу бегущему люду:
    «Стойте, куда вам бежать? Есть ли какие пути?» –
«О Задун, Задун, ответ принесут тебе франки;
    Слушай, каков ответ, и удовольствуйся им:
Прежде готовы они осквернить свои зубы кониной,
    Чем отступить на шаг от барселонской стены ...»

Книга II

⟨...⟩ Был некий муж Бенедикт, своего достойный прозванья:
    К звездам небесным возвел муж этот многих мужей.
Стал королю он знаком, с ним встретившись в готских пределах[1]
    Ныне о жизни его вам я поведать хочу.
Он по заслугам своим Анианской общиною правил,
    Пастырем был и отцом, паствой за кротость любим.
Сердце ж его короля пламенело любовью к святыне,
    Чтобы монашеский чин нравы людей исправлял.
Был Бенедикт ему в помощь ученьем и добрым примером,
    И за деянья его Бог его храмы хранит.
Всем поведеньем его любовь к добру управляла,
    И по сужденью людей мог он назваться святым.
Кроток он был и любим, спокойный, мирный и скромный,
    Правила жизни святой в сердце носил он своем.
Был благодетелем всем и всегда он, не только монахам –
    Всем он помощь давал, ласковым всем был отцом.

Вот за это его король полюбил благочестный,
В франкскую землю не раз вместе с собой уводил.
Учеников Бенедикта к монашеским общинам часто
Сам король посылал, добрый чтоб дать им пример.
Пусть решают и учат, где смогут, – а где не сумеют,
Пусть все запишут сполна и королю отдадут.
Этой порою король с Бенедиктом, служителем Божьим,
Оба задумали дать Богу достойнейший дар.
Раз благочестный король Бенедикта к себе призывает,
Движимый мыслью благой, ласково речь с ним ведет:
«Знаешь, конечно, и ты – уделяю я много заботы
Чину монахов с тех пор, как посещать я их стал.
Вот почему я б хотел с любовию к Богу воздвигнуть
Храм, чтобы он недалек был от палаты моей.
Три побуждают меня причины, поверь мне, и в сердце
Будят желанье – о них все я тебе расскажу.
Видишь ты сам, как меня подавляет властителя доля
Грузом тяжелым своим: труден правленья удел.
Мог бы подчас отдохнуть я в этой обители новой,
Втайне бы мог принести Богу обеты мои.
Есть и причина вторая – с обетом твоим не согласно
Дело, что делаешь ты (сам ты не раз говорил).
Не подобает монахам мешаться в гражданские распри,
Также не следует им козни дворцовые знать.
Здесь же ты мог бы всегда лишь работами братии ведать,
Странников мог бы чужих гостеприимно встречать,
И, отдохнувши, порой и меня посещать в моем доме
И принимать от меня братии вашей дары.
Третья причина такая: не нам лишь будет на пользу,
Если от Аквы вблизи будет обитель стоять.
Может кого-нибудь здесь конец его жизни застигнуть,
Пусть его тело тогда здесь же в могилу сойдет.
Здесь же Христовы дары принять обращенные смогут,
Тот, кто захочет, найдет здесь благосклонный совет».
Слыша такие слова, Бенедикт преклоняет колени,
Господу честь воздает, веру храня короля.
Молвит: «Всегда мне была твоя воля известна, владыка,
Пусть ее Бог укрепит, он нам лишь блага дает».
Индой[2] зовется то место, где ныне воздвиглась обитель,
Это – названье реки, что протекает у врат.
Тысячу трижды шагов от него до престольного града,
Град этот Аквой зовут, славится имя его.

Некогда было оно приютом оленей рогатых,
Жил здесь в берлоге медведь, дикий скрывался козел.
Но от хищных зверей эту местность очистил Людовик,
Ныне трудами его Господу служит она.
Здесь заложил он приют и снабдил богатством обильным,
И процветает устав твой здесь, святой Бенедикт!
Ибо обителью той Бенедикт отечески правит,
Там и Людовик-король – всем благосклонный отец;
Часто ее посещает, к делам проявляя вниманье,
Строго порядок блюдет, щедро приносит дары.
Кончи, камена, напев! Этой книги хвалебные строки
Пусть этим добрым концом к песне начальной примкнут.

Книга III

⟨...⟩ Есть среди франков обычай старинный; доколе он в силе,
Честь и славу свою франкский народ сохранит.
Если задумает кто королю свою верность нарушить,
В мыслях обман затаив, подкуп иль хитрую лесть,
Или захочет, несчастный, владыку сгубить иль державу,
Злобные козни сплетя, клятве своей изменить,
То, когда брат или друг, узнавши, об этом расскажет,
Им подобает тогда биться один на один,
Перед лицом короля, пред советом и франкским народом –
Ведь ненавистна всегда франкам неверность и ложь.

Был некий муж знаменитый, носивший имя Берона,
Был он безмерно богат, мощью великой владел.
Стал он при Карле в краю Пархинонском[3] наместником; долго
Этой страной он владел, твердо законы блюдя.
Но обвинил его в лжи Санилон; так он звался средь готов;
Были по крови они готами – тот и другой.
Пред королем и народом мятежные речи Берона
Все повторил Санилон – но их Берон отрицал.
Выступив оба вперед, они на колени упали
И умоляли – пускай распрю их Марс разрешит.
Первым молвил Берон: «Король, я прошу милосердья:
Ты разреши мне, молю, речь опровергнуть его.
Наш обычай таков – должны мы, коней оседлавши,
Меч друг на друга поднять». Просит он раз и другой.
Молвит король: «Подлежит это дело решению франков –
Так нам закон приказал, то же прикажем и мы».

Раз уж решенье дано, по обычаю старому франков,
К битве готовятся все, яростно рвутся на бой.
Боголюбивый король их снова к себе призывает,
И, благочестье блюдя, всех обещает простить:
«Тот, кто из вас из двоих сейчас мне скажет открыто,
Что он виновным себя передо мной признает, –
Я пожалею его и ошибку простить обещаю;
Долг отпускать должнику к Богу любовь мне велит.
Верьте, для вас будет лучше послушать моих уговоров,
Чем свою долю вручать Марса смертельным боям».
Но умоляли они неотступно и снова, и снова:
«Битвы нам по душе, в битву мы рвемся всегда!»
Мудрый король разрешил им сражаться, но франков законы
Строго велел соблюдать, – и обещали они.
От королевских палат недалеко есть дивное место,
Славит молва его вид; Аквой зовется оно.
Выкопан ров вкруг него, огражденный мраморной кладкой,
Выращен лес там густой и зеленеет трава.
А посредине река струит свои тихие воды;
Множество дичи живет там в тростнике и в кустах.
Часто бывает – король с небольшою своею дружиной
Едет сюда отдохнуть и поохотиться всласть,
Чтобы могучий олень длиннорогий пронзен был стрелою,
Поймана дикая лань или убита коза.
Если же землю зима ледяною покроет корою,
Сокол когтистый тогда бьет стаи птиц налету.
Здесь-то, от злобы дрожа, и сошлись Берон с Санилоном,
И восседали они оба на мощных конях.
Щит висел за спиной, в руках они копья держали, –
Ждали, чтоб подал им знак к битвы началу король.
Близко собрался от них отряд королевской дружины;
Тоже держали щиты – так приказал им король.
Если один из бойцов получит тяжелую рану,
В бой пусть вступают они, – чтоб ему жизнь сохранить.
Здесь же Гундольд ожидал, приготовлены были носилки,
Чтобы того, кто падет, с поля скорей унести.
Подан был знак – и тотчас жестокая вспыхнула сеча;
Но непривычен и нов франкам казался тот бой.
Копья метнули они, мечей острия обнажили, –
Свой был обычай у них, но беззаконен он был.
Вдруг скакуна своего пришпорил Берон, и от боли
Конь встает на дыбы, быстро по полю летит.

Скачет за ним Санилон; внезапно, поводья ослабив,
Ранит Берона мечом; и – сознается Берон.
Воинов юных отряд к потерявшему силы Берону
Быстро на помощь спешит – как приказал им король.
И отсылает носилки обратно Гундольд изумленный –
Видит: носилки пусты, в битве никто не погиб.
Жизнь Берону дарует король, обещает спасенье,
И, пожалевши его, не отбирает богатств.
О, беспредельная милость! Король проступки прощает,
Он виновному вновь жизнь и достаток дает.
В эту же милость я верю и сам и молю неустанно,
Чтобы к Пипину меня снова вернула она.

О, Бенедикт наш! Свой путь завершил ты ныне достойно[4],
Верен всегда ему был, следуя Павла словам.
Ныне же с радостью ты пребываешь в обители райской
С тем, чье имя носил, с тем, кому ты подражал.
Именем пусть же твоим эта третья закончится книга –
Вспомни же, Отче Благой, Ты об Эрмольде своем.

Книга IV

⟨...⟩ Песни я эти слагал, находясь в Страсбурге под стражей:
Знал о проступке своем, в чем я повинен, я знал.
Дева Мария, тебе там воздвигнуты светлые храмы
И, как всегда на земле, в них тебе честь воздают.
Часто – молва говорит – посещают их жители неба,
Ангельский хор, и чудес много свершается там.
Нам же, Талия, теперь ты хотя б о немногих поведай,
Если от Девы Святой милость подастся тебе.
Сторож при храме там жил, носивший имя Тевтрамма:
Он по заслугам носил имя честное свое.
Было привычным ему и днем, и глубокою ночью
Там, где Марии алтарь, Богу мольбы возносить.
Был удостоен не раз он великой награды небесной,
Ангелов светлых полки часто являлись ему.
Ночью однажды хотел он, псалмы и молитвы закончив,
Ложе свое постелив, тело покою предать.
Вдруг в этот миг озарился весь храм сиянием ярким,
Будто бы день наступил, солнце взошло над землей.
С ложа восстав своего, хотел он понять, почему же
Свет этот яркий горит? Вот что предстало пред ним.

Над алтарем распростер орел широкие крылья, –
Но не в пределах земных этот орел был рожден.
Клюв – из злата литой, на когтях – драгоценные камни,
И в оперенье его неба блистала лазурь.
Очи сверкали огнем. Онемел служитель церковный
И, пораженный, к себе он не позвал никого.
Лишь изумленно глядел на пернатое чудо; и крылья,
Блеск и сиянье очей – все удивляло его.
Но прозвучал в этот миг, как бывает всегда пред рассветом,
Третий крик петуха – братию в церковь он звал.
Дивная птица вспорхнула – само собой перед нею
Вдруг распахнулось окно, вдаль выпуская ее.
Вместе со взлетом ее сейчас же угасло сиянье.
Видно, орел этот был гостем из Божьих краев.

Все это, Цезарь, тебе на своей на тростинке печальной
Спел злополучный Эрмольд, нищий, изгнанник, бедняк.
Дара я дать не могу, лишь песню слагаю владыке;
Всяких богатств я лишен, есть только песнь у меня.
Сердце владыки в руке у Христа, Христос его держит
И посылает его всюду по воле своей.
В сердце твоем он взрастил цветы добродетели дивной,
И переполнил его он благочестья волной.
Если б внушил он тебе, король именитый, чтоб к просьбам
Ухо свое преклонив, дело мое ты решил!
Может быть, внявши словам правдивым, увидишь, что не был
Так мой проступок тяжел, как обвиняли меня.
Я не стараюсь, поверь, представить себя невиновным
В этом проступке – за то я и в изгнанье томлюсь.
Но беспредельная милость, виновным долги отпуская,
Пусть, умоляю, теперь вспомнит изгнанье мое.
Ты же, супруга владыки, Юдифь, всех красавиц прекрасней,
Власть по праву и ты держишь рукою своей;
Павшему помощь подай, несчастному дай утешенье,
Шаткий шаг укрепи, узнику дверь отомкни!
И Повелитель Громов вас обоих на долгие годы
Пусть сохранит, вознесет, честь и богатство пошлет.

[1] Реминисценция стиха Вергилия (Энеида, III, 35) «Как и Градива отца, что царствует в гетских пределах...» с переосмыслением: Вергилий под «гетами» подразумевал дунайские племена фракийцев, Эрмольд (вместе со всеми своими современниками) – германцев-готов, в данном случае – населяющих Аквитанию.

[2] Инда (Корнелимюнстер) – местность невдалеке от Ахена (Аквы); ср. Житие Бенедикта Анианского, 48: «Ближняя была долина, от дворца не далее чем на шесть миль

отстоявшая... там повелел император воздвигнуть дивный монастырь, нареченный Индою от имени речки, по той долине протекавшей...». Описание лесной глуши, находившейся на этом месте, – вряд ли преувеличение: места эти издавна были малолюдны, и сам город Ахен, столица Карла Великого, впервые упоминается в документах только при Пипине Коротком, лет за семьдесят до описываемых событий.

[3] Пархинон – редкий вариант названия «Баркинон», или «Барцинон», латинского имени современной Барселоны. Места эти с V в. были заселены готами; от них область получила название Готалония, а потом Каталония.

[4] Бенедикт Анианский умер в 821 г. и упоминается здесь просто хронологически. Соименник его, которому он подражал, – знаменитый Бенедикт Нурсийский, основатель бенедиктинского ордена, реформированного Бенедиктом Анианским.

Годескальк

*

Из всех писателей раннего средневековья Годескальк, бесспорно, человек с самой трагической судьбой. «"Горе от ума" IX века», – охарактеризовал его жизненную историю Б.И. Ярхо.

Годескальк (латинизированная форма имени – Godescalcus, немецкая – Gottschalk) родился около 805 г. Он был сыном знатного саксонского графа Берна. В детстве оставшись сиротой, был взят на воспитание Храбаном Мавром в Фульдский монастырь. Богатые имения, наследником которых был Годескальк, казались лакомым куском для Фульды. В 822 г. он был насильственно пострижен в монахи, а имения его перешли к монастырю. В 829 г. Годескальк подал жалобу на Храбана Майнцскому собору и просил освободить его от монашеского звания как постриженного насильно. Храбан пустил в ход весь свой авторитет, написал специальный трактат «О пострижении отроков» и добился того, что просьбу Годескалька отклонили. Молодому монаху было позволено перейти из Фульды в другой монастырь, но имения его остались за Фульдой. Годескальк удалился в Корби, а потом в Орбэ.

Несмотря на ненависть к своему монашескому званию, Годескальк учился богословским наукам усердно и страстно. В Фульде его учителем был Храбан, в Рейхенау, куда он ездил около 824 г., – Веттин, в Корби – Ратрамн, в Орбэ – реймсский ирландец Дунхад, друг Эригены, – все лучшие ученые своего поколения. В Фульде он подружился с двумя другими учениками Храбана – ученым Серватом Лупом и поэтом Валахфридом Страбоном; в переписке Страбон называл Годескалька академическим прозвищем Фульгенций, а Годескальк Страбона – Гонорат. В Орбэ Годескальк написал три гимна ко Христу, принадлежащие к числу лучших в гимнографии этой эпохи. Но главным объектом его занятий был Августин. Из сочинений Августина и вывел Годескальк то учение о двойном предопределении, за которое после этого страдал всю жизнь.

Вопрос о предопределении и свободе воли – один из самых деликатных пунктов христианского богословия. С одной стороны, признание Божеского всеведения и всемогущества требовало принять, что судьба человека целиком зависит от воли Божьей; с другой стороны, из признания загробного воздаяния за праведные и грешные людские дела следовало, что судьба человека зависит от его свободной воли. Католической догме приходилось очень осторожно лавировать между этими двумя крайностями. Положение осложнялось тем, что крупнейший авторитет по данному вопросу, Августин, писал об этом преимущественно полемически и, споря против крайних сторонников свободы воли, сам допускал слишком крайние суждения в защиту Божеского предопределения. Церковью такие суждения обычно замалчивались или толковались смягченно. Именно поэтому они стали основой для

учения Годескалька. Годескальк открыл их для себя в годы занятий в Орбэ, смело довел мысли Августина до их логического предела и заявил, что судьба человека зависит исключительно от Божеского предопределения, что одним людям от роду предопределены Божьей волей грехи и ад, а другим – подвиг и рай и что Христос умер только за этих избранных. Как известно, 800 лет спустя подобное учение стало догмой кальвинизма. Но во времена Годескалька общественная психология была еще не готова принять учение о двойном предопределении, и оно осталось «ересью» одного человека, для которого сознание собственного избранничества служило душевной опорой в его судьбе гонимого монаха поневоле.

Около 840 г. Годескальк получает от хорепископа (а не от епископа, как следовало по уставу) священнический сан, а затем без дозволения покидает Орбэ, уходит паломником в Рим, проповедует свое учение в Ломбардии, живет некоторое время при дворе фриульского графа Эберхарда, любителя книг и мецената. Вслед ему летят из Германии суровые послания Храбана, обвиняющие в ереси и его, и всех, кто его слушает и дает ему приют. Он чувствует себя затравленным и гонимым; это ощущение он изливает в трех стихотворениях, написанных в Италии; одно из них – ответ молодому другу, попросившему Годескалька написать для него стихи, – приведено ниже. Проскитавшись несколько лет по Италии, Далмации, Паннонии, Годескальк наконец возвращается в Германию. Проповедь кончилась, начинается мученичество.

В 848 г. на майнцском соборе под председательством Людовика Немецкого и под руководством Храбана Мавра Годескальк был осужден за незаконное посвящение в сан, за уход из монастыря и за еретические мысли; его отдали под надзор Хинкмару Реймсскому, в чьей епархии находился Орбэ. В 849 г. на Кьерсийском соборе под руководством Хинкмара Годескальк был осужден вторично, признан неисправимым еретиком и бит плетьми до тех пор, пока, полуживой, не бросил в огонь бумагу с теми текстами отцов церкви, на которые он ссылался; его заточили в монастырскую тюрьму в Альтивилле (Отвилье, недалеко от Реймса). Годескалька считали одержимым: он отказывался умываться, не принимал от монахов одежды (говоря, что хочет ходить как Адам перед Богом), просил Хинкмара позволить ему разрешить спор о предопределении судом Божьим – испытанием четырьмя кипящими котлами и хождением по раскаленной плите, пророчествовал, что через три с половиной года Хинкмар умрет, а сам он будет избран архиепископом, через семь лет погибнет от яда и примет мученический венец. Однако знания и способности узника были так исключительны, что монахи Альтивиллы допустили его к переписке книг в скриптории и даже, к неудовольствию Храбана Мавра, позволяли ему писать письма к друзьям молодости – ученым из других монастырей. Спор о предопределении охватил всю ученую Европу, в нем участвовали Ратрамн, Луп, Эригена, Хинкмар и др.

Годескальк продолжал томиться в Альтивилле. Отсюда он написал Ратрамну горькое послание в леонинских гекзаметрах – последнее из его сохранившихся стихотворений. Только в старости ему блеснул луч надежды на смягчение участи: в 863 г. папа Николай I, недовольный самоуправной политикой Хинкмара, запросил отчет об обращении с Годескальком и велел отпустить его в Рим на папский суд; Хинкмар отказался. Тогда Годескальк написал жалобу папе и послал ее со своим последователем, беглым монахом Гунтбертом из Альтивиллы. Хинкмар отправил ему вдогонку своего посла к папе, архиепископа Сансского. Но пока дело доходило до

Вестверк церкви монастыря Корби. IX в.
Нессельштраус Ц.Г. Искусство раннего средневековья. СПб., 2000. С. 248. Ил. 29

папы и разбиралось, Годескальк умер – между 866 и 869 гг. Умер он, не изменив своим убеждениям, не покаявшись, без причастия, как еретик.

Несмотря на то что от Годескалька сохранилось лишь немного стихотворений, его высокое поэтическое дарование вне сомнений. Стихи, написанные в скитаниях и в тюрьме, отличаются живостью и страстностью чувства, редкой на фоне искусной ученой стихотворной продукции его времени. А в области стихотворной формы Годескальк был едва ли не самым смелым экспериментатором во всем раннем средневековье. Большинство его стихотворений написано не гекзаметром, а редкими лирическими размерами: адонием, сапфической строфой, четырехстопным дакти-

лем и, наконец, двумя видами строф, созданными самим Годескальком; строфы эти составлены из стихов не метрических, а ритмических, и ритмический рисунок такой сложности вновь появляется в европейской поэзии только спустя полтора века, в «Кембриджских песнях». Наконец, все стихотворения Годескалька зарифмованы, причем рифма (обычно односложная) часто не ограничивается пределами строфы, а проходит через группу строф и даже через все стихотворение, повторяясь порой более 80 раз; такой культ рифмы вновь появится в латинской поэзии только век и более спустя. Таким образом, в области поэтической формы, как и в области богословской мысли Годескальк намного опередил свой век.

Песня Годескалька

Ты ли просишь, мальчик малый,
Нас о песне, друг мой милый?
Я, который с ветром в споре
Ношусь в горе на просторе
В бурном море,
Ах, ужель могу я петь?

Ведь, пожалуй, мальчик милый,
Мне пристало, друг мой славный,
Жить страдая, жить рыдая,
А не стих к стиху слагая
В песню, коей ты с такою
Ждешь тоскою.
Ах, зачем велишь мне петь?

И тебе ведь, друг мой славный,
Лучше, право, брат мой добрый,
Со мной плакать, сердцем тая,
Злые скорби разделяя,
Боль смягчая.
Ах, зачем велишь мне петь?

Ты ведь знаешь, отрок добрый,
Ты ведь знаешь, мальчик Божий,
Как в изгнаньи, как в страданьи
Мои очи дни и ночи
Слезы точат.
Ах, зачем велишь мне петь?

Ты ведь помнишь, как плененный
Пел Израиль свои стоны

Во дни оны, заточенный
В Вавилоне, отлученный
От Сиона?
Ах, зачем велишь мне петь?

Непристойно ему было,
Недостойно его было
Песней лучшей тешить уши
Тех, кто слушал, власть имущий,
В земле чуждой.
Ах, зачем велишь мне петь?

Но коль просишь неотступно
Нас о песне, друг мой лучший,
Спою многу хвалу Богу –
Отцу, Сыну и Святому
С ними Духу:
С доброй волей буду петь.

Тебе славу, Боже правый,
Отче, Сыне, Святый Душе,
Троеликий и единый,
Всевеликий, милосердый,
Справедливый, –
С чистым сердцем я пою.

Я, изгнанник, скорби множу
В море дальнем, правый Боже,
Два уж лета кара эта
Томит сердце, Боже светлый,
Смилосердься! –
Так униженно молю.

И в надежде с верным другом
Петь я буду, петь я буду,
Петь устами, петь сердцами,
Петь умами, петь словами,
Петь и днями, и ночами
Величанье
Тебе, милосердому!

Агобард Лионский

*

Агобард родился в Испании в 769 г., в тринадцатилетнем возрасте переехал в Южную Галлию (782 г.). В 792 г. он занял лионскую кафедру. В конфликте между Людовиком Благочестивым и его сыновьями Агобард принял сторону Лотаря и потому был смещен (835 г.). Его восстановление на лионской кафедре последовало лишь в 838 г. Агобард умер 6 июня 840 г, за две недели до кончины Людовика Благочестивого.

Даже для своего времени Агобард был превосходно образованным человеком, собирателем редких манускриптов. Так, благодаря ему, сохранилась самая древняя рукопись сочинений Тертуллиана.

Заняв в 23 года прославленную лионскую кафедру, Агобард не собирался посвящать свою жизнь изящной словесности. Темы его произведений определялись проблемами, с которыми он сталкивался по долгу службы. Так, в первые годы своего епископства Агобард принял участие в полемике с епископами Феликсом Урхельским и Элипандом Толедским, впавшими в ересь адопциан. В это время Агобардом был написан трактат, выражавший противоположную позицию. Спор об иконопочитании побудил Агобарда создать сочинение «Книга против суеверия тех, которые полагают, что нужно почитать иконы и изображения святых». Как показывает название этого труда, Агобард выступал на стороне иконоборцев. Писал он также сочинения о литургии и церковном пении. Близость ко двору обусловила интерес Агобарда к политической ситуации в империи, о чем свидетельствуют послания к Матфреду и королю Людовику. Кроме того, Агобард был известен как один из лучших проповедников своего времени.

Плачевное послание[1] о несправедливостях к Матфреду[2], знатному придворному

Агобард приветствует Матфреда, желая жизни и вечного спасения в Господе Христе, Животворящем и Спасающем.

Умоляю превосходнейшую светлость Вашу, чтобы Вы с терпением и снисхождением выслушали то, что советует верный слуга: ибо, и свидетель мне в том Господь, Который ведает сердца и утробы [см. Пс 7, 10], я говорю ни с каким иным намерением, кроме, конечно, заботы о Вашем настоящем,

а равно и будущем процветании. Всемогущий, Вечный и Милосердный Бог, у Которого нет ни прошлого, ни будущего, но пред Ним развертываются свитки времен, которые существуют для смертных и преходящих людей, а настоящие времена остаются у Него безвременно, избрал Вас перед будущим устройством мира в наши полные опасностей времена служителем императора и империи, и перед прочими прославил и одарил, не только извне, но еще и изнутри, а именно: рассудительностью, справедливостью, мужеством и целомудрием [см. Прем 8, 7], полезнее которых ничего нет для людей в жизни, согласно Писаниям. Господь поставил Вас вблизи наиважнейших дел правителя: поелику и в установлении равенства его Вы помощник, и в вознаграждении блаженства участник. Что ныне важнейшее благоприятствует Вашему преданному намерению, если не то, чтобы Вы, бодрствуя, проницательно пребывали во всяком усилии и напряжении всех умственных сил, так в распоряжении делами, чтобы угнеталась несправедливость, разрушались обман и лукавство, уничтожалась неправда, сокрушалась жестокость, восстанавливалась справедливость, утешалось смирение, укреплялась вера, а Церковь пребывала в спокойствии? Ибо пусть Ваше благоразумие узнает, что в этих вот краях, которые соседствуют с нами, неблагочестие обрело такую безопасность, что почти не находится никого, кто любил бы справедливость и отступил бы от несправедливости если только Божественное вдохновение не коснется чьего-то духа и не склонит волю; так что почитается бесполезным где-нибудь узреть следы благости. Страх перед царями и законами спит, потому что многие полагают, что в настоящее время им бояться некого, размышляя сами с собою и говоря в сердце своем: «Если на меня во дворец придет жалоба, дело отправят к стряпчим. Там найду родственников или многочисленных друзей, при посредстве которых, без сомнения, сделается так, что я не подвергнусь никакому королевскому неудовольствию, ибо тайный дар угашает гнев, и тот, кого должно бояться, при вмешательстве иных, не увидит нашего неразумия».

Такими, муж превосходнейший, случаями отличается почти все в несчастном веке нашем, тогда как в свое время христиане славились тем, что этого избегали. Блаженный же мученик Киприан весьма горестным и скорбным голосом оплакивал язычников, яростно порицая их, и говорил: «Против законов самих совершают проступки, против правосудия грешат: невиновность не здесь, где ее защищают, сохраняется. Кто среди этого придет на помощь? Покровитель? Но кривит душой и обманывает. Судья? Но торгует приговором: кто совершил преступление, того отпускает на волю; и чтобы невиновный погиб как виновный, судья делается преступником. ⟨...⟩ Нет никакого страха пред законами: никакого трепета перед судьей, перед квестором ⟨...⟩ что может быть выкуплено, не боится быть отпущенным на волю. Правосудие сочувствует грехам, и то, что по праву принадлежит государству, стало дозволено всем. Какой может быть здесь стыд перед делами, какое бескорыстие, когда отсутствуют те, кто осуждает виновных, и те, кого надо

осудить, лишь выступят с отповедью тебе?»[3] И вот что не могу высказать без опасения: многие думают, что Вы столь великая стена между ними и императором, что посредством ее они защищаются от исправления. Почему же не лучше, превосходнейший из мужей, приложить труд, чтобы стать стеной для приращения счастья, которая преступников обезвреживает, невиновных защищает, Богу приличествует, недругу противостоит, вышнее вознаграждение накапливает. И хотя из предшествующих слов становится ясным намерение нашей души, что Вы, без всякого сомнения, знаете, я приношу со слезами не свои жалобы. Да узнает разумная благожелательность Ваша, что я не могу жаловаться на графа нашего Бертмунда[4], ибо он удовлетворяется назначенным ему по законам графством, поскольку государь поставил вместо себя для управления графством такового мужа, который не только ради любви и страха перед господином своим это деятельно исполняет, но и, что выше и похвальнее, ради любви к Богу и любви к самой справедливости и правосудию, и кажется нам, что нигде в этих краях это не делается столь усердно и с любовью. Но вообще мы говорим все это ради веры, которую под властью Божией мы обязаны являть еще и господину нашему императору и ради Вашего вечного блаженства и благоденствия, которого Вы должны достигнуть в сей жизни. Не сомневайтесь, что столь великая и близкая дружба, которую Бог дал Вам обрести у императора, будет сочтена Самим Всемогущим Господом за великий духовный талант; и мы желаем Вам издерживать его столь усердно, чтобы по заслугам Вы удостоились услышать от Господа на суде Его: «Хорошо, раб добрый и верный, ибо в малом ты был верен» [Мф 25, 23] и прочее; да будет удален от Вас этот жестокий и неумолимый упрек, который обрушится на нерадивых, когда Господь скажет: «Раб злой и ленивый, знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не расточал» [Мф 25, 26] и прочая. Но я не должен называть поименно людей, которым весьма следует исправиться, чтобы не показаться обвинителем, что не входит в мои обязанности, но желаю, чтобы Вы были так внимательны, как подобает усерднейшему служителю Бога и согласному помощнику доброго императора. Такого служителя найдут верным и земной господин, и Владыка Небесный, и по заслугам вознаградят оба.

Из «Проповеди о вере и надежде»

1. Слушайте, братия наши, семья Христова, стадо Вышнего Пастыря, народ Его пастбищ и овцы руки Его. «Входите во врата Его со славословием, во дворы Его – с хвалою» [Пс 99, 4], чтобы вам было сказано: «Се ныне благословите Господа, все слуги Господни, стоящие в доме Господнем, во дворах Бога нашего. Ищите Господа, пока не сможете найти Его, призывайте Его, пока Он не станет близко» [Пс 133, 1; Ис 55, 6]. И насколько близко Он есть! Ибо мы Им живем, и движемся, и существуем [Деян 17,

28]. Ибо Он внутри всякой души, внутри всякой плоти, Он Сам наполняет изнутри, окружает снаружи, несет снизу, защищает сверху. Он, Который ныне столь близко, придет во время, которое нельзя узнать. И по какой причине нельзя будет найти Того, Кто есть везде, Кто не отсутствует нигде? Потому что уже не останется времени, чтобы искать Господа, но муки, чтобы погрузить в них тех, кто ныне Его не находит. Делайте, что говорит псалом: «Явят Тебя, Господи, все дела Твои, и все святые Твои благословляют Тебя» [Пс 144, 10]. Благословите с ними или исповедайте со всеми делами Господа.

2. Вам не нужно переезжать с места на место, из нашего королевства к другому народу, чтобы искать Господа. Он приходит к вам по Своей воле и говорит: «Се, стою при дверях и стучу. Если кто услышит голос Мой и откроет дверь, войду к нему и буду есть с ним трапезу, и он со Мною» [Откр 3, 20]. Что было когда-либо столь сладко? Что столь радостно? Он добавляет еще, говоря: «Кто преодолеет, дам ему сидеть со Мною на престоле Моем» [Откр 3, 21]. Се, Он желает войти к тебе, чтобы ты ел с Ним трапезу; не поленись открыть Ему. Не только в душе твоей Он желает вкушать трапезу с тобой, но еще желает поднять тебя на престол Свой, чтобы ты восседал с Ним. Чего более должен желать тот, кому обещается таковое? До сей поры обещает Господь, говоря: «Если кто любит Меня, исполнит слово Мое, и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему, и сделаем жилище у него» [Ин 14, 23]. Да будут чресла ваши препоясаны, и горящие светильники в руках ваших. И будьте подобны людям, ожидающим Господина своего, когда Тот возвращается с брака, чтобы, когда Он придет и постучит, сразу бы отворили Ему [Песн 5, 2]. Горе же тем, кто Такого Гостя прогоняет от себя, поелику в злую душу премудрость не входит, не живет в теле, порабощенном грехами [см. Лк 12, 35–36]. Святой Дух избегает ложного учения и удаляется от помышлений, не имеющих смысла [см. Прем 1, 4–5]. И по этой причине не помышляйте пустого, не желайте того, что погибнет, избегайте «негодных бабьих басен» [1 Тим 4, 7], постоянно побуждайте себя к благочестию. Отворите стучащему Господу, чтобы Он вошел к вам, и ел бы с вами трапезу, и сделал бы у вас Свое жилище. Он стучит не безмолвно, но, стуча, говорит всякой душе: «Открой Мне, сестра Моя, подруга Моя, голубка Моя, непорочная Моя» [см. Пс 148, 1–10]. Вы же, прилагая всякую заботу, служите добродетели в вере вашей, а в добродетели – знанию [2 Пет 1, 5]. Ибо, если, размышляя о вере вашей и надежде, вы возрастаете в премудрости и познании Бога, вы живете не впустую и не без плода [2 Пет 1, 8], и так принимаете Господа как Гостя. ⟨...⟩

4. Эту истинную Троицу и истинную Единицу, Единого Господа, хвалят с небес, хвалят в горних все ангелы, все силы, солнце и луна, звезды и светила, небеса небес и воды, которые суть над небесной твердью. Ибо Он сказал – и сделались, повелел – и были сотворены. Хвалят Его с земли драконы и все бездны, огонь, град, снег, лед, дух бурен, горы и холмы, плодонос-

ные деревья и все кедры, звери и весь скот, змеи и пернатые птицы, цари земли и все народы, владыки и все судии земли, юноши и девы, старцы и младенцы, ибо превозносится имя Его Одного [Пс 150, 1–6]. И исповедание Его над небом и землей, и похвала Его в Церкви святых Его. Ибо Он хвалится во святых Своих, в твердыне силы Своей, в добродетелях Своих, по множеству величия Своего, в звуке трубы, во псалтири и гуслях, в тимпане и лире, в струнах и органах, в кимвалах доброгласных, в кимвалах восклицания [1 Пет 2, 9].

5. Итак, когда все эти равно непознаваемые и познаваемые создания беспрестанно славословят Господа, – как люди, созданные по образу и подобию Божию и призванные восхвалять славу Его, могут быть ленивы или праздны? А те все хвалят Господа всегда. Мы же, даже если не можем делать это всегда, будем, по крайней мере, прославлять Его часто, как говорится устами Апостола: «Вы – род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» [1 Пет 2, 9]. И устами пророка: «Поведайте все чудеса Его; возгласите среди народов дела Его, отметьте в народах искание Его» [Пс 9, 12; 104, 2; 1 Пар 16, 8]. О каковых знамениях и чудесах, каковые суть, Святое Писание говорит такими словами: «Кто сделал вестниками своими духов, и слугами огнь горящий. Кто основал землю на основании ее, и не подвижется во веки веков» [Пс 103, 4]. «Кто послал Свой Краеугольный Камень, когда восхвалили Его равно звезды утренние, и возликовали все ангелы Божии» [Иов 38, 6–7]. «В силе Его внезапно собрались моря, и осмотрительность Его поразила гордеца» [Иов 26, 12]. «Кто послал Дух над пустотой и подвесил землю над бездной, кто связал воду в тучах ее, чтобы вся сразу не изверглась на землю» [Иов 26, 7–8]. «Кто удалил капли дождя» [Иов 36, 27], и, как говорит другой перевод, «бесчисленные дождевые потоки». «Кто измерил воду горстью, и взвесил небо на ладони. Кто тремя перстами взвесил тяжесть земли, и определил вес гор и холмов на весах» [Ис 40, 12]. Чей «престол – пламя огня, и колеса Его – огнь возжженный. Река огненная и быстрая исходит от лица Его. Тысячи тысяч служат Ему, десять тысяч сотен тысяч предстоят Ему» [Дан 7, 9–10]. Ибо все небесное воинство стоит подле Него, не только одесную, но и ошуюю: пророк увидел, что от них изошел дух, говорящий: «Да изойду и буду дух лживый в устах всех пророков Его» [3 Цар 22, 22], сиречь обману того царя, которого должно обмануть, чтобы он вошел в место, где ему уготована погибель.

6. Глава, или набольший, этого левого войска, завидуя святому мужу Иову [Иов 1, 7–12; 2, 1–7], сильно желал, чтобы тот отделил себя от Господа, не для испытания только, которое совершилось при посредстве его, но и для осуждения Иова, которого жаждал погубить глава этого войска по множеству своей злобы. Глава левого войска, воспламененный огнем зависти, пришел к первому человеку, которого Благой Бог хорошо создал благим, и соблазнил его, и сделал его предателем, и обрек его на всякое обольщение,

Крышка сакраментария архиепископа Мецского Дрогона.
Слоновая кость. 850–855 гг. *Heer F.* Charlemagne and his World.
L., 1985. P. 178. Il. 10

и, отторгнув его от общества ангелов, сделал себе сотоварищем, и, насильно уведя его от ангельского света, подчинил своему мраку и отдал его, покорного, вечной смерти. Господь же, благой и милосердный в высшей степени, чтобы исправить столь великий урон, чтобы исцелить столь великую рану, послал Сына Своего, Бога Слово, чтобы Слово стало Плотию, сиречь Истинным Человеком, и жило бы среди нас [Ин 1, 14], то есть в совершенном человечестве, которое Оно приняло ради нас из нас, а именно: из Святой Девы, для этого уготованной и сохраненной; Слово обитало плотию, но не духом, как в прочих святых, то есть даром благодати, как написано: «Кто прилепляется Господу, един дух есть» с Господом [1 Кор 6, 17]. Хотя они прилепляются Господу и Бог в них обитает, однако не потому делается, что они боги по природе, как во Христе обитает всякая полнота Божества телесно [Кол 2, 9], ибо Он Бог по веществу. Каковое Человечество, из которого Он начал быть во времени, не могло быть ничем иным, как Тот же Бог и Единородный Сын, ибо Единородный стал Плотию, чтобы быть вместе Истинным Богом и Истинным Человеком – Единым Богом. И хотя иное – плоть, иное – Божество, Он не есть иной во плоти, иной в Божестве; но и в том, и в другом один Богочеловек Христос, при том, что и та, и другая природа пребывает в истинности и целости, а именно: не изменяется человечество в Божестве и не превращается Божество в человечестве. И из той, и из другой природы Он один Бог Христос; так всякая тварь почитает Его со Отцом и Святым Духом, как мы сказали выше, как почитался прежде того, как Слово стало Плотию, ибо неизменяемое Божество, Которое неизменным образом восприняло нашу немощь, в которой могло принять крестную смерть, не могло ни уменьшиться, ни увеличиться. ⟨...⟩

19. Вы же, омытые водою Крещения, и почтенные именем христиан, и назнаменованные знамением спасения, тщательно обдумайте и усердно взвесьте, не имеем ли мы того, чего заслуженно боимся, нет ли того, чего мы должны остерегаться, встревожившись умом? И, вследствие этого, никоим образом не будем пренебрегать мыслью, как учит и священный псалом, говоря: «Поскольку беззаконие мое возвещу, и помышлять буду о грехах моих» [Пс 37, 19]. И еще раз: «Поскольку неправду мою сознаю, и грех мой предо мною всегда» [Пс 50, 5], и не только помышлением умов своих, но и речением языков своих будем делать это. Насколько меньше суть прочие преходящие опасности, настолько меньше они должны нас заботить. А эти вот опасности насколько больше суть, настолько больше нас должны печалить и расстраивать, и глубокими скорбями, вздохами и плачем пронзать; да будет нам, как написано: «Пронзи, Господи, страхом Твоим плоть мою, ибо я убоялся Твоих судов» [Пс 118, 120]. Прилежно подумайте о том, в чем признавался блаженный Иов, говоря: «Ибо всегда, будто волнующихся рек надо мною, я боялся Бога, и тяготу Его не мог нести» [Иов 31, 23]. Разве тот, кто так боялся, мог когда-либо занимать ум пустыми помышлениями или язык праздными словами? Обратите во все стороны очи ума своего на окрест-

ные области и осмотрите сроки вашей жизни смертными очами. Вы замечаете, чем заняты ваши глаза? Что вы думаете, говорите и делаете? И много ли тех, кто пытается делать то, что предписал Апостол, говоря: «Да не изойдет всякое гнилое слово из уст ваших, а только доброе для назидания в вере, дабы оно дало благодать слушающим» [Еф 4, 29]. И еще раз: «Слово Христово да обитает в нас изобильно, во всякой премудрости; научайте и вразумляйте друг друга псалмами, гимнами, песнями духовными, в благодати воспевая Богу в сердцах ваших. Все, что бы вы ни делали, словом или делом, все делайте во имя Господа Иисуса, благодаря через Него Бога и Отца» [Кол 3, 16–17]. И снова: «Что же, братия? Когда сходитесь, каждый из вас имеет псалом, имеет поучение, имеет откровение, имеет язык, имеет истолкование; да будет все для созидания веры» [1 Кор 14, 26]. И снова: «Итак, если едите, или пьете, или иное что делаете, все делайте во славу Божию» [1 Кор 10, 31]. В общем, истинно, как говорит Господь: «Добрый человек износит из доброго сокровища своего сердца благое» [Мф 12, 35]. Как в высшей степени истинно, что тот, кто имеет в своем сердце сокровище благости, не может ничего иного, кроме благого говорить и думать; так, кто говорит пустое и бесполезное, показывает, что он внутренне пуст и не имеет духовной благодати. Ибо, если бы он не был таковым, поспешил бы и, без сомнения, наставил слушателей своих веровать и благодарить славу Божию.

20. Вот, вы услышали ныне и благое, что вы должны от всего сердца любить и желать; услышьте и дурное, чего изо всех сил и со всем старанием вы должны избегать. Вследствие этого обдумайте, какое место среди благого и дурного может занимать любовь к преходящим вещам века сего и боязнь преходящего вреда и опасности. Вообще должно знать, что, как грешно любить незаконные и неумеренные преходящие блага, так совсем уж грешно бояться без рассуждения; и это столь великий грех, что он причисляется ко всем прочим тяжким грехам и исключает из Царства Небесного и присуждает к вечным мукам, о чем мы читаем в Апокалипсисе: «Участь боязливых, неверных, скверных, и человекоубийц, и блудников, и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов будет в озере, пылающем огнем и серой, что есть вторая смерть» [Откр 21, 8]. Также и блаженный апостол Петр не только учит не бояться гонителей, но и не думать о повреждении, какое бы зло ни могли причинить гонители; он соединяет два свидетельства – псалма и пророка Исаии, говоря: «Очи Божии на праведных, и слух Его на их молитвы. Лицо же Господа на творящих зло» [Пс 33, 16]. И «Кто есть, кто вам повредит, если вы будете ревнители благого?» [1Пет 3, 13]. Это же самое Господь предписывает через пророка, говоря: «Не бойтесь поруганий человеческих, и поношений их не страшитесь. Ибо червь съест их, как одежду, и моль их пожрет, как шерсть. Спасение же мое будет в роды родов» [Ис 51, 7–8]. Равно и Сам Господь приказывает в Евангелии: «Не бойтесь убивающих тело», и после этого говорит: «не могут ничего более сделать» [Мф 10, 28; Лк 12, 4].

21. А Господь явил, что не бояться гонителей по плоти есть великий дар Божий, когда Он говорил Иеремии, обращаясь к нему с речью: «Итак, препояшь чресла свои и поднимись, и говори им все, что я предписываю тебе. Не бойся лица их; ибо Я сделаю так, чтобы ты не боялся лица их. Ибо Я дал им тебя сегодня, как укрепленный город, или как железный столп, или как медную стену, на всей этой земле» [Иер 1, 17–18]. Сходным образом и Иезекиилю: «Се, дал, – говорит, – лице твое сильнее лиц их, как алмаз и как кремень, дал лице твое. Не бойся их, и не страшись лица их, ибо они – мятежный дом» [Иез 3, 8–9]. И бояться недруга, который может причинить лишь телесный вред, есть тяжелое преступление; потому учит нас псалом молиться так: «Услышь, Боже, молитву мою, когда я молюсь, от страха перед недругом изыми душу мою». Как если бы в псалме говорилось: «Освободи меня от страха перед врагом и подчини страху Твоему» [Пс 63, 2]. Так и в другом псалме говорится: «Услышь, Боже, голос мой в молитве моей, сохрани жизнь мою от страха врага» [Пс 63, 2]. Это следует понимать, будто говорится: «Многие воюют против меня. Я же, укрепленный помощью Твоей благодати, надеясь на Тебя, не множества их, но Твоего вышнего света боюсь. Итак, те, которые воюют против меня, не могут проникнуть в высоту дня, который означает двенадцать апостолов, блистающих речью».

22. Те же, кто истинно верует в Бога, говорят, что они ограждены от опасности: «В Боге восхвалю я слово Его; на Бога уповаю; что сделает мне плоть?» [Пс 55, 5]. И снова: «Господь за меня – не устрашусь, что сделает мне человек?» [Пс 117, 6]. «Кто будет обвинять избранных Божиих? Бог оправдает их», – как говорит апостол [Ром 8, 33]. И снова: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? Как написано: за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас» [Ром 8, 35–37]. Итак, христиане не только совсем не страшатся скорбей, но хвалятся «скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца» их «Духом Святым, данным» им [Ром 5, 3–5]. И они ценят всякую радость, когда оказываются в различных испытаниях: без всякой двусмысленности они знают, что они переплавляются, искушаются и очищаются испытаниями и тяготами, подобно золоту и серебру в горниле огненном, а не подобно соломе или сену [см. Притч 27, 21; Прем 3, 6]. Ибо к огню этого испытания прибегает Отец Небесный, чтобы омыть нечистоту, а не превратить испытуемых в пепел. Итак, глас святых говорит в псалме: «Ты испытал нас, Боже, переплавил нас, как переплавляют серебро. Ты ввел нас в сеть, положил оковы на чресла наши, посадил человека на главу нашу. Мы вошли в огонь и в воду, и Ты вывел нас на свободу» [Пс 65, 10]. Это все святые претерпевают во время различных гонений. Они терпят по большей части людей вышестоящих, будто посаженных им на голову, которых знают как худших. Они терпят не

Крышка сакраментария архиепископа Мецского Дрогона.
Слоновая кость. 850–855 гг. *Heer F*. Charlemagne and his World.
L., 1985. P. 179. Il. 11

только испытания, но и соблазны, словно огонь и воду, переживая невзгоды и процветание. Они опасаются вообще, как бы огонь не сжег и вода не повредила. Пройдя же через огонь и воду, то есть через невзгоды и процветание, они выводятся на свободу, где уже не боятся никакого врага, не претерпевают никакой тяготы, ибо там пребывают свобода и покой без конца.

23. Что же должно делать всем верным, когда они этого достигнут, среди столь многих бедствий, одни из которых прейдут, другие пребудут, одни из которых надо терпеть, а от других спасаться бегством, если не то, что предписал Господь и Искупитель наш, Освободитель и Правитель, когда наставлял учеников об испытаниях последних времен: «Итак, бодрствуйте на всякое время и молитесь, да сподобитесь избежать всех сих будущих бедствий и предстать пред Сына Человеческого» [Лк 21, 36]. Сходным образом Он говорил, когда увещал их о Своем уже приближающемся Страдании: «Молитесь, чтобы не впасть в искушение» [Лк 22, 44]. Ибо и прежде, когда фарисеи спросили Его о времени пришествия Царства Божия, Он, ответив, добавил: «Должно всегда молиться и не унывать» [Лк 18, 1], показывая это посредством притчи о неправедном судье и дерзновенно докучавшей ему вдове [Лк 18, 2–5]. И в другом месте, когда Господь притчей говорил о неком человеке, дерзновенно просившем, чтобы кто-нибудь дал ему хлеба, то Он прибавил: «И Я говорю вам: просите, и дано будет вам; ищите и найдете; стучите, и отворят вам, ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» [Мф 7, 7–8]. И немного спустя: «Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него» [Мф 7, 11].

24. Об этом, то есть об усердии или, скорее, о дерзновении в молитве, и о том, сколь внимательны и ревностны должны быть верные, все Св. Писание Нового и Ветхого Завета полно примеров и предписаний; в этих примерах (что непостижимо людям) так изложено о каких-либо будущих благах, которые обещаны Богом, чтобы их можно было достичь молитвой. Потому, когда апостол Петр был схвачен по приказу Ирода и брошен в темницу [Деян 12, 3–4], Церковь непрестанно молилась Богу. И апостол Павел наставляет своих слушателей, говоря: «Молитесь во всякое время духом, и старайтесь о сем самом со всяким постоянством и молением о всех святых и о мне, дабы мне дано было слово – устами моими открыто с дерзновением возвещать тайну благовествования, для которого я исполняю посольство в узах, дабы я смело проповедовал, как мне должно» [Еф 6, 18–20]. И сходным образом в другом месте: «Будьте постоянны в молитве, бодрствуя в ней с благодарением. Молитесь также и о нас, чтобы Бог отверз нам дверь для слова, возвещать тайну Христову, за которую я и в узах, дабы я открыл ее, как должно мне возвещать» [Кол 4, 2–4].

25. Тот же блаженный Павел явил, что каждый верный должен быть усердным в молитве не только за себя или за святых, но и за всех людей, предписывая так: «Итак, прежде всего прошу совершать молитвы, проше-

Исцеление немого. Фреска церкви Св. Иоанна в Мюстайре. IX в.
Нессельштраус Ц.Г. Искусство раннего средневековья.
СПб., 2000. Ил. 40

ния, моления, благодарения за всех человеков, за царей и всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте» [1Тим 1, 2]. И он же показал, что так дóлжно поступать не только во всякое время, но и на всяком месте, добавив немного ниже: «Итак, желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения; чтобы также и жены, в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием...» [1Тим 2, 8–9].

26. Прежде всего надобно знать, что молитва должна быть как без гнева и спора, так и без сомнения, с полной верой и упованием. Это явлено во многих местах Св. Писания, но особенно в том, где Петр говорит Господу: «Равви! Посмотри, смоковница, которую Ты проклял, засохла» [Мк 11, 21]. И Иисус ответил, говоря ему: «Имейте веру Божию, ибо истинно говорю вам, если кто скажет горе сей: поднимись и ввергнись в море, и не усомнит-

ся в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, – будет ему, что ни скажет. Потому говорю вам: все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, – и будет вам» [Мк 11, 22–24]. И блаженный апостол Иаков поучает, что должно молиться таким же образом: «Если же у кого из вас недостает мудрости, да просит у Бога, дающего всем просто и без упреков, – и дастся ему. Но да просит с верою, нимало не смущаясь, потому что сомневающийся подобен морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой. Да не думает такой человек получить что-нибудь от Господа. Человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях своих» [Иак 1, 5–8]. Таковую веру и упование доставляет великая сладость, в изобилии подаваемая Богом, Которому в другом псалме говорится: «Ибо Ты, Господи, благ и милосерд и многомилостив ко всем, призывающим Тебя» [Пс 85, 5]. И нам говорится через пророка: «Разреши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни ярмо; раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом ... Тогда откроется, как заря, свет твой, и исцеление твое скоро возрастет, и будет сопровождать тебя. Тогда ты воззовешь, и Господь услышит, возопиешь, и Он скажет: "Вот Я!"» [Ис 58, 6–9]. В этих стихах Господь открыто показал, что того, кто благочестиво слушает Господа, Господь выслушивает милостиво. Другой же перевод этих пророческих стихов начинается так: «Расторгни узы враждебных законов, отпусти обессиленных на покой, и всякое ошибочное писание разорви, и, наконец, когда еще будешь говорить, скажет Господь: "Я здесь!"». Как говорилось ранее, весьма необходимо, чтобы это слушали и исполняли.

27. Такое множество сладости Своей Всемогущий и Милосердный Господь милостиво провозглашает устами пророка Иезекииля, говоря: «Покайтесь и обратитесь от всех преступлений ваших, чтобы нечестие не было вам претknовением. Отвергните от себя все грехи ваши, которыми согрешали вы, и сотворите себе новое сердце и новый дух; и зачем вам умирать, дом Израилев? Ибо Я не хочу смерти умирающим, говорит Господь Бог; но обратитесь и живите!» [Иез 18, 30–32]. Так, Господь устами пророка Исаии говорит: «Да оставит нечестивый путь свой и беззаконие – помыслы свои, и да обратится к Господу, и Он помилует его, и к Богу нашему, ибо Он многомилостив» [Ис 55, 7]. Эту сладость Своего милосердия Господь предлагает нам через того же пророка: «Помни это, Иаков и Израиль, ибо ты раб Мой; Я образовал тебя; раб Мой ты, Израиль, не забывай Меня. Изглажу беззакония твои, как туман, и грехи твои, как облако; обратись ко Мне, ибо Я искупил тебя» [Ис 44, 21–22]. И снова: «Я, Я Сам изглаживаю преступления твои ради Себя Самого и грехов твоих не помяну» [Ис 43, 25].

28. Тот же, кто презирает сладчайшее призывание Божие в земной жизни, когда он может найти Его и когда Он близко, услышит горькие упреки, когда придет время каждому уже не действовать, а получать по делам его; и скажет Премудрость: «Я звала, и вы не послушались; простирала руку мою, и не было внимающего; и вы отвергли все мои советы, и обличений моих не

приняли. За то и Я посмеюсь вашей погибели» [Притч 1, 24–26]. Тогда будет их обращение бесплодно, о чем Господь всем говорит устами пророка: «И тогда снова увидите различие между праведником и нечестивым, между служащим Богу и не служащим Ему. Ибо вот, придет день, пылающий, как печь; тогда все надменные и поступающие нечестиво будут, как солома, и попалит их грядущий день, говорит Господь Саваоф, так что не оставит у них ни корня, ни ветвей. А для вас, благоговеющие пред именем Моим, взойдет Солнце правды и исцеление в лучах Его, и вы выйдете и взыграете, как тельцы упитанные; и будете попирать нечестивых, ибо они будут прахом под стопами ног ваших в тот день, который Я сделаю, говорит Господь Саваоф» [Мал 3, 18; 4, 1–3].

[1] Послание написано между 822 г. и февралем 828 г.

[2] Матфред – граф Орлеанский, один из наиболее влиятельных людей в окружении Людовика Благочестивого с 815 г., когда он впервые появился при дворе, и по 828 г., когда он попал в опалу за небрежное исполнение своих придворных обязанностей. Епископ Иона Орлеанский посвятил ему трактат «О воспитании мирянина». Оказавшись в немилости у властителя, Матфред, как и Агобард, примкнул к сторонникам единства империи в противовес намерению Людовика разделить империю между сыновьями; во время начавшейся войны сыновей Людовика против отца (830 г.) Матфред принял сторону Лотаря I. Когда Людовик Благочестивый вернулся к власти в 834 г., Матфред последовал за Лотарем в Италию, где и умер в 836 г.

[3] Cyprianus Carthaginensis. Ad Donatum Epistola prima // PL. Vol. 4. P. 214–215.

[4] Бертмунд – граф Лионский.

Валахфрид Страбон

*

Валахфрид Страбон прожил только 40 лет (809–849 гг.), но за это недолгое время много написал и в стихах, и в прозе, стяжав себе славу самого ученого богослова из учеников Храбана Мавра, самого талантливого поэта из всего своего поколения и самого кроткого и обходительного придворного при раздираемом смутами ахенском дворе.

Валахфрид был родом из Алеманнии, из бедной семьи (в одном послании он упоминает «бедность, которую в младости мы претерпели...»). Мальчиком он поступил в монастырь Рейхенау на Боденском озере и учился там у лучших учителей – Веттина, Хейтона, Гримальда. Здесь он получил и свое прозвище Страбон, или Страб (strabus – «косой»); современники и потомки называли его Страбоном, сам же он предпочитал имя Страб:

Хоть указует закон языка мне зваться Страбоном,
Все же мне зваться милей Страбом; так буду же Страб.

В Рейхенау Валахфрид жил до 17 лет. Здесь проявился его поэтический талант: уже в 15 лет он сочинял для своего учителя стихи в честь реймсского архиепископа, перелагал в стихи по просьбе монахов житие святого Маммы и составил целую книжку «Стихи Валахфрида Страба о разных предметах, изданные им пятнадцати лет от роду»: это гимны, надписи для церкви, рассуждения на богословские темы, послания к товарищам по монастырю и пр. Здесь же, в Рейхенау, им было написано то произведение, которое получило в новое время наибольшую популярность: дидактическая поэма «Садик, или О садоводстве», посвященная аббату Гримальду. Это – описание монастырского сада: краткое вступление и затем характеристика 23 растений одного за другим; его христианская и мифологическая символика и, наконец, его целебные свойства (как и всюду в то время, сад Рейхенау имел назначение не декоративное, а утилитарное, фармацевтическое: из 23 растений Валахфрида 17 упоминаются в хозяйственном капитулярии Карла Великого, в главе о разведении лекарственных растений в императорских поместьях). Образцом для Валахфрида послужила, конечно, десятая книга Колумеллы, усердно читаемого в монастырях; существенно также влияние «Медицинской поэмы» Серена Саммоника. В средние века «Садик» не пользовался большой популярностью, новое же время оценило в нем чувство природы, более живое и непосредственное, чем у большинства поэтов древности и раннего средневековья.

В 826 г. Валахфрид покинул Рейхенау и отправился продолжать учение в Фульду к Храбану Мавру; здесь он стал любимым учеником сурового наставника, помогал ему редактировать его богословские сочинения, сдружился со своими соучени-

ками Годескальком и Серватом Лупом. Связей с Рейхенау он, однако, не порывал: в Фульде он сочинил для своих земляков стихотворное житие ирландского мученика Блайтмакка (по-видимому, по устным рассказам) и переложил в стихи предсмертное видение своего учителя Веттина, записанное Хейтоном.

В 829 г. двадцатилетний Валахфрид, уже широко известный ученостью и поэтическим искусством, получает (вероятно, по протекции Храбана Мавра) приглашение ко двору: быть воспитателем шестилетнего Карла, младшего и любимого сына Людовика Благочестивого и Юдифи Баварской. При дворе Валахфрид прожил почти десять лет. Своих новых покровителей он прославил в изысканной поэме «О статуе Теодориха». Во дворе ахенского дворца стояла конная статуя римской работы, вывезенная Карлом Великим из Равенны; считалось, что это изображение знаменитого остготского короля Теодориха, и католическое окружение Людовика Благочестивого роптало, что во дворце стоит статуя арианина. Валахфрид описывает, как он смотрит на эту статую и беседует со своей «искрой божией» (язычник сказал бы: со своей музой), и та по поводу всякой мелочи поносит Теодориха – как за его арианство, так и за его жестокое обращение с Боэцием, – противопоставляя ему истинно великого, правоверного и премудрого императора Людовика; затем в придворной церкви раздается музыка (следует отступление о гидравлическом органе, незадолго до того построенном в Ахене греческим мастером и вызывавшем общее восхищение), и оттуда начинается королевское шествие: Людовик-Моисей, Юдифь-Рахиль, Карл-Вениамин и другие члены королевской семьи и придворные (среди них и Эйнхард-Веселиил, и Гомер-Гримальд, учитель Валахфрида); поэт присоединяется к процессии и прощается с недостойным предметом своей поэмы. В этом произведении Валахфрид выступает прямым продолжателем традиций панегирической придворной поэзии Академии Карла Великого. Кроме этой поэмы, Валахфрид пишет множество стихотворных посланий к королевским родственникам, придворным, духовным и светским сановникам: к императору Людовику (при посылке сапфического гимна на Рождество), к его брату Дрогону Мецскому, к императрице Юдифи (с рассказом об удивительном сновидении), к ее брату Конраду Вельфу (при посылке гимна агавнским мученикам), к его жене Адельхейде (это стихотворение приведено ниже), к поэту Муадвину-Назону (с просьбой прислать новые стихи), к епископу Агобарду Лионскому (в надежде познакомиться с новыми стихами его диакона Флора), к пресвитеру Пробу, ирландскому поэту в Майнце (при посылке стихов Фортуната и географического сочинения) и т.д. Десятилетие придворной службы Валахфрида было временем жестокой междоусобицы между Людовиком и его сыновьями, но в стихах Валахфрида это никак не отразилось: по-видимому, в политику он не вмешивался и твердо держался двора Людовика, Юдифи и Карла, а после смерти Людовика – его законного наследника Лотаря. В 838 г. пятнадцатилетний Карл закончил курс учения, был препоясан мечом в знак совершеннолетия, а его учитель получил в награду за труды назначение аббатом в свой любимый Рейхенау. Но Рейхенау находился во владениях Людовика Немецкого, а Валахфрид был сторонником Лотаря; поэтому очень скоро он был оттуда изгнан и бежал в Фульду, а потом в Шпейер. В изгнании он написал трогательные «Сапфические строфы» о Рейхенау, переведенные ниже. Только после битвы при Фонтенуа и переговоров трех королей в 842 г. Валахфриду удалось вернуться в свое аббатство. Здесь он провел еще несколько лет, занимаясь богословием и агиографией (слава его изящного стиля была такова, что ему отовсюду присылали жития, богословские и историчес-

кие сочинения с просьбой придать им художественную отделку). Но политические смуты не переставали беспокоить Рейхенау, в 849 г. Валахфриду пришлось покинуть монастырь, чтобы просить поддержки у своего воспитанника – западнофранкского короля Карла Лысого, в этой поездке он заболел и умер.

Современники чтили Валахфрида прежде всего как богослова. Ему приписывался огромный комментарий ко всей Библии (Glossa ordinaria), составленный, главным образом, по трудам Храбана Мавра и служивший пособием по крайней мере до XIV в. Интересно также небольшое его сочинение «О начале и развитии некоторых церковных предметов» – полудетская, но для своего времени единственная попытка «сравнительного изучения религий» с сопоставлением терминов и обычаев греческих, латинских и германских. Но больше всего заслуг имеет Валахфрид как поэт. Он был первым, кто ввел в употребление богатый набор лирических размеров, почерпнутых из Боэция; метрика его почти безукоризненна; ритмических же стихотворений у него нет ни одного. Архаизмами и грецизмами он пользовался свободно, но без злоупотреблений; классических и христианских поэтов знал отлично, но они служили ему не столько как источник для заимствования, сколько как образец для подражания. Особенного внимания заслуживает умение Валахфрида пользоваться в одном и том же жанре самыми различными стилями – достаточно сравнить добродушно-почтительный тон его посланий к Храбану, высокопарно-изысканный – к Адельхейде, задушевно-лирический – к друзьям-монахам.

Из книги «Садик»

О садоводстве

Способов много различных достигнуть жизни спокойной,
И не последний из них – овладеть пестанским искусством[1]
И научиться делить заботы с бесстыдным Приапом.
Если имеешь участок земли – какой бы он ни был –
Есть ли в нем перегной, иль покрыт он корою песчаной,
Или от влаги излишней земля в нем становится жирной;
Где бы он ни лежал, на вершине холма, на равнине,
Или на легком уклоне, иль был перерезан оврагом, –
Знай: без отказа повсюду земля плоды порождает,
Если тебя от трудов не отучит докучная старость
И не внушит небреженья к богатствам, даримым землею,
Если мозолистых рук ты в дурную погоду не прячешь,
Их не боишься испачкать, навоз в порошок растирая
И рассыпая его из корзин по грядам готовым.
Понял я это, не только наслушавшись правил ходячих
Иль начитавшись советов, записанных в книгах старинных;
Нет: упорство и труд – я ценил их выше досуга –
Дали мне опыт, меня научили не словом, а делом.

Св. Галл и медведь. Культура аббатства Санкт-Галлен / Под ред. В. Фоглера. Stuttgart, 1993. С. 10. Ил. 33

Старости алчной подобна зима: она поглощает
Все, что тяжелым трудом минувший год заготовил.
Но приближенье весны ее загоняет под землю,
В темные глуби, и след, оставленный жадной зимою,
Быстро стирает весна, и спешит вернуть мирозданью
Прежний образ и блеском залить изнуренную землю.
Ты – природы рожденье, весна, украшение года!
Воздух становится чище, а дни – длинней и светлее,
Веет Зефир, и трава, и цветы опять выпускают
Тонкую сеть корешков, которые долго таились
В недрах земли, от врага, от седого инея, прячась.
Рощи покрыты листвой, а горы – сочной травою,
И одевается луг веселым зеленым убором.
Но перед дверью моей, где в маленький дворик выходит
Атрий мой той стороной, что глядит к восходящему солнцу,
Выросла заросль густая крапивы; на каждой лужайке
Сорные травы растут, ядовитым пропитаны соком.

Что же мне делать? Все корни растений связались так прочно,
Словно сковала их цепь: так сплетает тонкие прутья
Ловкий мастер, желая устроить плетень для конюшни,
Если заметит, что влагой пропитаны конские стойла
И на копытах коней завелась грибковая плесень.
Медлить нельзя! Я Сатурновый зуб[2] посылаю на битву
С комьями жирной земли; и слежавшийся слой вырывает
Он из объятий крапивы, разросшейся здесь самовольно.
Рушатся тайные норы кротов, обитателей мрака,
И на солнечный свет земляной червяк выползает.
Если просохла земля под Нотом[3] и солнцем палящим,
Досками надо ее укрепить, разделив на участки,
С легким уклоном насыпать гряду, разбивая усердно
Каждый комочек земли искривленными зубьями грабель,
После же землю удобрить навозом, положенным сверху.
Надо растенья одни из семян выводить, а другие
Могут от старых стеблей рождать молодые побеги.

Настойчивость земледельца и плоды труда

Время проходит меж тем, и теплый дождик весенний
Брызжет на скромный посев; и нежные всходы лелеет
Ласковым светом луна; но если погода сухая
Нам откажет в росе, о своих посадках заботу
Я беру на себя, боясь, что засохнут побеги
Нежных растений; из бочки тогда набираю усердно
Чистую воду и лью ее каплю за каплей из горсти,
Чтоб водяная струя не разрушила сильным напором
Грядку, и свежий посев из земли не вынесла наверх.
Ждать недолго – и вот покрывают хрупкие всходы
Весь участок: в одну его часть под кровлей высокой
Дождь и ветра теченья проникнуть не могут, и почва
В ней остается сухой; другая – в тени постоянно,
Скрыта от солнца она: от лучей его пламенно-жгучих
Здесь защищает ее стена высокой ограды.
Но ни та, ни другая под дерном ленивым не скрыли
То, что доверено было, почти без всякой надежды.
Даже те семена, что, казалось, совсем уж засохли,
В недра земля приняла и, вливая в них силу живую,
Их воскресила, взамен вернув урожай изобильный ⟨...⟩

Лилия

Славно воспеть красоту сияющей лилии белой
Может ли стих или песнь моей музы и тощей, и трезвой?
Блеску свежего снега подобна она белизною,
Нежный ее аромат с Сабейскою рощей поспорит[4],
Цвет ее чистотой не уступит паросскому камню,
Нард благовонный она превосходит дыханьем душистым.
Если ж коварно змея свой яд вольет сокровенный
Даже в малую ранку, и яд, подступая под сердце,
Смерть с собою несет, то тяжелым пестиком надо
Выжать сок из цветов, смешать с фалерном и выпить.
Если же есть у тебя порошок из цветов размельченный,
Прямо в рану его положи, и тогда ты увидишь,
Сколь великие силы скрываются в этом лекарстве.
Тем же ты можешь лечить порошком онемелые члены. ⟨...⟩

Роза

Ныне же, если не в труд мне стопы свои дале направить
По каменистой стезе и новую складывать песню,
Должен почтить я венцом красоту расцветающей розы,
В нем сочетав и Пактола металл[5], и Аравии перлы.
Ибо Германия наша не крашена пурпуром Тира,
Огненный сок слизняков неведом Галлии гордой,
Но производит земля в изобильи шафранные всходы
Тех багряных цветов, которые выше настолько
Прочих растений земных ароматом и блеском достоинств,
Что по заслугам слывет цветком из цветков наша роза.
Роза нам масло дает, от нее получившее имя –
Сколько целений оно приносит в смертельных недугах,
Это упомнить, сказать, перечесть никому не под силу.
Ей лишь лилеи одни противопоставиться могут:
Также и их аромат эфир наполняет окружный;
Но если кто потрет лепесток белоснежный рукою,
То немедля узрит, как оный брызжущий нектар
Всякую прелесть свою потеряет от быстрого тренья.
Девственность так же цветет, поддержана доброю славой,
Цветом счастливым, пока ее не коснулася скверна
И не сломило ее любви недозволенной пламя.
Запах хранит она свой. Но едва непорочности слава
Прахом пойдет, тотчас аромат обратится в зловонье.
Ибо обе сии породы цветов достохвальных

Обозначают собой две высшие доблести церкви:
Так умученных кровь собирает она, словно розы,
Лилии ж носит она, белизной своей веры сияя.
Ты, о дева и мать, благодатным чреватая плодом,
Веры нетронутой ветвь, избравшей избранница воли
О, царица в дому, голубка, невеста, подруга,
Розы рви на войне, а отрадные лилии – в мире!
Цвет расцвел для тебя из Ессеева царского корня[6]:
Тот, кто сеял посев, возродителем будет посева!
Лилии он чистоту освятил и речами, и жизнью,
Розы же смертью окрасил в багрец. И мир и боренье
Членам оставив своим[7], в себе сочетал он их силу,
Вечность в награду даря за победы и в мире, и в брани.

К Храбану Мавру, аббату Фульды, своему учителю

Отче благой наш, прими слова эти слуг твоих верных.
    Пусть всемогущий Господь внемлет молитвам твоим!
Ты упущенья исправь Страбону, упавшему духом,
    Чтобы от ближних своих он посрамленья не нес.
Этот труд небольшой прими душой благосклонной
    И, что написано в нем, пусть испытает твой взор.
Если ж исправишь, тотчас удостой своих слуг наставленья,
    Да познают они верность твою и любовь.
Ныне будь здрав, процветай, возрастай, пребывай в благодатной
    Сени Господней всегда, наш многославный отец!

К нему же, о посылке обуви

Шлет Храбану-отцу Страбон усердную просьбу:
Месяцев много прошло с той поры, как в письме обещал ты
Будто бы осенью к нам от тебя прибудут посланцы
И на потребу дадут нам, в чем наша нуждается скудость.
Но обманулся, бедняк, я тщетною этой надеждой,
И ожиданье мое нищетою сменилось нежданной.
Нет моим нуждам числа: они мое сердце терзают.
Хуже всего для меня – принужден я ходить босоногим,
Горько страдать, если только ты мне не пришлешь утешенья
И не уделишь вниманья тому, кто столь малого просит.
Всем, как щедрейшая мать, всегда на помощь приходят
Руки твои – да будешь ты здрав на многие годы!

К нему же, просьба прислать слугу

Просим мы, отче благой, твои ничтожные слуги,
Чтоб вспомянула о нас жалость и милость твоя?
Келья наша тесна, двоим в ней жить неудобно;
Если б к нам третий пришел, стала б просторней она.
Мы ожидаем того, что нам милость твоя обещала:
Будь же ты к нам милосерд так, как Господь наш к тебе!

К Лиутгеру-клирику

Нежных достойный услуг и дружественных помышлений,
О Лиутгер, тебе Страб несколько слов посвятил.
Может быть, наши места не очень тебе полюбились,
Все-таки, мнится, меня ты не совсем позабыл.
Если удачлив ты в чем, порадуюсь всею душою,
Если тебе нелегко, сердцем скорблю глубоко.
Как для родимой сынок, как земля для сияния Феба,
Словно роса для травы, волны морские для рыб,
Воздух для пташек-певиц, журчанье ручья для поляны, –
Так, милый мальчик, твое личико дорого мне.
Если возможно тебе (нам же кажется это возможным),
То поскорее предстань ты перед очи мои,
Ибо с тех пор, как узнал, что ты близко от нас пребываешь,
Не успокоюсь, пока вновь не увижу тебя.
Пусть превосходят числом и росу, и песок, и светила
Слава, здоровье, успех и долголетье твое.

К нему же

Вдруг, дорогой, ты пришел, и вдруг, дорогой, ты уходишь...
Слышу, не вижу тебя и все-таки внутренне вижу.
Внутренне же обниму беглеца во плоти, но не в дружбе.
Ибо, как прежде ты был, так вечно я буду уверен:
Сердцем ты будешь моим, я люблю тебя сердцем: мне время
Мыслей других не внушит, и тебя на другое не склонит.
Если сумеешь прийти, приходи, буду рад тебя видеть,
Если же нет, напиши. Я узнал о твоих злоключеньях.
Мыслю с печалью о них. Печаль – достояние мира.
То, что ты светлым считал, сокроется быстро в тумане,
Канет в безрадостный мрак. Прикрепленный к бегущему кругу,
Мчишься то наверх, то вниз... Таково колесо мировое[8].

К другу

В час, когда чистой луны сиянье сверкает в эфире,
Стань под покровом небес и затем созерцай в восхищеньи,
Как с небосклона луна сияет лампадою чистой,
Как она светом своим зараз обнимает двух милых,
Телом различных пока, но скрепленных сердечной любовью.
Если лицо на лицо, любя, любоваться не может,
Пусть же залогом любви послужит им это сиянье.
Эти стишки я тебе посылаю, как друг неизменный:
Если с твоей стороны цепь верности скована крепко,
То помолюсь за тебя о счастье на вечные веки.

К Адельхейде[9]

Если то, что слывет у всех за правду,
То, что тысячекратно повторяют,
Я один замолчать стараться буду,
Мне же зависти грех в вину поставят.
Пусть же буду я в этом невиновен,
Но пускай я всему внемлю охотно
И бесхитростно людям возвещаю.
Все, что доброго молвится о добрых,
Все могу я сказать про Вашу благость,
Ибо слава о Вас возносит души.
Так мы ею полны, что, умолчавши,
Против совести я своей восстану.
Подивимся же совести той чистой,
Коей Вы особливо достославны!
Подивимся на Ваш честной обычай,
Коим Вы, без сомненья, всех прельстили!
Кто Вас хвалит – себя венчает славой,
Кто Вас хвалит – блюдет и любит правду,
Кто Вас хвалит – заслужит добрый отзыв,
Кто Вас хвалит – как должно поступает.
Не устами льстеца твержу я это,
И понравиться ложью не желаю!
Нет, намерен я словом справедливым
Путь прямой проложить правдивой речи.
Ибо если снищу я разрешенье
И Господь всемогущий милосердно
Соизволит, то Вы прочтете после

Сердца нашего письменные знаки[10].
Впредь и присно, и здесь, и в жизни вечной
Да пребудете в Боге живы, здравы.
Пусть Вас светлый Отец с блаженным Сыном
Вкупе с Духом Святым хранят вовеки!

Сапфические строфы

Раздели мой плач, о сестрица муза,
Расскажи о горьком моем изгнанье
И о том, как давит меня повсюду
Жалкая бедность.

Мудростью хочу укрепить я душу,
Ибо край родной для меня потерян,
И в чужой земле, ненавистный людям,
Слезно я стражду.

Я вдали от тех, кто меня учили;
Мне наставник мой не согреет сердце;
Скудная еда мне питает только
Слабое тело.

Наготу мою истерзала стужа,
Заскорузли ноги, застыли руки,
И мои глаза созерцают в страхе
Грозную зиму.

Мне сыпучий снег застудил каморку,
Мне не в радость спать на холодном ложе,
И ни на одре, ни за дверью дома
Нет мне покоя.

Ах, когда б мой ум хоть бы малой частью
Осенила чтимая мною мудрость,
Я бы счастлив был, и меня согрел бы
Жар вдохновенья.

Ах, когда бы ты, мой отец достойный[11],
Для кого я шел в этот край далекий,
Был со мною здесь, со своим питомцем, –
Я не страдал бы.

А теперь из глаз моих льются слезы,
Лишь припомню дни под блаженным кровом
Малой кельи той, где я жил, спокойный,
В Авии[12] милой.

Авия моя, дорогая матерь,
Будь священна ввек и цвети, как прежде,
Славою заслуг и достатком честным,
Остров счастливый!

Вновь и вновь тебя нареку священным,
Ибо свято чтишь ты Господню матерь,
И душа моя о тебе ликует,
Остров счастливый!

Окружен глубокой пучиной водной,
Ты стоишь незыблем, любовью крепок.
Рассевая всюду святое знанье,
Остров счастливый!

Как я жажду снова тебя увидеть,
Как и день и ночь о тебе тоскую,
О, хранитель благ, драгоценных людям,
Остров счастливый!

Будь силен и тверд, будь цветущ и светел,
И Господней воле служи достойно,
Чтоб твое вовек прославляли люди,
Авия, счастье.

Да пошлет мне милость Христос-громовник
Воротиться вновь ко твоим святыням
И воскликнуть радостно: буди, буди
Счастлива, матерь!

Боже, царь царей, над властями властный,
Мудростью отца нареченный свыше,
Ты, животворящий сердца людские
Светом ученья,

Боже, дай дожить до того мгновенья,
Когда я, вернувшись в родные стены,
Возмогу прославить хвалою новой
Щедрость Господню!

Вышнему Отцу воспеваю песню,
Благодарно чту милосердье Сына,
И Святого Духа, что правит миром
В роды и роды.

Анакреонтический метр

Загадка о мыши

Поспешайте, дорогие,
Оцените, други, песню:
Я пою про бой, что смелость
Одного свершила слога.
Из троих частей соделан,
Из семи скреплен коленьев[13]
В темноте пришел глубокой
Прямо в дом тропой звериной.
Узревает в доме сыр он,
Уснащенный едкой солью,
И его пронзает мощно,
Совершая славный подвиг.
Не мечом его убил он:
Нет, в молчании глубоком
Изувечил острым зубом,
Победил он, став убийцей.
Побасенку вам сказал я –
Пусть же кто-нибудь решеньем
Мне вернет ее обратно,
И всем жаждущим познанья
Пусть он скажет лишь три слова[14]
Поищи хитро разгадку:
В трех слогах она сокрыта.
Их скажи – и разгадаешь.

Сопоставление невозможностей

Воронов белых пусть кто-нибудь словит иль лебедей черных,
Кстати, улиток болтливых найдет иль цикад молчаливых,
Купит рогатых коней иль бычков безрогих отыщет,
Рыбам плавать не даст, летящих птиц остановит,
Бег задержит ручьев, а горы бегать заставит.
Воды пусть вверх потекут, а пламя вниз устремится,
Глина пускай от воды, а воск от огня затвердеет,
Прыгать начнут червяки, пресмыкаться в прахе олени,
Козы пусть яйца кладут, а куры рождают козляток.

Заключение

Как утомленный пловец, налегая на весла, ликует,
Трижды желанный узнав берег родной вдалеке,
Так и писатель, завидев писанью конец вожделенный,
Тоже ликует душой, столь же измучен трудом.

Эпитафия Валахфриду-аббату, сочиненная Храбаном Мавром

Тот, кто захочет узнать, кто покоится в этой могиле,
Пусть эту надпись прочтет: все он узнает тогда.
Здесь, под этим холмом Валахфрид почивает пресвитер:
В чине монаха он был, мощным умом обладал...
Общины этой аббат, он стражем был ее верным,
Ей раскрывая всегда догматы веры святой.
Многих он научил искусство познать стихотворства,
Сам стихи он слагал, прозой изящной владел.
Паству свою призывал постоянно на пастбища Божьи,
Речью своею дарил братьям чистейшую соль.
Нравом честен и прям, образец добродетелей многих,
Пастырь школы своей, был он народом любим.
Злая смерть унесла молодым его, многим на горе
Близким его, но Христос взял его душу к себе.
Ты, кто прочел эту надпись, прошу: за него ты молитвы
С верой к Христу вознеси: Богу угодны они.

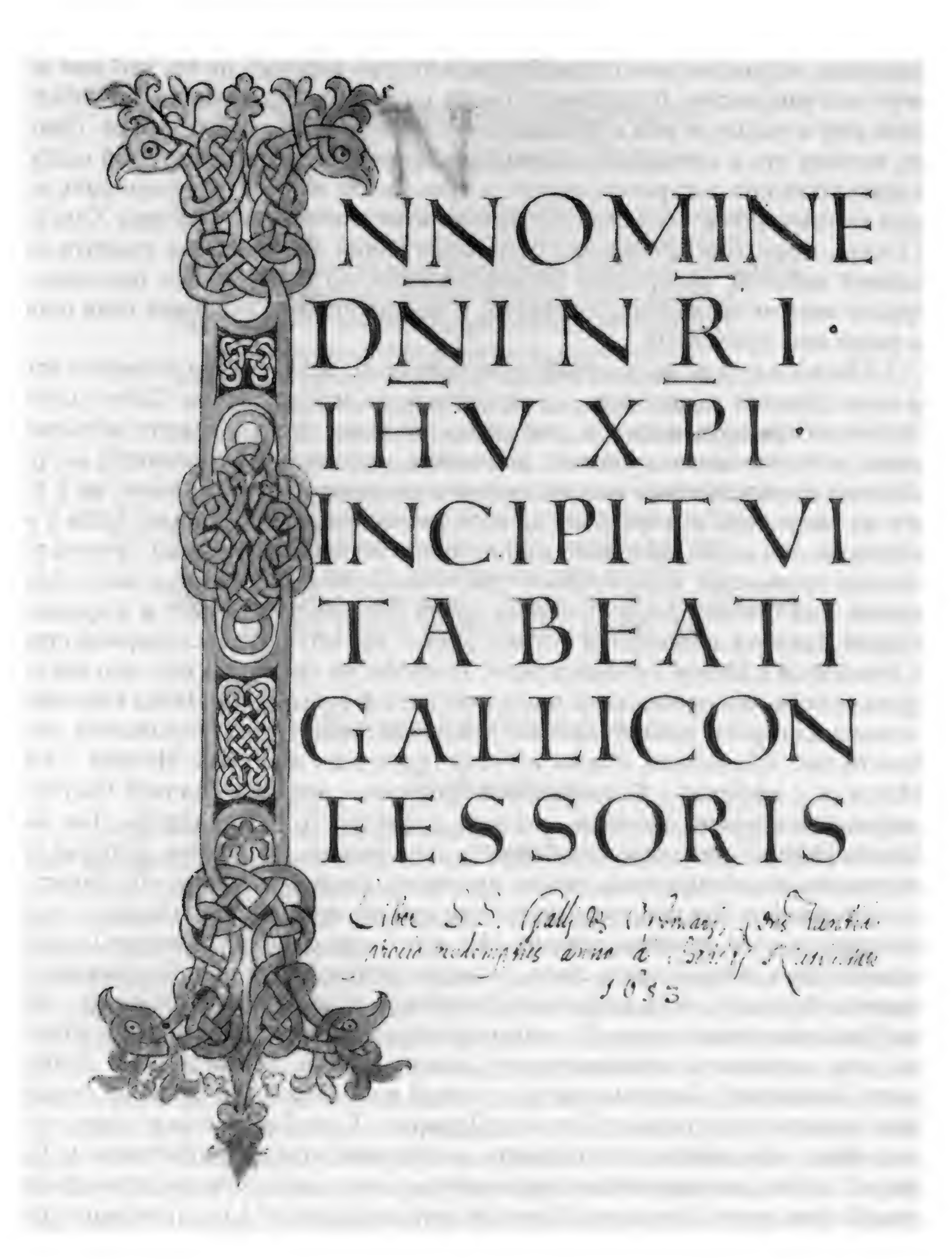
Житие святого Галла

Предисловие

1. Если бы увещание Св. Писания, и в особенности то изречение правдивого пророка, в котором послушание предпочитается жертве[15], не обязывало к необходимости повиноваться вам, о святые отцы, я бы противопоставил вашим предписаниям оправдание такого рода: если пророк, который был избран Господом прежде, нежели образовался в утробе матери, и освящен прежде, нежели изошел из чрева, когда Господь поручил ему служение Слова, просвещая Своим Духом[16], от юности сетовал на немощь и незнание, что сделаю я, грешник, зачатый в трудах и рожденный во грехе, необрезанный сердцем и слухом из-за нечистоты жизни моей, ибо, конечно, не воспринимаю достойно все то, что должно знать, и не храню услышанное бережно? Как я буду повествовать о праведности Господа и приму устами своими завет Того, Чью жизнь до сих пор и времена не исполнили, и знание не передало; речений Которого я не подтверждаю своей проповедью, не подкрепляю своей жизнью; особенно когда вы повелеваете мне написать и рассказать по порядку то, высоту чего я едва постигаю слабым духом? Однако я пролагаю путь, чтобы дерзнуть на таковое, по трем причинам: во-первых, верую, что меня будет поддерживать Господь, ради предписаний и обетований Которого я предпринял сей труд по влечению к послушанию, хотя я

страшился, оценивая свои силы. Затем, я твердо надеюсь на то, что мне помогут заступничество блаженного Галла и ваши молитвы, ибо ради поклонения ему и любви к вам я приладил великий груз на слабые плечи. Наконец, потому что я ступаю по чужим следам и вервь истины, которой надобно держаться при постройке здания, я принужден всего лишь размерить новыми шагами. Итак, вы желаете, чтобы житие святого исповедника Христова Галла, нашего покровителя, бесценные мощи которого вы храните неусыпной заботой, прекрасное по содержанию, но испорченное письмом, я украсил светом правильного речения, и перемешанная вереница глав была бы разделена границами.

2. Поскольку я не могу освободиться от этого дела, скорее избираю; чтобы меня бранили за слабость, чем осуждали за непослушание. Далее, когда я прочитал сам труд, я нашел, что автор этого же описания часто называет землю, которую мы, алеманны[17], или свевы, населяем, Альтиманией; но, разыскивая происхождение самого имени, я не нашел этого названия ни у какого из писателей, которых мы до сего времени немного узнали. Если я не ошибаюсь, это слово выдумано в наше время по причине высокогорного положения провинции. Ибо, согласно достойным доверия авторам, часть Алеманнии, или Свевии, расположенная среди Пеннинских Альп[18] и в среднем течении Данубия, называется Ретия[19]. Далее, то, что ближе к северной стране, относится к Истру Германскому[20]. И чтобы не сказали о нас, что мы говорим от себя, мы привлекаем иных свидетелей этого дела. Павел Орозий[21], к словам которого все относятся с доверием, пишет о расположении этой области так: «Паннония, Норик и Ретия граничат с востока с Мезией, с юга с Истрией, с африка[22] с Пеннинскими Альпами, с запада с Галлией белгов[23], с цирция[24] с истоком Данубия, с севера с Данубием и Германией». Так как область Норик[25] принадлежит бойям[26], естественно, что Ретия, которая лежит там же, оканчивается в тех же пределах. Также Солин[27] в «Полихисторе», упоминая о Галлии, указывает, что эти провинции расположены в одном краю земель, такими словами: «Из этого средоточия, а именно Галлии, ты выедешь в любую часть света, в какую захочешь; если тебе должно достигнуть Фракии[28], тебя встречает Ретийское поле, богатое плодами, славное Бригантинским озером[29]; затем холодный Норик, не столь плодоносный; где местность понижается от склонов Альп, земля весьма тучная. Далее Паннонии[30], богатые илом, с ровной и плодородною почвою, омываемые знаменитыми реками Савою и Дравою». Если Ретия лежит лишь чуть ниже Альп, как многие хотят думать, вследствие этого, продвигаясь из Норика в Галлию, мы пересекаем неровность Альп, и не лучше ли держать нам прямой путь через Большую Ретию вплоть до Норика? Согласно вышеприведенному речению, в этой Ретии имя озеру, образованному протекающим сквозь него Рейном, дал город Бригантиум[31], уже разрушившийся от старости; это озеро другим именем по греческой этимологии называется Потамик. Итак, поскольку, смешавшись с аламаннами, свевы населяют часть



Титульный лист «Жития св. Галла», написанного Валахфридом Страбоном. Конец IX в. Культура аббатства Санкт-Галлен / Под ред. В. Фоглера. Stuttgart, 1993. С. 149. Ил. 37

Германии за Дунаем, часть Ретии между Альпами и Истром и часть Галлии вдоль реки Аролы[32], и, согласно сохранившейся истине древних слов, мы производим имя родины от жителей и называем ее Алеманнией, или Свевией. Ибо из двух слов, обозначающих один народ, первым именем нас называют окружающие народы, говорящие на латинском языке, следующим нас величает обычай варваров. Мы знаем, что сходным образом франки подчинили части Германии не только своей власти, но и своему имени.

3. И так как мы касаемся описаний провинций, можно немного добавить о местоположении острова Иберния[33], с которого, согласно этим же авторам, нам воссияло столь великое украшение. Как пишет Орозий, остров Иберния, расположенный между Британией и Испанией, простирается с юга на север, имея довольно большую протяженность. Он ближе к Британии, по пространству земель меньше, но более полезен по климату и, как свидетельствует вышеназванный Солин, столь богат пастбищами, что если бы скот время от времени не угоняли летом с пастбищ, ему бы угрожало пресыщение. Там нет никаких змей, птицы редки. Хотя Солин или другие свидетельствуют об ужасных обычаях жителей, нам следует воздержаться от этого, так как там уже просияла вера Христова; ибо, где изобиловал грех, там преизобилует благодать; и от восхода солнца у индийцев или эфиопов вплоть до захода у бриттов или скоттов уже восхваляется имя Господне. Ибо вознесен над всеми народами Господь, и над небесной твердью слава его.

4. Поэтому умоляю тебя, возлюбленный Готзперт[34], авва монастыря Св. Галла, и всех братий, кто под твоим водительством посвящает себя духовной брани, помогать мне своими молитвами, чтобы я надлежащим образом удостоился исполнить для Бога как этот, так и другие труды. Ибо если вы милостиво сочтете, что этот труд составлен нами правильно, снисходительно поправьте мои претыкания, и, если Господь изволит, позже я напитаю простое кушанье этого труда пряностями метров; конечно, подобает, чтобы нашими хвалами во всем мире прославлялся тот, кого от крайних пределов мира Господь направил к нашему спасению. Да удостоит Св. Троица сохранить в вечности благоволящее и помнящее наши дела Отечество Ваше. Аминь.

Глава 1

О том, по причине каких преуспеяний блаженный Галл, находясь с детства под руководством св. Колумбана, достиг достоинства пресвитера.

Когда преславное житие святого мужа Колумбана (он же и Колумба)[35], стало известно по всей Ибернии и, словно блеск сияющего солнечного огня, особой красотой возбуждало к нему общую любовь (как подробно о нем указывает книга его деяний: прежде чем он родился, о нем было видение), среди прочих, кого привлекла молва о его подвигах, были родители блаженного Галла, благочестивые в очах Божиих, знатные в глазах мира. Предлагая Гос-

поду своего сына, сияющего цветом детства, они с приношением Богу препоручили его руководству св. Колумбана, чтобы отрок преуспевал в изучении уставной жизни и среди многих приверженцев духовной брани подражал примерам послушания и более строгим правилам жизни. Воспитываясь чистой любовью, муж добрых дарований возрастал и добродетели его умножались. И так как высшая благодать предваряла его на всех путях его, он впитывал божественные Писания со столь великим усердием, что мог износить и новое, и старое из своей сокровищницы. Еще он постигал восприимчивым умом и правила грамматики, и тонкости метров. Темные же места Писаний он открывал желающим знать столь разумно, что они провозгласили его достойнейшим восхищения и хвалы. По причине этой зрелости ума сделалось так, что всеобщим советом и повелением аввы Колумбана он, минуя отдельные степени святого продвижения, против своего желания принял достоинство священства. Итак, усердно исполняя святое служение, ночью и днем св. Галл умилостивлял Господа молитвами и слезами и желал угодить очам Высшего Судии; и все полюбили сего мужа Божия ради подвигов и заслуг его жизни.

Глава 2

О том, как святые мужи, отправившиеся в странствие ради имени Господня, пришли к королю Сигиберту и поселились в Люксёе.

Пока происходило вышесказанное[36], ежедневно блаженный Колумбан, желая следовать евангельскому совершенству, а именно: оставив все, что имел, нести свой крест и в наготе последовать за Господом, – ежедневно держал совет с братиями, души которых возжигал тот же пыл, чтобы они, отвергнув сладость родственных уз и владения собственности, подтвердили пыл умов делом. Итак, взойдя на корабль, они приплыли в Британию и оттуда переправились морем в Галлию. И когда муж Божий пришел к королю Сигиберту со своими [спутниками], король попросил его, чтобы он избрал место жительства в пределах Галлии и не переселялся, оставив их, к другим народам; король также торжественно обещал, что намерен исполнить все, что попросит святой отец. На это муж Божий ответил: «Оставляя свое, чтобы по евангельскому предписанию следовать за Господом, мы не должны посвящать себя чужим богатствам, чтобы случайно не явились притворными исполнителями божественного веления». Отвечая на его возражение таким образом, король говорит: «Если ты желаешь нести крест и следовать Христу, ищи покоя безлюдной пустыни: только не иди к соседним народам, оставляя область нашего владычества. Ибо, следуя этому совету, ты сможешь и приумножить свои награды, и иметь попечение о нашем спасении». Св. Колумбан согласился с убеждением короля и, приняв свободу выбора, вошел со своими спутниками в пустыню, называемую Восаг[37]. Они нашли место, издавна обнесенное стенами, орошаемое теплыми водами, но уже обрушившееся от старости; в народе оно называлось Луксовий[38]. Там, постро-

ив небольшую церковь в честь блаженного апостола Петра, они сделали домишки, в которых пребывали. И многие не только из народа бургундов, но и франков стекались к ним сюда, где они жили и со старанием обрабатывали землю, по любви к похвальной жизни; и, наученные духовными увещаниями, получали от их слов столь великую благодать, что некоторые передали все свое имущество этому месту и, сложив власы главы своей, избрали образ монашеской жизни добровольной бедностью.

Глава 3

О том, какой властью блаженный Колумбан порицал короля Теодорика, и с какой ненавистью Брунгильда изгнала его из этого королевства, и как он со своими спутниками пришел к королю Лотарю, а оттуда к Теодеберту.

И в то время как это столь блаженное житие постоянно совершенствовалось, обретая все лучшие обычаи, необыкновенная святость блаженного Колумбана, удостоверенная частыми чудесами, начала разглашаться по всем провинциям Галлии и Германии. Все хвалили его, каждый почитал его, так что король Теодорик[39], сын Хильдеберта, племянник Сигиберта, который в то время правил бургундами, часто приходил к нему и преданно и настойчиво просил высшего суждения его молитв. Когда святой отец укорил его, почему он оскверняет себя объятиями наложниц и не лучше ли наслаждаться браком с законной супругой, тот, повинуясь его увещаниям, пообещал оставить все беззаконие такого рода [3Цар 18, 4; 21, 25]. Но бабка короля, Брунгильда, видя, что Теодорик послушен советам мужа Божия, побуждаемая стрекалом злобы, вооружила ум змеиным ядом ярости. Ибо она страшилась, как бы королева не стала соправительницей королевства, после того как будут изгнаны наложницы, и ее [собственное] положение не изменилось бы, когда ей будет отказано в почестях. Мучимая этим страхом, она стала питать злобу к мужу Божию; и после многих козней, которые она против него затевала (как свидетельствует описание его святого жития), начав совет с королем о том, чтобы тот изгнал святого из своего королевства, Брунгильда отправила к святому мужу своих посланцев с письмом, в котором предписывала ему, чтобы он не поселялся нигде по всему королевству. Избегнув козней Иезавели, св. Колумбан пустился в путь со своими спутниками и пришел к королю Лотарю[40]. Когда он промедлил у Лотаря достаточно времени, то попросил, чтобы, к его утешению, он мог прийти к Теодеберту[41], королю Австразии. Когда св. Колумбана с почтением отпустили, в согласии с изъявлением своей воли, он был принят королем Теодебертом со всякой почестью и великой радостью. Вследствие этого святой муж пребыл у короля несколько дней, толкуя Святое Писание, и открывал ему истину. Когда же и его Колумбан попросил, чтобы его проводили через Алеманнию к королю лангобардов Агилольфу по его королевскому приказу, Теодеберт, тягостно думая о разлуке со столь великими му-

жами, пообещал им, что он найдет в пределах своего королевства красивые места, которые будут удобны рабам Божиим для жительства и благоприятны для наставления народов, живущих вокруг, в слове Истины. Муж Божий, решив сеять семя Слова в сердцах народов, обещал, что он останется на малое время, если королевская власть подтвердит слова делами.

Глава 4

О том, как они пришли в Тукконию, когда им был предоставлен свободный выбор места жительства, которое они должны были найти, и что они делали в этом месте.

Итак, приняв от короля разрешение на выбор места, св. Колумбан и его спутники пришли в нижние части Алеманнии, к реке, которая называется Линдимак. Держа по ее берегу путь вверх по течению, они пришли к Турицинскому озеру. И, идя по берегу, они дошли до начала этого озера в месте, которое называется Туккония; им понравилось свойство этого места для проживания. В свою очередь, люди, проживавшие там же, были жестоки и неблагочестивы, поклонялись идолам, почитали жертвами кумиров, соблюдали толкования примет и прорицания и следовали многому суеверному, что противоречит божественному поклонению. Поселившись среди них, святые мужи стали учить их поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу и сохранять истинную веру. Также блаженный Галл, ученик святого мужа, вооружившись ревностью по благочестии, пожег огнем святилища, в которых приносили жертву демонам, и, какие бы ни нашел приношения, потопил их в озере. Возмутившись по этой причине, они преследовали святых гневом и ненавистью и, посоветовавшись все вместе, захотели убить Галла, а Колумбана, побив плетьми и предав поношению, изгнать из своих пределов. Блаженный отец, узнав об их совете, помолился, ревнуя о справедливости, и сказал им так: «Бог, провидением Которого мир пребывает и все управляется, сделай так, чтобы на голову этого порождения обратились поношения, которые они уготовили рабам Твоим. Пусть быстро умрут ими рожденные, и прежде чем они состарятся, пусть они будут вынуждены безумствовать из-за внезапного помешательства; и земля, которую они возделывают, будет неплодной, а их самих по этой причине пусть угнетает владычество власть имущих, чтобы их позор сделался навсегда известен всем, как написано: “Злоба его обратится на его голову, и злодейство его упадет на его темя”» [Пс 7, 17].

Глава 5

Об их приходе в Арбону[42] к пресвитеру Виллимару и о его человеколюбии и об их пребывании в Бригантии[43].

После этого св. Колумбан, не устрашенный страхом преследования, но побуждаемый любовью к духовной прибыли, оставил бесплодную толпу уп-

рямцев, чтобы тот, кто в это же время мог принести пользу благорасположенным умам, не орошал напрасно иссушенные сердца. Итак, уйдя оттуда со своими спутниками, Колумбан пришел в крепость, называемую Арбона, и нашел там пресвитера, выдающегося добросердечием, по имени Виллимар. Посмотрев внимательно на Колумбана, Виллимар сказал: «Благословен приходящий во имя Господне», и прочее. Муж Божий ответил ему так: «Господь собрал нас из разных областей». Итак, пресвитер, взяв его десницу, повел его в молельню и, после того как они вместе помолились, препроводил их в гостиницу. Помолясь о мире дому сему, святые мужи сняли с плеч свои дорожные узелки. После того как они поели, по повелению аввы Галл читал вслух божественные речения, открывал глубины истины. Во время трапезы спасительного учения пресвитер, удивляясь разуму мужа, не мог удержаться от плача. Весь круг семи дней он служил им с высшей почестью и усердием, согревая питанием плоть; и они ежедневно питали его пищей Писаний. Итак, среди бесед о святом учении авва Колумбан спросил пресвитера, знает ли он некое место в пустыне, хоть в какой-то степени благоприятное для уединения хранителей монашеского устава, в котором можно поставить келью. Муж, оказавший гостеприимство святым, ответил на это вопрошение: «Есть некое место подобного рода в этой пустыне; оно сохраняет среди развалин следы старинной постройки; там земля тучная и пригодная для плодоносных урожаев, по кругу высокие горы; пустыня обширна и расположена весьма высоко, равнина изобильна и не лишает ищущих пропитания плода их трудов». И похвалив по многим причинам положение этого места, Виллимар указал его имя – Бригантий.

Глава 6

О том, как они пришли в то место и что сделал блаженный Галл при стечении народа, как святые мужи восстановили церковь и как долго оставались в этом месте.

Итак, когда святые мужи пожелали отправиться в Бригантий, пресвитер приготовил кораблик и посадил туда гребцов. Досточтимый же авва со спутниками Галлом и неким диаконом, призвав имя Господне, поднялись на корабль и прямым путем отправились в желанное место. Сойдя на берег, они вошли в церковь, построенную в честь св. Аурелии; впоследствии св. Колумбан вернул этой церкви первоначальную славу. Вознеся молитву, они обвели все взглядом по кругу, и им понравились характер и расположение мест. Потому, сперва помолившись, они сделали себе домишки. Нашли в храме три медных, позолоченных изображения, прикрепленных к стене, которые народ, упразднив алтарь, почитал, оказывая святое поклонение и, принося жертвы, имел обыкновение говорить: «Это старые боги и древние хранители сего места, благодаря утешению которых и мы, и все наше сохраняется вплоть до настоящего времени». Потому Колумбан возложил на блаженно-

го Галла таковое служение: чтобы спасительным увещанием он призвал народ от заблуждения идолопоклонства к почитанию Бога, ибо св. Галл удостоился от Господа той благодати, что имел немалое знание не только латинского, но и варварского наречия. И когда справлялось празднество этого храма, пришло великое множество людей обоего пола и разного возраста, не только ради праздника и славы этого места, но еще чтобы посмотреть на приехавших чужестранцев. Итак, в то время как народ сходился к часу молитвы, по приказу почтенного аввы Галл начал открывать народу путь Истины и, чтобы побудить их обратиться к Богу, чтобы, отринув пустое, они поклонялись Богу Отцу, Создателю всяческих, и Единородному Сыну Его, в Котором спасение, жизнь и Воскресение мертвых. И на глазах у всех св. Галл, схватив идолов и разбив на куски камнями, бросил их в озеро. Увидев это, некоторые обратились ко Господу и, покаявшись в своих грехах, воздали Господу хвалы за свое просвещение. Другие, побуждаемые гневом и яростью из-за того, что были разбиты идолы, отошли, охваченные неистовым негодованием. Блаженный же Колумбан приказал, чтобы принесли воды, и, благословив ее, окропил храм и освятил церковь, в то время как святые мужи обходили здание, воспевая псалмы. Затем, призвав имя Господне, помазал освященным елеем алтарь и поместил туда мощи блаженной Аурелии; когда же престол был облачен, они надлежащим образом совершили миссу. Так, когда все было совершено по обряду, народ вернулся к себе с великой радостью. После этого блаженный Колумбан оставался там со своими соратниками три года; и когда в этом же месте было построено жилье, одни стали трудиться в саду, другие возделывали яблоневые деревья; блаженный же Галл плел сети и, при содействии Божия милосердия, ловил столь великое множество рыбы, что ее всегда хватало братиям. Он помогал утешением странникам, часто приходившим в монастырь, и от своего труда еще доставлял частые благословения народу. 〈...〉

Глава 8

О замыслах и злобе жителей сего места против святых мужей; приняв предписание от герцога, святые мужи покидают Бригантий.

Тем временем некие из жителей Бригантия, которые по причине уничтожения их идолов презрели предостережения и проповеди мужей Божиих, начали возбуждать к ним ненависть и плести против них козни. С этим намерением они пришли к Гунзону, герцогу этих самых мест, и обвинили перед ним святых, говоря, что из-за враждебности чужеземцев в здешних местах расстроилась общественная охота. Выслушав их, герцог, воспылал яростью, отправил в Бригантий послов и приказал рабам Божиим уйти оттуда[44]. Но и этого не было достаточно сообщникам демонов: еще они, тайно угнав монастырскую корову, завели ее в лесную чащу. Когда двое из братий пошли по их следу, воры, взявшись за оружие, убили их и ушли, унеся их одеж-

ду. Братия же, удивленные, почему эти двое столь долго возвращаются, встретили других людей, которые их искали и, идя по их следам, нашли этих братий убитыми; возложив тела убитых на свои плечи, монахи принесли их назад в монастырь. Посланник герцога, прибывший среди такого бедственного и скорбного смятения, предписал им уехать из сего места, и это справедливо, ибо нет общения света со тьмою. Диавол же сделал своим искусством так, что людей, которые начали ускользать от него в присутствии Света, он окутал древними потемками, когда отошло сияние святости. Итак, святые мужи, горюя, что их изгоняют с их любимого места, решили на общем совете идти в Италию. И когда их охватила великая скорбь, святой отец Колумбан начал утешать их такими словами: «Мы нашли, братия, в этих краях золотую раковину, полную ядовитых змей. Но пусть утихнет гибельное томление печали, так как верно упование на помощь Заступника. Ибо Господь пошлет нам, служащим Ему, в спутники Своего ангела, который приведет нас к королю лангобардов Агилольфу, где, как уже уготовляет Его милосердие, мы найдем и любовь людей, и мирное место жительства».

Глава 9

О том, как, когда прочие ушли, Галл остался по причине болезни и с каким усердием он был принят пресвитером Виллимаром.

Итак, когда настало время отъезда, блаженный Галл был поражен внезапной лихорадкой. Потому, пав в ноги своему авве, он сказал, что страдает от мучительной болезни и потому не сможет совершить предложенный путь. Тот же, полагая, что св. Галла удерживает любовь к сему месту из-за всех вложенных в него трудов и по этой причине он отказывается от тягот довольно дальней дороги, сказал ему: «Знаю, брат, тебе уже тягостно утомляться ради меня столь великими трудами. Однако, уходя, возвещаю тебе следующее: не дерзай совершать миссу, пока я жив по плоти». И дав ему позволение жить самому по себе, св. Колумбан отправился в путь. После отъезда учителя и собратий св. Галл сложил в лодку свои сети и невод и пошел к пресвитеру Виллимару; принеся ему сети, муж Божий со слезами и вздохами пересказал все происшедшее с братией. Затем, открыв причины своей немощи, Галл спросил Виллимара, удостоится ли он его забот. Тот, приняв его со всей услужливостью любви, пожертвовал для заботы о нем дом, соседний с его церковью, и поручил попечение о нем двум своим клирикам, Магноальду и Теодору, с тем чтобы со всем усердием они служили его выздоровлению. По прошествии нескольких дней, когда Господь, Который есть истинный Целитель, подал излечение, Галл начал принимать пищу и, укрепленный с течением времен, обрел совершенное здоровье. О немощь, более сильная, чем вся человеческая крепость! О лихорадка, достойная почтения и всякой похвалы! О слабость, достойная быть причтенной к здоровью и радостям! Ибо по примеру Господа Галл пострадал за нас, чтобы из-

гонять болезни душ святой проповедью; он не смог идти с учителем, чтобы показать нам путь Истины. Поистине долготерпелив и милостив Господь: хотя Его и презрели прежде в лице Его проповедников, Он, медля с обращением грешников, удерживает и наставника, чтобы тот не оставил заблуждающихся.

Глава 10

О том, что сообщил диакон Хильтибольд о месте уединенного жительства, которого желал муж Господень.

Итак, диакону часто упоминаемого здесь пресвитера, по имени Хильтибольд, были известны все тропинки и убежища пустыни, ибо он имел обыкновение часто бродить по безлюдной местности по причине рыбной ловли и соколиной охоты и, ежедневно проходя там, основательно изучить отдаленные места округи. Когда святой муж даровал ему благодать близкой дружбы, он спросил, не находил ли Хильтибольд когда-либо в пустыне места, изобилующего чистыми и целебными водами, простертого подобно равнине и благоприятного для возделывания людьми. Галл сказал: «Меня волнует желание пылкого духа, ибо я весьма хочу провести дарованные мне дни сей жизни в пустыне, согласно тому, что произносит Псалмопевец, говоря: "Далеко удалился бы я, и оставался бы в пустыне; поспешил бы укрыться от вихря, от бури" и прочее» [Пс 54, 8–9]. Диакон ответил: «О, отец, эта пустынная местность напоена часто встречающимися реками, изрезана тесными долинами, населена свирепыми зверями. Ибо, кроме оленей и стад безопасных животных, она рождает многочисленных медведей, бесчисленных вепрей, волков, превосходящих их числом и отличающихся злобностью. Итак, боюсь, если я тебя отведу туда, как бы не съели тебя враги такого рода». На это святой муж говорит: «Есть речение апостола: "Если Бог за нас, кто против нас?" [Рис 8, 31] и "Знаем, что любящим Бога... все содействует ко благу" [Рим 8, 28]. Тот, Кто освободил Даниила из львиного рва, может и меня вырвать из лап зверей». Диакон отвечает ему так: «Сложи в свою суму пищу и маленькую сеть, ибо завтра я поведу тебя в пустыню, и если найдешь место, приемлемое для тебя, возблагодари Бога и твердо исполни Господне предписание. Бог же, Который вывел тебя из далекой страны, дал тебе небесного спутника, как Товии, рабу Своему [Тов 5, 4–6], так и с нами пошлет Он Своего ангела и покажет нам место, пригодное для спасительных желаний». Итак, блаженный муж в тот день пребывал в посте и до рассвета следующего дня провел ночь в молитвах. Ибо достойно было, чтобы то, что он начинал по любви к Богу, он препоручил бы Господу в немедленной молитве.

Глава 11

О том, как, проникнув с диаконом в пустыню, св. Галл нашел ожидаемое место и избрал его для себя, и о послушании медведя.

В то время как утренняя звезда своим торжественным шествием отодвинула завесу ночи и солнце, покинув нижние области и идя обычным путем, озирало верхние равнины мира и явило смертным сияние лучей с востока, борец Христов, взяв с собой то, о чем ему сказал его провожатый, предводительствуемый Хильтибольдом, отправился в путь, благословя его молитвой. И после того как они шли в течение целого дня, диакон около девятого часа говорит: «Отец, уже настал час отдыха; возьмем немного хлеба и воды, ибо, так подкрепившись, мы лучше сможем совершить оставшийся путь». Человек Божий отвечает: «Ты подкрепись по необходимости плоти, сын, я же не вкушу ничего прежде, чем Господь укажет мне место желанного пребывания». И тот говорит: «Поскольку мы общники в страдании, так будем и общники в утешении». Поговорив так, они снова поспешили пуститься в путь, ибо день уже склонялся к вечеру и жар солнца приближался к западу. Пришли они к некой речушке, которая называется Стемаха[45], и начали подниматься вверх, против ее течения, пока не приблизились к скале, где она, стремительно стекая с высоты, образовывала обширное и глубокое озерцо, в котором они увидели много рыб и, забросив свои сети, поймали их. Затем, разведя огонь, диакон пожарил рыбу и положил поверх сумы хлеб. Блаженный же Галл отошел от него немного в сторону, чтобы помолиться; бродя среди пустых зарослей терна, запнулся ногою и упал на землю. Видя это, диакон подбежал, чтобы поднять лежащего. Но муж Божий, предвидя будущее, сказал: «Отпусти меня, это упокоение мое во веки веков, здесь я буду жить, ибо я избрал это место». И поднявшись после молитвы, он взял кизиловую ветвь, сделал крест и воткнул его в землю. У него была ладанка, висевшая на шее, в которой содержались реликвии Блаженной Богородицы Марии и мощи св. мучеников Маврикия и Дезидерия. Когда св.Галл повесил ладанку на крест, он позвал диакона, и они вместе простерлись в молитве. Тогда досточтимый муж излил моления такого рода: «Господи Иисусе Христе, Ты, Который ради спасения рода человеческого изволил родиться от Девы и претерпел смерть, не презри по моим грехам моего желания, но в честь Святой Твоей Родительницы и мучеников и исповедников уготовь в этом месте жилище, пригодное для служения Тебе». Когда молитва была закончена, солнце село, завершился день, и они с благодарением приняли пищу и, снова воздав благодарение Богу, легли на землю, чтобы немного отдохнуть. Но когда святой муж подумал, что его спутник охвачен глубоким сном, то, встав, простерся крестообразно перед ладанкой и излил Господу преданные молитвы. Тем временем медведь, спускаясь с горы, осторожно подбирал крошки и кусочки, упавшие у трапезовавших. Увидев происходящее, муж Божий сказал зверю: «Приказываю те-

CUM PRAE
CLARA
SCISSIMI
UIRI COLUMBANI QUI ET COLUMBA CON
uersatio per omnem hiberniam celebris haberetur. & uelud splen
didum ignei solis iubar singulari decore omnium in se prouoca
ret amorem. sicut a deo priusquam nasceretur prouisum ee
liber gestorum ipsius pleniter indicat. Inter ceteros quos fa
ma uirtutum eius attraxerat Parentes beati galli sedm dm
religiosi. secundum seculum nobiles filium suum primo aeta
tis flore nitentem cum oblatione dno offerentes. illius ma
gisterio commendauerunt. ut in regularis uitae proficeret
disciplina. & inter plurimos spiritalis militiae sectatores obe
dientiae & artioris propositi imitaretur exempla. Dumq.
bonae indolis uir. caro nutriretur affectu. magno uirtutum
creuit augmento. Superna quoq. gratia se praeueniente
tanto studio diuinas epotauit scripturas. ut de thesauro suo

Начало «Жития св. Галла», написанного Валахфридом Страбоном. Конец IX в. Культура аббатства Санкт-Галлен / Под ред. В. Фоглера. Stuttgart, 1993. С. 157. Ил. 38

бе, животное, именем Господним, подними дерево и брось в огонь». По его приказу огромное и страшное чудовище, пойдя и вернувшись, принесло могучее дерево и бросило в огонь. И добросердечный муж, подойдя к суме и достав из малого хранилища целый хлеб, протянул его служащему и, когда медведь принял его, предписал следующее: «Во имя Господа моего Иисуса Христа, уходи из этой долины; по этому уговору ты будешь вместе с нами владеть окружающими горами и холмами так, чтобы никакому человеку, никакому скоту не причинять вреда». Пока это происходило, диакон, притворяясь, что спит, размышлял, что возлюбленный Богом муж сделал с медведем; и, поднявшись, простерся у ног его и сказал: «Ныне знаю истинно, что Господь с тобою, ибо и звери пустыни послушны тебе». Св. Галл сказал: «Берегись, чтобы никому вообще не рассказывать об этом, пока не узришь славы Божией». ⟨...⟩

Глава 13

Об избрании этого места и отшествии змей.

Итак, после отшествия демонов, эти пустыннолюбцы озирали долину, видя многое желанное между двух речушек: красивый лес, горы вокруг, равнину в середине, и признали, что это место наилучшее для постройки кельи. И святой муж, вспомнив речение, которое произнес Иаков, после того как увидел лествицу и восходящих и нисходящих ангелов, произнес, говоря: «Истинно Господь присутствует на месте сем» [Быт 28, 16]. Вплоть до тех времен в помянутой долине было большое множество змей. Далее с того дня они совершенно оттуда ушли, так что потом там не собирались. Это чудо согласуется с более ранними. Ибо когда диавол был изгнан оттуда, достойно было, чтобы животное, посредством которого он обманул человека, покинуло жилище святости.

Глава 14

О том, как св. Галл освятил это место постом и, вернувшись в крепость, узнал о кончине епископа.

И когда они вернулись к месту первой остановки, где прежде муж Божий воткнул крестик, диакон сказал св.Галлу: «Пойдем назад в крепость, взяв суму и сети». А тот говорит: «Если тебе угодно, сын, возвращайся домой; я же немного задержусь в этих местах и через три дня, при водительстве Господа, последую за тобой». Диакон говорит: «Ни за что не вернусь к отцу моему, пока ты будешь отсутствовать, чтобы он случайно не сказал, что я убил тебя из-за одежды; или, если я пожелаю отрицать убийство, будет порицать меня таким образом: “Зачем ты оставил его в пустыне? Быстро возвратясь, приведи его ко мне”. И будет мне вдвойне: и двойной труд, и обнаруженное смущение». На это святой муж ответил: «Иди же, сын, а я

после поспешу как можно быстрее по твоим следам». Когда диакон отошел, борец Божий все три дня пребывал, постясь, без помощи всякого плотского питания, чтобы освятить начатками воздержания место, которое он готовил для духовной брани. Поэтому, в четвертый день выйдя из пустыни, он вновь посетил дом пресвитера и среди любезностей дружеского приветствия должной похвалой воздал благодарение Богу за все благое, которое Тот ему явил. Пресвитер же, приняв его с радостью, велел накрыть стол, и когда они сели, благословляя Бога, они приняли пищу с благодарением, и во время завтрака диакон сказал пресвитеру: «Если бы здесь был медведь, пожалуй, Галл и ему дал бы благословение». И на вопрос Виллимара, откуда он взял такие слова, диакон рассказал все, что произошло в пустыне. С этого дня и далее св. Галла считали пророком и святым мужем, ежедневно оценивая величину его заслуг по суровости его жизни и стремлению к подвигам. В то время как они там оставались, к пресвитеру прибыл посланец, говоря, что епископ Констанцы, по имени Гауденций, отошел от сей жизни. Услышав это, они единодушно предались слезам и горячим молитвам за упокой души усопшего пастыря. ⟨...⟩

Глава 24

О том, как блаженный Галл защитил себя в королевском совете от принятия епископского сана.

После этого часто упоминаемый герцог попросил посредством своего письма мужа Божия, чтобы тот пришел в город Констанцу на выборы того, кого поставят предстоятелем на этой же кафедре. Герцог призвал епископов Августодунского и Виридунского с множеством клириков, а также велел прийти епископу Немидоны, которая в наше время называются Спира, и при помощи посланников и своих писем предписал явиться в Констанцу в названный день, то есть в ближайшую Пасху Господню, пресвитерам всей Алеманнии, диаконам и вообще всему сообществу клириков; он и сам вошел в собрание с военачальниками и своей свитой. И когда об этом синоде стало всем известно, благодаря пришествию столь великого множества, и прошел слух о том, что произойдет через три дня, блаженный Галл, исполненный божественных помыслов, взяв Иоанна и Магноальда, возведенных на диаконское служение, продолжил путь к городу; войдя в место собрания, герцог произнес слова такого рода: «Всемогущий Бог, провидением Которого управляется и возрастает все тело Церкви, по заступничеству и заслугам Блаженной Приснодевы Марии, в честь Которой освящено это место, да изольет сегодня на нас Святого Духа для избрания предстоятеля, который был бы способен править народом верных и был бы полон пастырского усердия, чтобы руководить Церковью Божией». Вслед за тем он увещал предстоятелей и весь клир, чтобы, согласно спасительным правилам канонов, они представили правителя Церкви. Все клирики начали говорить друг другу: «Этот

вот Галл имеет доброе свидетельство ото всех, кто знает его жизнь. Он достиг вершины в знании Св. Писаний и во всей высоконравственной жизни сияет светом учености, имеет кротость со смирением, сочетает терпение со спасительным воздержанием. Он делатель милостыни, отец сирот, всегда готов утешить вдов. Этому приверженцу всех добродетелей приличествует быть пастырем народов». Услышав это, герцог сказал Галлу: «Слышишь, что эти вот люди говорят и утверждают?» Святой отец ответил: «Хорошо они говорят; о если бы было истиной то, что высказывают. Когда они обсуждают между собой такое, не знают, что в канонах запрещено, чтобы некто, переселившись из своих мест, без труда рукополагался в других местах. Есть со мною диакон, по имени Иоанн, уроженец близлежащих мест; к нему по заслугам может быть применено свидетельство, которое дали мне эти вот люди. Я предлагаю его вам для поставления во епископа, веруя, что он избран божественным суждением».

Глава 25

О выдвижении и посвящении вышеназванного Иоанна и о заботах, которые доставили себе святые мужи после.

И когда святой муж возбудил этим свидетельством всеобщую любовь к Иоанну (ибо присутствующие не могли поверить [об Иоанне] ничему другому, кроме того, что объявил возлюбленный Богом муж), герцог заставил диакона выйти на середину.«Ты, – спрашивает, – диакон Иоанн?» И тот отвечает: «Разумеется, я». «Откуда, – говорит герцог, – ты ведешь свой род?» И Иоанн говорит: «Я рожден в Ретии Куриенской людьми простого звания». Герцог спрашивает его: «Сможешь ли нести бремя предстоятельской митры?» Тогда досточтимый Галл предложил свое поручительство за духовного сына. И в то время как они обдумывали это во взаимном обмене речами, диакон удалился и, убежав, искал укрытия в церкви Св. мученика Стефана, стоящей вне города. Клирики с народом последовали за ним и, схватив его, обливающегося блаженными слезами, насильно привели в присутствие предстоятелей и герцога; и все вместе возвысили голос, говоря: «Сегодня Господь избрал Себе предстоятелем Иоанна». И ответил весь народ: «Аминь». Итак, епископы повели его к алтарю и во время службы, торжественно благословив, поставили во епископа; и когда был совершен обряд святого поставления, попросили его совершить таинство Спасительной Жертвы. Итак, когда началась служба по обычаю Божественной Жертвы, после чтения Евангелия досточтимого Галла попросили преподать толпе, пришедшей на служение Слова, пищу своего святого наставления. Муж Божий, взявши епископа Иоанна, взошел на возвышение так, чтобы в то время как он собирал воедино средства наставления в проповеди, епископ, толкуя хорошо изложенное, переводил бы ее для понимания варваров. Итак, Галл завел речь о начале Творений [Быт 1, 1–31], припоминать о грехе Ада-

ма [Быт 3, 6–7], за который он был изгнан из рая. Затем, переходя к потопу [Быт 6, 7–24], по порядку слегка коснулся времени и деяний праотцев. Раскрыл он также исход сыновей Израилевых из Египта и переход через Чермное море [Исх 14, 8–27], законодательство Моисея [Исх 20, 1–17] и чудо небесной пищи [Исх 16, 10–16]. Затем, вкратце рассказав о преемственности царей и временах пророков, он поведал о времени Рождества Господня [Лк 2, 4–17]. Вспоминая Крещение Спасителя [Лк 3, 21–22] и Его удивительную славу, он присовокупил в правдивом рассказе поношение крестное и посмеяние от нечестивых родов [напр., Мф 26, 57–75; 27, 1–50]. Слушая это, пастыри Церкви со множеством народа проливали обильные слезы и говорили друг другу: «Истинно Дух Святой говорит сегодня устами вот этого мужа». Галл же довел проповедь до Воскресения Христова и закончил воспоминанием Всеобщего суда. Итак, все пришедшие, исполнившись живым умом ликования, благословили Господа и отошли домой с радостью. Вследствие этого досточтимый учитель, оставаясь у епископа Иоанна семь дней, среди многих слов спасительного утешения часто внушал ему таковое: «Кого Господь избрал, человек да не презрит; но будет у людей вознесен почтением тот, кого им препоручило Божественное суждение». Затем, приняв от него благословение, он возвратился в свою келью. Епископ же приказал тем, кто занимался делами епископства, идти к мужу Божию со своими подопечными и слушаться его предписания. После этого взаимная любовь сохранялась между ними с таким усердием, что, казалось, они, непрерывно скрепленные друг с другом клеем духовной привязанности, разделены только плотью. Учитель подавал точное знание отеческим попечением, молитвами и спасительным советом; ученик облегчал себе труд наставления отеческой похвалой и всякой поддержкой. И так, в умножении любви и возрастании славы, возрастало святое сообщество благочестивых мужей.

Глава 26

О том, как святой Галл узнал о кончине блаженного Колумбана, сначала посредством видения и после, послав ученика, получил достоверные известия о случившемся.

В последующее время выдающийся возделыватель добродетелей начал строить церковь и домики, расположенные по кругу, для того чтобы там могли пребывать братия; св.Галл учением и примером побудил к желанию вечного уже двенадцать братий, укрепленных показанной им монашеской святостью. Итак, однажды, в то время как после труда утреннего служения они вернулись на свои ложа, чтобы отдохнуть, на рассвете муж Божий призвал Магноальда, своего диакона, говоря ему: «Приготовь служение Святого Приношения, чтобы я мог без промедления торжественно совершить божественное таинство». А диакон говорит: «Неужели ты будешь служить миссу, отче?» Итак, св. Галл говорит ему: «После бдения этой ночи я узнал в виде-

нии, что господин и отец мой Колумбан сегодня от скорбей этой жизни переселился в рай. Следовательно, я должен принести Спасительную Жертву о его упокоении». И, ударив в било, они вошли в церковь, распростерлись в молитве, начали совершать миссу и предались молениям в память блаженного Колумбана. Закончив служение Святой Жертвы, досточтимый Галл сказал диакону Магноальду: «Сын, пусть тебе не покажется тягостным бремя моего прошения, но поспешно отправляйся в путь и устремись в Италию, достигнув монастыря, который называется Боббио, усердно разузнай, что произошло с моим аввой. Итак, отметь день и час, чтобы ты мог узнать, подтверждается ли мое видение тем, что и вправду исполнилось, если достоверно узнаешь, что он умер. Все это основательно изучив внимательным исследованием, возвратись и объявишь мне». Диакон, упав учителю в ноги, посетовал, что он не знает пути; но блаженный муж ласковым голосом увещал его не бояться. «Иди, – говорит, – и Господь да направит шаги твои». Укрепленный таким утешением, воспитанник благочестивого учителя подчинился предписанию и, приняв благословение на дорогу, поспешно отправился в путь. И когда он пришел, как желал, в монастырь, обнаружил, что все случилось так, как было открыто в видении его отцу. Магноальд остался там на одну ночь и принял от братий письмо к блаженному Галлу, содержащее рассказ о переходе блаженного Колумбана в вечность. Они переслали святому мужу письмо и посох св. Колумбана, который в народе называют «пастырский жезл», говоря, что святой авва перед своей кончиной повелел, чтобы посредством этого известнейшего залога Галлу было прощено его прегрешение. Отпущенный ими, Магноальд поспешил в путь и, действуя во всем благополучно, на восьмой день прибыл к своему господину и отцу, неся письмо с рассказом и знак отпущения грехов. Прочтя письмо, святой Галл, всем сердцем привязанный любовью к дорогому отцу, пролил обильные слезы и, собрав братию, открыл причины своей скорби. Затем они часто почитали память столь великого отца святыми молитвами и спасительными жертвами. ⟨…⟩

Глава 29

О том, каким образом святой отец среди трудов духовного строительства в Арбоне отошел ко Господу.

Немного времени спустя, когда Творец всяческих благ и Податель жизненных сроков уже пожелал украсить вечными лаврами награды Своего борца, взяв его с арены мира, пресвитер Виллимар, придя в келью святого мужа, попросил, чтобы св. Галл пошел с ним в город; и чтобы достигнуть желаемого, склонившись, изложил жалобным голосом такого рода сетования, говоря: «Почему, отче, ты оставил меня, словно презренного, хотя я услаждаюсь увещаниями твоих слов, и не преподаешь мне, доброжелательному слушателю, своих спасительных наставлений? Чему мог бы я приписать такое отвержение, если не скверне моих грехов? Ибо, если жизнь моя не вызывает твоего

недовольного суждения, не лишай меня утешения твоего возлюбленного общения. Итак, ныне не оставляй нас по грехам нашим, но, побуждаемый Господними предписаниями, открой желающим путь Истины и истрать на нас дар обычной благосклонности». Растроганный этой речью умоляющего, любитель благочестия спустился с ним с гор, и они пошли в город. Когда в день праздника было созвано множество людей, святой муж подкрепил сердца жаждущих слушателей сладостью проповеди и облек сказанное в столь великий свет знания, что все выслушали его с высшей благодарностью и прославили многолюдным общим почитанием. Итак, проведя в том месте два дня, в третий день он был поражен лихорадкой и столь был ослаблен ее быстротечной жестокостью, что не мог ни вернуться к себе, ни принять подкрепление пищи. И испытывая страдание от этой немощи дней четырнадцать, в шестнадцатый день месяцы октября, то есть семнадцатой календы ноября, когда ему исполнилось девяносто пять лет, св. Галл в доброй старости, освободившись из темницы сей жизни, возвратил Господу душу, исполненную блаженных заслуг, и она предалась непреходящим благам. ⟨...⟩

Глава 33

О том, как невзнузданные кони перенесли св. Галла к месту его погребения.

После того как святость досточтимого отца была открыто показана всем, кто присутствовал на его похоронах, и значительностью чуда, и явлением этих знамений, епископ, подойдя к погребальным носилкам, поднял их, а с другой стороны их поднял пресвитер; они возложили их на коней; епископ сказал стоящим рядом: «Снимите узду с их голов, чтобы, побуждаемые свободой, кони пошли, куда желает Господь». Итак, взяв крест и свечи, воспевая псалмы и молитвы, они отправились в путь. Кони же, не сворачивая ни в какую сторону, прямым путем достигли кельи мужа Божия. Когда они туда дошли, поставили носилки перед церковью. Ученики блаженного Галла, подняв останки благочестивого учителя, внесли их в храм и положили перед алтарем. Затем, помолившись за него вместе с епископом, вырыли могилу между стеной и алтарем, и там, предпослав молитвы, соответствующие этому делу, похоронили его; и когда все было совершено по обряду, множество народа, которое сбежалось на погребение столь великого мужа, разошлось по домам, получив в подкрепление благословение епископа.

Глава 34

О чуде, явленном в свечах.

Когда счастливое место приняло в себя сокровище блаженного тела, Господь, желая подать скорбящим утешение о кончине раба Своего, открыл в новом чуде, какой светлостью просияла перед Ним душа Его последователя.

Ибо, когда тело его было поднято на погребальные носилки, две свечи, зажженные в городе, пылая, были так донесены до места погребения. Одна была поставлена во главе, другая в ногах; затем они тридцать дней (удивительно сказать!) пылали, не уменьшаясь, и, пылая, не уменьшались. И чтобы показать, какой силой твердости был свыше наделен плавящийся воск, многие чудеса имели впоследствии начало от вещества, участвовавшего в этом чуде. Ибо кто бы ни страдал от зубной боли, или воспаления глаз, или заграждения слуха, приносили от этих свечей немного воска и, прикладывая к местам, которые были поражены болезнями такого рода, быстро получали дары желанного исцеления. После того столь великая сила исцеления угнетенных различными немощами явилась у гробницы святого мужа всем, приходящим туда и верно просящим, на голос их молитв, что и слава столь великой заслуги приобрела известность во всех расположенных вокруг областях, и само место весьма посещалось народом.

[1] Садоводство названо «пестанским искусством» от италийского города Песта, где розы в цветниках цвели дважды в год (Вергилий, Георгики, IV, 118–120).

[2] «Сатурновый зуб» – сошник плуга, искаженный отголосок античных представлений о золотом веке Сатурна.

[3] Нот – южный ветер.

[4] «Сабейские рощи» (т.е. южноаравийские) и «паросский камень» (мрамор) – реминисценции из «Георгик», II, 117 и III, 34.

[5] «Пактола металл» – золото (Вергилий, Энеида, X, 142).

[6] «И произрастет ветвь от Иессеева корня, и расцветет цвет из корня того» (Ис 2, 1).

[7] Смысл: христиане, члены церкви, тела Христова, подвизаются в вере как в мирной монастырской жизни, так и в войне против язычников, а Христос награждает их райским уделом и за те, и за другие подвиги.

[8] «Мировое колесо» – обычное в средние века изображение судьбы в виде колеса, наверху которого находится человек и надпись: «Я царствую»; на правой стороне – другой, вниз головой, и рядом надпись: «Я царствовал»; внизу, под колесом – третий («Я без царства») и слева – четвертый, хватающий за ногу первого («Я буду царствовать»).

[9] Дочь Гугона, графа турского, жена Конрада Вельфа, брата императрицы Юдифи.

[10] Т.е.: «если я увижу, что мой панегирик принят благосклонно, то я перепишу его на пергаменте» (что требовало усилий и больших расходов). Переход от «я» к скромному «мы» так же обычен в латыни этого времени, как и переход от «ты» к почтительному «Вы».

[11] Имеется в виду Храбан Мавр: изгнанный из Рейхенау, Валахфрид направился к нему в Фульду, но не застал его, и здесь пишет свое скорбное стихотворение.

[12] Авия – латинское название Рейхенау.

[13] Слово mus («мышь») состоит из трех букв и (в каролингском почерке) из семи черточек.

[14] Три слова: «Hoc est mus» («Се есть мышь»).

[15] Ср. 1 Цар 15, 22

[16] Ср. Иер 1, 5–9.

[17] Алеманны – известное с конца III в. римское название германцев, живших в верховьях Дуная и Рейна, на противоположном римским владениям берегу. Слово, германское по происхождению, примерно переводится как «множество». Самоназвание этого германского племени – «свевы».

[18] Пеннинские Альпы – горы между перевалами Большой Сен-Бернард (граница Италии и Швейцарии) и Сен-Готард (юг Швейцарии). Дорога, идущая с юга на север через перевал Сен-Бернард (Alpis Graia), считалась одной из важнейших дорог на север.

[19] Ретия – область между реками Дунаем, Рейном и Лехом, к северу от р. По.

[20] Истр – фракийское название Дуная, главным образом в его нижнем течении, между Паннонией и Мезией. В античности верхнее течение Дуная называлось Данубий, однако Валахфрид называет область верхнего течения этой реки Истром Германским. Возможно, это название сохранилось от того периода, когда в III–IV вв. на Рейне и верхнем Дунае римляне столкнулись с племенными союзами германских племен – франков и алеманнов.

[21] Павел Орозий (начало V в.), римский христианский историк, пресвитер. Его основной труд – «История против язычников» в семи книгах, очерк мировой истории, дополняющий сочинение «О Граде Божием» блаж. Августина.

[22] С юго-запада.

[23] Галлия белгов – римская провинция на северо-востоке Галлии, разделенная на Первую (в районе Вердена, Трира и Меца) и Вторую (с выходом к Северному морю в районе Амьена, Арраса, Реймса) одноименные провинции.

[24] С северо-северо-запада.

[25] Норик – область кельтско-иллирийских племен, занимавшая территорию современной Австрии.

[26] Бойи – кельтское племя, частью в 60 г. до н.э. поселившееся в северных районах среднедунайской низменности, частью слившееся с гельветами, жившими на территории современной Швейцарии.

[27] Солин Гай Юлий (III в. н.э.).

[28] Фракия – область на юго-востоке Балканского полуострова, простиравшаяся от Карпат до Эгейского моря, от Черного моря до р. Вардар.

[29] Ныне Боденское озеро в Швейцарии.

[30] Паннонии – римская провинция, делившаяся на четыре области: Паннония Первая, Паннония Вторая, Валерия и Савия (земли между Дунаем и его притоком Савой). Вероятно, последнюю из них имел в виду Солин, которого цитирует Валахфрид.

[31] Ныне Брегенц.

[32] Арола – один из притоков Рейна на территории Швейцарии.

[33] Ирландия.

[34] Настоятель монастыря Санкт-Галлен в 816–837 гг.

[35] Св. Колумбан (ок. 543–615). Родился в Лейнстере, возможно, в знатной семье, до принятия монашества получил хорошее образование. Ок. 590 г. он отправился с 12 спутниками в Галлию.

[36] Вероятно, ошибка Валахфрида. Сигеберт I (ум. 575), отец Хильдеберта II (ум. 595). Св. Колумбан пришел к Хильдеберту и получил у него для монастыря разрушенный римский форт (ныне Анңгрэ).

[37] Вогезы.

[38] Ныне Люксёй.

[39] Теодорик II (ум. 613), сын Хильдеберта и, соответственно, внук Сигеберта. Св. Колумбан увещал короля оставить наложниц и разгневал его и его бабку Брунгильду (ум. 613) тем, что отказался благословить его незаконнорожденных сыновей.

[40] Лотарь II (ум. 629).

[41] Теодеберт II (ум. 612).

[42] Арбон.

[43] Брегенц.

[44] В результате войны между Теодориком II и Теодебертом II и победы Теодорика, питавшего, как говорилось выше, неприязнь к св. Колумбану, последнему вместе с братией его монастыря пришлось перебраться в Ломбардию. В 613 г. св. Колумбан основал там монастырь в Боббио. Он умер в Боббио 23 ноября 615 г.

[45] Ныне р. Штайнах.

Хейтон

*

Жизнь Хейтона (762/763–17.03.836), одного из известных деятелей Каролингского Возрождения, связана с монастырем Рейхенау. Отданный в этот монастырь в пятилетнем возрасте, он принял там монашество, возглавил монастырскую школу, был избран настоятелем и одновременно поставлен во епископа Базельского. Хейтон выполнял дипломатические поручения Карла (в 811 г. ездил в составе миссии в Константинополь), активно участвовал в работе церковных соборов и реформах Франкской церкви. Он является автором устава для монастыря Мурбах и, возможно, знаменитого плана идеального монастыря (план Санкт-Галлена). В 823 г. Хейтон сложил с себя епископский сан и одновременно отказался от настоятельства. До самой кончины он жил в Рейхенау как простой монах.

«Видение Веттина», записанное Хейтоном, представляет двоякий историко-литературный интерес: во-первых, как один из самых совершенных памятников жанра видений в раннем средневековье и, во-вторых, как первое видение, которое было переложено в стихи и тем самым открыло ту цепь стихотворных видений загробного мира, которая завершается «Божественной комедией» Данте.

«Видение Веттина» вышло из швабского монастыря Рейхенау, одного из важнейших культурных центров Германии. Дата видения названа в тексте – это 824 г. Ясновидец Веттин, учитель в монастырской школе Рейхенау, был заметной фигурой в культурной жизни своего времени: он был родственником рейхенауского аббата Вальдона и санкт-галленского аббата Гримальда, архикапеллана Людовика Немецкого и известного мецената; из его школы вышли такие крупные поэты, как Валахфрид Страбон и Годескальк. Друг Веттина Хейтон, руководитель Рейхенауской школы, сам был аббатом Рейхенау после Вальдона и оставил эту должность только за год до смерти Веттина.

Любопытно, что «Видение Веттина» показывает существование уже отчетливой литературной традиции этого жанра и высоких литературных требований, предъявляемых к нему. Хейтон откровенно рассказывает, как ясновидец Веттин, словно не полагаясь на себя, перед последней галлюцинацией сам подстегивал свое воображение, прося товарищей читать ему «ясновидческие» отрывки из диалогов Григория Великого. А сам Хейтон по крайней мере дважды (гл. 15 и 28) упоминает, что из рассказанного Веттином он многое «ради сжатости опускает» – иначе говоря, открытые свыше слова вычеркиваются ради художественной гармоничности целого, эстетический принцип для автора важнее религиозного: признак развитой художественной культуры.

План видения обычен: 1) болезнь и смерть ясновидца, 2а) места мучения, 2б) места блаженства, 3) поучение и возвращение в тело. Необычно только раздвоение

Рейхенау. Церковь Св. Георгия. 888–912 гг. Внутренний вид.
Barral i Altet, Xavier. The Romanesque. Köln, 2003. Il. 62

видения: маленькое видение (гл. 2–3) служит как бы увертюрой к большому. В основной части обращает на себя внимание то, что об аде не говорится – речь идет об одном чистилище, а в картине рая начинают намечаться различные степени блаженства (святые, мученики, девственницы), что предвещает дальнейшее усложнение плана видений. Портреты исторических лиц, встреченных на том свете, в том числе аббата Вальдона и императора Карла, уже стали к этому времени традицией в жанре видений. Дидактическая часть видения, вложенная в уста ангела-спутника, очень обширна и занимает почти половину всего текста. Стиль видения академически изыскан: Хейтон «изукрасил видение медоточивыми цветами римского красноречия», по картинному выражению Валахфрида Страбона. Речь полна гиперболическими эпитетами («изумительный», «неисчислимый», «несравненный» и пр.), конкретные понятия всюду, где можно, заменяются абстрактными: автор говорит не «высокая гора», а «высота некоей горы», не «святые» и даже не «слава святых», а «достоинство славы святых» и т.п. Все это создает впечатление торжественного, повышенного тона.

Тем не менее автору его произведение показалось, по-видимому, недостаточно великолепным, и оно было послано для переложения в стихи Валахфриду Страбону, еще совсем молодому питомцу Рейхенауской школы, незадолго до того перебравшемуся для продолжения образования в Фульду. Валахфрид выполнил пожелание своих наставников в полной мере: он переложил «Видение» в виде поэмы в 945 гекзаметров, добавил к красотам стиля Хейтона красоты собственного стиля, вставил в поэму молитвы к Господу, описание Рейхенауского аббатства и панегирик его управителям, а кроме того, в акростихах раскрыл те имена упоминаемых лиц, которые осторожный Хейтон обошел молчанием, – Вальдона, Карла, епископа Адальхельма и др. Отрывки поэмы Валахфрида, содержащие эти акростихи, приводятся ниже как приложение к тексту Хейтона.

Видение Веттина

Предисловие

В земле алеманнов, или свевов, в монастыре пресвятой приснодевы Марии, рекомом Аува[1], жил некий брат по имени Веттин, кровный родственник Вальдона[2], который во времена блаженной памяти императора Карла со славою управлял оной обителью. Постепенно подвигаясь в деле своего обращения, он, однако, как впоследствии оказалось, недостаточно соблюдал монашеский образ жизни; зато пред всеми окружавшими его в то время отличался как в божественных науках, так и в благородных искусствах. Нижеследующее его видение правдивейшим образом описал достопочтенный муж Хейтон, некогда епископ базельский и той обители монах. Откровение сие явилось на одиннадцатом году царствования императора Людовика, то есть от воплощения Господа нашего в лето 824, в 3 день ноября месяца, то есть на четвертые сутки нон означенного месяца. Ибо в 30 день октября, в субботу, захворал он, в ночь на 4 сутки имел означенное видение, в 5 же сутки, то есть накануне Ноябрьских ид, в час вечерних сумерек, отошел ко Господу.

Главы означенного Видения

1. Как начал он хворать; 2. Первое видение, в котором явилось ему ужасное зрелище лукавых духов, утешением святых мужей прогнанное; 3. Явление ангела, в багряницу облаченного, и дружелюбное его обращение; 4. С каким усердием, созвав братию, прибег он к молитве и чтению Писания; 5. Как засим тот же ангел явился к нему в одеждах белых, усердие его одобряя; 6. Каким образом восхищенный ангелом в горние узрел реку огненную и муки различных людей; 7. О жалости достойном пребывании иереев; 8. Об очищении некоторых иноков; 9. О некоем монахе, за особую вину в зловонном ящике заключенном; 10. О Вальдоне-аббате, страждущем в чистилище; 11. О Карле-императоре; 12. О мздоимстве графов; 13. О грешной жизни графов; 14. О славе и мучении многих людей; 15. Видение престола и славы Господней; 16. В коей предсказывается ангелом кончина его на следующий день, и святые отцы за душу его молятся; 17. Предстательство мучеников; 18. Моление девственниц о долговечной жизни; 19. Слово ангела о содомской мерзости и конкубинах; 20. Увещание ангела о его исправлении и служении; 21. Что заслуживает увещания в монашеских обителях; 22. Каковы злоупотребления в женских конгрегациях; 23. О том, что должны соблюдаться апостольские установления; 24. Еще об отвратительнейшем грехе; 25. Почему свирепствует моровое поветрие; 26. О прилежании к службе церковной; 27. О Геролте-графе; 28. Как, созвав братьев, Веттин велел записать виденное; 29. Как по приходе аббата повторил он все сызнова; 30. Что делал он в остальные два дня; 31. Как после совершения молебствия благополучно отошел ко Господу.

Начинается самое видение, которое открылось брату нашему Веттину накануне преставления его

1. Когда вышеозначенный брат вкупе с прочими братьями нашими вкушал питие для восстановления телесных сил, и всем остальным оно пришлось во здравие, он стал изрыгать его непереваренным с большими усилиями и тотчас же почувствовал отвращение к пище, которую должен был принять в себя для подкрепления плоти. С наступлением следующего дня, в воскресенье, стало ему немного легче, и он откушал вместе с другими, к которым он присоединился для удовлетворения этой телесной нужды, но чувствовал все то же отвращение к еде. Однако он никоим образом не думал, что от этого ему придется перенести какой-либо переворот в плотском существовании, ибо трапеза второго и третьего дня, с уменьшением тошноты, ободрила его и дала уверенность в сохранении жизни сей.

2. На третьи же сутки, с наступлением вечерних сумерек, когда братья сидели с ним вместе за трапезой, сказал он, что не в силах вместе с ними

ожидать конца трапезы. Но между тем, пока они пели, он велел перенести постель ложа своего из места вышесказанного собрания в другую келейку, соседнюю с прежней, отделенную от нее только преградою одной стены, дабы там в спокойствии дождаться конца их трапезы и своего возвращения к месту обычного своего ложа.

Итак, чуть он протянул члены на ложе и лежал с глазами закрытыми, но сном, как сам он думал, не смеженными, явился лукавый дух, принявший обличье клирика[3], столь безобразное, что на лике слепом и темновидном не было заметно даже следа глаз, неся в руках разного рода орудия пытки, стоя у изголовия его, точно радуясь и как бы собираясь в скорости подвергнуть его мучениям. И пока он грезил такими ужасами, вдруг появилась толпа лукавых духов, наполняя собой все пространство оной келейки, стекаясь отовсюду с маленькими щитами и дротиками и стараясь построиться в некую фигуру, наподобие италийских латников, чтобы окружить Веттина. И от всего того вышереченный брат, обуреваемый таким страхом и таким невыносимым ужасом, настолько был напуган, что уже не имел ни малой надежды избежать орудий смерти.

Внезапно явилось Божественное милосердие. Ибо неожиданно в той же келье предстали мужи великолепные, обличием почтенные, в монашеском облачении, на скамьях сидящие, из коих один, восседавший посреди, сказал по-латыни теми же словами, какие здесь написаны, как передавал сам Веттин: «Несправедливо, чтобы сии негодные творили подобное, ибо человек сей – на пути к исцелению. Прикажите им отступить». По его глаголу скопище лукавых духов исчезло и отступило.

3. Засим, по удалении столь великого ужаса, пришел ангел, сверкающий непостижимой красотою, в багряную одежду облаченный, ставший в ногах его и дружеским гласом к нему воззвавший: «К тебе, – сказал он, – пришел я, душа возлюбленная». Брат же оный отвечал ему по-латыни: «Если Господь мой желает забыть грехи мои, он творит дело милосердия, если же нет – в руке его есмы: пусть свершит, как благоугодно ему. Ибо патриархи, пророки, апостолы и вся слава небесная и земная старались за род людской, а теперь приходится вам еще сильнее усердствовать, ибо еще слабее стали мы в нынешние времена». Таковым собеседованием оного ангела и вышереченного брата закончилось первое видение, которое мы, изобразившие сие на письме, велели записать теми же словами, какими они, по его рассказу, обменялись, ничего не позабыв и от себя ничего не прибавив.

4. Проснувшись, означенный брат сел на постели и, оглянувшись, нет ли кого подле, обрел двоих, настоятеля оного монастыря и другого брата, оставленных при нем для утешения, в то время как другие по окончании трапезы были отпущены на отдых. Он же, созвав их, изложил им по порядку все, что открылось ему в столь краткий промежуток времени, согласно чему и составлена настоящая запись; и настолько дрожал от страха перед вы-

Рейхенау. Церковь Св. Георгия. 888–912 гг.
Barral i Altet, Xavier. The Romanesque. Köln, 2003. Il. 63

шеупомянутым видением, что, позабыв всю тягость телесного недомогания, объят был невыносимым трепетом ужаса. Поэтому, волнуемый непомерностью сего ужаса, пал он на землю в присутствии вышереченных братьев и, распростершись всем телом наподобие креста, просил, чтобы совсем возможным усердием предстательствовали о нем за грехи его. Пока же он лежал, распростершись таким образом, начали вышереченные братья воспевать ради спасения души его как семь покаянных псалмов, так и приличествующие в подобном тяжелом положении песнопения, которые приходили им на память.

По окончании сего встал он и опять, сел на кровать, прося, чтобы почитали ему диалог блаженного Григория[4]. Тогда прочитали ему вслух начало последней книги этого диалога вплоть до окончания девятого или десятого диета. По завершении чтения просил он вышеупомянутых братьев, чтобы они отдыхом облегчили усталость, которой они, бодрствуя, подвергли себя ради него, и разрешили бы себе передышку, чтобы спокойно опочить в ту небольшую часть ночи, которая еще оставалась.

5. Когда же они покинули его и в другой части той же кельи расположили тела свои на отдых, а сам он, после тяжкой усталости как духа, так и тела предался сну, пришел тот же ангел, который в первом видении явился ему в багрянице, стоящим в ногах его, и теперь облаченный в светлые одежды, стал у изголовья, сверкая блеском непостижимым; обратившись к нему с кроткой речью, он похвалил его за то, что тот в смятении прибег к Богу путем псалмопения и чтения, побуждая его в остальном поступать так же. Между прочим же увещевал его часто повторять псалом 118[5], ибо в нем описывается духовная добродетель; о себе же сказал, что весьма увеселяется, видя кого-либо с усердием прилежащего чтению и повторению псалмов; Бог же сим умилостивляется, если обычай этот искренне, а не по видимости только соблюден будет.

6. Сказав сие, восхитил его оный ангел и повел по пресветлому пути непомерной сладости. Пока шествовали они по оному, показал он ему горы неизмеримой вышины и непостижимой красоты, которые выглядели как мраморные. Их окружала река обширнейшая огненная, в коей заключено было в наказание неисчислимое множество осужденных, из коих многие, как говорил он, были ему знакомы. И в других местах видел он истязуемых бесчисленными мучениями всякого рода. Среди сих заметил он многих священнослужителей как низшего, так и высшего сана, спиною к столбам крепко ремнями притянутых, висящих в пламени; жены же, ими развращенные, были привязаны напротив них и погружены в огонь до детородных частей. Ангел же сказал ему, что через каждые три дня, без пропуска, за исключением одного только дня, бьют их прутьями по детородным частям. Веттин передал, что многие из них были ему известны.

7. «Большая часть священнослужителей, – сказал ангел, – считает благочестием преследование мирских выгод, исполнение придворных обязанностей, возвеличивание себя изысканностью одежд и пышностью выездов. О накоплении духовных богатств не пекутся; пресыщенные утехами, в распутство ввергаются, и кончается тем, что не могут они быть предстателями ни за себя, ни за других. Теперь, когда мир страждет от глада и мора, могли бы они помочь своими молитвами, если бы всеми силами души хотели быть угодными Богу. И потому их после смерти постигает такое воздаяние, что прежними делами своими они сами таковое заслужили».

8. Сверх того поведал он, что там некое здание, весьма беспорядочно из дерева и камня сооруженное, в черноте своей безобразное, и дым из него, ввысь устремляющийся. На вопрос же его, что сие означает, было ему отвечено ангелом, что это – обиталище некиих монахов, собранны туда из разных мест и стран для очищения от скверны.

9. Из их числа одного поименовал он особо, о коем поведал, то ему суждено в оловянном ларце дожидаться дня Страшного суда за особый грех, который в прежние времена проявился в Анании и Сапфире[6] в нарушение чистоты общины. Карательное заключение сего инока было открыто некое-

му страннику, восхищенному в экстазе, перед отцом дней его лет десять тому назад, как тогда гласила молва; но потом оно было предано забвению, и теперь опять вызвано в памяти в этом видении означенным братом Веттином, прежде о том ничего не слыхавшим. Из этого примера, повторенного в двойном напоминании, явствует, что то, что криво растет, должно чаще быть обрезаемо, дабы для тех, кто носит имя монахов, тяжкий грех не превратился в тяжесть олова.

10. Там же явилась ему некая высокая гора и [было] поведано ангелом о некотором аббате, умершем лет за десять перед тем, – что он помещен на вершине этой горы для очищения, но не для вечного мучения, и что там страдает он от сурового воздуха и от тягости дождей и ветров. Еще прибавил о нем тот же ангел, что некий епископ, недавно умерший[7], должен поддержкой молить своих [собратий] помочь ему получить прощение, о чем оный аббат и известил его, явившись в сновидении одному из его клириков. Вышеуказанный же епископ, отнесшись к этому, небрежно, не посочувствовал ему с горячей любовью и не начал ратовать за его спасение. «И таким образом, – сказал ангел, – он не сумел помочь и себе самому». – «А где он находится?» – спросил тот. – «Тут же, – отвечал ангел, – на другом склоне той же горы несет он муки своего осуждения».

Что же касается видения, о коем мы только что упомянули в немногих словах, то мы слышали о нем от того самого клирика, которому оно явилось во сне три года тому назад. «Пришел я, – так повествовал он, – в некое помещение, окруженное стенами, где оный аббат, сидя с окровавленными голенями, воззвал ко мне: “Иди, – сказал он, – к епископу и скажи ему, что сие отведенное мне и другому сотоварищу моему обиталище потому нам противно, что мерзкий запах, исходящий из купальни, в коей моются два графа, делает его почти невыносимым для нас; и посему пусть он постарается, чтобы собранными отовсюду силами завершить это мучение. Если же у него у самого не хватит сил, пусть отправит послов в известные монастыри; а их добровольной поддержкой явится все необходимое для завершения мучений”. Услыхав сие, епископ сказал: “Бред сновидений недостоин внимания”». Равным образом ангел упомянул в настоящем видении, что епископ не подал помощи своими молитвами, даже побуждаемый мертвыми. Самому же брату Веттину, который принес это как бы из преисподней на землю, прежде об этом ничего не было известно.

11. Тогда же он увидел стоящим некоего властителя, который когда-то правил скиптром Италии и римского народа; и зверь некий зубами терзал постыдные части его тела, остальные же члены оставались невредимыми[8]. Веттин был поражен великим недоумением, удивляясь, почему столь замечательный муж, который в деле защиты католической веры и власти святой церкви казался единственным среди людей нашего века, мог быть подвергнут столь безобразному наказанию. Ангел, путеводитель его, тотчас же отвечал ему, что хотя муж сей и совершил многие дела изумительные, досто-

хвальные и Богу угодные, за которые он и будет прощен, однако, поддавшись на соблазны разврата, пожелал закончить в них долгую жизнь свою, посвящая Богу другие добрые дела, точно непристойность, хоть и малая, и попустительство слабости человеческой могут быть раздавлены и уничтожены тяжестью стольких добродетелей. «Однако же, – добавил он, – он предназначен судьбою к вечной жизни вместе с избранными».

12. Там же увидел он дары великолепные и неисчислимые, торжественно приготовленные лукавыми духами как бы для подношения: одежды, серебряные сосуды, коней и тонкие полотна. На вопрос, чьи они и что обозначают, ангел ответил: «Они принадлежат графам, управляющим разными областями, чтобы, попав сюда, они помнили, что эти богатства нажиты лихоимством, грабежом и скупостью». Назвав некоторых из них по именам, он сказал, что дары не уменьшатся и не уничтожатся, пока те не придут и не примут их.

13. У кого хватит силы передать страшное осуждение, которое он вынес поведению графов? Ибо некоторых из них он назвал не карателями преступлений, а утеснителями человеков, наподобие дьявола, праведных осуждающими, виновных прощающими, с ворами и злодеями общающимися. «Милостыни, – добавил он, – ради спасения души в будущей жизни не подают никогда ослепленные могуществом своим. Но, верша законы мирские для обуздания дерзости злых, они без всякой милости, в угоду собственной корысти взыскивают, точно это полагается им по закону, пени, налагаемые на должников; здесь они найдут их снова. Правосудия же ради будущей жизни не творят некогда, и хотя они должны были бы давать его всем безвозмездно ради вечного спасения, оно у них не всегда продажно, как и душа. Некоторых же он по именам назвал в «числе осужденных, ибо так сказано в Евангелии о неверующих: «Неверующий уже осужден» [Ин 3, 18].

14. Еще передавал он, что видел бессчетное количество людей как простого, так и монашеского звания из разных стран и монастырей, иных во славе, а иных – подавленных мучениями.

15. Обозрев сих и других без числа, коих, ради сжатости изложения, опускаем здесь, повел его ангел по местам прекрасным, устроительством природы созданным, с арками как бы золотыми и серебряными, анаглифами изукрашенными и отличавшимися такой величиной, высотой и невообразимой красотой, что ни умом постичь, ни языком человеческим высказать нельзя было необъятности этого произведения.

Тут предстал Царь царей и Господин над господами со множеством святых, сияющий таким величием и славою, что плотские глаза человека не в состоянии были вынести сияния этого света и славы и достоинств святителей, которые там находились.

16. Тогда тот же ангел, который был его руководителем и учителем, сказал ему: «Завтра ты должен преставиться, но пока позаботимся о милосердии». Тогда, вслед за ангелом, прошел он туда, где сидели святые иереи с

неописуемой славой и достоинством. Тут ангел сказал ему: «Сии суть увенчанные Богом за добрые дела, в честь которых вы совершаете церковные богослужения. Попросим их, чтобы они вымолили тебе прощение у Бога». После этих слов они, упав на колени, просили их стать заступниками. Святые же иереи, встав без промедления, отправились к престолу и, простершись ниц, умоляли о даровании милосердия означенному брату. Ангел же тот вместе с самим братом во время их предстательства стояли далеко в стороне. Пока же те, коленопреклоненные, молили пред престолом о милосердии, послышался с престола глас ответствующий: «Он должен был подавать другим пример благочестия и не подал». И ничего более не было сказано им в ответ.

Веттин уверял, что узнал в том славном собрании иереев святых Дионисия, Мартина, Ананию и Илария.

17. Затем они снова по совету ангела вместе направились туда, где множество блаженных мучеников сверкало в неописуемой славе. «Сии суть те, – сказал он, – коих победа в славной борьбе довела до такой славы, те, коих вы с честью почитаете в церкви, в честь и хвалу Божию. Их мы должны просить предстательствовать о прощении грехов твоих». Едва те увидели его распростертым на земле с подобной мольбой, тотчас же без всякого промедления направились к престолу Божьего величия и коленопреклоненно просили об отпущении грехов его. И был им, как и прежним, глас с престола: «Если он исправит тех, кого он завлек дурным примером своей распущенности и, развратив, свел с пути истины на путь заблуждения, если он вновь возвратит их на путь истины, то простится ему». Когда же они спросили, как мог бы он осуществить это исправление, чтобы ему достигнуть испрашиваемого отпущения, был им вновь глас с престола: «Пусть созовет всех, кого он своим примером или учением увлек на совершение недозволенного, падет пред ними на землю, признает, что плохо поступал и учил, и вымолит у них прощение, а их самих попросит именем всемогущего Бога и всех святых, чтобы они впредь не поступали так плохо и других не учили». Ангел же и Веттин между тем стояли далеко в стороне, как и во время первого предстательства иереев. Он передавал, что среди мучеников узнал святого Севастиана и Валентина.

18. Засим, руководствуемый ангелом, направился он к месту, где пребывало неисчислимое множество святых девственниц, блистающих несравненными достоинствами и осиянных сверкающим светом. «Сии суть святые жены, – сказал он, – в честь которых вы совершаете церковное богослужение во славу имени Христова. Их мы должны предпослать себе ради предстательства пред Богом о вечной жизни». После этих слов они так же, как прежде, простерлись пред теми. Те же немедля с великой поспешностью направились к трону, молили о вечной жизни для Веттина; сами же Веттин и ангел, как и прежде, стояли в стороне. Но ранее, чем святые девственницы успели пасть для мольбы, явилось им навстречу величие Господне и, подняв

их, изрекло: «Если он будет учить добру и подавать хороший пример и исправит тех, кому подавал дурной пример, то будет по прошению вашему».

19. По возвращении же оттуда начал ангел излагать ему, в сколь великой скверне греховной вращается человечество ⟨...⟩

28. После того как ангел сказал и показал ему это и трудно исчислимое количество других вещей, которые мы ради сжатости опускаем на письме, брат оный пробудился вновь, когда петухи уже извещали криком о близости дня. Созвав тех братии, которые переночевали в его опочивальне, он, побуждаемый величием видения и мучимый невыносимым страхом и тревогою, изложил подряд все тайны сего видения и тут же выразил желание, чтобы явился отец обители и речь его была выслушана в присутствии оного. Когда же ему сказали, что братья, занятые ночным размышлением, не смеют нарушить тишины, он промолвил: «Вы между тем запечатлейте это на мягком воске, чтобы к восходу зари все уже предстало в готовом виде. Я же боюсь, что немеющим языком не сумею огласить виденного и слышанного. Ибо с такой обязательностью было мне приказано всенародно оповестить об этом, что я боюсь из-за греха умолчания быть пораженным без прощения, если благодаря моему безмолвию это погибнет и не станет известным всем. Последнее же предстательство святых девственниц, которое свершилось пред Господом ради долговечной жизни, оставило меня в неизвестности относительно того, касалось ли оно долготы жизни предстоящей или жизни вечной. Если же благодаря указанному предстательству не будет мне продлен срок жизни сей преходящей, то я без всякого сомнения, согласно уверению моего путеводителя-ангела, завтра преставлюсь». Побуждаемые этими речами, они запечатлели на воске по порядку все то, что было им рассказано.

29. Между тем по окончании утренних песнопений явился отец обители с некоторыми братьями, чтобы навестить его. Когда он стал у его ложа, тот попросил о тайной беседе. Тогда, по удалении остальных, аббат, удержав при себе нескольких братьев, остался сам – пять[9]. Когда показали то, что в ночной тишине было с трепетной поспешностью занесено на дощечки, он устно и письменно повторил все и, поднявшись на ложе, распростертый на земле, просил прощения своих проступков и умолял братьев о предстательстве за него перед Богом. Они же, увидев, что он не обезображен бледностью, не падает от изнеможения, не жалуется на боль в теле и не поражен ни ударом, ни каким-либо другим признаком смертельного недуга, утешительными словами с полной уверенностью старались воодушевлять его надеждой на продолжение жизни сей. Он же по-прежнему дал им ответ, что нимало не сомневается в завтрашней своей кончине.

30. Весь же день тот и следующую ночь и весь следующий день до вечера провел он, проявляя ужас пред призванием своим, мучась с плачем и воздыханием, то поручая себя отдельным лицам, то умоляя в письмах, обращенных к различным людям, чтобы они вымолили ему отпущение.

31. Когда вечерние сумерки последующего дня перешли уже в ночь, он, созвав братьев, известил их, что для него истек срок бренной жизни, и всячески просил их приступать к песнопению. Руководствуя, как регент, он заставил пропеть ради спасения души его все антифоны и начальные слова псалмов. По окончании сего он вздохнул несколько свободнее и, когда братья вернулись к ложам своим, он стал в волнении ходить взад и вперед. С приближением смерти пал он на постель и принятием напутствия завершил последний час жизни сей непостоянной.

Приложение

Акростихи из переложения «Видения Веттина», написанного Валахфридом Страбоном

〈...〉 Тягость суровых дождей и частые смены ненастья,
Ветров порывы его и гнев непогоды терзают,
Аще искупит он там, что грешным свершил небреженьем,
Ласково будет введен в палаты предвечного Бога,
Дабы, блаженство святых вкруг сего престола вкушая,
Он проводил свои дни, греха не касаясь вовеки.
Ангел прибавил к сему, что некий епископ аббату
Должен был кроткой мольбою помочь и благими делами,
А перед тем уж давно он сам, посланцу в сновиденьи
Лик свой явивши, просил архипастырю это поведать.
Худо епископ-отец и с насмешкою весть эту принял,
Ей не поверил и счел за обычную ложь сновидений.
Любвеобильным себя не явил к осужденному брату,
Мыслью ленив, и душой нерадив, и к добру непоспешен.
Горечи пыток зато теперь он со скорбью подвержен,
Собственных тяжких грехов вину искупает мученьем.
Ангела брат вопросил: «Где тобой обличенный томится?»
Дан был ответ: «На другой стороне тех же гор пребывает».
А что до сна, что сейчас упомянут был краткою речью,
Мы излагаем его по словам самого ясновидца.
Он же поведал нам так: «Восседающим в полном парами
Доме я видел того, о ком говорили мы прежде,
Авву, у коего кровь по бедрам и икрам стекала.
Лепету внял я его: “О сыне, поведай патрону –
Рок нас двоих осудил в безобразном жилище томиться,
Ибо два графа у нас купаются здесь беспрестанно,
Хляби купальни мутя и без отдыха плавая в оной.
Распространяют они смердящее в доме зловонье,
Узников жалких душа и запахом их выживая.
Ах, умоли ты его, чтоб послал он ко инокам честным.

Дабы они помогли поддержкой своей добронравной
Разом зловония гнет и прочие сбросить мученья
И перебраться туда, где нету ни стен, ни темницы.
Христолюбивейший сын, прошу, не забудь моей просьбы"».
Эти услышав слова из уст пришедшего с вестью,
Молвил епископ в ответ: «Сие, полагаю, фантазмы,
И оттого к измышленным речам не питаю доверья».
Эти, однако, его сомнения были напрасны:
Ангел вещал, что тот иерей, не внявший усопшим
И не спешивший помочь тому, кто нуждался в молитвах,
Ныне за это и сам неизбывною мучится мукой 〈...〉

. . . .

К этим приближась местам, узрел он того, кто когда-то
Авзонийской державой владел и кому подчинялся
Рима высокого род. Стоял он, не двигаясь с места,
Лядвия были его и уды терзаемы зверем,
И, не затронуты скверной, сияли все прочие члены.
Молвил при виде таком пораженный ужасом путник:
«Право же, сей человек, когда среди смертных царил он
Единовластно был столпом справедливости в людях,
Рвеньем всегда пламенел к делам во славу Господню.
А для служителей Божьих был верным щитом и подмогой.
Тем и вознесся в миру до высшего он процветанья,
О правосудьи радея и милостью радуя царство;
Ради чего же теперь он страждет в столь горькой юдоли,
Молви, прошу!» И в ответ поведал ему провожатый:
«Здесь он томится за то, что пятнал свою добрую славу
Похотью мерзкой, решив, будто добрыми можно делами
Грех сей постыдный стереть; в грязи он и принял кончину.
Тем не менее ждет его вековечное царство,
И для него уготована Господом высшая почесть».

[1] Латинская форма названия «Рейхенау».

[2] Вальдон был аббатом в Рейхенау в 784–806 гг., а потом до самой своей смерти в 813 г. управлял аббатством Сен-Дени близ Парижа.

[3] Противоположение, характерное для соперничества между черным и белым духовенством в Каролингскую эпоху: дьявол является в видении в образе клирика, а святые – в образе монахов.

[4] Диалог из книги IV о судьбе душ в загробном мире: Григорий Великий «Собеседование о жизни италийских отцов и о бессмертии души. Кн. 4 (S. Gregorii papae. «Dialogorum Liberi». IV // PL. 77, 152).

[5] «Блаженны непорочные в пути...» (Псалом 118).

[6] «Некоторый же муж, именем Анания, с женою своею Сапфирою, продав имение, утаил из цены с ведома и жены своей, а некоторую часть принес и положил к ногам апостолов...» (Деян 5, 1–2).

[7] Имена аббата Вальдона, епископа Адальхельма, клирика Адама, графов Одальриха и Руадриха раскрыты в акростихах Валахфрида Страбона в его переложении «Видения».

[8] Имя Карла Великого раскрыто в акростихе Валахфрида Страбона. Этот взгляд духовенства, скандализованного веселой жизнью двора, находил поддержку у Людовика Благочестивого и развивался параллельно панегирическим сказаниям вроде тех, которые собраны Ноткером Заикой.

[9] Имена присутствующих перечислены в переложении Валахфрида Страбона:

Первым из них был Хейтон, Эрлембальд же вторым по порядку,
Коих в начале сего воспели мы краткою одой,
Третьим лежащий был сам умудренный душою учитель,
Старец четвертый стоял, проживший премногие годы,
Тегаммор, Божий слуга, кому многолетнею жизнью
В дар вековечный даны почтенные всеми седины.
Славен сединами он, но славнее премудростью мысли,
В нравах же он без греха наследовал инокам древним;
Был он духовным отцом, в утоленьи печалей искусным.
Пятым остался Таттон, что, добрый, по милости Божьей
Был удостоен явить пример выдающихся нравов...

Дуода

*

Дуода, графиня Септиманская – первая известная нам поэтесса в новоевропейской литературе – происходила из знатного готского рода; в 824 г. вышла замуж за Бернгарда, графа Септимании (область Нарбонны), в 826 г. родила старшего сына, Вильгельма, а в 841 г. – младшего, Бернгарда. По неизвестной причине граф Бернгард с младенческих лет отнимал сыновей у Дуоды и воспитывал их вдали от матери. Свои материнские чувства Дуода попыталась излить в книге, которую она сочинила для старшего сына Вильгельма, когда ему исполнилось 16 лет. Ее заглавие – «Наставительная книга Доданы, которую она посылает сыну своему Вильгельму»; ее содержание – советы, как следует вести себя юноше по отношению к Богу, отцу, королю, знати, священникам, беднякам, усопшим родственникам и т.д.; ее форма – прозаическая, но с несколькими вставными стихотворениями, написанными ритмическим стихом; одно из них, представляющее собой краткий конспект всей книги, здесь приводится.

Разумеется, никакой учености от стихов женщины IX в. ожидать не приходится. Книга Дуоды написана на народной латыни, путающей все падежи и синтаксические связи, а в лексике пользующейся даже заимствованиями из арабского языка, господствовавшего в соседней Испании. Реминисценций из античных авторов нет, из христианских поэтов – очень мало, зато из Библии, которая, по-видимому, одна была источником образованности Дуоды, – огромное количество. Особенно интересен ритм стихотворения, не имеющий никаких аналогий в современной Дуоде латинской поэзии: можно думать, что поэтесса пытается передать по-латыни ритм родного ей готского стихосложения (известного нам, к сожалению, очень плохо). Строки – двухударные или трехударные, со свободным колебанием числа слогов; они сочетаются, и довольно искусно, в семистишные строфы. Стихотворение содержит акростих «Стихи к Вильгельму», в переводе опущенный. В конце стихотворения – указание на дату, 13 декабря 842 г., рождественский пост. Вся «Наставительная книга» Дуоды была закончена через полтора месяца, 2 февраля 843 г. После этого никаких известий о поэтессе мы не имеем.

Наставительная книга Доданы, которую она посылает сыну своему Вильгельму

Стихи к Вильгельму

1. Во здравье живи ты,
Милое чадо:
Не поленися
Речи усвоить,
Присланные в грамоте:
Легко в ней отыщется
Слово по сердцу.
2. Потщись читать живое
Слово Господне,
С прилежаньем святое
Помня ученье:
Сердце преисполнишь
Великой радостью
В вечные веки.
3. Царь безмерный и сильный,
Добрый и славный,
Пускай соизволит
Душу твою наставить.
О мой юный отрок,
Будь обороняем
Им ежечасно.
4. Смирен будь в помыслах
И целомудрен,
Телом же крепок
Для достойных деяний.
Выучись нравиться
Всем без различья,
Большим и малым.
5. Всех выше Господа Бога
Всем своим сердцем,
Разумом острым,
Силами всеми
Бойся с любовью;
А по нем твой родитель
Будь тебе дорог.
6. Тебе, добродетельный
Сын, порожденный
Древней семьею,
Род продолжающий,
Сияя средь знатных,
Стыдной не кажется
Служба родителю.
7. Чти своих оптиматов,
Знатным в чертогах
Кланяйся первый;
Равняйся со смиренными,
Сходись с дружелюбными,
Чтоб злые и гордые
Тебя не сломили.
8. Сведущих в святыне
Прелатов и клириков
Чти по заслугам;
Всюду протягивай
К блюстителям церкви
Руки в смиреньи;
Им доверяйся.
9. К вдовам же и сиротам
Часто склоняйся;
Странников тоже
Не обходи ты
Питьем и пищей,
Голых – одеждой,
И протяни им
Помощи руку.
10. В тяжбах будь
справедливым,
Мудрым судьею,
Мзды от судимых
Никогда не приемля
И не утесняя;
Воздаст тебе тем же
Блага податель.
11. Щедрым будь ты в даяньях
Бодрым и мудрым;

Скорби людские
Со тщаньем любовным
Облегчай охотно:
Бедных насыщая,
Ты не прогадаешь.
12. Всюду – один Податель,
Всем по заслугам
И делам воздающий,
Слову и действию
Мзду назначающий
Небесный Светоч.
13. Так заботься ж усердно,
Сын благородный,
И добивайся,
Чтоб не изведать
Мрачного возмездья
И смольного пламени
Жара избегнуть.
14. Хоть теперь твоя юность
В полном расцвете,
Лет твоих ровно
Вчетверо четыре,
Все ж ты вдвое старше
Кажешься телом,
Быстро растущим.
15. От меня ты уходишь
Все дальше и дальше.
Видеть хочу я
Красоты твоей обличье,
Если будет можно,
Хотя я этого
И недостойна.
16. Пусть для Того живешь ты,
Кто тебя создал,
С кроткою душою,
В окруженьи достойных
Слуг угождающих;
Круг же свершивши,
В горние взвейся.
17. Мысли мои, конечно,
Бродят во мраке;
Все же прошу я,
Чтоб эти страницы,
Писанные мною,
Читал ты прилежно,
Помня советы.
18. Вот стишки закончены
С помощью Божьей
По истеченье
Дважды восьми весен
В ранний день декабрьский
Апостола Андрея,
К явлению Слова.

[Увещания Доданы]

Божией милостью в девятый год[1], когда господин наш Людовик блистал, благополучно царствуя, наступил восьмой день Июльских календ[2], и во дворце Аквисгранис[3] я вступила в брак как законная жена с моим господином и твоим родителем Бернардом; и вдругорядь в тринадцатом году его царствования[4], в третий день Декабрьских календ[5], с помощью Божией, как я верю, произошло твое от меня рождение в мир, желанный первородный сын. Поскольку поднялись и возросли тягостные бедствия века сего, среди многих волнений и несогласий царства вышеназванный император, несомненно, пошел по пути всея плоти. Ибо не пришел к концу двадцать пятый год его царствования[6], как он окончил предназначенную ему жизнь века сего. После его кончины также на следующий год родился твой брат, произошедший вторым после тебя из моей утробы, по милости

Фрагмент иллюстрации к псалму 26. Миниатюра Утрехтской псалтыри.
Нессельштраус Ц.Г. Искусство раннего средневековья.
СПб., 2000. Ил. 51

Божией, в девятый день Апрельских календ[7] в городе Узекии. И ваш господин и родитель, Бернард, вместе с епископом вышеназванного города Элефантом и прочими верными своими приказал привезти к себе вот этого малыша, прежде чем он принял благодать крещения, в Аквитанские края. Когда в течение долгого времени по приказу моего господина я проживала в вышеназванном городе Узекии, тоскуя из-за вашего отсутствия, но уже не противясь своему жребию, по вашему общему желанию в соответствии с моим скудным умением я позаботилась написать и прислать тебе эту книжечку.

Тому же о том же

Пусть многочисленные заботы не позволяют мне увидеть твое лицо, однако лишь эта тягота, как говорит Господь, остается старшему по возрасту на суде Божием. Хотела бы я, чтобы Господь дал мне сил, но поелику далеко от меня, грешницы, отстоит спасение [см. Пс 21, 2], я жажду видеть тебя, и в этом желании ослабевает мой дух. Ибо я услышала, что твой родитель, Бернард, препоручил тебя в руки господина короля Карла. Увещаю тебя, прибавляй к стремлению усилие, чтобы этот благородный труд достиг совершенства. Однако, как говорит Писание, сперва во всем ищи Царства Божия, и тогда приложится все [см. Мф 7, 21], что необходимо твоей душе и телу для благополучного наслаждения.

Инициал «Q». Псалом 51. Псалтырь Вульфкоца. Ок. 835 г.
Культура аббатства Санкт-Галлен / Под ред. В. Фоглера.
Stuttgart, 1993. С. 83. Ил. 34

Инициал «Q». Псалом 51. Псалтырь. Фолькарта. 872–883 гг.
Культура аббатства Санкт-Галлен / Под ред. В. Фоглера.
Stuttgart, 1993. С. 89. Ил. 35

Благословляющий Христос. Миниатюра Евангелия Годескалька. 781–783 гг.
Нессельштраус Ц.Г. Искусство раннего средневековья.
СПб., 2000. Ил. 42

Источник жизни и вступление к Евангелию от Матфея. Евангелие Годескалька. 781–783 гг. *Нессельштраус Ц.Г.* Искусство раннего средневековья. СПб., 2000. Ил. 43

→

Евангелист Лука. Миниатюра Евангелия Ады. Около 800-х годов. *Нессельштраус Ц.Г.* Искусство раннего средневековья. СПб., 2000. Ил. 44

Поклонение Агнцу. Миниатюра Евангелия из монастыря Св. Медарда в Суассоне. Начало IX в. *Нессельштраус Ц.Г.* Искусство раннего средневековья. СПб., 2000. Ил. 45

Евангелист Иоанн. Миниатюра Евангелия из монастыря Св. Медарда в Суассоне. Начало IX в. *Нессельштраус Ц.Г.* Искусство раннего средневековья. СПб., 2000. Ил. 46

Евангелист Иоанн. Миниатюра Венского Коронационного Евангелия. Конец VIII в. *Нессельштраус Ц.Г.* Искусство раннего средневековья. СПб., 2000. Ил. 47

Евангелист Матфей. Миниатюра Евангелия Эбо. 816–820-е годы.
Нессельштраус Ц.Г. Искусство раннего средневековья.
СПб., 2000. Ил. 48

История Адама и Евы. Миниатюра Библии Мутье-Гранвалль. 834–843 гг.
Нессельштраус Ц.Г. Искусство раннего средневековья.
СПб., 2000. Ил. 52

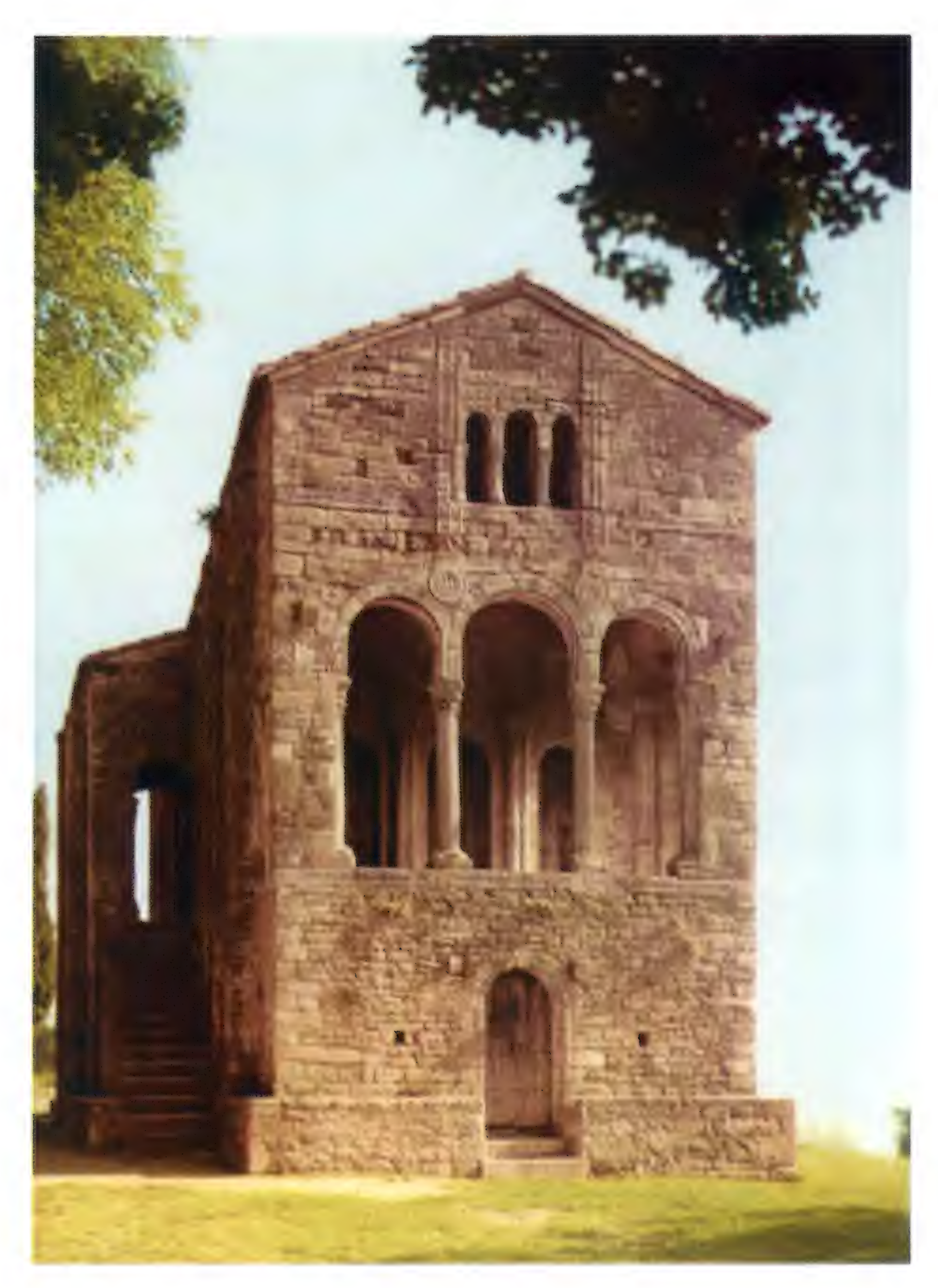
Танцующий Давид. Миниатюра Библии Вивиена. 845–846 гг.
Нессельштраус Ц.Г. Искусство раннего средневековья.
СПб., 2000. Ил. 53

Поднесение рукописи Карлу Лысому. Миниатюра Библии Вивиена. 845–846 гг.
Нессельштраус Ц.Г. Искусство раннего средневековья.
СПб., 2000. Ил. 54

Император Лотарь. Миниатюра Евангелия Лотаря. 843–845 гг.
Нессельштраус Ц.Г. Искусство раннего средневековья.
СПб., 2000. Ил. 55

«Драгоценность Альфреда». Alfred the Great.
L., 1983. Ил. 69

Ковчег Завета. Мозаика апсиды церкви Жерминьи-де-Пре.
Нессельштраус Ц.Г. Искусство раннего средневековья. СПб., 2000.
С. 253. Ил. 71



Церковь Санта-Мария-де-Наранко, Овьедо, Испания. 840-е годы.
Dixon Ph. Britek, Frankok, Vikingek.
Lausanne, 1976. Il. 68

О том, что дóлжно любить Бога

Должно любить и славить Бога не только Вышним силам, но и каждому человеческому созданию, которое ходит по земле и стремится к горнему. Ободряю тебя, сын Вильгельм, чтобы ты, находясь среди им подобных, всегда стремился взойти на неложную вершину вместе с достойными, приличными и любящими Бога людьми и вместе с ними мог достичь Царства, пребывающего без конца. Аминь.

Снова прошу и смиренно умоляю твою благородную юность, будто ты стоишь предо мною, а также и тех, кому тебе случилось бы показать для прочтения эту книжечку, чтобы они не осуждали или не опровергали меня за то, что я легкомысленно решаюсь проникнуть в тонкости столь мучительного труда и дерзаю направить тебе нечто из речений о Боге.

Еще увещание ему же

Еще увещаю тебя, о сын мой Вильгельм, прекрасный и любезный, чтобы среди земных забот века сего ты не ленился бы приобретать весьма многие тома книг, где при помощи твоих благоговейно почитаемых наставников ты должен нечто узнать о Боге Творце и научиться многому и еще большему, чем написано выше. Молись Богу, почитай Его и люби. Если что будешь делать, Он будет тебе Страж, Вождь, Спутник, Отечество, Путь, Истина и Жизнь [см. Ин 14, 6], подавая тебе весьма щедро процветание в мире, и всех недругов твоих обратит к примирению. Ты же, как написано в Книге Иова, препояшь чресла твои, как муж [Иов 38, 3], будь смирен сердцем, и чист телом, и устремлен к горнему. Будь весьма славен и надевай красивые одежды. И что более? Увещательница твоя, Додана, всегда рядом, сын, и если меня не будет, умру, что произойдет в будущем, у тебя останется это напоминание, книжечка, чтобы, словно в зеркальном изображении, ты мог, читая духом и плотию, видеть меня и Бога, умоляя Его о заступлении; и ты вполне можешь узнать, как ты должен почитать меня. Сын, да будут у тебя учителя, которые научат тебя многим и важным благим примерам, но ты горишь духом в сердце в иных обстоятельствах, чем твоя родительница. Сын Вильгельм первенец, читай, понимай и исполняй делом эти слова, мною тебе направленные, и брата своего меньшого, хотя я и не знаю его имени, после того как он принял благодать крещения во Христе, не ленись оберегать, питать, любить и побуждать от хорошего к лучшему: и когда он достигнет возраста, наиболее подходящего для беседы и чтения, покажи ему эту ручную книжечку, мною подаренную и во имя твое написанную, и увещай читать, ибо он плоть твоя и брат твой. Увещаю вас, как если бы вы были оба предо мною, я, родительница ваша, чтобы, угнетаемые среди земных забот века сего, вы по крайней мере временами устремляли сердце к горнему. С почтением взирайте на Царствующего в Небесах, Того, Кто зовется

Богом. Хотя я и недостойна упоминать о Нем, да соизволит Он, часто посещая вас вместе с родителем вашим, господином и государем моим Бернардом, чтобы вы были благополучны и радостны и во всем благоуспешно поступали, и после того как исполнится бег жизни, да известит вас, что вы входите, ликуя, вместе со святыми в Царство Небесное. Аминь.

О благоговейной молитве

Молитва называется «умом уст». Молись устами, взывай сердцем, вопрошай делом, чтобы Бог всегда спешил тебе на помощь, днем и ночью, в час и мгновение; когда упокоишься на ложе, говори тогда: «Поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне»[8] и «Слава» до конца. Затем молитву Господню, когда же ее исполнишь, говори: «Ты сохранил меня, Боже, днем, сохрани меня и этой ночью, если повелишь, и под тенью крыл Твоих я удостоюсь защиты, чтобы и в эту ночь, сколь мало бы я ни спал, да почию с миром, исполненный Св. Духа, защищенный покровом Царя и окруженный ангельской стражей, и если когда пробужусь, далее да узнаю из сновидения, что Ты мой Страж, Спаситель, явившийся блаженному Иакову Ступившим на лествицу [Быт 28, 10–13]». Когда ты исполнишь это, ознаменуй чело крестом и над ложем своим соверши крестное знамение во образ Креста Того, Кто искупил тебя, говоря так: «Кресту Твоему поклоняюсь, и Святому воскресению Твоему верую. Крест Твой Святой со мной, Крест, чтобы я Его всегда знал, всегда любил и всегда поклонялся; Крест мне спасение, Крест мне защита, Крест мне всегда покров и прибежище; Крест мне жизнь, а тебе смерть, диавол, недруг истины, наставник тщеславия; Крест мне жизнь, а тебе всегда смерть». И там же: «Твоему, Господи, Кресту поклоняюсь, Твое славное страдание почитаю, о Соблаговоливший родиться, страдать, умереть и воскреснуть из мертвых, Сущий со Отцем и Св. Духом. Благословение Отца и Сына и Св. Духа да сойдет и пребудет на мне, малейшем рабе Твоем Вильгельме. Аминь». Да будет этот Крест и благословение всегда с теми, кого я, немощная Додана, часто упоминаю, и как роса Ермонская, которая сошла на гору Сион [см. Пс 132, 3], или как благовония, вылитые на голову, которые стекли на бороду Аарона [см. Пс 132, 2], так и излияние благодати Иисуса Назареянина, Сына Божия, да сойдет и пребудет на тебе, куда бы ты ни пошел, и на брате твоем, который после тебя вторым произошел из моей утробы.

То же

Когда, с помощью Божией, встанешь рано или в какой час тебе позволят обстоятельства, скажи снова трижды «Боже...», как выше, затем молитву Господню; когда она будет исполнена, скажи: «Господь мой и Бог мой, восстань, помоги мне, вонми призыванию моему, с которым я рано молюсь

к Тебе, услышь голос мой, поднимись и устремись на суд мой, чтобы Ты сегодня присутствовал на тяжбе моей, Бог мой» [см. Пс 34, 23; 5, 4; 12, 5]. И что более, сын? Поднявшись, обуйся, как это в обычае, приготовляя себя к благовествованию Евангелия мира [см. Ис 52, 7; Еф 6, 15]. Пропой канонические часы, исполни служение свое, как написано: «Семь раз в день я произнес хвалу Тебе» [Пс 118, 164]. Произноси перед всеми приготовлениями своими главки [Евангелия?], как лучше знаешь или как найдешь возможность. Когда они будут исполнены, как выше, говори молитвы, смотря по тому, каков будет канонический час, и тогда вставай, чтобы выйти на служение во имя Бога Вышнего в сей временной жизни, и делай, что господин и родитель твой прикажет или повелит господин Карл, так, однако, как Бог позволит.

То же

Когда выйдешь из дома, имей память о Боге и знамение Креста и говори: «Помилуй меня, Милостивый Отче, и приведи шаги мои на тропы Твои, веди меня по пути Твоему, и направь во истине Твоей, помоги мне, Боже мой, сегодня и всегда, чтобы не возвели на меня клевету, не властвовала бы надо мной всякая неправда, но обрадуй сердце мое, которое стремится ко благу, пока, делая угодное Тебе, не удостоюсь, с Твоею помощью, достигнуть вечера» [см. Пс 16, 5; 85, 11; 18, 9]. Говори также: «Благословен еси, Господи Боже, Который помог мне и утешил меня, благословен Ты, от Кого происходит все благое, Кто живет» и так далее.

Увещание о том, что дóлжно исполнять по отношению к господину своему

С тех пор как Бог, как я верю, и родитель твой Бернард в начале твоей юности избрали цвет твоей силы на служение государю твоему Карлу, который и есть твой господин, доныне держись его, что подобает потомку, происходящему от двух родов великой знатности; служи не так, чтобы только ублажать взгляд, но еще, будучи способен к пониманию, и телом, и душой чистой и верной. Всегда храни верность во благо господина.

Да найдешь, что сделать достойное для поминовения достойных

Молись за предков родителя твоего, оставивших ему имение, принадлежавшее им, в законное наследство; имена их, как ты обнаружишь, записаны в последних главах этой книжечки. И хотя Писание говорит: «Во благе чужих возрадуется некто» [см. Пс 48, 11], однако не чужие, а твой господин и родитель Бернард владеет всем тем, что предки оставили ему; молись об

этих владеющих, молись, чтобы долгое время ты благополучно наслаждался их дарами. Я верю, что твой родитель милостиво увеличит твою долю из этого имущества, если ты подобающим образом и смиренно обсудишь с ним умеренность твоих достояний, ибо, покоряясь прежде милости Всемогущего Бога, он приказал щедро дать тебе нечто, а ты хотел большего; пусть же большую милость окажут ему души тех, кому это все принадлежало. Ты же, пока можешь и имеешь волю, непрестанно молись за их души. И не должно оставлять без внимания, сын, того, кто тебя принял из моих рук и посредством возрождения усыновил во Христе. Его имя, пока он был жив, называлось господин Теодорик; ныне же, как прежде, он был бы еще твой питатель и друг, если бы это было для него возможно. Как верим, его приняло лоно Авраамово; оставив тебя, будто младенца-первенца, в сем мире, он во всем передал все свои имения господину и главе нашему, чтобы они могли быть тебе на пользу. Сколько имеешь дерзновения, молись много за его прегрешения, если он сделал что-либо неправедно и не принес покаяния, особенно на ноктурнах, утрене, вечерне и прочих часах во время канонических молитв и в различных местах, с весьма благими людьми во множестве, сколько можешь, с помощью молитв благоговейных пресвитеров и раздачи милостыни беднякам и прикажи часто приносить за него Св. Жертву Господу. Когда же за него ко Господу твоему станешь изливать молитвы, говори таким образом: «Вечный покой» и так далее. «Душа его во благих водворится. В память вечную будет праведник [Пс 111, 17]» или как лучше знаешь. Когда исполнишь это, произнеси молитву: «Удостой поместить, Господи, тело и душу раба Твоего Теодорика в лоне Авраама, Исаака и Иакова, и когда придет день Славного Пришествия Твоего, повели, чтобы он воскрес в Господе среди святых Твоих».

Молись за усопших предков твоего родителя

И в действительности, прикажи часто служить торжество миссы и Св. Жертвы не только за него, но и за всех усопших верных. Ибо нет в этом роде лучшей молитвы, чем приношение Св. Жертвы. Говорится о сильнейшем муже Иуде: «Святое и спасительное помышление молиться об усопших [2 Мак 12, 46] и за них приносить Жертву, чтобы они очистились от грехов». Да упокоится с миром. Аминь.

О твоем возрасте

К сему времени тебе исполнилось четырежды по четыре года. Если бы второе дитя было столь же большое, я написала бы к нему другую книжечку; и если бы прошло столько же лет и еще половина до того времени, как я увидела бы твое лицо, я составила бы тебе более внушительное поучение в многочисленных словах. Но так как время немощи моей не медлит ко мне

и тягостная болезнь со всех сторон истощает тело, я знаю, что не смогу достичь вышеназванного срока и потому побуждаю тебя непрестанно отведывать это вот наставление, собранное второпях для тебя и брата, словно медоточный напиток и медовые соты, смешанные в пищу, полезную для уст. И действительно, время, когда я пришла в дом к твоему родителю или когда совершилось твое от нас рождение в сей мир, все запечатлелось в нас календами прошедших месяцев. Знай же, что с первой строки этой книжечки до последнего ее слова все написано тебе о важности спасения; и о том, что в ней содержится, прочти главы стихов, чтобы ты мог более легко перейти к тому, что следует ниже.

Скорблю в ожидании твоего возвращения

От безмерной сладости любви к тебе и желания увидеть твою красоту забываю себя, думая о себе меньше, и «хотя двери брачного чертога затворились» [см. Мф 25, 10], тем не менее, желаю войти внутрь. И пусть я недостойна быть причисленной к установленному числу гостей, все же прошу тебя, не прекращая, произносить из очевидной любви бесчисленные молитвы как лекарство, целительное для моей души. От тебя не скрыто, Вильгельм, сколько я перенесла по причине непрерывных моих немощей и по определенным причинам, согласно речи того же, кто говорит: «...опасности от родственников, опасности от людей» [2 Кор 11, 26] и т.д. Все это или подобное я вынесла, будучи в своей немощной плоти, по причине моих недостатков. Только помощью Божией и заслугами родителя твоего из всех этих опасностей я выходила с уверенностью; но в этих затруднениях дух мой ослаблялся, и если оглянуться назад, я часто ленилась воздавать божественные хвалы и семижды семь раз стояла праздной в течение семи канонических часов вместо того, чтобы славить Бога. И потому со смиренным чувством изо всех сил прошу, чтобы тебе доставляло радость непрестанно умолять Господне милосердие за мои ошибки и прегрешения, да удостоил бы Господь меня, поврежденную и отягощенную грехом, подняться к вышним. Пока ты видишь меня живой в этом веке, постарайся так бороться, бодрствуя любовью, не только бдениями и молитвами, но и милостыней бедным; и когда я буду вырвана плотью из оков грехов моих, да удостоит меня Милостивый Судия милостиво быть принятой со всеми в Небесное Царство. Мне необходима лишь твоя частая молитва или молитва других людей; молитва возрастет, и благодаря ее большей настойчивости я смогу быстрее прейти от дольних в горняя. Находясь в великой скорби из-за любви к тебе, мой дух весьма сокрушается со всех сторон при мысли о том, что со мною случится в будущем, и в то время как я хочу скорее освободиться из темницы сей жизни, я сомневаюсь в своих заслугах. Почему? Ибо согрешила помышлением и словом. Само же бесполезное речение приводит к неправедному делу. Хотя пусть будет так, я никогда не буду отчаиваться в Божием милосердии, не отчаиваюсь ни сей-

час, ни когда-либо; и чтобы я могла когда-либо достичь вознаграждения, не оставляю ни одного, подобного тебе, свидетеля, который бы столь боролся за меня, как ты. И многие поступали так же ради тебя, благородный отрок, за благо господина и владыки моего, чтобы мое по отношению к нему служение в пограничных областях или других местах не обесценилось; чтобы он не оставил ни тебя, ни меня, как в обыкновении у власть имущих. Я чувствую, что я весьма отягчена некоторыми долгами. По причине многих нужд я часто получала в свои руки не только от христиан, но и от иудеев многое из их имения; насколько это было возможно, я возвратила взятое, и насколько я смогу в будущем, всегда возвращу сразу после того, как взяла. Если после моей кончины останутся какие-либо долги, прошу и умоляю, чтобы ты сам тщательно разыскал тех, кому я задолжала. Когда ты найдешь их, не только из моего имения, если останется, но и из твоего, которым ты владеешь и до тех пор с помощью Божией праведно приобретешь, все всем прикажешь уплатить. Что более? О том, что по отношению к брату твоему меньшему ты должен делать, я наставляла тебя выше, наставлю и далее. Молю о том, чтобы он и сам изволил за меня молиться, когда достигнет надлежащего возраста. Ибо уже вас обоих равно наставляю вместе, чтобы вы соизволяли часто приносить за меня приношение Жертвы и предложение хлебов.

Кончается эта ручная книга. Аминь. Слава Богу.

Имена усопших

Узнай имена некоторых лиц, которые я пропустила выше и здесь кратко перечислю: Вильгельм, Кунгунда, Картберга, Витбурга, Теодорик, Готцельм, Гварнарий, Родлинда. Ибо они, с помощью Божией, соединенные браком в веке сем, принадлежат к вышеназванному родословию; и молитвенное призывание их во всем обращается к Тому, Кто создал их, как пожелал. Что в этом случае должно делать, сын, если не сказать с Псалмопевцем: «Мы [живые] будем благословлять Господа отныне и вовек [Пс 113, 26]. Аминь».

[1] 824 г.
[2] 29 июня.
[3] В королевской резиденции в Ахене.
[4] 826 г.
[5] 29 ноября.
[6] Людовик Благочестивый умер в 840 г.
[7] 22 марта.
[8] Пс 69, 2. Молитва Египетских отцов, принесенная в Европу прп. Иоанном Кассианом Римлянином как образец непрестанной молитвы.

Седулий Скот

*

Среди поэтов IX в. Седулий Скот – один из самых талантливых и своеобразных. Рядом с философом Иоанном Скотом Седулий Скот – центральная фигура так называемой третьей волны ирландского влияния на континенте. Сведений о его жизни очень мало, ни год рождения, ни год смерти его неизвестны. В истории европейской культуры он появляется на одно лишь десятилетие – между 848 г., когда он приезжает из Ирландии во Францию с посольством к Карлу Лысому, и 858 г., когда все известия о нем исчезают. В это десятилетие он живет в Люттихе (Льеже) вместе со своими товарищами-ирландцами, имена которых он перечисляет в одном из посланий: это Фергус «с нектароподобными молитвами», Марк «со щитом веры», Беухельм – «цвет мощных в духовных битвах», Бланд – «краса сражений со змием»; все это «колесницы Господни, светочи ирландского народа». Эта небольшая ученая колония прижилась в Люттихе под покровительством местных епископов Хартгария (840–855) и Франкона (855–901).

Неустойчивое положение пришлецов среди континентальных ученых требовало от ирландцев большой гибкости и обходительности, умения показать лицом свою ученость и искусно ладить со всеми покровителями и соседями. Это определило и стиль и жанры, характерные для творчества Седулия. В стиле Седулий стремится щегольнуть ученостью, пышностью и изысканностью образных и композиционных ходов, насыщает свои стихи античными мотивами (ср. набор античных имен в «Послании к Хартгарию»), в лексику вводит многочисленные грецизмы, по богатству метрических форм он превосходит едва ли не всех современников. Он экспериментирует с самыми разнообразными жанрами – среди его сочинений есть послания, гимны, эпиграммы, стихотворные инвективы, эклога-дебат, стихотворный анекдот. Но жанром, наиболее отвечающим его положению, оказывается панегирическое послание, посвященное тому или другому из покровителей. Чаще всего это, конечно, наиболее близкий – Хартгарий: поэт превозносит его до небес, слезно оплакивает его кратковременные отлучки, а когда аббат отправляется в Рим, то Седулий заклинает всех богов и все стихии воротить аббата целым и невредимым. Смерть Хартгария Седулий оплакал горестными сапфическими строфами, но это не помешало ему столь же пылко прославлять нового аббата, Франкона. Целый ряд посланий посвятил Седулий и другим сановникам, духовным и светским: аббату Фульды, епископам Мюнстера и Меца, графу Кёльнскому, маркграфу Эберхарду Фриульскому. Не миновал он в своих посланиях и императора Лотаря (в чьих владениях находился Люттих) с его супругой Ирмингардой и дочерью Бертой; впрочем, братьям-соперникам Лотаря, Карлу Лысому и Людовику Немецкому, он посвящает не менее пышные панеги-

рики – о политической принципиальности в его положении думать не приходилось.

В этих многочисленных стихотворениях Седулия Скота замечательнее всего та недвусмысленная шутливая откровенность, с которой он говорит о своих материальных нуждах. То он витиевато просит Хартгария позаботиться о новом жилище для его друзей, ученых-ирландцев (первое из нижеприводимых стихотворений); то он жалуется, что пиво им подают такое, которое похоже на пиво разве что цветом; то он увещевает трех баранов из епископского стада безропотно пойти под нож, чтобы из их шерсти ученым монахам изготовили плащи, а из их кож – пергамент для бессмертных стихов. В своей склонности хорошо поесть и выпить он признается охотно и открыто. Стихи такого рода близко напоминают стихотворные «попрошайни» будущих вагантов. Но у Седулия есть и более важная черта сходства с вагантами – его готовность ради красного словца шутить над самыми святыми для верующего христианина предметами: так, в стихотворении о баране, растерзанном собаками, не только неблагочестиво намекается (в «эпитафии») на обряд омовения ног, но и сам баран, пострадавший вместо разбойника, кощунственно сравнивается не с кем иным, как с Христом. Можно заметить, что в этом же стихотворении впервые в средневековой литературе встречается выражение «Голиафово племя», которое потом стало самоназванием вагантов-голиардов. Все это ставит Седулия Скота на видное место в светской вольнодумной традиции средневековой латинской поэзии.

Творчество Седулия Скота не ограничивалось стихами. Ему принадлежит большой трактат «Книга о христианских правителях», написанный по заказу императора Лотаря; проза в нем перемежается с вставными стихотворениями (по образцу «Утешения» Боэция), одно из которых, «О дурных правителях», приведено ниже. Из ученых его сочинений главным является «Collectaneum» – сборник цитат и изречений из латинских и греческих прозаиков, обнаруживающий хорошее знание греческого языка и исключительно широкую начитанность (даже если учесть, что многое он брал из вторых рук), – он знает даже речи Цицерона и «писателей истории Августов». Комментарии к богословским и грамматическим сочинениям дополняют круг его произведений. Они пользовались вниманием и переписывались (по крайней мере, в Люттихе) до XII в.

Послание к епископу, достопочтенному Хартгарию

Ваша кровля горит светом веселым,
Кистью новых творцов купол расписан,
И, смеясь, с потолка всеми цветами
В блеске дивной красы смотрят картины.
Вы, сады Гесперид, так не сияли:
Вас могло разнести бурей нежданной;
Здесь же цветикам роз, нежных фиалок
Не ужасен порыв бурного Нота.

Наш же домик одет вечною ночью,
Никакого внутри света не видно;
Нет красы расписной тканей богатых;
Нету даже ключа, нету запоров.
Не сияет у нас роскошь на сводах:
Копоть на потолке слоем нависла.
Если ты, о Нептун, дождь посылаешь, –
В домик наш моросишь частой росою.
Если Евр заворчит с рокотом злобным, –
Сотрясаясь, дрожит ветхое зданье.
Было так же темно логово Кака,
И таков Лабиринт был непроглядный,
Уподобленный тьме ночи глубокой.
Так и наше жилье – тяжкое горе!
Скрыто страшным на вид черным покровом.
Там при свете дневном ночи подобье
Заполняет углы храмины старой.
Непригоден сей дом, верь мне, ученым,
Тем, что любят дары ясного света;
Но пригоден сей дом воронам черным
И летучих мышей стаи достоин.
О Лантберт[1], собери, я умоляю,
Всех слепцов, и затем здесь посели их.
Да, поистине, пусть домом безглазых
Этот мрачный приют вечно зовется.

Ныне ж, отче благий, пастырь пресветлый,
Это зло прекрати, цвет милосердья!
Сделай словом одним, чтобы украшен
Был сей мрачный покой, света лишенный,
Чтобы в нем потолок был живописный,
Был бы прочный замок, ключ неослабный;
Пусть стеклянные в нем окна прорубят,
Дабы Феб через них луч свой направил
И твоих мудрецов, славный епископ,
Осветил бы своей светлою гривой.
Так, владыка, и вам в горней твердыне
Лучезарный покой, дивно прекрасный,
Предоставит навек длань Громовержца
Там, в небесном своем Ерусалиме.

Ворота монастыря Лорш. IX в.
Нессельштраус Ц.Г. Искусство раннего средневековья. СПб., 2000. С. 251. Ил. 31

На поражение норманнов[2]

1. Пойте, небеса, и земля, и море,
Пойте, веселясь, все Христовы люди,
Удивляйтесь все Громовержца – Бога
Силе могучей.
2. Благости Отец, достохвальный вечно,
Всех великих дел всевеликий Зодчий,
Манием руки все располагает,
Света владыка.
3. Милосердный Царь и спасенье мира,
Поражая злых, награждает кротких,
Поднимает дол, принижает гору
Силой всевысшей.
4. Истины лучи проливает сам он
Праведным в сердца и в зерцала мысли
Тех, кого всегда защищает мощно
Добрый Создатель.
5. Ну же, бедняки, богачи, миряне
И венчанный сан иереев добрых,
Люди всяких лет и полов и званий,
Рукоплещите!
6. Властного Отца всемогущей дланью
Ныне сокрушен пораженьем быстрым
Злых норманнов род, супостатов веры.
Господу слава!
7. Строятся войска на широком поле,
Полыханье лат разлилось на солнце,
Сотрясает гул голосов враждебных
Горние сферы.
8. Обе стороны посылают стрелы,
Датчанин идет на свою погибель,
И железный дождь рассевает всюду
Грозное войско.
9. Долгие года все алкавший крови,
Вдосталь напился утеснитель жадный.
Сладко было им злым смертоубийством
Сердце насытить.
10. Тот, кто яму рыл, сам в нее попался:
Как надменный столп, водруженный древле,
Так упал, Христом уничтожен в битве,
Род супротивный.

Христос во славе. Рельеф на пластине слоновой кости. Оклад Евангелия из Лорша. Начало IX в. *Нессельштраус Ц.Г.* Искусство раннего средневековья. СПб., 2000. Ил. 58

11. Распростерт народ многолюдный, крепкий,
В месиво истерт, проклятый вовеки,
Съела смерти пасть их отродье злое.
Славься, Спаситель!
12. Говорят, что там полегло народа,
Кроме всех простых неизвестных смердов,
Средь кровавых рек на ужасном поле
Три мириады.
13. Справедлив Судья, повелитель мира,
Наш Христос, любовь христиан смиренных,
Славы государь, покоритель злобных,
Высший на царстве.
14. Стал он нам столпом и щитом спасенья,
Поразив в бою род Гигантов мощных[3],
Имя же его выше всех на свете
Благословенно.
15. Так свершил Он месть своего народа,
И пучиной вод захлестнул Египет
В древние года, колесницы ринув
Быстрые в бездну.
16. В пурпуре Христос надо всеми правит,
Коих встарь святой сотворил Родитель;
Будь благословен, прославляем нами,
Отпрыск Давида!
17. Пусть взойдет к нему фимиам молений,
Славим мы его благочестьем нашим;
Пусть гласит свирель выше звезд небесных
Песнь восхваленья!
18. Пусть же славы плеск, прогремев «Осанна»,
Воспоет Отца, и Христа, и Духа,
Их же небеса, и земля, и море,
Век славословьте.

Словопрение Розы и Лилии

Поэт:

Время свершало свой цикл, на четыре деленья разбитый.
Зазеленела земля, нарядившись в пестреющий пеплум.
Спорят с гирляндами роз цветы млечно-белой лилеи.
Роза ж раскрыла уста пурпурные с речью такою.

Р о з а:

Пурпур – царство дает, и в пурпуре – царская слава;
Белый же цвет нелюбим королям и весьма непригляден.
Бледность на скорбном лице есть верный знак увяданья,
Цвет же багряный всегда почитался во всей поднебесной.

Л и л и я:

Любит меня Аполлон, земли златокудрое диво:
Он изукрасил лицо мое чистотой белоснежной.
Что же блистаешь ты так, багрянцем стыда залитая,
В тайном сознаньи вины? От нее ль твои щеки зарделись?

Р о з а:

Я – Авроры сестра, сродни я богам высочайшим,
Феб меня возлюбил: я – вестница светлого Феба[4].
Рад Люцифер пробегать пред лицом моим с ликованьем,
Ибо алеет во мне девической скромности нега.

Л и л и я:

Ты ли такие слова извергаешь в напыщенной речи,
Что тебя приведет заслуженно к вечным мученьям?
Ведь диадема твоя и так пробита шипами –
О, как розовый куст колючками грубо истерзан!

Р о з а:

Что ты яришься в речах, бороздами изрытая старость?
То, что ты ставишь в укор, звучит для меня похвалою:
Все создавший Творец окружил меня колкой оградой,
Розовым личикам он преславную дал оборону.

Л и л и я:

Нежно головку мою венчает краса ореола;
Не изукрашена я жестоким венцом из колючек;
Я из сладчайшей груди белоснежный свой сок источаю.
Вот почему средь цветов я счастливой слыву королевой.

П о э т:

Юноша, Гений Весны, возлежал на траве цветоносной.
Весь его дивный убор расцвечен был зеленой травою,
И бальзамический дух от него услаждал обонянье;
Вкруг пышноцветной главы распустился венчик чудесный.

Г е н и й В е с н ы:

Милые дети, – он им говорит[5], – о чем ваша распря?
Знайте, что вы – близнецы, землею рожденные сестры.
Разве прилично родным вести горделивые споры?
Дивная Роза, молчи: твоя слава гремит во вселенной.

Скипетром белым своим пусть лилии царственно правят.
Блеск ваш и ваша краса вам вечную славу приносят.
Роза в наших садах пусть явит стыдливости образ;
Лилии, блеском своим подражайте лучистому Фебу.
Роза, ты алым цветком нам мучеников представляешь;
Девственниц явят красу лилеи в белых одеждах.

П о э т:

Гений Весны, их отец, наградил их лобзанием мира
И по-родительски вновь водворил меж девиц он согласье.
Лилии вновь прилегли с поцелуем к пунцовой сестрице;
Та же, играя, уста прикусила им в шутку шипами.
Чистых лилий цветки посмеялись над девичьей шуткой,
Жадный розовый куст напоив молоком амброзийным.
Роза же в дар им несет цветов своих алые чаши,
Тем превеликую честь воздавая сестре белоснежной.

О некоем баране, истерзанном собаками

Высокомощный Господь, соделавший тварей вселенной,
    Тех, коих кормят моря, воздух небес и земля,
С честью премногой тогда приумножить изволил баранов[6]
    И среди блеющих стад им воеводство вручил.
Тут же их добрый Творец одел шерстоносным покровом,
    В жирный мясистый пеплон крепко укутал их он.
Вооружил он им лбы искривленным загнутым рогом,
    Чтобы сражаться могли и с рогоносным врагом.
В обе ноздри вложил им Бог горделивую силу,
    Даром сопенья большим облагодетельствовал.
Эти святые рога простоты преисполнены кроткой:
    Благочестивы они, яд смертоносный им чужд.
Думаю я, оттого и любовь во всех зародилась
    К мясу обильному их, к тучному чреву любовь.
Я поклянусь пятерней (и в том не солгу я нимало):
    Сам я их очень люблю, и обожаю, и чту.
Этой священной любви не потопят летейские волны:
    Всею душой я твержу то, что уста говорят.
Эти мои стишки приветствуют, славят баранов,
    А что не лживы они, знаешь ты, Отче Благий.
Сам от своих ты щедрот нам, черным, пожаловал черных[7]
    Ныне баранов, а то часто и белых дарил.

Слушай же: тот, кто из них красивейшим был и жирнейшим,
Вот каковою, увы, смертью жестокой погиб.
Высокодоблестных стад гораздо славнейший блюститель,
Не был он равен ни с кем, даже ни с кем не сравним.
Твердостью крепких рогов и их добродушною мощью
Он превзошел без труда всех рогоносных стада.
Он белоснежным руном и белым прославился зраком,
Неустрашимым в бою он победителем слыл.
Любит небесный Овен его любовью безгрешной,
И соправителем взять в царство свое возмечтал.
Любит Луцина его многомощная, думая сделать
В небе горящей звездой светлого ради руна[8].
Рада она, говорят, любоваться белою шерстью –
Пан, Аркадии бог, шерстью ее обольстил[9].
Люб он, конечно, и мне, ибо сердце мое не из рога –
Кто не полюбит его, кто, кроме разве глупца?
Вы ж по своей доброте, никому не дающей отказа,
Благоволили отдать это сокровище мне.
Но Фортуна, всегда враждебная нашим утехам,
С Титиром[10] скоро меня, бедная, вновь развела.
Вор объявился у нас, из негодных сынов Голиафа,
На эфиопа похож, Каку подобный злодей.
Страшен с виду он был и черен зловредным обличьем,
Груб в поступках своих, столько же груб и в речах.
Взял тебя, добрый баран, и повлек нечестивою дланью:
Через терновник, увы, бедного он протащил.
Кроток был ты вельми и очень спокоен душою,
Быстро несясь по полям, о злополучный баран.
Хищная стая собак рассмотрела, что вором бегущим
Великодушный сей был вождь рогоносный влеком;
Тотчас отважный отряд несется большими прыжками,
Шум превеликий возник, и суматоха, и гам.
Жадные пасти раскрыв, бегут за покражей и вором:
Лаем наполнился лес, в роще зеленой – содом.
Что же тянуть мне рассказ? Изловлен баран мой тишайший,
Вор же, спасаясь во тьме, мчится быстрее, чем Нот.
Брошен один средь собак, баран неустанно сражался,
Грозным рогом своим множество ран нанося.
Псы в изумленье стоят, побежденные зверем двурогим,
Думая, что пред собой видят свирепого льва.
Все они против него собачьими глотками лают;
Он же, великий, вещал благочестивейшим ртом:

«Что это ныне за гнев обуял ваше сердце? – сказал он,
    Знайте: Хартгария я преосвященного раб.
Не злонамеренный тать и не оный лукавый воришка,
    Нет, я – смиренный баран, стада державнейший вождь.
Если задумали вы поразить врага и тирана –
    Вор недалеко ушел: вместе захватим его.
Если же хриплый ваш лай и эта свирепая ярость
    Думает мне угрожать, кроткому, грозной войной, –
То головою своей, прегордыми сими рогами
    И челом я клянусь: дам я достойный отпор».
Речью подобною вмиг смягчил он звериные души:
    Мир водворился средь псов, и отступили они.
Но среди них был один, как лаятель оный Анубис[11],
    Коему Тартара пес, Цербер, прадедушкой был.
Глоткой тройною привык он пугать медведей неуклюжих,
    Робких оленей гонять, деду подобен во всем.
Сей, увидавши, что мир снизошел на свирепое племя,
    Челюстью заскрежетал и ощетинился весь.
«Как, – возгласил он, – овца под личиною лживого мира
    Вас провела, как лиса, сыпя хитро словеса?
Это и есть тот вор или вора сподвижник зловредный, –
    Вот почему под листвой оба укрыться хотят.
Я присягаю, что он – причина всему злодеянью,
    Он, что речами нам – мир, рогом – угрозу несет».
Тут лжеречивого в пасть, потрясши во гневе рогами,
    Мощный баран поразил, двое зубов поломал.
Равным же образом лбом чело сокрушил он собачье;
    Быть бы победе за ним, если б не вздумал бежать...
Мчится, главу очертя, покинув врага, победитель,
    Он опрометью бежал, улепетнув в простоте.
В тернии он на бегу попадает, в колючий кустарник;
    В этих шершавых кустах благочестивый застрял.
С тыла немедля насел на несчастного Цербер проклятый,
    И окровавленным ртом страшную рану нанес.
Вот бездыханный баран упадает (о вид небывалый!),
    Вкруг орошая шипы кровью багряной своей.
Слышно рыдание нимф, и воплем леса огласились:
    Стонами блеющих стад встречена весть о беде.
О белоснежном и ты, Луцина двурогая, плачешь,
    И справедливо скорбишь; в небе ж рыдает Овен.
Чем он конец заслужил, бесхитростный, праведный, скромный?
    Вакха даров не вкушал, не пил сикера вовек;

Не совратили его с пути ни безмерное пьянство,
Ни пиры королей, ни возлиянья вельмож.
Пищей служила ему обычной трава луговая;
Мозель водою своей жажду его утолял.
Также пурпурных одежд не желал он душой ненасытной:
Был он доволен вполне платьем своим шерстяным.
Он на лихом бегуне не скакал по отрадным дубравам:
Силою собственных ног скромно он путь совершал.
Не был он лживым в речах, никогда не грешил суесловьем:
Знал лишь «ба-а и бе-э», пару мистических слов.
Древле за грешных вины высокопрестольнейший Агнец,
Бога единого сын, злую кончину вкусил:
Так же, о добрый баран, растерзан безбожными псами,
Вместо грабителя ты смертный свой путь совершил.
За Исаака овен священный убит был когда-то:
Так за несчастного ты жертвой угодною пал.
О, прещедрая власть и кроткая благость Господня!
Он не хочет людей смертью позорной губить.
Божья десница с небес защитила негодного татя
Так же, как некогда Бог вору помог на кресте.
Благодари же Его, вор злобный, противный, коварный,
И, псалмопевцем тверди, жалкий, святые слова[12]:
«Днесь вознесла на Олимп меня десница Господня,
Но не умру, буду жить, Божьи дела возвещать.
Строго меня покарал, наказуя, Господь благосклонный,
Смерти ж не предал меня и от убийцы упас».

Эпитафия

Добрый баран мой, прости, славный вождь белоснежного стада
Нынче лежишь ты, увы, мертвый в саду у меня.
Может быть, друже, тебя ожидает горячая баня:
Гостеприимство само нас побуждает к тому.
Преданный сердцем, я сам приготовлю тебе омовенье
Для рогоносной главы, да и для ножек твоих[13].
Был ты мне дорог, поверь, и мать, и вдова твоя тоже;
Также и братьев твоих буду я вечно любить.
Прости.

О дурных правителях

Те цари, что злыми делами
Обезображены, разве не схожи
С вепрем, с тигром и с медведями?
Есть ли хуже этих разбойник
Между людьми, или лев кровожадный,
Или же ястреб с когтями лихими?
Истинно встарь Антиох с фараоном,
Ирод вместе с презренным Пилатом
Утеряли непрочные царства,
С присными в глубь Ахерона низверглись.
Так всегда нечестивых возмездье
Постигает и днесь, и вовеки!
Что кичитесь в мире венками
Изукрасясь, в пурпур одевшись?
Ждут вас печи с пламенем ярым;
Их же дождь и росы не тушат.
Вы, что отвергли Господа Света,
Все вы во мрак загробного мира
Снидете; там же вся ваша слава
В пламени сгинет в вечные веки,
А безгрешных в небе прославит
Высшим венцом и светом блаженным.

Из «Притч греков»

Сии речения от разумности греков, словно многоцветные драгоценные камни, словно стрелы пэанов[14], которые, будучи собраны из колчана их знания, могут уничтожить болтовню глупцов, мы желаем собрать неустанным трудом. Некоторые предлагают нам слова, изогнутые, подобно лукам, изречения со вкусом, подобным колючке или острию копья, желая, чтобы они были медоносными. Но речения этих людей полны горчайшего яда, как написано: «яд аспида под устами их» [Пс 139, 3]. И в другом месте: «...сыны человеческие ... у которых зубы – копья и стрелы, и у которых язык – острый меч» [Пс 56, 5]. По этой причине мудрым до́лжно соблюдать и внимательно изучать сказанное нами прежде. Ведь любая дорога мудрости и знания, которая не становится торной при помощи частого чтения и прилежного размышления, зарастает, словно путь в безлюдных местах. Ибо, как «полевая трава» и «лилии полей» [Мф 6, 28–30] скрывают нехоженую дорогу, так и нечастое размышление над знаниями и бесплодная беспечность скрывают сердце читателя в помрачении и невежестве. По этой причине до́лжно вни-

мательно изучать мудрость древних и Писания, чем можно победить первоосновы еретического учения, противостоя их речениям и ядовитым обобщениям, нападения каковых следует тщательно остерегаться верным. Ведь подобно тому как некто сунет палец в осиное гнездо и все осы устремятся на него, так и единодушное нападение еретиков и их злое многословие одобряются неверными. Эти же речения мы пишем против лающих псов, которые неистово нападают на нас с отверстыми пастями, чтобы мы могли воинствовать, согласно речению апостола: «В слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке» [2 Кор 6, 7].

Начинаются «Притчи греков»

Мудрец помогает мудрецу, глупец превозносит речи глупца.

Если мудрец согласится с мудрецом, их зовут двумя мудрецами; если же мудрец сблизится с глупцом, они становятся двумя глупцами.

Слово мудреца – ключ к разысканию, слово глупца – смятение многих.

Всякий праведник скор на то, чтобы вынести суждение; лжец же медлит, вынося истинное суждение.

Благодаря многословию речи падают в прах; благодаря молчанию слова воспаряют к небесам.

Находящийся в поле может быть побежден; находящийся в городе может оказать сопротивление.

Прямая стрела находит то, что ищет; старая стрела не устремляется туда, куда ее посылают.

Ученый читатель – сильный стрелок; забывчивый читатель – гибель города.

Никто не защищен достаточно от близкой опасности, всяк искусен, избегая далекой опасности.

Истинное знание – светильник на земле, незнание с самоуверенностью порождает заблуждение.

Когда обретается засов [на вратах], врагам не напасть.

Когда вспыхивает война, судьи молчат.

Милость вдвойне, когда то, что долго ищешь, обретаешь неподалеку.

Лицо мудреца не скрывает незнания, лицо глупца наводит туман на знание.

Знание мудрых людей – укрепление и столп доблести, уловки глупцов – темное смешение злобы.

Когда разрешается вопрос, несогласие угасает.

Сила Божия больше всего, что испрашивается в молитве, сила человеческая преходяща.

Работящая жена – мужу веселие.

Труд разумного считается острым мечом, дело глупца – сыпучим песком.

Праведник строит на скромном основании и, возрастая со временем, дает прирост, подобно горчичному зерну.

Богатства нечестивцев быстро поднимаются, словно полевые цветы, и в свое время быстро погибают.

Все, что имеет праведник, подобно плодородному саду; имение нечестивого подобно березовой роще в безлюдном месте.

Речи глупцов – дурные советы, слюнявая жвачка – беседы грешников.

Подножие ступням ленивца – лень его. Ленивец подобен зубилу, которое не может сделать ничего хорошего, если по нему не ударит молот.

Разумный призывает на совет разумного и ничего не делает без его совета, глупец же размышляет сам с собою и что хочет, то и делает без совета прочих.

Всякая мудрость, к которой никто не прибегает, кажется погасшим светильником и становится подобна бесплодному дереву.

Лживый старец убивает молодого человека.

Речение праведника – угасание разногласий.

Неуверенная речь – признак лжеца, она не имеет основания истины.

Всякий неимущий во время несчастий сулит много, когда же обретает благо, все, что обещал, предает забвению.

Старец и отрок

Старец сказал, обращаясь к отроку:	Если ты желаешь быть моим учеником, я обучу тебя тому, что ты не знаешь.
Отрок:	Никогда не видано было, чтобы слепой просвещал зрячего и незнающий направлял идущего верным путем.
Старец сказал:	Я знаю, что над твоей дерзостью должно властвовать пинками и палкой.
Отрок сказал:	Как ты суров речью, так ты окажешься немощен руками.
Старец сказал:	Ты весьма раздражаешь меня, но до сих пор я сострадал твоему младенчеству.
Отрок:	Я вижу, что ни сердце твое не преисполняется понимания, ни язык твой не достаточен для бесед.
Старец:	Чем больше ты будешь говорить, тем больше будешь обнаруживать свою глупость.
Отрок:	Если муж мудрый спорит с глупцом, он или гневаетя, или смеется, но не находит покоя.

Старец: Уста твои всегда лгали и не могут говорить истины; итак, приложи палец к устам своим и умолкни.

Отрок: Невозможно, чтобы из горького источника исходила сладкая вода и чтобы на сухом дереве висели сочные яблоки.

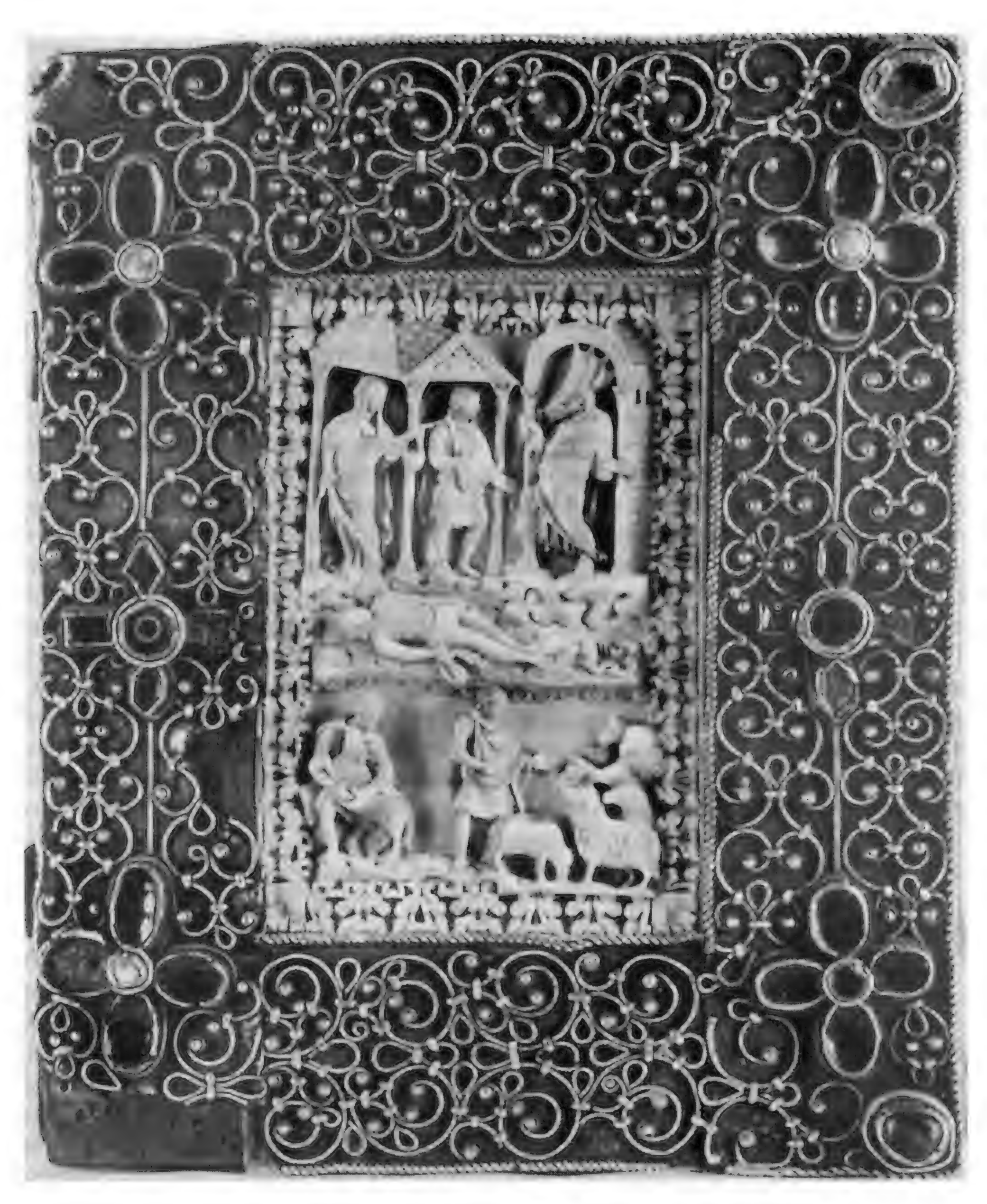
Из книги «О христианских правителях»

Глава 3

О том, с помощью какого искусства и трудолюбия может укрепляться преходящее царство

Мудрецы пришли к заключению, что кратковременное царство века сего совершенно похоже на кружение быстрого колеса[15]. Ибо, как кружение всякого колеса низвергает то, что только что было наверху, и подымает вверх то, что только что было низвергнуто, так и слава земного царства приносит с собой то внезапное возношение, то внезапное низвержение, ибо земное царство имеет не истинные, но воображаемые и скоропреходящие почести. Ведь истинное Царство то, которое пребывает в вечности; то же, которое преходяще и тленно, являет не истину, но некое в ничтожной степени подобие истинного и непреходящего Царства. Ибо как небесный свод, расписанный разными украшениями, быстро блистает изгибом радуги, так, без сомнения, достоинство мирской славы, хотя и разукрашено ныне, однако быстротечно. Итак, при помощи какого искусства, какого усердия и сколь великого попечения эта нестойкость приводится к некому подобию стойкости. Может быть, земное царство укрепляется жестокой силой оружия или согласием миротворящей тишины? Но, напротив, в самом оружии и грохоте войн видится великая неустойчивость. Ибо что более сомнительно и неустойчиво, чем исход военных дел, где не определен никакой исход тяжкой битвы, где нет уверенности ни в какой победе, где часто более сильные побеждаются более слабыми! Поистине, подчас для любой из двух сторон равно случаются повороты в другую сторону: и те, и другие, предвкушая победу, ничего не имеют в конце, кроме губительной беды. Кто может изъяснить, сколь великое зло выступает также под ложным именем мира, когда этот мир, кажущийся нерушимым и твердым среди благополучия, тем временем превращается в пагубные бури раздоров из-за дурных советов злых людей. По этой причине в оружии всегда видна непостоянность, в мире – тщета.

Итак, на что же иное остается полагаться, как не на то, что сердце царя и все упование надежды зиждется не на силе оружия и людей, не на преходящих кознях мирного времени, но на милосердии Всемогущего, могущего укрепить царство, которое Он дал, в несчастиях или в благоприятных



Покаяние Давида. Рельеф на пластине слоновой кости. Оклад Псалтыри. 860–870-е годы. *Нессельштраус Ц.Г.* Искусство раннего средневековья. СПб., 2000. Ил. 59

обстоятельствах? Итак, да не будет служение правления лишено верного благочестия, да не оставит сердце владыки Того, от Которого дарованы столь великая милость и славное служение. Лишь бы Сей Вышний Правитель не отнял у него данную ему милость, сочтя его недостойным, если бы узнал, что тот, кого Он поставил как верного правителя, оказался неверен. Ибо если земной царь пожелает лишить какого-нибудь неверного человека врученной ему власти и передать ее другому, о котором точно знает, что он более верен, сколь большую силу имеет Вышний Податель всяческих, Которого не могут обмануть облака вероломства, отнимать свои милости у грешников и давать их другим, о которых Он знает, что они более годны для исполнения Его воли? По этой причине и нечестивый Саул, царь Израильский, был лишен царства и жизни, ибо он не был верным служителем пред Господом. И поистине, Всемогущий нашел мужа избранного Давида по сердцу Своему, которого поэтому поднял на вершину царской власти, ибо Он избрал сего мужа, предвидя, что тот будет верным служителем. Итак, да стремится благоразумный правитель укрепить сердце свое в благодати Всевышнего, если желает хранить преходящее царство, ему вверенное, в неком подобии устойчивости. И так как Господь, к Которому должно прилепляться любовью сердца, справедлив и милосерден, да явит земной правитель дела милосердия, чтобы пожать личную славу воздаяния. Пусть он любит и охраняет справедливость, пусть отклоняет своих подданных от несправедливых и злонамеренных дел и с похвальной ревностью, которая есть следствие опыта, пусть исправляет согрешивших. В то время как правитель тверд в Божественных предписаниях, его царство все более и более укрепляется в веке сем и вышней помощью приводится к вечной радости постоянства.

Глава 6

О том, каких советников и друзей приличествует иметь доброму правителю

Как говорят, нет более сложного искусства в человеческих делах, чем хорошо властвовать и предусмотрительно править государством среди бурь века сего. Это искусство доходит до предела совершенства тогда, когда само государство имеет разумных и лучших советников. В советах должно соблюдать тройное правило. Первое, чтобы Божественное предпочиталось человеческому, когда «должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» [Деян 5, 29]. Итак, если кто, словно добрый правитель, решит и возжаждет благополучно управлять кораблем государства, пусть не пренебрегает, храня их, благими советами Божиими, которые открыты в Св. Беседах. Второе правило относительно советов таково: осмотрительный правитель основывается не столько на своем суждении, сколько на советах своих

разумнейших людей. Отсюда произошло это всегда весьма полезное речение императора Антонина[16] по поводу советов: «Правильнее, чтобы я следовал совету столь многих верных друзей, чем чтобы столь многие верные друзья следовали моей воле». О том же самом также свидетельствует и Соломон, говоря: «Без совета предприятия расстроятся, а при множестве советов они состоятся» [Притч 15, 22] и «благоденствие там, где много советников» [ср. Притч 11, 14]. Ибо разумный призывает на совет разумных и без их совета ничего не творит. Глупый же помышляет сам в себе и быстро творит без совета других, что пожелает. Далее, третье важное правило, которое должно строго соблюдать в советах, состоит в том, чтобы добрый правитель не имел коварных и опасных советников. Ибо кто должен полагаться на советы злоумышленников? Как глубокий ров посреди полей, и западня на улицах, и путы, где их не ждут, сковывают ноги иных, так советы неблагочестивых, смешанные с ядом низости, дурным образом препятствуют на пути праведным. Как добрые советники возвышают государство, так дурные ввергают его в бедствия посредством гибельных несчастий. Итак, следует отстранять таких советников и всеми способами удалять их; ибо никогда не будут преданы своему земному владыке те, кто, ведя дурную жизнь, презирает заповеди Божии. Кто же может быть благ, будучи по отношению к самому себе дурен? Но так же, как должно распространять спасительные советы и предписания Божии, так подчас должно держать в тайне от врагов советы разумных правителей. Ибо в государстве нет лучших советов, чем те, которых не узнает противник. Путь делается безопасным оттого, что враги не подозревают о том, что должно быть сделано. Две вещи в высшей степени противоположны совету – поспешность и гнев. Гнев потемняет душу, чтобы она не видела полезного совета; потому пространные советы по большей части забываются. Тогда лишь весьма полезный совет имеет своим исходом процветание, когда упование царя коренится в помощи Всевышнего. Откуда же, после Бога, происходят добрые советы, если не от верных и лучших друзей, удостоенных просвещения Вышней благодатью, чтобы они не ошибались в совете? Благодаря их осмотрительному и внимательному размышлению, по вдохновению Божественного Милосердия, часто срывается виноград спасительного совета. Пусть не будет так, чтобы у доброго правителя друзья были жестокие тираны, словно злобные драконы, потому что добрый правитель представляется нам под образом зверя пантеры. Как пантера, род четвероногих, как ей приписывают физики, друг всем животным, кроме дракона, добрый государь хранит дружбу с теми, о честности которых знает. Кто же эти добрые друзья, если не те, кто добродетелен и достоин почтения, не злобен, не вороват, не властолюбив, не лукав, не согласен на зло, не враг добрым людям, не распущен, не жесток, не обманщик своего владыки, но тот, кто непорочен, воздержан, благочестив, кто любит своего владыку, кто не насмехается над ним и не хочет, чтобы насмехались другие, кто не лжет, не лицемерит, ни-

когда не вводит его в заблуждение, но правдив, рассудителен, разумен и во всем верен своему господину. Благодаря таким людям государство пребывает в сохранности, доброе имя благочестивого владыки возвеличивается и его слава возрастает.

Глава 7

О том, что делает правителей дурными

Ныне ход повествования требует, чтобы мы еще кратко сказали что-нибудь о дурных правителях, ибо мы уже поведали о добрых царях то, что необходимо для государства. Во-первых, спрашивается, какова причина превращения добрых правителей в злых? На это должно сказать: первое, неограниченная свобода, дарованная царской власти; затем богатство, когда сам преизбыток благ становится причиной зол; затем бесчестные друзья, помощники, которых следовало бы удалить, корыстолюбивые евнухи, дворцовые слуги – либо глупые, либо гнусные; под влиянием их всех в этом властителе, кажущемся добрым, рождается забвение заповедей Божиих. Наконец – и это невозможно отрицать – неосведомленность в государственных делах. Вот собираются четверо или пятеро и принимают единое решение обмануть императора или короля. Они говорят, что нужно принять некое решение. Император, живя во дворце затворником, не знает истины; он подчиняется лишь тому, что они говорят; он назначает судьями людей, которым не пристало ими становиться; удаляет от государственных дел тех, кого должен удерживать. По той причине еще совершается предательство славного, осмотрительного и честного императора, что он превращается в несчастного, когда замалчивается истина. Вот и благочестие и истина, почитающие Бога, часто попираются внушающей тревогу распущенностью, когда ограждение от реальности весьма возобладает, ибо те, кто налагает ограничения, считаются достойными доверия, в то время как их снедает двойная свирепая чума: любовь ко лжи и ненависть к истине.

Глава 9

О милостивом короле-миротворце и о том, кому дóлжно оказывать милости

Как сообщают мудрецы, есть семь вещей, более прекрасных, чем другие создания Божии: безоблачное небо, когда оно удивительным образом уподобляется цвету серебра; солнце в силе своей, когда, идя привычным путем, в блеске своей славы оно освещает жителей мира; полная луна, от лика которой отошли облака, когда она, шествуя собственным путем, следует по стопам солнца; плодородное поле, когда оно заткано различными цветами и вьющейся повиликой; переменчивость моря, когда мирные волны, красиво

набегающие на берега, обнаруживают спокойствие неба и облаков; собрание праведных, исповедующих одну веру; король-миротворец в славе своего царствования, когда в королевском дворце он дарует многие милости, суля награды и вручая дары. Ведь справедливый и миролюбивый царь с радостным лицом разделяет блага, тщательно обдумывает дело каждого и не презирает немощных и бедных людей своего народа, произносит верные суждения, опираясь на совет и мнение старейшин и мудрецов, злых умаляет и добрых возносит. Дни его продляются со славой, и память его пребывает во веки. Миролюбивый правитель являет себя, словно райский сад, плодоносный и украшенный цветами, по отношению к верному слуге; он, словно прекрасная виноградная лоза, изобилует многочисленными плодами; он удаляет от своего сияющего лица все несогласия; он, помышляя о мире во дворце своей души, без сомнения, приуготовляет жилище Христу, ибо Христос есть мир и желает пребывать в мире. Далее, где есть мир, там в обсуждениях присутствует истина, а в делах – справедливость. Подобно осторожному кормчему, который изо всех сил стремится избежать опасностей бурного моря, пользуясь удобным случаем благоприятного спокойствия, миролюбивый правитель готовится обуздать натиск раздоров усердным размышлением, сохраняя безмятежное спокойствие души и мирное согласие. Следует сохранять тройственное правило мира, а именно: выше себя, в себе, возле себя; ибо и по отношению к Богу, и в себе самом, и среди близких должно быть миротворцем. Ведь мир столь великое благо, что даже в земных и преходящих делах ни о чем обыкновенно не слышат, как о более привлекательном, ничего не желают более сильно, наконец, ничего не находят лучше. Плод же миролюбивой души таков: по отношению к подданным и друзьям являть благосклонное милосердие и снисходительность, каковыми добродетелями славно сохраняются как благочестивый правитель, так и его царство; об этом свидетельствует Соломон, говоря: «Милость и истина охраняют царя, и милостью он поддерживает престол свой» [Притч 20, 28]. Ведь ничто не делает доброго правителя более любимым и приятным для народа скорее, чем милость и мирная безмятежность. Благодаря этим качествам весьма знаменитым сделался Кесарь Август[17] (других краткости ради я опущу); эти же качества одарили высшим блаженством Антонинов[18], а также великого Константина[19], Феодосиев[20] и прочих славных правителей. Среди признаков прочих добродетелей они же явили великого Карла как Августа, благоговейно почитаемого более прочих властителей земли. Они же приуготовили благочестивейшего Людовика к принятию императорской власти. Что более скажу? Радостная милость благочестия и на земле прославила славных владык, и на небе поместила их как сотоварищей святых, разумеется, тех из них, кто не только свои дела, но и себя полностью предали Всемогущему. Ничто не должно исходить от праведного и благочестивого царя, кроме милости. Если же милость обращается в некую плату воздаяния в веке сем, то исчезает и прекращается. Ибо мы не можем не иметь преуменьшившимся

то, цена чего нам выплачена. Потому подобную щедрость должно называть скорее обменом, чем милостью. Поистине должно даровать милости так, чтобы, будучи оказанными, они не повредили славе, благочестию и справедливости доброго правителя, согласно достоинству лиц и полезности дел, а не по желаниям принимающих, которые с легкостью противоречат сами себе, ибо требуют тяжкоисполнимого или невозможного, нечестного или жестокого. По этой причине император Нерва[21] говорил: «Когда друзья самонадеянно полагают, что они достойны всего, они становятся еще более жестокими, если чего-нибудь не добьются». Таким образом, во всех земных щедротах должны сохраняться мера и разумное усердие в дарении, чтобы все, благодаря щедрости миролюбивого владыки, распределялось хорошим, лучшим, наилучшим людям для блага государства и пользы Святой Церкви и для стяжания небесной славы.

Глава 10

О том, сколькими столпами поддерживается царство справедливого царя

Однако среди этого есть и другое, которое должно знать, ибо, как признают мудрецы, есть восемь столпов, твердо поддерживающих царство справедливого царя. Первый столп – истина во всех царских делах. Второй столп – терпение во всяком занятии. Третий – щедрость в дарах. Четвертый – убедительность и приветливость в речах. Пятый – исправление или сокрушение злых. Шестой – дружба с добрыми и их возвышение. Седьмой столп – легкость подати, наложенной на народы. Восьмой – одинаковость правосудия по отношению к богатым и бедным. Сии суть восемь столпов, которые укрепляют царство справедливого царя в этом веке и приводят его к неизменности вечной славы.

[1] Лантберт – епископ Утрехтский, мученически погибший в 708 г., святой патрон города Люттиха. Первым чудом на месте его кончины было исцеление трех слепых: Бальдегисила, Регинфрида и Оды; с этих пор он считался покровителем слепых.

[2] О каком поражении норманнов идет здесь речь – спорно: по мнению Дюммлера – о победе фризов в 845 г., по мнению Траубе – о победе ирландцев в 848 г. Стихотворение, по-видимому, сознательно написано в форме гимна, а не героической кантилены, т.е. с устранением всех земных факторов победы и преобладанием панегирической части над повествовательной (*примечание Б.И. Ярхо*).

[3] Реминисценция из античной мифологии – борьба богов-Олимпийцев с Гигантами, сынами Земли.

[4] Вергилий, эклога III, 62; мотив использовался еще Алкуином.

[5] Нарушение диалогической формы, как у Алкуина в «Словопрении Весны с Зимой», строка 13.

[6] Игра слов: multus – «многий» и multo – «баран».

[7] Имеется в виду черный цвет волос у кельтов.

[8] Луцина – одно из имен Дианы. Созвездие Овна, по некоторым мифам, – это золотое руно, взятое Юпитером на небо.

[9] Вергилий, эклога III, 39.
[10] Титиром здесь назван или баран, или пастух.
[11] Анубис – египетский бог с собачьей (точнее, с шакальей) головой; к Седулию этот образ пришел из «Энеиды», VIII, 698.
[12] Пс 117, 16–18.
[13] Пародия на обряд омовения ног, совершаемый аббатом по отношению к своим монахам в знак достижения одной из высших степеней смирения.
[14] Пэон, или пеан – первоначально песнь в честь бога солнца Феба, затем благодарственная песнь богам за спасение и, наконец, просто победная песнь.
[15] Аллюзия на «Утешение философией» Боэция (кн. 2, гл. 1). Боэций был одним из наиболее читаемых авторов в эпоху Каролингов. Колесо Фортуны как символ ее непостоянства известно со времен античности (этот образ встречается, например, у Тибулла и Проперция).
[16] Scriptores Historiae Augustae: Vita Marci Antonini Philosophi Luli Capitolini. Cap. 22.4, 3.
[17] Гай Юлий Цезарь Октавиан, внучатый племянник императора Гая Юлия Цезаря. В 27 г. н.э. получил от Сената имя Цезарь Август.
[18] Династия Антонинов была основана Антонином Пием (19.09.86–7.03.161); кроме него, членами этой династии были его зять Марк Аврелий Антонин – философ, римский император (161–180) – и внук Л. Аврелий Коммод (правил с 180 по 192 г.).
[19] Константин Великий (27.2.272(?)–22.05.337) – римский император с 25.07.306 г. С 314–316 гг. единолично правил Римской империей.
[20] Флавий Феодосий I Великий (11.01.347–17.01.395) – римский император с 19.01.379 г., его внук Феодосий II (10.04.401–28.07.450) – правитель восточной части Римской империи с 1.05.408 г.
[21] Нерва Марк Кокцей (30–98 гг.) – римский император с 96 г. Восстановил в правах Сенат и правил, согласовывая с ним свои действия, привел в порядок государственную казну, осуществил раздачу земли безземельным гражданам, учредил так называемый алиментационный фонд для нищих детей.

Иоанн Скот Эригена

*

О жизни этого величайшего мыслителя Каролингской эпохи известно крайне мало. Оба прозвища, сопровождающие его имя, – Скот и Эриугена (по другим вариантам, Эригена или Иеругена) – свидетельствуют о его ирландском происхождении. Это немаловажно: в продолжение «темных веков» Ирландия была ярким культурным очагом Запада, хранившим остатки греческой учености. В деятельности бродячих монахов, не связанных уставом и сходствующих с кельтскими друидами языческой старины, в фантастически-изощренном искусстве ирландской миниатюры и во всем облике духовной жизни острова проступают черты самобытного ирландского христианства, не во всем ортодоксального, загадочно связанного с греко-сиро-коптским Востоком и долго боровшегося с римской курией за свою самобытность. Как и многие ирландские ученые Каролингской эпохи, Эригена перебрался в королевство франков, где он и появляется в начале 840-х годов при дворе Карла Лысого. Там философ был высокоценим за свою необычную ученость, в особенности же за чрезвычайно редкое в ту эпоху на Западе знание греческого языка. Покровительство монарха позволяло Эригене вести жизнь придворного ученого, отдавать все время своим занятиям и весьма мало считаться с требованиями церковных кругов.

Среди своей культурной среды Эригена на редкость одинок. К варварскому богословствованию каролингских клириков он не способен отнестись серьезно; к Августину он высказывает почтение, но и отчужденность: его подлинная духовная родина – мир эллинской неоплатонической мысли, получивший христианские формы в сочинениях византийского теолога V в., известного под именем Дионисия Ареопагита (труды Псевдо-Ареопагита Эригена перевел на латинский язык). Философская отвага этого позднего ирландского собрата мастеров греческого умозрения поразительна: в своем главном сочинении «О разделении природы» Эригена не только настаивает на примате свободного разума перед авторитетом, но и сливает Творца с его творением. Бог Эригены – не лицо, но запредельная сущность, которая не только не может быть познана человеком, но и сама себя не может постигнуть: «Бог не знает о себе, что он есть, ибо он не есть какое бы то ни было что». В целом грандиозные построения мысли Эригены являют зрелище не только необычайной духовной утонченности, но и полнейшей беспочвенности: они никак не укоренены в реальности своей эпохи. И все же именно в своей анахронистичности творчество Эригены по-своему характерно для картины умственной жизни переходных веков, когда чудом уцелевшие ростки старой культуры порой давали неожиданные всходы, немедленно истреблявшиеся новой волной разрухи.

Стихи Эригены – далеко не самая важная часть его творчества: он был велик как философ – не как поэт. Но в его диковинных версификационных опытах, где в латинскую речь вкраплено возможно большее количество греческих словес, по-своему ярко сказалась воодушевлявшая его ностальгия по эллинской духовности и любовь к одинокой, самоцельной игре ума. В стихотворении «На Христа распятого» Иоанн столь пространно отказывается воспевать языческие сюжеты, что это «не» положительно переходит в свою противоположность и свидетельствует скорее о том, что классическое язычество было достаточно близко сердцу хитроумного ирландца.

На Дионисия Ареопагита

Славою звездных лучей осиял Дионисий Афины:
  Был он Ареопагит и достославный мудрец.
Ум изумила его Селена, затмившая Феба;
  В оное время, когда муку Господь претерпел[1].
К вере обрел он стези, поразмыслив над эклипсом дивным;
  И в ликованье избрал Иерофея[2] вождем.
Тот наставил его, а после славный дидаскал[3]
  Влагой крещальною был к жизни иной возрожден
И немедля, лучась небесным светом Софии,
  Стал Аттиадов учить, племя родное свое[4].
Тот, кто Христовых словес по вселенной семя развеял, –
  Павел блаженный над ним хиротонию свершил,
И ученик в синергии[5] наставнику стал совершенен
  И Кекропидов народ правил как архиерей.
Некогда, с Павлом горе возлетев к надзвездным пространствам,
  Он эмпиреи узнал, сферу огнистых небес[6],
И к серафимам взошел, и подъялся к святым херувимам,
  И к престолам небес, где Элохим восседит;
И воссияли ему начала, силы и власти
  В стройных хорах своих, чином за чином явясь;
ΑΡΧΩΝ ΑΡΧΑΓΓΕΛΩΝ ΤΕ ΧΟΡΩΝ ΑΓΓΕΛΩΝ ΤΕ ΤΕΛΑΥΓΩΝ[7]
  Из уранических был ряд там составлен умов.
Ибо о трижды трех распорядках духов эфирных
  Тайноначальственный нам ясно поведал отец.

На Христа распятого

Некогда эллинов пел Гомер и славу троянцев,
  Об италийских мужах песни Вергилий слагал;
Нашей же лиры предмет есть Царь наш Неборожденный,
  Тот, чей вечный триумф круг возглашает земной.

Тех веселил рассказ о падении стен Илиона,
Речь о троянских MAXAI[8] любо им было плести;
Мерная песнь о Христе, осилившем в брани кровавой
Князя мира сего, наш да возрадует слух.
Измышляли они под лживой личиною правды
Прелесть Аркадий своих в многоученых стихах;
Отчую Силу, Отца, неложно-благую Софию[9]
Мерой гимнической нам должно восславить теперь.
Сладкопение муз, безделки сатиры болтливой
Изливали они в уши народов своих;
Но псалмодически мы пророков святые реченья
Воспеснословить спешим верой, устами, душой.

Приидите, воззрим на трофеи славы Христовой,
Те, что нашим умам льют невещественный свет.
Крест четвероконечный простерся в круге вселенском,
Крест, на который Господь доброю волей восшел;
Отчее Слово принять соизволило плоть человеков,
Благоприятной за нас жертвой являя себя[10].
Узри прилежным умом пронзенные стопы и руки,
Узри виски в венце из соплетенья шипов.
В прободенном ребре родник пробился спасенья,
Животворящей волной воду и кровь источив[11].
Воды струятся, смывая грехи целокупного мира,
Кровь претворяет в богов нас, земнородных людей.
Двух осужденных прибавь, на двух деревьях повисших:
Равной была их вина, но не равна благодать[12]:
Ибо один со Христом узрел селения Рая,
Но другой погружен в серу Стигийских пучин.

Гомилия Иоанна Скота, переводчика «Иерархии Дионисия»[13]

I. Голос духовного орла[14] сотрясает слух Церкви. Пусть внешнее чувство воспримет преходящее звучание, пусть внутренний дух проникнет в неизменный смысл! Голос зоркого летуна, возлетающего не над воздухом телесных вещей, или эфиром[15], или охватом всего чувственного мира, но выходящего посредством быстролетных крыл сокровенной теологии, прозрений яснейшего и высшего созерцания за пределы всякого усмотрения, дальше всего, что есть и что не есть[16]. «Тем, что есть», я называю вещи, которые не вовсе ускользают от человеческого или ангельского чувства, а «тем, что не есть», – предметы, которые совершенно недосягаемы для сил любого понимания[17], хотя они суть после Бога и не выпадают из числа созданного единой

причиной всего. Итак, возлетает блаженный богослов Иоанн не только над тем, что может быть понято мыслью и высказано в слове, но возносится еще и в то, что превосходит всякий смысл[18] и значение, и вне всего, невыразимым полетом ума возвышается до тайн единого Начала всего; и, ясно различая непостижимую единую сверхсущностность, а равно и раздельную сверхипостасность самих Начала и Слова, то есть Отца и Сына, начинает он свое Евангелие, говоря: *В начале было Слово* [Ин 1, 1].

II. О, блаженный Иоанн, ты не напрасно зовешься Иоанном. Иоанн – имя еврейское; по-гречески его перевод – ᾧ ἐχαρίσατο, на латинском же – «кому даровано». Ибо кому из богословов даровано то, что тебе, а именно: проникать в недоступные тайны высшего Блага и их, что открыты и явлены тебе, доверять человеческим умам и чувствам? Скажи мне, кому даровано столько и такой милости? Возможно, кто-то скажет: «Главнейшему из апостолов[19] , – я говорю о Петре, – который Господу, вопрошавшему, за кого тот Его почитает, ответил: "Ты – Христос, Сын Бога Живого"» [Мф 16, 16]. Не будет, полагаю я, опрометчив тот, кто скажет, что Петр ответил так более по типу веры и действия, чем знания и созерцания. Отчего? На том, разумеется, основании, что Петр представляет собой образ действия и веры, Иоанн же воспроизводит тип созерцания и знания[20]. Ибо один возлежал у груди Господней [Ин 13, 23], что есть таинство созерцания, а другой часто колебался, [что является] как бы символом смятенного действия[21]. Ведь прежде чем действие [в осуществлении] божественных предписаний установится, суждение Петра иногда распознает четкие формы добродетели, а иногда заблуждается, омраченное туманом плотских помыслов. Взор же сокровенного умозрения, после того как однажды постиг облик истины, никогда не отвращается, никогда не заблуждается, во веки не укрывается никакой мглой.

III. Оба ведь они бегут ко гробу [Ин 20, 1–8]. Гроб Христов есть божественное Писание, в котором сокровенные тайны Его божества и человечества привалены грузом буквы, словно неким камнем. Но Иоанн бежит скорее Петра. Ведь в глубочайшие тайны божественных знаков дальше и легче проникает сила полностью очищенного созерцания, а не действия, еще только требующего очищения. Однако, первым во гроб входит Петр, потом Иоанн, и, как оба бегут, оба входят. Если Петр – символ веры, Иоанн знаменует разум. И как написано: «если не поверите, не уразумеете» [Ис 7, 9], так необходимо первой во гроб Святого Писания входит вера, следуя вторым, вступает разум, доступ которому приготовляется через веру. Итак, Петр признал Христа Богом, а также человеком, что родился во времени, и говорит: «Ты – Христос, Сын Бога Живого» [Мф 16, 16]. Высоко воспарил. Но выше – тот, кто постиг этого Христа как Бога, рожденного[22] от Бога прежде всякого времени, и произносит: *В начале было Слово* [Ин 1, 1]. Пусть никто не считает, что мы предпочитаем Иоанна Петру. Кто стал бы делать это? Кто из апостолов может быть выше того, кто есть и кого называют главою их? Мы не Иоанна предпочитаем Петру, но сравниваем созерцание с действием,

Христос во главе. Codex Aureus. Монастырь Св. Эммерама.
Munz P. Life in the Age of Charlemagne. L., 1969. P. 85

дух, полностью очищенный, с духом, еще требующим очищения, добродетель, уже достигающую неизменяемого состояния, с добродетелью только восходящей к нему. Ведь теперь мы рассматриваем не достоинство личностей апостолов, но исследуем славное различие божественных тайн.

Итак, Петр, то есть действие [в осуществлении] добродетели, видит силою веры и действия – Сына Божия, удивительным и невыразимым образом очерченного плотью; Иоанн же, то есть высочайшее созерцание истины, дивится Слову Божию самому по себе, до плоти, отдельному и неограниченному в начале Своем, то есть в Своем Отце. Петр, ведомый божественным откровением, видит сразу вечное и временное, соделавшиеся во Христе единым, а Иоанн вводит в познание верных душ только Его вечное.

IV. Итак, духовный быстрокрылый птах, боговидец – я говорю об Иоанне Богослове – поднимается выше всякой видимой и невидимой твари, превосходит всякое понимание и входит, обоженный, в обожествляющего Бога[23]. О блаженный Павел, ты был восхи́щен, как сам заявляешь, на третье небо [2 Кор 12, 2], в рай; но ты не был восхи́щен выше всякого неба и рая. Иоанн выходит за пределы всякого воздвигнутого неба и всякого сотворенного рая, то есть за пределы любой человеческой и ангельской природы. На третьем небе, о Павел, избранный сосуд [Деян 9, 15] и учитель языков [2 Тим 1, 11], ты услышал слова, которые человеку не дозволено пересказать [2 Кор 12, 4]. Иоанн, созерцатель сокровенной истины, в раю раев, дальше всякого неба, то есть в причине всего, услышал единое Слово, через которое все начало быть, и было ему дозволено произнести то слово и проповедать людям, насколько возможно людям проповедать, и уверенно он возглашает: *В начале было Слово*.

V. Поэтому не человек был Иоанн, но больше, чем человек, ибо превзошел и себя самого, и все, что есть; и вступил посредством невыразимой силы мудрости и яснейшей остроты ума в то, что превыше всего – в тайны единой сущности в трех субстанциях и тайны трех субстанций в единой сущности[24]. Ибо мог он взойти в Бога не прежде, чем сам стал Богом. Ведь как луч наших глаз может воспринимать формы и цвета чувственных вещей не раньше, чем смешается с лучами солнца и станет единым в них и с ними, так дух святых не в силах обрести ясного разумения вещей духовных и превосходящих всякое понимание, доколе не сделается достойным приобщиться невыразимой истины. Итак, святой богослов, претворенный в Бога, причастный истине, повествует, что Бог Слово пребывает в Боге Начале, то есть Бог Сын в Боге Отце. *В начале*, – говорит он, – *было Слово*.

Смотри на отверстое небо [Ин 1, 51], то есть на явленную миру тайну высочайшей и святой Троицы и Единицы! Следи, как ангел Божий восходит к Сыну Человеческому, нам, как видно, возвещая, что Слово само прежде всех пребывает в начале, а потом нисходит к тому Сыну Человеческому и возглашает: *И слово стало плотью* [Ин 1, 14]. Нисходит, благовествуя всем Бога Слово, сверхъестественно ставшего человеком от Девы; восходит,

провозглашая то же Слово, пресущественно рожденное от Отца до и прежде всего.

VI. *В начале*, – говорит он, – *было Слово*. Нужно заметить, что в этом месте блаженный евангелист посредством слова *было* вводит значение не времени, но субстанции. Ибо исходная форма слова – *есмь*, из которой оно образуется неправильно, – содержит двоякий смысл. Иногда оно означает пребывание некоей вещи, о которой идет речь, безо всякого временного развития и по этой причине называется субстантивным глаголом, а иногда отражает временные изменения по аналогии с другими глаголами. Поэтому когда [блаженный Иоанн] говорит: *В начале было Слово*, – это значит, как если бы он прямо сказал: «В Отце пребывает Сын». Ибо кто, находясь в здравом уме, стал бы утверждать, что Сын когда-либо был в Отце временно? Ведь там, где понимается лишь одна неизменная истина, мыслится одна только вечность.

И чтобы кто-нибудь не посчитал, что Слово в начале пребывает так, что не подразумевается никакого различия субстанций, он тотчас добавил: *И слово было у Бога* [Ин 1, 1], то есть: «и Сын пребывает с Отцом в единстве сущности и субстанциальном различии».

А с другой стороны, чтобы не вкралось в чью-либо душу то вредоносное заразительное [заблуждение], что Слово существует лишь в Отце и лишь совместно с Богом [Отцом], а не само Слово есть Бог, который пребывает субстанциально и единосущно Отцу, – а такое заблуждение овладело неверными арианами, – он тотчас прибавил: *И слово было Бог* [Ин 1, 1].

Видя также, что не будет недостатка в тех, кто говорит, что евангелист писал не об одном и том же Слове: *В начале было Слово* и *Слово было Бог*, но имел в виду одно «Слово в начале» и другое «Слово было Бог»; разрушая это еретическое мнение, он, соответственно, добавляет: *Оно было в начале у Бога* [Ин 1, 2], как если бы сказал: «Это Слово, которое есть Бог, само есть у Бога, и ничего другого не было в начале». Однако яснее это может быть понято из греческих списков. Ибо в них пишется αὐτός, что значит **он сам** и может относиться к обоим, то есть и к Слову, и к Богу, так как эти два имени – theos и logos, Бог и Слово – у греков суть мужского рода. А значит, это может пониматься так: «И Слово было Бог, Он был в начале у Бога», – как если бы яснее ясного говорил евангелист: «Он, Бог Слово, который у Бога, есть Тот, о Ком я сказал: *В начале было Слово*».

VII. *Все через него начало быть* [Ин 1, 3]. Через Самого Бога Слово или через Само Слово Бога все произошло. И что значит: «все через него начало быть», как не: «когда рождался Он прежде всех от Отца, все с Ним и через Него возникло?» Ведь рождение Его от Отца само есть сотворение причин всего, а также вершение и осуществление всего, что из причин происходит в роды и виды. Ибо посредством рождения Бога Слова от Бога Начала произошло всё. Так услышь божественную и несказанную странность, неразрешимую загадку, незримую, глубокую, непостижимую тайну: через не сотворенного, но рожденного, – все сотворенное, но не рожденное.

Начало, от которого – всё, есть Отец; начало, через которое – всё, есть Сын. Когда Отец произносит свое Слово, то есть Отец рождает свою Премудрость [1 Кор 1, 24], – возникает всё. Пророк говорит: «Всё соделал Ты премудро» [Пс 103, 24], и в другом месте, от лица Отца: «Излилось из сердца Моего» [Пс 44, 1]. А что излилось из его сердца? Он сам пояснил: «Слово благое, Я говорю» [Пс 44, 1], произношу доброе слово, рождаю доброго Сына. Сердце Отца есть Его собственная субстанция, из которой рождена собственная субстанция Сына.

Отец предшествует Сыну не природой, но причиной. Услышь, что говорит сам Сын: «Отец мой более Меня [Ин 14, 28], его субстанция – причина моей субстанции». Предшествует, говорю я, Отец Сыну причинно, предшествует Сын всему, что через Него возникло, по природе. Субстанция Сына совечна Отцу. Субстанция того, что произошло через Слово, начала в нем быть прежде вековых времен: не во времени, но вместе со временем. Ведь время возникло среди прочего, что возникло; и возникло не до него, не предпочтено, но со-сотворено.

VIII. А каковы последствия порождения слова, что произнесли уста Всевышнего [Пс 82, 19]? Ибо не в пустоту произнес Отец, не бесплодно, не без великого результата. Ведь даже люди, когда говорят между собой, производят нечто в ушах слушателей. Поэтому мы должны верить и постигать, что есть три: изрекающий Отец, произнесенное Слово и то, что посредством Слова совершается. Отец изрекает, Слово рождается, все совершается. Внемли пророку: «Ибо Он сказал – и сделалось» [Пс 32, 9], то есть породил Слово свое, посредством которого все произошло.

А чтобы случайно не подумал ты, что из того, что есть, хотя нечто и возникло по Слову Божиему, что-то, однако, вне Его либо произошло, либо через себя самое обладает существованием, так что не всё, что есть и что не есть, сводится к одному началу, присовокупляет он заключение всего вышеизложенного богословия: *И без него ничто не начало быть* [Ин 1, 3]. То есть ничто помимо Него не возникло, потому что Он [Бог Слово] сам охватывает и обнимает в себе всё; и ничто не мыслится Ему совечным, консубстанциальным или единосущным, за исключением его Отца и его Духа, от Отца через Него исходящего.

И легче это дано понять по-гречески. Так как там, где латиняне ставят «без Него», там греки – χωρίς αὐτοῦ, то есть «вне Его». Сходным образом и сам Господь говорит своим ученикам: «Вне Меня не можете делать ничего» [Ин 15, 5]. «Как сами вы, – говорит Он, – вне Меня не могли возникнуть, что можете делать вне Меня?» Ведь и здесь греки пишут не ἄνευ, но χωρίς, то есть не «без», но «вне». А оттого легче, сказал я, понять по-гречески, что когда кто-нибудь слышит «без Него», то может подумать «без Его соучастия и поддержки», и поэтому не полностью, не всё Ему воздает; слыша же вне, совершенно ничего не оставляет, что в Нем и через Него не возникло бы.

IX. *Что начало быть в Нем была жизнь* [Ин 1, 3–4]. После того как блаженный евангелист открыл божественные тайны, недоступные никакому рассудку и уму, то есть Бога Слово в Боге глаголющем, оставляя созерцателям постигать в Них обоих Святого Духа божественного Писания (ведь так, как говорящий в слово, которое говорит, необходимо привносит дыхание, так Бог Отец одновременно и разом и Сына своего рождает, и Дух свой через рожденного Сына производит), и после того как он прибавил, что через Бога Сына все произошло, и нет ничего, что пребывает вне Его, то словно от другого основания протянул он цепь [выкладок] своего богословия, произнеся: *Что начало быть в Нем была жизнь*. Ведь ранее он сказал: *Все через Него начало быть*, и, словно спрошенный кем-нибудь о том, что возникло через Бога Слово, каким образом и что именно было в Нем, происшедшее через Него, он ответил и говорит: *Что начало быть в Нем была жизнь*.

Это положение читается двояко. Ведь можно отделить *что начало быть* и затем добавлять *в Нем была жизнь*, а можно так: *что начало быть в Нем*, а затем прибавить *была жизнь*. И поэтому в двух чтениях мы усматриваем два смысла. Ведь не совпадают учение, которое говорит: «То, что возникло, разделено по месту и времени, распределено по родам, видам и числам, заключено или разделено в чувственных и умопостигаемых субстанциях, это все в Нем была жизнь», и учение, которое объявляет: «То, что возникло в Нем, было ничем иным как жизнью», как если бы смысл был таков: все, что через Него произошло, в Нем есть жизнь и едино. Ведь оно было (то есть пребывает) в Нем причинно, прежде чем совершиться в самом себе. Ибо одним образом суть подле Бога Слова те, что через Него произошли, и другим в Нем суть те, что есть Он сам.

X. Все, таким образом, что произошло через Слово, в Нем неизменно живо и есть жизнь. И не было в Нем ни для чего различий ни по времени, ни по месту, и не будет; а только превыше всякого времени и места в Нем едино и целокупно пребывает видимое, невидимое, телесное, бестелесное, разумное и не разумное; и просто небо, земля, бездна и всё, что на них есть; в Нем живо, суть жизнь и вечно пребывает. И те, что кажутся нам лишенными всякого жизненного движения, живы в Слове. Но если ты вознамеришься узнать, как и каким образом все, что произошло посредством Слова, пребывает в Нем жизненно, единообразно и причинно, внемли примерам тварной природы и узнай Создателя через то, что в Нем и посредством Него возникло. «Ибо невидимое Его, – как говорит апостол, – является взору, когда постигнуто через тварное» [Рим 1, 20].

Воззри, каким образом причины всего, что объемлет шарообразность этого чувственного мира, пребывают разом и сообща в этом солнце, что зовется величайшим светильником мира. Ибо от него исходят формы всех тел, от него – красота разнящихся цветов и прочее, что можно назвать в чувственной природе. Рассмотри многообразную и беспредельную силу семян: каким образом каждое множество трав, плодов, живых существ разом заклю-

Инициал «Т» из сакраментария архиепископа Мецского Дрогона. 850–855 гг.
Нессельштраус Ц.Г. Искусство раннего средневековья. СПб., 2000. Ил. 56

чено в единичных семенах, каким образом из них прорастает прекрасное и неисчислимое многообразие форм. Взгляни внутренними очами [на то], как многочисленные принципы в мастерстве Мастера объединены и в духе располагающего их живы, каким образом бесконечное число линий сходится воедино в одной точке[25], и изучи подобного рода естественные примеры. А от них, словно бы поднятый надо всем крылами естественного умозрения[26], Божией милостью поддержанный, просвещенный, ты сможешь разузнать проницательным умом тайны Слова и увидишь, насколько дано ищущим Бога своего с помощью человеческих умозаключений, каким образом все, что посредством Слова произошло, в Нем живо и суть жизнь! «Ибо Им, – как глаголют божественные уста, – мы живем, и движемся, и существуем» [Деян 17, 28]. И как говорит великий Дионисий Ареопагит, «бытие всего есть превышающее бытие Божество».

XI. *И жизнь была свет человеков* [Ин 1, 4]. Сына Божия, которого ты, о блаженный богослов, прежде называл Словом, теперь именуешь жизнью и светом. И именование ты изменил не напрасно, но чтобы представить нам разные значения. Ведь оттого назвал ты Сына Божия Словом, что все посредством Него изрек Отец: «Ибо Он сказал – и сделалось» [Пс 32, 9]; Светом же и Жизнью – ибо Сын тот есть Свет и Жизнь всего, что посредством Него возникло. Что он освещает? Не что иное, как себя самого и своего Отца. Итак, Он есть свет и себя самого освещает, себя самого миру являет, себя самого незнающим открывает.

Свет божественного знания отдалился от мира, когда человек отступил от Бога. И вот двояко являет себя вечный Свет миру, а именно: через Писание и творение. Ибо божественное знание восстанавливается в нас не иначе, как через знаки божественного Писания и облики тварного. Изучай божественную речь и вбери в ум свой ее смысл, в котором познаешь Слово. Восприми телесным чувством формы и красоту чувственных вещей, и в них ты постигнешь Бога Слово. И не явит тебе истина во всех них ничего, кроме Него, создавшего все, вне Которого ничего не суждено тебе созерцать, ибо Он есть всё. Ведь во всем, что есть, чем бы оно ни было, Он есть. И как нет помимо Него никакого самосущего блага, так нет никакой сущности или субстанции.

И жизнь была свет человеков [Ин 1, 4]. Отчего, прибавил он, – «свет человеков», как если бы свет был только и особенно у людей: тот, который есть свет ангелов, свет сотворенной вселенной, свет всех видимых и невидимых? Или, возможно, говорят, что Слово, все животворящее, только и особенно – свет людей, оттого, что в человеке Оно явило себя не только людям, но еще и ангелам и всей твари, могущей стать причастной божественному знанию? Ведь не через ангела – ангелам и не через ангела – людям, но через человека – и людям и ангелам [Бог Слово] явил себя, не в видéнии, но в самой подлинной человеческой природе, которую Он целиком воспринял в единство своей субстанции, и всем Его познающим свое знание предоставил. Вот отчего является светом человеков Господь наш Иисус Христос, ко-

торый явил Себя в человеческой природе всякой рассуждающей и понимающей твари и открыл сокровенные тайны своей божественности, которая равна [божественности] Отца.

XII. *И свет во тьме светит* [Ин 1, 5]. Внемли апостолу: «Вы были, – говорит он, – некогда тьма, а теперь – свет в Господе» [Еф 5, 8]. Внемли Исайе: «На сидящих в стране сени смертной свет воссияет» [Ис 9, 2]. Свет во тьме светит. Весь род людской из-за первородного греха пребывал во тьме, не [во тьме для] внешних очей, которыми ощущаются формы и цвета чувственного, но очей внутренних, которыми различаются виды и красота умопостигаемого; не во тьме здешнего мглистого воздуха, но во тьме неведения истины; не в отсутствии света, который делает видимым мир телесного, но в отсутствии света, который озаряет мир бестелесного. После рождения Его от Девы, Свет во тьме светит, а именно в сердцах познающих Его.

А так как весь род людской словно делится на две части, то есть на тех, чьи сердца озарены знанием истины, и на тех, кто пребывает во все еще непроглядной тьме неверия и вероломства, евангелист добавил: *и тьма̀ не объяла его* [Ин 1, 5]. Как если бы ясно говорил: «Свет во тьме верных душ светит, и светит все ярче и ярче, начинаясь от веры, становясь зримым[27], вероломство же и неведение неверующих сердец не объяли Слова Божия, блистающего во плоти». «И омрачилось, – как говорит апостол, – несмысленное их сердце, и считающие себя мудрыми сделались глупы» [Рим 1, 21–22]. Но это – нравственный смысл.

XIII. А естественное умозрение этих слов таково. Природа человеческая, даже если бы не грешила, своими собственными силами светить не может. Ведь она по природе не есть свет, но лишь причастна свету, способна к восприятию мудрости, но не есть сама мудрость, приобщением к которой может стать мудрой. Следовательно, как этот воздух сам по себе не светит, но нарекается именем тьмы, и лишь способен к восприятию солнечного света, так наша природа, рассматриваемая сама по себе, есть некая темная субстанция, способная к восприятию и причастная свету мудрости. И точно так же, как об упомянутом выше воздухе, когда его пронизывают солнечные лучи, не говорят, что он сам светит, но говорят, что в нем проявляется блеск солнца таким образом, что он и природную свою омраченность не утрачивает, и вбирает в себя просиявший свет, так разумная часть нашей природы, поскольку присутствует в ней Бог Слово, не сама познает умопостигаемое и своего Бога, но посредством воспринятого божественного света. Услышь само Слово: «Не вы, – поучает Он, – будете говорить, но дух Отца вашего будет говорить в вас» [Мф 10, 20]. Одним этим наставлением хотел Он научить нас понимать то же и в прочих [случаях], чтобы всегда в слухе нашего сердца невыразимым образом звучало: «Не вы – те, кто светит, но Дух Отца вашего светит в вас, то есть открывает вам, что Я свечу в вас, ибо Я – свет умопостигаемого мира, то есть рассуждающей и умной природы. Не вы – те, кто постигает Меня, но Я сам в вас Духом своим себя самого по-

стигаю, ибо вы – не самосущий свет, но лишь соучастие в пребывающем самостоятельно свете».

И вот свет во тьме светит, ибо Слово Божие, жизнь и свет человеков, в нашей природе, которая, будучи изучена и рассмотрена сама по себе, оказывается некоей бесформенной тьмой, светить не прекращает, и от нее, сколь бы ни прегрешала, не желало отступиться и никогда не отступало. Но сообщает ей форму, объемля [Прем 1, 7] ее через природу, и восстанавливает в форме, обожествляя через благодать. И так как сам Свет непостижим никакой тварью, – *тьма его не объяла.* Ибо Бог превосходит всякое чувство и понимание, и единый имеет бессмертие [1 Тим 6, 16]. Свет Его по превосходству [природы] называют мраком, так как он никакой тварью, чем или какой бы она ни была, не объемлется.

XIV. *Был человек, посланный от Бога: имя ему Иоанн* [Ин 1, 6]. И вот орел плавным летом снижается с величайшей вершины горы богословия в глубочайшую долину истории, от неба к земле духовного мира отпускает крыла высочайшего созерцания. Ведь божественное Писание есть некий умопостигаемый мир, составленный из своих четырех частей, словно из четырех элементов. Посредине, а вернее, вроде центра его – земля, которая есть История. Ее окружает подобием вод бездна нравственного толкования, обыкновенно называемого греками ἠθική [этикой]. Со всех сторон эти словно бы две нижние части вышеупомянутого мира, я говорю об Истории и Этике, овевает воздух естественного знания, которое греки именуют φυσική [физикой]. А вне и дальше всего клубится тот эфирный, палящий жар неба эмпирея, то есть высшего созерцания божественной природы, которое греки называют Богословием, за пределы коего не выходит никакое разумение.

Итак, великий богослов, я говорю об Иоанне, который в начале своего Евангелия достигает высочайших вершин умозрения и проникает в тайны неба духовных небес, поднимаясь за пределы всякой Истории, Этики и Физики, [ныне] к тому, что произошло несколько ранее воплощения Слова и должно быть рассказано согласно Истории, словно в некую землю отклоняет умопостигаемый свой полет и говорит: *Был человек, посланный от Бога.*

XV. Соответственно, Иоанн вводит в свое богословие Иоанна; бездна бездну призывает [Пс 41, 8] зовом божественных тайн; евангелист рассказывает историю предтечи; тот, кому даровано познать Слово в начале, припоминает того, кому было даровано предшествовать Слову во плоти. *Был*, – говорит он. Не просто сказал: «Был посланный от Бога», но *был человек*: чтобы отличить человека, причастного одной только человеческой природе, который предшествовал, от человека, в котором объединены и заключены друг в друге и человечество, и божество, пришедшего после; чтобы отделить преходящий голос от Слова, пребывающего вечно и неизменно; чтобы представить утреннюю звезду [Откр 22, 16], появляющуюся на заре царствия небесного [Мф 5, 3], и указать на просиявшее Солнце правды [Мал 4, 2]. Он отличает свидетеля от того, о ком тот свидетельствует, по-

сланного – от того, кто посылает; светильник, мерцающий во мраке, от ярчайшего света, заливающего мир и уничтожающего тьму смерти и прегрешений рода человеческого. Итак, предтеча Господа был человек, не Бог; Господь же, Коего он был предтечей, был сразу и человек, и Бог. Предтеча был человеком, имевшим перейти в Бога посредством благодати. Тот, кому он предшествовал, был Богом по природе и имел воспринять человека посредством умаления себя и желания нашего спасения и искупления.

Человек был послан. От кого? От Бога Слова, которому предшествовал; миссия его – предшествование. Вопиющий предпослал [себе] голос: «Глас вопиющего в пустыне» [Ин 1, 23]. Вестник готовит приход Господа. *Имя ему Иоанн*, коему даровано стать предтечей Царя царей [Откр 19, 16], открывателем воплотившегося Слова и крестителем Его в духовное сыновство, гласом и мученичеством [своими] – свидетелем вечного света.

XVI. *Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете* [Ин 1, 7]. То есть о Христе. Услышь свидетельство: «Вот Агнец Божий, который берет грех мира» [Ин 1, 29]. И далее: «За мной идет Муж, который стал впереди меня» [Ин 1, 30], что яснее читается по-гречески: ἔμπροσθέν μου, то есть «подле меня, перед моими глазами возник Он». Как если бы ясно говорил: «Когда я еще был в утробе моей неплодной матери [Лк 1, 7], я увидел пророческим взором, как тот, кто в порядке времен родился во плоти после моего рождения, возник передо мной во чреве Девы как плод и как человек».

Он не был свет, но – чтобы свидетельствовать о Свете [Ин 1, 8]. Вышеизложенное уразумей и понимай так: он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о свете. Предтеча света не был светом. Отчего тогда зовут его светильником горящим [Ин 5, 35] и звездою утренней? Он был светильник горящий, но горел, зажженный не собственным огнем, светил не собственным светом. Он был звездою утренней, но не от себя получил свой свет. Благодать того, Кому он предшествовал, горела и сияла в нем. Он не был свет, но был причастен свету. Не принадлежало ему то, что сверкало в нем и через него. Ведь, как мы сказали выше, никакая рассуждающая или понимающая тварь сама по себе не есть самосущий свет, но светит благодаря причастности единственному и подлинному самосущему свету, который умопостигаемо светит везде и во всем.

Поэтому добавляется: *Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир* [Ин 1, 9]. Истинным Светом именует он самосущего Сына Божия, рожденного прежде всех век от самосущего Бога Отца. Истинным светом именует он того Сына, что ради человек стал человеком от человеков. [Это] Он – свет истинный, Который говорит о себе самом: «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни вечной» [Ин 8, 12].

XVII. *Он был Свет истинный, который просвещает всякого человека, приходящего в этот мир.* А что значит «приходящего в мир»? И кто

этот «всякий человек», приходящий в мир? Откуда пришел он в мир? И в какой мир пришел? Если ты отнесешь эти слова к тем, кто приходит в здешний мир из потаенных недр природы посредством возникновения в [каком-либо] месте и времени, то какое просвещение в этой жизни у рождающихся, чтобы умереть, у возрастающих, чтобы разрушиться, у составленных, чтобы распасться, у падающих из покоя безмолвной природы в непокой волнующихся невзгод? Скажи мне, какой свет был духовным и истинным у рожденных в мимолетной и лживой жизни? Неужели сей мир – подобающая обитель для отчужденных от истинного света? Неужели [не] справедливо говорят о стране сени смертной [Ис 9, 2], долине плача [Пс 83, 7], бездне неведения и бренной обители [Иов 4, 19], отягощающей человеческий дух [Прем 9, 15] и отграничивающей внутренние очи от лицезрения истинного Света?

Следовательно, не тех, кто из потаенных причин семян исходит в телесные виды, должны мы подразумевать в словах «который просвещает всякого человека, приходящего в этот мир», но тех, кто духовно, через возрождение благодати, что дается в крещении, приходит в мир невидимый; тех, кто рождение по тленному телу отвергает, кто избирает рождение по духу; кто нижний мир попирает и к вышнему миру восходит; кто тень неведения и смерти покидает, света мудрости и жизни взыскует; тех, кто сынами человеков быть прекращает и сынами Божиими становится; кто мир порока отстраняет и в себе разрушает, кто мир добродетели перед мысленным взором помещает и всеми силами взойти к нему жаждет. Поэтому истинный Свет просвещает тех, кто приходит в мир добродетели, а не тех, кто низвергается в мир порока.

XVIII. *В мире был* [Ин 1, 10]. В этом месте [евангелист] именует миром не только вообще чувственное творение, но, в частности, также – субстанцию разумной природы, которая находится в человеке. Ибо во всем этом, а говоря проще, в сотворенной вселенной Слово было Светом истинным, то есть пребывает и всегда было, так как никогда не прекращало быть. Ведь как у говорящего, когда тот перестает говорить, голос прерывается и умолкает, так и Отец небесный: если бы перестал изрекать свое Слово, то осуществление Слова, то есть тварная вселенная, бытия не продлила бы. Ибо утверждением и обеспечением тварной вселенной является речение Бога Отца, то есть вечное и неизменное рождение Им своего Слова.

И не без основания можно отнести к этому чувственному миру высказывание, которое гласит: *В мире был и мир через него начал быть* [Ин 1, 10]. Чтобы случайно какой-либо причастник ереси манихеев не посчитал, что сотворенный мир, доступный телесным чувствам, был сотворен от дьявола, а не от Творца всех видимых и невидимых, богослов добавляет: *в мире был*, то есть в этом мире пребывает тот, кто объемлет все, *и мир через него начал быть*. Ибо создатель обитает не в чужой постройки вселенной, но в своей, которую сам соделал.

XIX. Должно отметить, что блаженный евангелист говорил о мире четырежды. Однако нам надлежит различать три мира. Первый из них тот, что целиком наполняется одними только невидимыми и духовными субстанциями сил; кто бы ни вошел в него, полностью причастен истинному свету. Второй во всем противоположен первому, так как целиком составлен из видимых и телесных природ. И хотя он занимает нижнюю часть вселенной, в нем все же было Слово, он произошел через Слово и является первой ступенью для тех, кто хочет достичь посредством чувств знания истины, так как облик видимого приводит рассуждающий дух к знанию невидимого. Третий мир тот, что, будучи серединой, сочетает в себе самом и возвышенное духовного, и низменное телесного и делает из двух одно. Он постигается в одном только человеке, в котором сводится воедино вся тварь. Ведь [человек] состоит из тела и души. Сочетая тело от этого мира и душу от мира иного, он собирает их воедино. Тело при этом обладает всей телесной, душа же – всей бестелесной природой, которые, когда сливаются в одно целое, составляют все мирское убранство человека[28]. По этой причине человека называют «всем», ибо вся тварь переплавляется в нем словно бы в некоей мастерской. Оттого и сам Господь ученикам, шедшим проповедовать, повелел: «Проповедуйте Евангелие всей твари» [Мк 16, 15].

Итак, этот мир, то есть человек, Творца своего не познал; и ни через символы писаного Закона, ни через образцы видимого творения не пожелал он познать своего Бога, оплетенный путами плотских помыслов. *И мир его не познал* [Ин 1, 10]. Не познал человек Бога Слово ни до вочеловечения Его, нагого, в одной лишь божественности, ни после вочеловечения, облаченного только воплощением. Невидимого не знал, видимое отрицал. Не пожелал найти ищущего его, не пожелал услышать зовущего, не пожелал почтить обожествляющего, не пожелал принять принимающего.

XX. *Пришел к своим* [Ин 1, 11], то есть к тем, которые через Него произошли, и через это, по справедливости, свои Ему суть. *И свои его не приняли* [Ин 1, 11]. Свои – суть все люди, которых восхотел Он искупить и искупил.

А тем, которые приняли Его, тем дал власть стать чадами Божиими, верующими во имя Его [Ин 1, 12]. Теперь разделяется не человеческая природа разумного мира, но воля. Отделяются принимающие воплотившееся Слово от отвергающих Его. Верные – веруют в пришествие Слова и охотно принимают своего Господа. Неверующие отрицают и упорно отвергают; иудеи из зависти, язычники по неведению. Принимающим Он дал власть стать чадами Божиими, не принимающим все еще дает срок принять Его. Ни у кого ведь не отнимается возможность верить в Сына Божия и возможность быть Сыном Божиим: ибо это назначено свободному выбору человека и содействию благодати. Кому дал Он власть стать чадами Божиими? Принимающим Его, то есть верующим во имя Его. Многие принимают Христа. Ариане принимают Его, но не веруют во имя Его; не веруют в единородного Сына Божия, консубстанциального Отцу; отрицают, что Он – ὁμοούσιος, то

есть единосущен Отцу, и утверждают, что Он – ἑτερούσιος, то есть иной сущности, чем Отец. А потому не приносит им пользы принятие Христа, когда пытаются они отрицать Его истину. Тем, кто подлинно принимает Христа как истинного Бога и истинного человека, и непоколебимо в это верит, – тем дана возможность стать чадами Божиими.

XXI. *Которые не от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились* [Ин 1, 13]. (В старых греческих списках пишется только: *которые не от крови, но от Бога родились.*) «Не от крови», – говорит он, то есть не телесным рождением родились те, кто обретает усыновление чад Божиих по заслугам веры, но [родились] от Бога Отца через Духа Святого в сонаследование Христу, то есть в совместное сыновство единородному Сыну Божию.

Ни от хотения плоти, ни от хотения мужа. [Здесь] он вводит состоящий из двух частей пол, из которого распространяется множество тех, кто рождается плотским образом во плоти. При этом именем «плоти» евангелист обозначил женское состояние, а именем «мужа» – мужское.

А чтобы ты случайно не сказал: «Кажется невозможным, чтобы смертные становились бессмертными, тленные – тления не имели, те, что всецело – люди, были чадами Божиими, временные обладали вечностью», прими довод от большего, дабы мог ты обрести уверенность в том, относительно чего сомневаешься: *И Слово стало плотью* [Ин 1, 14]. Ведь если большее несомненно прошло [этим путем], отчего кажется невероятным, что меньшее может ему следовать? Если Сын Божий сделался человеком, – в чем никто из тех, кто Его принимает, не сомневается, – что удивительного, если человек, верящий в Сына Божия, сделается Сыном Божиим? Ибо для того Слово сошло в плоть, чтобы она сама (то есть человек, верующий посредством плоти в Слово), поднялась к Нему, чтобы через подлинного единородного Сына многие чада получили усыновление. Не ради себя Слово стало плотью, но ради нас, которые лишь через плоть Слова смогли бы претвориться в чад Божиих. Один сошел Он – взошел со многими, из людей делает богов тот, кто из Бога соделал человека.

И обитало в нас [Ин 1, 14], то есть овладело нашей природой, чтобы соделать нас причастными – своей.

XXII. *И мы видели славу Его, славу как единородного от Отца* [Ин 1, 14]. Где видел ты, о блаженный богослов, славу воплотившегося Слова, славу вочеловечившегося Сына Божия? Когда видел? Рассматривал какими глазами? Я думаю – телесными: на горе во время Преображения [Мф 17, 1–2]. Ведь тогда ты был там третьим свидетелем божеского прославления. Ты сам присутствовал, как полагаю, в Иерусалиме и слышал голос Отца, что славил своего Сына, говоря: «Прославил и еще прославлю» [Ин 12, 28]. Слышал, как вереницы детей возглашали: «Осанна Сыну Давидову!» [Мф 21, 15]. Что сказать мне о славе Воскресения? Ты видел, как Он воскресал из мертвых, когда к тебе и другим соученикам твоим вошел Он

Потир герцога Тассилона III. 748–788 гг. *Dixon Ph.* Britek, Frankok, Vikingek. Lausanne, 1976. Il. 64

запертыми дверями [Ин 20, 19]. Ты видел славу Его, восходящего к Отцу, когда Он был взят ангелами на небо [Деян 1, 9–11]. И сверх всего этого высочайшим взором ума созерцал ты Его, я имею в виду Слово, в начале Его, у Отца, где видел ты славу Его *как единородного от Отца*.

XXIII. *Полное благодати и истины* [Ин 1, 14]. У этого периода двойной смысл. Ведь можно допустить, [что речь идет] о человечестве и божестве воплотившегося Слова, так чтобы полнота благодати соотносилась с человечеством, полнота же истины – с божеством. Ибо воплотившееся Слово, Господь наш Иисус Христос, принял полноту благодати согласно своему человечеству, так как Он – глава Церкви [Еф 5, 23], рожденный прежде всей твари [Кол 1, 15], то есть [прежде] вообще всей человеческой природы, что в Нем и через Него исцелена и восстановлена. Я говорю «в Нем», так как Он – величайший и первейший образец благодати, которой безо всяких предшествующих заслуг человек делается Богом; и в Нем первоначально это было явлено. А «через Него» – оттого, что от полноты Его мы все приняли благодать обожения: через благодать веры, которой в Него веруем, и [благодать] делания, коим заповеди Его соблюдаем.

Полноту благодати Христовой можно еще постичь согласно Духу Святому. Ибо Дух Святой – раздатель и вершитель даров благодати – обыкновенно именуется благодатью. Седмиобразное действие этого Духа заполнило человеческую природу Христа, и в Нем почило. Вот как говорит пророк: «И почиет на нем дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух знания и благочестия, и преисполнит его дух страха Господня» [Ис 11, 2–3]. А потому, если в отношении Христа ты хочешь понять через Него самого то, что названо «полным благодати», познавай согласно человечеству [Христову] полноту обожения Его и освящения. Я говорю «обожения» – которым человек и Бог соединены в единство одной субстанции, «освящения» же – которым не только от Духа Святого Он зачат, но и полнотой даров Его преисполнен; как если бы на верху таинственного подсвещника Церкви – в Нем и от Него – засверкали лампады благодати.

Но если склонен ты понимать полноту благодати и истины воплотившегося Слова в соответствии с Новым Заветом, то вот как, похоже, полагает тот же евангелист несколько далее. Ведь он говорит: «Закон дан чрез Моисея, благодать же и истина произошли через Иисуса Христа» [Ин 1, 7]. Вполне согласно [с этим] возвестишь ты, что полнота благодати Нового Завета дарована через Христа, и истина символов Закона в Нем исполнена. Как говорит апостол: «В Нем обитает полнота божества телесно» [Кол 2, 9], очевидно называя полнотой божества тайные смыслы тени Закона[29], относительно которых Христос, приходивший во плоти, учил и явил [нам], что они обитали в Нем самом телесно, то есть истинно, потому что Он сам – источник и полнота благодати, истина символов Закона, предел пророческих видéний. Слава Ему с Отцом и Святым Духом во веки веков. Аминь.

[1] Дионисий Ареопагит, по преданию, был афинским мудрецом, членом Ареопага (верховного суда), обратившимся в христианство под впечатлением солнечного затмения (по-гречески затмение – «эклипс»), совершившегося в день крестной казни Христа.

[2] Иерофей – афинский епископ, крестивший Дионисия; в сочинениях Псевдо-Ареопагита есть ссылки на его наставления

[3] Дидаскал – учитель (*греч.*).

[4] Аттиады (и далее – «Кекропидов народ» по имени Кекропа, первого афинского царя) – поэтическое наименование жителей Аттики, афинян.

[5] Синергия – сотрудничество (*греч.*).

[6] О человеке, «восхищенном» до третьего неба и до рая, говорится в послании апостола Павла (2 Кор., 12, 2–4); средневековье не сомневалось, что этот человек сам Павел, а отсюда было естественно предположить, что Дионисий Ареопагит, ученик Павла, много говоривший в приписанных ему сочинениях об иерархии небесных сил, сопровождал Павла в этом вознесении.

[7] «Далеко блистающих хоров из Начал, архангелов и ангелов...» (*греч.*).

[8] MAXAI – битвы (*греч.*).

[9] Эригена имеет в виду восходящее к апостолу Павлу (1 Кор., 1, 24) наименование Иисуса Христа: «Божья Сила и Божья премудрость» («премудрость» по-гречески «София»). Это наименование пользовалось особой популярностью в греческой традиции ученой, умозрительной мистики.

[10] Отчее Слово – Христос в его качестве Логоса (ср. начало Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»), жертва названа «благоприятной» в изначальном значении этого слова – «тот, кого принимают».

[11] Вода и кровь, вытекшие, согласно евангельскому рассказу, из пронзенного ребра распятого Христа, в средние века воспринимались как символы таинств крещения и евхаристии. Вода крещения омывает человечество от грехов; преподаваемая в евхаристии «кровь Христова» способствует восхождению человечества до божественных высот.

[12] Речь идет о двух разбойниках, «добром» и «злом», распятых по правую и по левую руку от Христа; крест назван «древом» в соответствии с системой средневековой символики, проводившей аналогию между крестом Христа и древом Адамова грехопадения.

[13] Название сочинения «Гомилия Иоанна Скота, переводчика “Иерархии Дионисия”», приводимое в изданиях Г. Флосса и Э. Жёно, взято из манускрипта XII в. Оно не является авторским и, скорее всего, принадлежит одному из переписчиков.

[14] Традиционно четыре евангелиста соотносятся с четырьмя таинственными животными (Ис 6, 2–3; Иез 1, 5–25; 10, 2–9; Откр 4, 6–9), обликом подобными льву, тельцу, человеку и летящему орлу. Согласно Эригене, это «чистейшие умы, которые символически обозначены в Слове Божием под образами упомянутых животных». Орел – символ Иоанна Богослова. Образ орла использован Августином в «Трактате на Евангелие от Иоанна» (PL 35, 1381). Но если у Августина орел поднимается выше эфира и хора ангелов, у Эригены он выходит за пределы всего, «что есть и что не есть».

[15] В геоцентрической системе мира Эригены область эфира лежит между орбитой Луны и небесной твердью.

[16] «То, что есть» и «то, что не есть» – формула, которой Порфирий обозначал, соответственно, умопостигаемое и чувственное. Для Эригены знание даже больше, чем вещь: «вещи пребывают в своих понятиях истиннее, чем в себе». Он пишет о чинах небесной иерархии: «о всяком ряде рассуждающих и понимающих тварей говорят, что он и существует, и не существует. Ибо он есть, насколько познается высшими или самим собой, но он не есть, насколько не дозволяет познавать себя низшим». Бог не есть – он выше бытия и познания.

[17] Ср.: «Бог превосходит любое понятие, мышление и познание» (Дионисий, О бож. именах VII,1).

[18] *Intellectus*, которое здесь переведено как «смысл», многозначно. Это высшая часть человеческой души – «ум-понимание», которым созерцательно постигаются самые сокровенные, самые возвышенные истины божественного. Этим ум отличается от рассудка-разума, которым рассуждающий человек познает объекты чувственного тварного мира. Человек есть преимущественно рассуждающая тварь, ангел – понимающая. Везде, где в русском тексте значится «ум», следует учитывать второе значение – «понимание», и наоборот.

[19] Ср. у Максима: «Петр, глава апостолов» [Patrologiae Grecae cursus completus. 90,637B (далее PG)]; Дионисий: «Петр – глава и недосягаемая вершина среди богословов» (PG 3,681C).

[20] Согласно же Эригене, есть четыре ступени духовного восхождения: вера, действие, знание, созерцание. Первые две соотносятся с Петром, вторые – с Иоанном.

[21] Trepidae actionis symbolum – Иоанн Скотт, возможно, имеет в виду попытку Петра пройти по воде (Мф 14, 28–31). Он переводит отрывок из Максима: «смятение есть также страх падения, то есть низвержения» (PG 91,1197B). Таинства [sacramenta] отличаются от символов. В первых – явления, указующие на высшую реальность, даны в чувственной форме – facti et dicti. Это жертвы, церковные таинства. А во вторых они имеют идеальный характер – dicti et non facti. Сам Иоанн Скотт не всегда выдерживает это различение.

[22] У Максима γένεσις означало «возникновение», «приведение к бытию», происхождение от Бога, а γέννησις – размножение людей через плоть. Иоанн Скот выдерживает это различение, используя, соответственно, глаголы *gigno* и *nascor*. Происхождение Слова от Отца 14 раз описывается глаголом *gigno* (а также его производными) и единожды глаголом *nascor*. Рождение тварных созданий девять раз обозначается глаголом *nascor* и ни разу *gigno*. В русском переводе соблюсти это различие не удалось.

[23] Эригена пишет: «…смысл этого термина… (которым преимущественно пользуются греки, понимающие под этим прехождение святых в Бога не только душой, но даже и телом, чтобы стать в Нем и с Ним единым, ибо в них не остается ничего животного, ничего телесного, ничего человеческого, ничего природного)… чрезмерно высок, непостижим и невероятен для тех, кто не в состоянии подняться за пределы плотских помыслов» [Periphyseon. V,1015B (далее P)].

[24] Троичная терминология на Западе и Востоке различалась. Латиняне говорили о трех *лицах* [personas] и одной субстанции, греки – о трех *ипостасях* и одной *сущности* οὐσίαν. Эригена большей частью следует грекам (ср. *Ann* 73, 30). Это значит, что применительно к Троице он понимает «субстанцию» как *ипостась* и принимает соответствие, установленное еще Боэцием: *сущность* – οὐσίαν, essentia, *ипостась* – ὑπόστασιφ, substantia, *лицо* – πρόσωπον, persona (Contra Eutychen III). Это противоречило западной традиции, в которой со времен Тертуллиана субстанцией именовали не *ипостась*, но божественную *природу*. Иоанн Скот отдает этой традиции дань, когда говорит о Слове, Отце и Духе Святом как о консубстанциальных (гл. VIII и XX). «Субстанция» здесь означает *сущность*. В общем же, значение термина зависит от контекста. Например: «субстанция Сына совечна Отцу. Субстанция того, что произошло через Слово, начала в нем быть прежде вековых времен» (гл. VII). В первом предложении «субстанция» – это *ипостась*, во втором – идеальное основание, сущность тварной вещи. Чтобы показать, как функционировало это слово, сохранить его узнаваемость и не разрывать на несколько различных, substantia оставляется без перевода.

[25] Ср. Дионисий: «Все радиусы круга сходятся к единой точке в центре окружности, и, таким образом, эта точка содержит в себе все прямые» (De div. nom. V, 6).

[26] *Естественное умозрение* соответствует *созерцанию* Максима Исповедника отправляющемуся от природных образцов. Второй путь – созерцание от Писания – есть *богословие*. Видимый мир является книгой, знаки которой – твари. И наоборот, Писание – это умопостигаемый мир, четыре слоя понимания которого суть четыре первоэлемента (см. гл. XIV).

[27] Имеется в виду последовательность духовного восхождения от веры к непосредственному созерцанию истины.

[28] Основные определения человека, встретившиеся в этом отрывке, – «мастерская», «середина», «сочетание», «соединение» – взяты у Максима (PG 91,1305A). Иоанн Скот избегает слова «микрокосм» (несмотря на верность его смыслу) под влиянием Григория Нисского (PG 44,177D), которого цитирует: «Говорят, что человек есть μικρόκοσμον, т.е. малый мир; и состоит он из тех же элементов, что вселенная. [Но] тот, кто именем *убранство* возносит человеческой природе хвалу, принижает самого себя, наделяя высокочтимого человека свойствами, присущими комару и мыши. Ведь и они составлены из этих элементов» (P IV,793C). Сам Эригена считает, что «по той причине зовут человека κόσμος, что он убран по образу и подобию Божию ... ибо κόσμος в собственном смысле переводится как "убранство", а не "мир"» (Comm. 321A).

[29] В Ветхом Завете истина была приоткрыта в виде символов данного через Моисея Закона (Исх 20, 3), который есть лишь «тень будущих благ, а не самый образ вещей» (Евр 10,1). «Закон есть лишь тень и символ Нового Завета» (Comm. 300A).

Ассер

*

Ассер происходил из знатной семьи и был родственником епископа Нобиса Сент-Дэвидского. Он вырос, получил образование и принял монашество на западе Уэльса, скорее всего, в одном из самых древних монастырей этого края – в монастыре Св. Давида. В конце 80-х годов IX в. он стал епископом Шерборнским и приближенным короля Альфреда Великого. Согласно тому что Ассер пишет в своей книге, в 887 г. он уже жил при дворе и исполнял обязанности чтеца и в какой-то мере личного секретаря короля, так как обсуждал с королем прочитанное и выписывал заинтересовавшие того отрывки в отдельные книжечки. Когда в 90-х годах король Альфред начал осуществлять свою просветительскую программу, среди ученых мужей из разных областей Англии и из стран за ее пределами, собравшихся при дворе, был и Ассер. Его имя упоминается Альфредом в предисловии к древнеанглийскому переводу «Пастырского попечения» св. Григория Великого в числе тех, кто помогал королю в этом труде. Устное предание, дошедшее до наших дней благодаря Вильяму Мальмсберийскому (1090–1143), рассказывает о том, что Ассер работал вместе с королем и над переводом «Утешения философией» Боэция, объясняя Альфреду непонятные места латинского текста. Есть свидетельства, что и после смерти Альфреда Ассер оставался при дворе его сына Эдварда Старшего и пользовался его уважением и доверием. Умер Ассер в 908 (согласно одной из уэльских хроник) или в 910 г. (согласно «Англосаксонской хронике»).

О деяниях Альфреда

Господину моему, досточтимому и благочестивейшему правителю всех христиан Британского острова Альфреду, королю англов и саксов, Ассер, наихудший из рабов Божиих, желает тысячекратного процветания в жизни, согласно стремлению и желанию их обоих.

Альфред, король англосаксов, родился в год от Воплощения Господня 849 в королевском поместье, которое называется Ванатинг, в области, зовущейся Беррокскир[1]. Эта область получила такое название от Беррокского леса, где изобильно произрастает самшит. Родословие Альфреда[2] составляется из следующего ряда предков: король Альфред, сын короля Этельвульфа, который был сыном Экберта, который был сыном Эальхмунда, который был сыном Еафы, который был сыном Эоппы, который был сыном

Ингильда; Ингильд и Ине – этот прославленный король западных саксов – были два родных брата; Ине отправился в Рим и там, с почестью окончив жизнь века сего, достиг Небесной Отчизны, чтобы царствовать со Христом; оба они были сыновьями Кеолвальда, который был сыном Куды, который был сыном Кутвине, который был сыном Кеавлина, который был сыном Кюнрика, который был сыном Креоды, который был сыном Кердика, который был сыном Эслы, который был сыном Гевиса (по имени которого бритты называют весь этот народ гевисами), который был сыном Вига, который был сыном Фреавине, который был сыном Фреодегара, который был сыном Годвульфа, который был сыном Геаты – этого Геату очень давно язычники почитали как бога. Поэт Седулий упоминает о подобном в метрической «Пасхальной песни», говоря так:

Коль непрестанно поют стихотворцы язычников басни,
В слоге напыщенном их украшая трагическим воплем,
Или раба болтовней и любыми искусно стихами,
Иль непристойною все уснащая и мерзкою грязью,
И воспевают они преступленья былые и ловко
Выдумки передают, чертя на папирусе нильском,
Что же я, зная псалмы Давида и десятиструнной
Строй Псалтири, и то, как надо достойно и чинно
В хоре священном стоять, воспевая небесные выси,
Не прославляю чудес Христа, Спасителя славных?[3]

Геата был сыном Тэтвы, который был сыном Беаву, который был сыном Скельдвеа, который был сыном Херемода, который был сыном Хатры, который был сыном Хвалы, который был сыном Бедвига, который был сыном Сифа, который был сыном Ноя, который был сыном Ламеха, который был сыном Еноха, который был сыном Иареда, который был сыном Малалеила, который был сыном Кайнана, который был сыном Эноса, который был сыном Сифа, который был сыном Адама.

О родословии матери Альфреда.

Мать Альфреда звалась Осбурга, весьма благочестивая женщина, благородная умом, благородная и происхождением. Она была дочерью Ослака, славного управителя короля Этельвульфа. Этот Ослак был гот по происхождению, ибо он был рожден от готов и ютов из рода Стуфа и Вихтгара, двух братьев и королевских наместников; они, приняв от своего дяди по матери, короля Кедрика, и его сына Кюнрика, их двоюродного брата, власть над островом Векта[4], убили немногих бриттов, жителей этого же острова, которых смогли на нем найти, в месте, называющемся Гвихтгарабург. Прочие жители этого же острова либо были убиты прежде, либо удалились в изгнание. ⟨...⟩

Отец и мать Альфреда, более того – все общей и сильной любовью любили его больше, чем его братьев; он всегда воспитывался при королевском дворе, не покидая его; когда Альфред подрос, перейдя из младенческого

возраста в отроческий, он казался обликом красивее своих братьев, лицом же, речами и обычаями приятнее. С колыбели Альфред прежде всего и наряду со всеми знаниями века сего развивал дарования возвышенной души, соединяя желание мудрости с благородством происхождения; но – о горе! – вследствие недостойной беззаботности своих родителей и воспитателей он оставался неграмотным до двенадцатого года и того более. Однако, будучи внимательным слушателем саксонских стихов, он днем и ночью часто внимал чтению других, легко воспринимал их на слух и удерживал в памяти. Альфред был ревностный охотник во всяком виде охотничьего искусства, он не напрасно трудился без устали; ибо никто не мог сравниться с ним опытом и удачей в этом искусстве, как и в прочих дарах Божиих, что и мы часто видим.

Однажды мать Альфреда показала ему и его братьям некую саксонскую книгу поэтического искусства, которую держала в руке, и сказала: «Я отдам эту книгу тому из вас, кто сможет быстро выучить ее наизусть». Альфред, побуждаемый ее голосом, более того, Божественным вдохновением, а также красотой заглавной буквы, которую он не мог прочесть, ответил матери, опережая своих братьев, старших возрастом, но не приятностью, и спрашивает ее так: «Правда ли то, что ты отдашь вот эту книгу одному из нас, то есть тому, кто сможет быстрее всех понять и рассказать ее наизусть перед тобой?» Мать, радуясь, с улыбкой подтвердила это, сказав: «Тому отдам книгу». Тогда Альфред тотчас же, неся книгу в руке, пришел к учителю и прочел ее. Прочтя, он пришел к матери и рассказал книгу наизусть. После этого Альфред выучил дневной круг молитв, то есть чтение часов, а затем некоторые псалмы и многие молитвы. Собрав их в единую книгу, он, как мы сами видели, носил ее с собой за пазухой днем и ночью, не расставаясь с ней, чтобы молиться, и возил ее с собой по всем путям своей жизни. Но – о горе! – он не смог получить того, чего весьма желал, а именно знания свободных искусств, потому что, как рассказывали, в то время во всем королевстве западных саксов не было хороших учителей. ⟨...⟩

В тот же год после Пасхи король Альфред с немногими помощниками построил крепость в месте, называемом Этелингаэг, и из этой самой крепости с благородными воинами Суммуртунской области[5] без устали возобновил непрерывную войну против язычников. И еще раз, в седьмую неделю по Пасхе, Альфред отправился верхом к скале Эгбрюхта[6], которая находится в восточной части лесистого места, зовущегося Селвуду, по-латыни «Silva Magna», по-бриттски «Coir Maur»[7]. Там встретили его все жители Суммуртунской и Вилтунской областей, а также все жители Хамтунского края[8], которые не выходили далеко в море из страха перед язычниками. Когда они увидели короля, они, как это прилично, исполнившись безмерной радости, приняли его после столь великих потрясений словно воскресшего из мертвых; король и его войско разбили там лагерь на одну ночь.

Оттуда, на следующее утро, когда рассвело, Альфред двинул свои хоругви в место, называемое Этандун[9]; придя туда, он сражался в жестокой битве против всего войска язычников в плотно сомкнутом боевом строю, зовущемся «черепахой». Мужественно устояв в течение долгого времени, Альфред наконец одержал победу; он рубил язычников в величайшей сече и преследовал бегущих, поражая их, до самой крепости. Он захватил все, что нашел вне стен крепости, а именно: людей, лошадей и скот; людей тотчас же убил и мужественно стал лагерем со всем своим войском перед воротами языческой крепости. Когда Альфред пребывал в этом месте в течение четырнадцати дней, язычники, доведенные до пределов отчаяния голодом, холодом и страхом, попросили мира на следующих условиях: чтобы король принял называемых по имени заложников, сколько пожелает, а им ничего не дал, как если бы они никогда прежде не заключали мир с другими. Выслушав их послание, король, движимый милосердием, поговорил с приближенными и принял от осажденных заложников, названных по имени, сколько захотел. Когда заложники были приняты, язычники, кроме того, поклялись, что быстро покинут королевство Альфреда, а также Годрум, их король, пообещал, что он перейдет в христианскую веру и примет крещение, подчинившись королю Альфреду. Все это Годрум и его подчиненные исполнили, как и обещали. Ибо через три недели Годрум, король язычников, пришел к королю Альфреду с тридцатью избранными мужами из своего войска в место, называемое Алре, близ Этелингаэг[10]. Король Альфред принял его как приемного сына и поднял его из купели Св. Крещения. Разрешение Годрума от хрисмы было на восьмой день[11] в королевском поместье, называемом Вэдмор[12]. После того как Годрум крестился, он остался с королем на двенадцать ночей. Король щедро наградил его многими милостями вместе со всеми его мужами. ⟨...⟩

Вышеназванная супруга короля Альфреда родила ему и сыновей, и дочерей: первой родилась Этельфлед, за ней Эадверд, затем Этельгеофу, потом Эльфтрют, далее был рожден Этельвеард, кроме тех, кто был настигнут и похищен смертью во младенчестве... Когда пришло время вступить в брак, Этельфлед была соединена узами супружества с Эадредом, военачальником Мерсии; Этельгеофу же, подчинив себя правилам монашеской жизни и посвятив Богу свое девство, приняла божественное служение; Этельвеард, самый младший, по Божественному замыслу и удивительной предусмотрительности короля, был поручен неусыпным заботам наставников вместе со всеми благородными детьми из почти всех областей страны и еще со многими незнатного происхождения в школе, где изучали азы грамоты. В этой школе непрестанно читались книги на двух языках, а именно на латыни и на саксонском; ученики также посвящали себя искусству письма, так что они оказывались прилежными и способными в свободных искусствах, прежде чем имели достаточно сил для свойственных взрослым людям искусств, то есть охотничьего и прочих, подобающих знатным мужам. Эадверд и Эльф-

трют неотлучно воспитывались при королевском дворе великим усердием воспитателей и кормилиц, более того, пользовались всеобщей большой любовью, относясь со смирением, обходительностью и кротостью ко всем местным жителям и иноземцам и пребывая в весьма большом послушании отцу. Но им не было позволено праздно и беззаботно жить, не обучаясь свободным искусствам, среди прочих занятий, которые приличествуют знатным людям, ибо они усердно учили и псалмы, и саксонские песни и часто пользовались книгами.

Между тем, однако, среди войн и нередких препятствий жизни века сего, а также вражды язычников и ежедневных немощей плоти Альфред не переставал в меру сил без устали управлять государством и усердствовать во всяком охотничьем искусстве, а также учить всех своих золотых дел мастеров, и прочих ремесленников, и сокольничих, и смотрителей ловчих птиц, и псарей, и возводить своим ухищрением новые постройки сверх всякого обычая своих предшественников, более достойные восхищения и дорогостоящие, и учить наизусть саксонские книги, и повелевать другими. Также он имел обыкновение ежедневно слушать божественное служение и миссу, читать некоторые псалмы и молитвы и вычитывать дневные и ночные часы; тайно от близких он приходил в ночное время в церковь для молитвы. Он усердно творил милостыню, был щедр по отношению к местным жителям и пришельцам из всех народов и с величайшей и необыкновенной по сравнению со всеми людьми любезностью и веселостью присоединялся со знанием дела к исследованию неизвестных вещей. Многие франки, фризы, галлы, язычники, бритты, скотты, жители Арморики, как знатные, так и простого происхождения, по своей воле предали себя под его власть; он управлял ими всеми как своим собственным народом, согласно их положению, любил их, оказывал им почести, одарял деньгами и милостями. Также король имел обыкновение слушать Божественное Писание, которое читали вслух уроженцы его страны, или слушать молитвы с усердием и заботливостью вместе с иноземцами, если по какому-то случаю кто-нибудь приехал из какого-либо другого места. Также король питал удивительную любовь к своим епископам и всякому церковному чину, своим военачальникам и знатным мужам, служителям и всем ближним. Днем и ночью среди прочих дел он также не переставал обучать всяческим добрым обычаям и напитывать ученостью сыновей своих приближенных, воспитывавшихся в королевской семье, любя их не меньше своих собственных детей. Однако король, словно не имея во всем этом никакого утешения и не претерпевая никакого смятения ни извне, ни изнутри, жаловался и сетовал с непрестанным воздыханием, принося озабоченно Господу и всем, кто был привлечен к нему дружеской любовью, ту ежедневную и еженощную печаль, что Всемогущий Бог сделал его несведущим в божественной мудрости и свободных искусствах. ⟨...⟩

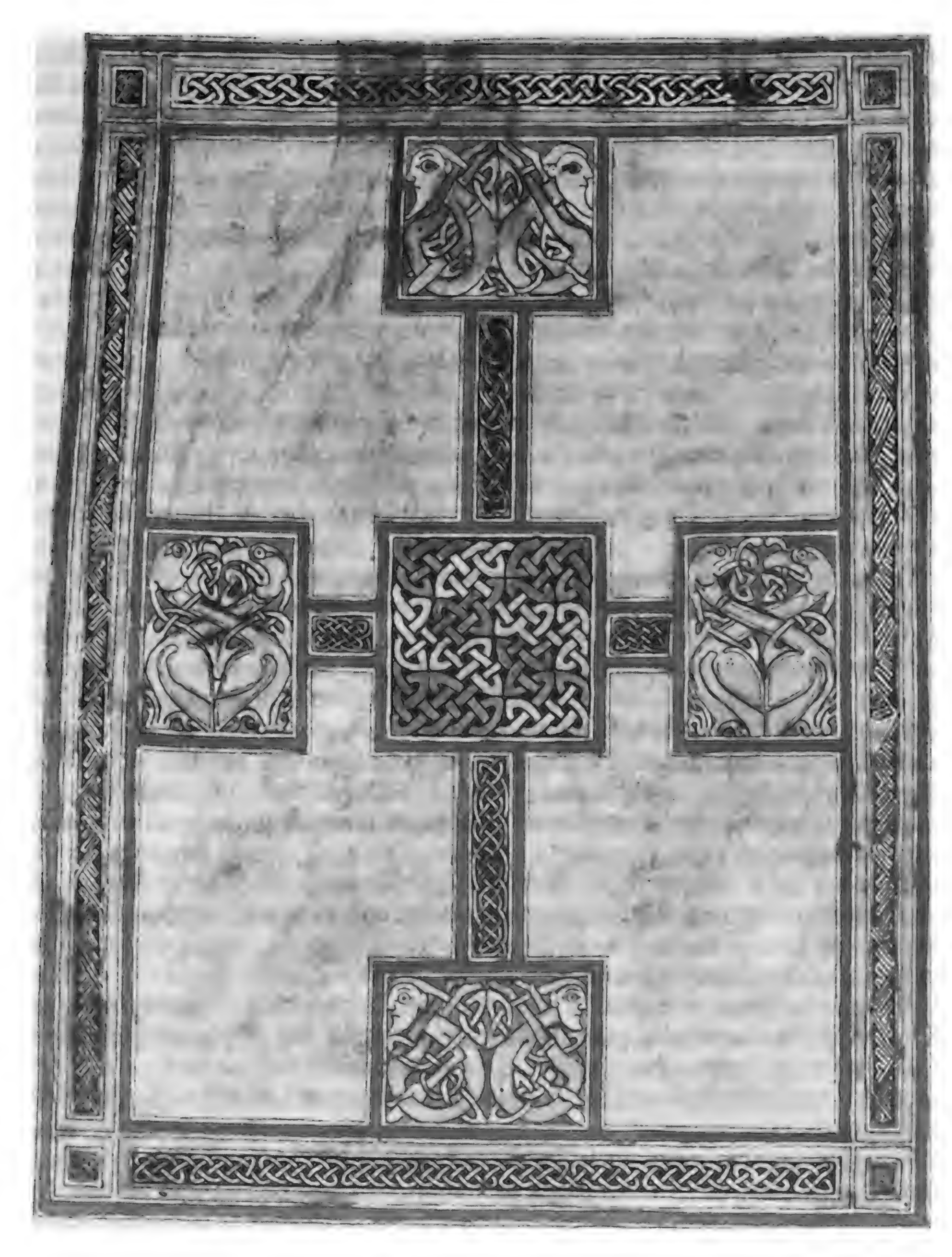
И так как Бог долго не подавал какого-либо утешения благому желанию короля и не отвечал на его благонастроенную и праведную жалобу,

были тогда призваны Альфредом, словно некие светильники, Верфрит[13], именно епископ Вигернской церкви, хорошо сведущий в Божественном Писании; сей муж по приказу короля ясно и безупречно, иногда заменяя смысл смыслом, впервые перевел книги Диалогов папы Григория и его ученика Петра с латыни на саксонский язык; затем Плегмунд[14], родом из мерсийцев, архиепископ Доробернской церкви, досточтимый муж, одаренный мудростью; также Ательстан и Вервульф[15], священнослужители и ученые капелланы, родом мерсийцы. Король Альфред призвал к себе этих четверых из Мерсии и возвысил их в королевстве западных саксов многими почестями и пожалованиями, кроме тех, которые имели в Мерсии архиепископ Плегмунд и епископ Верфрит. Благодаря учености и мудрости этих мужей желание короля непрестанно возрастало и исполнялось. Ибо днем и ночью, всякий раз как у него было какое-то свободное время, король приказывал читать себе вслух книги, так как он не терпел отсутствия кого-то из этих четырех; по этой причине он ознакомился почти со всеми книгами, хотя сам ничего не мог воспринять из книг до сих пор, поскольку до этого времени он не начал читать.

Однако, когда и это к тому времени не удовлетворило похвальной жажды короля к знаниям, Альфред направил послов за море в Галлию, чтобы отыскать наставников, и оттуда призвал Гримбальда[16], священнослужителя и монаха, досточтимого мужа, лучшего певца и во всех отношениях ученейшего в церковных знаниях и в Св. Писании, украшенного всякими добрыми обычаями; а также Иоанна[17], равно пресвитера и монаха, мужа проницательного ума, сведущего во всех областях искусства грамматики и знающего многие другие искусства. Благодаря их поучениям ум короля весьма развился, и он почтил и одарил своих наставников многими пожалованиями. ⟨...⟩

Также в этот год часто поминаемый Альфред, король англосаксов, по Божественному вдохновению впервые начал в один и тот же день читать и переводить. Но, чтобы незнающим это открылось более явно, я позабочусь изложить обстоятельства этого позднего начала.

Однажды, когда мы вдвоем находились в королевской палате, где, как обычно, беседовали, мне случилось прочесть ему какое-то свидетельство из некой книги. Когда король выслушал это с напряженным вниманием и тщательно исследовал в глубине души, он внезапно достал книжечку, которую прилежно носил за пазухой, где были записаны дневной круг молитв, некие псалмы и моления, читаемые им с юности, и велел, чтобы я записал найденное свидетельство в эту самую книжечку. Когда я услышал это, то, зная частично его плодоносное благое желание и его волю, столь преданную познанию Божественной мудрости, я воздел руки к небу и, хотя и молча, воздал благодарение Всемогущему Богу, Который вложил в сердце короля столь великую любовь к изучению мудрости. Но так как я не нашел в этой книжечке нисколько свободного места, куда я мог бы впи-



Изображение креста. Ирландская книжная традиция. Около 800 г.
Культура аббатства Санкт-Галлен / Под ред. В. Фоглера.
Stuttgart, 1993. С. 126. Ил. 72

сать столь большое свидетельство, – ибо книжечка была по многим причинам целиком заполнена, – я отложил это на некоторое время, в наибольшей степени потому, что старался побудить весьма утонченный ум короля к еще большему познанию Божественной премудрости. Когда же он настойчиво повторял, чтобы я как можно быстрее выписал это свидетельство, я сказал ему: «Не угодно ли тебе, чтобы я выписал это доказательство отдельно на какие-нибудь листочки? Ведь неизвестно, не найдем ли мы когда-нибудь подобное или, точнее говоря, многие свидетельства, которые тебе понравятся; если же это неожиданно случится, мы порадуемся, что их отделили». Услышав это, король сказал, что совет одобрен. Возрадовавшись его словам, я поспешил немедленно приготовить книжку в четверть листа, в начале которой я не без его повеления записал означенное свидетельство, и, как я и предсказал, в тот же день туда же, в эту маленькую книжечку, я занес по его приказанию еще не менее трех ему понравившихся свидетельств. И потом, когда мы, ежедневно беседуя друг с другом и исследуя этот предмет, нашли также иные свидетельства, удовлетворившие короля, эта книжечка заполнилась, как написано по всей справедливости: «на скромном основании строит праведник и мало-помалу переходит к большему», подобно тому как пчела в поисках изобилия летает повсюду, ища нектар и жадно и беспрестанно собирая его из многообразнейших цветочков Божественного Писания; она обильно наполнила келейки души своей. Ибо когда было записано это первое свидетельство, король тут же начал читать и переводить на саксонский язык и с этого времени стремился наставлять очень многих. И это верно о нем, словно о том блаженном разбойнике, который признал Господа Иисуса Христа, висящего рядом с ним на перекладине досточтимого Св. Креста, своим Господом и, более того, Господом всяческих; разбойник, возлагая на Него надежду в молитвах, только опустил плотские очи, ибо иначе не мог почтить Его, ведь он был весь пронзен гвоздями, и воскликнул кротким голосом: «Вспомни меня, когда придешь во Царство Свое, Христе», впервые начав узнавать первоосновы христианской веры на кресте. Так или иначе, хотя и несхожим образом, Альфред взял на себя смелость начать познавать первоосновы Св. Писания, будучи в чине царства, на праздник св. Мартина. Эти цветочки, собранные отовсюду, король продолжал узнавать от каких-нибудь наставников и вносить в свод единой книжечки, хотя и вперемежку, как их обретал под рукой, и дошел почти до величины целой псалтири. Он пожелал назвать ее «Энхридион», то есть «ручная книжка», потому что умудрялся держать ее под рукой день и ночь, имея в ней, как он тогда говорил, немалое утешение.

Но, как некогда было написано одним мудрецом: «...бодрствуют души, кого отягчает забота правленья...», я полагаю, что мне должно весьма позаботиться о том, чтобы сначала показать некое подобие, хотя и несхожим образом, между тем блаженным разбойником и королем: ибо крест, ненавиди-

мый как орудие пытки, дается всякому везде, где ему плохо. Но что делать человеку, если он не может избавить себя от этих обстоятельств, или избежать их, или, пребывая в них, при помощи какой-нибудь хитрости улучшить свое положение? Итак, человек должен – хочет он этого или не хочет – со скорбью и печалью переносить то, что он претерпевает.

Этот король был пронзен многими гвоздями страданий, хотя ему и было дано царское достоинство, ибо с двадцати до сорока восьми лет, которые ему ныне исполнились, он беспрестанно мучился от весьма тяжелых приступов неизвестной болезни, так что не имел ни одного часа покоя, когда бы он не претерпевал эту болезнь или не отчаивался бы горестно, в страхе ожидая ее приступа. Далее, он не без повода тревожился по причине беспрерывных нападений внешних народов, которым он постоянно противостоял на суше и на море, не имея ни минуты покоя. Что сказать мне о частых походах против язычников и о битвах, о непрестанном управлении государством? Об участии в повседневной жизни народов, обитающих от Тирренского моря до крайних пределов Ибернии[18]? Ибо даже из Иерусалима мы видим дары, присланные Альфреду от патриарха Илии[19], и читаем послания от него. О вновь отстроенных больших и маленьких городах и о строительстве других городов, которых прежде не было? О золотых и серебряных зданиях, которым нет равных, которые были сооружены так, как он научил? О каменных и деревянных королевских дворцах и палатах, возведенных удивительным образом по его приказу? Об отстроенных в камне королевских поместьях, которые были перенесены с их древних мест в более красивые и подобающим образом поставлены по королевскому повелению? Кроме вышеназванной болезни, король страдал по причине величайшего смятения и споров своих приближенных, которые не хотели по своей воле принять никакого труда или очень небольшой для насущных нужд всего королевства. Однако король Альфред один, укрепляемый Божественной помощью, приняв однажды бразды правления, словно искуснейший кормчий, силится привести свой корабль, наполненный многими богатствами, к желанной и безопасной гавани своей родины, несмотря на то что почти все его моряки были изнурены, и не допускает его колебаний и качаний, хотя и ведет его среди волн и многообразных бурь сей жизни. Ибо для пользы всего королевства он подчинял и соединял по своей воле своих военачальников, епископов, знатнейших мужей и своих любимых служителей, а равно и своих наместников, которым, как и подобает, после Бога и короля была передана вся власть во всем королевстве, кротко уча их, говоря с ними ласково, увещая, приказывая, долго потерпев, сурово наказывая совершенно непослушных, ненавидя всеми способами всеобщую глупость и упрямство. И если по причине лени народа, несмотря на эти увещания короля, приказания не исполнялись или же то, что было с промедлением начато, во время нужды, будучи не законченным, не приносило пользы исполняющим приказ (это я говорю о крепостях, которые король велел строить,

не начатых до сего дня или весьма медленно строящихся и не доведенных до конца), полчища врагов вторгались то с моря, то с суши, как это часто случается, с обеих сторон, тогда противники королевских повелений, по причине бесплодного покаяния почти приведенные в уничижение, оробели. Ибо бесплодным покаянием я, по свидетельству Св. Писания, называю то, к которому прибегают в страданиях многие люди по причине чрезмерных потерь, так как они повержены многочисленными кознями. Но поскольку по этой причине – увы, о горе! – эти люди опечалились самым жалким образом, когда погибли их отцы, супруги, сыновья, служители, рабы, служанки, их труды, и они всячески были горестно встревожены, что способствовало ненавидимому ими покаянию, когда они не смогли прийти на помощь тем своим близким, которые погибли, ни выкупить из ненавистного рабства тех близких, кто был взят в плен, а иногда еще и самим себе, спасшимся, не могли помочь, так как не имели, чем поддержать собственную жизнь. Сокрушенные поздним раскаянием, они покаялись и скорбели оттого, что беззаботно презрели обращенные к ним королевские предписания, единодушно восхваляли королевскую мудрость и пообещали всеми силами исполнить то, что прежде отвергали, то есть строить крепости и прочие сооружения, полезные для всего королевства. ⟨...⟩

... Так как Альфред не мог верно измерять полностью протяженность ночных часов по причине темноты, а дневных – по причине частых дождей и плотности облаков, он начал придумывать, с помощью какого твердо установленного и несомненного расчета он мог бы, полагаясь на милость Божию, сохранять до кончины по своему желанию предложенный ход времени. Альфред думал над этим в течение некоторого времени, и наконец, изобретя полезное и разумное устройство, он приказал своим капелланам принести достаточное количество воска; он велел развесить принесенный воск при помощи денариев по два фунта; и когда это большое количество воска, весившее семьдесят два денария, было отмеряно, приказал своим капелланам сделать из него шесть свечей одинакового веса так, чтобы каждая свеча имела по всей длине отмеченные через каждые двенадцать унций веса выступы. Вследствие этого найденного расчета шесть свечей горели, пылая, днем и ночью в течение двадцати четырех часов без перерыва перед святыми мощами многих избранников Божиих, которые сопровождали короля всегда и повсюду. Но подчас сияющие свечи не могли гореть целые сутки до того часа, когда они были зажжены накануне, по причине весьма сильной ярости ветров; ветры иногда беспрерывно, днем и ночью, дули через двери и окна церквей, сквозь изгороди и дощатую обшивку, сквозь частые щели в стенах зданий, а равно и сквозь редкое полотно походных шатров; свечи сгорали быстрее, чем должно, угасая до назначенного часа. Король придумал, как он сможет воспрепятствовать столь великому дыханию ветров. Он мудро изобрел искусное устройство, а именно: он приказал изготовить красивый фонарь из дерева и бычьего рога, ибо бычий рог, добела

выскобленный топориком, пропускает свет не хуже стеклянного сосуда. Когда этот фонарь был удивительным образом изготовлен из дерева и рога, как мы сказали прежде, свеча, помещенная в него, ночью весьма светло горела внутри него, и свет изливался наружу; ей не препятствовало никакое дуновение ветров, так как король приказал сделать крышку из рога на дверку этого фонаря. После того как это устройство было изготовлено, одна за другой шесть свечей в течение двадцати четырех часов без перерыва горели ни быстрее, ни медленнее, чем нужно. Когда же эти свечи гасли, зажигались другие.

Когда это дело было приведено в порядок, король, посвятивший Богу половину своего служения, пожелал хранить и преумножать это служение, насколько позволяли ему обстоятельства, поддержка близких, более того, еще и болезнь. Ища истину, король был судьей, суровым в суждениях, по причине попечения о бедных, о которых он удивительным образом ревностно заботился день и ночь среди прочих должных дел сей настоящей жизни. Ибо во всем этом королевстве бедняки, кроме него одного, не имели никаких помощников или же очень малое их число; конечно, еще и по той причине, что почти все властители и знатные люди этой области склонялись умом более к светским, чем к божественным делам; ведь в светских занятиях каждый ищет скорее частного, чем общественного.

Король стремился также в своих суждениях к пользе своих подданных знатного и простого происхождения, которые подчас упрямо не соглашались друг с другом в собраниях военачальников и наместников, так что почти никто из них не считал, что верны какие бы то ни было принятые ими решения. Принуждаемые этим упрямым несогласием, подданные Альфреда решили по отдельности подчиниться решению короля, что тотчас же и поспешили исполнить с обеих сторон. Однако тот, кто со своей стороны узнал, что в этом деле им была допущена несправедливость, принужденный, хоть и против воли, но в силу закона и договора, идти на суд к таковым судьям, по своей воле не желал явиться. Ибо такой человек знал, что в то же время не сможет быть скрыто ни одно из его злодеяний; конечно, ведь этот король был отличный исследователь как в исполнении правосудия, так и во всех остальных делах. Ибо король проницательно исследовал почти все приговоры всего своего края, которые были вынесены в его отсутствие: каковы они были – справедливые или несправедливые; если же в этих приговорах он видел несправедливость, то, мягко обращаясь с этими самыми судьями, лично или через других своих доверенных людей допрашивал их, по какой причине они судили столь несправедливо: по неведению ли или вследствие какой-либо неприязни, то есть по любви к кому-нибудь, или из страха, или ненависти, или по жадности к чьим-то деньгам. Наконец, если эти судьи открыто заявляли, что они рассудили таким образом, потому что не смогли узнать ничего более правильного из этих дел, король, осмотрительно и умело изобличая их в незнании и неразумии,

говорил следующее: «Я весьма удивляюсь вашему самомнению, так как вы, по Божию и моему пожалованию, получили служение и степень мудрецов, но пренебрегли стремлением к мудрости и трудами ее. По этой причине либо тотчас же оставьте служение властей предержащих, которое несете, либо приказываю, чтобы вы постарались предаться весьма глубокому изучению мудрости». Услышав эти слова, военачальники и наместники, устрашенные и словно исправленные величайшим наказанием, всеми силами попытались обратиться к изучению справедливости, с которой им должно было ознакомиться, так что удивительным образом военачальники, наместники и служители, почти все неграмотные с детства, изучали искусство грамматики, более желая как можно более трудолюбиво овладеть непривычным искусством, чем оставить служение властей предержащих. Но если кто-нибудь не мог делать успехов в изучении грамматики по причине старости или великой медлительности неиспользуемого ума, имея сына, ему, или же какому-то своему родственнику, или еще, если иначе не мог, своему человеку, подходящему для этих занятий, свободному или рабу, которого он задолго до того назначил для чтения, приказывал читать себе вслух днем и ночью саксонские книги, когда бы ни имел немного свободного времени. И, вздыхая, эти мужи весьма скорбели в глубине души своей, ибо в юности своей они не занимались подобными науками, и считали счастливцами юношей сего времени, которые могли благополучно обучаться свободным искусствам, а себя полагали несчастными, так как это ни в юности не учили, ни в старости не могли постигнуть, хотя бы и желали этого как угодно сильно. ⟨...⟩

[1] Ныне Вентедж в графстве Беркшир.

[2] Генеалогическое древо Альфреда составлено Ассером на основе родословия его отца, Этельвульфа, которое приводится в «Англосаксонской хронике» под 855 г.

[3] Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков. М.,1998. С. 317.

[4] Остров Вайт.

[5] Ныне Ателней в графстве Сомерсетшир.

[6] Ныне Эгбрихтс-Стоун.

[7] Ныне Селвудский лес.

[8] Ныне графства Сомерсетшир, Вилтшир и Хемпшир.

[9] Ныне Эдингтон в графстве Вилтшир.

[10] Ныне Аллер, около Ателнея в графстве Сомерсетшир.

[11] Хрисма – помазание миром, особым составом, в который входят эфирные масла и смолы. Миро варится предстоятелем церкви при чтении особых молитв и Евангелия. Освященным миром помазываются лоб, веки, губы, уши, ноздри, грудь, руки и ноги человека после крещения. Согласно раннехристианскому обычаю, новокрещеный снимал белые крестильные одежды только на восьмой день по крещении, тогда же особой губкой с него смывали миро.

[12] Ныне Ведмор в графстве Сомерсетшир.

[13] Верфрит, или Верферт – епископ Вустерский (ок. 872–ок. 915). Поскольку Верферт упомянут в завещании короля Альфреда, вероятно, он был не только соратником короля, но и близким его другом.

[14] Плегмунд – архиепископ Кентерберийский (ок. 890 – 2 августа 923).

[15] Имена Ательстана и Вервульфа еще встречаются в грамотах начала X в., т.е. они остались при королевском дворе и после смерти Альфреда.

[16] Гримбальд, монах из братии монастыря Сен-Бертен, приглашенный в Англию ок. 886 г. О его деятельности в Англии известно мало: помогал Альфреду понять и перевести «Правило пастырское» св.Григория Великого, отказался принять сан архиепископа Кентерберийского (888 г.), возможно, принимал участие в основании монастыря в г. Винчестере. Умер 8 июля 901 г.

[17] Иоанн, приглашенный из континентальной Саксонии и назначенный настоятелем в монастырь Ателней; помогал Альфреду в переводе «Правила пастырского» св. Григория Великого. Его подписи стоят на грамотах начала X в.

[18] Ирландия.

[19] Илия III, патриарх Иерусалимский (879–907).

Ноткер Заика

*

Ноткер Заика (840–912) – последняя крупная фигура Каролингского Возрождения, стоящая уже на рубеже X в. Он был поэтом, композитором, богословом, историком, агиографом и во всех этих жанрах умел выделяться из единообразной массы монастырской литературы своего времени.

Ноткер был родом из Алеманнии (Швабии), учился в Санкт-Галлене, а выросши, стал библиотекарем Санкт-Галленского аббатства и учителем монастырской школы. Несмотря на свое заикание (о котором он говорит не раз), он был отличным учителем и пользовался общей любовью. Сохранились его письма, в прозе и стихах, к одному из его учеников, будущему аббату Соломону III; они отличаются ученостью, изяществом и нежностью. Одно из них приведено ниже. Вместе с двумя другими монахами, поэтом Ратпертом и гимнографом Тутилоном (создателем жанра тропов) он составлял как бы триумвират, бывший центром духовной жизни Санкт-Галлена. Имя его не раз упоминается в «Истории Санкт-Галлена», написанной в XI в. Эккехардом. Описывается он так: «Видом Ноткер был прост, но духом – ни в коей мере; языком заикался, но умом – нимало; в предметах божественных был высок, в испытаниях – терпелив; мягок во всем, но со школярами строгий наставник; робок перед неожиданным и внезапным, но тверд, когда его терзали злые духи, ибо им он умел противостоять с отвагою. В молитвах, в чтении, в сочинении он не ведал отдохновения, и чтобы короче описать святость его нрава, был он истинный сосуд Духа Святого, и полнее его не было в те дни никакого». Впрочем, эта святость не препятствовала проявлениям характера живого и веселого: в той же «Истории Санкт-Галлена» рассказывается, как однажды Ноткер, Ратперт и Тутилон втроем отколотили епископского наушника, подслушивавшего их разговоры в библиотеке, крича при этом, что они поймали дьявола; в другом месте рассказывается, как монахи соседнего Рейхенау хвастались, будто поймали в Боденском озере рыбу в двенадцать пядей, а Ноткер им ответил, что у них в Санкт-Галлене даже зимой растут грибы; над ним посмеялись, но это была правда – грибы росли в погребе рядом с монастырской кухней, где было и сыро, и тепло: и вот ближайшей зимой Ноткер послал в Рейхенау большой гриб со стихотворной записочкой, где просил прислать в ответ, если можно, хоть косточки удивительных рейхенауских рыб. Собственно, только такие сведения о Ноткере и побуждают некоторых исследователей приписать ему авторство стихотворного пересказа народной сказки-шутки «О козле и трех братьях» (приведенной ниже), сохранившейся в санкт-галленских архивах в подлинном автографе, но без имени автора.

Главный вклад Ноткера в средневековую латинскую поэзию – это разработка жанра секвенций. В посвятительном письме к епископу Лиутварду Верцелльскому

он рассказывает, что смолоду ему было трудно запомнить сложные напевы «аллилуй» и он пытался подобрать под них слова; когда ему было 22 года, в Санкт-Галлен из разоренного норманнами Жюмьежа приехал священник со сборником северофранцузских секвенций; взыскательному Ноткеру они показались неудачными, и по совету своего учителя ирландца Мёнгала он стал сочинять по их образцу свои собственные, а уже много позже (в 884–887 гг.) собрал их вместе и посвятил Лиутварду Верцелльскому. Считалось, что Ноткер написал 50 секвенций; выделить их из того множества произведений этого жанра, которое оставила Санкт-Галленская школа, – дело очень трудное. Из трех секвенций, приведенных ниже, две первые считаются собственными ноткеровскими (сохранилось предание, что мелодия знаменитой секвенции на Пятидесятницу была подсказана ему шумом мельничного колеса в Санкт-Галлене), третья – принадлежащей кому-то из его учеников или подражателей.

Как композитор Ноткер не ограничивался сочинением мелодий к своим секвенциям, но составил и краткий учебник музыки, главным образом на основе Боэция. Как агиограф он сочинил Житие св. Галла, основателя Санкт-Галлена, в необычной для своего времени форме – в виде диалога между Ноткером, Ратпертом и Хартманном (учеником Ноткера, будущим аббатом), написанного вперемежку прозой и стихами различных размеров; к сожалению, от этого произведения сохранились лишь отрывки. Как богослов он сочинил первый в Европе учебник латинской патристики («Notatio», посвященную Соломону): перечень комментариев к каждой библейской книге, потом перечень эксцерптов из отцов церкви, потом – авторов, лишь попутно занимавшихся этим предметом, потом – житий и фактов церковной истории; это небольшое сочинение имеет вид аннотированной библиографии. Но наиболее интересна деятельность Ноткера как историка – его «Деяния Карла Великого»; они сохранились без имени автора, но по некоторым стилистическим признакам, а также по самохарактеристике «я, беззубый заика...» приписываются Ноткеру с достаточной уверенностью.

«Деяния Карла» были написаны по побуждению императора Карла III Толстого, последнего из Каролингов, объединившего под своей властью все бывшие владения своего прадеда Карла Великого; Карл III посетил Санкт-Галленский монастырь в декабре 883 г., и «Деяния» были написаны тотчас после этого. Письменными источниками для Ноткера послужили Эйнхард, «Королевская летопись» и некоторые другие сочинения; но главными его источниками были устные предания. «Деяния» состояли из трех книг (сохранились полторы первые): о церковной деятельности Карла, о его военных подвигах и о его личной жизни; основу для первой книги дали Ноткеру рассказы его учителя Веринберта, основу для второй – рассказы отца Веринберта, старого дружинника Карла, третьей – рассказы еще какого-то неназванного лица. Материал этих рассказов располагается без всякой исторической последовательности, анекдот за анекдотом, с характерной фольклорной безымянностью: «Был некий священник...»; слог их жив и легок, хранит явные следы устного просторечия и очень непохож на ученый язык других сочинений Ноткера. Часто, особенно в первой книге, рассказы имеют сатирический оттенок: в соперничестве монастырей и епископата, заполняющем весь IX в., монах Ноткер твердо стоит на стороне первых и с любовью живописует, как Карл изобличал и наказывал невежество, тщеславие и распущенность белого духовенства. Образ Карла Великого в «Деяниях» в высшей степени героизирован и идеализирован: это

Монастырь Санкт-Галлен. Реконструкция. *Munz P*. Life in the Age of Charlemagne. L., 1969. P. 108. Il. 24

уже не историческое лицо, а персонаж народной легенды, идеальный правитель, справедливый, мудрый, добросердечный и грозный для врагов, средоточие всех добродетелей, как христианских, так и воинских. Этим и интересны «Деяния Карла» для исследователя – не как исторический источник, а как отражение народного представления о Карле, как отголосок устного предания IX в. «Деяния» пользовались успехом вплоть до XI в., когда на смену им пришли сказания о Карле еще более фантастического характера.

Секвенция на Рождество Господне

1. Предвечно рождшийся
Сын Господень,
Бесконечный, невидимый,

Которым зиждутся
Земля, небо,
И море, и твари его,

2. Которым дни и часы текут,
Вновь и вновь возвращаяся,

Которого ангелы поют
В небесах сладкогласные, –

Музыканты, играющие на лире, трубах и органе. Утрехтская псалтырь.
Munz P. Life in the Age of Charlemagne. L., 1969. P. 61. Il. 13

3. Он плотью облекся бренною,
Первородным
Грехом не запятнанной,
От Марии-девственницы,
Дабы снять с нас
Адама грех прародителя
И жены неразумной.

О том сей день возвещает нам,
Воссиявший
Сияньем продолженным[1]
Ибо солнце истинное
Лучезарно
Ветхие мира сумерки,
Возродясь, разгоняет.

4. Се ночь отступает пред новым
Светом звездным,
Взоры волхвов искушенные
Отвратившим.

Се пастырям дальнего стада
Свет забрезжил,
Блеском Господнего воинства
Ослепленным.

5. Возрадуйся, Матерь Божия,
Над коею вместо повивательниц
Ангелы Божьи
Пели славу Господу в вышних.

Помилуй, Иисусе Господи,
Приявший сей образ
человеческий,
Нас, многогрешных,
За которых принял ты муки,

6. И с которыми здесь смертную долю
Разделить удостоил ты,
Помилуй, Иисусе,
Прибегающих нас с мольбою

Причастить нас твоей Божеской доле,
Какового свершения
Удостой, Иисусе,
Сыне Божий единородный!

Секвенция на праздник Пятидесятницы[2]

Духа Святого
Благодать да пребудет с нами,

1. Наши души своим избравшая
Обиталищем,

И пороки из них исторгшая
Душепагубные.

2. Дух благой,
Человеков просветляющий,

Черный мрак
Изгони из сердца нашего!

3. Друг Святой
Всякого разумного помышления,

Твой елей
Милостиво излей на наши чувствия!

4. Ты, очиститель
Всех постыдных дел рода смертного,

Наши очисти
Очи внутренние, душевные,

5. Да узрим мы
Пред собою
Всевышнего нашего родителя,

Ибо только
Чистым сердцем
Узреть его могут земнородные.

6. Вдохновил ты пророков,
Дабы славу Христову
Возвестили, прозорливые;

Укрепил апостолов,
Дабы знамя Христово
Пронесли по миру целому.

7. В день, когда Божье
Слово воздвигло
Моря, земли и небес чертог,

Ты над водами
Веял, лелеял
Дыханьем твоим божественным.

8. Ты оживляешь
Вздохом животворным
Воды глубокие;

Ты человеков
Одухотворяешь
Прикосновением.

9. Мир, разъединяемый
На сто языков и нравов,
Воссоединяешь ты, Господи,

Идолопоклонников
Вернув к почитанью Бога,
Всех наставников превосходнейший.

10. Нас, к тебе припадающих,
Услышь благосклонно,
О Дух Святой,

Без кого все моления
Вовек не достигнут
До Господа.

11. Ты, чьей волею
Святые угодники
Светоч обретали познанья,
Тобою проникнуты,

В день сей праздничный
Христовых апостолов
Даром одарил небывалым,
От века неслыханным.

И день сей твоим изволением
Прославлен.

Секвенция на день воскресный

Поем соборно сладкий глас:
Аллилуйя!

1. По чину уставных молений
народ да взывает:
Аллилуйя!

И в горних бесплотные хоры
ответят напевом:
Аллилуйя!

2. Оное слово
на райской луговине
хор возглашает блаженных:
Аллилуйя!

Ясных созвездий
мерцающие светы
твердь оглашают весельем;
Аллилуйя!

3. Ветров дыханье,
облаков круженье,
молний блистанье
и громов гласы
да согласятся в стройном:
Аллилуйя!

Воды и струи,
дожди и ненастья,
грозы и мразы,
град, снег и ведро,
и лес, и луг да грянут:
Аллилуйя!

4. Здесь пестрые пташечки
сладкогласно
да величат Господа:
Аллилуйя!

Там звери бродячие
ревом шумным
да ответят ревностно:
Аллилуйя!

Церковь монастыря Корби. IX в. Западный фасад.
Нессельштраус Ц.Г. Искусство раннего средневековья.
СПб., 2000. С. 249. Ил. 31/30

5. Здесь горы стройные
пусть звучат напевом:
Аллилуйя!

Там долы низкие
огласятся эхом:
Аллилуйя!

6. Моря пучина,
ты возликуй и молви:
Аллилуйя!

Мира громада,
ты просияй весельем:
Аллилуйя!

7. Ныне повсюду
род человеков ликует:
Аллилуйя!

Благословляя
жизнь даровавшего Бога:
Аллилуйя!

8. Ныне, братия,
в веселии пойте:
Аллилуйя!

Вы же, отроки,
в лад припевайте:
Аллилуйя!

9. Все ныне в пенье вступайте:
Аллилуйя Господу,
Аллилуйя Христу
И Духу Святому Аллилуйя!

Слава тройческому единству!
Аллилуйя – Аллилуйя!
Аллилуйя – Аллилуйя!
Аллилуйя – Аллилуйя!

Три брата и козел

У одного у отца три юноши было, три сына –
Так преданье гласит, – а имущества было немного.
Вот, умирая, отец сыновьям оставляет в наследство
Только козла своего – в нем все его было именье.
Был он бедняк, и в хлеву у него не блеяли овцы,
Дружка к дружке теснясь, и быки у него не щипали
Ситник в привольных лугах, и козлята по травке зеленой
Взад и вперед не носились, бодливые выставя рожки.

Только в козле и была вся надежда, была вся отрада
Бедной семьи; только им и могли утолить они голод.
Вот об этом козле и стали наследники-дети
Спорить, отца схоронив и не зная, что делать с рогатым.
Все они братья родные, друг друга нисколько не хуже;
Каждому хочется треть от козла получить по закону.
Старший, однако, из них предлагает решенье иное:
«Нет, – говорит, – ни к чему нам делить козла на кусочки:
Больно уж он и статью хорош, и породой заметен;
Много полезнее нам сохранить его силу на племя.
Лучше пускай достанется он одному по условью:
Тот, кто покажет себя умнее других и хитрее,
Пусть и возьмет козла, как он есть, невредимым и целым».
Младшим братьям совет понравился старшего брата,
И порешили они меж собой: кто лучше сумеет
В долю себе пожелать козла такого большого,
Чтобы никто ничего не выдумал выше и толще, –
Тот и получит немедля козла в свое обладанье.
Тут-то старший брат из сердца слова исторгает[3]:
«О, когда бы Господь такого козла мне послал бы,
Чтобы по целой земле, под всеми зонами неба
Было бы можно сравнять с вершинами горными долы
И понасыпать повсюду холмы превосходнейшей соли, –
Но и тогда бы ее, этой соли, было бы мало,
Чтоб от козла моего засолить хоть один оковалок,
Или хотя б по щепотке присыпать всю прочую тушу!»
Средний брат, в свой черед, откликается старшему брату:
«Господи Боже, пошли мне козла такого большого,
Чтобы из пряжи из всей, что пряласъ с сотворения мира,
Было бы можно связать одну длиннейшую нитку,
Но и она не могла охватить бы даже копытце
С ножки козла моего, – а о туше так нету и речи!»
Младший брат на это в ответ восклицает со вздохом:
«О, пускай бы такой мне достался по милости Божьей
Дюжий козел, чтоб на роге его, вознесшемся к небу,
Птичка свила бы гнездо по весне, а потом полетела
С рога на рог, и тогда, в своем быстрокрылом полете
Раньше лишилась бы всех своих перьев несчастная птичка,
Прежде чем ей долететь удалось бы от рога до рога»[4].
Вот какими они в своем споре менялись речами.
Пусть же тот, кто себя считает ученым и умным,
Сам теперь скажет, который из них из троих победитель,
И по условию должен козла получить во владенье.

Послание к Соломону о пяти чувствах

Ты ли, наместник Христов, легкомысленных полон пороков?
Ты ль освященной рукой грязи коснулся мирской?
Не допускай ты очей до скверны, к позору ведущей,
Но обрати ты свой взгляд к звездам, что в небе горят.
Ты не целуй никого и грудей не лобзай похотливо,
Чтоб блудодейственным ртом Бога не славить потом.
Ты научить поспеши глаголу внимать твои уши:
Бог положил им начал, заповедь нам завещал.
Если же ноздри твои ощутят дуновение выси,
С Богом Всевышним тогда будешь во все времена.
Если ты сможешь внять этим десяти струнам[5],
То все пять внешних чувств сохрани
Незапятнанными.
Если же недра сердца
Ты отдашь в руки Громовержца,
Будешь ты достоин, чтобы все народы тебя восхваляли,
А не бесстыдные жены поносили.
Ибо если будешь любить одну из всех,
Прочие поднимут тебя на смех;
Если же всех возлюбишь,
То чувства одной обидишь.
Будь мужчиной: ласковых слов, томной походки,
подведенных очей, белой кожи, рта безбородого
Избегай, как яда смертельного.
Ты – оратор, ты – иерей, ты – часть тела Христова, ты – слепых просветление,
Ты – тот, на чью браду должно снизойти духовное помазание,
Чтобы посвятить тебя в высшее священнослужение[6].
Пишу я тебе слово это,
И не изменю его ни за серебро, ни за злато,
И даже (о чем более пекуся)
Гнева твоего не убоюся.

Деяния Карла Великого

Книга первая

1. После того как Всемогущий Владыка всего сущего и Устроитель царств и веков сокрушил в лице римлян оного чудного истукана с железными или глиняными ногами[7], воздвиг он у франков другого, не менее чудесного, истукана с золотой головой в лице славного Карла. Когда Карл стал еди-

новластным правителем в западных странах мира, а занятия науками почти повсюду были забыты, и потому люди охладели к почитанию истинного божества, случилось так, что к берегам Галлии прибыли из Ирландии вместе с британскими купцами два скотта – люди несравненной осведомленности в светских науках и Священных Писаниях. И хоть они и не выставляли напоказ никакого продажного товара, все же имели обыкновение зазывать толпу, стекавшуюся для покупок: «Кто жаждет мудрости, подходи к нам и получай ее – у нас ее можно купить». Но, говорили они, продают они ее только потому, что видят, насколько охотнее народ приобретает то, что продается, нежели то, что предлагается даром. Таким способом они намеревались или вызвать людей на покупку мудрости, как и всякого товара, или, как подтвердилось в дальнейшем, поразить и изумить их подобным объявлением. Словом, они кричали так до тех пор, пока удивленные или принявшие их за безумцев люди не довели о них до слуха короля Карла, который всегда любил мудрость и стремился к ней. Он тотчас потребовал их к себе и спросил, верно ли молва донесла до него, будто они возят с собой мудрость? «Да, – отвечали они, – мы владеем ею и готовы поделиться с теми, кто именем Бога будет достойно просить об этом». Когда же он стал выведывать у них, что они за нее запросят, они сказали: «Только удобное помещение, восприимчивые души и то, без чего нельзя обойтись в странствии, – пищу и одежду». Услыхав это, он очень обрадовался и тут же задержал обоих ненадолго у себя. А затем, когда ему пришлось отправляться в военный поход, одному из них, по имени Климент[8], он приказал остаться в Галлии и поручил ему довольно много мальчиков знатного, среднего и низкого происхождения, распорядившись предоставить им необходимое продовольствие и подходящие для занятий жилища. Другого же, по имени [Дунгал], он направил в Италию и вверил ему монастырь Святого Августина близ города Тицены, чтобы там могли собираться у него для обучения все, кто пожелает.

2. Тут и Альбин[9], родом из англов, прослышав, с какою охотой благочестивый король Карл принимает мудрых людей, сел на корабль и прибыл к нему; а он знал Священное Писание от начала до конца, как никто другой из современных ученых, и был учеником ученейшего Беды[10], наиболее сведущего толкователя Священного Писания после святого Григория[11]. Карл держал его при себе постоянно до конца своей жизни, за исключением времени, когда он отправлялся на войну; он хотел, чтобы его считали учеником Альбина, а Альбина – его учителем. Но он дал ему аббатство Святого Мартина в Туре, чтобы, когда он сам отсутствует, мог бы Альбин там отдыхать и обучать стекавшихся к нему учеников. Его обучение принесло столь богатые плоды, что нынешние галлы, или франки, могут сравниваться с древними римлянами и афинянами.

3. Вернувшись после долгого отсутствия в Галлию, непобедимый Карл приказал, дабы явились к нему мальчики, которых он поручил Клименту, и представили ему свои письма и стихи. Дети среднего и низшего сословия,

сверх ожидания, принесли работы, услащенные всеми приправами мудрости, знатные же представили убогие и нелепые. Тогда мудрейший Карл, подражая справедливости вечного судии, отделил хорошо трудившихся и, поставив их по правую руку от себя, обратился к ним с такими словами: «Я очень признателен вам, дети мои, за то, что вы постарались по мере сил своих выполнить мое приказание для вашей же пользы. Старайтесь же теперь достигнуть совершенства, и я дам вам великолепные епископства и монастыри, и вы всегда будете в моих глазах людьми, достойными уважения». Обратив затем свое лицо с видом величайшего порицания к стоящим налево и встревожив их совесть огненным взглядом, он бросил им, скорее прогремев, чем промолвив, такие вот грозные и насмешливые слова: «Вы, высокородные, вы, сынки знатных, вы, избалованные красавчики! Полагаясь на свое происхождение и состояние, вы пренебрегли моим повелением и своей доброй славой и с равнодушием отнеслись к образованию, предаваясь утехам, играм, лености и всяческим пустякам». После этого вступления он, вознеся к небу державную свою голову и непобедимую десницу, поразил их своей обычной клятвой: «Клянусь Царем Небесным, я ни во что не ставлю ваше знатное происхождение и смазливые лица – пусть восторгаются вами другие, но знайте одно: если вы немедленно не искупите прежней вашей беспечности неутомимым прилежанием, никогда никакой милости не дождаться вам от Карла!»

4. Из вышеназванных же бедняков взял он одного, лучшего чтеца и писца, в свою капеллу. (Так франкские короли обыкновенно называли свои святилища, по имени плаща святого Мартина, который они всегда брали с собой на войну для защиты себя и победы над врагом[12].) И вот когда однажды королю Карлу доложили о кончине некоего епископа и на его вопрос, оставил ли он какое-нибудь имущество или совершил ли какие-либо добрые дела, вестник ответил: «Не более двух фунтов серебра, государь», – то этот юноша, не в силах сдержать в груди душевного волнения, невольно воскликнул так, что услышал король: «Не велики сбережения для столь длинного и далекого пути!» Тогда благоразумнейший из людей, Карл, поразмыслив немного, сказал ему: «А ты думаешь, что, случись тебе получить это епископство, ты позаботился бы больше собрать для того дальнего путешествия?» Юноша, поспешно проглотив эти слова, точно скороспелый виноград, упавший ему сверху в разинутый рот, бросился королю в ноги и вымолвил: «Государь, это в Божьей воле и Вашей власти». И король сказал ему: «Стань за занавесь, которая висит за моей спиной, и слушай, сколь многие станут оспаривать у тебя эту почетную должность». И действительно, едва только услыхали о смерти епископа придворные, всегда выжидающие падения или по крайней мере смерти других, как стали добиваться каждый для себя места покойного через императорских приближенных. Но Карл, пребывая непоколебимым в своем решении, отказывал всем, заявляя, что не намерен нарушить своего слова, данного им тому юноше. Наконец и сама королева

Хильдегарда сначала послала знатнейших людей империи, а затем и собственной особою явилась к королю просить это епископство для своего капеллана. Благосклонно выслушав ее просьбу, он сказал, что не хочет и не может ей ни в чем отказать, но все же считает для себя недостойным обмануть того молодого клирика. Она же, затаив в душе гнев (так уж это свойственно всем женам, когда они хотят, чтобы их намерения и желания брали верх над волей мужей), сменила громкий голос на вкрадчивый и, пытаясь смягчить непреклонный дух императора ласковым обращением, сказала ему: «Мой господин и король, зачем этому мальчику епископство? Ведь оно его погубит. Умоляю тебя, мой милый государь, моя гордость и моя опора, отдай его твоему преданному слуге – моему капеллану!» Тут юноша, которому король велел стоять за занавесью позади своего места, чтобы он мог слышать, как каждый станет осаждать его просьбами, обнял короля, не выпуская из рук занавеси, и жалобно произнес: «Государь, твердо стой на своем, чтобы никто не вырвал из твоих рук власть, данную тебе Богом». Тогда Карл, этот сильный, правдолюбивый человек, приказал ему выйти вперед и сказал ему: «Получай это епископство и поусердней заботься о том, чтобы оставить и для меня, и для себя побольше денег на путевые издержки в столь долгом путешествии, из которого нет возврата». ⟨...⟩

6. Так же и после смерти другого епископа император поставил на его место одного молодого человека. Когда же тот, обрадованный, вышел от него и слуги подвели ему к ступеням лестницы коня, соответственно его епископскому достоинству, он возмутился, что с ним обращаются как с больным и вскочил на коня прямо с земли с такой стремительностью, что едва смог удержаться на нем и не свалиться на другую сторону. Король, увидев это через оконную решетку своего дворца, тотчас велел позвать его к себе и сказал ему: «Добрый человек, ты скор и легок, ловок и стремителен. Как ты сам знаешь, спокойствие нашей империи со всех сторон нарушается тревогами войн. Поэтому именно такой капеллан нужен мне в моей свите. Оставайся же спутником наших тягот до тех пор, пока ты еще можешь так быстро вскакивать на своего коня».

7. Рассказывая о распределении ответных возгласов[13], я забыл сказать о порядке церковного чтения; об этом я позволю себе вкратце сообщить здесь дополнительно. В церкви ученейшего Карла никто не знал заранее, что именно ему придется читать, никто не мог отметить конец отрывка воском, или хотя бы сделать какую-нибудь отметинку ногтем, но каждый старался выучить все, что надлежало читать, так, что, когда бы его неожиданно ни заставили читать, он исполнял это безукоризненно. Король сам указывал того, кто должен читать, пальцем или протянутым жезлом или же посылая кого-либо из сидящих подле него к сидящим поодаль; а конец чтения отмечал покашливанием. К нему все так внимательно прислушивались, что, подавал ли он знак в конце предложения, или в середине отрывка или даже фразы, никто из следующих чтецов не осмеливался начать выше или ниже,

каким бы бессмысленным ни казались ему конец или начало. И так получилось, что при его дворе все были отменными чтецами, даже если они и не понимали того, что читали. Никакой посторонний и никакой даже известный ему человек, не умей он читать и петь, не осмеливался вступить в его хор.

8. Случилось как-то раз Карлу на пути зайти в какую-то большую церковь, и вот один из странствующих клириков, не знавший строгих правил Карла, самовольно приметался к хору; а так как он ничему подобному не обучался, то и остался стоять среди певчих безгласным и дурак дураком. Регент поднял свою палочку и грозил ударить его, если он не запоет. Тогда тот, не зная, что ему делать и куда ему деться, а выйти он не осмеливался, попытался, вертя во все стороны шеей и широко разевая рот, как можно лучше притвориться поющим. В то время как другие не могли удержаться от смеха, храбрый император, который даже в более трудных обстоятельствах умел владеть собой, казалось, и не замечал ужимок того клирика и в должном порядке ожидал конца мессы. Потом он подозвал к себе этого несчастного и, сочувствуя его старанию и затруднительному положению, утешил его такими словами: «Прими мою благодарность, добрый человек, за твое пение и твой труд», и приказал дать ему фунт серебра, чтобы облегчить его бедность...

9. Таким образом, прославленный Карл видел, что науки во всем его государстве процветают, но все же очень огорчался, что плоды их еще не столь созрели, как при прежних отцах церкви, хотя он и прилагал к тому прямо нечеловеческие усилия. С досады у него как-то раз вырвались слова: «Ах, если бы у меня было хотя бы двенадцать клириков, столь образованных во всех областях знаний, какими были Иероним и Августин!» На это высокоученый Альбин, который справедливо считал себя невеждой по сравнению с названными мужами, охваченный крайним негодованием (обнаруженным, впрочем, лишь на мгновение), отвечал со смелостью, на какую не отважился бы никто из смертных пред очами грозного Карла: «Создатель небес и земли не имел более им подобных, а ты их хочешь иметь двенадцать!» ⟨...⟩

11. Благочестивейший и воздержаннейший муж Карл имел обыкновение в дни поста есть в восьмом часу дня[14], после обеда и вечерни, не нарушая, однако, правил поста, потому что, в соответствии с Божьим предписанием, более он ничего не ел от часа до часа[15]. Тем не менее один епископ, вопреки запрету мудреца[16], весьма праведный, но и непомерно глупый, неосмотрительно упрекнул его за это. Мудрейший Карл, скрыв возмущение, смиренно выслушал его упрек и сказал: «Ты прав, любезный епископ, предостерегая меня; а теперь я повелеваю тебе ничего не есть прежде, чем последние слуги при моем дворе не сядут за стол». Но пока ел Карл, ему прислуживали герцоги и правители или короли разных народов. После его трапезы они сами садились за стол, а им прислуживали графы и наместники и знать разных чинов. Когда и они заканчивали еду, приходили военные и дворцовая стра-

Интерьер одной из нескольких хорошо сохранившихся церквей IX в.
Церковь Св. Филиберт-де-Грандлье. 856–859 гг.
Heer F. Charlemagne and his World. L., 1985. P. 175 Ил. 8

жа. После них – начальники всевозможных дворцовых служб, затем служащие, наконец, слуги самих слуг, так что последние не садились за стол раньше полуночи. И когда подходили к концу сорок дней поста, а этот священник все еще должен был терпеть такое наказание, мягкосердечный Карл сказал ему: «Теперь, я полагаю, ты убедился, епископ, что я не из невоздержности, а из-за предусмотрительности обедаю в дни поста раньше вечернего часа».

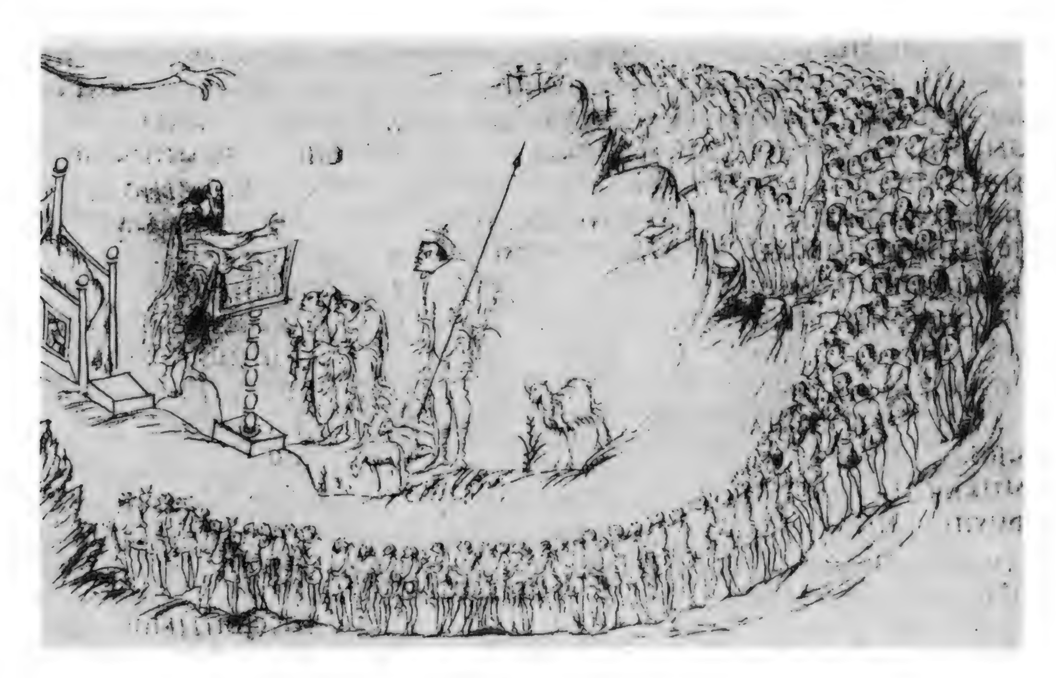
12. Другого епископа Карл как-то раз попросил о благословении, и, когда тот, осенив хлеб крестом, взял первый кусок себе, а уж потом намеревался предложить Карлу, сказал ему Карл: «Возьми себе весь этот хлеб». И, пристыдив его таким образом, он отказался принять его благословение. 〈…〉

16. Поскольку я уже рассказал о том, как мудрейший Карл возвышал смиренных, я намерен рассказать теперь, как он унижал спесивых. Был некий епископ, тщеславный и большой охотник до пустяков. Заметив это, умнейший Карл приказал одному торговцу-еврею, который часто ездил в Землю обетованную[17] и морем привозил оттуда множество редкостных и неве-

домых товаров, каким-нибудь образом одурачить того епископа или поднять его на смех. Названный торговец, поймав обыкновенную домовую мышь, набальзамировал ее и предложил упомянутому епископу ее купить, говоря, что этого драгоценнейшего и никогда прежде не виданного зверя он привез с собой из Иудеи. Необычайно обрадованный епископ предложил ему три фунта серебра, лишь бы заполучить эту диковинку. Тут еврей вскричал: «Хороша цена за такую драгоценность! Да я скорее брошу ее на дно морское, чем соглашусь, чтобы кто-то получил ее за столь ничтожную и недостойную цену». Епископ, очень богатый, но никогда ничего не подававший бедным, пообещал ему десять фунтов за эту несравненную вещь. Тогда хитрец этот, прикинувшись возмущенным, воскликнул: «Да не допустит бог Авраама, чтобы пропало столько моих трудов и расходов по ее доставке!» Жадный клирик, домогаясь этой драгоценности, посулил ему двадцать фунтов. Но еврей вне себя от гнева, завернув мышь в дорогую шелковую ткань, собрался уходить. Епископ, обманутый, – да и впрямь заслуживший такой обман, – окликнул его и дал ему полную меру серебра, лишь бы завладеть таким сокровищем. Наконец, торговец, осаждаемый долгими упрашиваниями, согласился, хотя и с трудом, а полученное серебро отнес императору и рассказал ему обо всем этом. Спустя несколько дней король созвал всех епископов и сановников страны на совещание и после рассмотрения многих неотложных дел приказал принести все то серебро и положить его посреди зала. Затем он обратился к ним с такими словами: «Вы, епископы, наши отцы и попечители, вы должны служить бедным, а через них – самому Господу Христу, а не гоняться за безделицами. Между тем вы все делаете наоборот и предаетесь тщеславию и алчности больше, чем кто-либо из простых смертных». И добавил: «Вот сколько серебра дал один из вас некоему еврею за одну домовую набальзамированную мышь». Тогда епископ, уличенный в столь постыдном деле, бросился ему в ноги и стал молить о прощении за проступок. Король сделал ему заслуженный выговор и, пристыженному, разрешил уйти. ⟨...⟩

18. Я боюсь, о государь и император Карл[18], как бы мне своим стремлением исполнить Вашу волю не навлечь на себя недовольства во всех сословиях и особенно среди епископов высшего сана. Впрочем, обо всем этом мне не стоит заботиться – лишь бы только не потерять Вашего покровительства.

Благочестивый император Карл распорядился, чтобы все епископы его обширнейшего государства читали проповеди в церкви своей епископской резиденции перед определенным, им самим установленным, днем, а те, кто не выполнит этого, должны будут лишиться своего епископского достоинства. Но что я говорю о достоинстве, когда апостол утверждает: «Если кто епископства желает, доброго дела желает»[19], на деле же, если искренне признаться, при этом стремятся к большим почестям, а вовсе не к добрым делам. Так вот, епископ, о котором я уже говорил[20], пришел в ужас от такого приказа: ведь он ни на что другое не был способен, кроме как чваниться и



Произнесение проповеди. Миниатюра Утрехтской псалтыри.
Нессельштраус Ц.Г. Искусство раннего средневековья. СПб., 2000. Ил.18

роскошествовать; опасаясь, однако, как бы в случае потери епископства ему одновременно не пришлось отказаться от своей роскошной жизни, он пригласил однажды в праздничный день двух вельмож королевского двора и после прочтения Евангелия поднялся на кафедру, словно намереваясь обратиться к народу. И когда по поводу столь неожиданного события все в удивлении столпились в церкви, кроме одного огненно-рыжего бедняка, который, стыдясь цвета своих волос, носил на голове, за неимением шляпы, кожаный колпак, сей епископ, лишь по имени, а не на деле, сказал своему церковному сторожу, или привратнику (древние римляне людей этого чина или службы именовали эдилициями[21]): «Приведи, – говорит, – ко мне этого человека с покрытой головой, который стоит у входа». Тот, торопясь выполнить приказ господина, схватил несчастного и стал тащить его к епископу. А он, страшась тяжелого наказания за то, что осмелился в храме Божьем стоять с покрытой головой, стал сопротивляться изо всех сил, словно вели его на суд к строжайшему судье. Тогда епископ, видя это с возвышения, громогласно стал кричать, то обращаясь к своему служащему: «Держи его! Смотри, чтобы не убежал!», то браня этого несчастного: «Ты должен подойти, хочешь ты или не хочешь». Когда наконец бедняк, побежденный силой или страхом, стал приближаться, епископ вскричал: «Подойди же ближе, ну еще, еще ближе!» Затем, схватив его головной убор, сорвал его и объявил

присутствующим: «Вот смотрите, люди, оказывается, этот бездельник рыжий!»; потом, повернувшись к алтарю, он стал освящать дары, хоть это и была видимость освящения. По окончании обедни вошли гости в зал, разукрашенный пестрыми коврами и разными занавесями, где великолепный праздничный стол с золотыми и серебряными сосудами, отделанными драгоценными камнями, мог возбудить аппетит даже у человека пресыщенного или мучимого морской болезнью. Сам же епископ сидел на мягчайших пуховых подушках, одетый в драгоценные шелковые одежды и облаченный в императорский пурпур; так что ни в чем у него не было недостатка, разве что в скипетре и королевском титуле.

Его окружала толпа богато одетых воинов, рядом с которыми придворные, то есть вельможи непобедимого Карла, казались сами себе совсем жалкими. Когда же они после этого удивительного, непомерно роскошного стола, необычного и для королей, пожелали покинуть пир, епископ приказал – чтобы его великолепие и слава обнаружились с еще большей очевидностью – выступить со всевозможными инструментами искуснейшим мастерам пения, от песен и игры которых могли бы смягчиться самые черствые сердца и застыть текущие воды Рейна. Самые разнообразные сорта напитков, смешанные со всякими приправами и пряностями, в кубках, увитых травами и цветами, вбирая в себя блеск золота и драгоценных камней и распространяя на них свое огненное сияние, оставались нетронутыми, потому что желудки были уже переполнены. И все же пекари и мясники, повара и колбасники с изысканным искусством готовили для отягченных желудков всевозможные возбуждающие аппетит лакомства, каких никогда не подавали на обед великому Карлу. А на другое утро, когда епископ несколько отрезвел и ужаснулся расточительству, проявленному им накануне перед приближенными короля, он велел привести их к себе, одарил их по-королевски и стал упрашивать, чтобы они рассказывали о нем Карлу только хорошее и подобающее и сказали, будто он сам в их присутствии выступил в церкви перед народом с проповедью. Когда они возвратились, император спросил их, зачем приглашал их епископ, а они ответили, припав к его ногам: «Государь, чтобы ради Вашего имени нам оказать почести, каких мы далеко не заслуживаем». И добавили к этому: «Это превосходный епископ, весьма преданный Вам и всем Вашим придворным, и он вполне достоин высокого церковного сана. Если Вы удостоите веры наше ничтожество, то мы признаем, Ваше Величество, что слышали, как он читал проповедь с искусством декламатора». Все же император, зная о невежестве епископа, поинтересовался содержанием проповеди; и они, не смея вводить его в заблуждение, доложили ему все по порядку. Тогда он понял, что тот из страха рискнул лучше попытаться что-нибудь сказать, чем не повиноваться королевскому приказу, и разрешил сохранить ему епископство, хоть он и был его недостоин.

19. А вскоре после этого один молодой родственник короля на каком-то празднике наилучшим образом пропел «Аллилуйя!» и король сказал тому

же епископу: «Хорошо только что пропел наш клирик». Епископ, приняв, по своей глупости, эти слова за шутку и не зная о родстве певчего с императором, ответил: «Еще бы! Так сумел бы заорать и любой мужик на своих волов на пашне». На этот бесстыдный ответ император метнул на него подобный молнии взгляд[22] и поверг его, оглушенного, на землю ⟨...⟩

28. Когда среди своих предприятий император Карл мог позволить себе некоторый отдых, он все же пожелал оставаться в бездействии, но посвятил себя служению Богу, так что даже задумал построить в своем отечестве базилику[23] по собственному плану, которая превосходила бы древние сооружения римлян, и уже радовался, что вскоре достигнет исполнения своего желания. Для этой постройки он созвал со всех стран, расположенных по эту сторону моря, художников и мастеров разного рода. Над ними для надзора за выполнением работ он поставил одного аббата, наиболее сведущего из всех, не зная, однако, что тот мошенник. Лишь только император куда-то отлучился, как он стал отпускать домой за плату каждого желающего, а тех, кто не мог дать выкупа или кто не был выкуплен их хозяевами, он так загружал тяжелыми работами (как некогда египтяне мучили изнурительными трудами народ Божий), что не давал им никогда ни минуты отдыха. Таким мошенничеством он собрал несметное количество золота, серебра и шелковых тканей и, развесив предметы менее ценные в комнате, более ценные спрятал, заперев в сундуках и ларях. И вот вдруг ему сообщают, что дом его охвачен огнем. Он мчится туда, бросается сквозь пламя в комнату, где хранились сундуки, полные золота; и, не желая выйти только с одним сундуком, взгромоздил он по сундуку на оба плеча и стал выходить. В этот миг огромная горящая балка свалилась на него, сожгла его тело земным пламенем, а душу послала в вечный огонь. Так суд Божий бодрствовал за благочестивого Карла, когда сам он, занятый государственными делами, не мог уделять этому достаточного внимания ⟨...⟩

34. Длинное и ниспадающее ночное одеяние императора отвлекло меня от рассказа о его военной одежде. У древних франков одежда и украшения были такие: башмаки, обшитые снаружи золотом, с длинными, в три локтя, шнурками, ярко-красные обмотки на голени и сверху льняные штаны или набедренник, хоть и такие же по цвету, но украшенные искуснейшим шитьем; спереди и сзади они обмотаны крест-накрест длинной тесьмой. Затем рубашка из белого полотна и поверх нее перевязь с мечом. Меч лежал в ножнах, был обтянут какой-нибудь кожей и обернут белоснежным, до блеска навощенным для прочности полотном с отчетливо выступающим крестом посередине на погибель врагам. Последней частью их одеяния был серый или голубой четырехугольный плащ на подкладке, скроенный так, что, накинутый на плечи, он ниспадал спереди и сзади до самых стоп, а с боков едва доходил до колен. Кроме того, носили они в правой руке палицу из яблоневой ветки с ровно расположенными узлами, красивую, крепкую и внушающую ужас, с рукояткой из золота или серебра, превосходной чеканной работы. Я, по при-

роде человек медлительный, хуже черепахи, никогда не бывавший во Франкии[24], видел в монастыре Святого Галла главу франков[25], блиставшего в этом наряде, и двух златокудрых отпрысков его[26], из которых первенец был ростом с него, а младший, когда подрос, украсил вершину ствола своего высшей славой и, возвысясь, осенил его. Но таково уж свойство человеческой натуры: когда франки, находясь на военной службе среди галлов, увидели, как «блещут плащами они полосатыми»[27], они, радуясь новизне, отказались от старого обычая и стали подражать им. Суровый же Карл не запретил этого по той причине, что такая одежда казалась ему более подходящей для военной обстановки. Но когда он заметил, что фризы злоупотребляют его снисходительностью, и узнал, что они продают теперь короткие плащи так же дорого, как прежде длинные, то распорядился, чтобы у них покупали по обычной цене только прежние очень широкие и длинные плащи, добавив к этому: «На что могут годиться эти лоскутки? В кровати я не могу ими прикрыться, на лошади они не защитят ни от ветра, ни от дождя, а случись мне выйти по естественной надобности, я умру, потому что у меня окоченеют ноги».

В предисловии[28] к этому небольшому труду я обещал, что буду в нем следовать только за тремя людьми, заслуживающими доверия. Но, поскольку лучший из них, Веринберт[29], скончался семь дней назад и сегодня, в третий день до Июльских календ[30], мы, его осиротевшие дети и ученики, должны почтить его память, пусть здесь и окончится эта книжка, которую я написал со слов этого священника о благочестии государя Карла и о его заботе о делах Церкви. Следующая же книга о военных деяниях доблестного Карла будет составлена из рассказов отца этого самого Веринберта – Адальберта, который со своим господином Керольдом[31] участвовал в военных походах против гуннов, саксов и славян, а будучи уже в преклонном возрасте, взял меня, еще совсем мальчика, на воспитание и, несмотря на мое сопротивление и частые попытки убежать, в конце концов силой принудил меня обучаться.

Книга вторая

⟨...⟩ 5. Во время военных предприятий такого рода[32] великий Карл ничего не упускал из виду и отправлял одного за другим посланников с письмами и подарками к правителям отдаленнейших королевств; эти, в свою очередь, оказывали ему знаки почтения. Так, когда он с театра саксонской войны отправил послов к константинопольскому императору[33], тот спросил, пребывает ли государство его сына Карла в мире или подвергается нападениям соседних народов? И когда глава посольства ответил, что все вообще наслаждаются миром и только один народ, саксы, тревожат границы франков частыми разбойничьими набегами, то сказал этот погрязший в праздности и непригодный к военным делам человек: «Ах, зачем утруждает себя мой сын,

воюя против ничтожного врага без имени и без доблести? Я дарю тебе этот народ со всем, что ему принадлежит». По возвращении посланник доложил об этом воинственному Карлу и тот, усмехнувшись, сказал ему: «Гораздо лучше позаботился бы о тебе этот король, подари он тебе одни льняные штаны для столь дальней дороги». ⟨...⟩

14. Случилось раз Карлу, странствуя, неожиданно прибыть в какой-то приморский город нарбоннской Галлии. В этой гавани (во время его завтрака, о котором никто не знал) появились лазутчики норманнских пиратов. И когда, увидев корабли, одни стали говорить, что это еврейские купцы, другие – что африканские, третьи – что британские, мудрейший Карл, узнав по оснащению и быстроходности кораблей, что это не купцы, но враги, сказал своим: «Эти корабли не товарами заполнены, а набиты злейшими врагами». Услыхав это, они, обгоняя друг друга, бросились к кораблям. Но тщетно: норманны, узнав, что здесь Карл Молот, как они сами его обычно называли, и опасаясь, как бы все их оружие не притупилось об него или не разлетелось вдребезги, обратились в невиданное по быстроте бегство и избегли не только мечей, но даже взглядов [преследователей]. А благочестивый, справедливый и богобоязненный Карл, поднявшись из-за стола, подошел к окну, выходящему на восток, и долго проливал здесь потоки слез, так что никто не осмеливался обратиться к нему; наконец, сам он объяснил своим воинственным вельможам причину такого поведения и слез: «Знаете, друзья мои, о чем я так плакал? Не того я страшусь, – говорил он, – что эти глупцы и ничтожества могут в чем-то навредить мне, но горюю я так о том, что они еще при моей жизни дерзнули коснуться этого берега; и терзает меня великая печаль потому, что я предвижу, сколько зла принесут они моим потомкам и их подданным»[34]. ⟨...⟩

17. Когда после смерти победоносного Пипина лангобарды снова стали беспокоить Рим, непобедимый Карл, несмотря на чрезвычайную занятость в странах по эту сторону Альп, поспешно двинулся в путь на Италию. В войне без кровопролития и при добровольной сдаче лангобардов смирил он их и подчинил своей власти. Безопасности ради, чтобы впредь они не отпали от франкской империи или не причинили какого-нибудь вреда земле святого Петра, взял он себе в жены дочь лангобардского короля Дезидерия. Вскоре после этого, по совету преподобных отцов, он покинул ее, как если бы она уже умерла, потому что была она больна и не способна к продолжению его рода. Разгневанный отец, связав себя со своими соотечественниками клятвой, заперся в стенах Тицены с намерением снова восстать против непобедимого Карла. А Карл, получив об этом верные сведения, поспешил туда походом.

А за несколько лет до этого случилось так, что один из его первых вельмож, по имени Откер, навлек на себя немилость грозного императора и поэтому нашел убежище у этого самого Дезидерия. Ну так вот, когда они услыхали о приближении страшного Карла, то поднялись на высоченную

башню, откуда могли увидеть его подход издалека и со всех сторон. Когда же показался готовый к бою обоз, какой был в армиях Дария или Юлия[35], спросил Дезидерий у Откера: «Не Карл ли в этом огромном войске?» Тот ответил: «Нет еще». Но увидев войско, собранное со всей огромной империи, он с уверенностью заявил Откеру: «Наверное, с этим войском едет Карл». «Нет, и теперь еще нет», – возразил Откер. Тогда он встревожился и спросил: «Что же мы будем делать, если с ним придет еще большее войско?» Откер промолвил: «Ты увидишь, как он придет, а что будет с нами – я не знаю». А пока они вели такой разговор, показалась дворцовая гвардия, никогда не знавшая покоя. Видя ее, Дезидерий в ужасе воскликнул: «Вот он, Карл!» Но Откер сказал: «Нет, и даже теперь еще нет». Потом увидели они епископов, аббатов и священников капеллы с их слугами. При виде их Дезидерий, которому уж и свет стал не мил, и желал он только смерти, рыдая, пробормотал: «Сойдем вниз и скроемся под землей от ярости столь страшного врага». На это Откер, некогда по опыту знавший силу и военную мощь несравненного Карла и в лучшие времена достаточно привыкший к этому, ответил, полный страха: «Когда ты увидишь, – промолвил он, – что на полях поднимется железная жатва, а воды По и Тицина, потемнев от железа, морскими волнами затопят городские стены, тогда и надо ожидать прихода Карла». Еще не договорил он это до конца, как начала показываться на западе, северо-востоке и севере будто черная туча, которая обратила ясный день в мрачную ночь. Но когда стал приближаться император, от блеска оружия засиял осажденным день, который для них был чернее ночи. Тогда-то стал виден и сам Карл в железном с гребнем шлеме, с железными запястьями на руках и в железном панцире, покрывавшем железную грудь, и его платоновские[36] плечи; в левой руке он держал высоко поднятое копье, потому что правая всегда была протянута к победоносному мечу. Наружная сторона бедер, которая у других обычно остается незащищенной, чтобы легче было сесть на коня, у него была покрыта железной чешуей. Что говорить о железных поножах? Они всегда были принадлежностью всех воинов. На его щите не было видно ничего, кроме железа. Да и конь его блистал, как железо, своей мощью и мастью. Такие доспехи были у всех, кто шел впереди него, с обеих сторон, и у всех, кто шел следом; да вообще все его воины имели подобное снаряжение, насколько было возможно. Железо заполняло поля и площади; на железных остриях отражались лучи солнца. Перед холодным железом преклонился похолодевший от страха народ. Перед ослепительно сверкающим железом побледнел ужас подземелий. «О, железо, ах, железо!» – раздавался беспорядочный вопль горожан. Перед железом содрогнулась твердость стен и юношей, мудрость старцев уничтожалась железом. Итак, все это, что я, беззубый заика, не так, как надо бы, но в слишком вялом пространном описании пытался изобразить, правдивый дозорный Откер окинул быстрым взглядом и сказал Дезидерию: «Вот тот, о ком ты только расспрашивал», и с этими словами упал почти замертво.

Когда в тот самый день горожане, то ли по безумию, то ли питая какую-то надежду на сопротивление, не захотели принять государя, хитроумный Карл сказал своим: «Мы должны сделать сегодня что-нибудь памятное, чтобы нас не порицали, что мы провели этот день в праздности. Поторопимся же соорудить небольшую капеллу, в которой, если нам раньше не откроют ворота, мы должны будем начать службу». Едва он это произнес, все разбежались кто куда, одни за известью и камнем, а другие за деревом и краской, и, собравшись, принесли все это мастерам, всегда сопутствующим императору. Эти возвели с помощью подмастерьев и солдат с четырех часов дня и до двенадцати ночи такую церковь со стенами и крышей, наборным потолком и картинами, что всякий, кто бы ни увидел ее, думает, что она могла быть построена по крайней мере в течение года.

А уж с какой легкостью на следующий день[37], в то время, как одни граждане хотели открыть ворота, а другие, пусть напрасно, намеревались оказать ему сопротивление или, вернее сказать, оставаться в осаде, он, без всякого кровопролития, только благодаря своей ловкости, покорил город и овладел им, это я предоставляю написать тем, кто не из чувства любви, а лишь ради выгоды сопровождает Ваше Величество.

[1] Намек на то, что с Рождества (совпадающего с зимним солнцестоянием) начинают удлиняться зимние дни.

[2] Пятидесятница – пятидесятый день после Воскресения Христова, когда на апостолов «сошел Дух Святой» и они принялись проповедовать перед пришельцами из разных стран, говоря на языке каждого (Деян 2, 1–12).

[3] Реминисценция из Ювенка IV, 349: «Тут-то из сердца Христос такие слова исторгает...».

[4] Строки 44–46 неразборчивы в рукописи; перевод дополняет их по смыслу.

[5] Десять струн – десять строк стихотворения.

[6] Т.е. в епископский сан: Соломон сменил своего дядю, Соломона II, епископа Констанцского, еще юношей, в 890 г., а тотчас затем стал и аббатом Санкт-Галленским.

[7] Намек на пророчество Даниила (2, 31–43), где толкуется сновидение Навуходоносора, и применение его к падению Западной Римской империи и восстановлению ее Карлом Великим.

[8] От Климента Скотта сохранились грамматические сочинения.

[9] Флакк Альбин известен более под именем Алкуина.

[10] Анахронизм. Алкуин родился около 730 г., а Беда умер в 735 г. Учителем Алкуина был ученик Беды, архиепископ Эгберт Йоркский.

[11] Имеется в виду Григорий I Великий (540–604).

[12] Плащ св. Мартина Турского (cappa) был наиболее драгоценной реликвией франкских королей, символом торжества христианской веры в Галлии.

[13] Об ответных возгласах в литургии говорится в гл. 5.

[14] Т.е. в 2 часа пополудни; счет часов велся от восхода.

[15] Т.е. ел один раз в сутки (см. Лев 23, 32).

[16] Соломона (Еккл 7, 16).

[17] Т.е. Палестину.

[18] Обращение к Карлу III Толстому, по просьбе которого автор предпринял свой труд, ему посвященный.

[19] 1 Тим 3, 1.

[20] В предыдущей гл. 17 рассказывается о чрезмерном честолюбии этого епископа, пожелавшего иметь золотой скипетр Карла Великого вместо простого посоха – знака епископской власти.

[21] Помощники эдилов, в обязанности которых входило наблюдение за общественными зданиями, празднествами, храмами, надзор за общественным порядком.

[22] О чудодейственной, невыносимой для окружающих силе взгляда Карла говорится у Ноткера не раз (ср., например, I, 3; II, 17 и др.).

[23] Имеется в виду Ахенская базилика, упоминаемая и Эйнхардом.

[24] Франкия – центральные области империи, в противоположность Алемannии.

[25] Намек на посещение Санкт-Галленского монастыря Людовиком Немецким приблизительно в 857 г.

[26] Сыновья Людовика: Карломан и Карл III, будущий адресат «Деяний Карла».

[27] Вергилий, Энеида, VIII, 660.

[28] Предисловие с посвящением Карлу Толстому утрачено.

[29] Священник, управлявший Санкт-Галленским монастырем в половине IX в., поэт, философ, теолог, историограф. Ученик Храбана Мавра.

[30] Т.е. 30 мая 884 г.

[31] Брат жены Карла Великого, Хильдегарды.

[32] В предыдущих главах (2–4) сообщается несколько случаев из войн Карла с гуннами и саксами.

[33] Речь идет, по-видимому, о визите к византийскому императору Никифору (802–811).

[34] Народная традиция наделила Карла даром предвидения: действительно, во времена Карла III Запад снова подвергся нашествиям и разграблению со стороны норманнов и сарацинов (арабов).

[35] Юлия Цезаря.

[36] Т.е. широкие, как некогда у Платона, получившего свое имя как прозвище за широкую грудь (πλατ – «широкий»).

[37] Рассказ вымышлен; осада крепости Павии, начавшаяся в 773 г., длилась не два дня, а восемь месяцев (ср. Эйнхард, Жизнь Карла, гл. 6).

Геральд

*

Геральд, автор поэмы «Вальтарий», – лицо, не так давно появившееся на страницах истории средневековой латинской литературы. До сих пор многие ученые сомневаются в его авторстве и считают «Вальтария» произведением анонимным или даже по привычке называют его автором Эккехарда Санкт-Галленского, жившего в X в. И это несмотря на то что сама поэма «Вальтарий» известна уже более 100 лет и является одним из самых популярных и широко читаемых памятников средневековой латинской литературы.

Эта слава вполне заслужена поэмой. Трудно найти другое произведение, в котором с такой чистотой соединились бы лучшие стороны и античной, монастырской, книжной, и народной, песенно-эпической, светской культуры раннего средневековья. По содержанию поэма принадлежит германскому фольклору эпохи переселения народов; по форме она представляет собой имитацию Вергилия и других лучших образцов унаследованной от античности латинской поэзии. Древнегерманская героическая песнь, одетая в вергилианские стихи, – такое сочетание могло бы казаться величайшим художественным диссонансом, и если в «Вальтарии» оно стало редкой гармонией, то это лучшее свидетельство большого таланта загадочного автора поэмы.

«Вальтарий» («Waltharius») – латинизированная форма германского имени главного героя – Вальтера; под такими же латинизированными именами выступают в поэме и другие персонажи – Хаген (Хаганон), Гунтер (Гунтарий) и пр.; в переводе эта латинизация снята. Аквитанец Вальтер, франк Хаген и бургундка Хильдегунда – знатные молодые люди, выросшие заложниками в плену у гуннов и пользующиеся милостью самого Аттилы. Они задумывают бежать из плена на родину, туда, где правит их сверстник, франкский король Гунтер. Первым бежит Хаген, спустя некоторое время – Вальтер и Хильдегунда, прихватив с собой богатую казну Аттилы. Они благополучно ускользают от погони и переправляются через Рейн во франкскую землю. Но здесь они встречают недобрый прием: Гунтер выходит с дружиной им навстречу и требует выдать гуннские сокровища, если Вальтер хочет быть пропущен в свою Аквитанию. Вальтер возмущенно отказывается; начинается битва. Из 12 подробно описанных единоборств Вальтер выходит победителем. Гунтера сопровождает Хаген, но в бою он не участвует, мучимый противоречием между вассальной верностью королю и дружеской верностью Вальтеру, старому своему товарищу. Лишь когда Вальтер убивает в поединке родного племянника Хагена, Хаген выходит против него на бой. В последней схватке сходятся Вальтер, Хаген и Гунтер, все тяжело ранят друг друга и, не в силах больше сражаться, заключают между собой мир и дружбу, скрепляя ее вином. Вальтер возвращается в Аквитанию,

женится на Хильдегунде и правит славно и счастливо. «Вот о Вальтере песнь. Иисус вам да будет спасеньем!» – заканчивает поэт.

Таким образом, содержание поэмы представляет собой связное однолинейное повествование, развернутое на полторы тысячи стихов; автор с большим искусством регулирует детализацию рассказа, чтобы выделить кульминацию и придать цельность сюжету: около 400 стихов описывают события в гуннском плену, около 200 – побег, около 400 – двенадцатиборство, около 400 – последний бой. Тон повествования спокойный и ровный, ни сказочной наивности, ни риторического пафоса в нем нет; все описания реалистичны, автор заботится о мотивировках (и логических, и психологических – так, любопытно, что Хаген объясняет королю свое выступление заботой о его королевской чести, а Вальтеру – местью за убитого им племянника), а начало и конец поэмы выдерживает в стиле достоверного рассказа об интересном историческом событии.

Источником поэмы была, бесспорно, древнегерманская эпическая песня, может быть, в подлиннике, может быть, уже в латинской записи. Другими отголосками этого фольклорного сюжета являются фрагменты англосаксонской поэмы о «Вальдере» (IX в.?) и средневерхненемецкой поэмы XIII в. Были попытки утверждать, что эти версии генеалогически восходят к нашей же латинской поэме, так что первоисточником вальтеровской темы был не фольклор, а индивидуальный творческий гений нашего автора, но такие утверждения не имели успеха даже в буржуазной науке. При переработке сюжета главным образцом автора был, конечно, самый читаемый из латинских поэтов – Вергилий: вергилианские словесные штампы попадаются буквально в каждой строке поэмы, так что местами она кажется настоящим талантливым упражнением в вергилианском стиле («диктаменом», как назывались такие упражнения в средневековых школах). Кроме Вергилия особенно широко использованы в поэме Стаций (сцены единоборств построены по образцу одного из эпизодов «Фиваиды») и Пруденций.

Во всех ранних рукописях поэмы автор ее назван Геральдом, и открывается она прологом, в котором Геральд подносит свое сочинение «архипресвитеру Эркамбальду». Но когда в 1838 г. Якоб Гримм впервые наткнулся на рукопись, это оказался поздний список, в котором пролог был опущен как неинтересный для читателя. Гримму пришлось самому догадываться об авторе поэмы. Он вспомнил, что в «Истории Санкт-Галленского монастыря» аббата Эккехарда IV (XI в.) говорится об одном из его предшественников, аббате Эккехарде I (первая половина X в.), что в ранней молодости он написал латинскую поэму «Вальтер – могучая рука», впоследствии найденную и отредактированную им самим, Эккехардом IV. Гримм решил, что перед ним – эта самая поэма; и убедительность этого предположения была для него так сильна, что, когда вскоре он же нашел более полную рукопись с геральдовским прологом, то стал подчинять не гипотезу факту, а факт гипотезе – предположил, что Геральд был не автором, а вдохновителем поэмы – учителем Эккехарда I, предложившим ему тему упражнения, а потом выправившим работу ученика и поднесшим ее церковному сановнику. Эта атрибуция держалась 100 лет; ее популярности немало содействовал исторический роман Шеффеля «Эккехард» (1855), в центре которого романтизированный образ Эккехарда I, поэта и аббата. Лишь к 1930-м годам ученым удалось отрешиться от гриммовского гипноза, прочитать свежими глазами пролог поэмы, вспомнить все хронологические неувязки, вытекающие из гриммовской гипотезы (тот Геральд, который мог быть учителем Эккехарда I, и тот

Эркамбальд, который мог быть в X в. адресатом пролога, никак не могли оказаться современниками), вспомнить мелкие реалии, рассеянные по поэме и соответствующие обстановке не X, а IX в. (например, город Мец представляется архиепископским, город Шалон представляется принадлежащим Бургундии и т.п.), и окончательно отвергнуть гипотетическое авторство Эккехарда I. Теперь большинство ученых согласно, что поэма о Вальтере написана около середины IX в. («третье поколение» Каролингского Возрождения) и что автор ее или нам неизвестен (если пролог и поэма принадлежат разным лицам), или носил имя Геральд (если пролог и поэма принадлежат одному лицу). С тем, что о личности и творчестве этого поэма мы не имеем более никаких сведений, пока приходится примириться.

Вальтарий

[Вальтер и его друзья-заложники у Аттилы]

Третья доля земли зовется, братья, Европой.
Много живет в ней племен: названьями, нравами, бытом,
Речью и верою в Бога они друг от друга отличны.
Есть меж ними народ, заселивший Паннонии область,
Мы называем его – так привыкли мы – именем «гуннов»[1].
Смелый этот народ прославлен доблестью ратной;
Власти своей подчинил он не только ближайших соседей,
Нет, – тех краев он достиг, что лежат на брегах Океана,
С многими в мирный вступая союз, непокорных карая.
Более тысячи лет, говорят, его длится господство.
Некогда, в давние годы, король Аттила там правил;
Жадно стремился всегда освежить он былые победы.
Мощное войско в поход он собрал и двинул на франков.
Франками правил король Гибихон в палатах высоких.
Радость была в его доме – родился первый ребенок,
Мальчик; был Гунтером назван (о нем расскажем мы после).
Голос молвы долетел – а король был робок душою –
Будто враги без числа идут на него из-за Истра,
Больше, чем звезд в небесах, чем песка на речном побережье.
И положиться на силу оружья король не решился,
Но, совет свой собрав, спросил он, что следует сделать.
Принято было решенье – просить врага о союзе;
Если удастся десницу в десницу вложить, то готовы
Франки заложников дать и дань заплатить по условью.
Лучше этот исход, чем лишиться жизни иль крова,
Чем утратить семью – и жен и отпрысков юных.
Жил той порой при дворе подросток по имени Хаген,
Отпрыск семьи благородной, потомок троянского рода.
Мог он заложником стать – ведь Гунтер, рожденный недавно,

Хрупкую жизнь сохранил бы навряд без забот материнских.
И порешили тогда немедля к Аттиле отправить
Много богатых даров и посольство с Хагеном юным.
Тотчас же в путь пустились послы и мир заключили.
В это же время в бургундской стране свой скипетр могучий
Крепко король Херирик держал в бесстрашной деснице.
Дочь он имел лишь одну – было имя ее Хильдегунда,
Ветвь благородной семьи, блистала она красотою,
После должна была стать наследницей предков великих,
Многих богатств и дворца – если б эта ей выпала доля.
С франкским народом союз договором скрепили авары
И, рубежей их страны не нарушив, отправились дальше.
Против бургундов Аттила пошел, натянувши поводья,
Следом за ним поскакали начальники конного войска.
Двигался мерно отряд за отрядом растянутой цепью,
И от удара копыт земля, дрожа, застонала,
И на бряцанье щитов, трепеща, откликнулся воздух.
Лес из железных стволов над равнинами вырос, сверкая,
Блеску солнца подобный, когда оно, море покинув,
В крайних пределах земли весь мир озаряет сияньем.
Гуннов войска перешли Арар и Родан глубокий[2]
И разбрелись по стране, хватая, где можно, добычу.
Был в эту пору король Херирик со двором в Кабиллоне[3].
Страж, озиравший окрестность, на башне громко воскликнул:
«Что за туча вдали? Там пыль густая клубится!
Близится войско врагов! Скорей запирайте ворота!»
Но уже раньше о том, что недавно сделали франки,
Слышал король и к старейшим советникам так обратился:
«Если столь мощный народ – ведь мы с ним сравниться не можем –
Перед паннонцами сдался, откуда ж нам силы набраться,
Чтобы сразиться открыто в защиту родины милой?
Лучше пускай договор заключат – мы дань им заплатим;
Дочь у меня лишь одна, но ее за землю родную
Я, не колеблясь, отдам – пусть послы договор закрепляют».
В путь пустились послы, при себе не имея оружья.
Все, что велел им король, они точно врагам передали
И умоляли грабеж запретить. Посланцев Аттила
Принял учтиво – таков у него был обычай – и молвил:
«Лучше союзы вершить, чем народы втягивать в битвы:
Мирно гунны хотят управлять, и оружьем карают
Лишь неохотно, и тех лишь, в ком видят мятежников ярых.
Пусть придет ваш король и десницу мне вложит в десницу».
Вскоре прибыл король, и бесчисленных гору сокровищ

Он с собою привез, договор заключил и отправил
Милую дочь на чужбину, отчизны залог драгоценный.
После, скрепив договор, о размерах дани условясь,
К западным странам Аттила повел свои мощные рати.
Алфер в краю аквитанов владел королевскою властью.
Был у него (так гласила молва) подросток-наследник,
Вальтером звали его, и юной он цвел красотою.
Алфер-король с Херириком давно уж торжественно клятву
Дали друг другу, что сына и дочь сочетают союзом,
Только лишь срок подойдет, как дети созреют для брака.
Но докатилась молва, что два покорились народа;
Алфера трепет великий объял, и сердцем он дрогнул:
Не оставалось надежды оружьем добиться победы.
«Стоит ли медлить, – сказал он, – коль в бой вступить мы не в силах?
Франков держава пример нам дает, а за ней и бургунды.
Кто нас посмеет винить, если мы не иначе поступим?
Тотчас послов снаряжу, велю просить о союзе,
И заложником к гуннам любимого сына отправлю,
Дань им немедля теперь заплатив за грядущие годы».
Что мне еще рассказать? Что решил король, то исполнил.
И, отовсюду собрав тяжелые груды сокровищ,
Взявши в залог Хильдегунду и Хагена с Вальтером юным,
Снова к жилищам своим, ликуя, вернулись авары.
В край паннонский придя, с торжеством был принят Аттила.
Юных заложников он окружил благосклонной заботой
И воспитать их велел, как своих. Жене-королеве
Девочку он поручил, а подросткам двоим постоянно
Быть при себе приказал и сам обучал их, играя,
Всем тем искусствам, что после полезны им будут в сраженьях.
Так возрастали они и, с годами крепчая душою,
Спорили силой с бойцами, с учеными – речью разумной,
Так что из гуннов никто не мог уже с ними сравняться.
Скоро Аттила обоих поставил вождями над войском.
Честь по заслугам была – ведь где бы война ни случилась,
Битва, где бились они, кончалась победой блестящей.
И потому с каждым годом любил их владыка все больше.
Пленница юная тоже росла, и – по воле Господней –
Стала мила королеве, любовь ее заслужила.
Строгостью нравов она отличалась, в трудах прилежаньем.
Было доверено ей храненье дворцовых сокровищ,
Так что казаться могло, будто домом она управляла.
Так добиваться она умела того, что решила.
Умер франкский король Гибихон, а наследник престола

Гунтер немедля порвал договор с державой паннонской
И отказался платить обычную дань ежегодно.
Как только вести об этом дошли до Хагена, ночью
Он от гуннов бежал, к своему королю возвратился.
Вальтер же был на войне начальником гуннского войска;
Всюду, где он появлялся, за ним шла следом удача.
Но супруга Аттилы – ее Оспириной звали,
Хагена бегство обдумав, советовать стала владыке:
«Пусть королевская мудрость, молю, блюдет осторожность,
Чтоб не могли пошатнуться устои нашей державы:
Как бы побега от нас не замыслил любимец твой Вальтер!
Твердой опорой досель служил он владычеству гуннов –
Хагена может пример и его побудить к подражанью.
И потому я прошу мое предложенье обдумать:
Только с войны он придет, обратись к нему с речью такою:
"Вальтер, на службе у нас претерпел трудов ты немало,
Знай же, что это недаром, что милостью нашей не будешь
Ты позабыт и что прочих друзей ты всех нам дороже.
Это увидишь ты сам – слова докажу я делами.
Выбери ныне жену из семей знатнейших паннонских
И не заботься о том, что богатствами ты не владеешь:
Всем я тебя одарю в изобилье, землей и домами, –
Тот, чью дочь ты возьмешь, тебя стыдиться не станет".
Если поступишь ты так – его навсегда мы удержим!»
Речь пришлась королю по душе, и совет он обдумал.
Вальтер вернулся; его Аттила призвал и в награду
Выбрать жену предложил; но Вальтер, уже замышляя
То, что исполнил потом, слова Аттилы прослушал,
Но, уговорам его душой не поддавшись, ответил:
«Милость твоя велика, что ты похвалить удостоил
Скромную службу мою; но дела мои слишком ничтожны –
Я заслужить бы не мог, чтоб взор твой на них обратился.
Верно служу я тебе, и просьбу мою ты исполни.
Если б по воле владыки себе супругу я выбрал,
Я бы предался, конечно, любви и заботам семейным,
Это мешало бы мне королю служить, как бывало,
Мне бы пришлось дома воздвигать, возделывать землю,
Я бы не смог находиться всегда пред очами владыки
И все думы мои посвящать могуществу гуннов.
Тот, кто вкусил наслажденья, потом уже неохотно
Тяжесть трудов переносит – ему они нестерпимы.
Нет мне радости больше, чем быть всегда наготове
Волю, владыка, твою исполнять; и узами брака
Я умоляю меня не вязать и оставить свободным.

В поздний ли час ты меня позовешь, хотя бы и в полночь,
Все веленья твои я всегда охотно исполню.
Так и в бою на войне о жене и о детях забота
Не остановит меня, побудить меня к бегству не сможет.
Я заклинаю тебя, мой отец, твоей собственной жизнью,
Славой паннонской страны, поражений доселе не знавшей, –
Не принуждай ты меня зажигать мой свадебный факел!»
Просьбой такой побежден, уговоры оставил Аттила:
Твердо надеялся он, что Вальтер бежать не захочет.
В эту пору пришли к нему достоверные вести,
Будто в одном из племен, недавно еще покоренных,
Вспыхнул снова мятеж, затеян поход против гуннов.
Дело защиты сейчас же поручено Вальтеру было.
Воинов в строй он собрал и каждого строго проверил,
Дух бойцов ободрил, вдохнув им мужество в сердце,
Их убеждая всегда о победах вспомнить минувших,
Всех непокорных смирить, явить обычную доблесть
И до пределов земли устрашить народы чужие.
Вальтер в поход поспешил; за ним устремилась дружина.
Место, где будет сраженье, он взором окинул; рядами
Выстроил войско свое на широких лугах и полянах;
На расстоянье полета копья друг от друга стояли
Обе дружины; и вот раздался воинственный громкий
Клич, и звуком ужасным рога заревели и трубы,
И полетели туда и сюда, как туча густая,
Дроты с древком из ольхи и из вяза, в пляске смешавшись,
А наконечники копий сверкали, как молнии вспышки.
Так, как при северной буре проносятся снежные хлопья,
Стрелы жестокие мчались, бойцами нацелены метко.
Но наконец истощились и копий, и дротов запасы,
И обратилась рука к рукояти иного оружья:
Грозно сверкнули мечи, и, щиты в высоту поднимая,
С шумом столкнулись отряды, и битва опять запылала.
Кони сшибались друг с другом, ломая кости грудные;
Падали наземь бойцы, об выпуклый щит разбиваясь;
Вальтер прорвался вперед, и, в гущу сраженья вмешавшись,
Все он сметал на пути, пред собой пролагая дорогу.
Только враги увидали, что всех он во прах повергает,
Ужас их охватил, будто смерть сама им явилась.
И куда б ни скакал он, направо ль или налево,
Всадники в бегство пред ним тотчас обратиться спешили,
Спину щитом прикрывая, коням отпуская поводья.
Вслед за своим полководцем, ему подражая, дружины

Храбрых паннонцев неслись, все смелее врагов сокрушая,
Сопротивленье ломая, копьем поражая бегущих.
И переменчивый жребий войны даровал им победу.
После с убитых врагов они поснимали оружье,
Но в свой рог затрубил и в порядке отряды построил
Вождь их. Он первый себя украсил листвою победной,
Став пред дружиной своей, венком увенчался лавровым;
После себя знаменосцев венчал он и всех, кто сражался.
Так в победных венках они к себе возвратились,
Каждый боец поспешил в свое вернуться жилище,
Вальтер же путь свой направил тотчас во дворец королевский.
Все, кто жил во дворце, навстречу сбежались, ликуя,
Видя его невредимым, коня под уздцы подхватили,
Чтобы с седла боевого он мог удобней спуститься.
Как закончился бой, удачно ли, спрашивать стали;
Кратко он им отвечал и, войдя в преддверие дома
(Битвой он был изнурен), направился к спальне Аттилы.
Вдруг увидал Хильдегунду – одна она в зале сидела, –
Обнял ее он и, нежный даря поцелуй ей, промолвил:
«Дай поскорее напиться! Устал я, мне дышится тяжко».
И поспешила она драгоценный кубок наполнить
Чистым вином и ему подала; крестом осенивши,
Взял он и руку ей сжал; она же застыла в молчанье,
Слова ему не сказала и только в очи смотрела.
Вальтер выпил вино и кубок ей отдал обратно
(Знали и он, и она, что с детства помолвлены были)
И обратился к любимой своей с такими словами:
«Слишком долго с тобой мы терпим жизнь на чужбине,
Издавна знаем мы оба, что вместе родители наши,
Между собой сговорясь, нам общий жребий судили.
Долго ли будем с тобой мы молчанье хранить и таиться?»
Но подумалось ей, что Вальтер смеется над нею,
И, помолчавши немного, она ему возразила:
«Вальтер, зачем лицемерно уста твои молвят неправду,
И говорит твой язык то, что сердце твое отвергает?
Верно, теперь ты стыдился б невесты своей нареченной».
Вальтер же ей отвечал разумной правдивою речью:
«Слышать такие слова не хочу я; ты правду скажи мне!
Знай, никогда я не стану вести лицемерные речи
Или обманом и ложью тебя смущать и тревожить.
Здесь мы с тобою вдвоем, и никто наши речи не слышит.
Если б уверен я был, что ты меня слушать согласна,
Замысел мой, что давно я храню, ты сберечь бы сумела?

Я бы поведал тебе все тайны, скрытые в сердце».
И на колени пред ним тогда Хильдегунда упала:
«Я за тобою пойду, куда бы меня ни повел ты;
Все, что прикажешь ты мне, господин мой, исполню усердно».
Вальтер сказал: «Тяжела мне давно наша доля в изгнанье,
Часто покинутый край моей родины я вспоминаю,
Тайно бежать я решился туда, и как можно скорее.
Это решенье свое не раз я выполнить мог бы
Если б мне не было больно покинуть здесь Хильдегунду».
Молвила девушка слово, сокрытое в глуби сердечной:
«Воля твоя – это воля моя: одного мы желаем.
Пусть господин мой велит, и что будет – иль радость иль горе –
Все из любви я к нему претерпеть всем сердцем готова». ⟨...⟩

[Бегство, переправа через Рейн и столкновение с франками]

Вальтер в пути находился, как я говорил, только ночью.
Днем он скрывался в трущобах, в ущельях, поросших кустами;
Ловко приманивал птиц – он знал немало уловок,
Ветки обмазывал клеем, подчас раскалывал сучья.
Если ж ему на пути встречались излучины речек,
Он из водных глубин извлекал удою добычу.
Так, трудов не боясь, он спасался от смерти голодной.
Но от любовной утехи сближения с девушкой юной
В бегстве, на долгом пути удержал себя доблестный Вальтер.
Солнце уже описало кругов четырежды десять
С дня, как ушли беглецы от стен столицы паннонской.
Долог был этот срок, но истек наконец – и пред ними
Гладь широкой реки открылась – уж близился вечер.
Это был Рейн, стремивший свой бег к великому граду –
Звался Ворматией[4] он, – где замок блистал королевский.
Вальтер нашел переправу, и, дав перевозчику плату –
Рыб, что он раньше поймал, он в путь поспешил без задержки.
Новый день наступил, и тьма ночная бежала.
Ложе покинув, в тот град, что назвал я, пошел перевозчик.
Повар там был королевский, над всеми другими хозяин.
Рыбу, которую в плату от путника взял перевозчик,
Повар, различной приправой снабдив, приготовив искусно,
Подал на стол королю; и Гунтер сказал с удивленьем:
«Рыб таких никогда во франкских реках не видал я,
Кажется мне, что они из каких-то краев иноземных.
Ты мне скажи поскорей: ну, кто же тебе их доставил?»
Повар в ответ рассказал, что рыб ему дал перевозчик.

Тот на вопрос короля, откуда взялись эти рыбы,
Дал, не замедлив, ответ и все рассказал по порядку:
«Вечером было вчера: я, сидя у берега Рейна,
Путника вдруг увидал: приближался он быстрой походкой,
Весь оружьем сверкая, как будто готовился к битве;
Был, мой владыка, он в медь закован от пят до макушки,
Щит тяжелый держал и копье с наконечником ярким.
Рыцарем был он, как видно: огромную тяжесть оружья
Нес на себе, но шагал легко он все же и быстро.
Девушка следом за ним, красотой небывалой сияя,
Шла и на каждом шагу ноги его ножкой касалась,
А за собой под уздцы вела коня боевого;
Два ларца на спине тот нес, тяжелых как будто –
Если он, шею подняв, своею встряхивал гривой,
Или хотел побыстрее шагнуть ногою могучей,
Слышался звон из ларцов, будто золото билось о камень.
Путник этот тех рыб королевских и дал мне в уплату».
Речь эту Хаген услышал – он был на пиру королевском;
Сердцем ликуя, воскликнул, из сердца слова зазвучали:
«Радуйтесь вместе со мной, я прошу, этой вести чудесной;
Друг моей юности Вальтер вернулся из гуннского плена!»
Гунтер, напротив, король, безмерно душой возгордившись,
Громко вскричал, и дружина ему ответила криком:
«Радуйтесь вместе со мной, я велю, ибо выпало счастье:
Много сокровищ отдал Гибихон владыке Востока,
Их всемогущий теперь возвращает в мое королевство».
Это сказав, он вскочил и ногою стол опрокинул,
Тотчас коня приказал оседлать и украсить убором,
Выбрал двенадцать мужей он себе из целой дружины,
С телом могучим и с храброй душою, испытанных в битвах;
Хагену с ними велел в поход немедленно выйти.
Хаген же, старого друга и прежнюю верность припомнив,
Стал убеждать короля начинанье такое оставить.
Гунтер, однако, и слушать его не хотел и воскликнул:
«Ну же, не медлите, мужи! Мечи на пояс привесьте,
Пусть вашу храбрую грудь покроет чешуйчатый панцирь!
Столько сокровищ какой-то чужак отнимает у франков?»
Взяли оружье бойцы – ведь вела их воля владыки –
Вышли из стен городских, чтоб узнать, где Вальтер сокрылся:
Думали, верно, они завладеть добычей без боя.
Всячески Хаген пытался им путь преградить, но напрасно, –
Крепко держался за замысел свой король злополучный.
Доблестный Вальтер меж тем побережье Рейна покинул,

К цепи он горной пришел – уж тогда ее звали Вазагом [5], –
Лесом поросшей густым; в берлогах там звери скрывались,
Часто лаяли псы и рога охотничьи пели.
Там две горы, от других в стороне и близко друг к другу:
Горная щель между ними лежит, тесна, но красива;
Сдвинувшись, скалы ее образуют, не стены пещеры.
Все же не раз в ней приют находили разбойничьи шайки.
Нежной зеленой травой порос уголок этот скрытый.
Вальтер, его чуть завидев, промолвил: «Скорее, скорее!
Сладко на ложе таком дать покой истомленному телу!»
Он с того самого дня, как бежал из края аваров,
Только порою и мог насладиться сном и дремотой,
Как, на щит опершись, едва смежая ресницы.
Тяжесть оружия здесь впервые сложивши на землю,
Голову он опустил на колени девушки: «Зорко, –
Молвил, – гляди, Хильдегунда: коль облако пыли завидишь,
Только рукой меня тронь и сон отгони потихоньку.
Даже если увидишь, что близится сильное войско,
Все же слишком внезапно меня не буди, дорогая!
Вид отсюда широкий, и взор далеко хватает;
Глаз не спуская, гляди, следя за всею округой!»
Так он сказал, и мгновенно закрыл свои яркие очи,
В сон долгожданный войдя, наконец предался покою.
Гунтер заметил меж тем следы на прибрежье песчаном,
Разом пришпорил коня и погнал его быстро по следу,
Радостный клик испустил, обманут надеждой напрасной.
«Эй, поспешите, бойцы! Пешехода мы скоро догоним:
Он не спасется от нас и украденный клад нам оставит!»
Хаген, прославленный витязь, ему, возражая, промолвил:
«Только одно скажу я тебе, властитель храбрейший:
Если пришлось бы тебе увидать, как сражается Вальтер,
Так же, как я это видел не раз в убийственных схватках,
Ты б не подумал, что сможешь отнять у него достоянье.
Я же паннонцев видал, как они выступали в походы
Против народов чужих на севере или на юге;
Всюду участвовал в битвах, блистая доблестью, Вальтер,
Страх внушая врагам и восторг – соратникам верным.
Кто в поединок вступал с ним, тот скоро в Тартар спускался.
Верь мне, король мой, прошу! Поверь мне, дружина, я знаю,
Как он владеет щитом, как метко дрот свой кидает!»
Но не послушал его безумьем охваченный Гунтер,
Не отступив ни на шаг, вперед он рвался на битву.
Сидя вверху на скале, смотрела кругом Хильдегунда

И увидала, что пыль вдали поднялась; догадалась
О приближенье врагов и, тихонько Вальтера тронув,
Сон его прервала. Он спросил, кого она видит?
И, услыхавши ответ, что конница быстрая скачет,
Он, глаза протирая, развеял остатки дремоты,
Мощные члены свои облек доспехом железным,
Снова свой щит приподнял и копье приготовил к полету,
Сильным ударом меча, размахнувшись, разрезал он воздух,
Несколько дротов метнул, к жестокой битве готовясь.
Девушка, вдруг увидав, что близко уж копья сверкают,
В ужасе вскрикнула: «Гунны! О горе! Нас гунны догнали!»
Пала в отчаянье ниц и воскликнула: «Мой повелитель!
Я умоляю тебя, пусть меч твой мне голову срубит!
Если судьба не велит мне женой твоей стать нареченной,
То никогда и ни с кем терпеть я сближенья не стану».
«Как же могу я себя запятнать невинною кровью? –
Вальтер сказал. – Разве мог бы мой меч сражаться с врагами,
Если б он был беспощаден к моей столь верной подруге?
Пусть никогда не свершится, о чем ты просишь! Не бойся!
Тот, кто часто меня спасал от опасностей многих,
Сможет, я верю, и ныне врагам нанести пораженье».
Так он ответил и, вдаль поглядев, сказал Хильдегунде:
«Это же, знай, не авары, а франки, туманные люди[6],
Жители здешних краев», – и вдруг он увидел знакомый
Шлем, что Хаген носил, и воскликнул тогда, рассмеявшись:
«Хаген с ними едет, мой друг и старый товарищ!»
Это промолвив, он стал, не колеблясь, у входа в ущелье;
Девушка стала за ним, и сказал он хвастливое слово:
«Здесь, перед этой тесниной, я гордо даю обещанье:
Пусть из франков никто, вернувшись, жене не расскажет,
Будто из наших сокровищ он взял безнаказанно долю!»
Но, произнесши такие слова, упал он на землю
И умолял о прощенье за столь надменные речи.
Вставши потом, он зорко вгляделся в противников лица:
«Мне из тех, кто пред нами, не страшен никто – только Хаген:
Знает он, как я сражаться привык, изучил он со мною
Все искусство войны, хитроумные в битвах уловки.
Если с помощью Божьей искусство мое будет выше,
Жизнь я свою сохраню для тебя, для моей нареченной».
Хаген увидел, что Вальтер стоит меж скал неприступных;
Гордому Гунтеру он посоветовал быть осторожным:
«Не вызывай, господин мой, на битву этого мужа!
Прежде отправь ты послов, пусть они обо всем разузнают,

Имя, и род, и страну, где рожден, и откуда идет он.
Может быть, он согласится и сам, без пролития крови,
Клад свой нам передать: все узнаем о нем по ответу.
Ежели подлинно Вальтер пред нами, поступит разумно
Он и, наверное, сам королю окажет почтенье».
Гунтер исполнил совет и отправил послом Камалона –
Был он у франков назначен правителем города Метта[7].
Только вчера королю он оттуда доставил подарки
И, задержавшись на день, услышал новые вести.
Быстро помчался посол, подобен восточному ветру,
Поле, скача, пересек и подъехал ко входу в ущелье;
Там он коня придержал и крикнул: «Ты, путник, скажи мне,
Кто ты, откуда идешь и куда свою держишь дорогу?»
Но на вопросы его ответил и Вальтер вопросом:
«Знать я хотел бы, ты сам меня расспрашивать вздумал
Или тебя кто послал?» Камалон ответил надменно:
«Знай, что Гунтер-король, властитель здешний могучий,
Мне как послу поручил узнать обо всем по порядку».
Эти услышав слова, возразил ему Вальтер разумно:
«Право, понять не могу, зачем вам о путнике надо
Все так подробно узнать? Но дать вам ответ не боюсь я:
Имя Вальтер мое, рожден я в стране аквитанской;
Мальчиком был я, когда мой отец меня к гуннам отправил;
Там я заложником годы провел, теперь возвращаюсь,
Видеть родную желая страну и родичей милых».
Молвил посол: «Мне король такое дал порученье:
Выдай коня нам, и оба ларца, и девушку тоже!
Если исполнишь приказ, то жизнь тебе он дарует».
Вальтер, однако, отважно ответил такими словами:
«Глупой речи подобной от умных людей не слыхал я.
Ты как будто сказал, что король или кто бы там ни был
Мне обещал даровать то, что вовсе ему не подвластно,
Да и не будет вовек. Что ж он, бог? И разве он вправе
Жизнь мне дарить? Разве взят я им в плен иль брошен в темницу?
Или сковал за моею спиной он мне руки цепями?
Слушай! Ему передай: коль со мною он в битву не вступит,
(Вижу, железом одет он; как видно, сражаться задумал),
Сто украшений ему я отдам, сверкающих красным
Золотом; тем окажу королевскому сану почтенье».
Выслушав эти слова, к владыке посол возвратился
И повторил королю и свои, и Вальтера речи.
Гунтеру Хаген сказал: «Прими от него украшенья!
Сможешь своим приближенным раздать ты щедро подарки.

Будь же разумен, реши удержать свои руки от битвы!
Вальтер тебе незнаком и его великая доблесть.
Ночью минувшей увидел я сон зловещий и страшный:
Если затеем мы бой, то счастья с нами не будет.
Видел я, будто тебе пришлось сразиться с медведем;
Долго схватка тянулась, но вдруг, тебя пересилив,
Ногу тебе оторвал медведь повыше колена.
Я на помощь к тебе поспешил и копьем замахнулся,
Он же напал на меня и глаз мне вырвал зубами».
Гунтер надменно воскликнул, услышав Хагена речи:
«Ты подражаешь, как видно, отцу своему – ведь Гагатий
Сердцем холоден был, вояка трусливый и робкий,
Много он слов говорил, но в бой никогда не стремился».
Хагена гнев охватил справедливый и ярый, насколько
Может ярость питать подчиненный против владыки.
«Ладно! – сказал он, – решенье теперь – лишь в вашем оружье.
Вот он пред вами стоит, как хотели вы; бейтесь же сами!
Близко от вас он теперь – ведь вы же его не боитесь?
Я здесь конца подожду и не требую доли добычи».
Так он сказал и поднялся верхом на холм близлежащий;
Там он спрыгнул с коня и сел, ожидая исхода. 〈...〉

[Битва Вальтера с Хагеном и Гунтером]

Видя такую беду, вздохнул король злополучный,
Быстро вскочил он в седло на коня с разукрашенной сбруей
И поспешил туда, где Хаген сидел оскорбленный,
С просьбой к нему обратился король, умоляя смягчиться –
Вместе с ним выйти на бой. Но Хаген ответил сурово:
«Предков моих опозоренный род мне мешает сражаться:
Кровь моя холодна, мне чужда боевая отвага –
Ведь от испуга немел отец мой, увидя оружье,
В робких речах многословных походы, бои отвергал он.
Вот какие слова ты мне бросил, король, перед всеми –
Видно, помощь моя тебе показалась ненужной».
Но на суровый отказ король ответил мольбами,
Снова пытаясь смягчить упрямца речью такою:
«Именем вышних молю, расстанься с бешенством ярым,
Гнев свой забудь – он вызван моею тяжкой виною.
Если останусь в живых и с тобой возвратимся мы вместе,
Я, чтоб вину мою смыть, тебя осыплю дарами.
Иль не позор для тебя скрывать свое мужество? Сколько
Пало друзей и родных! И неужто тебя оскорбила

Больше обидная речь, чем злого врага преступленья?
Лучше бы ярость свою на того ты злодея обрушил,
Кто своею рукой опозорил властителя мира.
Страшный ущерб потерпели мы, стольких мужей потерявши, –
Франков страна никогда такого позора не смоет.
Те, что пред нами дрожали, теперь зашипят за спиною:
“Франков целое войско лежит неотмщенным, убито
Чьей-то рукой неизвестной – о стыд и позор нестерпимый!”»
Хаген медлил еще: вспоминал он клятвы о дружбе,
Те, что давал он не раз, когда рос он с Вальтером вместе,
Также припомнил подряд и то, что нынче случилось.
Но все упорней просил его король злополучный,
И, поддаваясь мольбам короля, раздумывал Хаген:
Можно ли быть непокорным тому, кому служишь?
Подумал он и о чести своей: его слава, быть может, увянет,
Если в несчастье таком себя пощадить он решится.
Вспыхнул душой наконец он и голосом громким воскликнул:
«О господин мой, к чему ты меня призываешь? Куда мне
Вслед за тобою идти? Тебя ложная манит надежда!
Кто же когда-либо был столь безумен, чтоб страшную пропасть
Видел пред взором своим и спрыгнул в нее добровольно?
Даже и в поле открытом сражаться с Вальтером трудно;
Ныне ж он так закрепился в горах, что всех презирает –
Будет ли войско пред ним иль один слабосильный вояка.
Пусть бы франков страна и конницу всю, и пехоту
Выслала против него – он всех уложил бы на месте.
Но, как я вижу, тебя больнее позор угнетает,
Чем соратников гибель, и ты отступать не согласен.
Жаль мне тебя: королевскую честь я выше поставлю
Горькой обиды моей; попытаюсь дорогу к спасенью
Я отыскать – либо нынче она, либо ввек не найдется.
Родича милого смерть не могла бы – поверь мне, владыка,–
Ныне заставить меня нарушить верности клятву;
И за тебя лишь, король, я иду на опасное дело.
Здесь, в этом месте, однако, я с ним сражаться не стану:
Скрыться должны мы, чтоб путь открытый ему предоставить.
Мы расседлаем коней и ему устроим засаду –
Лишь тогда он решится свое укрытье покинуть.
Видя, что нет нас вблизи. Когда ж он достигнет равнины,
Мы на него нападем, его преследуя с тыла.
Можем таким лишь путем мы отвагу явить боевую:
Это – надежнейший путь, хоть исход остается неверным.
Сможешь сразиться, король, ты с Вальтером сам, если хочешь:

Ведь перед нами двумя отступать никогда он не станет,
Нам же придется иль бегством спастись, иль насмерть сражаться».
Хагена речь одобряет король и, обняв его крепко,
Дарит ему поцелуй, – и вот, коней повернувши,
Скоро находят они для засады удобное место.
Спрыгнув с коней, их пускают пастись на свежую траву.
Феб в это время свой путь повернул к пределам заката,
Бросил последний свой блеск на широкоизвестную Фулу,
После оставил в тылу за собой иберов и скоттов[8]
И своими лучами согрел океанские волны.
Вот и к земле авсонийской[9] рога свои Геспер направил.
Вальтер, сам с собой говоря, погрузился в раздумье:
Лучше ль остаться ему в недоступных зарослях горных
Или пуститься в дорогу вперед по широкой равнине?
Ум напрягая, пытался он верное выбрать решенье.
В сердце его бушевали кипящие волны тревоги.
Хагена он опасался – уж, верно, король не напрасно
Крепко его обнимал и его подарил поцелуем.
Вражеский замысел Вальтер стремясь разгадать, колебался:
Может быть, в город враги удалились, чтоб новые силы
Ночью в подмогу себе собрать и снова нагрянуть
Ранней зарей, и опять завязать беззаконную битву;
Может быть, скрылись враги, чтобы где-то устроить засаду;
Страшен и путь через лес – в нем тропинок неведомых много,
Можно наткнуться в дороге на заросли дикого терна
Или на хищных зверей – и невесту утратить навеки.
Все это Вальтер обдумал и принял решенье такое:
«Как бы дела ни пошли, я здесь останусь, доколе
В небе кружащийся шар не вернет нам свой свет лучезарный.
Пусть надменный не скажет король, что, как вор, укрываясь,
Я под покровом ночным рубежи его края покинул».
Так он сказал и узкий проход перекрыл загражденьем:
Срезал кустарников ветви, заплел ими острые колья.
Кончивши эту работу, приблизился к трупам убитых;
Тяжко вздохнув, приложил он голову к каждому телу,
На землю пал, повернулся к востоку и, меч обнаживши,
Взялся рукой за него и промолвил такую молитву:
«Он, кто вселенную всю сотворил и ей управляет,
Без позволенья Его, – нет, верней, без Его повеленья
В мире ничто не свершится: Ему одному благодарность!
Он защищает меня от оружья врагов, от позора;
Я умоляю смиренной душой благого Владыку,–
Он наказует грехи, но губить он грешных не хочет,–

Пусть я этих людей повстречаю в небесном жилище».
Так он молитву закончил, с земли поднялся и тотчас
Шесть коней поближе пригнал, и, тонкие прутья
В крепкую привязь скрутив, коней он стреножил; из прочих
Два погибли в бою, а трех угнал к себе Гунтер.
Выполнив дело, свой пояс тугой расстегнул он и сбросил
Тяжкий оружия груз, облегчив горячее тело,
Несколько слов в утешенье сказал невесте печальной,
Взялся потом за еду, подкрепил усталые члены –
Был он измучен – и лег, головой на щит опираясь.
Девушке он приказал охранять его сон до полночи,
Сам же назначил себе на стражу встать до рассвета –
Стража под утро опасней – и в сон наконец погрузился.
Девушка села к его изголовью – так было обычно –
Песней от глаз утомленных она прогоняла дремоту.
Только лишь Вальтер проснулся, он, сон от очей отряхая,
Мигом вскочил и велел сейчас же уснуть Хильдегунде,
Сам же копье свое взял и стал, на него опираясь.
Так он провел все ночные часы: то смотрел за конями,
То подходил к загражденью и слух настораживал чутко,
Страстно желая, чтоб светом земля опять озарилась.
Вот на небо взошел Люцифер, предвестник денницы:
«Остров, – сказал, – Тапробан[10] уже видит ясное солнце»
Был тот час, когда Эос кропит холодные росы.
Вальтер к убитых телам подошел и снял с них оружье,
Латы и прочий доспех, но одежду мертвым оставил.
Только наплечную бронь, пояса с литым украшеньем,
Панцири, шлемы, мечи забрал себе как добычу,
И четырех лошадей нагрузив, он позвал Хильдегунду?
И посадил на коня, на пятого, сам на шестого
Вспрыгнул, разрушил заграду и первым ущелье покинул.
Но все время, пока он тропинкою узкою ехал,
Ясным взором своим оглядывал путь и окрестность,
Слух навостряя, старался поймать даже ветра дыханье,
Ждал, не услышат ли шепот речей, иль шаги, или шорох,
Или не звякнет ли где узда под надменной рукою,
И не послышится ль поступь копыт с подковой железной.
Все казалось спокойным вокруг, и коней нагруженных
Вывел вперед он и первым пустил коня Хильдегунды,
Сам же взял под уздцы коня с ларцами сокровищ
И, как обычно, в доспехах пошел, опоясан оружьем.
Тысячу, верно, шагов лишь прошли, когда Хильдегунда
(Женщин природа хрупка и страху легко поддается)

Взор обращает назад и видит, что, их догоняя,
Всадников двое несутся, спеша, с угрожающим видом.
Тут, побледнев от испуга, она назад обернулась:
«Гибель нас догнала, господин мой, беги! Они близко!»
Вальтер немедля взглянул назад, узнал их и молвил:
«Многих врагов ниспроверг я вчера во прах бы напрасно,
Если б в последнем бою стяжал я позор, а не славу.
Лучше от тяжких ранений погибнуть достойною смертью,
Чем спастись одному и лишиться всего, что имеешь.
Может ли тот потерять надежду на жизнь и спасенье,
Кто уж встречался не раз с опасностью более грозной?
Льва, кто сокровища наши несет, возьми за уздечку[11]
И поскорее беги вон в тот лесок недалекий.
Я же останусь на месте, поближе к горному склону
Здесь подожду я, как дело пойдет, и всадников встречу».
Вальтером данный приказ исполнила девушка быстро;
Щит свой тяжелый схватил он, копье держал наготове, –
Нрав чужого коня он хотел испытать под оружьем.
В гневе король, обезумев, к нему помчался навстречу
И, не доехав еще, надменное выкрикнул слово:
«Враг беспощадный, теперь берегись! Ведь дебри лесные
Нынче от нас далеки, в которых, как волк кровожадный,
Зубы ты скалил со злобой и лаял, наш слух оскорбляя.
Если согласен, теперь мы сразимся на поле открытом;
Будет ли битвы исход подобным началу, – увидишь.
Подкупом счастье свое ты купил, потому-то, конечно,
Ты и бежать не готов, и сдаться на милость не хочешь».
Алфера сын королю не ответил ни словом единым,
Словно не слышал его, лишь к Хагену он обратился:
«Хаген, к тебе моя речь: задержись на миг и послушай!
Что так внезапно, скажи, изменило столь верного друга?
Ты лишь недавно, когда расставались с тобой мы, как будто
Вырваться долго не мог из дружеских наших объятий.
Чем ты так оскорблен, что на нас ты поднял оружье?
Я же надежду питал – но, вижу, ошибся жестоко, –
Думал, коль вести дойдут о моем возвращенье с чужбины,
Сам поспешишь ты мне выйти навстречу приветствовать друга,
В дом свой как гостя введешь, хотя бы о том не просил я,
И добровольно меня ты сам проводишь в отчизну.
Я опасался уже, что подарками слишком богато
Ты осыплешь меня! Пробираясь по дебрям дремучим,
Думал: из франков никто мне не страшен – ведь Хаген меж ними!
Я заклинаю тебя: одумайся! детские игры

Наши припомни, как, вместе учась, мы силы и опыт
В них набирали и дружно росли в наши юные годы.
Где же пропала та наша хваленая дружба, что прежде
Верной была и в дому, и в бою и размолвок не знала?
Верь мне, дружба с тобой заменяла мне отчую ласку;
В годы, что жили мы вместе, я редко о родине думал.
Как ты можешь забыть наши частые верности клятвы?
Я умоляю тебя: не вступай в беззаконную битву,
Пусть на все времена нерушим наш союз пребывает!
Если согласен – вернешься домой с дорогими дарами,
Щит твой наполню сейчас же я кучею золота яркой».
Но отвечал ему Хаген со взором суровым и мрачным,
Речь дышала его нескрываемым яростным гневом:
«Первым к насилью прибег ты, теперь же – к хитрым уловкам?
Ты же и верность нарушил – ведь знал ты, что здесь я, и все же
Многих друзей ты убил, и даже родных мне по крови.
Не говори же теперь, что будто меня не узнал ты –
Если не видел лица, то видел мои ты доспехи,
Были знакомы тебе и они, и мое все обличье.
Впрочем, я все бы простил, если б не было тяжкой утраты:
Был лишь один у меня цветок драгоценный, любимый, –
Он, золотистый и нежный, мечом, как серпом, твоим срезан!
Этим ты первый нарушил друг другу данные клятвы,
И потому от тебя не приму никакого подарка.
Только одно я хочу – испытать твою силу и доблесть
И за племянника кровь с тебя потребую плату;
Пусть я иль мертвым паду, иль подвиг свершу достославный!»
Это промолвив, он спрыгнул с коня, приготовился к бою;
Спешился быстро и Гунтер, не медлил и доблестный Вальтер;
Все решились вступить в открытый бой рукопашный,
Стали друг против друга, отбить готовясь удары,
И под ремнями щитов напряглись могучие руки.

. . . .

Вальтер, кинув копье, бегом вперед устремился,
Меч обнажил и напал на Гунтера с дикой отвагой.
С правой руки короля он щит сорвал, и ударом
Метким и ловким его поразил с небывалою силой.
Ногу выше колена ему он отсек до сустава.
Гунтер на щит свой упал и у Вальтера ног распростерся.
Видя, как рухнул король, побледнел от ужаса Хаген, –
Кровь от лица отлила. Свой меч окровавленный снова
Вальтер занес над упавшим, удар готовя смертельный.
В миг этот Хаген забыл о прежней обиде – нагнувшись,

Голову он под удар подставил, и Вальтер с размаха
Руку не смог удержать и на шлем его меч свой обрушил.
Крепок был кованый шлем и украшен резьбою искусной:
Вынес он грозный удар – только искры кругом засверкали.
Но, натолкнувшись на шлем, – о горе! – в куски разлетелся
Меч, и осколки, блестя, полетели в воздух и в траву.
Только лишь Вальтер увидел свой меч, лежащий в осколках,
Он обезумел от гнева: в руке его правой осталась,
Тяжесть меча потеряв, одна рукоятка – блестела
Золотом ярким она и искусной работой литейной.
Прочь он ее отшвырнул, как ненужный, презренный обломок,
Кисть своей правой руки оставив на миг без прикрытья;
Хаген тот миг улучил и ее отрубил, торжествуя.
Свой не закончив размах, отважная пала десница:
Много народов, племен, королей перед ней трепетало,
В неисчислимых победах ее блистали трофеи.
Но непреклонный боец не хотел уступить неудаче.
Страшную боль победил он своею разумною волей,
Духом не пал ни на миг, и лицо его было спокойным.
Руку с обрубленной кистью в ремень щита он просунул,
Вырвал рукой уцелевшей тотчас кинжал он короткий –
Тот, что, как сказано раньше, висел на поясе справа, –
И за увечье свое отомстил жестокою карой –
Хагену правое око ударом он выколол метким
И от виска до губы кинжалом рассек ему щеку,
Выбив зубов коренных ему по три и сверху, и снизу.
После, как это случилось, жестокая кончилась битва.
Всем не хватало дыханья, и тяжкие раны велели
Всем им оружье сложить. Да и кто бы мог дальше сражаться,
Если такие герои, телесною равные силой,
Равные пламенным духом, сошлись и прошли сквозь сраженье?
Так закончился бой, и стяжал себе каждый награду:
Рядом лежали в траве нога короля и десница
Вальтера, и трепетал еще Хагена глаз. Поделили
Вот как они меж собой золотые наплечья аваров!
Двое присели на траву, а третий лежал без движенья.
Льющейся крови потоки они отирали цветами.
Девушку Вальтер окликнул, еще дрожавшую в страхе.
И, подойдя к ним, она перевязками боль утолила.
После ж, как все завершила, велел ей жених нареченный:
«Ну-ка, смешай нам вина и подай его Хагену первым!
Он – отличный боец, коли верности клятвы он держит.
Мне ты потом поднесешь – ведь больше я всех потрудился.

Гунтер же выпьет в последний черед – он слаб оказался
В битве, где храбрость и мощь великих мужей проявилась:
Марсу служит он плохо, и нет в нем огня боевого».
Все, как Вальтер велел, исполнила дочь Херирика.
Хаген, однако, не принял вина, хоть и мучился жаждой.
«Прежде, – сказал он, – вино жениху своему и владыке,
Алфера сыну, подай: признаю, что меня он храбрее,
Да и не только меня – он всех в бою превосходит».
Были язвительный Хаген и Вальтер, герой аквитанский,
Вовсе не сломлены духом, устало лишь мощное тело;
И, отдыхая от шума сраженья и грозных ударов,
В спор шутливый вступили, вином наполнивши кубки.
Франк промолвил: «Мой друг, отныне стрелять на охоте
Будешь оленей одних – тебе нужно немало перчаток.
Правую – вот мой совет – набивай ты шерстью помягче,
Тех, кто увечья не видел, поддельной рукой ты обманешь.
Что же ты скажешь? Увы! Отчизны обычай нарушив,
Будешь справа ты меч свой носить – это всякий увидит.
Если ж захочешь ты вдруг супругу обнять, то неужто
Стан ее охватить придется левой рукою?
Впрочем, короче скажу: за что бы теперь ты ни взялся,
Будешь всегда ты левшой». Но Хагену Вальтер ответил:
«Право, дивлюся, сикамбр[12] одноглазый, чего ты храбришься?
Буду оленей гонять – ты ж кабаньих клыков опасайся!
Слугам своим отдавать ты, кося лишь, сможешь приказы,
Взглядом косым лишь отряды бойцов ты приветствовать сможешь.
Старую дружбу храня, совет тебе дам я разумный:
Ты, как вернешься домой и очаг свой родимый увидишь,
Кашу свари из муки с молоком да заправь ее салом:
Будет она и пищей тебе, и полезным лекарством».
Так шутливою речью они свой союз обновили.
На руки взяв короля, изнуренного болью от раны,
Подняли вместе его на коня и друг с другом расстались.
Франки вернулись в Ворматий; родной страны аквитанской
Вальтер достиг и встречен там был с ликованьем и честью.
Вскоре свою с Хильдегундой он свадьбу справил по чину.
Был он всеми любим, и когда родитель скончался,
Десятилетия три он счастливо правил народом.
Вел ли он войны, и сколько, и много ль побед одержал он, –
Я написать не могу: перо уж мое притупилось.
Тот, кто это прочтет, милосердым да будет к цикаде[13]:
Голос ее не окреп и неопытен возраст незрелый,
Не покидала гнезда никогда и ввысь не взлетала.
Вот о Вальтере песнь. Иисус вам да будет спасеньем!

[1] Авары, жившие при Карле Великом на среднем Дунае, считались потомками древних гуннов.
[2] Арар – ныне Сона. Родан – ныне Рона;
[3] Кабиллон – ныне Шалон.
[4] Ворматия – ныне Вормс.
[5] Вазаг, или Возаг – ныне Вогезы.
[6] Темное место; мы даем буквальный перевод слов «Franci nebulones», наиболее вероятное значение – «пустые», «нестоящие» воины.
[7] Метт – ныне Мец в Лотарингии.
[8] Иберы (испанцы) и скотты (шотландцы) считались самыми западными народами Европы.
[9] Авсонийская земля – Италия.
[10] Тапробан – античное название Цейлона, считавшегося самой восточной окраиной населенной земли.
[11] Лев – кличка коня.
[12] Сикамбры – древнегерманское племя, иногда отождествляемое с позднейшими франками.
[13] Звонкая цикада как символ поэта – образ, традиционный для античной литературы.

Каролингские ритмы

*

«Каролингскими ритмами» принято называть большую группу стихотворений, написанных не традиционным метрическим, а упрощенным, ритмическим (силлабо-тоническим), стихом. Основная масса этих стихотворений относится к IX в., хотя первые образцы их принадлежат еще VIII в. – среди них, например, кантилена на победу Пипина, сына Карла Великого, над аварами в 796 г. Почти все эти стихи анонимны; если в «Стихе о битве при Фонтанете» и упоминается имя автора, некоего Ангильберта, то нам оно ничего не говорит. Родина этой поэзии, по-видимому, Италия: в этой стране, где еще сравнительно широким кругам городского населения был понятен латинский язык, а книжное образование было доступно не только клирикам, но и мирянам, сочинение ритмических стихов было самой общедоступной формой творчества. В Италии возник и приводимый здесь плач о кончине Карла Великого, с воззванием к св. Колумбану, покровителю монастыря Боббио. Из Италии эта поэзия распространилась и в заальпийские франкские области: по-видимому, она оказалась по плечу и для грамотных дружинников (вроде Ангильберта), и для местных клириков (вроде того, который сложил стих об анжерском аббате Адаме). Но всюду она оставалась поэзией низовой и почитателями школьной учености отвергалась с презрением.

Стихотворные размеры ритмической поэзии представляют собой имитацию метрических размеров. Наиболее популярен был 15-сложный стих, подражавший звучанию трохаического тетраметра (8-стопного хорея): этим размером написан «Стих о Фонтанете» и «Стих об Аквилее». Наряду с ним был в ходу 12-сложный стих, подражание ямбическому триметру (6-стопному ямбу): таков размер «Плача о Карле» и моденского стихотворения. Образцом ритмической имитации более сложных метров – сапфической строфы – может служить стихотворение о дурных священниках. Ритмические стихи обычно группировались строфами (часто – трехстишиями, как в «Фонтанете» и «Аквилее»), иногда сопровождались рефренами («Плач о Карле», «Стих об Адаме»), первые буквы строф часто образовывали алфавит (в переводе сохранен лишь в «Дурных священниках»). Рифма (обычно односложная, для нас мало заметная) использовалась сперва от случая к случаю, потом стала предметом сознательной заботы: так, в моденском стихотворении все строчки, за исключением одного перебоя, кончаются на «а» (в переводе Б.И. Ярхо – на «я»).

Правильность языка и четкость стиха сильно колеблются в зависимости от уровня образованности неизвестного автора. Особенно варварски обращаются с латинским языком стихотворения об Аквилее и об аббате Адаме. Примечательно, что реминисценций из античных поэтов в «ритмах» почти нет: они оставались достоянием ученых поэтов и не входили в круг чтения горожан и дружинников, образование которых ограничивалось Библией. Действительно, библейские реминисценции в «ритмах»

обильны и часто используются весьма искусно (например, в «Фонтанете»). Классической ученостью попытался блеснуть лишь итальянец, автор моденского стихотворения, но и там его отступление на тему из римской истории подкрашено фантазией.

Тематика «ритмов» – самая разнообразная. Наиболее многочисленны (и наименее интересны), как всегда, стихи на религиозные темы: «О Иакове и Иосифе», «О Юдифи и Олоферне», «О падении Иерусалима» и пр. Некоторые из них, написанные короткими строчками, уже предвещают стиль и пафос гимнов XII–XIII вв. Любопытны, но малопоэтичны обильные так называемые «компутистические ритмы» – переложенные в стихи правила арифметики и календарного счета. «Стих о битве при Фонтанете» может служить хорошим образцом воинской кантилены, а «Плач о Карле» – надгробного эпицедия: и там и тут к античной поэтической традиции примешиваются несомненные отголоски современной народной поэзии. «Ритмы», возникшие в Италии, обычно принимали форму славословия отдельным городам – первые образцы такого рода, с похвалами Вероне и Милану, относятся еще к VIII в. Славословие собственному городу легко переходило в поругание города-соперника: интереснейшим примером может служить стихотворение «Песнь об Аквилее, не заслуживающей восстановления» – отголосок раскола аквилейской диоцезы между кафедрами в Аквилее и в Градо; решением собора патриаршеской резиденцией была признана Аквилея, но автор «Песни», приверженец кафедры в Градо, не пожелал с этим примириться и поносит соперничающий город прошлом и настоящем. Сатирическая тематика «ритмов» представлена в настоящем разделе «Алфавитом о дурных священниках» (параллелью ему в рукописях служит «Алфавит о хороших священниках», значительно менее интересный). К ней примыкает «Стих об аббате Адаме» (о герое которого никаких иных сведений не сохранилось) – одиноко стоящий в своей эпохе образец сатирической песни в ритмах, предвещающий будущую поэзию вагантов.

Гимн Духу Святому

Приди, о Дух всезиждущий,
Твоих рабов возрадовав,
Исполни горней светлостью
Сердца, Тобой избранные!

О Параклит божественный,
Любовный дар Всевышнего,
Огнь горний, миро дивное
Таинственных помазаний!

Ты седьмиричен благостью,
Ты перст десницы Божией,
Ты речью правомочною
Гортани полнишь смертные.

Умы возвысь к служению,
Сердца зажги любовию,
Восполни немощь плотскую
Избытком мощи Божией!

Врага извергни древнего,
Дай радость мира тихого,
Дабы твоим водительством
Нам зол избегнуть пагубных!

Даруй богопознание,
Отца и Сына веденье,
В Тебя, из них исшедшего,
Вовеки веру крепкую!

Помилуй, Отче Благостный
И Сыне, слава Отчая,
Со Духом-утешителем
Вовеки миром правящий!

Гимн Деве Марии

О Звезда над зыбью,
Матерь Бога-Слова,
Ты вовеки дева,
Дщерь небес благая.

Знаменует «Аве»
Ангельского зова
Грешной имя Евы:
От грехов спаси нас!

Мир даруй заблудшим,
Свет открой незрячим,
Истреби в нас злое,
Ниспошли нам благо.

Не отринь нас, Матерь,
Заступись пред Сыном,
Для спасенья грешных
В мир тобой рожденным.

Дева без порока,
Меж благих благая,
Дай и нашим душам
Чистоту и благость,

Разреши от скверны,
Сбереги от ада,
Даруй светлость сердца,
Даруй радость в Боге.

Честь Отцу возносим,
Сыну шлем хваленье
И Святого Духа
Благочестно славим.

Плач о Карле Великом

1. С востока солнца до прибрежий западных
Плач сотрясает сердца верноподданных.
Горе мне, грешному!
2. Народов ратных полчища заморские
Грусть посетила, горесть превеликая.
Горе мне, грешному!
3. Римляне, франки, все христолюбивые
Полны печалью, тяжким воздыханием.
Горе мне, грешному!
4. Дети и старцы, святые епископы,
Матроны плачут о кончине кесаря.
Горе мне, грешному!
5. Не иссякают их потоки слезные:
Весь мир рыдает о гибели Карловой.
Горе мне, грешному!
6. Всем был отцом он: непорочным девушкам,
Вдовым и сирым и убогим странникам.
Горе мне, грешному!

7. Христе, ведущий воинства небесные,
Дай в Твоем царстве Карлу упокоиться!
Горе мне, грешному!
8. О том же молят христолюбцы верные,
Святые старцы, девы, вдовы горькие.
Горе мне, грешному!
9. Уже останки Карла-императора
Курганом скрыты, камнем с скорбной надписью.
Горе мне, грешному!
10. Святой Дух светлый, всем повелевающий,
Душе блаженной дай успокоение.
Горе мне, грешному!
11. О горе Риму и народу римскому,
Светлого света – Карла потерявшему!
Горе мне, грешному!
12. И ты восплачешь, о краса Италия,
Со всеми городами досточтимыми.
Горе мне, грешному!
13. Франкия[1], много злых бед претерпевшая[1],
Ввек не видала тягчайшего бедствия, –
Горе мне, грешному!
14. Чем в час, в который Карла, словом сильного,
Средь Аквисграна[2] тело праху предали.
Горе мне, грешному!
15. Ночь принесла мне злые сновидения,
А день лишился своего сияния, –
Горе мне, грешному!
16. Тот день, что предал смерти достославного
Вождя народов мира христианского.
Горе мне, грешному!
17. О Колумбане[3]! Усмири рыдания
Взнеси моленья за него ко Господу.
Горе мне, грешному!
18. Отец вселенной, Господь милостивейший,
Пусть уготовит Карлу место светлое.
Горе мне, грешному!
19. О Боже ратей, и земного воинства,
И царств небесных, и подземных Господи!
Горе мне, грешному!
20. Престол пресветлый вкупе со апостолы
О Христе, даруй Карлу благоверному.
Горе мне, грешному!

Стих о битве при Фонтанете

1. Чуть Аврора первым светом черный мрак развеяла,
Не суббота воссияла, а Сатурна трапеза[4]:
От раздора братьев Демон нечестивый тешится.

2. С двух сторон скликают к битве, началось побоище;
Братья братьям смерть готовят, а дядья племянникам;
Даже сын к отцу родному позабыл привязанность.

3. Бойни не было подобной и на поле Марсовом[5].
Христиан обычай попран злым кровопролитием.
Преисподняя ликует, рады глотки Цербера.

4. Лотаря десница Божья защитила мощная.
Сам он бился, победитель, гордой дланью доблестно:
Если все бы так сражались, мир настал бы вскорости[6].

5. Но как в оны дни Иуда изменил Спасителю,
Так тебя, король, твои же полководцы предали.
Берегись, о агнец, бойся козней волка лютого!

6. Фонтанетом ключ и место прозваны крестьянами,
Где все поле пораженья кровью франков полито.
В страхе нива, в страхе роща, и болота в ужасе.

7. Пусть роса и дождь не мочат трав на оном поприще[7],
Где храбрейшие погибли, опытные воины,
По ком плачут братья, сестры, други и родители.

8. Злое дело, что ныне описал ритмически,
Сам я, Ангильберт, все видел, среди прочих ратуя:
Я один в живых остался из передних латников.

9. Поглядел я вниз, в долину, и на склоны верхние,
Где Лотарь, король могучий, поражая недругов,
Сам преследовал бегущих до речного берега.

10. Вот поля обеих ратей, Карла и Людовика,
Полотняными белеют платьями покойников,
Как по осени, бывало, полчищами птичьими.

11. Недостойна битва славы и хвалений песенных.
От полудня к аквилону, от востока к западу
Пусть оплачут тех, кто пали в этой битве мертвыми.

12. Пусть же будет день тот проклят и из года вычеркнут,
Пусть исчезнет и заглохнет и сотрется в памяти,
Пусть не знает света солнца и зари мерцания.

13. О, та ночь, та ночь презлая и из всех тягчайшая,
Как храбрейшие погибли, опытные воины,
По ком плачут братья, сестры, други и родители!

14. О печаль и сокрушенье! Мертвые обобраны,
Их тела терзают коршун, ворон, волк безжалостно.
Ужас! Нет им погребенья, без покрова брошены.

15. Причитаний и рыданий силы нет описывать.
Пусть же всякий, сколь возможно, сдержит токи слезные;
Все за души убиенных Господу помолимся.

Молитва о сохранении моденских стен, возведенных епископом Леудоином[8]

О ты, хранящий эти укрепления,
С оружьем бодрствуй и не спи, молю тебя!
Покуда Гектор Троей правил, бодрствуя,
Ее коварно не сразила Греция.
Чуть задремала ночью Троя сонная,
Лжецом Синоном вскрыта дверь обманная:
Вниз по канату дружина сокрытая
Стремится в город, стогна жжет пергамские.
Сторожким криком от твердыни Ромула
Белая птица галлов встарь отбросила.
Марк Манлий, консул, гаканьем разбуженный,
Проснулся первым, муж, в заботах доблестный;
Первого галла, на стену взошедшего,
Щитом ударив, он пронзил несчастного.
Та птица-сторож – причина спасения
Капитолийцев, галлам ненавистная.
Из серебра ей статуя поставлена[9]
И как богиня у римлян прославлена.
Мы же восславим Вышнего Спасителя,

Ему несем мы звонкие хваления,
В Его защиту царственную веруя,
И так в восторге воспоем мы, бодрствуя:
Храни, о мира Оборона горняя,
Своим покровом эти укрепления!
Будь для своих Ты стеной неприступною,
А супостатам вражьей силой грозною.
С подобным стражем не страшны нам бедствия:
Ты отвращаешь всю силу оружия!
Ты охраняешь эти укрепления,
За них сулицей мощной ратоборствуя.
Ты защити нас, Мария пресветлая,
О Феотокос[10], с помощью Крестителя,
Вы, чьей святыне здесь мы поклоняемся,
Кому и храмы Божьи посвящаются.
С Иоанном крепнет рука для сражения,
А без него нет силы у оружия.
Смелая юность, сила наша ратная!
Вкруг стен пусть льются ваши песнопения,
У стен пусть будет стража переменная,
Храня от вражьих козней укрепления.
Пусть «Эйа, бодрствуй, друже!» всюду слышится,
И «Эйа, бодрствуй!» – эхо откликается.

Молитва к святому Геминиану об отвращении венгров от Модены

О муж Господень, дивный исповедниче,
Геминиане, вознеси моление,
Да бич сей страшный, нами столь заслуженный,
От нас небесной отвратится милостью!
Во дни Аттилы ты возмог властительно
Врата отверзнуть, вызволить униженных;
К твоей же силе ныне припадаем мы:
Избави грешных от копья венгерского!
Святые мужи, плачьтеся ко Господу,
Тепло просите нам от Бога помощи.

Или же так, еще изряднее:
О муж Господень, дивный исповедниче,
Геминиане, испроси и вымоли,
Да бич ужасный наших скверн усердною

Был отведен от нас небесной помощью!
Во дни Аттилы ты возмог властительно,
Врата отверзнув, вызволить униженных;
К тебе взываем: той же благодатию
Избави грешных от копья венгерского!
О нас молите Бога, рати горние,
И нас небесной укрепите силою,
От Господа...

Песнь об Аквилее, не заслуживающей восстановления

1. Аквилея, город славный, знаменитый некогда,
Мощный в битвах и триумфах, стольный град Венетии,
Ты, что Аттилой свирепым срыт до основания![11]

2. Мы же молим на коленях вашей доброй милости,
Чтоб ей властью августейшей прежней силы не дали,
Благоволенья лишенной, князья августейшие.

3. Небожители, что в вышних Агнца убиенного
Почитают, прославляют пред престолом ревностно,
Теперь скорбят о той, что сами посвятили Господу.

4. Божьей волей после Рима первым из апостолов,
Петром, призвана к крещенью через сына милого,
Марка, что позже составил святое Евангелье.

5. Избранника Гермахора к Петру посылает он[12]
И просит его поставить аквилейским пастырем;
Сам затем в Александрию за море отправился,

6. Град же сей своею кровью освятил, умученный;
За учителем же вскоре Фортунат последовал,
Затем Иларий, а после Татиан, сподвижник их.

7. Многих мученики к Богу привели примерами,
Коим следуя, ученье веры католической
Непрерывно укрепляли добрые епископы.

8. Аквилея ж, на вершине славы благоденствуя,
Беззакониями злыми оскорбила Господа,
Чем погибель заслужила от руки язычников.

9. Се недобрым мерзким обрам под ноги подвержена!
Убивают и иереев, гибнут благородные,
В рабство и девы, и жены, и матери угнаны.

10. Повсеместно погибает вся знать именитая,
Нет епископства былого, срыты укрепления!
Лишь священниками вера держалась в Венетии.

11. Славный род венецианцев, знаменитый исстари,
Превосходит все народы праведными нравами,
Непорочный, правдой прочный, борется с лукавыми.

12. Зло на зло нагромождая, мерзости на мерзости,
Аквилея жестким сердцем, скверною объятая,
С наущенья сил подземных поклонилась демонам.

13. О племя, земле и небу равно ненавистное,
Ты подобно оным черным легионам дьяволов,
Вогнанных в свиней и в море Спасителем вверженных.

14. За упорное лукавство и за козни гнусные
Ныне змеи и лягушки там живут в болотинах.
Место Божье позабыто и людьми заброшено.

15. Выгнав готов, лангобарды заняли Италию,
Не допущенные Богом к познанию истины[13];
При них же аббат-отступник Иоанн орудовал[14].

16. Он нечестье на нечестье громоздил бессовестно;
Наследуя апостатов, оттесненных ересям,
Первый надвое разрезал он церковь единую.

17. Так Иеровоам коварный поступал в Израиле,
Утерявший храм Господень, тельцам поклонявшийся,
Коих отлил он из злата, царь богоотступнейший[15].

18. Вероломный и преступный, у отца Вивенция
Тот же Иоанн безбожный в Фриульской епархии,
Мятежной и непокорной, силой вырвал кафедру.

19. Надменный, с помощью судей жадных и неправедных,
Лангобардов или готов, сверг он правосудие,
А затем и сам погиб он гибелью изменников.

20. Между тем по воле Божьей и князя апостолов
Франконцам-господолюбцам в руки благоверные,
Унизив несправедливых, отдалась Италия.

21. Тьмою лживых обещаний яда преисполненный,
Упросил Максенций Карла, короля великого,
Чтобы он в его владенье отдал всю Далмацию.

22. Но затем на стол отцовский со Христовой помощью
Сел Людовик – император наиправославнейший,
Ложь открыл, и патриарха низложил Максенция.

23. А с тех пор, как с ним великий сын Лотарий власть приял,
Стоит гимна справедливость, каждый раз царившая,
Как Максенций ядовитый снова призываем был.

24. Пусть Людовик, Бога ради, и Лотарь, отец его,
Не позволят Аквилее, дав ей патриаршество,
Порождая ложь, бороться вновь со справедливостью.

25. О пресветлое единство, триединство Троицы,
Дай сломить нам аквилейцев племя вероломное,
Чтобы тем князей возвысить в выси бесконечные.

Алфавит дурных священников

1. Ах, кто даст влагу для ручьев очей моих[16]
Чтоб мне оплакать иереев нынешних,
Жизни духовной верный путь оставивших,
Гнусные нравы?
2. Благий найдется ль ныне меж священников
И верный пастырь, что и жизнь отдать готов
Для блага стада? Но полны наемников
Пастбища Божьи[17].
3. Выгоду только бренную преследуют,
Мирской заботы все соблазны ведают,
Укусам волчьим бросив безответную
Паству Христову.
4. Господней догмы тайны сокровенные
Кто Божьим людям откроет, беседуя,
И кто насытит души их голодные
Пищей словесной?

5. Да, совершилось мудрое прозрение[18]:
Слово пророка, что пребудут людие
Аки священник. Все мы в дни последние
Сердцем убоги.

6. Ей, узреваем: глагол исполняется[19],
Соль жизни нашей ныне ослабляется,
И мы трепещем, что совсем иссыплется,
Став непригодной.

7. Жаждут достигнуть мест и высшей почести[20]
Не с тем, чтоб молвить людям слово мудрости,
А чтоб кичиться в окруженьи челяди
С большим почетом.

8. Здесь милость неба, задаром приятую,
Дают не даром, гонятся за платою,
И не боятся жизнь вести проклятую,
Как оный Симон.

9. И вовсе нету тех, у коих светочи
В руках пылают, ближних зажигаючи,
Но блудно ходят и не препоясавши
Чресел распутных.

10. Когда бы надо дать подмогу страждущим,
Дать облегченье в скорби изнывающим,
Их злее давят и разят карающим
Громом словесным.

11. Любовь, сей высший из даров Божественных,
Чужда им вовсе: презирают подданных
И отвергают бездомных и немощных
Гордые духом.

12. Меж них не видно, кто б дал руку помощи
Больным, разбитым, кто б недужных вылечил.
Коль не исправишь нас, Царь справедливейший,
Все мы погибли.

13. Нивы Господни усеяны злаками,
Жнецов же нету, чтобы жатву вывезти.
Христе, пусть выйдут в поля Твои трудники,
Слезно мы молим.

14. О личном благе пастыри заботятся,
Без стражи бросив паству, без рачения:
Так злая порча, мрачная и бледная,
Всех обуяла.

15. Приидет скоро с неба Пастырь пастырей:
Что сотворите, пастухи, ответствуйте,
Вы, что врученной паствы не лелеете,
Алчные к тлену?

16. Раб, схоронивший талант препорученный,
В землю, томится, пламенем снедаемый.
Что ж не боится той же кары – движимый
Тем же примером?
17. Стригущим бедных никто не противится:
Псы онемели, лаять разучилися.
То – иереи, о каких провиденья
Древних глаголют.
18. Так даже если нечто от Писания
Люди вещают, то не для спасения,
А лишь для славы суетной стяжания
Так поступают.
19. Узри, Единый сын Отца Всевышнего,
О Пастырь добрый, наши беды ласково,
Утешь скорбящих и восставь лежачего,
Да не погибнем.
20. Фрукты и злаки прежние не выросли
На нашей почве – злые ветры дунули.
Мир, отягченный невзгодами многими,
К гибели близок.
21. Хулу сними Ты с имени священников,
Ныне живущих средь суетных происков.
Из них соделай Ты верных прислужников,
Царь Олимпийский!
22. Царю пусть гимны и псалмы поют они,
Чтоб вновь дороги верной не покинули,
И не ходили б по пути погибели
Снова, как прежде,
23. Чтоб свежим пылом вновь они исполнились,
Чтоб об овчарне вновь они заботились
И чтоб с тобою приять удостоились
Радости Царства.

Стих об аббате Адаме

В Андегавах[21] есть аббат прославленный,
Имя носит средь людей он первое[22]:
Говорят, он славен винопитием
Всех превыше андегавских жителей.
Эйа,эйа,эйа,славу,
эйа, славу поем мы Бахусу.

Пить он любит, не смущаясь временем:
Дня и ночи ни одной не минется,
Чтоб, упившись влагой, не качался он,
Аки древо, ветрами колеблемо.
Эйа, эйа, эйа, славу,
эйа, славу поем мы Бахусу.

Он имеет тело неистленное,
Умащенный винами, как алоэ,
И, как миррой кожи сохраняются,
Так вином он весь набальзамирован.
Эйа, эйа, эйа, славу,
эйа, славу поем мы Бахусу.

Он и кубком брезгует, и чашами,
Чтобы выпить с полным удовольствием;
Но горшками цедит и кувшинами,
А из оных – наивеличайшими.
Эйа, эйа, эйа, славу,
эйа, славу поем мы Бахусу.

Коль умрет он, в Андегавах-городе
Не найдется никого, подобного
Мужу, вечно поглощать способному,
Чьи дела вы памятуйте, граждане.
Эйа, эйа, эйа, славу,
эйа, славу поем мы Бахусу.

[1] Франкия – вся франкская держава.

[2] Аквисгран – латинское название Ахена, столицы Карла.

[3] Колумбан – ирландский миссионер, был основателем знаменитого монастыря Боббио в Ломбардии (614 г.). Судя по этому воззванию и по упоминанию «досточтимых городов» в строфе 12, стихотворение возникло в Италии.

[4] Суббота – день Сатурна, пожирателя собственных детей.

[5] Неверное осмысление античного понятия: в действительности Марсово поле в Риме было не местом битвы, а местом народных собраний.

[6] Ср.: «Лотарь во всеоружии бросился в самую гущу врагов, видя, что его войска побеждены и бегут вокруг него повсюду; и не было покоя мечам, рассекающим члены. Ворвавшись, как сказано, в середину вражеского войска, не имея подле себя никого, кто мог бы подать ему помощь, “смело один под копье поверг он трупов немало...”» Один победил он в сражении, но все его воины обратились в бегство. Сидя на косматом скакуне, украшенном расписной пурпурной сбруей, шпорами подгонял он коня, поражая ударами неприятелей. Если бы против врага стояло только десять ему подобных, не была бы разделена империя и не сидело бы столько королей на престолах» (Агнелл, Книга иереев Равеннской церкви, 174): Агнелл – тоже современник битвы; в Италии, по-видимому, мнение о Лотаре было единогласно (*примечание Б.И. Ярхо*).

[7] Цар 19, 1, 2 (плач Давида над Авессаломом); в Библии это место тоже повторяется дважды.

[8] Сохранилась грамота короля Гвидона от 892 г., разрешающая моденскому епископу Леудоину (ум. 898) построить стену в миле вокруг городского собора; если стихотворение относится к этому событию, то «городские стены» – явная гипербола.

[9] О том, «как гуси Рим спасли», рассказывается у Ливия (V, 47); но ни о какой серебряной статуе там речи нет.

[10] Феотокос (*греч.*) – Богородица; странно, что в стихотворении говорится не о патроне собора и всей Модены, св. Геминиане, а о патронах другой моденской церкви, Марии и Иоанне Крестителе.

[11] Аквилея была разрушена Аттилой в 452 г.; автор стихотворения (как и многие его современники) отождествляет гуннов с аварами («обры» в строфе 9).

[12] Первый патриарх Аквилеи, Гермахор, был избран новообращенными жителями по побуждению апостола Марка, патрона всей Венетийской области, и получил утверждение в Риме от св. Петра.

[13] Лангобарды были арианами.

[14] Речь идет о расколе 606 г., когда в Аквилее по приказанию герцога-арианина был поставлен патриархом Иоанн, а фриульские католики выбрали себе в Градо другого епископа.

[15] Цар 3, 12, 28.

[16] Ср. Иер 9, 1.

[17] От Ин 10, 11.

[18] Ис 24, 2.

[19] Мф 5, 13. Все стихотворение наполнено библейскими и евангельскими реминисценциями: см. строфы 8 (Мф 10, 8), 9 (Лк 12, 35), 13 (Лк 10, 2), 16 (Мф 25, 25–30), 17 (Ис 56, 10), 19 (Пс 144, 14). Любопытно, что несмотря на это, в строфе 21 христианский Бог именуется «царем Олимпийским».

[20] Порядок строф в переводе отступает от подлинника: в подлиннике он следующий: 6, 8, 7, 10, 11, 9, 13, 12, 14–18, 20, 19, 21–23.

[21] Андегавы – Анжер.

[22] Т.е. имя первого человека на земле – Адама.

Содержание

*

Памятники средневековой латинской литературы

Sicut lux laetificat oculos, ita lectio corda

Памятники средневековой латинской литературы

*

VIII–IX века

НАУКА

Sicut lux laetificat oculos, ita lectio corda

Памятники средневековой латинской литературы

*

VIII–IX века

ISBN 5-02-033919-9

9 785020 339194

НАУКА